

Н. И. ПАВЛЕНКО

ИСТОРИЯ
МЕТАЛЛУРГИИ
в РОССИИ
XVIII ВЕКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт истории

Н.И.ПАВЛЕНКО

ИСТОРИЯ
МЕТАЛЛУРГИИ
в РОССИИ
XVIII ВЕКА

Заводы и заводоуправляющие

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва • 1962

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
А.А.НОВОСЕЛЬСКИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее исследование является продолжением монографии «Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в.», опубликованной в 1953 г. С тех пор автор не прекращал своих занятий по истории русской металлургии и опубликовал на эту тему свыше десяти статей, частично использованных в настоящем труде¹.

Обилие материала, преимущественно архивного и еще не введенного в научный оборот, показало, что использовать его в одной монографии не представляется целесообразным. Отсюда возникла необходимость разделить все исследование на три части, первая из которых предлагается вниманию читателя.

При работе в архивах Москвы, Ленинграда, Свердловска, Перми, Калуги и Тулы автор с благодарностью принимал помощь архивных сотрудников. Особенную признательность хочется выразить великолепному знатоку фондов центральных учреждений ЦГАДА Р. Г. Королевой, чьи квалифицированные советы значительно ускорили выявление и обработку материалов, а также Т. С. Ивановой, оказывавшей помощь в обеспечении необходимым материалом.

В процессе подготовки монографии к печати автор воспользовался ценными замечаниями акад. С. Г. Струмилина, акад. Н. М. Дружинина, В. К. Яцунского, В. Н. Яковцевского, а также сотрудников сектора истории СССР периода феодализма Института истории АН СССР Н. В. Устюгова, Б. Б. Кафенгауза, А. И. Андрущенко, Е. Н. Кушевой, М. М. Штранге и А. П. Бажовой.

¹ «Из истории социально-экономических требований русской буржуазии во второй половине XVIII в.» — «Исторические записки», т. 59; «О происхождении капиталов, вложенных в металлургию России XVIII в.» — «Исторические записки», т. 62; «Одворянивание русской буржуазии в XVIII в.» — «История СССР», 1961, № 2, и др.

1. Дореволюционная и советская историография о металлургии России XVIII столетия.

Задачи исследования

Историография металлургической промышленности России насчитывает более двухсот лет существования. Публицисты и прожектеры, географы и экономисты, являвшиеся свидетелями поразительно быстрых успехов в развитии промышленности, как в работах публицистического содержания, так и в специальных трудах отмечали бурный рост мануфактурного производства. Известный деятель петровского времени П. П. Шафиров, констатируя распространение в России «художеств и рукоделий», писал о появлении таких отраслей производства, о которых «и имяни прежде сего в России мало слыхано»¹. Кн. М. М. Щербатов, относившийся критически к петровским преобразованиям и не все в них принимавший, все же должен был отметить, что до Петра в России «не было ни фабрик, ни рукоделий и простейшие вещи получали от чужестранных». Осуждая самовластие Петра, Щербатов в то же время признавал, что благодаря принудительным мерам царя промышленность достигла такого уровня развития, который, по его расчетам, при других условиях мог бы быть достигнут лет через полтора². Об успехах промышленности и торговли писали В. Н. Татищев, И. И. Голиков и др.

Первым трудом, содержащим, помимо общих оценок, конкретный материал о металлургических заводах России, было историко-статистическое и экономико-географическое исследование обер-секретаря Сената И. К. Кириллова с длинным и витиеватым названием: «Цветущее состояние Всероссийского государства, в каковое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий, отец отечества, император и самодержец всероссийский и прочая и прочая и прочая». Свое сочинение Кириллов завершил в 1727 г., а опубликовано оно было 100 с лишним лет спустя, в 1831 г.³

¹ П. П. Шафиров. Рассуждение о причинах Свейской войны. СПб., 1722, стр. 15.

² М. М. Щербатов. Состояние России до Петра Великого. «ОИДР», 1860, кн. I, стр. 24, 28.

³ И. К. Кириллов. Цветущее состояние... СПб., 1831.

Это ценное сочинение вплоть до 1940-х годов являлось основным источником для разработки истории как легкой, так и металлургической промышленности России петровского времени. Оценка сочинения, данная еще его издателем Погодиным, признавалась правильной до последнего времени. Он писал, что «Цветущее состояние» содержит «в себе любопытное верное описание петровской России». Авторитет сочинения Кириллова был несколько поколеблен лишь в недавние годы, когда историки обратились к архивным материалам и получили возможность проверить правильность сообщаемых Кирилловым сведений.

В чем же погрешности «Цветущего состояния» как исторического источника? Одну из них отчетливо сознавал сам И. К. Кириллов, когда в предисловии к своему сочинению предупреждал, что на точность и подробность сообщаемых им сведений положиться нельзя, ибо «сколько в Сенате и в разных коллегиях и канцеляриях известий сыскаться могло, из того и выбирана». Этим автор подчеркивал свою зависимость от наличия проверенных материалов в канцеляриях Сената и центральных учреждений. Например, ведомости Берг-коллегии, а за ними И. К. Кириллов не всегда отличали действующие, реально существовавшие предприятия от намечавшихся к постройке, но никогда не построенных. Кроме того, в книге, как и в источнике, которым пользовался автор, не всегда проведено различие между вододействующими заводами, являвшимися мануфактурами, и мелкими предприятиями ремесленного типа. В одних случаях ручные горны выделены из числа вододействующих предприятий, в других ручной горн и вододействующее предприятие объединены общим названием завода или заводов. О казенных заводах, сведения о которых немного точнее и подробнее, чем о частных, иногда помещены ошибочные данные. Например, казенный завод на Урале, переданный в 1702 г. комиссару Н. Демидову, первоначально имел два названия: в одних источниках он значился Федьковским, в других — Невьянским. Автор же «Цветущего состояния» ошибочно полагал, что это два отдельных предприятия⁴. Напротив, боярину Л. К. Нарышкину и его наследникам в петровское время принадлежало несколько предприятий, а Кириллов пишет о них как об одном заводе⁵.

Эти примеры приведены здесь, чтобы показать, что сообщаемыми Кирилловым сведениями следует пользоваться с известной осторожностью. Историки на основании этих сведений насчитали 233 мануфактуры, в то время как по более точным данным, с привлечением других источников, их было около 200.

⁴ Там же, кн. 2, стр. 71.

⁵ Там же, кн. 1, стр. 122.

Наконец, у Кириллова приведены ошибочные названия некоторых предприятий. Этот дефект рукописи отчетливо сознавал даже ее издатель, писавший в предисловии ко второй книге: «Жалею, что не мог издать его с подлинника, истлевающего в каком-нибудь архиве, а должен был ограничиться одним списком не без ошибок, хотя не важных, не отнимающих главного, существенного достоинства у сочинения — в собственных именах, словах иностранных, числах, из коих слагаемые несходны иногда с суммами». В качестве примера можно сослаться на тот факт, что Тагильский завод в «Цветущем состоянии» назван Ташинским, а Шуралинский — Шурлинским⁶ и др.

Издатель, однако, прав в том отношении, что перечисленные здесь недостатки не отнимают «главного, существенного достоинства у сочинения». Оно все же дает представление об успехах, достигнутых в развитии промышленности и торговли, в строительстве армии и флота, распространении просвещения.

Еще более плачевной была судьба другого сочинения, написанного сподвижником Петра в области промышленного строительства В. И. Генниным. Если рукопись Кириллова была опубликована лишь спустя 104 года после ее написания, то рукопись Геннина ждала печатного станка два столетия и была полностью издана только в 1937 г.⁷

Если труд Кириллова затрагивал широкий круг вопросов и являлся экономико-географической энциклопедией того времени, то сочинение Геннина относится к числу первых специальных сочинений по истории и современному состоянию уральской металлургии. Оно положило начало многочисленным описаниям горных заводов, проводившимся должностными лицами в XVIII и начале XIX в. Автор первого описания уральских заводов Вилим Иванович Геннин считался крупнейшим знатоком горного дела в России первой половины XVIII в. На Урал Геннин прибыл в 1722 г. уже знающим инженером, имея многолетний опыт строительства и эксплуатации металлургических заводов в Олонецком крае. В годы пребывания на Урале во главе горной администрации (1722—1734) Геннин развернул бурное строительство казенных заводов. Таким образом, составленное им описание имеет иную источниковедческую базу, чем сочинение Кириллова. Это не только результат обработки официальных документов, но и свидетельство активного участника событий, хорошо осведомленного как о значительных фактах из горной жизни, так и о мелких деталях. Следует так-

⁶ И. К. Кириллов. Цветущее состояние..., СПб., 1831, кн. 2, стр. 71.

⁷ В. И. Геннин. Описание уральских и сибирских заводов. М., 1937. (Отрывки были опубликованы в «Горном журнале», 1828, № 7—12). Отнесение работ И. К. Кириллова, В. И. Геннина и других современников к историческим сочинениям является условным. С равным основанием такого рода работы можно отнести и к источникам.

же учесть, что «Описанию» предшествовала тщательная и длительная подготовка. Геннин покинул Урал осенью 1734 г., а подготовку к написанию своего труда начал за пять лет до этого. Не ограничиваясь личными наблюдениями, он собирал им же самим составленные инструкции заводским управителям, сведения по истории возникновения заводов, открытий рудников и т. д. 3 мая 1729 г. Геннин, находясь в Соли Камской, приказал Сибирскому Обер-берг-амту собирать сведения о том, «кем и в которых местах в Сибири найдена железная и потом медная руда», что и когда построено за годы его пребывания на Урале и «в каком коште стали и прочее, что прилично к истории и достойно памяти того железного дела». В следующем году Геннин, будучи в Москве, вновь напоминает Сибирскому Обер-берг-амту о сборе необходимых материалов: «Планы, прощепки и чертежи и приличное к истории, ежели совсем окончено, то собрав все, немедленно прислать сюда с нарочным, а буде оные еще не в готовности, то как возможно поспешить». Из этого же предписания явствует, что инициатором составления сочинения являлся Сенат, прилагавший «немалое понуждение» к завершению работы, «понеже,— писал В. И. Геннин,— надлежит мне отдать е. и. в.»⁸. Все это придает труду Геннина значение первостепенного источника как для изучения истории техники, так и для исследования социальных отношений. Для современников рукопись Геннина имела практическое значение, являясь настольным руководством металлургов XVIII в. Вместе с тем «Описание» имеет существенный недостаток, обусловленный личными качествами автора.

Мы далеки от недооценки роли технической мысли и производственных навыков инженеров и рабочих в строительстве и эксплуатации заводов. Но, признавая заслуги Геннина в развитии отечественной металлургии, нельзя не отметить необычное даже для XVIII в. пристрастие его к саморекламе. Достаточно беглого знакомства с доношениями Геннина Апраксину, отправленными в период пребывания первого на Олонце, чтобы обнаружить чрезмерное подчеркивание роли собственной персоны в том или ином деле. То он «выдумал и сделал новую машину водяную», обслуживаемую тремя человеками вместо 40, то будто бы настолько облегчил жизнь олонцевских крестьян, что «многое число Олонцкого уезда мужиков пришло жить с иных уездов», то, забыв об этом, хвастался диаметрально противоположным — тем, что якобы «без раззорения в народе» увеличил за четыре года доходы казны по сравнению со своим предшественником на 28 927 руб., то писал об изготовлении

⁸ ГАСО, ф. Уральского горного управления, оп. 1, д. 222, лл. 1—2; оп. 12, д. 35, л. 455 (Выражаю признательность ст. научному сотруднику архива А. Г. Козлову за копии документов, использованных здесь.— Н. П.).

двух кортиков такого мастерства, что никто таких и «за морем не видал». Все эти хвастливые заявления о личных заслугах, столь характерные для деятелей XVIII в., делались честолюбивым Генниным в надежде, что его «трудишки» не будут забыты при представлении к очередному званию или при определении размера жалованья⁹.

В еще большей степени эта черта прослеживается в «Описании», предназначавшемся для поднесения императрице Анне Иоанновне и являвшемся своеобразным отчетом о 12-летней деятельности Геннина на Урале. Отсюда стремление показать «товар лицом», выпятить свое значение в строительстве и реконструкции уральских заводов. Даже выбор места для Верхисетского завода и Екатеринбурга, произведенный, как известно, В. Н. Татищевым, Геннин приписывал себе: он «усмотрел вновь при реке Исете (которая течение имеет из озера, называемого Исетцкого), от оных Уктусских заводов удобное место к строению завода»¹⁰.

Содержание своего труда довольно пространно определил сам Геннин. Там помещены «окуратные ландкарты» заводов и рудников, чертежи плотин и указания, «как плотины и каждую фабрику с фундамента строить», сколько для этого требуется припасов, сведения о реконструкции старых предприятий, о качестве руды, о заводских штатах, числе приписных крестьян, об оплате труда и т. д. Вместе с этим Геннин сообщает разнообразные сведения, «приличные», по его мнению, «к гистории о сибирских, пермских и кунгурских е. и. в. казенных медных заводах и при оных разных фабриках и рудниках».

После обстоятельной характеристики природных ресурсов Урала Геннин переходит к подробному описанию Екатеринбургского завода. Этому предприятию он уделяет пристальное внимание потому, что в промышленном хозяйстве казны на Урале ему отводилась образцово-показательная роль.

Видное место в описании Екатеринбургского завода и его цехов занимают вопросы технологии и промышленного строительства (основы плотинного дела, плавки чугуна,ковки железа, лужения жести, изготовления уклада, проволоки, кирпича, угля и т. д.). Сведения об остальных казенных заводах менее подробны.

Иное освещение получили частные заводы. Сведения о них порою настолько скудны, что не идут ни в какое сравнение с тем, что говорится о казенных предприятиях. Эта особенность рукописи вполне закономерна. Дело в том, что источники значительно скуднее отражали историю частных заводов, чем казенных. Если в фондах учреждений горной администрации

⁹ «Материалы для истории казенного горного дела в Олонецком крае», Петрозаводск, 1902, стр. 24, 33, 53, 67, 83.

¹⁰ В. И. Геннин. Указ. соч., стр. 75.

можно без особого труда разыскать сведения о себестоимости продукции, о затратах на ту или иную производственную операцию, получить точные данные о числе рабочих, о количестве готовой продукции и ее расходе, то частные промышленники, сколь настойчивой ни была горная администрация, под разными предложениями уклонялись от представления такого рода сведений или в лучшем случае отделялись общими фразами.

Подробнее всего Геннин описывает заводы Демидовых и Строгановых. Прочие заводы Урала лишь перечислены.

Отмеченные здесь недостатки «Описания» не отнимают у него репутации ценнейшего источника по истории уральской металлургии в первой трети XVIII в. К сожалению, этот уникальный источник до сих пор должным образом не использован. На его основе написано ценное исследование по истории техники¹¹. Однако социальные вопросы, отраженные в «Описании», еще не подвергались монографическому исследованию и изучены лишь мимоходом.

Следующее сочинение по истории металлургии было написано 30 лет спустя и связано с работой Горной комиссии, созданной указом Екатерины II 18 июля 1765 г., после подавления волнений уральских крестьян, приписанных к частным металлургическим заводам. За время своего существования с июля 1765 г. по 30 января 1767 г. Горная комиссия составила ряд документов, среди которых несомненную ценность представляет «Гисторическое предуведомление о начальном заведении и поныне продолжающемся рудокопном промысле». Его составление осуществлялось под руководством генерал-поручика И. И. Веймарна.

Вся история металлургии от возникновения в России первых вододействующих заводов до создания Горной комиссии разбита на четыре периода. В качестве граней между периодами взяты важнейшие акты горного законодательства. Первый период, наиболее продолжительный, начинается с 1628 г., когда горнорудному делу было положено «малое и несовершенное начало», заканчивается 1719 г., т. е. перед опубликованием Берг-привилегии¹². Второй период продолжался «от обнародования в 1719 г. Берг-привилегии, яко первого о рудокопных и заводских делах бывшего фундаментального закона, по воспоследовании в 1739 г., марта, 3-го дня, публикации Берг-регламента»¹³. Третий период наступает «от обнародования в 1739 г. Берг-регламента по воспоследовании в 1757 г. роздачи ис казенных в партикулярное содержание заводов»¹⁴. Наконец,

¹¹ Н. Бакланов. Техника металлургического производства XVIII в. на Урале. М., 1935.

¹² ЦГАДА, ф. Сената, кн. 1534, т. VII, л. 35.

¹³ Там же, л. 49.

¹⁴ Там же, л. 75.

четвертый период, самый короткий, начался «от роздачи в 1757 г. казенных заводов в партикулярное содержание, продолжаясь на девять лет по ныне настоящее время»¹⁵.

Текст каждого из разделов (периодов) разделен на три параграфа с совершенно одинаковыми названиями: первый параграф во всех разделах рассматривает структуру горной администрации; второй параграф, развивая идею решающего влияния администрации и законодательных актов на темпы развития горной промышленности, рассматривает, «какие в тех рудокопных делах основания, перемены, узаконении и учреждении состояли». Третий параграф является основным, поскольку в нем изложен материал, освещающий непосредственно историю горнорудной промышленности: сколько и в каких губерниях за рассматриваемый период построено частных и казенных заводов, сколько заводов за это же время прекратило работу, каковы затраты на строительство предприятий, сколько приписано государственных крестьян, сколько получено прибыли в виде десятины, взимаемой с частных промышленников, и реализации продукции казенных заводов.

Даже при поверхностном ознакомлении с текстом «Гисторического предуведомления» легко улавливается концепция его авторов, цель написания этого труда. Авторы повсюду подчеркивают определяющее влияние горных учреждений и правительственного законодательства на развитие горнорудной промышленности. В первый период, когда «определенные к сим делам начальные люди и места сами в том ни малейшего знания и искусства не имели», успехов в строительстве промышленности «ниже уповать, ниже и ожидать было не можно».

Новый этап в развитии горной промышленности России начинается со времени организации Берг-коллегии и опубликования Берг-привилегии, когда «всемерно желательнейшего успеха в размножении и порядочном производстве рудокопных дел в Российской империи ожидать уже никакого сомнения быть не предвиделось». В дальнейшем все неудачи, как и успехи горнорудного дела, «Гисторическое предуведомление» связывало с содержанием горных узаконений, которые либо противоречили Берг-привилегии и поэтому осуждались им, либо, напротив, получали положительную оценку, поскольку они не затрагивали основ, провозглашенных в 1719 г. В целом, однако, законодательству второго периода (1719—1739) дана положительная оценка: «по вышеупомянутым рудокопных дел пред прежними временами лутчим установлениям, распорядкам и учреждениям, горные и заводские дела с приумножением разных заводов от мало по малу в лутчее основание и успехи» пришли¹⁶. Законодательство третьего периода (1739—1757)

¹⁵ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 1534, т. VII, л. 95.

¹⁶ Там же, л. 65.

проходило под знаком отступления от духа и буквы Берг-привилегии и Берг-регламента. Если, однако, в третьем периоде все же «некоторым образом поставленных Берг-привилегиею и Регламентом правил держались», то «с 1757 году уж оные явно и главнейшие в том во всех основаниях нарушились»; под этим нарушением подразумевается преимущественно передача казенных заводов частным лицам.

С наибольшей подробностью «Гисторическое предуведомление» освещает крестьянский вопрос. Это и понятно, ибо именно крестьянский вопрос вызвал существование самой Горной комиссии. В одном из протоколов Горная комиссия так толковала именной указ о своем учреждении: «Первые побудительные причины были непослушание бунтующих против заводов содержателей крестьян, так и главное желание в том состоит, чтоб первоначальные всего усматривающиеся тому причины и поползновение удобь возможными благоучреждениями отвратить»¹⁷.

Авторы «Гисторического предуведомления» относятся враждебно ко всякому проявлению борьбы крестьян за лучшую долю и пытаются убедить читателя в том, что крестьяне сыграли отрицательную роль в развитии металлургии¹⁸.

В третьем периоде были изданы хорошие и «генеральные узаконения» об управлении приписными крестьянами. Тем не менее продолжали происходить «беспокойствия и замешательства», начало которым положили крестьяне, приписанные к Вознесенскому заводу графа Сиверса.

В четвертый и последний период, которым составители «Гисторического предуведомления» завершили свой труд, волнения крестьян достигли высшего предела. «Заразе подобное на всех в партикулярном содержании заводах» волнение приняло такой размах, что крестьяне, «не уважая никаких от правительств увещаний и наказания, в работы к заводам являться не стали, требуя неприличным и усиленным с нахальностью образом от приписки к партикулярным заводам вовсе освобожденным быть»¹⁹.

То обстоятельство, что составители подчеркивают повторяемость крестьянских выступлений, имело свой политический смысл. Авторы стремились возложить ответственность за волнения на самих крестьян, на их «вкоренившееся непослушание» и враждебность, проявляемую вопреки попечительству правительства об их благополучии. Этим самым Горная комиссия обосновывала свои проекты по крестьянскому вопросу, лишь в незначительной степени учитывавшие требования приписных крестьян.

¹⁷ Там же, т. V, л. 44.

¹⁸ Там же, т. VII, лл. 42, 65, 66.

¹⁹ Там же, лл. 87, 102.

Вторая рукописная история металлургии была составлена 10 лет спустя — в 1777 г. Автором этой рукописи, озаглавленной «О начале, переменах и умножении в России рудокопного дела и горных заводов» считается сенатский секретарь Василий Иванович Крамаренков на том основании, что один из экземпляров сочинения, хранящийся в XIX разряде Госархива ЦГАДА, подписан его рукой. Однако единоличное авторство Крамаренкова является по меньшей мере спорным.

В. И. Крамаренков был образованным человеком своего времени. Службу он начал в 1746 г. копиистом Сумской полковой канцелярии, затем с 1751 по 1760 г. учился сначала в гимназии Петербургской Академии наук, а позже — в университете, по окончании которого был определен переводчиком. В Сенат Крамаренков попал в 1766 г., сначала на должность протоколиста, а через четыре года получил повышение и стал сенатским секретарем. В 1778 г. он занимает одну из самых высоких должностей в бюрократическом аппарате государства — обер-секретаря Сената. В 80-х годах Крамаренков получает чин статского советника и должность председателя Харьковской гражданской палаты. Последние сведения о Крамаренкове относятся к 1793 г. Сын священника стал к тому времени владельцем 91 души крепостных и действительным статским советником²⁰.

Выполняя свои служебные обязанности, В. И. Крамаренков, когда он был еще только сенатским секретарем, часто общался с промышленниками-металлургами. Об этом свидетельствуют частые подношения, получаемые им от демидовских приказчиков, конечно, не бросавших денег на ветер. Крамаренков, видимо, был им очень полезен, если они ему свезли в 1774 г. 20 пуд. меди на 150 руб., дров, бревен, железа, досок на 145 руб. и, кроме того, дали наличными 100 руб. Крамаренков был вхож в дом Демидова; на прием почетного гостя приказчики издержали в том же 1774 г. 25 руб.²¹

Крамаренков, видимо, обладал соответствующей подготовкой, чтобы руководить написанием сочинения «О начале, переменах и умножении в России рудокопного дела и горных заводов». Об активном участии Крамаренкова в составлении этого труда можно судить не только по наличию его подписи, но и по тому, что он составил направленное в Берг-коллегию распоряжение от 2 июля 1776 г. Берг-коллегии было предложено ответить на следующие семь вопросов: «1-е, с которого года в России первое горное производство началось, какие сперва заводы построены, где, кем и по каким указам; 2-е, какое пер-

²⁰ ЦГАДА, ф. Герольдмейстерской конторы, д. 356, л. 655; д. 732, л. 362; д. 889, л. 29; Архив истории труда в России, вып. 1. Пгр., 1921, стр. 91.

²¹ Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых, т. I. М.—Л., 1949, стр. 285.

воначально для управления горных заводов правительство началось, какие имело подсудные места, где, для чего и по каким учреждениям оные были указом, на каком основании и какие имели штаты, с коих списать и копии, когда и какие имели инструкции, с коих описать копии; 3-е, потом какие в разсуждении горных правительств и их инструкции перемены были, в которых годах, по каким указом; 4-е, какие по временам были перемены в разсуждении податей казенных с горных заводов, в которых годах и по каким указам; 5-е, кому и когда отданы в содержание казенные заводы, на каких кондициях, исполняются ли оные или отменены законами или указами, по отдаче заводов последовавшими». Остальные два пункта распоряжения предусматривали составление приложений: ведомости с данными о выплавке чугуна и меди каждым заводом со времени его основания с указанием размера получаемого казной дохода и копии штатов Геннина. Берг-коллегия, рассмотрев это предписание, 5 июля 1776 г. вынесла определение «о начальном горном производстве, о перемене правительств, об отдавании казенных заводов в партикулярное содержание и о протчих тем запросом требованьях, учиня обстоятельный экстракт и ведомость, предложить коллегии»²².

Разыскать экстракт, упоминаемый журнальной записью Берг-коллегии, нам не удалось. Сравнение содержания запроса, составленного В. И. Крамаренковым для Берг-коллегии с оглавлением рукописи «О начале, переменах и умножении в России рудокопного дела и горных заводов» свидетельствует о том, что первоначальный план был отклонен и вместо него составлен новый. Достаточно сказать, что план В. И. Крамаренкова состоял из пяти пунктов, а в рукописи их стало 10, причем многие из них ни в какой мере не связаны с первоначальным планом и не вытекают из него. Новыми в рукописи являются три главы, трактующие крестьянский вопрос и занимающие $\frac{2}{5}$ ее объема. Запрос Крамаренкова не предусматривал также законодательства о лесах, в то время как в рукописи этому сюжету отведена довольно обширная глава. Напротив, запрос Крамаренкова предусматривал подробное освещение передачи казенных заводов частным лицам, а в рукописи такой главы нет.

На причины коренной переработки первоначального плана проливает свет надпись на экземпляре рукописи, хранящемся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея: «Выписка о горных делах с приложением копий с узаконений, принадлежащих до горного производства, сочиненные и собранные по повелению и плану его сиятельства господина д. т. с., генерала-прокурора и разных орденов кавалера князя Александра Алексеевича Вяземского Правительствующего се-

²² ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1356, лл. 429, 430.

ната секретарем Васильем Крамаренковым 1777-го года»²³. Из этой надписи следует, во-первых, что рукопись составлялась по указанию генерал-прокурора Сената кн. А. А. Вяземского; во-вторых, что он был автором нового плана, и, наконец, в-третьих, представляется возможным объяснить как причины значительных отступлений от первоначального плана, так и цель написания рукописи.

Генерал-прокурор Вяземский, давая задание написать историю горного дела в России по им же составленному плану, руководствовался чисто практическими соображениями. Дело в том, что вскоре после окончания работы над рукописью, 21 мая 1779 г., был опубликован манифест, ограничивавший использование труда приписных крестьян на заводах и отменявший обязательные поставки в казну продукции горнозаводских предприятий. Вяземскому понадобились исторические экскурсы для решения текущих дел. Отсюда особый интерес к положению приписных крестьян, к их «непослушаниям», отсюда равнодушные генерал-прокурора к пункту программы Крамаренкова, видимо, поначалу плохо усвоившего замысел своего начальника о казенных заводах, переданных частным лицам. К 1777 г. этот вопрос потерял всякую актуальность, поскольку к этому времени большинство вельмож давно распростилось с полученными предприятиями и последние оказались либо в руках казны, либо в руках купца Яковлева. Таким образом, появление рукописи «О начале, переменах и умножении в России рудопромышленного дела и горных заводов», как и предшествовавшего ей «Гисторического предуведомления», было связано с попыткой изменить положение приписных к заводам крестьян.

Рукопись, автором которой считается В. И. Крамаренков, по объему в полтора раза больше «Гисторического предуведомления». В ней с большей полнотой и обстоятельностью рассмотрено законодательство о приписных крестьянах, о деятельности горной администрации в начале XVIII в., о порядке отвода земель и лесов. В то же время рукопись Крамаренкова по сравнению с «Гисторическим предуведомлением» проигрывает в освещении статистики роста числа заводов и выпускаемой ими продукции, а также продажи ее за границу.

Крамаренков и подведомственные ему чиновники, занятые составлением «Выписки о горных делах», были хорошо знакомы с содержанием «Гисторического предуведомления». Об этом свидетельствует текстуальная близость многих фраз и особенно близость концепции. При подведении итогов развития горно-рудного дела за XVII в. «Выписка о горных делах», как и «Гисторическое предуведомление», объясняла слабые успехи в распространении промышленности отсутствием специалистов.

²³ ОПИ ГИМ, ф. Куракина, д. 1093.

«Толь малому построению и распространению в России по 1700 год рудных заводов был причиною недостаток в горной науке искусных людей»²⁴. Вслед за «Гисторическим предуведомлением» Крамаренков пишет о пагубном влиянии на развитие промышленности разных «правительств» (учреждений), руководивших горнорудными делами, в результате чего они, «не имея одного с другим никакова сношения, делали немалые упущения». Однако крестьянский вопрос в «Выписке о горных делах» освещен по-иному, чем в «Гисторическом предуведомлении». Если последнее квалифицирует выступления крестьян «нахальством» и «самовольством», а причины волнений видит в том, что приписка «оных к заводам учинена на выбор не по селам и деревням, но по домам и по выборным людям», в результате чего приписные были излишне обременены работами, то «Выписка о горных делах» дает более глубокий анализ выступлений приписных крестьян и воздерживается от резких выпадов против них: «Сии заводские работы, сделавшись им большею тягостью, оставили в них навсегда негодование, которое инако и отворотиться не может, как только тогда, когда положена будёт за заводские работы плата, сравнительная с годами, от земли ими получаемыми».

Далее следует подробнейший перечень причин, вызвавших, по мнению кн. А. А. Вяземского, умирившего в 1763 г. приписных крестьян, волнения. Эти причины изложены в 24 пунктах. Вслед за этим изложен взгляд самих крестьян на причины своего недовольства в 18 пунктах. Анализ причин волнений завершается перечислением 23 рекомендаций Вяземского, способных, по мнению сановного бюрократа, предотвратить возможность крестьянских выступлений в дальнейшем. Любопытная деталь — «Выписка о горных делах» составлялась в 1777 г., т. е. спустя два года после подавления крестьянской войны. Казалось бы, в распоряжении составителей труда мог находиться исчерпывающий материал о причинах широкого участия населения горнозаводского Урала в крестьянской войне. Тем не менее рассматриваемое сочинение не обронило по этому поводу ни одного слова, будто бы никакой крестьянской войны и не было. Не связана ли такого рода деликатность с попыткой уклониться от оценки деятельности Вяземского, стоявшего в центре событий во время волнений уральской деревни в 1763 г.? В его адрес составители «Выписки о горных делах» расточали хвалу за умиротворение Урала. На поверку, однако, оказалось, что Вяземский не справился с возложенными поручениями и вместо социального мира установил лишь кратковременное перемирие.

Ценность «Выписок о горных делах» повышается богатыми приложениями, состоящими как из копий правительственных

²⁴ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 1534, т. V, лл. 102, 103.

указов и инструкций должностным лицам горной администрации, так и ведомостей о заводах и разнообразных статистических таблиц, составленных авторами труда. Следует отметить, что приложения экземпляра рукописи Крамаренкова, хранящегося в ЦГАДА, уцелели далеко не все — многие из них утрачены. Значительно полнее они представлены в рукописи, находящейся в фонде Куракиных Отдела письменных источников ГИМ. Здесь основной текст дополнен 47 приложениями. Среди них первостепенное значение имеют разнообразные ведомости: «Ведомость, в которых городах какие руды, жемчуг и другие камни от Лодыгина показаны», «Ведомость, сколько с начала Рудного приказа с 700-го апреля по 1 число 711 года для рудного производства денежной казны отколь в приходе и из того числа в расходе и на что имянно было», «Ведомость об отпуском за море железе», «Ведомость, в каких губерниях заводы состоят и сколько при них медеплавильных печей, домен, молотов и крестьян» и др. В приложениях подобраны инструкции, посылавшиеся на Урал и в Сибирь В. И. Геннину, В. Н. Татищеву, полковнику Ирману, а также регламенты и указы.

«Выписки о горных делах» прочно вошли в советскую историографию как источник первостепенной важности. Ими пользовались Ю. И. Гессен, П. Г. Любомиров, А. Д. Кашинцев и др. Часть этой работы даже опубликована. А. В. Шебалов в «Архиве истории труда» опубликовал, правда недоброкачественно, страницы «Выписок», посвященные приписным крестьянам²⁵, а Н. Б. Бакланов напечатал две ведомости в приложении к своей книге, в частности «Ведомость об отпуском за море железе».

Третьим сочинением, так и оставшимся до сих пор в рукописном виде, является грандиозная по размерам «Российская горная история» Аникицы Сергеевича Ярцова. Ее автор — горный инженер и администратор, управлявший сначала олонечки-ми, а затем уральскими казенными заводами. Интерес автора к современному состоянию металлургической промышленности России, связанный с выполнением служебных обязанностей, дополнялся стремлением осмыслить ее прошлое, изучить пройденный путь как металлургией в целом, так и отдельными предприятиями «с таким намерением, чтоб она («Российская горная история». — Н. П.) могла в предбудущие времена умножать государственные доходы».

Мысль о написании горной истории, видимо, созрела у А. С. Ярцова давно, но вплотную к ее реализации он приступил после ухода в отставку в феврале 1806 г. Находясь на службе, Ярцов собирал материал, необходимый для написания горной истории, но его оказалось недостаточно для осуществления ши-

²⁵ «Архив истории труда в России». Пг., 1921, кн. 1.

роко задуманного плана. В марте 1808 г. он сообщал государственному казначею и сенатору Ф. А. Голубцову, что не располагает материалами об основании и уничтожении некоторых олонекских, замосковских, пермских, колыванских и Нерчинского заводов. Ярцов просил, чтобы Берг-коллежскому департаменту и прочим горным учреждениям было повелено «учинить потребные мне выправки», а также прикомандировать «для справок и пробеливальных переписок» коллежского регистратора Ивана Рукавишников. Рукавишников был в 1808 г. откомандирован в распоряжение Ярцова, но выяснилось, что он уходит в отставку. Тогда Ярцов начал хлопоты о том, чтобы его помощником был назначен сын Николай, служивший коллегии-юнкером в Государственном казначействе. Важно отметить, что последняя просьба была поддержана Г. Р. Державиным, считавшим необходимым поскорее отправить Н. А. Ярцова в распоряжение отца, «дабы при жизни старика не проходило праздное время». В том же 1808 г. Николай Ярцов начал работу по копированию необходимых документов в архиве.

В сборе документов принимал участие и сам автор «Российской горной истории», ездивший для этой цели в Москву из Вышнего Волочка, где он работал над своим сочинением после ухода в отставку²⁶.

Таким образом, основным источником, положенным в основу «Российской горной истории», являлись документы, извлеченные из архива Берг-коллегии и горных начальств. В качестве источника были использованы также путевые записки участников академических экспедиций — «Палласа, Лепехина и других горных ученых мужей», а также труды коллежского советника Рейнега и его преемника Шредера, исколесивших пешком «вдоль и поперек почти весь Кавказ». Труд двух последних авторов положен в основу изложения горнорудной промышленности на территории Грузии. Наконец, третьим источником, широко использованным в рукописи, являются личные впечатления и наблюдения автора, накопленные во время продолжительной службы в горном ведомстве. На основе личных наблюдений описана, например, добыча железной руды на Липецких заводах, состояние Олонекских заводов и т. д.

План сочинения Ярцов составил в конце 1808 г. Он предусматривал написание 10 частей и Предуведомления. В первой части намечалось осветить историю горнорудной промышленности до «времен государя императора Петра Великого». Вторую часть Ярцов отводил истории «Олонекской горной округи», третью часть — истории «тульских, липецких и прочих Замосковских заводов», четвертую — уральским заводам, пятую — колыванским, шестую — заводам, расположенным «далее Томска, от реки Оби

²⁶ ЦГИАЛ, ф. Горного департамента, оп. 13, д. 25, лл. 10, 15, 19.

к Иркутску до Байкала моря и реки Лены», седьмую — Нерчинским заводам. В трех последних частях автор намеревался осветить историю горнорудного дела на недавно присоединенных к России территориях: восьмая — в Грузии и Крыму, девятая — на землях, отошедших к России в результате разделов Польши, и десятая — на территории Финляндии. Ко времени, когда был набросан этот план, было закончено составление Предупреждения, а две первые части находились в стадии завершения²⁷.

Рукопись А. С. Ярцова была представлена его сыном в 1820 г. Берг-коллежскому департаменту после смерти автора.

Докладная записка Н. А. Ярцова, а также сохранившийся экземпляр рукописи «Российской горной истории» свидетельствует о том, что первоначально намеченный план сочинения был подвергнут существенным изменениям. Так, вместо десяти частей Н. А. Ярцов представил только восемь: в рукописи отсутствует текст запланированной шестой части о заводах, расположенных между Томском и Иркутском, а также девятой и десятой частей (об истории металлургии на польских и финских землях). Вместе с тем рукопись содержала часть, не предусмотренную планом, а именно: восьмую часть «Статистическое описание всей Российской империи в отношении к горным продуктам, в ней заключающимся». Эта часть, по-видимому, подводящая статистические итоги развития промышленности, не сохранилась. В Ленинградском горном институте, где хранится «Российская горная история»²⁸, имеется семь частей, переплетенных в 11 книг (Уральская часть состоит из четырех книг, а Кавказская — из двух), содержащих 1522 листа. Некоторые книги переписаны набело четким канцелярским почерком, другие после переписки содержат следы авторской правки, третьи являются черновиками, в них текст написан рукою А. С. Ярцова, имеет много вставок, исправлений и трудно читается.

В «Российской горной истории» автор развивает три сюжета. Важнейшим из них как по занимаемому месту, так и по научной значимости является фактическая сторона дела: сведения о заводах, в том числе и недействующих, расположенных на Урале и в Сибири, в Подмосковье и Олонецком крае. Справка о каждом заводе включает, помимо характеристики оборудования, также исторические сведения о нем: время основания завода, время его продажи или передачи по наследству, производительность предприятия, состав рабочей силы в ревизских душах, численность дворов в заводском поселке и т. д. В некоторых случаях

²⁷ ЦГИАЛ, ф. Горного департамента, оп. 13, д. 25, лл. 20, 21.

²⁸ Полное название рукописи такое: «Российская горная история или повествование о всех вообще российских древних и новейших горных заводах, как то: железных, медных, сереброплавильных, золотопромывальных и прочих минеральных произведениях, расположенная по географическим, минералогическим, тоже географическим и хозяйственным правилам, сочиненная по высочайшему соизволению д. с. с. и кавалером Аникитой С. Ярцовым».

автор не ограничивается сообщением трафаретных данных о предприятии и помещает личные наблюдения о качестве заводских построек, занятиях населения заводского поселка и т. д.

Вторую сюжетную линию составляют рассуждения, иногда мимолетные заметки, иногда обстоятельные, относительно общих вопросов развития металлургии. К ним относятся рассуждения автора о передаче казенных заводов частным лицам, причем во всех случаях он отрицательно относится к этому акту промышленной политики правительства, считая, во-первых, что заводы были проданы в убыток казне и, во-вторых, что они попали в ненадежные руки. Вельможи, «не зная прямого заводского в капиталах оборота и управляя ими чрез таковых же своих поверенных, пришли почти в неоплатные долги, а потому оные сами просили правительство принять их в казну за налагаемую ими уже немалую цену, что было и исполнено». Из рассуждений Ярцова также вытекает, что он отрицательно относился к ликвидации Берг-коллегии и ее местных учреждений, когда многие горные офицеры «и протчие казенные лучшие служители принуждены были для пропитания своего» оставить горную службу и пристраиваться «по разным гражданским правительствам». Эту мысль Ярцов иллюстрирует цитированием рапорта вятского губернатора Зиновьева, осматривавшего Ижевский и Воткинский заводы в 1796 г.: «Оными заводами управляют малочиновные и горных дел почти не знающие управители, как то Ижевским отставной поручик, а Воткинским коллежский регистратор». Приведенный факт позволил Ярцову сделать общий вывод: «Вот сколько мало пеклись тогда о горных заводах казенные палаты».

Из общих вопросов, затронутых автором капитального сочинения, заслуживают внимания отрицательное отношение к дроблению заводского хозяйства в результате раздела имущества между наследниками, некоторые замечания о положении посессионных рабочих, характеристики заводовладельцев и их приказчиков и т. д.

Третий сюжет рукописи можно назвать историко-учрежденческим. Описание деятельности горнорудной администрации, изменения в ее организации занимают в рукописи скромное место. Этим, в частности, сочинение Ярцова отличается от современных ему сочинений о горной промышленности России.

Давая общую оценку рукописи А. С. Ярцова, следует подчеркнуть, что наиболее важным ее элементом является характеристика заводов: ни в одном описании заводов, ни в одной официальной ведомости, составленной чиновниками горной администрации, исследователь не обнаружит такого полного перечня предприятий, какой удалось составить энтузиасту истории металлургической промышленности России, потратившему на ее написание не менее 14 лет своей жизни,— А. С. Ярцову.

Автором первого печатного сочинения по истории металлургии был известный писатель и историк М. Д. Чулков, перу которого принадлежит многотомное «Историческое описание Российской коммерции». Одна из книг этого труда посвящена истории русской промышленности. Сочинение Чулкова более напоминает публикацию документов, нежели историческое исследование. В нем отсутствует авторский текст, его заменили правительственные указы, расположенные в хронологической последовательности; причем горное законодательство перемежается с указами о легкой промышленности, винокурении, кожевенном и поташном производствах. Некоторые указы, особенно ранние, напечатаны в кратком изложении, а более поздние опубликованы полностью.

Раздел о горном законодательстве начинается с изложения Берг-привилегии 1719 г., затем полностью напечатаны Берг-регламент 1739 г., указы о доменном обложении, устав горного училища, манифест 1779 г. об использовании труда приписных крестьян и т. д.

Основную ценность рассматриваемому труду придают не законодательные материалы, а широко известная историкам «Ведомость, учиненная в Берг-коллегии по требованию Коммерц-коллегии, о состоящих в ведомстве Берг-коллегии казенных и партикулярных железных, медных и минеральных заводах, где сные имеются и сколько чего на них делается и какими людьми работы при них исправляются и какими лесами довольствуется». Поскольку эта сводная ведомость о металлургических заводах была долгое время единственным опубликованным источником, то она для историков промышленности второй половины XVIII в. выполняла такую же роль, как «Цветущее состояние» И. К. Кириллова для историков промышленности петровского времени. В ведомость включено 169 заводов, в том числе 12 казенных и 157 частных²⁹.

В ином плане и иными средствами выполнено «Сочинение о сибирских рудниках и заводах» Ивана Германа³⁰, где сочеталось широкое использование официальной статистики с личными наблюдениями автора. В «Предуведомлении» автор сообщает, что, находясь в течение 12 лет на Урале, он старался «узнать в самой точности свойства и состояния тамошних горных промыслов». С этой целью он лично осмотрел почти все рудники и заводы и, кроме того, «прилагал всевозможное старание в доставании всяких до горных и заводских дел касающихся сведений». В «Сочинении» использованы также присланные с заводов ответы на составленную Германом анкету.

²⁹ М. Д. Чулков. Историческое описание российской коммерции, т. IV, кн. 2. М., 1786.

³⁰ Иван Герман. Сочинение о сибирских рудниках и заводах, ч. 1—2. СПб., 1797—1798.

В работе И. Германа сочетается подробнейшее описание некоторых предприятий со статистической характеристикой остальных заводов. В качестве примеров взяты заводы казенные и частные, медеплавильные и железоделательные. Помимо описания оборудования предприятий и рудников, характеристики плотин и гидравлических сооружений, «Сочинение» подробно излагает технологию плавки чугуна и меди,ковки железа. О большинстве предприятий приведены суммарные сведения. Так, заводы, расположенные на территории Пермского наместничества, объединены в общую ведомость, названную «Обозрением всех Пермских заводов». Суммарные сведения приведены о частных заводах, принадлежащих одному владельцу.

Вторая часть «Сочинения о сибирских рудниках и заводах» посвящена отчасти заводским штатам, но преимущественно описанию рудников, интересному прежде всего для историков техники. Здесь приведены ответы Германа на такие вопросы, как «сколько один человек может в сутки руды добыть пудов», или «как можно больше руды добыть, поденной ли платой или посаженной», или «как у работников при добыче руд сутки разделяются» и т. д.

В начале XIX в. были опубликованы еще три работы по истории горнорудной промышленности. Одна из них связана с проведением реформы горной администрации и известна под громоздким названием — «Высочайше утвержденные доклады и другие сведения о новом образовании горного начальства и управления горных заводов» (СПб., 1807). Опубликованный текст состоит из трех частей. Двум последним, характеризующим новую структуру горной администрации, предшествует «Историческое описание горных дел в России с самых отдаленнейших времен до нынешних». Это сочинение в значительной степени является компилятивным. Его автору была известна рукопись Геннина; на которую он в одном месте даже ссылается. Несомненно знаком был автор также с «Гисторическим предуведомлением» и рукописью Вяземского — Крамаренкова. Следует, однако, подчеркнуть, что автор «Исторического описания» далек от механического перенесения заимствованного материала в свое сочинение.

«Историческое описание», как и «Гисторическое предуведомление», делит горную историю на периоды, более крупные, чем в «Предуведомлении». Так, первый период начинается с царствования Ивана Грозного и заканчивается 1700 г., с основанием Рудного приказа; второй период — 1700—1719 гг., до учреждения Берг-коллегии. Третий период охватывает 64-летнюю деятельность Берг-коллегии (1719—1783) по управлению горнорудной промышленностью; четвертый — время управления промышленностью казенными палатами (1784—1797). Пятый период, начавшийся с 1797 г. и продолжавшийся до составления «Исторического описания», протекал под эгидой восстановленной Берг-

коллегии. Нетрудно заметить, что в основу периодизации автор «Исторического описания» положил изменения в устройстве горной администрации, в то время как Горная комиссия, составившая «Гисторическое предуведомление», веками в истории горнорудной промышленности считала законодательные акты, вносящие изменения в промышленную политику. Впрочем, это различие нисколько не мешало Дерябину, автору «Исторического описания», рассматривать историю металлургии под углом зрения компетентности правительственных учреждений.

Поскольку решающим фактором развития горной промышленности Дерябин считал горную администрацию, то «Историческое описание горных дел» подразумевало под «горными делами» не промышленность, а эволюцию горной администрации и законодательные акты, которыми она руководствовалась. Остальной материал, приведенный в работе, в том числе и статистический, выполняет вспомогательную, иллюстративную роль: он призван подтвердить мысль автора о том, что подъем и падение в развитии промышленности не зависели ни от чего иного, как от устройства горной администрации.

Из вышеизложенного вытекает, что история промышленности в «Историческом описании» стоит на втором плане. И тем не менее «Историческое описание» представляет несомненную ценность для истории металлургии России конца XVIII — начала XIX в. Это сочинение для современников имело не научное, а практическое значение. Подобно «Гисторическому предуведомлению», «Историческое описание» было призвано показать необходимость усовершенствования горной администрации. Система доказательств этой меры и придает интерес данному источнику.

Два других сочинения существенно отличаются от рассмотренного выше как по содержанию, так и по назначению. Автором одного из них является знакомый нам Иван Герман. Будучи начальником Екатеринбургских заводов, обер-берг-гауптман Герман интересовался не только практическими вопросами горного дела, но и свыше четверти века собирал сведения «как о прежних, так и о ныне существующих законоположениях и учреждениях, относящихся до сего важного отрасля государственного хозяйства». В итоге был подготовлен труд «Историческое начертание горного производства в Российской империи», опубликованный в Екатеринбурге в 1810 г. Этот труд Германа манерой подачи материала несколько напоминает «Историческое описание Российской коммерции» М. Д. Чулкова. Оба труда сближает опубликование большого количества документов. Если, однако, Чулков поместил широко известные нормативные акты, то И. Герман опубликовал извлеченные из архивов документы частного значения. Многие из этих документов в архивах утрачены, что придает труду Германа исключительную ценность.

Составленный И. Германом план «Исторического начертания

горного производства в Российской империи» предусматривал освещение темы от времени возникновения горного дела в России до начала XIX в. Однако обширный план удалось выполнить лишь в незначительной части, а именно: довести изложение материала до царствования императрицы Анны Ивановны включительно. Помимо архивных выписок и неопубликованных сочинений, в работе использованы опубликованные труды Ф. Миллера, И. Голикова, донесения Кильбургера и др. Таким образом, источниковедческая база Германа несколько шире, чем у его предшественников.

И. Герман критикует утверждение своих предшественников о начальной дате распространения горного промысла в России. Начало горного дела в России он датирует не 1628 г., когда был построен Ницынский завод, а 1491 г., когда были предприняты первые поиски серебра и меди.

Несколько страниц текста Германа, посвященных истории горного дела в XVII в.—первом десятилетии XVIII в., текстуально совпадают с рукописью Вяземского — Крамаренкова. Весь последующий текст состоит из документов, иногда сопровождаемых авторскими рассуждениями. Подавляющее большинство документов относится к уральской металлургии. Исключение составляют проекты И. Бliers и В. М. Лодыгина об организации горного дела в России, поданные до учреждения Берг-коллегии. Поэтому название сочинения Германа следует признать шире его содержания, так как в нем отсутствует материал о подмосковной и олонечкой металлургии.

Последняя, третья работа, принадлежащая перу того же Германа, относится к числу историко-статистических произведений³¹. Сочинение начинается кратким введением в историю горнозаводской промышленности, но не с начала ее существования, а с царствования Екатерины II. Автор изложил содержание основных указов о горном деле екатерининского времени: манифест 1782 г. об упразднении горной свободы, указ о ликвидации Берг-коллегии и т. д. Ценность работе Б. Германа придает не авторский текст, а приложение к нему — тщательно выверенный статистический материал, сгруппированный в 10 таблиц: о добыче золота и его себестоимости за 1754—1810 гг., о производстве чугуна, железа и меди на уральских заводах в 1797—1806 гг. и др. Таблицы Германа по некоторым показателям являются уникальным статистическим источником.

Трудами Дерябина, А. С. Ярцова и И. Германа завершается первый период историографии горной промышленности России, начатый «Цветущим состоянием Всероссийского государства» И. К. Кириллова. Этот период характеризуется относительно

³¹ B. E. J. Hermann. Die Wichtigkeit des russischen Bergbaues. St.-Petersburg, 1810.

большим количеством сводных работ по истории металлургии, появившихся как в связи с решением практических вопросов промышленной политики правительства, так и в результате научного интереса к такой важнейшей отрасли промышленности, как металлургия. Наряду с исследовательскими и компилятивными трудами появляются первые публикации документов. Успехи в развитии металлургии историография XVIII — начала XIX в. ставила в зависимость от умелых действий правительственных учреждений и содержания указов, которыми эти учреждения руководствовались.

В XIX и начале XX в. интерес к истории металлургии упал, не предпринималось попыток серьезно исследовать какой-либо район промышленности или написать обобщающий труд. Потеря интереса к истории металлургической промышленности, видимо, была связана с общим упадком металлургии России, наблюдавшимся до конца XIX в. В течение первой половины этого столетия история металлургии нашла отражение лишь в работе Гамеля и в небольших статьях и публикациях, напечатанных в «Горном журнале»³².

Оживление в разработке истории этой отрасли народного хозяйства наступает лишь в конце XIX в., т. е. в годы бурного подъема металлургии. Впрочем, и в эти годы ничего фундаментального создано не было, речь идет лишь о появлении исследований по частным вопросам и публикации документов по истории уральской металлургии.

Опубликование ряда работ связано с активной деятельностью уральских историков-краеведов. Наиболее видной фигурой среди них был Наркис Константинович Чупин, автор многих статей по истории Урала и «Географического и статистического словаря Пермской губернии». Н. К. Чупин получил историко-филологическое образование, служил делопроизводителем Канцелярии главного начальника Уральского горного хребта, затем инспектором, преподавателем и директором Уральского горного училища.

Крупнейшим сочинением Н. К. Чупина является «Географический и статистический словарь Пермской губернии»³³. Напечатанный с пропусками, словарь содержит сведения о горах, озерах, реках, населенных пунктах и монастырях на территории Пермской губ. Много внимания уделено также описанию современного состояния рудников, заводов и горных округов. Однако в некоторых, правда, относительно редких, случаях автор «Словаря» сообщает о заводах исторические подробности. Это отно-

³² И. Гамель. Описание Тульского оружейного завода. М., 1829; Известия о железных Тырпицких заводах. — «Горный журнал», 1828, № 6; Вагнер. Сведения о Вознесенских медеплавильных заводах. — «Горный журнал», 1838, № 2.

³³ «Географический и статистический словарь Пермской губернии». Пермь, 1873, 1877, 1880.

сится к Верх-Исетскому, Ягошихинскому, Лялинскому, Иргинскому и др. заводам, а также Гумешевскому руднику.

Н. К. Чупин известен также как автор ряда статей по истории уральской промышленности. Многие из них, написанные на основе архивных документов, знатоком которых он являлся, не потеряли значения и в настоящее время. В 1882 г. эти статьи, извлеченные из периодических изданий, были посмертно опубликованы в специальном сборнике³⁴. Из этого литературного наследия должны быть отмечены три статьи, посвященные основанию столицы горного Урала — города Екатеринбурга, две статьи о деятельности В. Н. Татищева на Урале, этюд об открытии руды на горе Благодать и др.

К трудам Н. К. Чупина примыкают статьи горного инженера В. И. Рожкова, печатавшиеся в «Горном журнале». Как и Чупин, Рожков не интересовался общими вопросами развития уральской металлургии — его внимание привлекали отдельные эпизоды из истории горного Урала, такие, например, как раздача казенных заводов в частные руки, деятельность на Урале В. Н. Татищева и др.³⁵ В отличие от Н. К. Чупина, писавшего свои статьи на местных архивных материалах, В. И. Рожков использовал фонд Берг-коллегии.

Во второй половине XIX в. было положено начало изучению истории отдельных заводов и деятельности промышленных династий. Работы этого рода носят откровенно апологетический характер и выполнены, видимо, по заданию самих заводоладельцев. К их числу относится книга Г. Головшикова «Род дворян Демидовых»³⁶. Ее автор видел свою задачу в том, чтобы «разсеять в разных, иногда очень редких, изданиях сведения о Демидовых» собрать «в одно целое». В одинаково восторженном тоне Головшиков пишет и о тех представителях промышленной фамилии, которые проявили организаторские таланты, и о тех, которые получили известность своими чудачествами, непомерной тратой денег, мотовством и т. д. Все они представлены филантропами, пекущимися о благополучии крестьян и мастеровых, и т. д.

В таком же духе написаны две книги Н. Н. Новокрепленных,

³⁴ Н. К. Чупин. Сборник статей, касающихся Пермской губернии и помещенных в неофициальной части губернских ведомостей в период 1842—1881 гг., вып. 1. Пермь, 1882.

³⁵ В. И. Рожков. Отрывок из истории горного промысла в России. — «Горный журнал», 1872, № 4; его же. Деятельность артиллерии капитана В. Н. Татищева на уральских заводах в царствование Петра Великого. — «Горный журнал», 1884, № 7; его же. Берг-компания на магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии. — «Горный журнал», 1885, № 4—7; его же. Материалы к истории горного промысла в царствование имп. Елизаветы Петровны. — «Горный журнал», 1890, № 4, и др.

³⁶ К. Головшиков. Род дворян Демидовых. Ярославль, 1881. См. также Г. И. Спасский. Жизнеописание Акинфия Никитича Демидова, два изд. СПб., 1833 и 1877.

прославляющих род Лазаревых³⁷. Нет таких добродетелей, которыми бы, в представлении Н. Н. Новокрещенных, не был наделен основатель промышленной династии Иван Лазаревич Лазарев. И тем не менее работы Н. Н. Новокрещенных в научном отношении стоят неизмеримо выше сочинения К. Головщикова. Много нового и ценного материала сосредоточено в книге о Чермозском заводе. Правда, прошлое завода освещено бледнее настоящего, которое представлено многочисленными статистическими таблицами о заводском населении: его грамотности, семейном положении, распространенности преступности. Однако этот недостаток в известной мере восполнен летописью Чермозского завода, в которой обстоятельно изложена вся хроника заводской жизни.

Положительной оценки заслуживает большая статья по истории Шайтанского завода А. Топоркова. Священник А. Топорков много внимания уделил сооружению церквей, борьбе православия со старообрядчеством среди заводского населения. Основную ценность статье придают, однако, не эти сюжеты, а описание строительства завода и особенно описание убийства Ефима Алексеевича Ширяева, заводовладельца, отличавшегося крутым нравом и жестоким обращением с крестьянами³⁸.

Если Г. Спасский, К. Головщиков, Н. Новокрещенных и др. прославляли отдельные роды промышленников, приписывая их представителям несуществующие добродетели, то В. Белов решил взять под защиту всех уральских заводовладельцев. Его компилятивный труд «Исторический очерк уральских горных заводов» преследовал откровенно апологетические цели. Книгу издала Постоянная совещательная контора железозаводчиков с той целью, чтобы развеять ряд заблуждений «читающей публики», отклонить «нападки на горнозаводчиков за получаемые якобы ими теперь огромные барыши, на покровительство горному делу высокими пошлинами» и т. д.

Концепция В. Белова не оригинальна, она характерна для буржуазной историографии конца XIX — начала XX в. Развитие крупной металлургической промышленности России В. Белов датирует XVIII в. Впрочем, взгляд на этот вопрос у него противоречив. В одном месте он пишет, что попытки строительства вододействующих заводов, предпринятые в XVII в., «подготовили ту почву, на которой так быстро и широко развилось наше горнозаводское дело в следующем, XVIII веке», а в другом месте он отрицает какую бы то ни было преемственность и связь XVIII столетия с предыдущим. «В истории нашей промышленности,—

³⁷ Н. Н. Новокрещенных. Чермозский завод. Его прошлое, настоящее и летопись событий. СПб., 1889; его же. Постройка Кизеловского завода И. Л. Лазарева. Уфа, 1892.

³⁸ А. Топорков. О Васильевско-Шайтанском заводе.— «Пермский край», т. I. Пермь, 1892.

пишет он, — XVIII век не был продолжателем исторических судеб предшествовавших веков. Властная, могучая воля Петра, круто порвав со всем прошлым, указала ей иной, им самим начертанный путь; повинаясь этой властной воле, наша промышленность стала на этом новом пути твердою ногою, но тем не менее в будущем ей пришлось рассчитываться за тот произвол, который был внесен в ее жизнь»³⁹. Характеризуя меры петровского правительства, направленные на развитие отечественной промышленности, Белов подчеркивает их насильственность. Все успехи в развитии промышленности Белов относит за счет энергии Петра, его гениальности. «Раз этого гения не стало — не стало и души такого своеобразного порядка вещей». На Урале создается особая форма «привилегированного производства», исключавшего конкуренцию. Рост промышленности после Петра I «замедляется, а затем надолго и вовсе останавливается».

Весь пафос этой концепции основан на типографской опечатке, из которой следовало, что в петровское время Россия выплавляла 6,5 млн. пудов чугуна, т. е. в 8 раз больше, чем его фактически было выплавлено в 1725 г. Из этого вытекали выводы о медленном развитии металлургии России и зачеркивались все ее успехи за 40 лет (1725—1765) существования.

Последняя из дореволюционных работ по истории горной промышленности была опубликована в 1900 г. Речь идет о юбилейном издании, посвященном 200-летию существования горной администрации в России⁴⁰. Книга лишена исследовательских элементов, она излагает содержание правительственных указов об устройстве горной администрации, причем автор исходит из убеждения, что каждый новый указ лучше старого. Труд А. М. Лоранского сохраняет справочное значение, поскольку автор проследил изменение в структуре горной администрации за 200 лет ее существования.

В течение последних десятилетий XIX в. была несколько расширена источниковедческая база истории металлургии в виде ряда публикаций документов. Стараниями уральского историка-краеведа Василия Никифоровича Шишонко, директора народных училищ Пермской губ., была осуществлена многотомная публикация источников по истории Урала, значительно расширившая базу исследовательских работ. Материал, характеризующий уральскую металлургию, сосредоточен преимущественно в томе, завершающем издание⁴¹.

В литературе уже отмечалось, что труд В. Н. Шишонко представляет нечто среднее между публикацией и исследованием,

³⁹ В. Белов. Исторический очерк Уральских горных заводов. СПб., 1896, стр. 16, 20.

⁴⁰ А. М. Лоранский. Краткий исторический очерк административных учреждений горного ведомства в России. 1700—1900. СПб., 1900.

⁴¹ «Пермская летопись», пятый период, ч. 3. Пермь, 1889.

выполненным на низком научном уровне⁴². В самом деле, материал «Пермской летописи» не удовлетворяет требованиям ни археографии, ни монографического исследования: в опубликованных документах нет легенд, в тексте, излагающем содержание документов, нет справочного аппарата, современный материал помещен вперемешку с историческим, нарушена хронологическая последовательность изложения событий и т. д. Зная об этих недостатках «Пермской летописи», исследователь все же не может ее игнорировать, ибо некоторые из опубликованных там документов утрачены.

Начальные шаги уральской металлургии отражены еще в одном сборнике документов — «Памятниках сибирской истории XVIII в.»⁴³. Это многотомное по замыслу издание было прекращено с выходом второй книги. В издании опубликованы материалы, характеризующие жизнь народов Сибири и колониальную политику царизма. Однако в первом томе напечатан ряд документов о первых шагах Н. Демидова на Урале, о строительстве казенных заводов, о сыске руд, о постройке Екатеринбурга и др. Принцип отбора документов представляется неясным.

Итак, итоги разработки истории металлургической промышленности России за XIX — начало XX в. более чем скромны; некоторые успехи отмечены лишь в изучении уральской металлургии. Старейшие промышленные районы — Подмосковный и Олонецкий — остались вне поля зрения историков. Характерно, что обобщающая работа по истории русской металлургии появилась не в России, а в Германии. Людвиг Бек, автор капитального исследования «История железа», в одном из томов посвятил несколько десятков страниц металлургии России XVIII в.⁴⁴

Автор отметил грандиозные успехи в развитии металлургической промышленности России на протяжении XVIII в. Этот факт он иллюстрирует увеличением числа предприятий, техническими усовершенствованиями доменного производства и ростом вывоза русского железа в Англию.

Успехи роста металлургии в России Л. Бек связывал с двумя факторами: правительственными указами и ролью иностранных специалистов. Со времени опубликования Берг-привилегии 1719 г. в истории горнорудного дела России наступил новый период. Последующие указы, поощрявшие внешнеторговые связи русских купцов и промышленников, также способствовали росту металлургии. Но еще большее значение Бек придает влиянию иностранных специалистов, особенно немцев. Возникновение

⁴² См. Н. В. Устюгов. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке. М., 1957, стр. 10, 11.

⁴³ «Памятники сибирской истории XVIII в.», кн. 1. СПб., 1882.

⁴⁴ Ludwig Beck. Die Geschichte des Eisens in technischer und kulturell-ge-schichtlicher Beziehung, Bd. IV. Braunschweig, 1897.

уральской промышленности Бек связывает с возвращением Петра из заграничного путешествия, во время которого он проникся мыслью, что без черной металлургии невозможно достичь успехов в добыче меди, серебра и золота в Сибири. Для выполнения этой задачи он нанимал немецких химиков, техников и мастеров. Большую заслугу в подъеме горнорудного дела в России Бек приписывает Геннину, которого он считает немцем, известному казнокраду саксонцу Шембергу⁴⁵, а также шотландцу Гаскойну, усовершенствовавшему пушечное литье.

Таким образом, многократно подчеркивая взлет русской металлургии в XVIII в., Л. Бек не мог дать удовлетворительного объяснения этому факту. Работа Бека, кроме того, грешит многочисленными фактическими неточностями. В то же время ряд сведений Бека не потерял своего значения и в настоящее время: о габаритах доменных печей и сравнение этих габаритов с европейскими домами, об экспорте русского железа и т. д.⁴⁶

* * *

После победы Великой Октябрьской социалистической революции появился интерес к истории пролетариата, совершившего победоносную революцию⁴⁷. Отражением этого интереса был выход в свет первого тома «Истории горнорабочих СССР», задуманной в качестве многотомного издания.

Скудные печатные источники Ю. И. Гессен, которому было поручено написание первого тома названного труда, дополнил рукописями В. И. Геннина и В. И. Крамаренкова. Это значи-

⁴⁵ Историки ГДР дают правильную оценку деятельности Шемберга в России. См. интересную статью: K. Conrad Grau. Russisch-sächsische Beziehungen auf dem Gebiet des Berg- und Hüttenwesens in der ersten Hälfte des 18. Jh.—«Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der Volksdemokratischen Länder Europas», Bd. 4. Berlin, 1960.

⁴⁶ Точку зрения Л. Бека повторил Отто Иохансен в своей краткой «Истории железа». Текст, освещающий историю металлургии России, кратко излагает содержание соответствующего раздела Л. Бека. См. Otto Johannsen, Geschichte des Eisens. Düsseldorf, 1925. Интерес западноевропейских историков к истории русской металлургии не ослабевает и в наши дни. В 1950 г. французский историк Р. Порталь опубликовал книгу «Урал в XVIII в.» (Roger Portal. L'Oural à XVIII-me siècle. Paris, 1950), написанную на основе исследований дореволюционных и отчасти советских историков. Известный интерес представляет исследование Э. Амбургера, посвященное одному из основателей первых в России вододействующих металлургических заводов — П. Марселису (Erik Amburger. Die Familie Marselis. Giessen, 1957). Деятельность датского банкира Марселиса в России хорошо изучена советскими историками на основе отечественных источников. Новым в книге Амбургера является характеристика разнообразных торгово-финансовых операций банкирского дома в важнейших европейских странах до переселения П. Марселиса в Россию в 1629 г. Эта деятельность Марселиса изложена на основе архивных материалов, хранящихся в Гамбурге, Жиле и Копенгагене.

⁴⁷ Наряду с монографиями, о которых речь пойдет ниже, в советское время по истории горнорудной промышленности России XVIII в. было опублико-

тельно повысило ценность книги, в особенности ее первых двух глав, изложение которых основано на широком использовании материалов названных рукописей.

В целом книга Ю. И. Гессена далека от марксистского освещения темы. Двигателем промышленного развития, по Гессену, было правительство, его законодательство, оказывавшее решающее влияние на успехи горнозаводского дела. Социальные противоречия в стране автор подменил экономическими: «Противоположность интересов развивавшейся горнозаводской промышленности (нуждавшейся в рабочих и вырывавшей значительное число их из среды государственных крестьян) и интересов крестьянского сельского хозяйства (вынужденного отдавать ей часть — порою чрезмерную — своей рабочей силы) ставила законодателя в замешательство, побуждала его брать под свою защиту интересы то горнозаводской промышленности, то сельского хозяйства»⁴⁸.

Историю горной промышленности России XVIII в. Ю. И. Гессен делит на два периода, гранью между которыми, по его мнению, является крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева. Медленный рост уральской промышленности в конце XVIII в. Ю. И. Гессен объясняет двумя обстоятельства-

вано немало интересных статей. Важнейшие из них следующие: К. А. Пажитнов. Положение рабочих в горнозаводской промышленности при крепостном праве.— «Архив истории труда в России». Пг., 1921, кн. 2; П. Н. Луилов. К истории медеплавильного Бемышевского завода.— «Записки Удмуртского научно-исследовательского института соц. культуры», № 6, Ижевск, 1936; А. В. Пруссак. Заводы, работавшие на Пугачева.— «Исторические записки», т. 8. М., 1940; В. Д. Зеленцов. К вопросу об основании Воткинского и Ижевского железоделательных заводов.— «Записки Удмуртского научно-исследовательского института истории, языка, литературы и фольклора», № 12, Ижевск, 1949; М. А. Горловский. К истории основания Екатеринбурга.— «Исторические записки», т. 39. М., 1952; В. К. Яцунский. Судьба одной опечатки.— Там же; П. А. Вагина. Формирование рабочих кадров на заводах Южного Урала в 50—60-х гг. XVIII в.— «Исторические записки», т. 47. М., 1954; е е же. Волнения приписных крестьян на Авзяно-Петровских заводах в 60-х гг. XVIII в.— «Ученые записки Свердловского пединститута», вып. 11, Свердловск, 1955; Я. А. Балагуров. Условия найма рабочей силы в олонечкой приписной деревне (1750—1850 гг.).— «Ученые записки Петрозаводского университета», т. VI, вып. 1. Петрозаводск, 1956; М. Н. Мартынов. Саткинский завод во время восстания Емельяна Пугачева.— «Исторические записки», т. 58. М., 1956; е го же. Привилегия о рудах и минералах 1719 г.— «Вопросы истории», 1957, № 6; К. К. Демчиковский. Источники и пути комплектования рабочей силы на заводах Приокского горного округа в XVIII в.— Сб. «К вопросу о первоначальном накоплении в России». М., 1958; Я. А. Балагуров. Расслоение олонечких приписных крестьян во второй половине XVIII в.— «Труды Карело-Финского филиала АН СССР», вып. 10. Петрозаводск, 1959; П. А. Вагина. Волнения на Авзяно-Петровских заводах после крестьянской войны под руководством Пугачева. 1775—1781 гг.— Сб. «Из истории Урала», Свердловск, 1960; е е же. К вопросу о состоянии рабочей силы Южного Урала после крестьянской войны 1773—1775 гг.— «Ученые записки Уральского университета», вып. 39, ч. 1. Свердловск, 1961 и др.

⁴⁸ Ю. И. Гессен. История горнорабочих СССР, т. I. М., 1926, стр. 98—

ми — запрещением покупать к заводам крепостных крестьян и крестьянской войной. Между тем ни то, ни другое обстоятельство не оказало решающего влияния на темпы роста металлургии России. Во-первых, чем ближе к концу XVIII в., тем в большей мере ослабевал интерес промышленников к крепостному труду. Во-вторых, все заводы, за очень немногим исключением, через два-три года после крестьянской войны были полностью восстановлены, так что ее влияние на уральскую металлургию было кратковременным.

Слабо освещает Ю. И. Гессен и основной вопрос своей книги — динамику состава горнорабочих, их реальное положение, борьбу с мануфактуристами и т. д.

К иным выводам пришел С. П. Сигов, изучавший историю уральской промышленности от ее возникновения до первой пятилетки. «Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала», по признанию самого автора, носят «контурный характер» и не привлекают новых материалов. «Очерк», посвященный XVIII в., занимает 50 страниц книги. Это, однако, не помешало автору сделать ряд интересных наблюдений. Так, он считает, что причину спада уральской металлургии в конце XVIII в. «нужно искать не в пугачевщине (оказавшей хотя и значительное, но весьма кратковременное влияние на хозяйственную жизнь заводов), а в том, что наступило естественное завершение процесса заводского строительства с распространением его на всю территорию, которая в силу природных условий могла быть вовлечена в горнозаводскую эксплуатацию при состоянии техники и транспорта того времени»⁴⁹. С. П. Сигов правильно возражает против переоценки влияния крестьянской войны на темпы роста уральской промышленности. Правильно также, с нашей точки зрения, он акцентирует внимание на географической среде, оказывавшей существенное воздействие на развитие промышленности.

Однако сводить все к географической среде, к перенасыщению района заводами, полностью исчерпавшими наличные рудные месторождения и лесные площади, едва ли верно. Расцвет Урала, как известно, основывался на крепостном праве, он по времени совпадал с мануфактурной стадией развития промышленности. Фабричная индустрия развилась в иной социальной и географической среде.

Нельзя полностью согласиться и с другим наблюдением С. П. Сигова о якобы исключительно экстенсивном росте уральской промышленности на протяжении XVIII в.⁵⁰ Строительство новых заводов являлось главным, но не единственным источником увеличения производства металла на Урале. Вместе с тем росла, хотя и медленно, как это и должно быть в мануфактурный

⁴⁹ С. П. Сигов. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936, стр. 17.

⁵⁰ Там же, стр. 50.

период развития промышленности, производительность труда, совершенствовалась техника.

С опубликованием в 1937 г. исследования П. Г. Любомирова завершился первый период изучения металлургии России советскими историками. Монографию П. Г. Любомирова можно назвать итоговой, поскольку она завершила обобщение известных в литературе материалов по истории металлургической промышленности. По полноте и скрупулезности использования опубликованных источников и исследований труд П. Г. Любомирова не имеет себе равных. В его основу «положены довольно богатые по части металлургии изданные материалы, но привлечены и различные данные из архивов и рукописных собраний». Отметим, однако, что круг архивных материалов невелик, а главное, не нов — это преимущественно все те же рукописи В. И. Геннина и В. И. Крамаренкова, которые были известны предшествующим исследователям.

П. Г. Любомиров поставил перед собою задачу изучить географическое размещение металлургической и металлообрабатывающей промышленности России на протяжении XVII — начала XIX в. Социальной тематики автор касался лишь «попутно, в пределах, абсолютно необходимых для освещения данной темы»⁵¹.

Поставленную задачу в пределах опубликованных источников автор выполнил с исчерпывающей полнотой. Им подробно выяснено влияние природных условий (вода, лес, руда) на размещение заводов, показана преемственность в формировании промышленных районов, взаимоотношения крупного и мелкого производства и т. д.

В отличие от своих предшественников, П. Г. Любомиров время перелома в развитии металлургии не связывает с крестьянской войной, а совершенно справедливо относит его к 60-м годам XVIII в.⁵² При объяснении спада в развитии промышленности он называет несколько причин: запрещение покупки крестьян к заводам, так что «у купцов прямо отнялись возможности использования более дешевого принудительного труда», ограничение «беспредельной» эксплуатации труда приписных крестьян, отмена горной свободы, повышение налогов с промышленников, ухудшение рыночной конъюнктуры и, наконец, волнения приписных крестьян в 60-х годах.

Против перечисленных причин едва ли можно возражать, хотя воздействие их происходило не в намеченной автором последовательности.

⁵¹ П. Г. Любомиров. Географическое размещение металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России в XVII, XVIII и начале XIX в.—«Очерки по истории русской промышленности». М., 1947, стр. 268, 269.

⁵² Там же, стр. 437—442.

Отмечая высокие достоинства труда П. Г. Любомирова, в то же время следует отметить, что он написан на относительно узкой источниковедческой базе. Это предопределило основной недостаток исследования — наличие в нем многочисленных неточностей, обусловленных тем, что автору были неизвестны многие источники. Отсюда неточные статистические выкладки и наблюдения, на них основанные.

Заметный след в изучении истории уральской металлургии оставила яркая монография Д. А. Кашинцева «История металлургии Урала». Автор определил следующие задачи исследования: «1) установление новых, до сих пор неизвестных фактов, 2) ревизия и исправление получивших литературное гражданство ложных данных и цифр, 3) выявление экономико-географических и технических особенностей горнозаводского Урала, 4) выявление экономических и политических условий, оказавших влияние на темпы и направление развития уральской металлургии»⁵³. С поставленными задачами автор справился вполне удовлетворительно. Им использованы все известные рукописные истории металлургической промышленности России: И. И. Веймарна, В. И. Крамаренкова — А. А. Вяземского и А. С. Ярцова и некоторые дела из фондов Н. К. Чупина, И. Германа и Берг-коллегии.

В истории уральской металлургии XVIII в. Д. А. Кашинцев отметил три важных периода: первый из них начался на грани XVII — XVIII вв. и характеризуется формированием нового горнопромышленного района; второй период охватывает двадцатилетие с 1719 по 1739 г.; «третий, весьма четко выраженный и наиболее интенсивный этап заводского строительства на Урале длился 11 лет — с 1752 до 1762 г.». В обоснование приведенной периодизации Д. А. Кашинцев приводит данные об интенсивном заводском строительстве.

Д. А. Кашинцев вносит ряд уточнений в вопрос о темпах развития промышленности. В частности, он первым среди историков попытался внести коррективы в цифры И. И. Голикова о выплавке чугуна в 1718 г. Приводимая им цифра (1617 тыс. пудов чугуна) оказалась тоже преувеличенной, но она значительно ближе к подлинной, чем цифра Голикова. Кроме того, он внес поправку в цифры выплавки чугуна в России в 1766 и 1767 гг., считая, что в первом из них было выплавлено 4,5 млн., а во втором — 5 млн. пудов. «Традиционная же цифра в 9,6 млн. пудов есть, по-видимому, не что иное, как суммированный и при том неточно (или по другому списку) итог обоих смежных годов». Наконец, перу Д. А. Кашинцева принадлежит самое обстоятельное описание участия горнозаводского Урала

⁵³ Д. А. К а ш и н ц е в. История металлургии Урала, т. I. М.—Л., 1939, стр. 9—10.

в крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева⁵⁴.

Но, поправляя своих предшественников, Д. А. Кашинцев сам допускает существенные ошибки. Так, в экономике петровского времени он обнаружил «элементы плановости». Подъем промышленности в третий период он объясняет отчасти возросшим спросом на металл со стороны внешнего рынка, а отчасти «существенно иными» методами экономической политики, чем в два предшествующих периода. Главная особенность состояла в том, что «к строительству были допущены в массовом масштабе представители торговой буржуазии, мелкие промышленники». Далее он пишет, что «появились десятки имен прежде неизвестных, а теперь ставших хозяевами и распределителями лесных и рудных площадей. Твердышев, Мясников, Мосолов, Лугинин, Походяшин строили заводы пачками, образуя из них целые горнопромышленные округа».

Здесь много неточностей. Во-первых, рост продукции происходил за счет предприятий не мелких, а крупных промышленников. Во-вторых, промышленная деятельность названных заводоладельцев развертывалась за пределами третьего периода. Твердышев, Мясников и Мосолов начали ее раньше третьего периода, а Лугинин — значительно позже; Походяшин стал промышленником в третьем периоде, но он построил не «пачку» заводов, а одно-единственное предприятие.

Раздачу казенных заводов дворянам Д. А. Кашинцев рассматривает как факт «не экономического, не политического, а чисто административного порядка, вполне вяжущийся с господством фаворитизма и повсеместным преобладанием мелких своекорыстных интересов», что тоже является сомнительным. Дело здесь не только в фаворитизме, но и в развитии дворянского предпринимательства, обусловленного началом разложения феодально-крепостнической системы.

В целом исследование Д. А. Кашинцева не потеряло значения и до настоящего времени, хотя некоторые его положения не могут быть приняты.

Новый этап в изучении истории металлургической промышленности России наступил в послевоенные годы. Он характеризуется углубленным интересом исследователей к социально-экономическим процессам, протекавшим в промышленности, стремлением выявить ростки новых отношений в ней, а также существенным расширением источниковедческой базы исследований, широким использованием архивных источников.

Первой монографией этого времени можно считать исследование Е. И. Заозерской «Мануфактура при Петре I». Правда, по задачам исследования, по проблематике, интересующей

⁵⁴ Д. А. Кашинцев. Указ. соч., стр. 134. См. также его статью «Горнозаводская промышленность Урала и крестьянская война 1773—1774 гг.» — «Историк-марксист», 1936, кн. 1.

автора, монография Е. И. Заозерской примыкает к предвоенным трудам, но она написана преимущественно на основе неопубликованных источников. Это придает труду Е. И. Заозерской значительный интерес.

Автор поставила перед собой задачу изучить состояние мануфактурного производства России петровского времени, причем оговаривалось, что предпринятый труд ни по размерам, ни по характеру «отнюдь не является исчерпывающим». Все же Е. И. Заозерская претендует на «всестороннюю характеристику того крупного промышленного предприятия при Петре, которое мы имеем основание называть мануфактурой»⁵⁵. Но для решения столь сложной задачи автор не располагала ни надлежащим материалом, ни соответствующей «площадью» для его изложения.

При освещении некоторых вопросов, затронутых в монографии, Е. И. Заозерская оперирует свежим материалом, позволяющим сделать новые наблюдения. В частности, заслуживают быть отмеченными количественные показатели развития мануфактурного производства в петровское время, данные об удельном весе частного и казенного заводовладения, о мерах поощрения частного предпринимательства, об условиях формирования рабочей силы и т. д.

К сожалению, новый материал использован лишь для того, чтобы подтвердить уже давно известные выводы. Так, глава «Объем промышленного строительства при Петре I» завершена выводом, более основательно аргументированным еще П. Г. Любимовым, — о том, что «мы можем с уверенностью говорить о мануфактуре первой четверти XVIII в. как о централизованной». Основной вывод монографии, опровергающий неосновательные утверждения П. Н. Милюкова об искусственности крупной промышленности в России, был давно высказан Туган-Барановским и им же убедительно аргументирован.

Годом позже, в 1948 г., вышла небольшая монография М. Н. Мартынова «Горнозаводская промышленность на Урале при Петре I»⁵⁶, написанная, как и монография Е. И. Заозерской, по архивным источникам. Автор поставил перед собою нелегкую задачу — на 8 печатных листах осветить ряд вопросов, связанных с историей уральской промышленности: темпы промышленного строительства, промышленную политику правительства, социальную природу уральских мануфактур, формирование заводских кадров и другие, менее важные темы. Глубина названного исследования отдана в жертву широте поставленных задач. Так, строительству казенных и частных заводов на Урале в 1711—1718 гг. отведено полторы страницы, анализу Берг-привилегии 1719 г. — две страницы и т. д. Скольжение по поверхности

⁵⁵ Е. И. Заозерская. Мануфактура при Петре I. М.—Л., 1947, стр. 6.

⁵⁶ М. Н. Мартынов. Горнозаводская промышленность на Урале при Петре I. Свердловск, 1948.

нередко приводит автора к ошибочным утверждениям, основанным на недоразумениях. Расцвет уральской промышленности в 1719—1725 гг. М. Н. Мартынов объясняет, с одной стороны, потребностями казны в меди, необходимой якобы для чеканки монеты, а с другой — военными потребностями в связи с намечавшимся персидским походом Петра I. В действительности же ни одна из указанных М. Н. Мартыновым причин не оказала сколько-нибудь серьезного влияния на темпы уральской промышленности, ибо денежная реформа (а вместе с нею и потребность правительства в меди) была проведена значительно раньше, а пушки и снаряды для персидского похода были изготовлены подмосковными, а не уральскими заводами. Равным образом поверхностно освещено положение рабочих и мастеровых людей. И все же исследование М. Н. Мартынова означало шаг вперед в изучении уральской металлургии и заслуживает положительной оценки. Историки получили в свое распоряжение новые материалы и ряд ценных наблюдений. В частности, заслуживает внимания утверждение М. Н. Мартынова о преемственной связи промышленной политики правительства второй четверти XVIII в. с предшествующим временем, оценка деятельности В. Н. Татищева на Урале и др.

Важная веха в изучении истории уральской металлургии связана с опубликованием в 1949 г. фундаментального исследования Б. Б. Кафенгауза «История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв.». Задача исследования сформулирована самим автором следующим образом: «На примере хозяйства Никиты Демидова сделана попытка осветить вопрос о возникновении крупного производства на Урале, в какой мере была подготовлена для него почва, откуда черпался для первых заводов технический и организационный опыт, как складывалась рабочая сила, какова была роль государственной власти. Перед исследователем стоит также задача выяснения объема производства, численности заводов, размера и состава продукции»⁵⁷. Одни из поставленных вопросов разработаны автором с предельной ясностью и полнотой, по-новаторски, другие еще нуждаются в дополнительной аргументации. Эта неравноценность частей, видимо, связана с недостаточным использованием богатейшего материала фондов Сената и Берг-коллегии, привлеченных Б. Б. Кафенгаузом лишь частично.

Наиболее удачно выполнена первая часть исследования, посвященная возникновению вододействующих заводов на Урале. Обилие использованных источников позволило автору «восстановить почти день за днем строительство первых уральских заводов и первые шаги Никиты Демидова». Убедительными фактами из практики строительства первых уральских заводов моногра-

⁵⁷ Б. Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв., т. I. М.—Л., 1949, стр. 7—8.

фия раскрывает известное положение В. И. Ленина о перемещении крупной промышленности из Европейской России на Восток, об использовании производственного опыта заводских кадров Подмоскovie на Урале. Ценность этой части исследования определяется еще и тем, что автор рассматривает деятельность комиссара Никиты Демидова на широком фоне развития всей металлургии России.

Большую ценность представляют разделы монографии, написанные на новом типе документов, до этого никогда не привлекавшихся исследователями. Речь идет о широком использовании заводской документации, т. е. того первичного статистического материала, который по мере продвижения вверх по ступеням иерархической лестницы вотчинной администрации либо терял первоначальную свежесть, либо отсеивался совершенно. На основе первичной заводской документации изучена динамика производства на заводах, освещена борьба рабочих людей и приписных крестьян против заводовладельца, их участие в крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева и т. д.

В то же время положение рабочих и мастеровых людей, рост хозяйства Демидовых, условия строительства отдельных предприятий изучены недостаточно.

Самый крупный вклад в историографию русской металлургии феодальной поры безусловно внес акад. С. Г. Струмилин, посвятивший изучению этой отрасли хозяйства по крайней мере 25 лет жизни. Своими отчетами о проделанной работе являлись публикации его исследований. Первое из них — «Черная металлургия в России и СССР» — увидело свет в 1935 г.; 10 лет спустя, в 1945 г., была опубликована небольшая работа «Горнозаводский Урал петровской эпохи». Многолетнюю работу над темой подытожило монументальное исследование «История черной металлургии СССР» (т. I), опубликованное в 1954 г.

«Черная металлургия в России и СССР» — исследование статистическо-экономического содержания. Книга имеет подзаголовок: «Технический прогресс за 300 лет». Сам автор так характеризовал задачу исследования: «Меня лично в предлагаемой работе особенно интересует именно эта область пограничных технико-экономических проблем, где техника столь часто диалектически перерастает в экономику». Оригинальная задача определила оригинальную методику исследования и своеобразное использование материалов. На протяжении трех столетий, включающих и 15 пореволюционных лет, изучены изменения в производительности труда при заготовке дров, угля, флюсов, руды. Отдельно рассмотрена динамика производительности труда в металлургическом производстве. Полученные результаты, по признанию автора, хотя и далеко не совершенные, представляют огромный научный интерес. К сожалению, призыв

С. Г. Струмилина к историкам и экономистам общими усилиями продолжить работу в этом направлении пока не нашел отклика.

Вторая работа — «Горнозаводской Урал петровской эпохи» — представляет стенограмму лекции. Основное содержание, насыщенное новыми материалами и наблюдениями, состоит в рассмотрении предпосылок возникновения уральской металлургии и ее бурного роста в петровское время. Вызывают, однако, возражение заключительные слова этой лекции. Воздав должное заслугам Петра I в развитии металлургии, С. Г. Струмилиным неожиданно заявил: «Среди никчемных преемников Петра Великого не нашлось ни одного государственного ума, способного понять, что, закрепощая в угоду горстке дворян миллионы трудящихся, страна обрекается на безнадежное отставание, а армия — на неизбежное военное поражение при первом же серьезном конфликте с опередившими Россию соседями». Будто крепостное право выдумали бесталанные преемники Петра! Будто сам Петр не производил закрепощения крестьян! Наконец, будто поступательное движение или отставание находилось в исключительной зависимости от государственных умов!

Последний труд С. Г. Струмилина — «История черной металлургии СССР» — является выдающимся исследованием. Ничего подобного в литературе не было и нет ни по хронологическому охвату истории промышленности, ни по широте использования архивных источников, ни по глубине их анализа. Проблематика, исследованная в монографии, разнообразна. Здесь и попытка ответить на сложный вопрос о социально-экономической природе русской мануфактуры, здесь и вопросы, связанные с промышленным переворотом и первоначальным накоплением. На основе тщательного изучения статистических материалов автор рисует подробную картину хода выплавки металлов. Разделы, посвященные составу рабочей силы, возбуждают у читателя наибольший интерес и в то же время относятся к наиболее спорным. У монографии есть еще одно редкое достоинство, не отмеченное в свое время рецензентами, — блестящий стиль изложения, умение видеть за сухими цифрами пульс жизни.

Позиция С. Г. Струмилина в дискуссии о природе мануфактуры была определена еще в 30-х годах. Ее он придерживается и поныне, в частности, она подробно изложена и аргументирована в монографии «История черной металлургии в СССР». Эта позиция исключает компромиссы и рассматривает мануфактуру исключительно как капиталистическое предприятие. Отправной вехой этой точки зрения является следующее утверждение: «Отвлекаясь от любых юридических надстроек и судя только по экономическому содержанию общественных отношений, мы должны все ее (мануфактуры. — Н. П.) разновидности — и с крепостным и посессионным и с вольнонаемным трудом — поскольку капитал, оплачивая этот труд, извлекал из него прибавочную

стоимость, признать в самой их экономической основе капиталистическими»⁵⁸. В другом месте С. Г. Струмилин более подробно расшифровывает эту сжатую формулу. Неопровержимым признаком капиталистической природы любой разновидности мануфактуры является денежная оплата труда, совершенно чуждая феодальному хозяйству, а также связь мануфактуры с рынком, в то время как «основной характеристикой феодально-крепостнических отношений было господство натурального хозяйства»⁵⁹.

Схема, как видим, логически стройна и внешне убедительна. Однако в эту схему не всегда может быть втиснут конкретно-исторический материал. Это чувствует и сам автор, вынужденный иногда, оперируя конкретным материалом, оказывать нажим на источники. С. Г. Струмилин, по нашему мнению, искусственно воздвигает китайскую стену между двумя способами производства, которым свойственна эксплуатация. В жизни в переходные эпохи от одной формации к другой такой изоляции не было. Едва ли не самой яркой иллюстрацией этого положения является тот факт, что дворянин занимается капиталистическим предпринимательством, а промышленник становится дворянином, свободный рабочий превращается в крепостного, а крепостной — в наемного. В. К. Яцунский в рецензии на книгу С. Г. Струмилина правильно отметил, что «с точки зрения предлагаемого С. Г. Струмилиным определения придется и помещичье крепостное имение, владелец которого перевел крестьян на месячину и реализует на рынке создаваемую ими продукцию, также считать капиталистическим предприятием»⁶⁰.

В качестве уступки своим оппонентам С. Г. Струмилин все же признает своеобразие русской мануфактуры, состоящее в том, что она «отразила в своей внешней оболочке немало характерных черт той феодальной среды, которая тормозила ее развитие», но «это было своеобразие формы, а не содержания». Если бы, однако, дело было только в форме, а не в содержании, то мы бы не были свидетелями той эволюции, которую пережила, например, посессионная, не говоря уже о вотчинной и казенной, мануфактура. Она была тесно связана с крепостной системой не только своими формами, но и содержанием. Это обстоятельство отметил В. И. Ленин, когда писал, что «во времена оны крепостное право служило основой высшего процветания Урала», а затем это же крепостное право стало «главной причиной застоя Урала»⁶¹. Общность судеб крепостного хозяйства с посессионными мануфактурами нащупана уже в исследовании

⁵⁸ С. Г. Струмилин. История черной металлургии СССР, т. I. М., 1954, стр. 267.

⁵⁹ Там же, стр. 263.

⁶⁰ «Вопросы истории», 1955, № 6, стр. 140.

⁶¹ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 424, 425.

Б. Б. Кафенгауза, ограничившего свою монографию концом XVIII в. Но еще ярче кризис посессионной мануфактуры показан в исследовании К. К. Демиховского, изучавшего металлургическое хозяйство Баташовых не только в XVIII, но и в первой половине XIX в.⁶²

В 1950-х годах было опубликовано четыре исследования, освещающих историю Олонецкого металлургического района. В каждом из них изучается относительно узкий круг вопросов, но в совокупности они дают довольно основательное представление о развитии этого своеобразного горнорудного края.

Начало монографического изучения олонецкой металлургии было положено небольшой монографией О. И. Васильевской⁶³, посвященной частным заводам края. На протяжении XVIII в. в крае возникло 9 частных заводов, ни один из которых не был долговечным. Каждый завод стал предметом специального изучения. Автор пришел к выводу, что причина гибели мануфактур и разорения промышленников состояла в неэкономичности эксплуатации доменных печей, базировавшихся на использовании мелких месторождений болотных и дерновых руд. Такие руды мог более эффективно использовать мелкий товаропроизводитель с его несложным оборудованием, легко переносимым с одного места на другое, по мере исчерпания запасов руды. Этот вывод следует признать правильным, хотя он в книге аргументирован недостаточно; в частности, в ней слабо представлены экономические показатели производственной деятельности предприятий.

История казенных заводов подверглась монографическому исследованию Я. А. Балагурова, опубликовавшего две работы. В первой из них автор поставил задачу «показать историю формирования рабочих кадров Олонецких Петровских заводов в первой половине XVIII в.»⁶⁴. Эта задача успешно решена автором. Основным источником формирования заводских кадров были приписные крестьяне, из которых рекрутировались «непременные» работники, выполнявшие как основные, так и, особенно, вспомогательные работы. Интереснее всего в книге изучен институт неперменных работников. К сожалению, автор не установил связи между практикой комплектования кадров на Олонецких заводах и введением института неперменных работников на Урале в начале XIX в.

Вторая книга этого автора является продолжением первой⁶⁵.

⁶² К. К. Демиховский. История Приокского горного округа в крепостную эпоху. М., 1956 (рукопись).

⁶³ О. И. Васильевская. Частная металлургия Карелии в середине XVIII в. Петрозаводск, 1954.

⁶⁴ Я. А. Балагуров. Формирование рабочих кадров Олонецких Петровских заводов. Петрозаводск, 1955, стр. 13.

⁶⁵ Я. А. Балагуров. Олонецкие горные заводы в дореформенный период. Петрозаводск, 1958.

Процесс формирования заводских кадров по-прежнему стоит в центре внимания Я. А. Балагурова. Он отметил исчезновение института непрременных работников в 70-х годах XVIII в. Причина этой меры правительства осталась невыясненной. Вряд ли можно признать убедительной мотивировку отказа правительства от набора непрременных работников сопротивлением крестьян, так как такой институт несколько позже был введен на Урале. Слабо аргументированным оказался и вопрос о преимуществах как наемного, так и принудительного труда. Дело, конечно, было не во вкусах Гаскойна, как это изображает автор, а в экономической целесообразности использования труда крепостных. Этот коренной вопрос формирования кадров нуждается еще в дополнительной разработке.

Исследования об олонецкой металлургии замыкает интересная монография А. П. Глаголевой⁶⁶, в которой прослежены строительство и эксплуатация заводов края на протяжении первой четверти XVIII в. Монография А. П. Глаголевой отличается основательностью наблюдений и тщательным изучением неопубликованных источников. Автор доказала, что строительство Олонецких заводов осуществлялось теми же феодальными приемами, без затрат денежных средств, как и уральских заводов.

Заводские кадры также формировались феодальными методами — грубым отрывом крестьян от земли и переселением их на мануфактуры. Но в мануфактурном производстве, основанном феодальным государством, а также в заводских кадрах, укомплектованных феодальными же методами, автор видит переплетение феодальных и капиталистических явлений.

В течение последних пяти лет было опубликовано несколько книг и статей Ф. Я. Полянского. Все они являются частями рукописи «Русская мануфактура в XVIII в.» объемом около 150 авторских листов, обсуждавшейся в Институте экономики АН СССР 10 лет назад. Опубликованные книги и статьи объединяют единство темы, единство метода обработки источников и близость выводов. Это освобождает нас от необходимости рассматривать каждую работу в отдельности и дает право остановиться на центральной монографии «Экономический строй мануфактуры в России XVIII века». Названная монография хотя и не является специальным исследованием по истории отечественной металлургии, тем не менее содержит значительный материал по интересующей нас отрасли народного хозяйства.

Публикуя работу, автор поставил перед собою задачу «расширить документальную базу дискуссии за счет архивного материала, полнее использовать указания классиков марксизма-ленинизма и формулировать новое решение вопроса». Здесь же

⁶⁶ А. П. Глаголева. Олонецкие заводы в первой четверти XVIII в. М., 1957.

дано пояснение, в чем заключается «новое решение вопроса». Оно, по мнению Ф. Я. Полянского, «состоит в преодолении альтернативной постановки вопроса, при которой вся мануфактурная промышленность России XVIII столетия относится к разряду чисто крепостной или только капиталистической». Таким образом, речь идет о двух задачах: о введении в научный оборот новых источников и о попытке по-новому решить вопрос о социально-экономической природе русской мануфактуры.

Рассмотрим, как автор справился с первой из поставленных задач. Внешне монография Ф. Я. Полянского выглядит весьма солидно. Она имеет огромный справочный аппарат, состоящий из большого количества ссылок на архивные источники. Создается впечатление, что автор выполнил свое обязательство по расширению документальной базы дискуссии. Однако архивный материал монографии и тем более основанные на этом материале выводы при всей их внешней солидности все же не внушают доверия. Дело в том, что Ф. Я. Полянский вместо изучения материалов и их разностороннего анализа использует эти материалы лишь для иллюстрации того или иного положения. В его работах, посвященных социально-экономической проблематике, авторский текст состоит из заявлений, иллюстрируемых фактами, случайно извлеченными из архивных документов. Чтобы убедиться в этом, достаточно рассмотреть несколько страниц текста, по приемам изложения характерных для всей книги.

На стр. 128—129 автор делает весьма важное заявление о том, что «темпы роста капиталистических мануфактур в России XVIII в. были довольно медленными». Эту ответственную мысль Ф. Я. Полянский уполномочил подтвердить трем предприятиям по производству игральные карты. Вряд ли можно положиться на приведенные примеры из истории третьестепенной отрасли промышленности, чтобы считать тезис автора доказанным.

На следующей странице сформулирован, хотя и весьма обтекаемо, ответственный тезис: «На очень многих мануфактурах работали лишь наемные люди, и у нас нет оснований сомневаться в капиталистическом характере таких мануфактур». Эта мысль тоже иллюстрируется рядом примеров, причем автора совершенно не интересует, насколько эти примеры типичны, каков их удельный вес, из материалов какой отрасли промышленности они извлечены и к какому промышленному району они относятся. Важен сам по себе факт, который на первый взгляд кажется заслуживающим внимания. Сначала приведен пример о наличии наемных на суконной фабрике Дмитрия Бабушкина в Москве. Затем сказано, «что даже на первой суконной мануфактуре в Сибири, созданной в Иркутске компанией устюжанина Я. Бобровского», применялся труд наемных людей⁶⁷.

⁶⁷ Ф. Я. Полянский. Экономический слой мануфактуры в России XVIII века. М., 1956, стр. 131.

Однако пример с иркутской мануфактурой не является типичным, ибо в Сибири почти не было крепостничества, следовательно, отсутствовали контингенты для покупки и приписки крестьян. В следующем абзаце — новый пример: «В северной металлургии XVIII в. также встречались настоящие капиталистические мануфактуры»⁶⁸. В доказательство этого положения назван Вохтозерский завод. Автор не задумывается над тем, что этот пример нельзя считать типичным для металлургии, ибо, во-первых, Вохтозерский завод относился к числу очень мелких предприятий; во-вторых, он был расположен в районе, где отсутствовало помещичье землевладение; в-третьих, завод был недолговечен.

«В стекольной промышленности уже в 40-х годах XVIII в. существовали по преимуществу капиталистические мануфактуры», — пишет автор⁶⁹. «По преимуществу» капиталистический характер мануфактур в целой отрасли промышленности должен иллюстрировать единственный пример о том, что на заводе Богдана Стенцеля в Дмитровском уезде находилось 32 наемных рабочих.

Следующий абзац Ф. Я. Полянский начинает с заявления, что «строительство в середине XVIII в. велось исключительно при помощи наемного труда». В подтверждение этой мысли приведен единственный факт о том, что сметы на строительство хлебных магазинов, составленные в 1750 г., предусматривали использование наемных каменщиков и плотников. Здесь вызывает сомнение и категоричность заявления и пример, призванный его подтвердить, ибо речь идет о смете, а не о реально осуществленном строительстве. Покончив на восьми строчках с хлебными магазинами, автор далее заявляет, что «даже строительство металлургических заводов осуществлялось в середине XVIII в. обычно силами вольнонаемных рабочих»⁷⁰. Это заявление подкреплено случайной ссылкой на постройку мелкой мануфактуры Турчанинова и Никонова в Воронежской губ. В данном случае игнорированы десятки других фактов, когда более крупные заводы были построены без применения наемного труда или с частичным его использованием.

Подобных примеров можно привести бесчисленное множество.

Способ использования источников, о котором речь шла выше, лишает автора возможности установить какую-либо закономерность, проследить тенденцию развития процесса, сопоставить одну отрасль промышленности с другой, уловить особенности промышленных районов. Вместо этого — сумма случайно подобранных фактов.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же, стр. 133.

⁷⁰ Там же.

Отмеченный недостаток, обусловленный методикой обработки материалов, усугубляется способом их отбора. Ни в одной из своих работ автор не сделал обзора использованных источников, не дал им оценки и характеристики. Ознакомление со справочным аппаратом трудов Ф. Я. Полянского показывает, что он и здесь совершил серьезный промах, став на путь изучения мануфактуры XVIII в. не по фондам центральных учреждений, непосредственно ведавших той или иной отраслью промышленности и торговли (фонды Берг-коллегии, Мануфактур-коллегии, Коммерц-коллегии), а по фонду высшего учреждения, каким являлся Сенат, или по коллекциям, отложившимся в разрядах Госархива. Материалы фондов промышленных учреждений в работах Ф. Я. Полянского играют вспомогательную роль, в то время как они по праву должны занимать главное место. В самом деле, повседневная жизнь предприятия, т. е. все типичное, связанное с его возникновением и эксплуатацией, нашла отражение в фондах центральных учреждений. В канцелярию Сената дела торгово-промышленного содержания попадали в порядке исключения в одном из следующих случаев: 1) в порядке апелляции; 2) вследствие отсутствия прецедента или соответствующего законодательного акта; 3) в случаях, когда решение вопроса выходило за пределы компетенции коллегии; 4) наконец, по собственной инициативе Сената, когда он запрашивал в коллегиях необходимый материал для решения вопросов, затрагивающих компетенцию нескольких коллегий. Из этого следует, что при использовании сенатских материалов можно прийти к опрометчивым выводам, что и встречается в рассматриваемой работе.

Автор, например, заявляет, что «на Урале наемный труд в третьей четверти XVIII в. применялся очень широко». Здесь же приведен пример: «К Вознесенскому медеплавильному заводу Сиверса в 1754 г. было приписано 2319 душ, но годных к работе среди них имелось только 1000 чел. Поэтому на заводе работало к 1765 г. еще 800—900 вольнонаемных»⁷¹. Пример, приведенный Ф. Я. Полянским, не является характерным. Он нашел отражение в фонде Сената только потому, что связан с необычными обстоятельствами: высшее правительственное учреждение рассматривает просьбу вельможи о покупке этого завода казной. Столь же случайно оказались в Сенате и сведения о рабочей силе заводов, принадлежавших наследникам Максима Походящина. Весь этот материал должен был решить вопрос о покупке заводов. Таким образом, если судить о масштабах применения наемного труда на уральских заводах по фонду Сената, то, быть может, и следует сделать вывод о его «очень широком» использовании. Однако достаточно привлечь массовый материал, чтобы убедиться в ошибочности этого заявления.

⁷¹ Ф. Я. Полянский. Указ. соч., стр. 141.

Вознесенский завод Сиверса использован Ф. Я. Полянским еще раз в качестве иллюстрации к заявлению о том, что «в медной промышленности частные предприятия с их ожесточенной борьбой за прибыль давали больший экономический эффект, чем казенные, отличающиеся крайним бюрократизмом (?), свойственным абсолютизму». Далее со ссылкой на фонд Сената автор пишет, что «во время владения заводом Сиверсом на нем выплавлялось меди почти в два раза больше, чем это делала казна»⁷². Если бы автор использовал материалы фонда Берг-коллегии, то убедился бы в том, что уменьшение выплавки меди явилось не результатом бюрократического управления заводом, а следствием хищнической эксплуатации рудников Сиверсом, который возбудил ходатайство о продаже Вознесенского завода, с одной стороны, вследствие трудностей, испытывавшихся в связи с недостатком наемных рабочих, а с другой — после того как убедился, что лучшие рудники находились на грани истощения.

Примеров ошибочной интерпретации источников и необоснованности широких выводов на узкой и случайной источниковедческой базе можно привести множество — они разбросаны по всей монографии. Но из этого следует, что приведенный материал является случайным и принимать его всерьез вряд ли возможно. Автор, таким образом, по существу не выполнил своего обязательства расширить источниковедческую базу дискуссии⁷³.

Столь же сомнительной оказалась попытка решить вторую задачу монографии, а именно «формулировать новое решение вопроса» о социальной природе русской мануфактуры. Никакой новизны в преодолении альтернативной постановки вопроса о характере русской мануфактуры давно нет. У Ф. Я. Полянского имеются многочисленные предшественники, о которых он не пишет ни слова. О мануфактуре России, сочетающей в себе элементы феодальных и капиталистических отношений, писали многие авторы монографических исследований и статей. Еще в 1930-х годах этой точки зрения придерживался М. Ф. Злотников, а в наше время ее развивали в своих работах Е. И. Заозерская, Б. Б. Кафенгауз, Н. И. Павленко, А. П. Глаголева и др. Даже в учебнике для высшей школы после рассмотрения состава рабочей силы, формировавшейся из разнообразных категорий населения страны, сказано: «Таким образом, состав рабочей силы на большинстве мануфактур был смешанным. Это дает основание считать русские мануфактуры первой половины XVIII в. предприятиями, на которых характерное для феодализма внеэкономическое принуждение сочеталось с капиталистическими фор-

⁷² Там же, стр. 236.

⁷³ Теми же приемами обработки архивных материалов отличаются статьи Ф. Я. Полянского «Промышленная политика русского абсолютизма второй четверти XVIII в.» и «Наемный труд в мануфактурной промышленности России XVIII в.» — Сб. «Вопросы истории народного хозяйства СССР», М., 1957.

мами эксплуатации»⁷⁴. Не новым является и понятие «феодализированная мануфактура», впервые введенное С. Г. Струмилиным в своей последней монографии⁷⁵.

Уязвимость монографии Ф. Я. Полянского порождена несостоятельностью методики исследования. Вспоминаются слова В. И. Ленина, написанные им по поводу таких приемов обращения с фактами: «В области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание *отдельных* фактиков, игра в примеры. Подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев. Факты, если взять их в их *целом*, в их *связи*, не только „упрямая“, но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже»⁷⁶.

В 1959 г. уральская историография пополнилась книгой В. Я. Кривоногова о наемном труде в горнозаводской промышленности Урала в XVIII в.⁷⁷ По научной значимости книгу можно разбить на две части: одна из них, сосредоточенная в 4-й и 5-й главах и рассматривающая вопрос об обеспечении заводов сырьем путем подрядных операций, представляет несомненный интерес и заслуживает положительной оценки. Автор использовал значительный архивный материал о распространении подрядов в горнорудном промысле. Подрядом поставлялись руды и другие материалы на Екатеринбургский и Уктусский заводы. Но особенно широко подрядные операции были распространены при обеспечении сырьем пермских медеплавильных заводов. Если бы автор ограничился этими двумя главами, то задача критика была бы предельно простой. К сожалению, В. Я. Кривоногов, увлекшись темой, создал для добротного текста четвертой и пятой глав обрамление из других четырех глав, которые составляют вторую часть его труда и изобилуют многочисленными фактическими неточностями.

В. Я. Кривоногов не видит существенных различий между условиями появления металлургических мануфактур в центре страны и на Урале. Вывод действительно нов, ибо подобных утверждений не было ни в дореволюционной, ни в советской историографии. В. И. Ленин писал, что после возникновения в Туле первого чугунолитейного завода, устроенного «выдающимся тульским кузнецом», промысел «переходит на Урал и в Си-

⁷⁴ «История СССР», т. I. М., 1956, стр. 432.

⁷⁵ С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР, т. I, стр. 268.

⁷⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 266.

⁷⁷ В. Я. Кривоногов. Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в XVIII в. Свердловск, 1959.

бирь»⁷⁸. О пространственном перенесении крупного металлургического производства из центральных районов России на Урал писал еще в начале XIX в. Гамель. Как происходило это перемещение, с полной ясностью, прослеживая едва ли не день за днем строительство первых уральских заводов, показал в своем капитальном исследовании Б. Б. Кафенгауз. Он пришел к выводу, «что нельзя преувеличивать значение местной уральской мелкой металлургии XVII в. для создания крупной петровской промышленности, хотя и сбросить ее со счетов также не следует»⁷⁹.

Свой вывод В. Я. Кривоногов подкрепляет следующим заявлением: «Таким образом, мы насчитываем 12 заводов, которые возникали на Урале на базе крестьянской кустарной металлургии. Они основывались как капиталистические мануфактуры»⁸⁰. Присмотримся к этим 12 предприятиям и установим, действительно ли они являлись мануфактурами и ведут ли они свое начало от мелких промыслов.

В числе 12 предприятий значится Петропавловский медеплавильный завод Потапа Каркина. Автор считает этот завод действующим и в доказательство приводит факт уплаты десятины в размере 80 пудов 34 фунтов. На этом основании была определена годовая производительность завода, превышавшая 800 пудов меди⁸¹. В действительности завершение постройки Петропавловского завода представляется сомнительным. Десятину, о которой идет речь, Каркин должен был выплатить с меди, выплавленной на казенном заводе из подрядной руды.

Сомнительно существование еще нескольких мануфактур, в частности Лобвенского медеплавильного завода Трофима Замощикова «с товарищи», двух заводов Василия Аврамова «с товарищи» на речках Дале и Познянке. Приводимая ссылка на «Геометрический план», составленный в 1783 г., с указанием места «бывшего медеплавильного завода, заложенного дворянином Замощиковым», дает лишь повод признать, что Замощиков предпринимал попытку построить завод, но считать предприятие построенным на основании приведенной цитаты все же нельзя. К тому же у автора нет никаких оснований считать это предприятие, как и «завод» Аврамова, который, кстати, упоминает и Кириллов, мануфактурой. В число 12 мануфактур включен безымянный завод крестьянина Кунгурского уезда Василия Шарова на том основании, что он в 1721 г. обратился к В. Н. Татищеву с просьбой о разрешении построить завод. На основании такого же заявления в списки владельцев доменного и молото-

⁷⁸ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 371.

⁷⁹ Б. Б. Кафенгауз. Указ. соч., т. I, стр. 51.

⁸⁰ В. Я. Кривоногов. Указ. соч., стр. 28.

⁸¹ Там же.

вого завода на речке Мече в Кунгурском уезде внесен рудопромышленник и скупщик Гаврило Соковнин. Между тем хорошо известно, что не каждая заявка на строительство завода завершалась сооружением предприятия.

Весьма сомнительно существование мануфактуры под названием Давыдовского медеплавильного завода Тряпицына. Скорее всего это было предприятие кустарного типа, а не мануфактура.

Но среди названных в монографии заводов находились и действующие предприятия, например Троицкий медеплавильный завод М. Ф. Турчанинова. Однако ни Турчанинов, ни его завод ни в коей мере не иллюстрируют тезис В. Я. Кривоногова о перерастании крестьянских промыслов в мануфактуру. Турчанинов был посадским человеком Соли Камской, приказчиком крупного солепромышленника и сам выбился в солепромышленники. Крестьянином он не был. Постройка Троицкого завода находилась в тесной связи с деловыми контактами, поддерживаемыми Турчаниновым с казной на почве поставок руды на казенные предприятия. С согласия Берг-коллегии Геннин оказал давление на солепромышленника, чтобы тот обзавелся собственным предприятием.

В числе действующих находился и Уинский медеплавильный завод Тимофея Шавкунова. Этот посадский города Кунгура, а не крестьянин, был винокуром и винным подрядчиком, а также поставщиком руды на казенные заводы. Накопление капиталов у Шавкунова было связано с деловыми контактами с казной. Промысел по заготовке медной руды был порожден мануфактурой, а не наоборот; мануфактура не возникла на базе этих промыслов.

Единственным предприятием, в истории которого можно проследить процесс перерастания мелкого товарного производства, был Мазуевский завод Федора Молодого, хотя и здесь его капиталы по своему происхождению связаны не с рудными промыслами, а, как это показал А. А. Преображенский, с винокурением и торговлей⁸². Вряд ли, однако, на одном примере можно делать вывод о генетической связи крестьянской промышленности Урала с мануфактурами, возникшими в этом районе.

В аналогичном критическом разборе нуждается вторая глава, в которой высказана правильная мысль, подкрепленная архивным материалом, о том, что многие предприятия, возникнув на наемном труде, постепенно переходили к эксплуатации принудительной рабочей силы. Это наблюдение, кстати, не ново. Но пафосом второй главы является таблица, из которой явствует, что в России в течение 1730—1780 гг. было построено наемным трудом 33 завода, из которых на долю Урала приходилось 30 пред-

⁸² А. А. Преображенский. Из истории первых частных заводов на Урале в начале XVIII в.— «Исторические записки», т. 63.

приятый, а на долю всей остальной России — только три завода⁸³. Легким нажимом на источники Урал, где, по выражению Ленина, «крепостное право служило основой высшего процветания»⁸⁴ промышленности, превращен в форпост капитализма в России.

Не может быть принята и вторая цифра, свидетельствующая, будто на долю всей остальной России приходилось всего три завода, использовавших наемный труд. Достаточно указать, что в эти годы только в одном Олонецком металлургическом районе было основано около десятка такого рода предприятий⁸⁵.

Развивая идею С. Г. Струмилина о преимуществах наемного труда, В. Я. Кривоногов пытается подтвердить ее новой аргументацией. Правда, В. Я. Кривоногов придерживается менее радикальных взглядов, чем С. Г. Струминин. Если последний обнаружил это преимущество еще в конце петровского времени, то В. Я. Кривоногов относит его к концу XVIII в. «Факты говорят о том, — пишет он, — что и заводчики, и горные деятели конца XVIII века понимали преимущества наемного труда, ибо они прибегли к сравнительным подсчетам результатов работы с наемным и подневольным трудом».

Автор рассказывает, что в 1799 г. на Невьянском заводе все работы выполнялись подневольными людьми, а на Верхне-Салдинском, Уткинском и Ревдинском заводах заготовка дров и поставка угля производились наемными. В итоге были достигнуты показательные, с точки зрения автора, результаты: «На одну доменную печь было получено чугуна на Невьянском заводе — 100 760 пуд., Верхне-Салдинском — 102 156 пуд., Уткинском — 128 142 пуд., Ревдинском — 162 255 пуд.»⁸⁶. Эти цифры ни в какой мере не подкрепляют тезиса автора, ибо он оставил без внимания весьма существенные факторы, оказывающие влияние как на производительность труда, так и на себестоимость продукции: конструкцию домны, качество сырья, транспортные расходы и т. д. Кнауф, на свидетельства которого ссылается В. Я. Кривоногов, понимал этот вопрос глубже. Он информировал Берг-коллегию, кстати, не в XVIII в., как утверждает В. Я. Кривоногов, а в начале XIX в., о том, что достиг «усиления заводского действия» путем «найма вольных работников, заведения и устройства полезных машин, уменьшающих число рук, усиливающих самое действие» и усовершенствующих работу⁸⁷.

⁸³ В. Я. Кривоногов. Указ. соч., стр. 45.

⁸⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 424.

⁸⁵ Характерно, что этих серьезных промахов не видит автор наивной рецензии на книгу В. Я. Кривоногова, опубликованной в «Вопросах архивоведения», 1960, № 5, стр. 113—115.

⁸⁶ В. Я. Кривоногов. Указ. соч., стр. 120.

⁸⁷ Там же, стр. 119.

Автор мог избежать некоторых промахов, если бы он основательнее изучил литературу (в частности, исследование Васильевской) и опубликованные источники. Описание уральских заводов В. И. Геннина, записки Г. Гмелина, И. Лепехина, Георги, труды И. Германа и другие материалы, содержащие ценные сведения об использовании наемного труда на уральских и других заводах, остались вне поля зрения автора.

Публикаторская деятельность советских историков значительно отстает от исследовательской. По истории металлургии России XVIII в. можно назвать лишь несколько публикаций документов, относящихся преимущественно к уральскому промышленному району. К ним относятся: «Описание уральских и сибирских заводов» В. Геннина, «Материалы совещания уральских промышленников 1734—1736 гг.», «Материалы о развитии уральской промышленности в 20—40-х гг. XVIII в.»⁸⁸, сборник документов «Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII—XIX вв.»⁸⁹ и документы о южноуральской металлургии, со знанием дела подготовленные и опубликованные Н. Ф. Демидовой во второй части т. IV «Материалов по истории Башкирской АССР»⁹⁰. Металлургия прочих районов страны отражена лишь документами о восстании крестьян Ромодановской волости Н. Н. Демидова⁹¹.

Из изложенного вытекает, что вышедшие работы вносят неравноценный вклад в разработку истории русской металлургии XVIII в. Среди них есть широкие по плану и по охвату материалов исследования (П. Г. Любомирова, С. Г. Струмилина), посвященные всей металлургии России на протяжении всего столетия. Эти исследования дополняются рядом аналитических работ, ограниченных изучением либо обособленного района, либо отдельного промышленного хозяйства, либо определенного периода (Д. А. Кашищев, Б. Б. Кафенгауз, Е. И. Заозерская, О. И. Васильевская, Я. А. Балагуров, М. Н. Мартынов). Наконец, есть исследования, авторы которых основной своей задачей считали не тщательное изучение источников, а иллюстрирование ими заранее выдвинутых положений. В одних случаях эти положения являются правильными, в других — надуманными (Ф. Я. Полянский, В. Я. Кривоногов).

В целом советской историографии принадлежит огромная заслуга изучения истории русской металлургии. Многочисленные исследователи последних десятилетий ввели в научный оборот огромный фактический материал: статистические данные о про-

⁸⁸ «Исторический архив», т. IX, М., 1953.

⁸⁹ «Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII—XIX вв.», Свердловск, 1956.

⁹⁰ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. IV, ч. 2, М., 1956.

⁹¹ «Материалы по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII веке», М.—Л., 1937.

изводительности металлургических предприятий, о численности занятых рабочих, об источниках комплектования заводских и внезаводских кадров и т. д. Но главная заслуга советской историографии состоит в разработке марксистско-ленинской концепции промышленного развития страны. Вместе с тем многие вопросы истории металлургии еще не получили должного освещения и нуждаются в дальнейшей тщательной разработке.

Даже великолепное исследование С. Г. Струмилина оставило за пределами своего содержания такие вопросы, как история медеплавильной промышленности, промышленная политика правительства, положение рабочих людей и их борьба против мануфактуристов и т. д.

В настоящем исследовании сделана попытка изучить металлургию России на протяжении всего XVIII в., точнее, осветить историю двух ее ведущих отраслей — доменного и передельного, а также медеплавильного производств. В основу изучения конкретного материала положены широко известные высказывания В. И. Ленина об оригинальных особенностях уральской промышленности⁹².

В монографии намечено рассмотреть три комплекса вопросов. В первый из них включено все, что имеет отношение к возникновению заводов и к заводоладельцам, — история складывания отдельных промышленных хозяйств, темпы строительства предприятий, происхождение заводоладельцев и накопленных у них капиталов, а также эволюция промышленников, приобретение «подлордными» купцами дворянских чинов. В этой связи рассмотрена также идеология формировавшейся буржуазии — ее социально-экономические взгляды.

Во втором комплексе намечено осветить разнообразные аспекты промышленной политики — серию мероприятий правительства в области промышленного развития страны, а также степень эффективности этих мероприятий, их ускоряющее или задерживающее влияние на темпы роста металлургического производства. К ним относятся: предоставление заводоладельцам льгот и привилегий, меры по обеспечению мануфактур рабочей силой, обязательные поставки изделий по заказам казенных ведомств, налоговая политика, политика сбыта изделий металлургии на внутреннем и внешнем рынках, а также роль казенного заводоладения в промышленном развитии страны. В связи с изучением основных законодательных актов правительства намечено проследить эволюцию форм собственности в промышленности, а также вопрос о горной свободе.

Наконец, третья часть монографии будет посвящена рабочим и мастеровым людям, занятым в металлургии. Важнейшее место здесь займет освещение формирования заводских и вне-

⁹² См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 424—425.

заводских кадров, изучение положения мастеровых и рабочих людей, а также приписных крестьян, исследование форм борьбы их против мануфактуристов.

В настоящей книге автору удалось реализовать лишь первую часть всего плана исследования, а именно рассмотреть рост промышленности, появление и исчезновение промышленных фирм, установить источники накопления капиталов, вложенных в металлургию, проследить условия формирования класса буржуазии. В связи с изучением конкретного материала представляется возможным наметить решение ряда общих вопросов, выяснение которых имеет существенное значение для истории России XVIII в., — о начале разложения феодально-крепостнической системы, о развитии капиталистических отношений в промышленности, об особенностях русского абсолютизма и т. д.

Историки много и плодотворно работают над выяснением условий формирования той социальной прослойки населения, из которой позже, в XIX в., будет складываться класс пролетариата. Степень развития капитализма в промышленности ставилась в зависимость от состава рабочей силы. Чтобы аргументация была полной и всесторонней, надлежит также присмотреться и к тому, что происходило в противоположном лагере, какова была социальная физиономия владельцев мануфактур, другими словами, изучить силы, антагонистические рабочим и мастеровым людям.

Процесс нобилитации владельцев заводов нетрудно сопоставить с эволюцией заводского персонала, с превращением наемных рабочих в крепостных, с заменой наемного труда трудом посессионных рабочих. Эти внешне противоположные явления были двумя сторонами единого процесса. Сущность его состояла в том, что становление новых классов подвергалось воздействию господствовавших в стране феодально-крепостнических отношений.

Изучение условий формирования буржуазии представляет интерес и с другой стороны. Окидывая взором путь, пройденный русской буржуазией на протяжении трех веков ее существования — от зарождения в XVII—XVIII вв. до гибели в результате Великой Октябрьской социалистической революции, нетрудно заметить ее пассивность в борьбе за капиталистический путь развития страны. Более того, она свято хранила верноподданническую присягу самодержавию и покорно мирилась с социальными порядками, господствовавшими в стране.

Напомним, что с требованием ликвидации крепостного права в XVIII в. выступала разночинная интеллигенция и представители дворянства, деятели так называемой «эпохи просвещения», а не купцы и мануфактуристы. Последние требовали душевладения, а в годы крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева не только не возглавили борьбы народных масс

за буржуазный путь развития, но оказывали всемерную поддержку царизму в подавлении восстания. Развернутую программу социальных преобразований, буржуазную по содержанию, в первой четверти XIX в., разработали не представители буржуазии, а дворянские революционеры, потерпевшие неудачу при попытке ее осуществления 14 декабря 1825 г. Реформа 1861 г., означавшая победу капиталистической формации, была проведена под давлением крестьян, а не буржуазии. Наконец, в 1905 и в 1917 гг. остатки феодализма и крепостничества, задерживавшие экономический и социальный прогресс, ликвидировала не буржуазия, а пролетариат.

Трусость и верноподданнические традиции буржуазии родились не в XX и даже не в XIX в. Превращение русских толстосумов в «столпов отечества», угоднически поддерживавших крепостничество, мы можем наблюдать у истоков формирования класса буржуазии. Взращенная на монополиях и привилегиях, предоставляемых абсолютизмом, складывавшаяся буржуазия была прочно связана с самодержавием, получала питательные соки от крепостничества и поэтому оказалась не в состоянии выполнить свою историческую миссию.

В связи с изучением условий складывания буржуазии и ее идеологии представляет интерес исследование процесса так называемого первоначального накопления капитала. Сущность этого процесса кратко и выразительно определена В. И. Лениным в статье «Карл Маркс»: «От накопления капитала на базе капитализма следует отличать так называемое первоначальное накопление: насильственное отделение работника от средств производства, изгнание крестьян с земли, кражу общинных земель, систему колоний и государственных долгов, покровительственных пошлин и т. д.» „Первоначальное накопление“ создает на одном полюсе «свободного» пролетария, на другом владельца денег, капиталиста»⁹³. Главное содержание этого процесса, как известно, составляет возникновение «свободного пролетария». Однако несомненный интерес представляет также изучение источников накопления денежных средств и использования их в промышленности.

Затянувшийся спор о времени начала разложения феодально-крепостнической системы исследователи решали преимущественно на изучении эволюции крестьянского хозяйства. Эту попытку следует признать плодотворной. Но не заглянув в помещичью усадьбу, не изучив новых явлений, происходивших в ней, нельзя с достаточной точностью определить ту грань, когда стали появляться первые трещины в системе феодальной эксплуатации крестьян.

⁹³ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 48.

Вотчинное хозяйство во всем сложном взаимодействии его частей не составляет предмета настоящего исследования. Здесь изучены лишь предпринимательские опыты дворян, причем только в промышленности, без привлечения материалов о сельском хозяйстве и торговле. Каждый факт предпринимательства, приведенный в отдельности, мало что дает исследователю, но взятые в совокупности они обеспечивают аргументацией существенные наблюдения.

Наконец, последнее. Настоящая работа имеет не только самостоятельное, но и вспомогательное значение. Она дает социально-экономическое обоснование промышленной политики правительства, как бы подводит под нее фундамент. Эта политика всегда была классовой, но само понятие «классовая политика» не является отвлеченным. Политику осуществляли конкретные люди, руководствовавшиеся отнюдь не абстрактными социологическими схемами, а текущими интересами. Нельзя понять сути изменений в промышленной политике, не изучив социально-экономических предпосылок этих изменений. Отсюда пристальное внимание к предпринимательству дворян. Удельный вес продукции дворянских предприятий в общей производительности металлургии России был невелик, но многие из дворян, увлекавшихся предпринимательством, занимали высокие посты в правительстве и при дворе, они держали в своих руках рычаги управления империей.

Отмена права покупки крестьян к мануфактурам, прекращение практики приписки государственных крестьян к купеческим заводам, ликвидация горной свободы, раздача казенных заводов дворянам, предоставление им денежных ссуд — вот далеко не полный перечень правительственных мер, осуществленных в интересах дворянства во второй половине XVIII в.

Среди промышленников-металлургов XVIII в. встречается немало любопытных фигур, алчных и хищных, ловких и незадачливых, талантливых организаторов и авантюристов, жестоких стяжателей и безвольных расточителей. В совокупности они составляли один из отрядов формировавшейся буржуазии. Одни из них оказали заметное влияние на металлургию, другие бесследно исчезли, одни из них предстают живыми людьми, сведения о других отрывочны и скупы. Но независимо от индивидуальностей промышленников в их судьбах отражались общие закономерности исторического процесса.

2. Источники

Сохранившиеся архивные материалы далеко не с одинаковой полнотой освещают историю металлургии XVIII в. Эта неравноценная обеспеченность источниками объясняется несколькими обстоятельствами.

Во-первых, слабо представлено материалами первое двадцатилетие XVIII в., т. е. время до образования Берг-коллегии. Подлинных документов об условиях возникновения частных заводов за эти годы почти не сохранилось. Исследователь здесь располагает лишь справками и различного рода экстрактами, в скудных фразах рассказывающими о начальных шагах того или иного промышленника. Затем наступает 60-летний период (1720—1770-е гг.) интенсивного функционирования горной администрации, отложившей обстоятельные и хорошо сохранившиеся материалы. С новыми и почти непреодолимыми трудностями исследователь встречается при изучении истории металлургии за 1783—1796 гг. Этот невосполнимый пробел за названные годы обусловлен упразднением основного фондообразователя — Берг-коллегии. Управление горнорудной промышленностью в указанные 14 лет было децентрализовано, находясь в руках казенных палат. Так как фонды казенных палат дошли до наших дней в плохой сохранности, а экспедиция Сената о казенных доходах, унаследовавшая функции Берг-коллегии, как правило, не имела непосредственных контактов с промышленниками, то исследователь не располагает первичными материалами за эти годы. Например, хозяйство М. П. Губина, складывавшееся в эти десятилетия, совершенно не отражено первичными документами.

Во-вторых, степень полноты освещения истории отдельных промышленных хозяйств источниками не всегда пропорциональна удельному весу этих хозяйств в металлургическом производстве. Напротив, в большинстве случаев можно говорить об обратной пропорциональности — чем мельче заводовладелец, тем чаще он обращался в Берг-коллегию с различного рода доношениями. Мелкие мануфактуристы то подвергались притеснениям со стороны областной администрации, то им наносили ущерб соседи-помещики, то они нуждались в защите от нападок «своей братьи» — крупных промышленников. Во всех этих случаях они донимали челобитными Берг-коллегию и ее местные органы, а иногда челобитные подавались прямо в Сенат. Мелкие промышленные хозяйства оказывались менее устойчивыми. Находясь на грани катастрофы, владелец такого хозяйства часто обращался в Берг-коллегию с просьбой о помощи то деньгами, то людьми, то тем и другим.

Крупные мануфактуристы лишь в редких случаях «докучают» Берг-коллегию, обращаясь к ней за посредничеством. Влиятельный мануфактурист располагал собственными ресурсами, чтобы привести в послушание местного не в меру строптивого администратора либо убедить помещика в бесполезности жалоб и затеваемой волокиты. По собственной инициативе крупные промышленники типа Демидовых, Яковлевых, Твердышева с Мясниковым и др. обращались в Берг-коллегию лишь в тех редких случаях, когда при решении дела нельзя было миновать цент-

ральное учреждение, например когда изъявлялось желание построить завод. Остальные документы, подписанные крупными заводчиками или их приказчиками, являлись, как правило, их ответами на соответствующие запросы Берг-коллегии.

Наконец, в-третьих, полнота отложившихся материалов зависела от объема льгот и привилегий, предоставляемых отдельным промышленникам. Основная масса рядовых заводоладельцев в этом отношении находилась в равных условиях. Но бывали и исключения, пагубным образом отразившиеся на количестве отложившихся документов о деятельности некоторых заводоладельцев. Здесь имеются в виду те изъятия промышленников из ведомства горной администрации, которые допускались правительством Елизаветы Петровны и отчасти Анны Ивановны по отношению к А. Н. Демидову и А. И. Шувалову и группе южноуральских металлургов в годы возникновения там нового промышленного района. Так, с 1744 г. ни одно из центральных учреждений, включая и Сенат, не могло без ведома императрицы рассматривать и решать дела, касающиеся Акинфия Демидова. В 50-х гг. в таком же привилегированном положении оказался А. И. Шувалов, пожалованный заводами, ранее принадлежавшими Меллерам. В течение этих лет промышленник не считал себя обязанным обращаться к горной администрации даже за разрешением на постройку новых заводов. Этим объясняется, в частности, тот факт, что история промышленного хозяйства А. И. Шувалова прослеживается не по первичным документам, а по позднейшим историческим справкам. В известной мере это относится и к первым заводоладельцам Южного Урала — Твердышеву с Мясниковым, Осокину, Мосоловым, в течение 40-х и начале 50-х гг. XVIII в. сносившимся непосредственно не с Берг-коллегией, а с оренбургским губернатором И. И. Неплюевым.

Перечисленные обстоятельства, разумеется, ограничивают возможности исследователя осветить историю отдельных вопросов с надлежащей полнотой, а истории отдельных хозяйств — пропорционально их удельному весу.

История промышленного хозяйства начинается с подачи органам горной администрации челобитной, автор которой либо просит предоставления права на поиски полезных ископаемых, либо, если этого рода заботы являются пройденным этапом, — разрешения на постройку завода.

Челобитные с просьбой о выдаче «позволяющего» указа, как правило, объясняют причины, вызвавшие стремление построить завод. В одних случаях эти причины скрыты за высокопарными рассуждениями о «всемирной пользе», «казенном интересе» и прочим набором торжественных и в то же время лицемерных фраз. В других случаях челобитчик скромно пишет и о личных интересах, о стремлении избежать убытков. В первую

очередь это относится к заводовладельцам, по каким-либо причинам восстанавливающим нарушенную пропорциональность между доменным и молотовым производством. Челобитчик в этом случае жалуется либо на избыток чугуна и необходимость построить передельный завод, либо, наоборот, на недостаток чугуна и необходимость обзавестись новой домной.

От подачи челобитной до получения разрешительного указа проходит немало времени, притом в большинстве случаев весьма хлопотливого. Редко намерение заводовладельца построить новое предприятие не встречало резкого противодействия со стороны соседей-промышленников. Лишь в тех случаях, когда челобитчик намеревался построить завод в стороне от сложившегося промышленного района, где-либо «в пустых и диких местах», где не было конкурентов, его челобитная не встречала протеста прочих предпринимателей. Как правило же, челобитчику приходилось преодолевать сопротивление одного, а то и двух заводовладельцев, несколько не заинтересованных в появлении рядом с их заводами нового предприятия.

Челобитная с просьбой разрешить построить завод сопровождалась доставкой в Берг-коллегию небольшого количества руды для пробной плавки. Если пробная плавка руды давала удовлетворительные результаты и не вызвала у Берг-коллегии сомнений относительно прибыльности эксплуатации предприятия на данной руде, то она отправляла «на коште заводовладельца» своего специалиста, чтобы тот установил возможность постройки завода на просимом месте. Заодно такому специалисту поручалось установить основательность жалоб других заводовладельцев на возможное «помешательство» от постройки нового предприятия.

Приехавший специалист в меру своей подготовленности устанавливал пригодность выбранного места под завод, определял энергетические ресурсы реки, способность ее обеспечить работу намечаемому числу производственных сооружений, ориентировочные габариты плотины и целесообразность ее постройки в избранном заводовладельцем месте, степень обеспеченности предприятия сырьем и особенно лесом и, наконец, изучал, не нанесет ли постройка данного завода «помешательства» уже действующим предприятиям.

В большинстве случаев специалисты горной администрации одобряли выбор места под завод, произведенный промышленником или его заводской конторой. Однако нередко специалист находил, что предложенное место по каким-либо причинам непригодно для постройки завода. Забрав осмотренное место, специалист горной администрации в сопровождении приказчика и доверенных лиц заводовладельца здесь же разыскивал более удобное место. Обычно оно оказывалось на той же речке, выше или ниже обследованного.

Все свои наблюдения и заключения горный чиновник подробно излагал в рапорте в Берг-коллегию либо в учреждение, его пославшее. Лишь после получения положительного заключения Берг-коллегия выносила резолюцию о разрешении строить завод. Резолюция является документом, обобщающим весь материал, связанный с хлопотами по постройке завода: она излагает содержание челобитной, результаты экспертизы руды, челобитные других заводовладельцев, заключение специалиста, осматривавшего заводское место, краткое содержание законов, дающих основание удовлетворить просьбу челобитчика. Вслед за этой пространной частью, иногда занимающей десятки листов, изложена резолютивная часть, начинающаяся словом: «приказали». Основной смысл резолютивной части варьируется в зависимости от распорядительности протоколиста и от нюансов промышленной политики. Почти каждая резолюция устанавливает срок освобождения заводовладельца от платежа десятины. Иногда, однако, вследствие упущения протоколиста такой срок не указан. До 50-х годов XVIII в. и после них Берг-коллегия не имела обыкновения назначать срок, в течение которого должен быть построен завод, и сумму штрафа, если заводовладелец не уложится в назначенный срок. Резолюции начала 50-х годов, когда правительство осуществляло жесткую регламентацию постройки и действия заводов, содержали и указание на время постройки завода, и на размер штрафа за его несвоевременное сооружение.

На основе резолюции Берг-коллегии, являющейся как бы внутренним документом учреждения, составлялся указ, отсылаемый заводовладельцу, а также для сведения воеводской канцелярии той провинции, где было намечено построить завод.

Получение позволительного указа, нередко называемого привилегией, давало основание для начала строительных работ. В то же время указ давал формальные основания его владельцу для пользования льготами и привилегиями, предоставляемыми мануфактуристам соответствующим законодательством.

Позволительный указ обязывал промышленника дважды в год информировать Берг-коллегию о ходе строительства предприятия, а также сообщить время его пуска. И то и другое промышленники делали далеко не всегда. В особенности это относится к молотовым заводам, не являвшимся объектами налогового обложения. Но исследователь не всегда располагает рапортами заводовладельцев о времени пуска домен, медеплавильных печей. Тем самым он лишен возможности установить наиболее существенную для историка промышленности дату пуска завода.

К перечисленным выше материалам примыкают документы о переходе завода в другие руки, связанном либо с продажей предприятия, либо со смертью заводовладельца и последующим разделением его имущества между наследниками. Поскольку никто не мог быть введен в права владельца заводом без указа Берг-

коллегии, купчие производились с ее разрешения, а разделы имущества — под ее руководством.

Первостепенной важности источником являются материалы о дележе наследства заводовладельцев. Лишь немногие наследники делили имущество без конфликтов, не вступая в непримиримо враждебные отношения друг с другом и не создавая такой клубок противоречий, который специально созданные комиссии по разделу имущества распутывали в течение многих лет.

Из крупных промышленников, кажется, только Строгановы умудрялись не выносить сора из избы и не давали повода для вмешательства комиссий. Дележ наследия прочих мануфактуристов сопровождался крупными семейными скандалами и выявлял далеко не безупречный моральный облик наследников. Их энергия растрачивалась на писание челобитных, взаимно обвинявших друг друга в нечестности и несправедливости, а между тем хозяйство, оказавшееся без должного присмотра, расстраивалось и приходило в упадок.

Дележ крупных хозяйств между наследниками оставил первоклассные источники, дающие наиболее полное представление о размерах богатства умершего. Это прежде всего опись имущества покойного, включавшего не только промышленные предприятия с оборудованием и заводским персоналом, но и вотчины с угодьями и крестьянами, дома и лавки, драгоценности, а также мануфактуры в других отраслях промышленности. Затем следует сам раздельный акт, в котором многоотраслевое и довольно сложное хозяйство разрубалось на более или менее равноценные доли по числу наследников.

Представление о богатстве этого вида источников дает фундаментальное исследование Б. Б. Кафенгауза о хозяйстве Демидовых, значительная часть которого написана на материалах комиссии, возглавлявшейся сначала А. Ф. Томиловым, а затем А. Б. Бутурлиным. Б. Б. Кафенгауз использовал материал, хранящийся в архивном фонде Демидовых и в XI разряде Госархива. В фонде Берг-коллегии сохранились документы, существенным образом расширяющие представления как о размерах хозяйства Акинфия Демидова, так и об этапах его развития⁹⁴. Аналогичный материал отложился в результате работы комиссии по разделу наследства Мосоловых, продолжавшемуся в течение шести лет. Правда, комиссия не оставила такой подробной описи имущества Мосоловых, как это было сделано в отношении наследства Акинфия Демидова, зато здесь есть описание состояния заводов в годы затянувшегося раздела⁹⁵.

Смена заводовладельцев была связана также с продажей предприятий. Этого рода сделки отложили три типа документов.

⁹⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, дд. 590, 592.

⁹⁵ Там же, кн. 736.

Первый из них включал челобитные продавца и покупателя, копию купчей и указ Берг-коллегии, разрешающий заключение сделки. Из этого рода документов исследователь может извлечь сведения о времени купли-продажи завода, о размере уплаченной суммы, наконец, правда, не всегда, а в большинстве случаев, — о причинах, вынудивших промышленника расстаться с заводом. Два других типа документов по своему содержанию значительно богаче первого. Они возникали либо тогда, когда завод конфисковывался и продавался с аукциона, либо в тех случаях, когда в роли покупателя предприятия выступала казна.

В том и другом случае должностные лица Берг-коллегии составляли подробную опись оборудования, припасов, инструментов, заводских сооружений и прочего с оценкой каждой вещи. Опись сопровождалась соображениями горной администрации об экономической эффективности эксплуатации предприятия: о возможности погасить накопившиеся долги из прибыльных денег, если речь шла о конфискованных заводах, либо о степени прибыльности их, если речь шла о покупке заводов. Вряд ли следует доказывать исключительную ценность этих документов, где тщательно скрываемые в прочих условиях сведения, составлявшие тайну тайн промышленника, получали, наконец, гласность. Здесь имеются в виду расчеты о себестоимости продукции, об оборотных суммах, размере прибыли, сообщаемые не самим промышленником, а выведенные на основании опытных плавок.

Выше речь шла о заводоладельцах, единолично содержавших предприятие или комплекс предприятий. Но немало предприятий было основано компаниями в составе двух и более промышленников. Многочисленные компании, о которых будет рассказано в соответствующих главах монографии, оказывались недолговечными и не добивались сколько-нибудь существенных успехов в ведении хозяйства. Исключение составляет компания в составе И. Б. Твердышева и И. С. Мясникова, блестящие результаты хозяйничания которой общеизвестны. Что касается прочих компаний, то они быстро распадались, иногда не построив даже завода.

Компании оставили ряд интересных документов. Это прежде всего контракты с подробным изложением обязанностей сторон, входивших в компанию. Затем следует серия документов, по которым представляется возможным проследить этапы распада компании: сначала противоречия развиваются подспудно и не доводятся до сведения правительственных инстанций. Некоторое время спустя компаньоны уже теряют возможность решать вопросы повседневного управления заводом и апеллируют к горной администрации. Первоначально жалобы носят сдержанный характер и челобитные пишутся с сохранением достоинства компаньонов, но потом отношения достигают такого накала, что ис-

чезают всякие возможности примирить компаньонов, и компания распадается.

Незначительную группу документов составляют описания заводов, произведенные современниками. Эти описания можно разбить на три группы. К первой мы относим описания заводов, произведенные чиновниками горной администрации. Обычно такого рода описания производились с заранее определенной целью и охватывали не все заводское хозяйство, а лишь ту его часть, которая интересовала Берг-коллегию. Чаще всего ее внимание привлекали те стороны производства, которые были непосредственно связаны с фиском, т. е. налоговым обложением. К ним относится суточная производительность доменных печей и непрерывность их работы. Более или менее систематически такого рода обследования и описания производились в течение 40-х — начала 50-х годов.

После 1755 г. обследование заводов прекратилось. Лишь в 1762 г. Берг-коллегия вспомнила об этой своей обязанности и решила отправить на заводы асессора Арбузова, поручив ему «те заводы осмотреть наприлежнейше по справедливости, каждой ли заводчик завод свой содержит с надлежащим радением, и сколько при каждом заводе имеется домен и молотовых фабрик». Цель осмотра состояла в проверке заводовладельцев «которые те заводы имеют малые только для лица, избывая от служеб и для владения покупными к тем заводам крестьяны».

Арбузов осмотрел 13 заводов Подмосковья и результаты осмотра изложил в отчете, традиционно назвав его ведомостью. Осмотр производился поверхностно; достаточно сказать, что в некоторые дни Арбузов посещал два завода. Соответственно поверхностным получилось и описание. Чтобы сообщить сведения о числе домен и молотов, стоявших на заводе, не обязательно было посещать этот завод. Не представляет большой ценности и такое заключение об обеспеченности заводов сырьем, как «руды и угля в готовности з довольствием». Единственное интересное описание Арбузов сделал о Дугненском заводе Евдокима Демидова, на котором отметил наличие технических новинок — обжигальных печей для руды и для жжения угля.

Более обстоятельно, хотя тоже недостаточно полно, были описаны заводы, находившиеся в подчинении Канцелярии главного заводов правления. Их осматривали асессор Канцелярии Порецкий и маркшейдер Попов. За два месяца с небольшим, с 30 декабря 1762 по 8 марта 1763 г., Порецкий побывал на 36 заводах Северного и Среднего Урала, а Попов — на 31 предприятии Южного Урала. Самым ценным элементом описания заводов Порецкого и Попова является указание на наличный состав людей при каждом предприятии⁹⁶.

⁹⁶ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1174.

Описание заводов 1762—1763 гг. было последним из числа известных нам и осуществленных силами Берг-коллегии. Последующие описания заводов (мы их относим ко второму виду описаний) производились, как правило, не горной, а имперской администрацией и назывались они топографическими. Большинство топографических описаний составлялось в 80-х годах XVIII в. Они содержали статистико-экономическую и географическую характеристику губерний и наместничеств⁹⁷. Наряду со сведениями о почве, реках и озерах, занятиях населения, системах земледелия топографические описания содержат более или менее подробные данные о промышленных предприятиях.

Первым такого рода источником является «Топография Оренбургская, т. е. обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником, императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым». Это — первое в России обстоятельное описание губернии, достоинства которого признают все историки, использовавшие его в своих трудах. Горная история в этом труде представлена беднее всего, хотя ей и отведена 12-я глава второй части, названная «О ведомстве Оренбургского горного начальства». В ней П. И. Рычков пишет об исключительно богатых природных ресурсах края, о начале строительства металлургического завода, предпринятого И. К. Кирилловым, и бурной деятельности И. Б. Твердышева и И. С. Мяникова, которых автор «Топографии Оренбургской» знал лично. Менее ценен «Реестр» заводов, сообщающий о предприятиях формальные данные, которые можно встретить почти в любой ведомости Берг-коллегии.

Степень ценности последующих топографических описаний в качестве источника по истории металлургии различна. Очень краткие и бедные характеристики металлургических заводов приведены в описаниях Тамбовского⁹⁸ и Рязанского⁹⁹ наместничеств, а также Владимирской губ.¹⁰⁰

Хотя вопросы анкеты, на которые отвечали составители топографических описаний, были совершенно одинаковы, но содержание ответов оказалось разным. Видимо, это зависело от квалификации составителя, а также от полноты материала, которым он располагал. Так, «Топографическое описание Калужского на-

⁹⁷ Н. Л. Рубинштейн. Топографическое описание наместничеств и губерний XVIII в. — памятник географического и экономического изучения России. — «Вопросы географии», сб. 131, М., 1953.

⁹⁸ «Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы», ч. 6, СПб., 1790.

⁹⁹ Отдел рукописей Гос. биб-ки им. В. И. Ленина (РОБЛ), Музейное собр., № 4852.

¹⁰⁰ «Топографическое описание Владимирской губ., составленное в 1784 г.», Владимир, 1906.

местничества».¹⁰¹ сообщает более подробные сведения о времени основания заводов, их оборудовании, производительности и сбыте. Еще более обстоятельную характеристику заводов исследователь найдет в описании Вятского наместничества.¹⁰² Помимо общих данных о заводах, это описание иногда содержит любопытные детали частного содержания. Например, при описании Климковского завода Яковлёва сказано, что дрова и уголь для него поставляют окрестные крестьяне, причем им платили за каждую поставленную кубическую сажень дров 48 коп., а за короб угля — 30 коп.

Составители топографического описания Уфимского наместничества¹⁰³ тоже вышли за рамки обычной анкеты и сообщили о южноуральских заводах ряд дополнительных сведений. Помимо данных о количестве домен, молотов и медеплавильных печей, в описании сказано о наличии мучных и пильных мельниц, указаны количество металла, полученного в 1783 г., количество десятинной и половинной меди, поставленной промышленником в казну, сумма уплаченного десятинного налога, количество рудников и число купленных крестьян.

Перечисленные выше описания не могут идти в сравнение с топографическим описанием Олонецкого наместничества. Его полное название таково: «Исторические примечания о древности Олонецкого края и о народах, прежде там обитавших, и топографическое описание о городах и уездах Олонецкого наместничества»¹⁰⁴. Половина рукописи посвящена характеристике рудников и заводов края. Самой ценной частью рассматриваемого источника является описание заводов как действующих, так и прекративших свое существование. Сведения, сообщаемые о закрывшихся заводах, хотя и лаконичны, но нередко освещают некоторые вопросы полнее, чем имеющиеся в распоряжении исследователя прочие архивные материалы. Это придает «Историческим примечаниям о древности Олонецкого края...» исключительный интерес.

К рассмотренному выше типу источников относится «Топографическое описание заводов, лежащих в Уфимском наместничестве», опубликованное Н. И. Новиковым в «Древней российской вифлиофике»¹⁰⁵. В архиве ЛОИИ хранится рукописный экземпляр такого же описания, озаглавленный: «Описание заво-

¹⁰¹ «Описание Калужского наместничества», СПб., 1785.

¹⁰² Государственный архив Кировской области, ф. 583, оп. 600, д. 28. (Машинописная копия этого дела была любезно передана нам покойным К. В. Сивковым. — Н. П.).

¹⁰³ РОБИН, Музейное собр., № 8818.

¹⁰⁴ В Музейном собр. РОБИН хранятся два экземпляра этого описания: № 915 и 2930. Это описание широко использовал Н. Озерецковский в своем «Путешествии по озерам Ладожскому, Онежскому и вокруг Ильмена» (изд. 2, СПб., 1812). Некоторые места описания заимствованы им дословно.

¹⁰⁵ «Древняя российская вифлиофика», ч. XIX, М., 1791.

дов Уфимского наместничества, составленное в 1782 г. бывшим здесь горным советником Граматчиковым»¹⁰⁶.

Тот факт, что автором описания был горный советник, придало содержанию этого документа некоторые специфические черты. Во-первых, из описания Граматчикова выпали все сведения, не имевшие отношения к горнорудной промышленности: о климате, растительном и животном мире, занятиях населения и т. д. Во-вторых, это описание составлялось по более обширной программе, чем описания, над которыми работали чиновники областной администрации. Страницы рукописи, равно как и печатного текста, разделены вертикальной линией на две неравные части: в левой, меньшей, части помещены вопросы, а в правой, более обширной, — ответы на них. Анкета состоит из разнообразных вопросов; часть их объединена общей шапкой: «Какие имеет выгоды» тот или иной завод. Под этим подразумевается количество рудников, в том числе действующих, себестоимость пуда руды, обеспеченность завода песком, глиной, лесами и прочим сырьем. О заводских кадрах дает представление ответ на вопрос, «какими людьми работы исправляются». Здесь помещены сведения о числе ревизских душ, о количестве людей, используемых в качестве приказчиков и мастеровых, а также указания об использовании наемного труда, причем об этом последнем сказано в самой общей форме.

Вслед за характеристикой рабочей силы сообщаются сведения о заводских постройках, технологии производства, составе бригад, обслуживающих определенный вид работы, оплате труда мастеровых основных профессий, производительности завода. Анкета завершается вопросами о себестоимости продукции, сумме коронного дохода и перечнем причин, мешающих использовать с максимальной эффективностью оборудование предприятия. Из перечисленных сведений наибольший интерес представляют данные о рабочей силе. «Описание заводов Уфимского наместничества» принадлежит к числу тех немногих источников, в которых наряду с числом ревизских душ приведено число людей на заводских работах.

Третий вид описаний заводов возник в результате деятельности академических экспедиций. Первое из таких описаний представляют путевые записи Иоганна Георга Гмелина, участвовавшего в путешествии по Сибири в составе академической экспедиции, руководимой Г. Ф. Миллером.

Путевые записки Гмелина, как и позднейших путешественников, содержат материал двоякого происхождения. Часть этого материала дублирует архивные документы официального содержания. Речь идет о таких сведениях, как месторасположение завода, его оборудование, характеристика руды и рудников и т. д.

¹⁰⁶ Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, д. 487.

Другая, более ценная часть записок, представляет собой личные наблюдения автора, субъективное восприятие увиденного, включая нередко такие явления, о которых официальные источники, как правило, умалчивают.

Гмелин побывал на Урале дважды. Первый раз он посетил Урал, отправляясь в Сибирь, в декабре 1733 г. Тогда был осмотрен Иргинский завод Осокиных, который произвел на Гмелина неблагоприятное впечатление. Зато состояние Екатеринбургского завода привело Гмелина в восхищение. При спешном знакомстве с Екатеринбургом путешественник записал поверхностные впечатления: отсутствие в городе пьяных, дешевизну продуктов, наличие госпиталей. Столь же краткими были заметки о Шайтанском, Полевском и Каменском заводах ¹⁰⁷.

Второй раз Гмелин посетил уральские заводы 10 лет спустя, на обратном пути в Петербург, летом и осенью 1742 г. Путевые заметки этого времени выгодно отличаются от первых записей как большей обстоятельностью, так и более широким охватом предприятий. Приведем любопытную деталь: отправлявшегося в Сибирь и заехавшего на Шайтанский завод Гмелина А. Демидов не желал принять и даже отказался сменить его лошадей. Много лет спустя возвращавшемуся в Петербург Гмелину была оказана Демидовым самая радушная встреча. Быть может, эта перемена была обусловлена указом Генерал-берг-директориума, изданным 7 сентября 1740 г. в результате промемории Академии наук. Указ предписывал, «чтоб все тамо прикащики и управители частных персон и другие в горных и рудокопных заводах обретающиеся надзиратели все те известии, которых к истории и к описанию нынешнего состояния потребно усмотреть», были переданы в распоряжение экспедиции, руководимой Миллером ¹⁰⁸.

Во второй приезд Гмелин подробно описал Екатеринбург с его заводскими и административными зданиями, столь же подробно он рассказал о Невьянском заводе с его двумя действующими и двумя запасными домами. Особенно ценны свидетельства Гмелина о повсеместном использовании детского труда на заводах и рудниках Акинфия Демидова. С такой же подробностью описаны Гороблагодатские заводы, переданные казной Шембергу, а затем вновь возвращенные в казенное содержание ¹⁰⁹.

В таком же плане описаны металлургические заводы участниками экспедиций конца 60-х — начала 70-х годов. Известно, что академические экспедиции этих лет снаряжались с узкой целью проведения астрономических наблюдений. В процессе под-

¹⁰⁷ J. G. Gmelin. Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743. Bd. I. Göttingen, 1751, S. 108, 114, 120.

¹⁰⁸ И. Герман. Историческое начертание горного производства в Российской империи. Екатеринбург, 1810, стр. 223.

¹⁰⁹ J. G. Gmelin. Op. cit., Bd. IV. Göttingen, 1752, S. 413, 414.

готовки и проведения экспедиции занялись изучением более широкого круга вопросов, в частности, уделили большое внимание изучению производительных сил страны. Наряду с этнографическими наблюдениями, бытовыми зарисовками жизни народов, населявших Российскую империю, академическими экспедициями был собран и обработан ценный материал экономического содержания: описание флоры и фауны, пород домашнего скота, способов охоты, рыбной ловли, характеристика рудников и горных заводов. Уральская металлургия нашла отражение в путевых записках И. П. Фалька, Н. П. Рычкова, И. И. Лепехина, П. С. Палласа и И. Г. Георги.

Из перечисленных описаний заводов, произведенных участниками академических экспедиций, самое бедное по содержанию принадлежит перу акад. И. П. Фалька. Заводы, расположенные на территории Оренбургской, Уфимской и Исетской провинций, Фальк должен был посетить в 1771 г. Однако, страдая тяжелым недугом, он не имел возможности лично побывать на заводах, осмотреть их и занести результаты наблюдений в путевой журнал. Скорее всего Фальк располагал какой-то ведомостью о заводах, составленной горной администрацией, которую он пересказал в своих «Записках путешествия». Поэтому сведения о заводах, сообщаемые Фальком, отличаются краткостью и лишь в небольшой мере дополняют данные, обычно приводимые официальной статистикой. Оригинальность сведениям Фалька придает лишь наличие данных о размере заводских поселков и числе жителей в них мужского и женского пола ¹¹⁰.

Более ценным источником является «Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 году».

Николай Петрович Рычков, сын историка Оренбургского края П. И. Рычкова, в 1769—1770 гг. участвовал в экспедиции Академии наук и под руководством акад. Палласа производил «физическое описание южных российских провинций». В течение двух лет он объездил Уфимскую, Пермскую, Вятскую, Оренбургскую и Казанскую губернии и изложил свои наблюдения в «Журнале или дневных записках».

Рычков не проходил специальной подготовки для участия в академической экспедиции, ибо предшествующие годы провел на военной службе. Это сказалось на качестве записей, не всегда одинаково подробных и произведенных по единому плану. В то же время Н. П. Рычков сам был промышленником, владел небольшим медеплавильным заводом, что делало его компетентным в суждениях о заводах и рудниках, об обеспеченности предприятий лесами, водными ресурсами и рабочей силой. К сожалению

¹¹⁰ И. П. Фальк. Записки путешествия.— «Полное собрание ученых путешествий по России», т. VI, СПб., 1824.

нию, автор не всегда приводит точные цифровые данные, ограничиваясь общими суждениями. Например, вместо конкретных сведений о составе рабочей силы на Саралинском заводе Семена Красильникова Рычков сообщает: «Хотя находится при заводе несколько собственных его, заводчика, крестьян, но число их очень малое и потому исправляется он наемными работниками, которых он довольное число находит в тех самых деревнях, которые близ заводу его находятся». Однако этот изъян описания с лихвой покрывается замечанием, проливающим свет на условия деятельности завода. Предприятие использовало не очень богатую руду, обеспечивающую выход лишь 2,5% меди, но, будучи окруженным «такими селениями, где всегда рабочих людей и повозщиков руды очень довольно, то приходят на завод за такую цену, которая с избытком награждает труды завода содержания». С такой же подробностью описан и Троицкий завод Ивана Осокина.

Однако далеко не все предприятия, расположенные на территории провинций, по которым проезжал Рычков, были им описаны. Из многих десятков заводов Южного и Среднего Урала Рычков описал только семь предприятий¹¹¹. Это снижает ценность рассматриваемого источника.

На одинаково высоком профессиональном уровне выполнены описания заводов, произведенные И. И. Лепехиным, П. С. Палласом и И. Г. Георги.

«Доктор и Академии наук адъюнк» Иван Иванович Лепехин отправился в путь в 1768 г., а вернулся в Петербург в 1773 г. Маршрут руководимой им экспедиции включал Москву, города Поволжья, вплоть до Астрахани, откуда путь лежал на Гурьев, Тобольск, Уральские горы, Соликамск, Холмогоры, Белое море и Ледовитый океан. Весь этот сложный маршрут Лепехин описал в трехтомных «Дневных записках путешествия». Для нас интересны те страницы путевых зарисовок, которые появились в результате осмотров металлургических заводов.

Насыщенность каждой из трех частей «Дневных записок» наблюдениями о металлургических предприятиях неодинакова. Из 41 завода, которые посетил Лепехин, в первой части описан только один, а в третьей — четыре. Об остальных 36 предприятиях рассказано во второй части. Описанию подверглась значительная часть южноуральских предприятий, расположенных на территории Башкирии, и небольшое число заводов Среднего Урала.

Программа описания заводов у Лепехина была шире, чем у Рычкова и тем более у Фалька. Автор «Дневных записок» знакомил читателя с заводом, сообщая сведения о времени его

¹¹¹ «Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 году», СПб., 1770, стр. 53, 71, 99—103, 107, 118—121, 143.

основания, местонахождении и оборудовании. Новым в этого рода анкетных данных являются сведения о производительности оборудования, причем не фактическом, а расчетном, проектном. Наконец, Лепехин сообщает данные о рабочей силе предприятий — числе приписных и покупных крестьян, впрочем, не всегда в точных цифрах; нередко вместо ревизских душ названо число населенных дворов или, вовсе не приводя точных данных о наемных, Лепехин ограничивается общим замечанием об использовании наемного труда на том или ином предприятии, не сообщая, откуда и на какой срок приходили наемные.

В «Дневных записках» наибольший интерес представляет то, что является плодом наблюдательного ума «доктора и Академии наук адъюнкта». Суксунскому заводу Демидова придавало специфику посудное производство, достопримечательностью Иргинского завода И. П. Осокина являются заводской поселок и положение живших там крестьян. «Изрядное распоряжение хозяина в заводских работах и некоторым образом крестьянская свобода в отменном против других заводских жителей привели осокинских крестьян в состояние. Завод сей можно почесть небольшим городом, где все нужное не только заводским жителям проезжающим, но и окольным лицам получить можно. Многие заводские крестьяне более на купцов, нежели на заводского работника походят, имеют свои лавки и разными товарами торгуют»¹¹². Это наблюдение Лепехина подтверждается свидетельством А. С. Ярцова, писавшего о слободе Иргинского завода 40 лет спустя: «Многие заводские жители более на купцов, нежели на работников походят, имея свои лавки и разными товарами торгуют»¹¹³. Тот же Лепехин с горечью писал о положении зырян, попавших в безысходную кабалу к Походяшину на Нювчинский завод¹¹⁴.

Особенностью заводов Твердышева и Мясникова является наличие на каждом из них школ — факт, не упоминаемый ни одним из известных нам архивных источников: «На каждом заводе учреждены для малолетних училища, где обучают российской грамоте и по успехам их определяют в разные заводские отменные должности»¹¹⁵.

Путешествие Петра Симона Палласа, известного в Европе естествоиспытателя, приглашенного в Петербургскую академию наук, началось в 1769 г. и завершилось шесть с лишним лет спустя. Из трехтомного «Путешествия по разным местам Российского государства» наибольший интерес для нас представляет том, посвященный описанию минералогических богатств и заводов Урала, где описано около 30 предприятий.

¹¹² И. Лепехин. Продолжение «Дневных записок путешествия», ч. 2, СПб., 1802, стр. 238.

¹¹³ А. С. Ярцов. Российская горная история, ч. IV, кн. 3, л. 50.

¹¹⁴ И. И. Лепехин. Указ. соч., ч. 3, СПб., 1814, стр. 269.

¹¹⁵ Там же, ч. 2, стр. 70.

Опытный и наблюдательный ученый составил отчет о путешествии, отличающийся обстоятельностью и точностью характеристик, единообразием сообщаемых данных о заводах, что делает эти данные сопоставимыми. В описание входили следующие составные элементы: фамилия владельца завода, время его основания и месторасположение, характеристика энергетической производительности предприятия, данные о рабочей силе, коммуникациях и рудниках.

Любопытна запись о положении приписных крестьян к Петропавловскому заводу Походяшина: «Бедные сих мест жители принуждены болотистую гору переходить на работу пеше с великою тятостию и не могут довольно изъяснить и жалостного своего состояния и удручения от нестерпимого вида. Всего хуже, что известное оных число или умирает от скорбугу или, зараженное оным, бедностию возвращается в думы»¹¹⁶. Подобного рода замечания и характеристики придают запискам Палласа уникальную ценность.

Историк уральской металлургии не может пройти мимо путевых заметок Иоганна Георги, совершившего в 1773—1774 гг. путешествие к Байкалу и по заводам, расположенным на территории будущего Пермского наместничества. Путевые заметки Георги отличаются от аналогичных заметок, во-первых, районом описания. Это западные склоны Урала, где расположены предприятия, принадлежавшие Строгановым, Шаховским, Голицыным, Лазареву, Яковлеву, Демидову и Осокину. Большинство описанных Георги заводов не попало в сферу наблюдений руководителей других экспедиций и поэтому свидетельства о них являются единственными. Во-вторых, описания Георги отличаются от других своим содержанием, поскольку они производились по плану, не схожему с планами, которых придерживались руководители прочих экспедиций.

Георги подробнее, чем другие путешественники, описал энергетическую базу предприятий. На Билимбаевском заводе Строганова, например, воды столь мало, что в засушливое лето ради ее экономии должны были бездействовать молоты и пыльная мельница. Равным образом производительность Кыновского завода тоже регламентировал пруд. Выплавка чугуна зависела от засушливой или дождливой погоды, и заводские механизмы иногда простаивали довольно продолжительное время¹¹⁷.

Еще одна особенность путевых заметок Георги состоит в том, что он много места уделяет описанию рудников, характеризует степень их разбросанности, качество руды и т. д. Наконец,

¹¹⁶ П. С. Паллас. Путешествия по разным местам Российского государства, ч. II, кн. I, СПб., 1786.

¹¹⁷ J. G. Georgi. Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich in den Jahren 1773 und 1774. Bd. II. S.-Petersburg, 1775, S. 562, 590.

Георги детальнее прочих путешественников описал внешний вид заводов: назван строительный материал, использованный при сооружении цехов и заводского поселка, состояние этих сооружений, наличие укреплений. Описывая Шайтанский завод, Георги отметил, что «все здесь ветхое»¹¹⁸. В отличие от прочих путешественников, называвших фамилию лишь последнего заводовладельца, Георги перечисляет всех лиц, причастных к заводу, начиная от его основателя.

Основная масса неопубликованных источников хранится в фонде Берг-коллегии. Материалы этого фонда и положены в основу настоящей монографии. Кроме того, использованы материалы других фондов (более 30), хранящихся в архивах Москвы, Ленинграда и других городов.

Подавляющее большинство вопросов, интересующих историка металлургии, с большей или меньшей полнотой отражено в материалах Берг-коллегии. К документам, отложившимся в прочих учреждениях, автор обращался в одном из следующих случаев: когда явление, событие, деятельность какого-либо лица протекали за пределами компетенции Берг-коллегии и поэтому, естественно, относящийся к нему материал отложился в других учреждениях. Например, хозяйственная деятельность владельца завода протекала под контролем Берг-коллегии, в фонде которой исследователь может обнаружить соответствующие документы. Однако в фонде Берг-коллегии бесполезно разыскивать материалы о происхождении капиталов, вложенных в промышленное производство, т. е. о деятельности купца, предшествовавшей его предпринимательству в металлургии. Такие материалы хранятся в фондах Главного магистрата, ратуш, Камер-коллегии и т. д. С другой стороны, некоторые вопросы хотя и имели прямое отношение к обязанностям Берг-коллегии, но решались в вышестоящих инстанциях без ее непосредственного участия. К числу таких вопросов относился, например, крестьянский, обсуждавшийся в специально для этой цели созданной Горной комиссии.

В целом сохранность фонда Берг-коллегии, более чем удовлетворительна. Сравнивая сдаточную опись, составленную в конце XVIII в. при упразднении Берг-коллегии, с наличными книгами, можно отметить, что за 170 лет хранения этого фонда утрачены немногие, хотя и весьма ценные дела. Однако многие дела с первичной статистической отчетностью были уничтожены, видимо, еще во время подготовки делопроизводства Берг-коллегии к сдаче в архив. Часть дел утрачена в процессе хранения фонда. В обоих случаях исследователь может найти интересующие его документы в фондах Сената и местных учреждений, в коллекциях Госархива а также в областных хранилищах.

¹¹⁸ J. G. Georgi. Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich in den Jahren 1773 und 1774. Bd. II. S.-Petersburg, 1775, S. 577.

МАНУФАКТУРИСТЫ, ВЫШЕДШИЕ ИЗ ТУЛЬСКИХ ОРУЖЕЙНИКОВ¹

Тула дала русской металлургии наиболее крупных промышленников. Мануфактура XVIII в. пожинала плоды вековой промышленной культуры этого центра оружейного производства. Во-первых, Тула накопила колоссальный производственный опыт, что имело немаловажное значение для основателей промышленных династий, выступавших в роли непосредственных организаторов производства. Во-вторых, и это еще важнее, товарное производство в Туле достигло такого высокого уровня развития, что оно способно было выделять как обладателей достаточно крупных капиталов для вложения их в мануфактурную промышленность, так и людей, лишенных средств производства и готовых продавать свою рабочую силу и производственные навыки. Удачное сочетание этих условий, дополняемое личными качествами незаурядных оружейников, привело к тому, что из Тулы вышли Демидовы, Баташовы, Мосоловы и ряд других, менее крупных промышленников.

Перечисленные выше фамилии в литературе издавна фигурируют в качестве классического примера перерастания мелкого товарного производства в мануфактуру. В общем это представление является правильным, хотя и нуждается в уточнении. Часто встречающееся в документах наименование Никиты Демидова или Ивана Тимофеевича Баташова тульскими кузнецами или тульскими оружейниками отражало сословную принадлежность этих выходцев из Оружейной слободы, но ни в какой мере не характеризовало их социального положения. Демидовы, Баташовы и Мосоловы, формально числясь тульскими оружейниками, фактически скорее походили на купцов, чем на непосредственных производителей, занятых в оружейном производстве, хотя по традиции они долгое время продолжали именовать себя оружейниками. Так, сын комиссара Демидова Никита Никитич в 20-х годах XVIII в. называл себя «тульской оружейной слободы кузнецом, железных водяных заводов промышленником».

¹ В основу распределения материала по главам положен территориальный признак. Исключение допущено лишь для настоящей главы, в которой промышленники сгруппированы по своей сословной принадлежности. Это отступление отчасти объясняется тем, что предпринимательство Демидовых и Мосоловых развивалось как в Подмосковном металлургическом районе, так и на Урале. Но главным основанием для объединения тульских мануфактуристов в обособленную группу является общность происхождения из Оружейной слободы, генетическая связь мелкого товарного производства с мануфактурой.

Балахнинским купцам Осокиным, плохо осведомленным о социальной структуре русского общества, Никита Демидов, родоначальник промышленной династии, представлялся не оружейником, а купцом. Обращаясь с просьбой в Сенат «о пожаловании рангом», Петр Игнатьевич и Гавриил Полукетович Осокины приводили в 1742 г. известные им случаи «милостивого награждения» за «рачительное таких заводов размножение»; среди них — «оружейного дела мастер бывший тульский купец Демидов, пожалованный комиссаром»². И. Баташова, основателя другой династии мануфактуристов, вряд ли можно считать оружейником, изготавливавшим какую-либо деталь ружья. Он также был купцом, вернее, скупщиком, наживавшимся на эксплуатации менее удачливых оружейников.

Группу тульских оружейников, давших несколько фамилий мануфактуристов, возглавляет Никита Антуфеев — Никита Демидов. Это самый ранний и самый крупный промышленник, вышедший из Тульской оружейной слободы. Советский исследователь хозяйства Демидовых убедительно показал, что Никита Антуфеев не был простым кузнецом, а являлся «богатым тульским предпринимателем по производству и сбыту оружия». В конце XVII в. он становится владельцем вододействующего завода, который он построил близ Тулы, на р. Тулице, на свои деньги, без казенных ссуд и силами наемных работников, без приписных крестьян. Предприимчивость Демидова высоко оценивалась правительством еще и потому, что он поставлял в казну «воинские припасы по пониженным ценам». Это и дало основание Н. Демидову обратиться к правительству с просьбой о передаче ему только что пущенного на Урале Невьянского завода. Указом 8 марта 1702 г. Невьянский завод передавался Демидову на том основании, «что нерадением и многими сварами и крамолами приставников чинилось тому доброму и полезному делу остановка и уездным людям премногая тягость». Казна намеревалась получить из передачи завода Демидову значительные выгоды, ибо последний обещал поставлять военные припасы «с убавкою и вполы» против цен на продукцию с заводов Меллера и Нарышкина. Но правительство, передавая казенный завод в руки выходца из Тульской оружейной слободы, руководствовалось не только фискальными соображениями. Акт передачи казенного завода в частные руки следует рассматривать и как проявление промышленной политики, как средство вовлечения частных капиталов в промышленность.

Правительство не ошиблось в своих видах на Демидова. Он если и не довел снижения цен вдвое, то все же поставлял в казну продукцию значительно дешевле, чем это делали его конкуренты. Новый владелец быстро устранил неполадки, существо-

² ЦГАДА, ф. Сената, кн. 2927, л. 31; ф. Берг-коллегии, кн. 627, л. 55.

вавшие на заводе при казенном владении, и к концу 1702 г. значительно его расширил: построил вторую домну, вторую молотовую, обзавелся вертельней для сверления пушек и т. д.³

Невьянский завод положил начало грандиозному промышленному хозяйству Демидовых на Урале. На современников этот завод производил «самое благоприятное впечатление», долгое время считался лучшим предприятием из тех, которыми владели Демидовы⁴. Правда, его расширение началось не тотчас после передачи Демидову. Понадобилось несколько лет для разбега, для разведывания полезных ископаемых, а главное — для накопления капиталов. Именной указ 8 марта 1702 г. о передаче Невьянского завода предусматривал предоставление Демидову права строить новые предприятия: этим указом «велено верхотурские железные заводы на Нейве реке и будет приишет по той и по иным рекам отдать во владение туленину Никите Демидову, и на тех заводах ему, Никите, леса рубить и уголь жечь и всякие заводы строить»⁵. Годом позже, 18 апреля 1703 г., Никита Демидов получил разрешение на постройку «железного завода» в Кунгурском уезде. Однако в течение первого десятилетия хозяйственной деятельности на Урале Демидову не удалось воспользоваться ни первым, ни вторым разрешением. Не воспользовался он в ближайшие годы и правом, предоставленным ему в 1705 г., когда «велено ему, Никите, на Кунгуре медную руду копать и опыт чинить и заводы завести и плавить ис той руды медь»⁶.

Первыми были построены два молотовых предприятия, использовавших чугунное литье Невьянского завода: в 1716 г. был пущен Шуралинский завод с четырьмя действующими и двумя запасными молотами, а через два года, в 1718 г., начал работать более крупный Бынгровский завод с 12 действующими молотами. Оба предприятия составляли единый комплекс с Невьянским заводом и находились рядом с ним — первый в пяти, а второй в семи верстах. Первый из них, по свидетельству Гмелина, испытывал такой недостаток в воде, что прекращал работу в осенние и зимние месяцы. Напротив, водные ресурсы р. Бынгги были столь велики, что их никогда не удавалось использовать полностью, несмотря на то, что завод работал на полную мощность⁷.

С пуском двух молотовых заводов мощность переделных цехов стала значительно превосходить мощность чугуноплавильного производства: вместе с шестью действующими и четырьмя запасными молотами Невьянского завода производством железа

³ Б. Б. Кафенгауз. Указ. соч., т. I, стр. 83, 89, 119.

⁴ J. G. Gmelin. Op. cit., Bd. IV, S. 400—406.

⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 590, л. 10.

⁶ Б. Б. Кафенгауз. Указ. соч., т. I, стр. 126, 155.

⁷ J. G. Gmelin. Op. cit., Bd. IV, S. 443, 445.

было занято 22 действующих и 6 запасных молотов, чугуна для которых поставляли всего две домны. Появилась потребность в дополнительном чугуне. В итоге возник Верхне-Тагильский завод с двумя домнами и четырьмя молотами. Из двух домен непрерывно действовала только одна: «когда оная домна повредится и выдует, тогда вместо той задует другая домна». Строительство этого завода началось в мае 1718 г., а пущен он был в январе 1720 г. Спустя два года, Н. Демидов приступил к постройке четвертого завода, Нижне-Тагильского, при его жизни так и не пущенного. Пятый завод — Нижне-Лайский — был молотовым и металлообрабатывающим, его три молота начали передел чугуна в железо с 23 ноября 1723 г.⁸

Помимо предприятий черной металлургии, Н. Демидов построил один медеплавильный завод. 20 декабря 1720 г. ему было разрешено «на государевой порозжей земле за речкою Выею» построить «медной завод на свои собственные деньги и на том заводе плавить ему медь». Указ предусматривал обязательство Демидова по поставке меди в казну, которой надлежало отдавать «самую чистую медь, которая б годилась в денежные и в прочие дела в Москве на Денежный двор или в артиллерию половину, а когда гораздо оной размножится — треть». Так как Выйский завод был первым медеплавильным предприятием на Урале, то указ, поощряя инициативу Никиты Демидова, предписывал, «чтоб то рудное дело у него произведено и умножено было с удовольствием». Выйский завод с шестью медеплавильными печами был пущен 23 ноября 1722 г.⁹

В этом же году Демидов совершил неудачную попытку получить от казны еще один завод — Каменский. Впрочем, в данном случае его интересовал не столько сам завод, сколько приписанные к нему крестьяне. В челобитной он писал, что Шуралинские заводы справлялись с заказами Адмиралтейства с большим напряжением, так как «лесами весьма обсечены и стал быть от тех заводов лес в дальном разстоянии, за которым означенного многова числа корабельного железа в указное число делать за оскудением того лесу не на чем». Такое же оскудение лесами Демидов наблюдал и на Каменском заводе, поэтому он просил «те заводы и со обретающимися на тех заводах со всеми служители, чтоб позволено мне перевезть, и построить те заводы на означенных речках Пышме и Ревде и на Полевой, или где приищется удобное место»¹⁰. Эта просьба, однако, не была удовлетворена.

Таким образом, в итоге 25-летней хозяйственной деятельности на Урале Никита Демидов к полученному от казны Не-

⁸ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 590, л. 164; кн. 841, л. 303.

⁹ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. 2, лл. 15, 16; ф. Сената, кн. 1510, л. 404; ф. Берг-коллегии, кн. 590, л. 166.

¹⁰ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 627, л. 85.

вьянскому заводу пристроил еще пять: один медеплавильный и четыре предприятия черной металлургии. Все они группировались вокруг Невьянского завода. Даже расстояние самого отдаленного от него Выйского завода не превышало 70 верст.

Все это обширное хозяйство попало в руки старшего сына Никиты Демидова, Акинфия, значительно умножившего богатства своего отца. Деятельность этого властного человека, жадного и жестокого, незаурядного организатора производства, в документах Берг-коллегии отражена значительно полнее, чем предпринимательство его отца.

Документы, исходившие непосредственно от Акинфия Демидова, т. е. инструкции заводским приказчикам, деловые письма и распоряжения, характеризуют жестокость этого человека, подчиненную стяжательству. Он требовал, чтобы провинившиеся мастеровые были наказаны «без всякого к ним послабления» и «без упущения» «чепью и кучною ломкою». Не знали пощады и приказчики.

На заводах Демидов установил режим взаимной слежки, поощрял доносы. Приказчик должен был «присматривать и наведыватца тайно и явно, дабы ис подьячих и служителей в поденных работах из лакомства не приписывали б в книги лишних дней». Спины приказчиков, надсмотрщиков, расходчиков и прочих управителей тоже не были освобождены от наказания плетью. Впрочем, одних он страшил отрешением от дел и отдачей «в кучную ломку и в протчие заводские работы», к другим он обращался с просьбами и заклинаниями, в отношении третьих ограничивался внушением поступать, «как надлежит честному и благонадежному человеку» или «честному и верному мужу», за что их ожидала «от бога милость» и «благодарения» заводо-владельца.

В итоге на демидовских заводах формировался специфический тип крепостного приказчика, рабски преданного хозяину и деспотичного по отношению к подчиненным.

Вместе с тем инструкции характеризуют их составителя расчетливым хозяином и тонким знатоком горнозаводского дела. В каждом отдельном случае Акинфий Демидов учитывал особенности характера и способности того или иного приказчика, а также специфику производства. Поэтому инструкции, составленные Акинфием Демидовым, еще не имели того шаблонно-бюрократического налета, который так характерен для аналогичного типа документов, возникших в более позднее время. Инструкции Акинфия Демидова отличались одна от другой, хотя и были предназначены для управления однородными предприятиями и адресованы одинаковым должностным лицам. Совершенно очевидно, что разнообразные по содержанию инструкции могли появиться только при глубоком знании всех деталей сложного и многоотраслевого хозяйства.

Инструкции дополнялись указаниями частного порядка, обычно посылаемыми в ответ на рапорты приказчиков. Главному приказчику нескольких заводов Степану Егорову Акинфий Демидов писал: «Уведомились мы, что и доньне у нас за не-потребство Веденей Терентьев не наказан, и во оном ты грешишь напрасно». В другом случае Акинфий выражает удовлетворение экзекуцией, учиненной какому-то «домовому» парню за то, что последний «исплечил» лошадь: «И ты ево за то и посек и в том худобы нет». В этом же письме выражено недовольство большим количеством лома, получаемого при пробе железа на Нижне-Тагильском заводе: «Токмо тому мне удивительно, что у вас ево много ломается, ибо у нас ныне того не видно, хранит бог с того времени как ево обжигать зачели. Я уповаю, оная у вас ломь состоит оттого, что мастера делают крицы сырыя, а вы за ними в том и посмотреть ленитесь».

В иных случаях грубый окрик чередовался с уговорами. В деловом письме А. Демидов, обращаясь к приказчику Нижне-Тагильского завода, писал в ноябре 1738 г.: «В бытность свою здесь Веденя Терентьев объявил нам, что у вас новая фабрика весьма строится хило и радения де у вас х тому нет и к окончанию де строением оная фабрика не поспеет по вашему проворству, и ежели то правда, то наглухо вы мне в том обиду делаете. Прошу хотя ныне леность вам отставить, а к достройке показать ревность. На Ревде с вашею вдруг такая фабрика зачата была делать, а ныне уже и действует», хотя там в людях тоже был недостаток и, кроме того, чинили помехи башкиры.

В некоторых инструкциях и деловых письмах А. Демидова звучит грубая шутка и жестокая насмешка над зависимыми от него людьми. Так, инструкция приказчику строившегося Ревдинского завода заканчивалась словами: «О покупке хлебных припасов я вам и не упоминаю того ради, что к приуготовлению оного принудит вас брюхо». В 1740 г., предупредив жульническую махинацию своего приказчика, заводовладелец злобно писал: «А особливо при нынешнем вашем щете главное ваше воровство оказалось, что вы многих денег, принятых здесь, также и зборных за подушной оклад в приходные книги не вносили, которые было вы знатно намерены были проглотить, но всесильный бог того вам злодейства учинить не попустил и оное ваше воровство изобличил, которое вам... в широком вашем горле костью станет»¹¹.

При этом с нужными людьми — не только с вельможами, но мелкими чиновниками — Акинфий умел быть обходительным и предупредительным. Он находился в переписке с всесильным А. Д. Меншиковым, с кабинетским секретарем И. А. Черкасо-

¹¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 590, лл. 45, 54.

вым, поддерживал деловые связи с временщиком Бироном и многими менее знатными деятелями, связи с которыми могли оказаться полезными.

Едва ли не самым выразительным показателем влияния Демидова при дворе и умения поставить себя в исключительное положение среди промышленников является его победа над В. Н. Татищевым и покровительство его деятельности со стороны императрицы Елизаветы Петровны.

В 1734 г. на Урал в качестве руководителя местной горной администрации прибыл В. Н. Татищев. Располагая широкими полномочиями, Татищев ввел некоторые новшества, ущемлявшие интересы уральских промышленников и в первую очередь самого крупного из них — Акинфия Демидова. В ответ была подана жалоба Демидова, в которой говорилось, что Татищев «не точию в завоцком производстве в потребных случаях... какое вспоможение чинит, но и в распространении и содержании заводов немалыя препятствия мне от него происходят». К этим «препятствиям» Демидов прежде всего относил введение института шихтмейстеров и содержание составленного для них наказа, в котором он находил «великое себе отяхчение и невозможности».

А. Демидов вместе со Строгановыми протестовал против введения школ при заводах, против оплаты дней, пропущенных мастерам по болезни, считал Татищева виновным в том, что заводы пришли «против прежнего в худое состояние». Помимо протеста против введения шихтмейстеров, Демидов изложил ряд частных жалоб. Он писал о том, что Татищев главного приказчика Степана Егорова «взял под крепкой арест», изъяв у него деловые бумаги, перевел часть мастеровых на казенные заводы, определил быть при заводах кабакам «и к тому же приобщает промышленников и приказчиков надзирателями, чтобы они, промышленники и приказчики, пили на тех кабаках рюмками и сами продавали, а не заводы б снабдевали» и т. д.¹²

Эту челобитную А. Демидов подал в сентябре 1735 г. Не получив удовлетворения, он в феврале 1736 г. обратился в Кабинет министров с жалобой, в которой сообщал о новых притеснениях Татищева. Последний принуждал увеличить производство меди на Выйском заводе, в то время как ее выплавка была убыточна Демидову, принуждал платить мастеровым такое же жалованье, как и на казенных заводах. Смысл выдвинутых против Татищева обвинений заключался в том, что заводами командуют шихтмейстеры, «а мне, нижайшему, о том от него, Татищева, никакого указу не объявлено, и я с тех своих заводов от приказчиков и ни от кого о течении их и сколько на оных заво-

¹² ЦГАДА, ф. Сената, кн. 1136, лл. 2—8.

дах выплавлено меди и куда она употреблена, о том ко мне известия уже с лишком год не имеетца, и прикащиком моим о том ко мне репортовать ни о чем не допускает»¹³.

На этот раз хлопоты Демидова, действовавшего через временщика Бирона, увенчались полным успехом — Татищев был принесен в жертву магнату. Именным указом 15 апреля 1736 г., явно противоречившим инструкции 1734 г., Акинфий Демидов выходил из подчинения горной администрации Урала и в соответствии со своей просьбой передавался в ведомство Коммерц-коллегии. Указ 12 ноября 1736 г. в угоду Демидову и Строгановым отменял ненавистный им институт шихтмейстеров. Взятки Бирону и его клевету Шембергу обеспечили удовлетворение просьб Демидова.

Акинфий Демидов умел ладить с окружением и новой императрицы — Елизаветы Петровны. 24 июля 1744 г. он добивается беспрецедентного указа, ставившего его в исключительно привилегированное положение. Он мог хозяйничать на Урале бесконтрольно, фактически безнаказанно, считаясь лишь со своей покладистой совестью, ибо отныне ни коллегии, ни даже Сенат не могли решать ни одного вопроса, касающегося Демидова, без ведома императрицы. Указ предписывал, «ежели где до него, Акинфия Демидова, будет касаться какие дела или от кого будет в чем на него челобитье, о том наперед доносить е. и. в., понеже е. и. в. за его верные е. и. в. службы в собственной протекции и защищении содержать имеет»¹⁴.

В истории металлургии России ни один заводовладелец не пользовался столь обширной привилегией, какая была предоставлена Акинфию Демидову. Цену «протекции» императрицы можно представить по спорному делу между А. Демидовым и балахнинскими купцами Петром и Гавриилом Осокиными из-за рудников.

Право строить медеплавильные заводы в Кунгурском уезде было предоставлено еще отцу Акинфия, комиссару Никите Демидову. Но ни он, ни его сын, сделав заявки на рудники, не спешили с реализацией предоставленного им права. Промедлением Никиты и Акинфия Демидовых воспользовались начинающие промышленники Осокины, энергичные дельцы, пытавшиеся компенсировать свое несколько запоздалое вступление в ряды мануфактуристов освоением того, что осталось не захваченным Демидовыми. В Кунгурском уезде они поставили четыре медеплавильных завода. Если бы Демидовы своевременно построили заводы на базе разысканных ранее рудников, то Осокины, разумеется, не получили бы разрешения строить близ них свои предприятия. Однако, поскольку таких заводов не было построено,

¹³ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 1136, лл. 59—62.

¹⁴ Б. Б. Кафенгауз. Указ. соч., т. I, стр. 178, 179.

вблизи найденных Демидовыми рудников возникли предприятия Осокиных.

Непрощенные соседи испытали немало огорчений от притеснений Акинфия Демидова и его приказчиков. Бесконечные жалобы Осокиных на произвол Демидова, подаваемые в горную администрацию, не были удовлетворены, и балахнинские купцы вынуждены были обратиться с челобитной к императрице. Они сообщали, что после «нашего строения Юговского заводу в том же Кунгурском уезде поблизости, всего в 11 верстах, господин Демидов построил Бымовский свой завод, которого ему строить было по горному и заводскому обыкновению для прочности заводов и в лесах не подлежало. Однакож наши прикащики в ево рудные места, которые сысканы ево рудоискателями и горною командою отведены не далее от заводу нашего одной версты, а другие по указом отданы, ни для чего не вступают и обиды ево, Демидова, заводам не чинят». Напротив, приказчик Петр Мануйлов вместе со своим хозяином А. Демидовым, «забыв страх божий, чинят многие помешательства, хотя привести к запустению наши заводы». Они «в противность указов» покупали «за малую цену» у ясашных татар землю с обысканными ими, Осокиными, рудниками, а пермское горное начальство, «норовя» Демидовым, чинило незаконные отводы рудников. В результате Демидовы добыли на этих рудниках около 400 тыс. пуд. медной руды. И хотя Берг-коллегия решила спор из-за этих рудников в пользу Осокиных, Демидов написал письмо приказчикам, «чтоб горных команд нам на указы надежды не иметь и оставить их вне резона, и теми рудниками хочет сильно вторично завладеть».

В том же феврале 1745 г. к верховной власти апеллировал и Акинфий Демидов. В отличие от Осокиных, действовавших по официальным каналам, А. Демидов обратился к кабинет-секретарю И. А. Черкасову с письмом получастного содержания, в котором выдвинул встречные обвинения в адрес Осокиных и якобы покровительствовавшей им Канцелярии главного заводов правления¹⁵.

Таким выглядел Акинфий, самый одаренный представитель династии Демидовых за всю двухвековую ее историю. Отца он превзошел и организаторскими способностями, и достигнутыми результатами в промышленном строительстве.

Акинфий Демидов, получив в наследство от отца шесть заводов на Урале и один близ Тулы, продолжал расширять промышленное хозяйство. Начатый сооружением еще при отце Нижне-Тагильский завод он достроил уже после его смерти, пустив домну 25 декабря 1725 г. Вторая домна на этом заводе была пущена через год. Нижне-Тагильский завод вскоре превратился

¹⁵ ЦГАДА, Госархив, разряд XI, д. 95, ч. 2, лл. 40, 41, 44.

в крупнейшее предприятие, ибо А. Демидов поставил на нем еще две домны, одну из которых задули 7 января 1730 г., а вторая, по свидетельству приказчика Степана Егорова (1733 г.), «и поныне не в действии, а все четыре в действии никогда не были». В дальнейшем, когда Демидов перешел к платежу десятинного налога по доменному окладу, две домны на Нижне-Тагильском заводе были снесены. Полученный чугу́н предназначался для переработки на других предприятиях, ибо завод был оборудован всего двумя молотами. С 1733 г. на заводе началась также плавка черной меди¹⁶.

С пуском Нижне-Тагильского завода доменное производство в хозяйстве А. Демидова стало значительно превосходить переплавное, и появилась потребность в специальных молотовых заводах. Необходимость их постройки Демидов обосновывал тем, что при действующих предприятиях имеется «руд довольноное число, а леса уже при тех заводах на жжение угля и на заводские потребы обрубались вокруг верст на двадцать и более, отчего бывает в деле железа и заводского угля немалая остановка и в найме извошиков передача». В связи с этим заводовладелец считал целесообразным при старых заводах оставить только домны, а молотовые построить «в угожих местах, где способнее будет к судовой пристани и к лесам». Такие места Демидов обнаружил на притоках р. Чусовой — Утке и Шайтанке, где у него действовали пыльные мельницы, и на Черном Истоке, впадающем в р. Тагил¹⁷.

Первым из трех заводов был построен Шайтанский. Он был оборудован двумя молотами и начал ковку железа 1 сентября 1727 г. Черноисточенский завод был покрупнее, его четыре молота начали работу в 1728 г. Третий завод — Уткинский пущен 1 сентября 1729 г., потому что был не только молотовым, но и чугуноплавильным, с четырьмя молотами и одной домной¹⁸.

Следующим предприятием черной металлургии, построенным А. Демидовым, был Ревдинский завод. Еще в 1724 г. комиссар Никита Демидов обнаружил у Волчьей горы руду, «ис которой делаетца железо самое мягкое», и близ нее речку Ревду, удобную для постройки завода. Комиссар Никита Демидов намечал соорудить только домну, «а молотовым при том заводе быть не у чего, для того что оная река Ревда и Волчья гора в самом пустом месте, жилья около них никакого не имеетца и за оскудением работных людей переделывать чугу́н в железо будет некем». Молотовый завод было решено поставить в Ветлужской

¹⁶ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 841, л. 310; кн. 592, л. 160; J. G. Gmelin. Op. cit., Bd. IV, S. 412.

¹⁷ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. 6, л. 3; ф. Берг-коллегии, кн. 760, л. 369.

¹⁸ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 592, л. 161; кн. 590, л. 166; РОБИЛ, Музейное собр. № 7493, л. 6.

вотчине, расположенной в Галицком уезде, где купленных крестьян имелось «со удовольствием»¹⁹.

Но, получив разрешение на постройку Ревдинского доменного завода еще 9 июня 1724 г., ни отец, ни старший сын не спешили его реализовать. Не начато было строительство и Ветлужского завода на том основании, что не удалось подыскать подходящего места, так как там «земли песчаные». 2 ноября 1727 г. Акинфий возбудил ходатайство о постройке вместо Ветлужского передельного завода такого же завода в Барминской волости Нижегородского уезда, близ с. Фокина на речке Чугунке, где живут вотчинные крестьяне, которым «ко означенной заводской работе как к рубке дров, так и к кладке и насытке и ломке угольных куч приходиться... способно»²⁰.

Ревдинский завод с одной домной был начат строительством в 1732 г. «и строением за повреждением плотины от внешней воды в 1733 продолжался до 1734 г.». Плавка чугуна на нем началась в сентябре 1734 г. Передельных заводов близ с. Фокина было построено сразу три в 110 верстах от Нижнего Новгорода: Верхне-Чугунский, в полутора верстах от него — Нижне-Чугунский и в шести верстах от них — Корельский. Все они были пущены в 1730 г.²¹

Опыт постройки передельных заводов вдали от доменных оказался удачным. Чугун доставлялся на эти заводы дешевым речным путем, причем по пути в Европейскую Россию, поэтому транспортные расходы были незначительны. Вместе с тем расщеплением заводов Демидов удлинял срок работы доменных предприятий, сравнительно быстро использовавших лес в близлежащей округе. Этими же соображениями он руководствовался, когда 13 февраля 1740 г. исхлопотал у Генерал-берг-директориума разрешение на постройку молотового завода в Осинском уезде, в Рождественской вотчине, на речке Ножевке. Оборудование завода должно было состоять из четырех действующих и двух запасных молотов; сведений о времени его пуска не имеется²².

В 40-х годах XVIII в. А. Демидов построил еще два передельных завода. На речке Шайтанке, на которой уже стоял один молотовый завод, Демидов поставил еще одно передельное предприятие. Постройка его началась без позвоительного указа еще в 1739 г.; позднее, задним числом, 27 октября 1741 г. такой указ был оформлен. Висимо-Шайтанский завод, оборудованный тремя молотами и довольно крупной пильной мельницей с тремя станами, начал работу в 1744 г.²³ Точно так же без по-

¹⁹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1037, л. 46; кн. 1396, л. 823.

²⁰ Там же, кн. 1041, л. 126; кн. 2230, л. 61.

²¹ Там же, кн. 592, л. 161; кн. 590, л. 135.

²² Там же, кн. 590, л. 128.

²³ Там же, л. 66; ф. Сената, кн. 1510, л. 404.

зволительного указа по распоряжению Демидова в 1742 г. началась постройка Верхне-Лайского завода с тремя молотами, расположенного в полутора верстах от Нижне-Лайского. Одна из ведомостей сообщает об этом предприятии следующие сведения: «Оной Верхней Лайской завод построен по приказу умершего Акинфия Демидова для того, что при старой Лайской плотине построенная для славы Российской империи и всенародной пользы косная фабрика от малости в том пруде воды бывает во всегдашних остановках»²⁴.

У А. Демидова была еще одна «косная водяная фабрика», которую он пустил в сентябре 1735 г. О ее существовании известно по двум доношениям, поданным в конце 1736 и начале 1737 г. Оба доношения были составлены в связи со стремлением А. Демидова исхлопотать освобождение от служб и постоев своего зятя «Тульской оружейной слободы кузнеца Федора Петрова сына Володимерова», которого он принял в компаньоны для эксплуатации косной фабрики. Кроме того, А. Демидов просил об освобождении продажи кос от сбора внутренних пошлин сроком на 10 лет. Свои просьбы заводовладелец обосновывал тем, что, во-первых косной фабрики «и поныне ни у кого в России не имеется», во-вторых, фабрика стала ему «немалым коштом, ибо для заведения той фабрики завода и для делания кос выписаны были ис Пруси[и] косной обер-мастер и мастер». Наконец, в-третьих, производство кос было налажено не сразу. Первые выпуски их «за необыкновенным фасоном» подлежали переделке, ибо без этого продавать их «было невозможно». От этого Демидов получал «от оной фабрики не прибыль, но вящей убыток». Обе просьбы были удовлетворены 31 января 1737 г.²⁵

Помимо постройки новых предприятий черной металлургии, Демидов реконструировал часть уже действовавших заводов. Так, при Бынговском молотовом заводе 6 марта 1739 г. была пущена «горная плавильная фабрика», а 1 мая того же года — латунная фабрика. Эта последняя была сооружена на неудачно выбранном месте, ибо вскоре «для прочности лесов другим при том Бынговском заводе фабрикам» решено было перенести ее на речку Шайтанку.

Самой серьезной реконструкции подвергся Выйский завод. Поначалу он был медеплавильным, с шестью печами. Затем его расширили, добавив еще четыре печи. Сырцевая база предприятия оказалась недостаточной, и оно действовало с большими перебоями. С 1726 по 1731 г. плавка меди не производилась «за оскудением угля», причем в мае 1729 г. завод сгорел. С 1731 г. на восстановленном заводе действовало только две-три медеплавильные печи, а потом оказалось, что «руда имеет в себе более

²⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 590, л. 85.

²⁵ Там же, кн. 1028, лл. 260, 270, 272.

железа, нежели меди», и плавка ее была остановлена, печи завода стали использоваться для переработки черной меди, доставляемой с других предприятий. Такое назначение плотины показалось А. Демидову нерациональным и он использовал ее для постройки одной действующей и одной запасной домен, а также трех действующих и одного запасного молотов. В середине 40-х годов домны значились недействующими, завод стал молотовым²⁶.

Столь же энергично шло строительство медеплавильных заводов. В Томском и Кузнецком уездах А. Демидов обнаружил восемь рудных мест и вслед за этим просил разрешения «на тех местах медную руду копать и заводы заводить». Позволятельный указ Демидов получил 24 февраля 1726 г., а Колывано-Воскресенский завод на реке Белой был пущен в сентябре 1729 г.²⁷

Поиски руд в этом районе продолжались и после сооружения Колывано-Воскресенского завода, хотя Демидов не мог осилить разработки найденных рудников «за малолюдством». В начале 1731 г. он донес, что обыскал на правой стороне Иртыша много лесов и намеревался «построить другой медной завод и плавильные водяные печи для плавки медных руд по усмотрению речки, где удобнее быть заводу». Руду для новостройки он намечал доставлять водою по рекам Иртышу и Уе с рудников Колывано-Воскресенского завода, бедного лесами. Разрешение на строительство этого завода не было выдано²⁸. Более того, Колывано-Воскресенский завод в 1735 г. был взят в казну, правда, ненадолго — через два года Демидов его вновь получил. После этого в Западной Сибири был построен еще один завод — Барнаульский, на притоке Оби р. Барнауле. Его начали строить в апреле 1740 г.; сведений о времени пуска не имеется.

Помимо двух заводов — Колывано-Воскресенского и Барнаульского, построенных в Западной Сибири, А. Демидов поставил еще четыре медеплавильных предприятия, на этот раз в Кунгурском уезде. Первый из них, Суксунский, построен по указу Берг-коллегии 11 августа 1727 г. на земле, купленной у посадского г. Кунгура Еремея Лунегова. Заводские сооружения отличались фундаментальностью. Плотина длиною 120 сажен была построена из камня. Каменными были котельная, меховая и другие постройки. Руда для всех четырех заводов добывалась с рудников, расположенных близ р. Бым. От Суксунского завода рудники находились на расстоянии 65—120 верст, причем руды было в обрез, «не в самом довольствии и на сколько лет их стать может, того познать неможно, ибо оные находятся гнездовые».

²⁶ П. С. Паллас. Путешествие по разным местам Российского государства, ч. II, кн. I. СПб., 1786, стр. 258; I. G. Gmelin. Op. cit., Bd. IV, S. 415; ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 841, л. 337; кн. 590, л. 175; кн. 592, л. 160.

²⁷ ЦГАДА, ф. Демидовых, д. 1, лл. 86, 87; кн. 590, л. 564, 565.

²⁸ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1048, лл. 564, 565.

Однако в течение первых нескольких лет после пуска завода, последовавшего 15 января 1729 г., в медеплавильные печи поступала руда из близлежащих рудников. Эти рудники быстро истощились, а надежды на открытие новых не было, так как «около Суксунского заводу не токмо руд, но к сысканию руды приличных и земель нет». Суксунский завод уже в середине 30-х годов занимался очисткой меди, доставляемой с других заводов. В дальнейшем завод приобрел славу «изрядным искусством» медной посуды.

Истощение руд близ Суксунского завода и значительные расходы на ее доставку с рудников на р. Бым побудили А. Демидова построить новый завод непосредственно у источников сырья. Бымовский завод с шестью медеплавильными печами отстоял от рудников на 1—15 верст и начал плавку меди в сентябре 1736 г. Однако и эта мера не обеспечила бесперебойной работы предприятия,—завод имел простой «за малостию в пруде воды, а паче за скудостию медных руд». Дело в том, что Бымовский завод был построен в 11 верстах от Юговского и в 16 верстах от Бизярского заводов Осокина. Это и создавало трудности в обеспечении предприятия сырьем.

На реке Бым Демидов намеревался построить еще один медеплавильный завод и уже начал на этот счет хлопоты, но затем «заподлинно осведомился, что оное место, где плотине прежде намерено было быть, весьма берегами песчано и к заведению той плотины неспособно». Кроме того, были опасения, что «оскудеет лесами» Бымовский завод. Эти соображения вынудили А. Демидова отказаться от постройки завода на р. Бым и возобудить ходатайство о постройке его на р. Ашапе, способной обеспечить работу восьми медеплавильных печей. Разрешение на постройку Ашапского завода с шестью печами Демидов получил 1 июня 1741 г. и в том же году приступил к строительным работам. Первые две печи начали плавку меди 30 октября 1744 г., а 3 января 1745 г. начали работу и остальные четыре печи.

На Ашапском заводе, в отличие от Бымовского, цикл медеплавильного производства был завершенным — одновременно с плавкой черной меди производилась и ее очистка. Но рудная база была небогатой — рудников, специально отведенных к этому заводу, оказалось немного «и прочностию не надежны», так что «на плавку шести печек набирать вскоре невозможно». Недостаточную руду доставляли с Бымовских рудников; если бы прекратили снабжение завода бымовской рудой, то он «остановку иметь будет по то время, пока руды надежные сыщутся».

Четвертый медеплавильный завод с двумя печами на р. Шакве в 35 верстах от Кунгура был построен Демидовым без позвоительного указа. Он был пущен 6 июля 1740 г., а 30 сентября того же года Генерал-берг-директориум, куда обратился

Демидов с соответствующей просьбой, повелел Канцелярии главного заводов правления «имеющееся в Кунгурском уезде на р. Шакве место, где прежде у него, Демидова, были соляные варницы и за невыходом соли уничтожены, освидетельствовать, можно ль построить медную плавильную фабрику о дву печах». Чиновник Канцелярии главного заводов правления, прибывший для обследования места, с удивлением нашел завод уже действующим. Такое самоуправство другому бы не сошло с рук, но Акинфий отделался лишь непродолжительной волокитой; указ на сооружение уже построенного завода был выдан 28 сентября 1743 г.²⁹

Итак, Акинфий Демидов за 20 лет владения наследием, полученным от отца, расширил его почти в три раза, введя в строй 18 новых заводов: два доменных и молотовых³⁰, девять молотовых³¹, шесть медеплавильных³² и косную фабрику. Вместе с шестью заводами на Урале и одним в Европейской России промышленное хозяйство Акинфия Демидова к концу его жизни в 1745 г. состояло из 25 заводов. К этому следует прибавить Бынговский кожевенный завод, построенный в 1723 г., и Тисовскую пильную мельницу, пущенную в 1730 г., а также кожевенный завод при ней, начавший работу два года спустя.

Все это обширное хозяйство состояло из нескольких промышленных комплексов, способных вести самостоятельную производственную жизнь. Медеплавильные заводы легко расчленились на две группы: Кунгурскую (в составе четырех предприятий) и двух заводов в Западной Сибири. Сложнее были связи предприятий черной металлургии. К Невьянскому доменному заводу тянули Бынговский и Шуралинский молотовые. К Нижне-Тагильскому доменному заводу тянуло четыре молотовых: Выйский, Лайский, Черноисточенский и Висимо-Шайтанский. Следующий комплекс составляли Верхне-Тагильский, Уткинский и Шайтанский заводы. Последний из них, будучи молотовым, перedelывал чугуны Уткинского завода, доставлявшийся водным путем. Автономное значение имел Ревдинский завод, который «в произведении своего дела довольствуется рудами на плавку чугуна своими, имеющимися около оного Ревдинского заводу». Наконец, последнюю группу заводов составляли передельные предприятия, расположенные на водном пути: Рождественский, Верхне-Чугунский, Нижне-Чугунский и Корельский, получавшие

²⁹ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 1510, лл. 426, 427, 434, 442, 448, 450, 461, 465; ф. Берг-коллегии, кн. 834, л. 646; кн. 858, лл. 266, 267; кн. 590, лл. 110, 118, 121, 135, 166; кн. 1028, л. 870; И. И. Лепехин. Указ. соч., ч. 2, стр. 236.

³⁰ Нижне-Тагильский и Ревдинский.

³¹ Шайтанский, Уткинский, Черноисточенский, Верхне-Чугунский, Нижне-Чугунский, Корельский, Рождественский, Висимо-Шайтанский, Верхне-Лайский.

³² Колывано-Воскресенский, Барнаульский, Суксунский, Бымовский, Ашапский, Шаквинский.

чугун от Верхне-Тагильского, Уткинского, Ревдинского заводов³³.

У Акинфия Демидова было три сына: Прокофий, Григорий и Никита. По примеру своего отца, комиссара Никиты Демидова, Акинфий решил ограничить права двух сыновей на наследство и передать все металлургические заводы вместе с обслуживавшими их вотчинами в руки младшего сына Никиты на том основании, что старшие дети не имеют охоты к «размножению и содержанию заводов» и, несмотря на уговоры, «и поныне в правление оных заводов не вступают». Воля Акинфия, выраженная в завещании, состояла в том, что каждый из сыновей получал из недвижимого, «что по их достоинству и каждого искусству и прилежности надлежит иметь». Старший сын, Прокофий, мог рассчитывать на получение двух вотчин, расположенных в Царевосанчурском и Нижегородском уездах, и одного дома в Москве. «Да сверх того из движимого своего имения наградил его деньгами 50 тыс. рублями, и оные деньги заплатить ему чрез пять лет, а именно на каждой год по 10 тыс. рублей».

Средний сын, Григорий, кажется, пользовался большей благосклонностью отца, ибо его доля, видимо, была более крупной. Ему предназначались «купленные мои у Соли Камской у гостя Филатьева солеварные заводы со всяким строением, инструменты и посудой, с мастеровыми и работными людьми и с обретающимся в тех заводах капиталом». Кроме того, Григорию причиталось получить несколько вотчин, расположенных в Арзамаском, Галицком и Ярославском уездах, и два двора: один в Ярославле, другой в Казани. Денег Григорию было выделено всего 30 тыс. руб., из которых 10 тыс. руб. шли на погашение его долга, а остальные он мог получить в течение четырех лет по 5 тыс. руб. ежегодно. В распоряжении Григория, как и Прокофия, оставалось платье, личные драгоценности и украшения, а также серебряная посуда весом в три пуда.

Родительское сердце Акинфия было расположено к третьему сыну, Никите, которому причиталось получить все, «что за тем вышеписанным двум первым моим сыновьям разделом за мною ныне осталось», т. е. все медные и железные заводы, многочисленные вотчины, дома, недвижимое имение, не только имеющееся в наличии, но и то, что «впредь по смерти свою... присовокупить могу». Вместе с Никитой должна была жить мать его, а если она того не пожелает, то на ее долю были выделены Нижне-Тагильский и Черноисточенский заводы, а также три вотчины³⁴.

Духовная Акинфия Демидова отражала неприязненные отношения, сложившиеся в семье. Особенно недоволен был Акин-

³³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 590, лл. 134—135.

³⁴ ЦГАДА, Госархив, разряд XI, д. 95, ч. 2, лл. 274—277.

фий своим старшим сыном Прокофием, о чем свидетельствует содержание письма, адресованного Акинфием кабинет-секретарю И. А. Черкасову за несколько месяцев до своей смерти. Оно полно жалоб на действия Прокофия, на его непослушание и заканчивается просьбой принять к послушнику меры принуждения.

Особенно Прокофий огорчил отца тем, что не поехал на Урал «в той надежде, чтобы он до приезда моего правил заводскую экономию». Сначала Прокофий потребовал от отца инструкции, как ему поступать, а затем, получив ее, «уехал в деревню, а приехавши из деревни, тожé непокорство показал и уехал в Питербург без ведома моего, не знаю какова ради вымыслу». Акинфий Демидов «слезно» просил барона Черкасова «оного моего сына и з женою ево выслать в сибирские мои заводы»³⁵.

Духовная Акинфия Демидова, однако, выполнена не была. Он умер 18 августа 1745 г. «на пути от Казани до Сибирских своих заводов, на Каме реке под селом Ицким», а 30 сентября того же года последовал именной указ президенту Берг-коллегии А. Ф. Томилову возглавить комиссию по разделу оставшегося имущества, ибо «ево дети еще и при нем роптали, что неравно разделены, а ныне могут быть меж ими и явные вражды, чрез которое их несогласие не токмо все заводы потеряны быть могут, но и деревни, коих немалое число за ним было, в крайнее разорение придут». Так как имение Демидова — «все суть государственная польза», то императрица сочла необходимым вмешаться в распоряжение о его разделе. Томилову повелевалось ехать на Урал для составления описи имущества и для наблюдения за работой заводов, чтобы все было «исправляемо как где определено от умершего Акинфея Демидова»³⁶.

Составление описи имущества А. Демидова и разделение его на три равные части заняло много времени, и братья, окончательно рассорившиеся между собою, вступили во владение своими частями только 1 мая 1758 г. Все вотчины и заводы были разделены на три части: Невьянскую, Ревдинскую и Нижне-Тагильскую.

Невьянская часть в составе Невьянского, Бынговского, Шуралинского, Верхне-Тагильского, Шайтанского, Верхне-Чугунского, Нижне-Чугунского и Корельского заводов с соответствующими вотчинами и приписными крестьянами досталась Прокофию Демидову.

Ревдинская часть в составе Ревдинского, Уткинского, Рождественского и Тульского заводов досталась Григорию Демидову. К нему же отошли все медеплавильные заводы в Кунгурском уезде — Суксунский, Бымовский, Ашапский и Шаквинский.

³⁵ Там же, ч. 1, л. 286.

³⁶ Там же, ч. 2, л. 230.

Нижне-Тагильская часть, включавшая Нижне-Тагильский, Черноисточенский, Выйский, Висимо-Шайтанский, Верхне-Лайский и Нижне-Лайский заводы, перешла в собственность Никиты Демидова ³⁷.

После смерти Акинфия рост хозяйства Демидовых заметно сократился. Причин этому было несколько. В 40 и 50-х годах рыночная конъюнктура была чрезвычайно благоприятной, но братьям было не до постройки новых заводов — все их внимание и энергия были сосредоточены на разделе имущества. Наконец, когда долгожданный раздел наступил, стал наблюдаться спад спроса на металл со стороны заграничных покупателей. Имели значение и личные качества наследников — ни один из них не проявил ни энергии, ни хватки, свойственных отцу.

В этом плане характеристику, данную Акинфием Демидовым своему старшему сыну Прокофию, следует признать правильной. Действительно, он не проявил никакой охоты «к размножению и содержанию заводов» даже после того, как стал единоличным владельцем своей части. Он жил в Петербурге, много ездил по Европе, удивляя всех расточительностью, прославился благотворительностью и чудачествами, стоившими немалых средств, выколачиваемых с уральских заводов. В отличие от отца, выступавшего организатором производства и как-то заявившего в письме к А. Д. Меншикову, что «заводы, яко детище малое, непрестанного требуют к себе доброго надзирания», Прокофий придерживался противоположного мнения ³⁸. За все время владения Невьянской частью Прокофий не удосужился побывать на Урале, и, когда Берг-коллегия в 1763 г. попросила всех промышленников изложить свои мнения, что мешает процветанию заводов и на какие новые льготы претендуют заводовладельцы, Прокофий ответил, что он сказать ничего не имеет, ибо не осведомлен о нуждах своих заводов, которых он еще не посетил.

За время владения Невьянской частью Прокофий Демидов не построил ни одного нового завода, хотя попытки в этом направлении и были предприняты. Так, он начал сооружение Верх-Нейвинского завода. Ко времени продажи Невьянской части он успел издержать 22 464 руб., но пустить его не сумел — под домну был подведен всего лишь фундамент, а из трех молотовых фабрик в готовности была только одна ³⁹. Начатое им сооружение Верх-Нейвинского завода удалось завершить новому владельцу Невьянской части — Савве Яковлеву, который пустил его 13 июля 1772 г. ⁴⁰

³⁷ Б. Б. Кафенгауз. Указ. соч., т. I, стр. 238—240.

³⁸ К. Головщиков. Род дворян Демидовых. Приложение, стр. 9.

³⁹ РОБЛ. Музейное собр., № 7493, л. 48.

⁴⁰ ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, кн. 1173, лл. 201, 203, 204, 206, 339.

10 января 1769 г. Прокофий Демидов продал свои заводы С. Яковлеву за 800 тыс. руб. Для заключения сделки нужно было преодолеть некоторые трудности. Прокурор Юстиц-коллегии Колошин выразил протест против утверждения купчей на том основании, что указ 8 августа 1762 г. запрещал промышленникам покупать крестьян к заводам. Хотя в этом указе и не сказано было о запрещении покупать или продавать готовые заводы с крестьянами, тем не менее прокурор высказал «сумнение». Вопрос был передан на рассмотрение Сената, определением которого купчая была утверждена⁴¹.

Заключенная купчая предусматривала уплату П. Демидову после подписания сделки 200 тыс. руб., а остальные 600 тыс. Яковлев должен был погасить в течение пяти лет. Яковлеву передавались не только заводы, но и готовая продукция, которую покупатель принимал «с уступкою» по 20 коп. с рубля. Наличные деньги, имевшиеся в заводских конторах, оставались за Демидовым⁴².

Яковлев купил у П. Демидова Невьянский, Бынгровский, Шуралинский, Верхне-Тагильский и Шайтанский заводы. Однако в Невьянскую часть, помимо перечисленных предприятий, входило три молотовых завода, расположенных в Нижегородской губернии: Верхне-Чугунский, Нижне-Чугунский и Корельский. Дальнейшее сохранение этих предприятий за П. Демидовым потеряло всякий смысл, так как они находились в полной зависимости от заводов Среднего Урала, снабжавших их чугуном. Заводы прекратили передел чугуна еще в 1767 г., и П. Демидов продал из 13 сентября 1772 г. Лариону Ив. Лугинину за 30 тыс. руб. Все три завода находились «в крайней ветхости, так что строение все развалилось, плотины в полые воды размыло и припасов в них почти ничего не имеется». Лугинин, совершая купчую, соблазнился, разумеется, не заводами, а посессионными крестьянами к ним, численностью в 414 душ, которых он поспешил перевести на другие свои предприятия⁴³.

Несколько лучше, но тоже далеко не блестяще шли дела у второго сына Акинфия — Григория. К полученному наследию он добавил единственный завод — Бисертский. В январе 1759 г. Григорий Акинфиевич Демидов информировал Берг-коллегию, что доставшиеся на его долю две домны выплавляют такое количество чугуна, которое «за малостию молотов переделать невозможно». В этой связи он просил разрешения оборудовать молотовую на плотине хлебной мельницы на р. Бисерте. Новый молотовый завод должен был переделывать чугун Уткинского завода, отстоявшего на 50 верст.

⁴¹ Там же, кн. 46, лл. 12, 13.

⁴² ЦГАДА, Госархив, разряд XI, д. 95, ч. I, л. 149.

⁴³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2230, лл. 50, 61, 63.

Право на постройку Бисертского завода Г. Демидову пришлось отстаивать от барона Александра Строганова, приказчики которого сообщили, что они обнаружили железную руду в двух верстах от р. Бисерти. На эту же руду претендовал и дядя Григория, Н. Н. Демидов. На рудники близ Бисерти претендовали также вельможи Р. И. Воронцов и А. И. Глебов, заявившие, что «желают де они на обысканном им порожнем месте общим их капиталом, не требуя ис казны денег, завести вновь железной завод в Екатеринбургском ведомстве на речке Бисерте, на первой случай о дву домнах и 12 молотах».

Поскольку место, на котором стояла мучная мельница, было собственностью Г. Демидова, Берг-коллегия удовлетворила его просьбу, как и просьбу вельмож, так как их завод, будучи доменным, не конкурировал с заводом Демидова. Указ на постройку Бисертского завода с двумя действующими и одним запасным молотом Берг-коллегия вынесла 11 июня 1760 г. Завод был пущен 5 ноября 1761 г., правда, не на полную мощность (на первых порах работал один молот) ⁴⁴.

В ноябре 1761 г. Григорий Демидов умер, оставив наследниками трех сыновей. До 1 апреля 1765 г. сыновья владели всем «имением без разделу», а затем «для лутчаго в экономии наблюдения согласно и полюбовно оное между собою разделили» на три равные части. Первая, Суксунская, включавшая три медеплавильных завода (Суксунский, Бымовский и Ашапский), Шайтанский молотовый, Тисовский кожевенный и Тульский запустевший завод, оказалась в руках старшего брата Александра. Этот комплекс нельзя считать законченным, так как он не мог обеспечить Шайтанский завод собственным чугуном. В этом отношении вторая, Уткинская, часть, доставшаяся среднему брату Павлу, была укомплектована более удачно. Она включала Уткинский завод с домной, четырьмя действующими и одним запасным молотом, Рождественский завод с четырьмя действующими и двумя запасными молотами, а также не заверченный постройкой Камбарский завод. Разрешение на постройку завода на притоке Камы р. Камбарке, на купленной у башкир земле Берг-коллегия выдала 22 сентября 1760 г. еще Григорию Демидову. Для перековки уткинского чугуна предполагалось построить четыре молота. Григорий Демидов уже начал было строительство, но право на заводское место оспаривал Прокофий Демидов, и Берг-коллегия указом 3 октября 1761 г. приостановила строительство.

Третья, Ревдинская, часть, состоявшая из Ревдинского доменного и Бисертского молотового заводов, по жребию досталась младшему брату Петру. Неравномерность производственных объектов в каждой из частей компенсировалась числом крепост-

⁴⁴ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 3246, лл. 363, 364; ф. Берг-коллегии, кн. 1290, лл. 533—536, 539—542.

ных крестьян. Так, в первую часть вошли вотчины с 2843 душами, в то время как во второй насчитывалось 3209 душ, а в третьей — 2977 душ.

Раздельный акт имел дополнительные пункты, предусматривавшие некоторые частные детали раздела. Так, Высокогорский рудник, снабжавший рудой как Ревдинский, так и Уткинский заводы, делился «на две части равномерно, и которая кому по жеребию достанется, тому тою и владеть безспорно». Владельцу первой части в Высокогорские рудники запрещено было «вступаться, в разсуждении неймения в них надобности». Отправленные в Петербург изделия надлежало продать с общего согласия и выручку разделить равными частями. «Имеющиеся в заводских, вотчинных и городских домах, кроме Соликамского красносельского дому, домовые уборы, путевые городские экипажи и прочие мелочи, також при заводах же и в вотчинах всякой хлеб, скот, птиц и лошадей в разсуждении нашего единственного братства во всех местах оставить без разделу и довольствоваться всякому своею частию беспрекословно»⁴⁵.

Средний сын Павел, видимо, не имел никакой склонности к предпринимательству и вскоре поступил своей частью в пользу братьев. Александру он продал Уткинский доменный и строившийся Камбарский заводы за 75 тыс. руб., а Петру — Рождественский молотовый завод за 25 тыс. руб.⁴⁶

Из трех братьев Александр Григорьевич Демидов оказался наиболее предприимчивым. «Генеральная ведомость», составленная Берг-коллегией в 1797 г., зарегистрировала за ним семь заводов вместо полученных четырех: Бымовский, Ашапский, Суксунский, Уткинский, Тисовский, Камбарский и Молебский. Последние три завода были построены Александром Демидовым. Тисовскую пильную мельницу на речке Тис в 60 верстах от Кунгура и в 20 верстах от Суксунского завода он в 1763 г. переоборудовал в передельный завод с тремя действующими и одним запасным молотами. Определение с разрешением на переоборудование завода Берг-коллегия вынесла 30 июня 1763 г.

Камбарский завод тоже был молотовым и построен был по указу Берг-коллегии от 22 сентября 1760 г. на речке Камбарке, левом притоке Камы, на земле, купленной у башкир. Завод имел две молотовых фабрики с четырьмя действующими и двумя запасными молотами. Первая молотовая была пущена 5 ноября 1767 г., а вторая — 25 мая 1770 г.⁴⁷

Третий завод — Молебский — сочетал доменное и молотовое производство. Намерение построить этот завод Александр Демидов высказал в 1775 г., когда его Суксунская заводская контора

⁴⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1249, лл. 96, 104, 105, 111, 119—122.

⁴⁶ Там же, кн. 1273, лл. 369, 373, 375.

⁴⁷ ГАСО, ф. Уральского горного управления, оп. 1, д. 2086, лл. 52—54.

донесла о найденном на речке Молебке, правом притоке Сылвы, «свободном и способном к построению доменного и молотового завода» месте. Обследовавший это место унтер-шихтмейстер Егор Кузнецов признал его пригодным для постройки домны, восьми молотов, пильной и мукомольной мельниц, однако Берг-коллегия позволительного указа не вынесла. В 1779 г. Демидов возобновил свою просьбу, но и на этот раз не получил указа. Берг-коллегия накануне своего упразднения в 1782 г. передала дело на рассмотрение Пермского наместнического правления. По данным А. Ярцова, завод начал плавку чугуна в 1786 г., а по сведениям «Генерального описания», — в 1787 г.⁴⁸

Третий сын Акинфия Демидова, Никита, которого отец прочил в единственные наследники своего колоссального состояния, хотя и уступал отцу в талантах стяжателя, но все же оказался предприимчивым дельцом. П. С. Паллас считал, что Нижне-Тагильский завод Н. А. Демидова в 1770 г. находился в цветущем состоянии и «меж всеми частными сибирскими заводами совершеннее, порядочнее, важнее и прибыльнее железом»⁴⁹. По мнению Б. Б. Кафенгауза, Н. А. Демидов «не выделялся какими-либо особенностями, и эта ординарность делает его в своем роде не менее типичным, чем его старший брат, характерный представитель чудачков и самодуров того времени»⁵⁰. Подобно Прокофию, Никита путешествовал по западноевропейским странам, но вел себя за границей несколько по-иному, чем старший брат. Наряду с развлечениями богатый турист Никита Акинфиевич Демидов интересовался за границей постановкой горного дела и металлопромышленности⁵¹.

Как только в 1758 г. Н. А. Демидов вступил во владение своей Нижне-Тагильской частью, он тотчас же возбудил ходатайство о постройке нового завода. В челобитной, поданной в Берг-коллегию в апреле этого года, он писал, что чугун, выплавляемый на заводах, доставшихся на его долю по разделу, переделывать в железо «не можно. А во близости тех моих заводов с сибирской стороны выпала в реку Чюсовую речка Сулемка, которая к построению молотовых и к перековке чугуна поблизости способна, на которой покойной и отец мой те молотовые построить был намерен, к чему и лес вывезен, токмо за кончиною своею того исполнить не успел». На речке Сулемке Н. А. Демидов намеревался поставить передельный завод с четырьмя молотами. Однако это намерение не было реализовано, ибо встретило одновременное противодействие с двух сторон: баронесса Марья Артемьевна Строганова убеждала Берг-коллегию, что речка Сулемка и ме-

⁴⁸ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1386, лл. 543—545, 564; «Горнозаводская промышленность Урала...», стр. 56.

⁴⁹ П. С. Паллас. Указ. соч., ч. II, кн. I, стр. 249—250.

⁵⁰ Б. Б. Кафенгауз. Указ. соч., т. I, стр. 268.

⁵¹ Н. А. Демидов. Журнал путешествия, М., 1786.

сто, облюбованное под завод Демидовым, находится в ее дачах; с доношением такого же содержания обратился барон Николай Григорьевич Строганов. Предстояла длительная тяжба, отнюдь не способствовавшая возведению нового завода. Такая перспектива не устраивала Н. А. Демидова, и он дал задание разыскивать новое место. К осени 1758 г. поиски увенчались успехом, и Н. А. Демидов просит о разрешении построить молотовые фабрики и для них плотину на речке Салде.

Место на речке Салде обследовали по поручению Берг-коллегии капитан Семен Метлин и геодезист Мельников. Оказалось, что предложенное приказчиками место было неудобно, так как находилось на топкой равнине. Вместо этого Метлин и Мельников предложили по той же речке Салде «другое способное к построению завода место, кое состоит, где плотине быть, между гор, по течению речки Салды с правой стороны гора крутая сажень с восемь, а с левую отлогая». Энергии речки Салды, по определению обследователей, будет вполне достаточно, чтобы обеспечить работу восьми молотов. Указ о постройке Салдинского завода Берг-коллегия вынесла 8 февраля 1759 г. Прокофий Демидов, оказавшийся человеком неуживчивым и не питавшим родственных чувств к братьям, попытался чинить препятствия в постройке завода, заявляя, что новый завод будет удален от Невьянского всего на 30 верст. Протест приказчиков Прокофия Демидова не был, однако, принят во внимание. Четыре молота Салдинского завода начали передел чугуна 1 ноября 1760 г., а остальные четыре — 12 октября следующего года⁵².

К концу XVIII в. Н. А. Демидов построил еще два предприятия: на той же речке Утке, где стоял доменный и молотовый Уткинский завод Александра Демидова, он в 1771 г. построил Висимо-Уткинский завод с четырьмя молотами. Второй завод Н. А. Демидов поставил в 1778 г. на речке Салде, повыше ранее построенного молотового завода. Верхне-Салдинский завод был доменным и передельным — его оборудование состояло из двух домен и трех молотов.

Хозяйство наследников Н. А. Демидова к концу XVIII в. было самым крупным среди представителей потомков Акинфия Демидова. В его составе находилось девять заводов: Выйский, Нижне-Тагильский, Черноисточенский, Висимо-Шайтанский, Нижне-Лайский, Верхне-Лайский, Нижне-Салдинский, Верхне-Салдинский и Висимо-Уткинский. При Нижне-Тагильском заводе по просьбе Демидова в 1798 г. разрешено было построить четыре медеплавильные печи⁵³. Все заводы располагали четырьмя

⁵² ЦГАДА, ф. Сената, кн. 3246, л. 359; ф. Берг-коллегии, кн. 1168, лл. 1—12, 79; ф. Демидовых, д. 2, лл. 18, 34.

⁵³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2242, л. 209.

домнами, 44 кричными молотами и двумя медеплавильными печами.

Подведем итоги развития хозяйства главной линии Демидовых, ведущих свое начало от комиссара Никиты Демидова и его старшего сына Акинфия. Комиссар Никита Демидов к 1725 г. владел семью заводами. Его сын Акинфий умножил размеры хозяйства, доведя численность заводов до 25. При Акинфии хозяйство этой линии Демидовых достигло зенита. К концу XVIII в. его размеры значительно сократились. Правда, потомки Акинфия Демидова ввели в строй семь заводов⁵⁴, но в то же время по разным причинам лишились 12 предприятий: остановился из-за отсутствия угля Тульский завод, старейший в хозяйстве Демидовых, в 1777 г. прекратил плавку меди из-за недостатка руды Шаквинский медеплавильный завод, два медеплавильных завода в 1747 г. были отобраны в казну (Колывано-Воскресенский и Барнаульский), восемь заводов продал Прокофий Демидов⁵⁵. В итоге за этой линией Демидовых, представленной тремя заводоладельцами (наследники Н. А. Демидова, А. Г. Демидов, П. Г. Демидов), числилось 19 предприятий вместо 25 при Акинфии Демидове.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что географические контуры промышленного хозяйства этой линии Демидовых сложились при Акинфии. Во второй половине XVIII в. многие новые заводы были построены на речках, облюбованных еще Акинфием Демидовым. Так, Бисертский завод был построен на плотине, где А. Демидов соорудил мучную мельницу с тремя поставами. Тисовский завод возник на базе кожевенного предприятия, Висимо-Шайтанский — на реке, издавна вошедшей в промышленную эксплуатацию.

Теперь рассмотрим историю хозяйства второй линии Демидовых, ведущих свое начало от сына комиссара Демидова Никиты. Напомним, что у комиссара Никиты Демидова было три сына: Акинфий, Григорий и Никита. Старший сын Акинфий затмил славу отца и младшего брата. Однако, отдавая должное уму и стяжательским талантам Акинфия Демидова, не следует забывать, что младший его брат Никита мало в чем уступал ему и если достиг меньшего, то только потому, что с самого начала был поставлен в неизмеримо худшие условия.

Комиссар Никита Демидов поделил свое имущество между тремя сыновьями в соответствии с указом о единонаследии — старшему Акинфию были отказаны все заводы и вотчины, «а им,

⁵⁴ Кожевенный Тисовский завод стал молотовым, Верхне-Салдинский, Нижне-Салдинский, Висимо-Уткинский, Молебский, Камбарский и Бисертский.

⁵⁵ Невьянский, Бынгровский, Шуралинский, Верхне-Татильский и Шайтанский — Савве Яковлеву, а Верхне-Чугунский, Нижне-Чугунский и Корельский — Л. И. Лугинину.

детям моим меньшим, Григорью и Никите, дана уреченная часть из движимого». Таким образом, завещание, составленное комиссаром Никитой Демидовым в 1720 г., создавало неравные исходные позиции для братьев. Более того, отец не только не способствовал, но даже препятствовал строительству заводов младшими сыновьями и глушил их инициативу. В одном из доношений в Берг-коллегию комиссар Никита Демидов отклонил просьбу своего младшего сына Никиты участвовать в строительстве заводов на Урале, считая, что «нелзя ко одному месту у недвижимоу двух сынов наследником быть». После того как комиссар обнаружил на реке Вые на Урале медную руду, Никита стал просить отца «к брату своему большому Акинфию в те жалованные мне места в пайшики». Отец отказал сыну, будучи уверен в том, «что ему того дела снести не уметь»⁵⁶.

Акинфий Демидов, как известно, не построил ни одного завода в центральном металлургическом районе и расширял свое хозяйство исключительно за счет Урала. В отличие от Акинфия, Никита Никитич, пожалуй, с равным усердием строил заводы как на Урале, так и в Европейской России.

Строительство Н. Н. Демидовым новых заводов в Европейской России до 30-х г. XVIII в. вполне объяснимо — в эти годы его не допускали на Урал, и он вынужден был ограничивать свою деятельность рамками дозволенного. Но даже и после того как Н. Н. Демидову, вопреки желанию старшего брата, все же удалось обосноваться на уральской земле, он продолжал скупать вотчины в Европейской России, реконструировать старые и строить новые предприятия. В результате сложилось два промышленных комплекса, органически не связанных между собою по производственной линии, но оказывавших друг другу финансовую поддержку, поскольку в каждом из них капитал обращался с различной скоростью.

Первым заводом, построенным Н. Н. Демидовым, был Дугненский. Его начал строить Григорий Никитич Демидов еще в 1707 г., затем он оказался во владении комиссара Никиты Демидова, а в 1716 г. был передан Н. Н. Демидову. Так как плотина завода находилась в столь ветхом состоянии, что не подлежала перестройке, а также вследствие того, что завод стоял на месте, затопляемом во время осенних и весенних паводков, Н. Н. Демидов решил перенести его «ниже того заводу, что был построен братом ево Григорием Никитичем Демидовым». Строительство Дугненского завода началось в 1717 г., а закончено было в конце 1721 или начале 1722 г. Во всяком случае, в доношении Берг-коллегии, датированном 19 февраля 1722 г., Н. Н. Демидов писал о Дугненском заводе как уже о действующем предприятии, на постройку которого он издержал «тысяч

⁵⁶ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1037, л. 64.

с восемь». Дугненский завод стоял в Алексинском уезде, был доменным и молотовым⁵⁷.

Несколько лет работы завода обнаружили значительное отставание передельного производства от доменного — три молота не успевали перековывать чугун от одной домны. С целью установления равновесия Н. Н. Демидов в январе 1726 г. обратился с просьбой разрешить ему расширить Дугненский завод сооружением второй домны на новой плотине, а также построить еще одно передельное предприятие в Мещовском уезде на р. Брыне, где он приобрел вотчину. Крестьяне этой вотчины первоначально предназначались для перевода на Дугненский завод, но затем заводовладелец обнаружил, что их можно использовать на месте, без затрат на перевод, для чего и просил указа на постройку Брынского молотового завода⁵⁸.

Следует отметить, что рассредоточение предприятий было продиктовано не столько слабой энергетической базой р. Дугны, сколько удобствами снабжения предприятий углем. Промышленник руководствовался простым расчетом — не обзаводиться заводами-гигантами, размещать отдельные цехи в разных местах, потому что в этом случае производство приближалось к источникам сырья, что значительно удешевляло его доставку. 4 февраля 1726 г. Берг-коллегия разрешила Демидову построить вторую домну на Дугненском заводе и Брынский передельный завод⁵⁹. Чугун на этот завод, расположенный в Мещовском уезде, доставляли с Дугненского завода отчасти водным, отчасти сухим путем. Его 10 молотов начали работу, по-видимому, в 1728 г.

После этого в строительстве новых предприятий в Европейской России наступил длительный перерыв: Н. Н. Демидов был поглощен налаживанием работы Шайтанского завода на Урале и накоплением средств на покупку вотчин.

В это время Никита Никитич вступил в острый конфликт со своим старшим братом. В этом конфликте Никита проявил столько же цепкости и несокрушимой воли, как и Акинфий, и в конечном счете вынудил последнего пойти на компромисс. Речь идет о ссоре между Акинфием и Никитой в связи с убийством среднего брата Григория Никитича Демидова и дележом его наследства.

Григорий Никитич Демидов был женат дважды: от первого брака он имел дочь Акулину, а от второго — сына Ивана и дочь Анну. В ночь на 14 мая 1728 г. Г. Н. Демидов по дороге с Верхотулецкого завода выстрелом в затылок был убит в Гончарной слободе Тулы. Следствие обнаружило, что убийцей был собственный сын Григория Иван, который совершил преступление,

⁵⁷ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 627, лл. 55—58; кн. 1006, л. 319.

⁵⁸ Там же, кн. 760, л. 339.

⁵⁹ Там же, кн. 1041, л. 466.

как доносила Акулина, «с умыслу за то, что отец наш, как был жив, за непотребства и противности хотел ево, брата моего, лишить наследства, а хотел учинить наследницею меня, нижайшею». Так как старшая дочь Акулина давно уже была замужем, а Иван как отцеубийца, согласно Уложению 1649 г., подлежал смертной казни, то наследницами оставались вдова убитого и ее дочь Анна. Права их казались бесспорными, но тем не менее Акинфий Демидов решил, что Верхотулецкий завод не будет лишним в его хозяйстве, и сделал попытку завладеть им. В доношении, поданном в Берг-коллегию 11 декабря 1728 г., Акинфий писал, что земля, на которой стоит этот завод, была куплена его отцом у стольника П. Е. Арсеньева за 1600 руб.; вследствие же того, что он, Акинфий, объявлен единственным наследником недвижимого имущества, то и Верхотулецкий завод должен перейти в его собственность. Анну Григорьевну Акинфий Демидов считал непричастной к этому заводу на том основании, что она якобы не являлась дочерью Григория. Он сообщал, что вторая жена Григория, Христина Борисовна, «за брата моего Григорья пришла чреватую и, пожив з братом моим немногие недели, оную свою дочь Анну и родила». Он готов был поделиться лишь частью завода и только с Акулиной, которую признавал единственной законной наследницей. Верхотулецкий завод, по версии А. Демидова, принадлежал его отцу и «покойному брату моему Григорью сыну Демидову во время жизни своей им, отцом моим, отдан был для ево пропитания на время».

Все эти утверждения Акинфия Демидова были опровергнуты Анной Григорьевной, усмотревшей во всех действиях своего дяди стремление удовлетворить свое «несытое лакомство и сребролюбие». Она не оспаривала факта купли земли на имя деда, но считала эту сделку фиктивной, поскольку «отец мой в 1718 г. о покупке к заводам вотчин милостивыми е. и. в. указами был еще не пожалован».

Не ожидая окончания спорного дела, Акинфий Демидов явочным порядком захватил завод. За права вдовы и племянницы вступился Никита Демидов, видя их «безгласных и осиротевших, беззаступных». Он считал, что брат его стремится «несытость в великом де своем богатстве паки наполнить» и наследников «между де двор пустить» без всяких на то оснований. Никита засвидетельствовал факт постройки Тулецкого завода Григорием Демидовым, который жил отдельно от отца около 20 лет.

Права конфликтовавших сторон, видимо, не были бесспорными. В противном случае трудно объяснить условия мировой, положившей конец тяжбе. Вряд ли Акинфий Демидов отказался бы от удовлетворения своего «несытого желания» получить завод бесплатно, если бы его позиция в правовом отношении не вызвала каких-либо сомнений. С другой стороны, претензии

вдовы и ее дочери тоже следует признать недостаточно обоснованными, ибо в противном случае вряд ли их могла удовлетворить скромная компенсация за отказ от наследия в размере 5 тыс. руб. Во всяком случае 2 июля 1729 г. Акинфий Демидов информировал Берг-коллегию, что он договорился «полюбовно, что ей, Христине, з дочерью ея до той купленной отцом моим земли и до заводов и до всего недвижимого брата моего имени дела нет, а вместо того им, Христине з дочерью, дано деньгами»⁶⁰.

Сохраняя юридические права на завод, Акинфий Демидов не вступил в фактическое владение им, а оставил его за своей племянницей Акулиной, бывшей замужем за Ильей Даниловым. Интересно в этом отношении показание Ильи Данилова, данное вскоре после получения завода его женой, когда еще свежа была в памяти благотворительность дяди. Следственной комиссии о десятинном обложении 1733 г. Илья Данилов рассказал, что Тулецкий завод был построен его тестем Григорием Демидовым, и хотя после его смерти Акинфий Демидов завод «исправил за собою, но по наследству жены ево, Ильиной, отдал он, Акинфий, во владение ему бес письменного виду. Того ради он, Данилов, теми заводами с 730 г. и владеет, а указов и грамот и привелегей на те заводы он, Данилов, не имеет»⁶¹.

Таким образом, права Акулины Даниловой на Верхотулецкий завод зиждились на шатком основании благотворительности и находились в полной зависимости от каприза могущественного дяди. Накануне смерти Акинфия Демидова племянница и ее муж были лишены благосклонности дяди, а вместе с нею лишлись и завода. Ведомость 1747 г. сообщает на этот счет следующие сведения: «Верхотулецкий завод со всеми имеющимися припасами и всякими принадлежностями и записными книгами, какие имелись при тех заводах в прошлом 744 г., в ноябре покойным д. с. с. Акинфием Демидовым были от него, Данилова, насильно отняты..., которые уже отданы от жены ево з детьми в 746 г., в генваре месяце»⁶². С тех пор Верхотулецкий завод находился во владении Даниловой.

Верхотулецкий завод был первоначально оборудован домной и двумя молотовыми, в одной действовало два молота, в другой — один «токмо в той другой молотовой работы с 730 г. и поныне (1733 г.— Н. П.) за ветхостию никогда не было и ныне стоит праздна, для того что вся обветшала»⁶³.

Акулина Данилова расширила свое хозяйство введением в строй Сементиновского молотового завода. Идея его сооружения принадлежала Григорию Демидову, который еще в 1723 г.

⁶⁰ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1041, лл. 278, 284, 297, 301—310, 366, 367.

⁶¹ Там же, кн. 1071, л. 1.

⁶² Там же, кн. 1006, л. 329.

⁶³ Там же, кн. 1072, л. 3.

за 1 500 руб. купил дер. Сементиновку на р. Рысне в Алексинском уезде, в стане Старом Павшине, с намерением построить там молотовый завод. Рассредоточить свое производство побуждало его «умаление воды», но главным образом недостаток угля, который он вынужден был заготавливать вдали от завода — в Малоярославском и Медынском уездах⁶⁴.

Разрешение на постройку завода Г. Н. Демидов получил 8 февраля 1726 г. и начал было его сооружать, но затем прекратил работы «за недопущением помещиковым». В чем выразились враждебные действия помещика, у нас сведений нет. Вторично, на этот раз Акулиной Даниловой, разрешение на постройку Сементиновского завода было получено 15 сентября 1740 г. Необходимость его сооружения была мотивирована тем, что «на Верхотулецком их заводе зимним временем за маловодием; а в вешнее время от полой воды бывает плотине остановка и повреждение». Производительность одного действующего и одного запасного молотов Верхотулецкого завода составляла не более 6 тыс. пуд. железа в год. Для передела остального чугуна и была в 1741 г. сооружена молотовая на речке Сементине в Алексинском уезде. Производительность Сементиновского завода, оборудованного одним действующим и одним запасным молотами, не превышала 7 тыс. пуд. железа в год⁶⁵.

Верхотулецкий завод прекратил работу в 1768 г. Престарелая заводчица Акулина Данилова доносила в 1770 г., что домна «в 1769 г. была и ныне состоит без действия и впредь оною иметь не будет, потому что она уже по старости и по слабости своей к тому и по недостатку ее принадлежащих к заводскому действию припасов заготовить и тех заводов порядочно производить возможности не имеет». Сементиновский завод, видимо, некоторое время находился в действии, но не далее мая 1770 г., когда оба бездействовавшие завода были проданы Андрею и Ивану Баташовым⁶⁶. На этом участие в металлургии Даниловых, не имевших, по-видимому, наследников, прекращается.

После покупки Ромодановской волости в 1739 г. Н. Н. Демидов обнаружил, что там «имеетца речка Вырка, которая к строению заводов весьма угодна». Предполагалось, что «чугун на те новопостроенные мои заводы привозиться будет з Дугненских моих железных заводов». Указ на постройку Выровского завода был дан 22 марта 1740 г.⁶⁷ Это было мелкое предприятие, стоявшее в семи верстах от Калуги и оборудованное единственным молотом.

В таком составе заводы Демидова работали до 1754 г., когда был опубликован известный указ об уничтожении подмо-

⁶⁴ Там же, кн. 760, лл. 313, 322.

⁶⁵ Там же, кн. 973, л. 151.

⁶⁶ Там же, кн. 1288, л. 718.

⁶⁷ Там же, кн. 785, л. 87.

сковных заводов. Под действие этого указа попадало два завода Н. Н. Демидова — Дугненский и Выровский. Реализация этого указа привела бы к полной ликвидации всего промышленного хозяйства Н. Н. Демидова, ибо после сноса Дугненского доменного завода существование Брынского завода становилось бессмысленным.

Началась упорная борьба промышленника за сохранение своих заводов, которая завершилась его победой. В протесте старшего сына Н. Н. Демидова Евдокима, поданном в Сенат, отмечалось, что Дугненский завод хотя и стоит от Москвы в 170 верстах, но ущерба лесному хозяйству Подмосковья не наносит; так как «вблизиности одного завода дров на угольное жжение лесу нет и не покупается», а лес доставляется с верховий Жиздры и Угры в Оку, на притоке которой стоит завод «в безлесном месте для одной руды и для водяной коммуникации», что снос дугненских домен вызовет остановку Брынского завода, который хотя и расположен от Москвы в 300 верстах «и по доволъству лесов ко уничтожению и не определен, но когда помянутой Алексинский Дугненский завод уничтожен будет, тогда и тот отдаленный Мешовский завод за неимением при нем руд с невозвратным же убытком и разорением во опустошении принужден вовсе остаться». Наконец, Демидов в пользу сохранения заводов привел еще два аргумента: на Дугненском заводе было заготовлено такое колоссальное количество сырья, что его невозможно будет переработать в течение пяти лет, и, кроме того, железо Дугненского завода «против других тутошних заводов, кроме сибирского, явилось способнее» для производства оружия, а близость завода к Туле (40 верст) создает удобства для использования ее продукции Оружейной канцелярией.

По мнению просителя, не было оснований и для сноса Выровского молотового завода. Хотя он и был расположен в 190 верстах от Москвы, но пользовался собственным лесом, «которой для того их завода ими збережен и выращен». По расчетам, леса хватит «на многие лета» без покупки его со стороны. Свою челобитную Демидов завершил просьбой, чтобы заводы отца были освидетельствованы и «по вышепоказанным законным резонам тех заводов не уничтожать».

Сенат предложил Берг-коллегии освидетельствовать заводы Н. Н. Демидова и прислать свое мнение⁶⁸. То ли возымели свое действие «законные резоны», то ли в ход были пущены подношения, но Демидову удалось отстоять заводы от разрушения⁶⁹.

Однако полной уверенности в том, что благоприятное решение не будет в дальнейшем пересмотрено Берг-коллегией, у Демидова, видимо, не было. Иначе нельзя объяснить лихорадочную

⁶⁸ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 271, лл. 416—420.

⁶⁹ Там же, кн. 272, лл. 102, 103, 106.

активность, проявленную им в 1754 и 1755 гг. с целью получения разрешений на постройку новых заводов. Ясно, что Демидов готовил к пуску новые предприятия на тот случай, если он вынужден будет прекратить работу на Выровском и Дугненском заводах.

31 января 1755 г. Берг-коллегия рассматривала просьбу Н. Н. Демидова о разрешении построить завод в Брянском уезде на речке Ломпадь в купленной за 11 тыс. руб. у А. Бутурлина дер. Людиново. Лесов, писал челобитчик, «предовольно», а речка может обеспечить работу домны и весьми молотов. Руду он намеревался покупать у местных крестьян.

Стремление Н. Н. Демидова построить Людиновский завод встретило возражение со стороны А. Гончарова, считавшего, что его собственные предприятия, расположенные в 20—40 верстах от новостройки, «могут притти во всеконечную остановку и подрыв».

В дер. Людиново Берг-коллегия отправила шихтмейстера Александра Степанова, рапорт которого о результатах обследования заводского места она обсуждала 27 марта 1755 г. Оказалось, что тревога Гончарова была мало обоснованной. Место, предназначенное под Людиновский завод, находилось от предприятий Гончарова в два раза дальше, чем указывал Гончаров в своей челобитной. Поэтому Берг-коллегия разрешила Н. Н. Демидову строить домну и восемь молотов «сильною рукою», однако предупредила его, чтобы он не смел покупать руду из рудников, приписанных к заводам Гончарова и Мосолова, «под опасением по изобличении штрафа». Равным образом Н. Н. Демидову запрещалось покупать уголь у окрестных крестьян, «дабы означенным Гончарову и Мосолову в произведении их заводов остановки и помешательства и подрыву последовать не могло»⁷⁰.

Это решение Берг-коллегии не удовлетворило Гончарова, и он в апреле 1755 г. обратился с новой челобитной, в которой жаловался как на Демидова, так и на действие шихтмейстера Степанова. Демидова он, в частности, обвинял в постройке Людиновского завода без разрешения Берг-коллегии. Если верить Гончарову, то Демидов сначала построил завод, а затем возбудил ходатайство о разрешении его строить. Шихтмейстер Степанов, вместо того чтобы разоблачить противозаконные действия Демидова, покрыл их, не донеся о них в Берг-коллегию. Челобитную Гончарова следует считать ложным доносом. Это видно из того, что Людиновский завод был пущен не в сроки, указанные Гончаровым, а в ноябре 1756 г.

Попытка Гончарова помешать Демидову построить Людиновский завод окончилась неудачей, но все же ему удалось поста-

⁷⁰ Там же, д. 270, лл. 232—238.

вить Демидова в такие условия, что тот и сам отказался от идеи обзавестись домной и ограничился лишь вводом в действие восьми молотов⁷¹.

Летом 1755 г. Н. Н. Демидов объявил, что в Мещовском уезде Калужской провинции он имеет деревни Сенти и Дубищи, расположенные от Москвы в 300 верстах. В дачах этих деревень протекает речка Сентец, «которая удобна к заведению железного вододействуемого завода и течение имеет немалое, а лесов имеетца в тех же ево, Демидова, купленных дачах предовольное число и стать может на многие годы». 11 августа 1755 г. ему было разрешено построить домну и четыре молота, но и в данном случае он ограничился постройкой лишь четырех молотов. Есенковский завод тоже был готов в 1756 г., но пуск его относится к следующему году. В 1756 г. молоты бездействовали «затем, что еще на оной завод крестьян не переведено, а переведутца нынешней наступающей весны надлежащее число ис купленных моих деревень»⁷².

В итоге предпринимательской деятельности Демидова в Европейской России его хозяйство в этом районе значительно расширилось; к концу его жизни оно состояло из пяти заводов, четыре из которых были передельными и только один, Дугненский, доменный и молотовым.

С не меньшим успехом Н. Н. Демидов действовал и на Урале. Выше отмечалось, что здесь ему пришлось преодолевать препятствия, чинимые отцом и старшим братом, но с их сопротивлением Никита Никитич в конце концов справился. Уже начальные шаги Никиты Никитича на Урале характеризовали его как опытного дельца и интригана и свидетельствовали о том, что проявлять смирение и покорность воле своего родителя он не собирался.

После того, как просьба Никиты Никитича принять участие в разработке медных рудников на речке Вые была отклонена, он тут же решил оказать давление на отца, пригрозив ему, что если «меня де ты в те дачи непустишь, чюжие де люди ворвутца ж». Чтобы угроза не была беспредметной, Никита Никитич инспирировал челобитную Сидора Томилина, владельца красочного завода, в которой дело изображалось так, будто первым обнаружил рудные места на р. Вые не комиссар Никита Демидов, а он, Томилов⁷³.

Первый натиск Никиты Никитича был отражен, но спустя некоторое время он снова предпринял попытку утвердиться на Урале.

Комиссар Никита Демидов и Акинфий организовали широкие поиски полезных ископаемых на Урале. Всякую свою поездку по

⁷¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1138, л. 76.

⁷² Там же, кн. 973, л. 133.

⁷³ Там же, кн. 1037, л. 61.

Уралу они использовали для пополнения сырьевых запасов вновь открытыми рудниками. Например, комиссар Никита Демидов использовал свою поездку с Урала в Москву весной 1725 г., чтобы попутно вести разведку ископаемых. Разведка увенчалась успехом: в Кунгурском и Осинском уездах были обнаружены «во многих местах» на речках Турке, Быме и др. «признаки медных руд»⁷⁴. Ненасытная страсть к наживе отца и сына привела к тому, что они записали за собою такое количество рудников и мест, удобных для постройки заводов, что не могли всех их освоить. Этим и решил воспользоваться Никита Никитич.

В мае 1724 г. комиссар Демидов сообщал в Берг-коллегию о своем намерении построить Ревдинский доменный и Ветлужский передельный заводы, но начало постройки затянулось — Никита Никитич пристально следил за действиями отца и старшего брата, терпеливо выжидал и, когда через 3½ года обнаружил, что Акинфий не приступил к постройке завода на р. Ревде, обратился в Берг-коллегию с просьбой передать ему неиспользованное заводское место. Первый раз прошение было подано 16 октября 1727 г. Н. Н. Демидов писал, что ни отец, ни брат Акинфий «и доньше на тех местах показанных домен не строит, чего ради и поныне то место стоит втуне празно»; так как он, Н. Н. Демидов, имеет «охоту весьма немалую к производству заводов», то и просил разрешения построить завод на Ревде «своим коштом»⁷⁵. В мае 1730 г. Н. Н. Демидов повторил свою просьбу, причем на этот раз он жаловался не только на своего брата, но и на Геннина, который под предлогом того, что казенные рудники «приходят во оскудение», всячески препятствовал выдаче ему разрешения на постройку завода на р. Ревде⁷⁶. В результате усилия Акинфия помешать брату обосноваться на Урале оказались бесплодными. Дело в том, что просьбу Н. Н. Демидова поддержало почти все присутствие Сибирского Оберберг-амта. В особом «мнении», подписанном членами этого учреждения и отправленном в Берг-коллегию, подчеркивалась необходимость привлечения в уральскую металлургию новых промышленников, с тем чтобы нарушить монопольное положение Акинфия Демидова на Урале. «А когда в Сибирской губернии в железных заводах будут другие промышленники, то как железа умножитца, так и продаватца будет оное дешевою ценою». На этом основании авторы «мнения» считали целесообразным разрешить Н. Н. Демидову устроить завод на Ревдинских местах.

Акинфий увидел, что дальнейшее сопротивление домогательствам Никиты становится бесполезным, и пошел на уступки. Известно, что Акинфий в январе 1726 г. получил разрешение на

⁷⁴ Там же, кн. 760, л. 56.

⁷⁵ Там же, кн. 1396, л. 822.

⁷⁶ Там же, кн. 763, л. 650.

постройку Шайтанского, Уткинского и Черноисточенского молотовых заводов. Теперь он решил оставить за собою Ревду, а Никите отдать место на р. Шайтанке. В этом смысле в июле 1730 г. в Берг-коллегию была подана челобитная, подписанная Акинфием и Никитой Демидовыми. Братья сообщали, что «договорились между собою полюбовно» о следующем: Ревда оставалась за Акинфием, а взамен нее Никита получал место на р. Шайтанке. Руду к Ревдинскому заводу Акинфий должен был добывать на Волчьей горе, а Никита — близ р. Шайтанки. Компромиссное соглашение предусматривало и тот случай, когда Никите не посчастливится отыскать надежных руд; тогда братья будут довольствоваться общим рудником горы Волчьей и Магнитной, причем оба они торжественно обещали «друг другу в завоцких делах помешательства ни чрез какие вымыслы не чинить»⁷⁷.

Определение с разрешением Н. Н. Демидову построить Шайтанский завод Берг-коллегия вынесла 9 июля 1730 г.; его строительство началось в следующем году, а домна была пущена 1 декабря 1732 г.⁷⁸ Вслед за Шайтанским заводом Н. Н. Демидов пустил на Урале еще один промышленный комплекс — два Сергинских завода. Разрешение на постройку Верхне-Сергинского завода Н. Н. Демидов получил 20 сентября, а Нижне-Сергинского — 24 октября 1740 г. и в том же году приступил к их постройке. Верхне-Сергинский завод начал работать 26 октября 1743 г., Нижне-Сергинский — 13 ноября 1744 г.⁷⁹

Н. Н. Демидов в 50-х годах XVIII в. стал владельцем еще трех заводов на Урале: в 1751 г. он купил у тульского купца Якова Коробкова Каслинский завод. Это предприятие в руках Демидова подверглось существенной реконструкции: к двум молотам, построенным еще Коробковым, Демидов в 1755 г. прибавил девять, так что всего на заводе числилось восемь действующих и три запасных молота. Кроме того, видимо, в 1759 г., на основе указа Берг-коллегии от 2 сентября 1758 г. об увеличении выплавки меди, Каслинский завод стал одновременно и медеплавильным: на нем были поставлены две медеплавильные печи⁸⁰.

18 сентября 1755 г. Берг-коллегия рассматривала просьбу Н. Н. Демидова о постройке завода в Исетской провинции на р. Кыштым, где он намеревался соорудить две домны «с пристойным числом молотов». Берг-гешворен Кичигин, обследовавший намеченное под завод место, нашел его вполне пригодным: берега речки тверды, лесов достаточно, а воды после сооруже-

⁷⁷ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 763, л. 674.

⁷⁸ Там же, кн. 769, л. 113; кн. 1171, л. 409.

⁷⁹ Там же, кн. 1161, л. 36.

⁸⁰ П. А. Вагина. Заводы Южного Урала в 50—60 гг. XVIII в. (Рукопись); «Материалы по истории Башкирской АССР», т. IV, ч. 2, стр. 247; И. И. Лепехин. Указ. соч., ч. 2, стр. 181.

ния плотины будет столько, что можно без нужды содержать две домны и необходимое число молотов⁸¹⁻⁸². Указ на постройку Кыштымского завода был оформлен 21 сентября 1755 г., а пуск его состоялся в конце 1757 г. На речке было поставлено две плотины с двумя домнами и 12 молотами. Основные сооружения — две домны и 10 молотов — Демидов поставил при верхней плотине, а нижняя была использована для одного действующего и одного запасного молотов. Заводские сооружения отличались добротностью; они были сделаны из кирпича и покрыты чугунными досками.

В отличие от Акинфия, строившего предприятия как черной, так и цветной металлургии, Никита Никитич ограничивал свою деятельность сооружением только доменных и передельных заводов. Единственная попытка Н. Н. Демидова обзавестись медеплавильным заводом окончилась неудачей. В 1731 г. он купил у сына комиссара Ивана Тряпицына Давыдовский медеплавильный завод, стоявший на речке Давыдовке в Казанском уезде. Неясно, однако, с какою целью был куплен этот завод. Известно, что новым владельцем в 1733 г. было выплавлено 24 пуда меди. Спустя девять лет, в 1742 г., Давыдовский завод значился в числе недействующих предприятий, судя по всему, давно прекративших работу. В ведомости сказано, что «плотина и фабрика плавильная и прочее строение по свидетельству от Пермского горного начальства явилось ветхо и стоит оной без действия». Никита Демидов заявил, «что оной, как башкирская шатость минуется, в действие производить будет и по определению Канцелярии главного заводов правления 11 октября 1740 г. велено ему, Демидову, тот завод в действие произвести без упущения времени, токмо в действие оной произведен ли,—известия здесь нет»⁸³. В известных нам документах более поздних лет тоже отсутствуют какие-либо сведения об этом заводе. Его следует считать прекратившим существование, видимо, с 1734 г.

Итак, предпринимательство Н. Н. Демидова на Урале увенчалось созданием обширного хозяйства из пяти действующих и одного остановившегося завода. Вместе с предприятиями, расположенными в Европейской России, Н. Н. Демидов владел 11 заводами. Это значительно меньше, чем построил Акинфий Демидов (18 заводов). Однако если учесть, что Н. Н. Демидову пришлось самому создавать производственную базу на Урале и преодолевать сопротивление своих ближайших родственников, то его успехи следует признать значительными. Во всяком случае отец статского советника Н. Н. Демидова комиссар Никита Демидов ошибался, когда в свое время давал нелестную характеристику своему младшему сыну.

⁸¹⁻⁸² ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 272, лл. 206—208.

⁸³ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. IV, ч. 2, стр. 247—248; И. И. Лепехин. Указ. соч., ч. 2, стр. 178.

В декабре 1758 г. Н. Н. Демидов, «чувствуя престарелые свои лета», решил поделить имущество между четырьмя сыновьями в расчете на то, что каждый из них будет свою долю «содержать «своею властью особо, яко один хозяин, не имея с другими общества». В результате жеребьевки старшему сыну Евдокиму досталась Брынская часть, Ивану — Сергинская, Никите — Людиновская, а Алексею — Шайтанская. Сыновья, однако, не были удовлетворены жеребьевкой и с согласия отца произвели размен доставшихся частей. В итоге Евдоким Демидов стал обладателем Людиновской части в составе Людиновского и Дугненского заводов. Ивану Никитичу досталась Сергинская часть на Урале с двумя Сергинскими заводами. Никита Никитич довольствовался Шайтанской частью, куда вошли Шайтанский, Каслинский и Кыштымский заводы. Младший сын Алексей получил Брынскую часть, включавшую Брынский, Есеновский и Выровский заводы, а также парусно-полотняную мануфактуру в Мещовском уезде.

Бросается в глаза неравномерность долей. Людиновская часть, например, включала только два завода, а Брынская — четыре предприятия. Различную ценность хозяйств уравнивали вотчины и крепостные крестьяне. Так, за Людиновской частью их числилось 1749 душ м. п., за Сергинской — 826 душ м. п., за Шайтанской — 622 души м. п., а за Брынской — 1445 душ м. п.⁸⁴

Предприятия, расположенные в Европейской России, представляли сложившийся промышленный комплекс в составе Дугненского завода с двумя домнами и четырех передельных заводов, оборудованных 23 молотами. Такое соотношение домен и молотов, видимо, создавало равновесие между доменным и передельными цехами. Но достигнутая пропорциональность была нарушена дележом единого комплекса на две части. Как только завешание было оформлено, Алексей Никитич Демидов, получивший Брынскую часть наследства, состоявшую исключительно из молотовых заводов, обратился в Берг-коллегию с соответствующим представлением. В прошении, поданном 14 января 1759 г., он писал, что «без домен ему для выплавки в употребление на помянутые молотовые заводы чугуна пробить никак невозможно», и просил разрешения «на старом заведенном Выровском молотовом заводе построить от себя две домны». Берг-коллегия удовлетворила просьбу А. Н. Демидова, предложив ему построить домны в течение трех лет⁸⁵.

Строительство домен было только что завершено, но указом Сената от 31 октября 1761 г. Выровский завод подлежал закрытию. Указ Сената, наносивший удар А. Н. Демидову, был издан

⁸⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1162, лл. 533—590.

⁸⁵ Там же, д. 295, лл. 26, 32; кн. 1166, л. 19.

по инициативе того же А. И. Шувалова, по предложению которого были уничтожены другие подмосковные заводы. Вельможа заявил, что «от перекупки к тем заводам угля и дров» его, Шувалова, заводам «чинится препятствие». Необоснованной просьбы вельможи было достаточно, чтобы «без всякого о том ко удостоверению его, графа Шувалова, прозбы справедливого изыскания» издать указ о закрытии завода.

Этот указ нанес хозяйству А. Н. Демидова непоправимый ущерб. Домны Выровского завода, по словам Демидова, работали до издания сенатского указа месяца три, т. е. были пущены в июле 1761 г. Так как заводовладелец одновременно со строительством домен успел заготовить около полумиллиона пудов руды, 7 тыс. пуд. извести, до 2 тыс. коробов угля, использованных лишь в небольшом количестве, то он обратился в Берг-коллегию с просьбой о предоставлении ему времени для переработки заготовленного впрок сырья. Берг-коллегия предоставила ему годичный срок, начиная с 23 января 1762 г. За это время далеко не все сырье удалось использовать. К 19 декабря 1762 г., когда домны были остановлены, руды и других материалов оставалось в запасе на два года. Все это было перевезено на Есенковский завод, расположенный от Выровского в 100 верстах. Операция по закрытию Выровского завода и переброске сырья и рабочей силы на другие предприятия принесла, по словам А. Н. Демидова, крупный убыток на сумму в 50 тыс. руб.

Указом Берг-коллегии 18 сентября 1768 г. домны на Выровском заводе разрешалось восстановить, причем заводовладелец увольнялся от уплаты десятины на 10 лет, как если бы он строил новый завод⁸⁶. Предоставленная льгота, однако, не компенсировала понесенных убытков, и в дальнейшем хозяйство А. Н. Демидова медленно хирело, пока не пришло в совершенный упадок. В 1778 г. его заводы числились в списке недействующих предприятий: Брынский прекратил работу с 1772 г. «за малостию воды и за починками», а Выровский остановился в 1776 г. Хотя Берг-коллегия считала необходимым «о приведении тех заводов к действию ево, Демидова, принудить» и грозила конфискацией их, если они не будут пущены, но строгих предписаний было недостаточно, чтобы пустить заводы, необходимы были еще и средства⁸⁷.

А. Н. Демидов решил поправить положение сторонними капиталами и в 1780 г. принял в компанию калужского купца Илью Назаровича Коробова. 30 августа между Коробовым и Демидовым был подписан контракт, условия которого свидетельствуют о финансовой несостоятельности заводовладельца. Контракт был заключен на 10 лет. Пай Коробова составлял

⁸⁶ Там же, кн. 45, лл. 109, 110, 135, 136; кн. 1294, лл. 430, 431, 444.

⁸⁷ Там же, кн. 1371, лл. 510, 511.

16 100 руб., из коих 6100 руб. он вносил не наличными, а векселем А. Демидова. Участие последнего в компании выражалось в предоставлении в совместную эксплуатацию заводских сооружений, сырья и рабочей силы, а также рудников. По расчетам компаньонов, 10 тыс. руб. наличных, внесенных Коробовым, должны были обеспечить пуск и эксплуатацию заводов в течение двух лет. Последующий взнос, равный 16 100 руб., должен был сделать в 1782 г. А. Н. Демидов.

Компания оказалась недолговечной. Компаньонам удалось пустить Есенковский и Брынский заводы. Что касается Выровского завода, то его домны после остановки в 1776 г. восстановлены не были. О молотовой же в «Топографическом описании Калужского наместничества», составленном в 1785 г., сказано, что на заводе сохранились один горн и одна молотовая, которые действуют «для обращения оставшегося при заводе чугунного инструмента в железо»⁸⁸.

Разлад между компаньонами начался сразу же после пуска заводов, когда А. Н. Демидов, по словам И. Н. Коробова, «изготовленное железо и прочее к себе забирал без всякого на то со мною согласия», а когда наступило время вносить предусмотренные контрактом 16 100 руб., он отказался это сделать. Когда же у Демидова спросили, «для чего он... поступает не в сходственность записи, то Демидов вместо должного узаконенному начальству повиновения сказал азартным образом, что он в том не слушается, приказал конторщику выттить ис конторы и исправнику ничего не ответствовать». 4 августа 1782 г. Демидов «сам собою, без всякой причины и без ведома судебного правительства» выгнал Коробова с заводов. После этого работа предприятий была прекращена. На Есенковском заводе плавка чугуна прекратилась в 1783 г. и была возобновлена лишь в 1791—1793 гг., когда было выплавлено 54 477 пуд. чугуна, после чего вновь была остановлена до конца XVIII в. В 1786 г. плотина Брынского завода числилась разрушенной, и на Выровском — «разные заводские строения и материалы все сгнили».

В жалобах, поданных Сенату, Коробов обвинял Демидова в том, что он «нерачением своим и истреблением капитала» привел заводы к остановке, подчеркивая при этом, что причиной развала хозяйства явились не стихийные бедствия, а «небрежение» самого заводчика. Коробов домогался передачи ему демидовских заводов, но когда в 1786 г. генерал-губернатор Михаил Никитич Кречетников навел справки о нем, оказалось, что он «состоит в неизвестной отлучке и без пашпорта, которого дом и прочее имущество за неплатеж вступивших на него векселей с публичного торгу проданы». Вырученными деньгами удалось удовлетворить

⁸⁸ «Топографическое описание Калужского наместничества», СПб., 1785, стр. 16.

лишь малую часть претензий кредиторов. На грани катастрофы находился и А. Н. Демидов, которому было предъявлено векселей более чем на 40 тыс. руб.⁸⁹

Калужское наместническое правление в 1794 г. в ответ на запрос Комиссии о коммерции, «где именно и чьи имеются фабрики, мануфактуры и заводы», доносило, что в Жиздринской округе находятся заводы покойного Алексея Никитича Демидова, переданные в содержание калужскому купцу И. Н. Коробову. Брынский завод «за приведением в ветхость», а Есеновский «за неимением руды и протчего» давно бездействуют «и по ненахождению на оных содержателей и конторщиков ведения взять не у ково»⁹⁰. Так разорившийся промышленник привел к разорению своего купца-компаньона. Но все же Брынский и Есеновский заводы в начале XIX в. числились за Коробовым. Что касается потомков Алексея Никитича Демидова, то их имена исчезли из списков промышленников.

Более удачно вел хозяйство старший сын статского советника Н. Н. Демидова Евдоким. Он представлял интересы фирмы еще при жизни отца, задолго до раздела имущества. Надо думать, что приобретенный опыт дал возможность Евдокиму Демидову должным образом подготовиться к самостоятельному ведению хозяйства и составить обстоятельный план его развития. Этот план предусматривал перемещение промышленной деятельности Евдокима из Европейской России на Урал.

При жеребьевке Евдокиму явно не повезло — ему досталась Бринская часть, состоявшая исключительно из молотовых заводов. Обособленное существование этой части предопределяло строительство доменного завода, т. е. требовало дополнительных расходов, что не входило в планы Е. Демидова. Поэтому он с удовольствием разменялся с младшим братом Алексеем, уступив ему Брынскую часть взамен Людиновской, эксплуатация которой не требовала постройки новых цехов.

Последующая история этого промышленного комплекса свидетельствует о том, что его составные части не претерпели существенных изменений. Лишь в 1776 г., спустя много лет после получения наследства, Е. Н. Демидов, «усмотря, что Людиновский завод местоположением своим находится среди великих лесов», решил в целях экономии леса для доменного производства прекратить передел чугуна на Дугненском заводе, сохранив на нем работу одних домен. С 1777 г. Дугненский завод стал только доменным, а передел чугуна осуществлял Людиновский завод⁹¹.

⁸⁹ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4462, лл. 135—149; «Горнозаводская промышленность Урала...», стр. 124, 125.

⁹⁰ Государственный архив Калужской области (ГАКО), ф. Калужского наместнического правления, оп. 1, д. 1604, лл. 60, 61.

⁹¹ Государственный архив Тульского обл. (ГАТО), ф. Тульского наместнического правления, оп. 1, д. 300, л. 31.

Относительное равнодушие к судьбам заводов, расположенных в Европейской России, компенсировалось энергией, приложенной Евдокимом Демидовым на Урале. Здесь он 26 июля 1760 г. купил за 90 тыс. руб. Верхний и Нижний Авзяно-Петровские заводы.

Летом 1769 г. Е. Демидов в семи верстах от Авзяно-Петровских заводов на быстрой и многоводной р. Каге построил плотину для пильной мельницы. На готовой плотине он решил поставить четыре молота. Указ на постройку Кагинского завода был выдан 5 октября 1769 г. и в том же году завод начал ковку железа, доставляемого с Авзяно-Петровских заводов⁹².

В декабре 1771 г. Е. Демидов начал хлопотать о постройке доменного завода на речке Кухтур (она же Кутур и Куктур). Указ был подписан 4 января 1772 г., а в октябре следующего года завод с двумя домами был готов к пуску⁹³.

Таким образом, к началу крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева Е. Н. Демидов владел на Урале четырьмя заводами — двумя Авзяно-Петровскими, Кагинским молотовым и Кухтурским доменным. В ходе крестьянской войны все четыре завода оказались полностью разрушенными. Комиссия Берг-коллегии нашла, что на Верхнем Авзяно-Петровском заводе 26 мая 1774 г. «как фабрики, так господское и крестьянское строение сожжено злодеями все без остатку». В плотине все, «что сверх воды находилось, истреблено огнем». Впрочем, плотина после исправления вешняков и спусков, по заявлению приказчиков, могла удерживать воду. Нижний Авзяно-Петровский завод в тот же день был «превращен в пепел, остались только одни горны и в кучах лежащий чугун». Еще большему разрушению подвергся Кагинский завод, на котором, по заявлению комиссии, «без показания совсем узнать не можно, где какое строение находилось».

В тот же день был сожжен и Кухтурский завод, «и ежели бы не осталось тут домен и горнов, то узнать бы не можно, бывало ль тут какое строение. Плотина ж, по уверению приказчиков, была «еще годна». В итоге обследования выяснилось, что на всех четырех заводах могли быть восстановлены только плотины, а все остальное надлежало строить заново.

Первым был восстановлен и в октябре 1775 г. пущен Кагинский молотовый завод. Затем в августе 1776 г. возобновили работу молотовые Нижнего Авзяно-Петровского завода. Позже всех был восстановлен Верхний Авзяно-Петровский завод, причем не полностью — 22 мая 1778 г. там были пущены только молоты⁹⁴. 23 июля 1778 г. Берг-коллегия предупреждала Е. Деми-

⁹² ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1287, лл. 155, 161, 163; кн. 1322, л. 235; И. И. Лепехин. Указ. соч., ч. 2, стр. 117.

⁹³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1322, лл. 169, 179.

⁹⁴ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4206, лл. 99, 100.

дова, что если он немедленно не возобновит работу домны, то «с оным поступлено будет по Берг-регламенту неотменно», т. е. завод будет конфискован⁹⁵. Угроза подействовала, и в 1778 г. Авзяно-Петровские заводы были полностью восстановлены.

Сложнее обстояло дело с Кухтурским заводом. Под предлогом того, что починка домен «могла коштовать ему больше нового их заведения», Е. Демидов решил не восстанавливать этот завод, а построить вместо него новое предприятие на речке Верхний Узян.

Верхне-Узянский завод с двумя домнами был пущен 10 июля 1777 г., а челобитную с просьбой разрешить построить этот завод Е. Демидов подал только в ноябре 1777 г. Челобитчик просил две домны на речке Верхний Узян «числить вместо показанных прежде построенных на реке Кухтуре дву домен и на владение их дать прочетной указ и от десятины уволить» на 10 лет. Так как Берг-коллегия было известно, что домны Кухтурского завода «к действию и к задымке совсем приготовлены» были, то она сочла возможным засчитать узянские домны вместо кухтурских и уволить их от платежа десятины на 10 лет, «включая, однакож, в сие увольнение и те годы, в которые оные домны строением производились».

Против этого решения, вынесенного 23 марта 1778 г., выступил прокурор Берг-коллегии Бутурлин. Прокурор усмотрел в действиях Е. Демидова нарушение горного законодательства. Демидов, по мнению Бутурлина, выступал не только в роли правонарушителя, но и лица, наносившего казне фискальный ущерб. Прокурор возражал против предоставления Е. Демидову освобождения от десятины сроком на 10 лет и считал необходимым «взять с него ответ, почему, когда и по какому дозволению осмелился он те домны построить». Дело было прекращено лишь в 1781 г., когда Берг-коллегия информировала Сенат, что казна не понесла ущерба, так как «Кухтурский завод плавки чугуна не начинал»⁹⁶. В итоге Е. Демидову в короткий срок удалось восстановить все заводы, несмотря на то, что, по его, разумеется, весьма преувеличенным данным, он понес убытков на общую сумму в 230 530 руб.

Е. Н. Демидов умер в 1782 г., оставив вдову и шесть сыновей: Василия, Ивана, Петра, Григория, Степана и Аммоса. Между многочисленными наследниками надлежало разделить шесть заводов. Дележ наследства Екатерина II поручила генерал-прокурору Сената кн. А. А. Вяземскому. Если бы речь шла о разделе обычного наследия, то надлежало бы четвертую часть движимого имущества выделить вдове, а остальное, как движимое, так и недвижимое, разделить на шесть равных частей. Но

⁹⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1371, л. 510.

⁹⁶ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4206, лл. 3, 6, 24, 27; ф. Берг-коллегии, кн. 2127, лл. 5, 6.

задача Вяземского усложнялась указом 1762 г., предписывавшим «недвижимое имение», состоящее из заводов, делить таким образом, чтобы оно осталось «без малейшего раздробления». Генерал-прокурор в связи с этим рассуждал, «что хотя железных заводов осталось и шесть, но поелику из них три доменных и три молотовых, то и не может каждой завод составить особливо совершенно части, ибо один без помощи другого быть не может». Предложенный Вяземским проект раздела имущества предусматривал деление всего заводского хозяйства на три самостоятельных комплекса, каждым из которых должны были владеть два брата. Первая часть включала Дугненский доменный и Людиновский молотовый заводы, вторая часть состояла из двух Авзяно-Петровских заводов, а в третью часть вошли Верхне-Узянский доменный и молотовый и Кагинский молотовый заводы. 30 мая 1783 г. Екатерина II утвердила этот порядок раздела имущества между сыновьями Евдокима Никитича Демидова⁹⁷.

Первая (Дугненская) часть, которой в 90-годах XVIII в. владел отставной гвардии прапорщик Петр Евдокимович Демидов, подверглась некоторым дополнениям.

10 февраля 1788 г. П. Е. Демидов пустил Богдано-Петровский завод, расположенный в вотчинном селе Русанове Калужского уезда. Завод был оборудован одной действующей и одной запасной домнами. Этим предприятием П. Е. Демидов владел недолго — 1 апреля 1794 г. он продал его кн. Ю. В. Долгорукову за 189 тыс руб.⁹⁸

В 1795 г. П. Е. Демидов на том месте, где речка Ломпадь сливалась с речкою Сукремкою в Калужской губернии, построил передельный Сукременский завод с восемью молотами. Однако финансовые дела отставного прапорщика находились в столь запущенном состоянии, что он, не имея возможности уплатить казне и частным кредиторам 400 тыс. руб. долга, предложил правительству купить у него металлургические заводы, полотняную мануфактуру, винокуренный завод производительностью в 50 тыс. ведер вина в год, а также 2 тыс. душ крепостных за 1 млн. руб. Казна отказалась от предложения, ибо, по ее расчетам, эксплуатация всех предприятий потребовала бы дополнительной приписки 41 080 крестьян. Таким числом душ казна в районе размещения заводов не располагала, и поэтому сделка не состоялась⁹⁹.

Какими способами П. Е. Демидову удалось восстановить свой кредит — неизвестно, но к концу XVIII в. он не только сохранил за собою заводы, но один из них даже расширил и один построил вновь. В 1796 г. на реке Дугне в версте от одного из старейших

⁹⁷ ГАКО, ф. Калужской палаты гражданского суда, д. 201, лл. 5—11, 20—28.

⁹⁸ ЦГАДА, ф. Берг-конторы, д. 507, л. 1.

⁹⁹ ЦГАДА, Госархив, разряд XIX, д. 101, лл. 11, 13.

демидовских заводов Петр Демидов построил плотину и на ней одну домну. В «Генеральной ведомости» 1797 г. Нижне-Дугненский завод значится действующим предприятием. Спустя три года П. Демидов приступил к расширению Сукременского завода, решив прибавить к имевшимся молотам доменную печь. 20 марта 1799 г. он писал в Берг-коллегию, что в результате сильных морозов прошедшей зимой вода в пруду Дугненского доменного завода «доведена до такого уменьшения, что едва в одном только горне действуя», можно было выплавить незначительное количество чугуна, в то время как молоты способны были выковать до 150 тыс. пуд. железа. Промышленник вынужден был более 100 тыс. пуд. чугуна купить «у посторонних заводсодержателей с немалою против выплавляемого у себя передачею, стараясь единственно не допустить заводов своих до уменьшения, чрез что и понес знатной убыток».

9 июня 1799 г. Берг-коллегия, хотя и заподозрила прaporщика в махинации, но все же разрешила ему построить при Сукременском молотовом заводе доменную печь. Подозрения Берг-коллегии основывались на том, что Демидов должен был получить освобождение от уплаты десятины с новой домны на 10 лет, в то время как за чугун, выплавленный на старом Дугненском заводе, он должен был десятину платить. Поэтому указ Берг-коллегии предусматривал строгий контроль за тем, чтобы Демидов не уменьшил выплавки чугуна на Дугненском заводе за счет увеличения его выплавки на не облагаемом налогом Сукременском заводе¹⁰⁰.

Вторую часть (Авзяно-Петровскую) Демидовым сохранить за собою не удалось. 31 марта 1796 г. лейб-гвардии прапорщик Василий Евдокимович Демидов продал оба Авзяно-Петровские заводы именитому гражданину Михаилу Губину¹⁰¹. Третьей частью (Узянским и Кагинским заводами) в конце XVIII в. владел дворянин Иван Евдокимович Демидов.

Обратимся к истории промышленных фирм, возглавлявшихся двумя средними сыновьями статского советника Никиты Никитича Демидова — Никитой Никитичем и Иваном Никитичем.

Дворянину Никите Никитичу Демидову (так официальные документы именовали этого представителя рода Демидовых в отличие от его отца, статского советника Никиты Никитича Демидова), как отмечено выше, досталась Шайтанская часть на Урале в составе Шайтанского, двух Кыштымских и Каслинского заводов. Поначалу Н. Н. Демидов, поддавшись наступившей в стране строительной горячке, развернул энергичную деятельность по возведению новых и реконструкции старых заводов. Много хлопот доставили ему Кыштымские заводы, пущенные еще в 1757 г.,

¹⁰⁰ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2248, лл. 281, 284, 298.

¹⁰¹ ГАСО, ф. Уральского горного управления, оп. 1, кн. 2879, л. 1.

но сгоревшие дотла через год. «Ныне,— доносил Н. Н. Демидов в Берг-коллегию в 1759 г.,— хотя то же число фабрик каменные и строятца, а в совершенство еще поныне ни одна фабрика не построена и многого числа не доделано». Таким образом, Кыштымские заводы в 1760 г. пережили как бы второе рождение, причем в противопожарных целях Н. Н. Демидов вместо деревянных сооружений поставил каменные¹⁰².

Одновременно с восстановлением Кыштымских заводов Н. Н. Демидов предпринял расширение Шайтанского завода. В июне 1759 г. он информировал Берг-коллегию, что молотовая Шайтанского завода не справляется с переделом чугуна, и просил разрешения на постройку на той же речке Шайтанке молотового завода. Разрешение на постройку нового предприятия в двух верстах от уже действовавшего завода и получившего название Нижне-Шайтанского, было дано 16 сентября 1759 г. Завод был пущен в 1760 г.¹⁰³

На протяжении двух лет — 1759 и 1760 гг.— Н. Н. Демидов ископал еще три указа на сооружение новых заводов. Из дальнейших документов, однако, явствует, что аппетиты Н. Н. Демидова далеко превосходили его финансовые возможности. Так, 23 декабря 1759 г. он получил позволительный указ на постройку Азяш-Уфимского завода. Проситель намеревался построить завод на р. Азяш, но осматривавший заводское место шихтмейстер Костромин нашел, что Азяш не река, а маловодная речка, к строительству завода мало подходящая. Костромин указал заводовладельцу новое место на реке Уфе в 150 саженьях от впадения в нее речки Азяш. Шайтанская заводская контора объявила о намерении Демидова построить там две домны и 12 молотов, «а ежели и более того водою означенная река фабрик подымет, и еще сколько возможно, смотря по воде, дляковки железа построено быть имеет»¹⁰⁴.

Строительство этого завода по неизвестным нам причинам затянулось на многие годы. К 1773 г., т. е. еще до начала крестьянской войны, на нем значились три молотовые «фабрики», «доменный двор с каменным во оном корпусом», пильной мельницей, а также пристанью, меховой и кузнечной «фабриками». Комиссия, обследовавшая уральский горнорудный район после подавления крестьянской войны, нашла Азяш-Уфимский завод разрушенным, он стоял «пустым». Комиссия отметила, что и до начала войны на заводе не производилось ни плавки чугуна, никовки железа¹⁰⁵.

В феврале 1760 г. Н. Н. Демидов подал две челобитных. В одной из них он писал, что на купленной у башкир земле «име-

¹⁰² ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1174, л. 201.

¹⁰³ Там же, д. 297, л. 83; кн. 1171, л. 408; кн. 1237, л. 114.

¹⁰⁴ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. IV, ч. 2, стр. 164.

¹⁰⁵ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4206, л. 97.

етца удобная для заведения железного завода река, называемая Кеолим, и лесов для содержания оного завода довольно число». Демидов пожелал построить там домну и молоты, «сколько она река водяною силою поднять может». Маркшейдер Виссарион Титов, обследовавший заводское место, нашел, что р. Кеолим «водяною силою 2 домны и 12 молотов без нужды поднять может». 22 августа 1760 г. Берг-коллегия отправила Демидову повелительный указ на постройку Кеолимского завода ¹⁰⁶.

Второе прошение Демидова написано в тех же выражениях, с тем только различием, что «удобная река» называлась Шемахой и на ней Демидов решил строить завод более узкого профиля — передельный. Определение на строительство этого завода Берг-коллегия вынесла 16 марта 1760 г. ¹⁰⁷

Ни Кеолимского, ни Шемахинского завода Н. Н. Демидов не построил. Из ведомости о заводах, разрушенных во время крестьянской войны, явствует, что Демидов довольствовался постройкой на р. Шемахе пильной мельницы, сожженной восставшими и находившейся во время посещения ее комиссией в стадии восстановления ¹⁰⁸.

Вялые действия Н. Н. Демидова при реализации его планов, видимо, объясняются общим спадом в развитии металлургии, сменившим бурный ее подъем в 50-х и начале 60-х годов XVIII в. Финансовые дела Н. Н. Демидова расстроились настолько, что он в августе 1767 г. вынужден был продать Шайтанские заводы гороховским купцам Ефиму и Сергею Алексеевичам Ширяевым. Купцы уплатили Демидову 50 тыс. руб. ¹⁰⁹ В итоге Н. Н. Демидов к концу XVIII в. владел тремя заводами: Верхне-Кыштымским, Нижне-Кыштымским и Каслинским.

Четвертому сыну статского советника Никиты Никитича Ивану Никитичу достались два Сергинских завода. Сведений о состоянии этой части хозяйства Демидовых в просмотренных нами источниках не обнаружено. Известно, однако, что Иван Никитич Демидов продал в 1789 г. оба завода Михаилу Павловичу Губину за 60 тыс. руб. ¹¹⁰

История хозяйства, основателем которого был статский советник Никита Никитич Демидов, в меньших масштабах повторила историю хозяйства, основанного комиссаром Никитой Демидовым и расширенного его сыном Акинфием. В обоих случаях расцвет хозяйств падает на долю сыновей комиссара Никиты Демидова — старшего Акинфия и младшего Никиты. Подобно тому,

¹⁰⁶ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1176, лл. 240—257; «Материалы по истории Башкирской АССР», т. IV, ч. 2, стр. 197, 198 (здесь Нижне-Кыштымский завод ошибочно назван Кеолимским).

¹⁰⁷ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 302, лл. 107, 113, 115, 121; кн. 1176, л. 277.

¹⁰⁸ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4006, л. 97.

¹⁰⁹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1280, лл. 12, 21.

¹¹⁰ А. С. Ярцов. Российская горная история, ч. IV, кн. 3, л. 85.

как все потомки Акинфия Демидова к концу XVIII в. не владели таким количеством заводов, как их отец, так многочисленные наследники Никиты Никитича не могли поспорить с размерами хозяйства отца до его раздела в 1758 г.

Никита Никитич Демидов владел 11 заводами, из которых шесть находилось на Урале и пять — в Европейской России. Многочисленные сыновья и внуки Н. Н. Демидова до конца XVIII в. построили еще девять заводов. Таким образом, эта линия Демидовых в течение XVIII в. основала 20 предприятий, но к концу XVIII в. она сумела сохранить за собою только 9 заводов, т. е. меньше, чем их было у Н. Н. Демидова в 1758 г. Из 20 заводов, основанных этой линией Демидовых, пять было продано (Верхне-Сергинский, Нижне-Сергинский, Богдано-Петровский, Верхний Авзяно-Петровский и Нижний Авзяно-Петровский), один прекратил существование в результате разорения владельца (Выровский), два оказались в чужих руках (Брынский и Есенковский), два после постройки, еще не находясь в действии, были разрушены во время крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева и более не восстанавливались (Кухтурский и Азяш-Уфимский), перестал действовать Давыдовский завод.

* * *

Вслед за Демидовыми в мануфактуристы выбилась вторая семья тульских оружейников — Баташовых. С Демидовыми их сближает, помимо общности происхождения, еще одна существенная черта биографии: как те, так и другие числились оружейниками номинально, фактически же были купцами и организаторами производства. Баташовых к оружейникам можно отнести с таким же основанием, как Бутримова и Грачева к крепостным крестьянам графа Шереметева, т. е. только по словесному признаку, а по социальному тех и других следует считать капиталистами-купцами. Во всяком случае, Иван Тимофеевич Баташов — основатель династии Баташовых-мануфактуристов в XVIII в. — уже не вкладывал личного труда в производство оружия. Его знали в правительственных кругах, где он слыл за крупного специалиста-металлурга. В 1709 г. он был «выслан к Москве, в Адмиралтейский приказ, а оттоль определен в Сокольск на железные заводы, и на тех заводах бывает временем»¹¹¹. Эта деталь биографии дает основание считать И. Т. Баташова настолько компетентным в своем деле, что его сочли возможным использовать в качестве инструктора, периодически наведывавшего казенные заводы.

Отрывочные данные позволяют высказать догадку и об имущественном достатке И. Т. Баташова до того, как он построил первый завод. В 1727 г. между Баташовым и Акинфием Демидовым

¹¹¹ ЦГИАЛ, ф. Департамента герольдии, оп. 17, 1528, л. 16.

довым возник конфликт из-за того, что Демидов на р. Тулице создавал запас воды, затруднявший нормальную работу завода Баташова, стоявшего несколько выше на той же р. Тулице. Спорившие стороны представили документы на право владения землей, на которой стояли предприятия. Оказалось, что Баташов еще в 1709 г. построил на р. Тулице на купленной земле мельницу. Сделка на покупку земли была оформлена на имя Никиты Антufеевича Демидова, являвшегося к тому времени уже комиссаром. Через два года, в 1711 г., Демидов, которому разрешалось приобретать землю и крестьян, дал И. Т. Баташову запись, что земля куплена на деньги Баташова и затем передана «ему, Ивану, и жене его и детям впредь для владения»¹¹². Совершенно очевидно, что мельница никакого отношения к оружейному производству не имела и ее эксплуатация являлась побочным занятием оружейника.

Мельничную плотину Баташов использовал для постройки металлургического завода. Его сооружение, по заявлению оружейника, было начато в 1716 г. «собою», т. е. без предварительного разрешения правительственных инстанций, и завершено в 1717 г. пуском домны и трех молотов¹¹³.

В течение последующих 10 лет И. Т. Баташов довольствовался эксплуатацией этого единственного завода, называвшегося Тульским, с одной домной и одним молотом. К строительству нового предприятия он приступил в 1727 г. «Подтоп» боевых колес, вызванный тем, что Демидов поднял воду, повлек длительные простои цехов Тульского завода Баташова. В ответ на жалобу Баташова Тульская оружейная контора еще в 1717 г. посылала своих представителей, чтобы выяснить, «можно ль тое Демидова плотину опустить ниже, дабы Баташова заводам и покосам повреждения не было». Демидовы проявили непокорный нрав, оказались, как тогда писали, «сильны» и не только не приняли каких-либо разумных мер, но в пику конкуренту даже не допустили представителей конторы к осмотру своей плотины. В то же время Демидовы методично продолжали оказывать давление на своего соседа, создавая на его заводе вынужденные простои. В особенности страдало в этом случае молотовое производство. 7 марта 1727 г. И. Т. Баташов обратился в Берг-коллегию с просьбой разрешить ему построить завод в Медынском уезде, в Мигутине стану, в дер. Острожной на речке Грязненке. Первоначально Баташов намеревался построить там только молотовые амбары, «а чюгун,— писал Баташов,— буду возить с своих Тульских железных заводов, понеже на Тульских заводах молотовые амбары за подтопом заводов Акинфия Демидова работают самое малое число и то с великою нуждою и

¹¹² ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1406, л. 510.

¹¹³ Там же, кн. 701, лл. 481—482; кн. 1406, л. 488.

оттого я не токмо получаю прибыльку, но и убытку многое число».

Строительству Медынского (он же Грязненский) завода предшествовала тщательная подготовка. Еще в начале 1724 г. Баташов заключил контракт с генерал-майором Григорием Петровичем Чернышевым на аренду дер. Острожной, мельницы и леса. Контракт предусматривал эксплуатацию крестьян на строительных работах. Помимо натурального оброка в пользу Баташова все способные к труду крестьяне обязаны были «безденежно» работать на мануфактуриста в течение четырех месяцев в году: два месяца конными и два месяца пешими. За право эксплуатации крестьян, использование мельницы и леса Баташов обязался платить Чернышеву ежегодно по 100 руб.

Срок этого контракта истек в 1726 г. Баташов по каким-то причинам не воспользовался оговоренным в контракте правом владения крестьянами на более длительное время и заключил с Чернышевым в мае 1726 г. новый договор. На этот раз Баташов арендовал только лес и мельницу, плотину которой он решил использовать под завод. За все это он обязался платить ежегодно по 60 руб.¹¹⁴

Построив, видимо, в 1728 г. Медынский молотовый завод, Баташов вскоре решил организовать на нем полный металлургический цикл постройкой домны. Домна впервые была пущена в июле 1730 г., причем из-за отсутствия опытного мастера «оной домны в плавке чугуна не установили и начинали оную домну тем годом задуть четыре раза», чем заводовладельцу «учинился великий убыток». В итоге И. Т. Баташов стал владельцем независимых друг от друга заводских комплексов — Тульского и Медынского. На последнем стояла домна и два молота¹¹⁵.

И. Т. Баташов, находясь в «жестокой болезни, не чая получить долговременного себе житья», в 1734 г. составил духовную, по которой Медынский завод отказывал своему старшему сыну Александру, а младший сын Родион вместе с матерью должен был получить Тульский завод. В первые годы воля отца не вызвала возражений у наследников, но затем, в 1739 г., Александр Баташов нашел, что установленные отцом части наследства были неравноценны, и возбудил дело о пересмотре духовной. Александр действовал через Вотчинную коллегия и сумел подкупам обеспечить решение дела в свою пользу. Родион, напротив, ориентировался на горную администрацию, проявлявшую явную враждебность к затее Александра. Московская контора Генерал-берг-директориума, детально ознакомившись с делом, вскрыла подоплеку протеста Александра Баташова: в то

¹¹⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 701, лл. 487, 488; кн. 1406, лл. 508, 509.

¹¹⁵ Там же, кн. 1406, л. 518.

время как Тульский завод Родиона находился в «благополучном действии» и был обеспечен «припасами и рудой», Медынский завод Александра «от нерадения ево к заводам и за пьянством» был приведен в такое «несостояние», что размер десятины снизился до уровня десятины с ручных горнов.

Требование Александра Баташова произвести новый раздел наследства было отклонено. Более того, контора Генерал-берг-директориума грозила даже лишить Александра того, чем он владел, на том основании, что заводы надлежит делить не по общему наследственному праву, «но по усмотрению и прилежности к завоцкому произведению...», взяв от нерадивого и отдавать прилежному и радетельному завоцкику»¹¹⁶.

Александр Баташов умер в феврале 1740 г., оставив Медынский завод «строением весьма опустошенным в ветхость». Его наследницы — дочь с мачехой — не имели средств продолжать эксплуатацию предприятия и после использования оставшихся запасов сырья в июле того же 1740 г. продали его Родиону Баташову. Последний решил изменить профиль Медынского завода, оставив на нем только передел чугуна в железо. Свои намерения Р. И. Баташов мотивировал плохим качеством руды, доставлявшейся на Медынский завод, а главное — необходимостью иметь дополнительные молоты для передела чугуна Тульского завода.

При обследовании Медынского завода было установлено, что «домна вся разседалась и круг ее деревянное строение и при ней молотовая и лари и вешняки — все огнило и развалилось и за ветхостию де той домны плавить чугуна невозможно, да и руда весьма черства и мяхкова железа сделать невозможно». На этом основании Р. И. Баташову было разрешено Медынский завод сделать молотовым¹¹⁷. Таким образом, хозяйство Родиона Баташова не только не пополнилось новыми производственными единицами, но даже по сравнению с хозяйством его отца сократилось на одну домну.

В следующем десятилетии в хозяйстве Р. Баташова намечилось некое оживление. В феврале 1750 г. он писал в Берг-коллегию, что на Тульском заводе чугуна «ежегодно довольно число остается и лежит праздно», так как Медынский завод не справляется с переделом его в железо. Выручил из «беды» и на этот раз граф Григорий Григорьевич Чернышев, отдавший в аренду Баташову пильную и мукомольную мельницу в том же Медынском уезде на р. Извере. По контракту, заключенному в декабре 1748 г., Р. Баташову разрешалось «те пильную и мушную мельницы вновь строить и другие заводы, какие он и наследники ево пожелают».

¹¹⁶ Там же, кн. 1083, лл. 690, 691, 693, 701.

¹¹⁷ Там же, кн. 839, лл. 15—17, 32.

Определение Берг-коллегии на постройку Изверского молотового завода было вынесено 13 февраля 1750 г., а пущен он был в сентябре того же года¹¹⁸. Спустя год Баташов вновь обратился в Берг-коллегию с просьбой разрешить ему ввести в действие стоящую опечатанной домну Медынского завода. Просьба была вызвана получением значительного заказа на литье чугунных досок для Воскресенского Новодевичьего монастыря. Активность Баташова на территории Медынского уезда вызвала протест со стороны Максима и Ивана Меньшого Мосоловых, заявивших, что от постройки Изверского молотового и пуска домны Медынского завода их «первое заведенным в Таружском Мышевскому и в Можайском Шанским, в Боровском уездах Архангельскому железным заводам немалое помешательство чинится», так как повысились цены на уголь¹¹⁹. Однако не домогательства Мосоловых причинили непоправимый ущерб предпринимательской деятельности Баташова.

Наметившаяся тенденция к расширению хозяйства Баташова была резко оборвана сенатским указом 1754 г. об уничтожении металлургических, винокуренных и стекольных заводов, расположенных от Москвы в радиусе 200 верст. Росчерком пера должны были быть уничтожены все три завода Баташовых: Изверский, Грязненский (Медынский) и Тульский — поскольку все они находились от Москвы ближе 200 верст. Попытка спасти заводы от разрушения удалась Р. Баташову лишь частично, ибо он сумел отстоять только Тульский завод, и то на непродолжительное время. Трудности обеспечения этого предприятия древесным углем и рудой привели к его закрытию в 1762 г. Что касается остальных двух заводов, то здесь Баташовых постигла неудача. Последняя попытка Баташова спасти Изверский завод была предпринята в 1756 г., когда он при помощи примитивной уловки хотел убедить Берг-коллегию, что завод отстоит от Москвы более чем на 200 верст. С этой целью счет верстам Баташов вел не по прямой, а по ломаной линии, а именно: от Москвы до Калуги (180 в.) и от Калуги до завода (40 в.). Чувствуя несостоятельность этой аргументации, Баташов приводил и другие доводы в защиту сохранения обоих заводов в Медынском уезде. В частности, он убеждал Берг-коллегию в том, что его заводы никакого ущерба лесам, тянущим к Гжатской пристани и Москве, не наносили, ибо уголь для них доставлялся издалека, верст за 300 от старой столицы. Не оказала желаемого воздействия на Берг-коллегию и ссылка на то, что «от уничтожения де оного (завода.— Н. П.) употребленной немалой ево капитал без возврату и изысканные чрез ево труды железные руды без промыслу останутся». Убытки Баташовых от закрытия

¹¹⁸ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 245, лл. 153—155; кн. 839, лл. 324, 326.

¹¹⁹ Там же, кн. 839, л. 363.

двух заводов составляли 31 430 руб.— Медынский завод оценивался в 13 740 р., а Изверский — в 17 690 руб.¹²⁰.

Сенатский указ 1754 г., как известно, рекомендовал владельцам уничтоженных заводов перебазироваться на Урал. Баташовы не воспользовались этим советом, сосредоточив свои усилия на строительстве заводов в Европейской России. 17 февраля 1755 г. была возбуждена просьба о разрешении построить завод в Касимовском уезде, на р. Унже, близ с. Ермолина. Инициаторами строительства были сыновья-Родиона Андрей и Иван, чьими «неусыпными трудами» едва теплившееся хозяйство Баташовых в течение трех десятилетий превратилось в мощный промышленный комплекс. Делами братьев долгое время вершил крутой и властный Андрей Родионович. Писатель П. И. Мельников-Печерский, чьи сведения о первых шагах Баташовых (он их называет Поташовыми) на р. Унже подтверждаются архивными источниками, дает следующую характеристику Андрею Родионовичу: «Поташов в короткое время скопил несметные богатства, скопил умом, трудом, неистомной силой воли, упорной стойкостью в делах, а также и темными путями. Безнаказанные захваты соседних имений, прием беглых людей, стекавшихся со всех сторон под кров сильного барина, тайный перелив тяжеловесной екатерининской медной монеты умножали богатство тульского оружейника. Кто Поташову становился поперек дороги: деревни, дома, лошади, собаки, жены, дочери добром не хотел уступить, того и в домну сажали»¹²¹.

Рудники и место под завод на р. Унже братья Баташовы нашли не сами, а воспользовались трудами посадских людей г. Муром — Данилы Железникова и Никифора, Федора и Кирилла Мездряковых, построивших там ручной завод с шестью горнами еще в 1724 г. Через два года «воровские люди» налетели на завод и полностью уничтожили его. Разграбленный завод компаньоны не восстановили и из-за отсутствия средств, и вследствие того, что «им, заводчикам, так мастеровым и работным их людям за знатными воровских людей приездами и грабежами ездить на оной завод стало быть опасно». Баташовы быстро оформили сделку с кн. Долгоруковым, владельцем земли, где находились рудники и где предполагалось построить завод. Долгоруков уступал промышленникам мельницу, шесть десятин земли под завод и четыре под пристани, а также предоставил право рубить лес в своих вотчинах. За все это Бата-

¹²⁰ Там же, д. 275, лл. 214, 215; кн. 1213, лл. 395, 396. О развитии хозяйства Баташовых см. содержательную статью К. К. Демиховского. Возникновение и развитие Приокской металлургии во второй половине XVIII в.— «Ученые записки Пермского ун-та», т. XVII, вып. 4, Пермь, 1961, стр. 51.

¹²¹ П. И. Мельников (Андрей Печерский). На горах, кн. I. М., 1958, стр. 39, 40.

швы платили в год по 450 руб., причем было оговорено их право строить в вотчинах Долгорукова любое количество заводов с уплатой за каждое вновь построенное предприятие 450 руб. аренды в год.

Указ Берг-коллегии 3 марта 1755 г. о постройке Унженского завода имел для Баташовых огромное значение: он утверждал их в новом промышленном районе, кроме того, он закрывал доступ в этот район опасным конкурентам Мосоловым, поскольку последние не могли опередить Баташовых в постройке завода на купленном у Железникова месте из-за возникшей семейной распри, а строить там предприятие после того, как Баташовым удалось пустить Унженский завод, не было никакого смысла.

По понятным причинам Баташовы строили Унженский завод лихорадочными темпами. В мае 1755 г. они «деревянным и земляным строением строить зачели», а 28 октября того же года донесли, что «плотинное и деревянное строение действительно окончено и молотовые фабрики сего октября с 20 числа в окончание ж пришли». Завод был оборудован домной и 10 молотами¹²².

Три года спустя, 31 августа 1758 г., Баташовы получили разрешение на постройку нового доменного и передельного завода во Владимирском уезде, на р. Гусь. Ходатайству о постройке завода предшествовала тщательная подготовка. Еще осенью 1757 г. Андрей Баташов купил у вдовы Хрущовой десятину земли «для выкопання из ней железной руды». В мае 1758 г. поиски руды были возобновлены. Андрей Баташов просил проверить качество найденных руд. Проба их обнаружила высокое содержание чугуна — от 39 до 60%. Намерение построить завод Баташов подкрепил покупкой у вдовы Анны Васильевны Суворовой в Гусской волости дер. Веркуцы и Халтурино за 9 тыс. руб. После этих приготовлений он в июне 1758 г. заявил «в надежде сысканных руд в Володимирском уезде, в Гусской волости близ дер. Веркутец, в крепостных своих дачах на реке Гусе построить собственным своим коштом вновь железной водяной завод».

При строительстве Гусевского завода Баташовым вновь пришлось преодолевать сопротивление конкурентов. Их соперником выступил член конторы Военной коллегии бригадир Василий Васильевич Нарышкин. Он сообщал, что в Касимовском уезде, там, где Баташовы намеревались поставить Гусевский завод, стоит его винокурня. Бригадир высказывал опасение, что от постройки железоделательного завода его винокуренное предприятие придет в «несостояние».

¹²² ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 270, лл. 547—551; кн. 957, лл. 120, 121, 125, 127.

Однако напористые промышленники вышли победителями. 15 декабря 1759 г. Гусевский завод начал плавку чугуна¹²³. Этот завод, подобно Унженскому, располагал настолько мощной энергетической базой, что Баташовы и здесь вместо обычных домны и двух молотов построили 11 молотов. Достаточное количество молотов позволило заводовладельцам Баташовым полностью переделывать весь получаемый чугун в железо, не испытывая потребности в постройке отдельных переделных заводов.

Унженский и Гусевский заводы вместе с припасами и инструментами оценивались в 1763 г. в 139 109 руб.—сумму по тому времени колоссальную. Если учесть, что накануне строительства этих заводов Баташовы понесли крупные убытки, то станет ясно, что они испытывали значительные финансовые затруднения, ибо должны были строить и эксплуатировать заводы на деньги, взятые в кредит.

О финансовых затруднениях Баташовых можно судить по двум фактам: во-первых, после пуска Гусевского завода в 1759 г. в строительстве новых предприятий наступил длительный перерыв (следующий по порядку завод — Выксунский — Баташовы пустили только семь лет спустя, в 1766 г.); во-вторых, у Баташовых были крупные долги и даже наступила неплатежеспособность. В 1763 г. братья заявили Медному банку, что они «за разными приключившимися им по заводам убытками 20 тыс. рублей на срок и после сроку вскорости заплатить не могут», и просили отсрочку на 10 лет¹²⁴.

В Арзамасском уезде Баташовы в течение 1764 г. «обыскали» 15 рудников и арендовали у новокрещеной мордвы леса и землю близ рек Выксы и Велетьмы, где намеревались построить две домны и необходимое количество молотов. Обследовавший эти речки шихтмейстер Гофман нашел, что Выкса может поднять две домны и два молота, а на Велетьме можно будет содержать в безостановочном действии восемь молотов. «Руд — заключил шихтмейстер, — довольно число, также и лесов простирается довольно ж число и стать может как руд, так и лесов на многие годы».

Разрешение на постройку Выксунского и Велетминского заводов было дано 23 сентября 1764 г., но братья не осилили одновременного сооружения обоих предприятий. В ближайшие годы они сосредоточили внимание на строительстве Выксунского завода, пущенного в декабре 1766 г., и лишь после этого, 15 марта 1767 г., началось строительство Велетминского молотового завода, затянувшееся на три с лишним года¹²⁵.

¹²³ Там же, д. 289, л. 507; кн. 1156, лл. 1, 3, 6, 9, 11, 12, 66.

¹²⁴ Там же, кн. 1230, лл. 265, 266.

¹²⁵ Там же, кн. 1254, лл. 278, 281, 293, 294.

В 1770 г. хозяйство Баташовых пополнилось тремя предприятиями. Одно из них — Велетминский молотовый завод — они построили в Арзамасском уезде, недалеко от Выксы, с которой и доставляли чугун для передела. Он был пущен 15 октября 1770 г.¹²⁶

Два других предприятия — Верхотулецкий доменный и молотовый и Сементиновский молотовый заводы — Баташovy 11 июня 1770 г. купили у Акулины Григорьевны Даниловой за 10 500 руб. Оба завода Данилова остановила еще в 1769 г. «от неимения руд и лесов». Обследовавший их гитенфонвалтер Иван Макашев не обнаружил никаких перспектив для возобновления на них работы. И тем не менее братья, руководимые ловким Андреем Родионовичем, приобретая остановившиеся и бесперспективные предприятия, промаха не допустили. Их интересовали не столько заводы, сколько обученные кадры — 135 душ крестьян, которыми на посессионном праве владела Данилова. «По покупке нашей оных заводов, — писали братья в Берг-коллегию, — нашли мы, что в ымеvшихся при тех заводах собственных ея, Даниловой, рудниках руды все уже пресеклися, лесов же при них ни покупных, ни отводных нет. А по сему, наконец, и она Данилова, руды и уголь потребляла покупные и привозимые из разных уездов от обывателей, а лес — на перестройку и починку фабрик покупной бревнами, досками в Туле и Алексине». 31 мая 1771 г. Берг-коллегия разрешила закрыть Верхотулецкий и Сементиновский заводы, а мастеровых перевести на Гусевский, Выксунский и Велетминский заводы¹²⁷.

Постройка следующего предприятия осложнялась лихорадочными поисками путей обеспечения их рабочей силой. Крепостных крестьян Баташovy, как и прочие промышленники, покупать не могли. И все же изворотливые братья нашли надежный, и вместе с тем внешне законный способ приобретения крепостных, несмотря на действие запретительного указа 1762 г. Судьба свела Баташовых с коллежским ассессором Ефимом Васильевичем Рознатовским, пользуясь услугами которого промышленники обзавелись значительным количеством крепостных крестьян.

Деловые связи между дворянином и потомками тульских оружейников установились еще в 1769 г., когда был заключен контракт на аренду у Рознатовского места под завод, лесных дач, а также крепостных крестьян. Контракт предусматривал передачу Баташовым сроком на 50 лет сельца Денисово, расположенного во Владимирском уезде, со всеми угодьями и крестьянами.

Условия аренды можно признать очень выгодными для про-

¹²⁶ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1313, л. 280; кн. 1254, л. 294.

¹²⁷ Там же, кн. 1313, лл. 1, 16.

мысленников, ибо значительные услуги Рознатовского оценивались ничтожной суммой в 200 руб. в год. Если учесть, что Баташовы могли распоряжаться не только землями и лесами, но и трудом 143 крестьян м. п. на заводских работах, то польза сделки для промышленников станет совершенно очевидной. Фактически аренда была бессрочной, ибо, чтобы расторгнуть контракт через 50 лет, Рознатовскому или его наследникам надлежало уплатить Баташовым сумму, затраченную на строительство заводов, а также возместить расходы на инструменты и сырье.

Итак, условия контракта были крайне выгодны промышленникам. И тем не менее Баташовы не воспользовались этим контрактом, чтобы построить новый завод. Отказ от ранее намеченного плана был обусловлен, видимо, тем, что Баташовы разыскивали более надежный и выгодный способ обзаведения крепостными крестьянами. Аренда предоставляла Баташовым крепостных крестьян во временное пользование, в то время как промышленники рвались к постоянному и наследственному владению крестьянами и недвижимыми имениями¹²⁸.

Заручившись согласием Рознатовского сдать в аренду землю и крестьян, Баташовы намеревались построить завод в Кадомском уезде на р. Сарме. Однако в том же 1773 г. промышленники отказались от плана постройки завода с двумя домами и шестью молотами. Мотивы этого отказа могут стать ясными из последующих действий промышленников.

Если до самого последнего времени Рознатовский оставался в тени и довольствовался пассивной ролью сдатчика в аренду своих населенных владений, то с января 1774 г. надворный советник включился в активное предпринимательство, взвалив на себя роль строителя заводов. Приказчик Баташовых Ефим Беспалов, действовавший от имени Рознатовского, сообщил, что его доверитель имеет желание построить в своих дачах в Кадомском уезде на р. Илеве завод с двумя домами, шестью действующими и шестью запасными молотами. Рудники и леса в избытке имелись в собственных владениях, «в работы же и мастерства к тому заводу назначивает также собственных ево покупных крестьян, состоящих по Кадомскому, Касимовскому и Владимирскому уездам».

Всестороннее обследование, предпринятое Берг-коллегией, подтвердило удачный выбор места под завод. Руда содержала значительный процент чугуна (50%), леса должно было хватить по расчетам, «на многие годы и более, нежели на 60-летнее время». Не вызывали опасений и энергетические ресурсы р. Илев. По заключению обследовавшего ее шихтмейстера Хилковского, р. Илев способна была обеспечить работу двух домен

и шести молотов. Единственное неудобство выбранного под завод места состояло в том, что р. Илев несудоходна и вследствие этого готовую продукцию надлежало доставлять сухим путем до р. Мокши, притока Оки, но расстояние было не столь уж велико — 35 — 45 верст и дополнительные транспортные расходы вполне компенсировались преимуществами, о которых речь шла выше.

На строительстве завода и его эксплуатации Рознатовский намерял использовать 614 своих крепостных душ м. п. Этого было недостаточно для обеспечения работы двух домен и шести молотов, ибо, по расчетам Берг-коллегии, надлежало иметь 1520 душ. Рознатовский дал письменное обязательство, во-первых, использовать 614 душ исключительно на заводских работах, предварительно лишив их пашни, и, во-вторых, «недостающее против заводских учреждений по действию заводов число крестьян» дополнить покупными крепостными¹²⁹.

В 1776 г. Баташовы купили у Рознатовского за 150 тыс. руб. Илевский завод, а в августе того же года к ним за 80 тыс. руб. перешел от Репнина Еремшинский завод.

Очередной завод — Железницкий — Баташовы ввели в строй только в 1779 г., хотя разрешение на его сооружение получили пятью годами раньше. Строительство завода на притоке Оки р. Железнице А. Р. Баташов, действовавший от имени фирмы, мотивировал тем, что пушки, отливаемые на Выксунском заводе, негде было сверлить: энергетические ресурсы р. Выксы не позволяли построить там сверлильню, «почему,— писал А. Р. Баташов,— и принуждены бываем для высверления отвозить (пушки.— Н. П.) на другие заводы». Препятствий к постройке Железницкого завода не было. Унтер-шихтмейстер Дмитрий Хилковский нашел место для завода «способным», и Берг-коллегия 8 апреля 1774 г. вынесла соответствующее определение, в котором было учтено военное назначение завода¹³⁰. Баташовы, однако, не спешили с этим «весьма нужным делом», видимо, в связи с окончанием русско-турецкой войны и сокращением спроса на артиллерию. Как указано, завод был пущен только в 1779 г.

В 1783 г. в хозяйстве Баташовых произошла важная перемена: братья, «восстановив» себя в дворянском достоинстве, решили поделить обширное хозяйство, ранее находившееся в совместном владении. Старшему брату Андрею достались Гусевский, Еремшинский и Илевский заводы. Младший брат Иван получил Выксунский, Велетминский, Унженский и Железницкий заводы. В исторически сложившемся хозяйственном комплексе в результате его раздела была нарушена пропорциональность.

¹²⁹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1340, лл. 259—262, 270.

¹³⁰ Там же, кн. 1334, лл. 557, 562, 575.

С целью восстановления ранее существовавшего равновесия между доменным и молотовым производствами Андрей в 1783 г. построил Верхне-Унженский доменный завод, снабжавший чугуном Гусевский, а в следующем году оба брата построили еще по одному заводу: Андрей в Темниковском уезде пустил Вознесенский молотовый с 10 молотами, а Иван в Ардатовском уезде на р. Снаведь основал крупный завод с двумя домнами и одним молотом.

В последующие годы хозяйство братьев развивалось далеко не равномерно. Если Иван Родионович до конца XVIII в. построил лишь одно предприятие — Верхне-Железницкий переделный завод, пущенный в 1800 г., то более энергичному Андрею удалось пустить еще два завода. В 1786 г. А. Р. Баташов обратился в казенную палату Рязанского наместнического правления с просьбой разрешить ему построить на речке Синтуле в Касимовском уезде завод «об одной плавильной домне с пристойным числом к ней молотовых фабрик». По расчетам просителя, завод не будет испытывать недостатка в дровах для угля, так как часть лесов «будут вырубатца для употребления заводского, а другие в молодую поросль запускаться». Стройка была обеспечена и рабочей силой, поскольку А. Р. Баташов приобрел крепостных по дворянству. Синтульский завод, оборудованный домной, был пущен в 1787 г. В 1791 г. А. Р. Баташов получил разрешение Тамбовской казенной палаты на постройку Мердушевского завода, который подобно Синтульскому был доменным и молотовым. На нем стояли две домны¹³¹.

Итак, Баташовы на протяжении XVIII в. владели 18 заводами, из которых четыре они купили (Верхне-Тульский, Сементиновский, Еремшинский и Илевский) и 14 основали сами (Тульский, Еремшинский, Грязненский, Унженский, Гусевский, Выксунский, Велетминский, Железницкий, Верхне-Унженский, Вознесенский, Снаведский, Синтульский, Мердушевский и Верхне-Железницкий). К концу XVIII в. братьям Баташовым принадлежало 13 действующих заводов. Хозяйство Баташовых по выплавке чугуна было третьим в России, уступая лишь Демидовым и Яковлевым. Из 9788 тыс. пуд. чугуна, выплавленного всеми заводами России в 1800 г., на долю Баташовых приходилось 1123 тыс. пуд., или 11,6%. Расцвет хозяйства Баташовых падает на вторую половину XVIII в. Симптомы прекращения его роста относятся к самому концу столетия.

* * *

Наряду с Демидовыми и Баташовыми видное место в истории отечественной металлургии принадлежит еще одной фамилии — выходцам из Тульской оружейной слободы Мосоловым.

¹³¹ Там же, кн. 2178, л. 15; «Горнозаводская промышленность Урала...», стр. 86.

Фирма Мосоловых начала свою деятельность в составе четырех братьев, попеременно обращавшихся в правительственные учреждения с челобитными от имени всей фамилии: Алексея, Максима, Ивана Большого и Ивана Меньшого Мосоловых.

Намерение построить вододействующий завод созрело у Мосоловых в 1728 г. В челобитной, поданной в Берг-коллегию 8 июля 1728 г., Максим Перфильевич Мосолов признавался, что он еще ранее имел «охоту к переплавке в ручных горнах руды в чугуны и в деле железа». Теперь же он вместе с братьями решил «в пользу общенародную» построить «от кошта своего водяной железной завод». Место под завод найдено на р. Мышеге у дер. Лениной в дачах Пафнутьева Боровского монастыря в Тарусском уезде. Руду Мосоловы намеревались покупать у местных обывателей, которые должны были привозить ее с Малиновой засеки. Разрешение на постройку Мышегского завода было оформлено 2 августа 1728 г.¹³² Архивные источники приводят две даты пуска завода. В одном из доношений Максим Мосолов сообщает, что он вместе с братьями построил завод, оборудованный домной и тремя молотами, из которых один был колотушечным, в 1729 г.¹³³ Из другого документа явствует, что завод был пущен не ранее января 1730 г.: в доношении, подписанном 7 января 1730 г., Алексей Мосолов сообщил Берг-коллегии, что Мышегский завод «у нас уже совсем в готовности и уповаем плавка чугуна начнется в настоящем генваре месяце».

Еще до пуска завода Мосоловы убедились, что снабжать крупное предприятие привозной рудой, не имея собственных рудников, дело рискованное, и поэтому обратились с просьбой отвести им место для добычи руды в Малиновой засеке. При заготовке руды для строившегося завода им стало известно, что во время бездорожья «охотники на продажу руд и не привозят или хотя кто и повезет, то уже продают в то время гораздо дорогою ценою»¹³⁴. Три года спустя, в 1733 г., братья сочли нужным расширить производство путем введения в строй новых молотов. 2 марта 1733 г. Алексей Мосолов писал, что во время непрерывной работы домны два молота не справляются с перековкой чугуна. Мосоловы просили разрешения построить молотовые на речке Шане, где имеется лесов «премногое множество и мочно заводам довольствоватца многие годы». Впрочем, Мосоловы не исключали возможности постройки на р. Шане и доменной печи. Видимо, Мосоловы учитывали, что с постройкой новых молотов они будут испытывать недостаток в чугуне, поэтому на всякий случай исхлопотали разрешение на строительство домны не только на р. Шане, но и на р. Мышеге, где получили право поставить вторую домну.

¹³² ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1395, лл. 483, 487.

¹³³ Там же, кн. 1401, л. 49.

¹³⁴ Там же, кн. 763, л. 516.

Намерение обзавестись заводом на р. Шане встретило противодействие со стороны владельцев «первозаводимых» в России мануфактур Меллеров. Ссылаясь на то, что подмосковный район оскудел лесами, а также подчеркивая важность принадлежавших им заводов в снабжении армии артиллерией, Меллеры просили запретить Мосоловым строить Шанский завод, поскольку он будет выпускать продукцию «для партикулярного довольствия», а не военного назначения. Берг-коллегия, однако, отвергла притязания Меллеров на их монопольное положение в центральном металлургическом районе и разрешила строительство Шанского доменного и передельного завода. В конце 1734 г. он вступил в строй.

Владея двумя заводами, Шанским и Мышегским, Мосоловы не сумели достичь гармонии между доменным и молотовым производствами. Водных ресурсов р. Шани было недостаточно, чтобы одновременно обеспечить бесперебойную работу домны и двух молотовых «фабрик». В летние месяцы 1735 г. осадков выпало очень мало, поэтому «за водою была в заводе прореха». Чтобы избежать вынужденных остановок, Мосоловы «для вспоможения оного Шанского заводу» нашли в 20 верстах от него на р. Луже удобное место для постройки другого завода. Там же была обнаружена и мягкая руда, но она «выходом быть не надежна», поэтому Мосоловы решили строить только молотовые амбары. Получив 4 мая 1736 г. разрешение на строительство в Боровском уезде на р. Луже Архангельского завода, Мосоловы вскоре, в августе того же года, возбудили ходатайство на постройку еще одного молотового завода. На этот раз молотовый завод решено было поставить на той же речке Шане, на которой уже действовал завод, но в 3—4 верстах от него, близ села Гиреева¹³⁵. Этот молотовый завод, называвшийся Нижне-Шанским или Гиреевским, был пущен в 1739 г. Архангельский молотовый завод начал передел чугуна годом раньше, в 1738 г. Пятый завод, доменный и передельный, Мосоловы поставили в 1740 г. на р. Непложе в Переяславском уезде Рязанского.

После постройки Непложского завода в расширении хозяйства Мосоловых наступил длительный перерыв. Разрешение на сооружение очередного завода Мосоловы получили лишь 19 октября 1750 г. Предыстория этого разрешения такова. Вследствие того, что на Мышегском и Шанском заводах «за маловодием иногда в молотовых работах бывает остановка», Мосоловы приняли намерение построить еще один молотовый завод. Подходящее место было найдено в Фошанской волости Брянского уезда на речке Ветме, в дачах коллежского асессора Василия Алексеевича Ханыкова. Судя по заявлению М. П. Мосолова, промышленники обязались платить помещику за пользование

¹³⁵ Там же, кн. 1401, лл. 58, 146, 158, 224.

10 десятинами земли по обе стороны р. Ветми, а также лесом на угольное жжение по 55 руб. в год. Устное соглашение не было оформлено договором, поэтому Ханыков хотя и взял у Мосоловых 30 руб. задатка, но, узнав о прощении, поданном ими в Берг-коллегию, поспешил предупредить ее, что согласия на постройку завода в своих дачах он не дает: «И за тем неудовольствием оной договор ныне я отменяю и им, Мосоловым, той земли под строение завода отдать не желаю». Перспектива постоянно зависеть от капризного вотчинника, видимо, не устраивала и самих заводоладельцев, и они решили заменить аренду покупкой земли у того же Ханыкова.

В декабре 1749 г. Мосоловы купили за 2500 руб. дер. Бытоши с землей и 74 душами м. п. Между тем строительство молотового завода на р. Ветме, начатое еще до покупки Мосоловыми деревни, продвигалось очень медленно. К августу 1750 г. они удосужились только заготовить строительный материал и расчистить место под плотину. Затем выяснилось, что река Ветма во время весеннего половодья 1750 г. «в разливе была долгое время и затем, мнится, что впредь от вешней воды и от паводков будут случаться домни остановки». Напротив, режим речки Бытоши, притока Ветмы, был более благоприятным для постройки на ней завода, «потому что иной речки Бытоше берега крепки и высоки». На этом основании речке Бытоше было отдано предпочтение¹³⁶. Строительство доменного и молотового Бытошанского (Бытошевского) завода усложнилось «помешательствами» со стороны Гончарова. Пользуясь давними связями с уездным начальством, приказчики Гончарова чинили «помешательства» приказчикам Мосоловых в добыче руды и заготовке необходимых припасов. Не отставал от них и сам воевода, устраивая новым заводоладельцам мелкие неприятности, так что в январе 1752 г. Иван Перфильевич Меньшой Мосолов вынужден был просить защиты от него у Берг-коллегии¹³⁷.

Конец 40-х и начало 50-х годов были временем высшего подъема промышленного хозяйства Мосоловых. Они успели в эти годы даже частично перебазироваться на Урал.

В феврале 1747 г. Иван Меньшой Мосолов, действовавший от имени фирмы, заключил контракт с Прозоровым на аренду Шурминского завода сроком на 5 лет. Прозоров вынужден был отказаться от дальнейшей эксплуатации Шурминского завода «за одиначеством» своим и «дальностью до оного пути»¹³⁸.

Условия аренды были чрезвычайно выгодны для тульских промышленников — они должны были платить Прозорову за каждые 100 пудов выплавленной чистой меди по 80 руб. Если учесть, что Мосоловы получали в свое распоряжение не только

¹³⁶ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 247, лл. 166, 174—176.

¹³⁷ Там же, д. 255, лл. 69, 70.

¹³⁸ Там же, д. 245, л. 214.

производственные сооружения завода, но и рудники, сенные покосы и, что наиболее важно, приписных крестьян, то уплату 80 коп. за пуд надо считать мизерным вознаграждением. Три года спустя Мосоловы решили купить Шурминский завод. 8 марта 1750 г. Берг-коллегия хотя и не единогласно, но все же утвердила акт купли этого завода за 5 тыс. руб.

Осенью следующего года Мосоловы купили еще одно предприятие — Петр Осокин продал им Назе-Петровский завод за 27 тыс. руб.¹³⁹ Первым заводом, самостоятельно построенным Мосоловыми на Урале, был Кано-Никольский. Контракт на сооружение предприятия Мосоловы заключили в 1751 г., а плавка меди на нем началась 5 марта 1753 г.¹⁴⁰

Итак, к середине 1753 г. братья Мосоловы владели восемью заводами, шесть из которых размещались в Европейской России и два на Урале. Последующие девять лет в истории хозяйства этих промышленников были омрачены крупными потрясениями, которые не только приостановили дальнейший рост этого хозяйства, но даже привели его к значительному сокращению.

Неприятности для Мосоловых начались в 1753 г., когда граф Александр Иванович Шувалов решил возобновить давний спор Меллеров с Мосоловыми относительно молотового завода на р. Луже. Тогда, как мы видели, Берг-коллегия отклонила домогательства иностранцев-заводовладельцев, потерявших в глазах правительства прежнее значение. Теперь, когда с той же самой просьбой обратился владелец тех же самых заводов, но не Меллер, а знатный вельможа А. И. Шувалов, эффект получился иным.

Получив прошение влиятельной «персоны», Берг-коллегия оказалась в затруднительном положении: удовлетворить явно незаконное притязание Шувалова она не могла и в то же время не осмеливалась и отказать ему. Было принято решение составить обстоятельную справку как о заводах просителя, так и об Архангельском заводе Мосоловых и все это отправить в Сенат. Сенат велел челобитную Шувалова отослать при указе в Берг-коллегию и «по оной челобитной в силе указов немедленное рассмотрение и решение учинить». Это решение Сената было истолковано Берг-колlegией как призыв удовлетворить просьбу Шувалова. 26 октября 1753 г. Берг-коллегия высказалась за то, чтобы Архангельский завод «свести», о чем было тут же донесено Сенату, который после соответствующего «разсуждения» согласился с мнением Берг-коллегии.

Затевать спор с вельможей Мосоловы не осмелились и решили безропотно выполнить предписание Берг-коллегии. Они свезли «мастеровых людей и всякие заводские инструменты и

¹³⁹ Там же, д. 256, лл. 31, 35, 37.

¹⁴⁰ Там же, кн. 1168, л. 748.

материалы и прочее, что возможно, все без остатку... на другие свои заводы». Что касается каменных и деревянных построек, то они нашли, что «оное строение того не стоит, что на перевоз стать может убытку». Все это «с позволения отцов своих» они поступили «безденежно» А. И. Шувалову.

Щедрость Мосоловых станет понятной, если учесть, что Шувалов покушался не только на Архангельский, но и на Шанский завод, руду для которого приказчики покупали у тех же крестьян, которые ранее доставляли ее на Угодский завод. Видимо, Мосоловы рассчитывали услужливостью сохранить за собою Шанский завод.

Как же поступил Шувалов с наполовину разрушенным Архангельским заводом Мосоловых? 14 марта 1754 г. Берг-коллегия рассматривала очередное доношение А. И. Шувалова, уже вступившего во владение остатками Архангельского завода. Он сообщал, что Мосоловы привели завод «в крайнее несостояние», и выражал желание его «с фундаменту весь вновь построить в непродолжительном времени», при условии, что ему будет выдана беспроцентная ссуда в 12 тыс. руб.¹⁴¹ Ссуду Шувалов получил, но завода не построил. Так волею вельможи список металлургических заводов России уменьшился на одно предприятие.

История с уничтожением Архангельского завода была своего рода пробой сил. Убедившись в покорном исполнении Сенатом его воли, Шувалов пошел дальше. На этот раз он решил избавиться от всех заводов, конкурировавших с его предприятиями при покупке руды и угля. На свет божий была вытащена фраза, оброненная императрицей Елизаветой Петровной, о том, что в целях сбережения лесов в Москве надлежало строить каменные дома. Эта мысль затем была облечена в указ об уничтожении в радиусе 200 верст от Москвы металлургических, стекольных и винокуренных заводов.

Реализация этого указа влекла уничтожение еще трех заводов Мосоловых: Шанского, Гиреевского и Мышегского. Первые из них, по сведениям Берг-коллегии, отстояли от Москвы на 155 верст, а последний на 140. Мышегский завод Мосоловым удалось отстоять под тем предлогом, что его железом они обязались удовлетворять заявки Тульской оружейной канцелярии. Что касается Шанского и Гиреевского заводов, то первый в 1755 г. прекратил существование, а второй оказался в руках А. И. Шувалова. Владельцам заводов, подлежащих уничтожению, был предоставлен годичный срок для переработки ранее заготовленного сырья. Шувалов не оставил в покое заводоладельцев даже в это льготное время. В ноябре 1754 г. он обратился в Берг-коллегию с просьбой запретить крестьянам про-

¹⁴¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 262, лл. 107, 241, 272—273; д. 265, лл. 1, 3, 169, 170, 326, 329.

давать руду Мосоловым и Баташовым. Послушная Берг-коллегия тут же распорядилась послать нарочного унтер-шихтмейстера Ивана Макашева, чтобы он предупредил крестьян о существовании указа об уничтожении некоторых заводов и чтобы крестьяне «ни под каким видом на рудниках руды не продавали и на заводы к ним для продажи не возили». Одновременно были посланы соответствующие указы в Боровскую и Малоярославецкую воеводскую канцелярии. Крестьянам, нарушающим этот указ, грозили «наижесточайшим наказанием» и конфискацией руды в пользу Шувалова¹⁴².

Ущерб от закрытия трех заводов (Архангельского, Шанского и Гиреевского) Мосоловы исчисляли в 100 тыс. руб. Переживания промышленников были столь сильны, что один из них, Максим Мосолов, по позднейшему свидетельству сына, «впал в печаль и в преемственную болезнь и напоследок (спустя 10 с лишним лет.— Н. П.), не могши перенести, лишился жизни»¹⁴³.

Фирма действительно попала в полосу жестокого кризиса.

Если описанные выше два потрясения хозяйства Мосоловых были вызваны внешними силами, то третье исходило от самих Мосоловых. Многоотраслевое их хозяйство, как и в начальный период своего существования, находилось в нераздельном пользовании четырех братьев. Первым умер Алексей Перфильевич Мосолов, и после него остались дети и три брата со взрослыми сыновьями. Затруднения, связанные с ущербом, нанесенным хозяйству Мосоловых действиями Шувалова, вызвали семейные неурядицы.

Явный распад фирмы начался летом 1755 г., когда Иван Перфильевич Меньшой обратился в Берг-коллегию с доношением, в котором обвинял в «непорядочных» поступках старшего брата, Максима Перфильевича Мосолова,— в присвоении денег, вырученных за продажу железа и меди с Назе-Петровского и Кано-Никольского заводов. Челобитная была составлена в умеренных тонах и предъявляла разумное требование, чтобы Максиму был послан указ, обязывающий его продавать продукцию и расходовать вырученные деньги с согласия всех родственников; приказчики должны были выполнять только распоряжения, подписанные всеми совладельцами заводов.

Ответная челобитная Максима Мосолова, поданная месяц спустя, отражала обострение в отношениях между братьями. По обычаям того времени, Максим Мосолов предъявил Ивану Меньшому те же самые обвинения, в которых, если верить предшествующей челобитной брата, был повинен сам. Будучи в 1754 г. на Назе-Петровском и Кано-Никольском заводах, Иван Меньшой «чинил своеволие», приказчиков «обыкновенных к

¹⁴² Там же, кн. 51, лл. 1, 5, 6.

¹⁴³ ГАТО, ф. Тульского наместнического правления, оп. 1, т. I, д. 300, л. 22.

завоцкому правлению всех без согласия моего согнал», заменив их своими, самовольно распоряжался выплавленной медью, «безвинно» наказывал приказчиков батогами и плетью. Все это вызвало «худые непорядки».

Челобитная Максима Мосолова во многом способствовала разрыву отношений между братьями. Максим сообщал, что он пытался урегулировать спорные вопросы путем личной встречи, но примирение не состоялось.

Перехватив инициативу, Максим Мосолов поспешил закрепить свое положение нападающей стороны двумя дополнительными челобитными, которые он отправил в августе — сентябре 1755 г. и в которых привел новые факты «озорничества» брата. Теперь обороняться пришлось уже Ивану Меньшому¹⁴⁴. Взаимная озлобленность братьев нарастала с каждым доношением и неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы в ссору не вмешался их племянник — Иван Алексеевич Мосолов. Молодой и неопытный хищник вместо того, чтобы лавировать между ссорившимися дядьями и извлекать из этого выгоду, неразумно противопоставил всех их себе, чем заглушил ссору между ними. Общая опасность сблизила вчерашних противников и вынудила их действовать сообща против племянника.

В челобитной, поданной Иваном Алексеевичем Мосоловым в сентябре 1755 г., дядья обвинялись в том, что они не делились с ним, его братом Григорием и матерью Пелагеей Родионовной прибылью, сумма которой «уповательно в каждом году по 50 000 руб. доходила», в том, что они старые заводы, построенные отцом, забросили, а купили и построили новые, причем, несмотря на то, что расходы производятся из общих сумм, в оформляемых документах не упоминаются их, жалобщиков, имена. Эта челобитная и последовавший за нею именной указ положили начало разделу имущества Мосоловых, продолжавшемуся в течение пяти лет.

Описывать имущество и осуществлять его между Мосоловыми Берг-коллегия направила своего асессора Дм. Борисова. Деятельность Борисова не удовлетворила спорившие стороны, и ему на смену в 1756 г. прибыл находившийся не у дел статский советник Григорий Сухотин.

Григорий Сухотин должен был начинать весь тяжёлый процесс с того, с чего начинал Борисов, ибо все усилия последнего были напрасны. Удовлетворить алчность членов фирмы было делом весьма трудным, и работа комиссии протекала очень медленно. Между тем хозяйство Мосоловых было почти полностью парализовано. Заводы пришли «в крайнюю остановку», — информировал Сенат И. А. Мосолов в сентябре 1757 г. и тут же описал бедственное положение мастеровых людей, ли-

¹⁴⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 736, лл. 3—7.

шенных пропитания, «а иные по самой бедности и необходимости разбрелись по разным местам и скитаются меж двор». Это утверждение И. А. Мосолова подтверждается и другими свидетельствами. Летом 1758 г. доменный мастер Иван Бродовиков доносил Берг-коллегии, что заводы Мосоловых «от несогласия их пришли в совершенную остановку». В октябре 1759 г. унтер-шихтмейстер Иван Макашев сообщил Берг-коллегии, что на Мышегском заводе «домна и молотовые фабрики ныне без всякого действия стоят, а припасов — руды и угля и протчих материалов — в заготовлении ничего не имеетца». В результате работные и мастеровые люди «для пропитания разошлись по разным местам». Такое же положение со временем должно было наступить и на Бытошевском заводе, на котором работные и мастеровые люди хотя еще и не разошлись, но «за неимением ныне при оном заводе работы в пропитании крайнюю нужду имеют». Лучше всего дело обстояло на Непложском заводе, где уполномоченный Берг-коллегии обнаружил небольшие запасы сырья для работы доменной печи.

Особенно безотрадным было состояние уральских предприятий. На Назе-Петровском заводе из-за отсутствия денег мастеровые и работные люди были распушены по разным местам «для прокормления», а некоторые из них разбежались. Кано-Никольский завод осенью 1755 г. тоже бездействовал, по мнению оренбургского горного начальства, не столько из-за волнений в Башкирии, сколько из-за отсутствия денег и продовольствия. В конце октября в распоряжении заводской конторы находилось 20 четвертей хлеба, которых могло хватить на несколько дней, а в феврале 1756 г. оренбургское горное начальство информировало Берг-коллегию, что «при заводе провианта ничего не имеетца, и заводские служители претерпевают голод». Завод находился в столь безнадежном положении, что оренбургское горное начальство сочло необходимым обратиться в Оренбургскую губернскую канцелярию с предложением во имя спасения завода и заводского населения прислать провиант и воинскую команду в составе 24 чел. Оренбургская губернская канцелярия нисколько не посчиталась со страданиями заводских людей и ограничилась назиданием в адрес заводо-владельцев: «И тако, когда они, Мосоловы, о своем сами не пекутся, то и вспоможение чинить им бесполезно, ибо из того не иное что, как одно токмо им послабление и к тому повод подан быть может»¹⁴⁵. В 1755 г. на этом заводе дело дошло до кровавых эксцессов, когда приказчики пытались силою удержать наемных чувашей на заводе. Последние, не получая денег за работу, покинули завод, но были настигнуты в пути, некоторые из них во время преследования были убиты.

¹⁴⁵ Там же, кн. 1168, лл. 745—751, 768, 769; д. 296, лл. 276, 277.

В 1760 г. раздел имущества был, наконец, завершен. Максиму Мосолову досталась по жребию первая часть, в которую вошли Мышегский завод, мучная и пильная мельницы на р. Мышеге, Шурминский медеплавильный завод в Уржумском уезде, находившийся в стадии строительства Златоустовский завод, а также два места под завод — одно в Муромском уезде, купленное у муромца Данилы Железникова, другое на р. Вятке в Казанской губернии, где были обнаружены железные руды. Иван Меньшой Мосолов получил вторую часть — в Брянском уезде Бытошанский и строившийся Ветминский заводы, бумажную и полотняную фабрики в Можайском уезде на р. Шане, там же пильную мельницу. Ему же досталось и два заводских места: на р. Уфалей в Исетской провинции Оренбургской губернии и в Уржумском уезде на р. Шиншенере. Кроме того, ему предоставлялось право не ближе семи верст от Кано-Никольского завода построить медеплавильный завод, причем владелец той части, в состав которой войдет Кано-Никольский завод, не должен «ни под каким видом» препятствовать постройке этого предприятия и добыче руды.

Третья часть досталась сыновьям Алексея Мосолова Ивану и Григорию. Она включала Непложский доменный и молотовый завод, Кано-Никольский медеплавильный, два места под завод на реках Кусе и Салде. Четвертая часть (Назе-Петровский завод и Передельская бумажная фабрика на р. Луже) выпала на долю Ивана Большого Мосолова, оставшегося безучастным свидетелем ссоры братьев с племянником. Поделены были также вотчины, многочисленные дома, амбары и лавки, находившиеся в Туле, Москве, Вязьме, Пскове, Глухове и других местах. Условия раздела предусматривали также долю каждого участника в погашении векселей. Выработанные комиссией условия раздела имущества предусматривали временное сохранение традиционных связей между предприятиями. Так, дополнительные условия предписывали владельцу Мышегского завода в течение 5 лет снабжать владельцев Бытошевского и Непложского заводов чугуном. Владелец Назе-Петровского завода обязан был отпускать железо и чугунное литье для постройки Уфалейского и Златоустовского заводов, а также завода на р. Кусе.

Раздел имущества положил конец не только семейной ссоре, но и кризису в хозяйстве Мосоловых. Получив в личную собственность причитавшиеся им доли, активные участники раздельного процесса Максим и Иван Меньшой Мосоловы, а также старший их племянник развили бешеную энергию по восстановлению и расширению пришедших в упадок частей хозяйства.

Максим Мосолов в течение года сумел сделать то, чего не смогла сделать вся фирма враждовавших братьев и племянников в течение пяти лет:

Контракт Мосоловых с Оренбургской губернской канцелярией на постройку Златоустовского завода был заключен еще 20 ноября 1751 г. Тогда предполагалось строить его на притоках р. Ай — Сатке либо на Куваши. В мае 1754 г. Иван Меньшой Мосолов информировал Берг-коллегию, что после более тщательного осмотра речек Сатки и Куваши «водою явились не весьма довольны и ежели на тех речках на одной плотине домну и молотовые фабрики построить, то за недовольствием воды не всегда в действии быть могут, да и леса вокруг тех речек ретки».

Им было забраковано не только заводское место, но и рудники, предназначавшиеся для обеспечения завода сырьем. Оказалось, что руды ранее найденных рудников только в том случае могли дать хороший чугун, если к ним примешивать более «способную» руду. В верховьях р. Ай Мосолов обнаружил весьма надежную руду, которая «за недовольством при тех местах извошиков для лутчей способности на завод в вешнее время на судах отпушатца будет».

Указ на строительство Златоустовского завода на р. Ай Иван Меньшой Мосолов получил 31 августа 1754 г., но начал его постройку раньше, не дожидаясь указа. Еще в мае 1754 г. он, ссылаясь на заключенный в 1751 г. контракт, доносил в Берг-коллегию, что завод «с крайним поспешением строитца, при котором новостроющемся заводе» он сам находится. Мосолов полагал, что завод «по усердию и ревности моей уповательно в непродолжительном времени построен быть имеет». Эта надежда не сбылась, так как в связи с начавшимся вскоре разделом имущества работы по строительству были прекращены. По данным на октябрь 1759 г., плотина была сооружена только наполовину, в готовности находились второстепенные объекты, такие, как плотничный сарай, кузница, меховая, конюшня, шесть изб для мастеровых.

На другой же день после раздела имущества Максим Мосолов послал на Златоустовский завод приказчика Григория Степанова с «знатной» суммой денег, а спустя некоторое время — сына своего Василия, тоже «с знатною суммою денег». Туда же были переведены из московских вотчин 485 душ крепостных, в числе которых находились и мастеровые люди. Василий Мосолов, возглавлявший строительство завода, «не сожалея в даче против протчих заводчиков мастерам и работным людям чрезвычайной платы», надеялся пустить завод в том же 1760 г.

Лихорадочная спешка Максима Мосолова объяснялась не только стремлением быстрее ввести в строй завод и обязательством, данным Берг-коллегии, строить предприятие «сильною рукою», но и реальной угрозой потерять удобное заводское место, на которое уже зарился Роман Илларионович Воронцов. Под предлогом того, что «чрез долгое время оной завод поныне

не построен» и отведенное место «лежит праздно», Воронцов просил передать это место ему, что, конечно, заставляло Мосоловых проявлять еще большую поспешность. Тем не менее завод в намеченный срок не был пущен. Его удалось ввести в строй лишь 14 августа 1761 г., и то далеко не на всю намеченную мощность: вместо двух домен была построена одна, а вместо 12 молотов действовало только два. К началу 1764 г. Златоустовский завод стал не только чугуноплавильным и передельным, но и медеплавильным: на нем были построены две медеплавильные печи. Кроме того, цеха черной металлургии пополнялись оборудованием — достраивалась вторая домна, молотов стало пять, четыре из них были действующими¹⁴⁶.

С постройкой Златоустовского завода, долгое время являвшегося жемчужиной Южного Урала, связана реконструкция Шурминского медеплавильного завода. «Убогое» содержание медных рудников, с одной стороны, и стремление сохранить лес для Златоустовского завода — с другой, натолкнули М. Мосолова на мысль изменить профиль Шурминского завода, переоборудовав медеплавильные печи в молотовые фабрики, с тем чтобы Златоустовский завод «за вырубкою лесов впредь в краткое время в остановку не пришел»¹⁴⁷. Кроме того, М. Мосолов предполагал построить новое предприятие.

Недалеко от Шурминского завода, в том же Уржумском уезде, М. Мосолов арендовал казенную мучную мельницу, к которой он «собственным капиталом» пристроил лесопильню. Старанием его сына Антипы и внука Ивана севернее реки Камы найдены были два месторождения меди. Максим Мосолов в августе 1764 г. выразил желание построить на готовой плотине на р. Буй медеплавильный завод с шестью печами. Однако с реализацией этого намерения он не спешил и в течение двух лет не оформил своих прав на постройку завода. Лишь в марте 1766 г. он возобновил свое ходатайство, причем решил строить там не только медеплавильный, но и передельный завод. Река Буй «по довольствию воды», доносил Мосолов, может обеспечить, помимо работы шести медеплавильных печей, также работу шести молотов, которые могли бы перековывать чугун, доставленный с Златоустовского завода.

Место на р. Буй, обследованное представителем казанского горного начальства, было признано вполне пригодным для постройки завода. Край изобиловал лесами, «и уездные обыватели хлебопашество и сенокосы имеют только вырубая леса и сожигая оные напрасно». Тем не менее указом Берг-коллегии 28 сентября 1767 г. на р. Буй разрешалось строительство лишь молотового завода, а о медеплавильных печах было сказано,

¹⁴⁶ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. IV, ч. 2, стр. 274, 275, 369, 370, 372; ф. Берг-коллегии, кн. 727, лл. 785, 852, 875, 902, 903.

¹⁴⁷ Там же, кн. 2238, л. 181.

что позволение на их сооружение Мосоловым будет предоставлено тогда, «когда они отыщут довольство благонадежных руд».

Строительство Буйского молотового завода, осуществленное уже после смерти М. Мосолова, началось 15 сентября 1768 г. Первоочередные сооружения были завершены 2 января 1769 г., когда на единственном молоте начали передел чугуна, доставленного с Златоустовского завода¹⁴⁸.

Таким образом, Максим Мосолов к двум заводам, полученным по разделу, прибавил еще одно предприятие, построенное в дополнение к мощному Златоустовскому заводу.

В Европейской России деятельность Максима Мосолова носила более скромный характер — здесь он ограничился лишь реконструкцией Мышегского завода, заменив деревянные сооружения каменными. Право на существование Мышегского завода М. Мосолову пришлось отстаивать еще раз, в 1764 г. когда Тульская оружейная канцелярия информировала Сенат, что она более не испытывает надобности в поставках железа с Мышегского завода и предпочитает пользоваться более качественной уральской продукцией. На этом основании канцелярия предлагала поступить с Мышегским заводом так же, как было определено поступать с заводами, закрывавшимися в 1754 г., а именно: предоставить владельцу годичный срок для переработки заготовленного сырья. На этот раз Сенат, более не подстегиваемый нажимом заинтересованных фаворитов, не удовлетворил ходатайство Тульской оружейной канцелярии. В своем мнении, представленном императрице, он высказался за сохранение завода, с той, однако, оговоркой, что его владельцу запрещалось расширять производство вводом в действие новых домен и молотов¹⁴⁹.

Максим Мосолов умер, видимо, в 1768 г. Два его сына, являвшиеся наследниками имущества, 13 июля того же года обратились в Берг-коллегию с доношением, в котором сообщали, что полюбовно поделили между собою оставшееся наследие. Старшему сыну Василию достался Златоустовский завод, а младшему Антипе — Мышегский доменный и молотовый завод с парусной фабрикой и пильной мельницей, Шурминский медеплавильный и молотовый завод, а также строившийся молотовый завод на р. Буй. За наследниками числилось долгов 70 153 руб., из которых 40 153 руб. должен был погасить Василий, а 30 тыс. руб. Антипа. В дополнительных условиях была оговорена обязанность владельца Златоустовского завода в течение трех лет снабжать чугуном передельный Шурминский завод¹⁵⁰.

¹⁴⁸ Там же, кн. 1242, лл. 109, 126, 133, 136, 142.

¹⁴⁹ ГАТО, ф. Тульского наместнического правления, оп. 1, т. I, д. 300, лл. 22, 25.

¹⁵⁰ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1287, лл. 210, 211, 235.

Получив наследство, Василий Мосолов тут же поспешил избавиться от него. В 1768 г. он продал Златоустовский завод тульскому купцу Лариону Ив. Лугину за 85 тыс. руб., причем В. М. Мосолов пожелал стать «компанейщиком» Лугина, внося пай в 5 тыс. руб.¹⁵¹ Впрочем, этот «компанейщик» обязался «ни в чем в то заводское производство не мешаться» и довольствовался ежегодным получением 500 руб., т. е. 10% дохода. Из 85 тыс. руб. В. М. Мосолов получил наличными около половины, остальные деньги были использованы на погашение вексельных долгов¹⁵².

Более энергичным и предприимчивым оказался младший сын Антипа. Из всех сыновей основателей промышленной фирмы Мосоловых Антипа настойчивее других поддерживал стяжательские традиции рода и преуспел в этом.

А. М. Мосолов, как уже отмечалось, в результате раздела имущества стал владельцем двух предприятий, лишенных домен. Это обстоятельство вынудило А. М. Мосолова построить Залазнинский доменный и молотовый завод и придать, таким образом, уральскому филиалу своего хозяйства автономный характер. Разрешение на строительство Залазнинского завода А. М. Мосолов получил 9 сентября 1770 г., а привел его в действие 11 февраля 1772 г.¹⁵³

Все три завода — Шурминский, Буйский и Залазнинский — находились вдали от района крестьянской войны, которая прошла мимо них; ни один из них не значился не только в списке разрушенных или в какой-то мере пострадавших предприятий, но даже и в списке временно остановившихся заводов.

В 1778 г. А. М. Мосолов решил выделить своего единственного сына Ивана. В челобитной, поданной в сентябре, Антипа писал: «А как оной сын мой уже дошел до совершенных лет своего возраста, то я за удобное счел по способности из тех заводов один молотовый, состоящей в Казанской губернии в Уржумском уезде, называемой Буйской, со всеми принадлежностями и со крестьяны уделить в собственное управление ему, сыну моему Ивану, который по усердию своему, а особливо по знаемости в завоцком производстве и долженствует по недостатку руд отыскивать к тому заводу рудники собственно собою»¹⁵⁴. От И. А. Мосолова надлежало ожидать заявки на строительство доменного завода. Но таковой не последовало. Очевидно, неблагоприятно складывавшаяся рыночная конъюнктура оказалась сильнее «усердия» и «знаемости в завоцком производстве» молодого отпрыска Мосоловых, и он вынужден был удовлетво-

¹⁵¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1289, лл. 578, 624.

¹⁵² Там же, кн. 2231, лл. 50—51.

¹⁵³ Там же, кн. 2301, л. 321.

¹⁵⁴ Там же, кн. 2122, л. 910.

ваться скромным отцовским наследием. Правда, малосущественные изменения в хозяйства отца и сына были все же внесены. Так, 13 апреля 1784 г. Антипа Мосолов обратился в казенную палату Вятского наместнического правления с просьбой разрешить ему расширить Шурминский передельный завод, три молота которого не справлялись с переделом чугуна Залазнинского завода в железо. Вследствие того, что речка Шурминка, писал приказчик, «водою недовольна и показанные 3 молота за оскудением воды действовать всегда не могут», Мосолов решил на той же Шурминке, в версте от старого завода, на месте, где стояла лесопильная мельница, построить еще один передельный завод с одним действующим и одним запасным молотом. Оба передельные Шурминские заводы Антипа Мосолов передал своему сыну Ивану в 1786 г. после его выхода в отставку в чине поручика¹⁵⁵.

Владея двумя Шурминскими и Буйским заводами, поручик Иван Мосолов был лишен хозяйственной самостоятельности, ибо все его предприятия были передельными и находились в прямой зависимости от поставок чугуна с Залазнинского завода. Эту самостоятельность И. Мосолов приобрел лишь после пуска Шурма-Никольского завода. Антипа Мосолов намеревался построить пробную «доменку» на речке Шурме еще в 1784 г., но Вятская казенная палата отказала в праве заводовладельца на эксперимент. Тогда отец и сын Мосоловы в начале 1786 г. решили построить на той же речке Шурме рядом с двумя передельными заводами одну домну в двух-трех верстах от бывшего медеплавильного завода. Разрешение на постройку завода было получено 10 июля 1786 г. Новый завод с домной и двумя молотами, получивший наименование Шурма-Никольского, начал плавку чугуна 18 февраля 1788 г.¹⁵⁶

В итоге развития промышленного хозяйства отца и сына Мосоловых к концу XVIII в. за Антипой значились Мышегский и Залазнинский заводы, а за его сыном Иваном — Шурма-Никольский, Шурминский и Буйский заводы.

Менее успешно развивались те предприятия, которые оказались в руках Ивана и Григория Алексеевичей, по требованию которых в 1760 г. был произведен раздел и которым достались Непложский и Кано-Никольский заводы. Последний до раздела фактически не действовал. Иван и Григорий к двум медеплавильным печам пристроили еще четыре, но «ревностного рачения» новых владельцев хватило ненадолго. Вступив во владение заводом, они «для приращения казенного интереса в размножение оного завода чрез прилежное старание и немалой убыток» перевели 200 душ крестьян. Выплавка меди в 1760 г. достигла

¹⁵⁵ Там же, кн. 2238, л. 206.

¹⁵⁶ Там же, кн. 2178, л. 22, 30; кн. 2238, лл. 183, 223.

1173 пуд.¹⁵⁷ Расширением Кано-Никольского завода братья не ограничились и решили построить новый завод на р. Кусе, на том самом месте, которое им досталось по разделу. По условиям раздела владелец Златоустовского завода не должен был возражать против постройки нового предприятия владельцем Кано-Никольского завода, хотя это предприятие и находилось бы в дачах Златоустовского завода. Облюбованное место под завод оказалось весьма удобным, «потому что в той речке Кусе воды довольно, берега крепкие», рудников, подлежавших совместной эксплуатации с дядей Максимом, «множество», лесов тоже «довольно». Хотя против постройки этого завода и возражали приказчики Осокина и Билимбаевская заводская контора барона Александра Сергеевича Строганова, но право было на стороне братьев Мосоловых. Однако братья удовлетворились лишь подачей челобитной и не довели дело до конца. И. А. Мосолов «принял смелость» возобновить просьбу лишь семь лет спустя, в 1768 г., и объяснил столь длительную бездеятельность относительно хлопот по заводу на р. Кусе отлучками «для исправления многих заводских нужд». Хлопоты теперь уже усложнились, ибо Златоустовский завод оказался в руках Лугинина, не связанного обязательством допустить чужого промышленника к постройке предприятия под боком уже действовавшего Златоустовского завода. Лугинин решительно протестовал против сооружения нового завода, ссылаясь на то, что акт раздела составлен «противно государственным о заводах учреждениям». Заводы, как известно, можно было строить друг от друга в 50 верстах и в крайнем случае — в 25, «а когда Иван Мосолов ни завода там не имеет, — писал Лугинин, — да и новый свой утвердить хочет внутри самих оснований моего Златоустовского завода, то какая же произойти из того может польза казенная и польза государственная?». Главным основанием для возражения было опасение в недостатке леса. Лугинин просил Берг-коллегию, чтобы та принудила Мосолова, «чтобы он к получению от меня за все то сходной цены имел со мною договор».

Создается впечатление, что И. А. Мосолов и не имел серьезного намерения строить завод на р. Кусе, а возобновил свою просьбу после покупки Лугининым Златоустовского завода с той целью, чтобы побольше получить с богатого тульского купца. Оба промышленника подали еще две жалобы с изложением взаимных претензий, а затем в октябре 1770 г. подали совместную челобитную, сообщавшую о продаже И. А. Мосоловым заводского места на р. Кусе Лугинину. Став полновластным владельцем этого места, Лугинин, как бы забыв о своей прежней аргументации, в силу которой требовал запрещения строить

¹⁵⁷ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. IV, ч. 2, стр. 277.

там завод Мосолову, тут же обратился в Берг-коллегию с просьбой разрешить ему поставить Кусье-Александровский завод¹⁵⁸.

Итак, Иван и Григорий Мосоловы ограничились эксплуатацией единственного на Урале полученного от раздела Кано-Никольского завода. Справедливости ради надо отметить, что выплавка меди на этом заводе была поставлена вполне удовлетворительно — шесть медеплавильных печей в пятилетие до крестьянской войны давали свыше 7 тыс. пуд. меди в год, т. е. каждая печь несколько превышала установленную правительством норму, равную 1000 пуд.

В ходе крестьянской войны Кано-Никольский завод потерпел серьезный урон. Не имея полной информации о состоянии завода, И. А. Мосолов доносил Берг-коллегии 11 марта 1774 г., что «деньги, всякой хлебной провиант, лошадей и прочее движимое имение разграблено и письменные дела сожжены, також мастеровых и работных людей и служителей увезли с собою»¹⁵⁹.

Летом 1774 г. восставшие громили завод вторично и на этот раз сожгли его. И. А. Мосолов определил убытки в 110 тыс. руб. с лишком, стоимость завода и припасов была определена в 57 822 руб.¹⁶⁰

Комиссия Берг-коллегии, обследовавшая Кано-Никольский завод, хотя и подтвердила факт его сожжения, однако размер убытков признала завышенным. В частности, была признана пригодной к быстрому восстановлению и без существенных затрат плотина. И. А. Мосолов был к тому же уличен в явном обмане: он показал сожженными уголь и дрова, а на поверку оказалось, что все это находилось в целости¹⁶¹.

Восстановление Кано-Никольского завода И. А. Мосолов осуществил при финансовой помощи правительства; правда, размер полученной ссуды был меньше просимой — вместо 50 тыс. руб. Мосолов получил только 30 тыс. руб. В январе 1777 г. завод возобновил работу, но промышленник еще долго донимал правительственные учреждения просьбами о предоставлении разнообразных льгот.

Значительный ущерб его хозяйству нанес пожар, вспыхнувший в Туле 2 мая 1779 г., во время которого были сожжены все его «пожитки». «Поэтому, — доносил И. А. Мосолов, — и поправить своего состояния без особой от правительствующего Сената помощи никак не могу». Мосолов просил освобождения от уплаты десятины на 10 лет, выдачи дополнительной ссуды в размере,

¹⁵⁸ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1191, лл. 239, 240, 243—246, 248, 249, 255, 256, 307, 313.

¹⁵⁹ Там же, кн. 1339а, л. 38.

¹⁶⁰ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4206, лл. 136—137.

¹⁶¹ Там же, л. 101.

соответствовавшем обещанному манифестом 1775 г., освобождения от уплаты недоимки по трехчастной и десятинной меди, числившейся на нем с 1773 г. Эти максимальные требования Мосолов готов был свести и до минимума — в конце концов он мог бы довольствоваться освобождением от поставок в течение 10 лет десятинной и трехчастной меди¹⁶².

Сенат считал просьбу Мосолова непомерной и в 1782 г. отказал ему, считая, что он должен довольствоваться полученной ссудой.

Кано-Никольский и Непложский заводы значились в числе действующих предприятий до конца XVIII в.; первым из них владела капитанша Марья Мосолова, а вторым — Дарья Мосолова. Годы расцвета Кано-Никольского завода остались далеко позади. Хотя на нем и действовало шесть печей, но выплавка меди намного уменьшилась, составляя в среднем в 1783—1795 гг. по 3 445 пуд. в год вместо 7000 пудов в годы, предшествовавшие крестьянской войне¹⁶³.

Рассмотрим теперь историю хозяйства Ивана Перфильевича Меньшого Мосолова. Поначалу оно в большой мере состояло из предприятий легкой промышленности, причем все они размещались в Европейской России — бумажная и полотняная фабрики в Можайском уезде, там же пильная мельница и Бытошанский завод, а также недостроенный Ветминский завод в Брянском уезде. На Урале он имел только два места под заводы — на р. Уфалей в Исетской провинции и на р. Шиншенере в Уржумском уезде. И. П. Меньшой Мосолов не стал заниматься достройкой Ветминского завода, который так и не был введен в действие, а сосредоточил свое внимание на уральской металлургии. Мысль построить Уфалейский завод созрела у Мосоловых в 1751 г. вслед за покупкой ими Назе-Петровского завода у Осокина, когда они только что проникли на Южный Урал и еще не приступали к разделу имущества. В том же году «к строению того заводу припасов и приуготовлено было, которые волею божиею погорели». Начавшийся раздел имущества приостановил постройку завода. Ходатайство о его строительстве было возобновлено И. А. Меньшим Мосоловым только спустя девять лет, в августе 1760 г., причем промышленник изъявил желание строить на Уфалее не только молотовые, но и домну. 1 сентября 1760 г. было получено необходимое разрешение, а в 1761 г. домна и три молота находились в действии¹⁶⁴.

Вслед за пуском Уфалейского завода И. П. Меньшой Мосолов обратил внимание на нерентабельность эксплуатации домны Бытошанского завода. Он обнаружил, что руды «к сплавке чю-

¹⁶² ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4206, лл. 172—175.

¹⁶³ «Горнозаводская промышленность Урала...», стр. 114, 115.

¹⁶⁴ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. IV, ч. 2, стр. 271, 272; ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1354, лл. 5—7.

гуна и к делу железа весьма неспособные. затем что во оных рудах некоторая часть имеется серная руда». В дальнейшем заводовладелец «изыскивал все способы, о безостановочном действии прилагал крайнее старание», но в конечном итоге «способу сыскать не мог» и теперь терпит значительные убытки: себестоимость железа равняется 42 коп., а продавать его он вынужден вследствие низкого качества только по 40 коп. Повышение себестоимости железа было обусловлено не только повышением тугоплавкости руды, но и необходимостью добывать ее в болотах «по малому числу», так как руда, находившаяся в сухом месте, была уже вся использована. Все это вынудило Мосолова остановить домну 29 февраля 1764 г. Бытошанский завод превратился в молотовый, причем он переделявал чугуны, доставлявшийся с Уфалейского завода «водною коммуни-кациею». В 1763 г. было доставлено 7 тыс. пуд., а в 1764 г. — 9500 пуд. чугуна; его намечали доставлять и в последующие годы, так как на Уфалейском заводе из-за недостатка в пруду воды оставалось много чугуна.

Мосолов просил санкции на остановку домны Бытошанского завода, а Берг-коллегия, не разобравшись в существе просьбы, вынесла определение о ее сломе. Когда Мосолов получил указ о сломе домны, он тут же написал новую челобитную с просьбой не ломать домну, а только опечатать ее, с тем чтобы он, если найдет хорошую руду, мог возобновить плавку чугуна. Берг-коллегия в конце 1764 г. пересмотрела свое решение в угодном для Мосолова смысле, но этот указ запоздал: пока Берг-коллегия удосужилась отменить свое первое распоряжение, домна была уже сломана.

Бытошанский завод возобновил плавку чугуна 27 сентября 1767 г. после постройки новой домны, пользовавшейся рудой, сысканной «немалым капиталом» в том же Брянском уезде в дачах Свенского монастыря близ с. Молоткова¹⁶⁵.

Пуск Бытошанской домны отразился на состоянии Уфалейского завода. В сентябре 1770 г. И. П. Меньшой Мосолов о работе последнего писал, что «довольно случаетца в летние времена от сухменности, а по зимам от чрезвычайных по тамошнему климату морозов» недостаток воды. «Ко отвращению помянутого помешательства прежде изыскиваны были разные способы», но эффекта не достигли и поэтому было решено построить в двух верстах от Уфалейского завода на речке Суховязке молотовый завод с двумя молотами. Разрешение на постройку Суховязкого завода было оформлено 9 ноября 1770 г., а пущен он был, видимо, в 1772 г., причем не на полную мощность, а только с одним молотом¹⁶⁶.

¹⁶⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1242, лл. 559—561, 564—566, 581—584.

¹⁶⁶ Там же, кн. 1312, лл. 688, 696.

Итак, к началу крестьянской войны И. А. Меньшой Мосолов владел на Урале двумя заводами — Уфалейским с одной домной, тремя действующими и одним запасным молотом и Суховязским с одним молотом. Оба завода, расположенные в районе, где развернулись бурные события крестьянской войны, были сожжены. На Уфалейском заводе восставшие были четыре раза — в первый свой приход они изъяли мелкие вещи: посуду, чугунное литье, рогатый скот и сожгли уголь, во второй наезд угнали лошадей и коров, в третий раз завод был полностью сожжен, после чего восставшие отправились на Суховязский завод и тоже подожгли его. После этого на Уфалейском заводе были сожжены жилые дома рабочих и мастеровых людей¹⁶⁷.

«От великого огня» доменная печь развалилась. Заводовладелец исчислил сумму понесенного убытка в 69 351 руб., из коих на долю заводских сооружений и припасов приходилось 38 844 руб.; 20 511 руб. стоили сожженные дома рабочих и мастеровых людей, а на остальную сумму были оценены долги «обзадаченных» (получивших задаток) крестьян, наличные деньги и т. д.

Уфалейский завод был восстановлен в 1776 г. Через год, после смерти И. П. Меньшого Мосолова, он перешел во владение к двум его сыновьям — Семену и Ивану¹⁶⁸. Что касается Суховязского завода, то И. П. Меньшой Мосолов не склонен был заниматься его восстановлением. Весной 1776 г. он информировал Берг-коллегию, что плотина завода была разрушена во время весеннего паводка. Свой отказ от восстановления Суховязского завода И. П. Меньшой Мосолов мотивировал еще и тем, что «речка Суховяз во время бывшего действия одного завода в течении силу свою показала к содержанию только на один молот, а в сухменное лето и на один молот работа производилась с проголкою». Мосолов просил разрешения вместо восстановления Суховязского завода построить новый молотовый завод в другом месте — на той же речке Уфалее, но ниже Уфалейского завода верст на восемь, где речка была более полноводной, «для того, что Суховяз и другие некоторые речки в ту Уфалею речку впали»¹⁶⁹. Сыновья, однако, рассудили по-своему и, отказавшись от постройки Нижне-Уфалейского завода, восстановили Суховязский завод в 1789 г.¹⁷⁰

Уфалейский завод хотя и пущен был быстрее многих разрушенных на Урале заводов, но «до прежнего состояния не доведен», как в 1779 г. сообщали наследники. Объяснялось это тем, что отцу их удалось получить вместо 48 тыс. руб. ссуды только 20 тыс. руб.

¹⁶⁷ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1339а, лл. 276, 277.

¹⁶⁸ Там же, кн. 1369, л. 157.

¹⁶⁹ Там же, кн. 1354, д. 33, лл. 1, 2.

¹⁷⁰ «Горнозаводская промышленность Урала...», стр. 145.

В связи с этим деньги пришлось одалживать «у партикулярных людей с процентами и тем долги к долгам на себя присовокуплять, чрез это,— жаловались Мосоловы,— и остаемся ныне более прежнего должными». Если учесть, что И. П. Меньшой Мосолов строил уральские заводы на деньги, взятые тоже в долг, и эти долги оставил своим детям, то можно согласиться с заявлениями наследников, что их финансовое положение было незавидным¹⁷¹.

Это предопределило судьбу Уфалейского и Суховязского заводов — в 1792 г. они были проданы именитому гражданину Губину¹⁷². Непложский завод тоже выпал из рода Мосоловых. В конце века он оказался у капитанши Ртищевой, получившей его в приданое.

Связи с металлургией у четвертого основателя фирмы Мосоловых — Ивана Перфильевича Большого оборвались почти сразу же после раздела имущества. В годы, когда происходил раздел имущества, голоса Ивана Перфильевича Большого не было слышно.

Свой строптивый характер Иван Перфильевич Большой в полной мере проявил значительно позже, — когда все прочие участники раздела выразили удовлетворение итогами работы комиссии и охотно подписали документы о разделе имущества. Заупрямился один Иван Перфильевич Большой. Наговорив всяческих дерзостей членам комиссии, осуществлявшим раздел имущества, и сгоряча отказавшись от приема доставшейся ему доли, этот Мосолов скрылся в неизвестном направлении.

Но, находясь в бегах, Иван Большой зорко следил за тем, какой эффект окажет его отсутствие на действия комиссии и Сената, куда были отправлены документы на утверждение. Убедившись, что он переборщил и что угроза отказаться от приема имущества могла кончиться его конфискацией, Иван Большой заявил о своем существовании подачей пространной челобитной, в которой изложил все свои обиды на родственников и на членов комиссии, которые, по его словам «норовили» им. Он обвинял комиссию в игнорировании и даже ущемлении его интересов. Особый его гнев вызывал пункт отдельного акта, которым он лишался права продажи доставшегося ему завода посторонним лицам. Родственники потребовали внесения этого пункта в акт раздела, писал Иван Большой, зная, что «за неимением у меня за оказанными ко мне их обидами к производству капиталу, принужден я буду ту доставшуюся мне заводов и фабрик часть уступить за самую малую цену».

Опасения на этот счет имели основания, и Мосолов во время пребывания в бегах употребил немало усилий, чтобы продать

¹⁷¹ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4206, лл. 192—194.

¹⁷² А. Я. Рогов. Российская горная история, ч. IV, кн. 3, лл. 80—83.

часть доставшегося ему по разделу имущества. Его жребий включал Назе-Петровский завод и Передельскую бумажную фабрику. Бумажную фабрику Иван Большой решил оставить за собой, а о продаже Назе-Петровского завода в мае 1760 г. сговорился с Евдокимом Демидовым. Сделка, однако, по каким-то причинам не состоялась, и Иван Большой продал Назе-Петровский завод лишь два года спустя в 1762 г., за 30 тыс. руб. М. С. Мясникову и Я. С. Петрову¹⁷³.

Рассмотрим динамику развития промышленного хозяйства Мосоловых. В течение XVIII в. в их владение входили как построенные, так и купленные заводы:

1. Мышегский завод; пущен в конце 1729 г. или в январе 1730 г.

2. Шанский доменный и передельный завод; пущен в конце 1734 г., разрушен по указу Сената в 1755 г.

3. Гиреевский молотовый (он же Нижне-Шанский); пущен в 1739 г., разрушен по указу Сената в 1755 г.

4. Архангельский молотовый; пущен в 1738 г., в 1753 г. разрушен и передан А. И. Шувалову.

5. Непложский доменный и молотовый; пущен в 1740 г.

6. Шурминский, в 1750 г. куплен у Прозоровых как медеплавильный, затем стал передельным и доменным.

7. Назе-Петровский доменный и молотовый; куплен у П. Осокина в 1751 г., а в 1762 г. продан Я. Петрову и М. Мясникову.

8. Кано-Никольский медеплавильный; пущен в 1753 г.

9. Бытошевский доменный и молотовый; пущен в 1752 г.

10. Златоустовский доменный и молотовый; пущен 14 августа 1761 г., в сентябре 1768 г. продан Лугинину.

11. Уфалеевский доменный и передельный; пущен в 1761 г., а в 1792 г. продан Губину.

12. Буйский молотовый, а затем и доменный; пущен 2 января 1769 г.

13. Залазнинский доменный и молотовый; пущен 11 февраля 1772 г.

14. Суховязский молотовый; пущен около 1772 г., в 1792 г. продан Губину.

15. Шурма-Никольский доменный; пущен 18 февраля 1788 г.

Таким образом, на протяжении XVIII в. Мосоловы в общей сложности владели 15 металлургическими заводами, из которых два были медеплавильными, а 13 — доменными и молотовыми. Из числа всех заводов 13 Мосоловы построили сами и 2 купили. Однако следует учитывать, что одновременно 15 заводами Мосоловы никогда не владели. Максимальный объем их

¹⁷³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1177, лл. 544—547, 563—565; кн. 1252, л. 752; кн. 2124, л. 592.

промышленного хозяйства падает на первую половину 50-х годов XVIII в., когда оно включало 9 заводов. Уничтожение 3 заводов, совершенное под давлением А. И. Шувалова, а также затянувшийся раздел имущества весьма болезненно отразились на состоянии каждой из частей хозяйства. Мосоловы возобновили строительство в 60-х годах, и, хотя до крестьянской войны построили еще пять заводов, это не обеспечило прироста хозяйства, так как за это же время они продали четыре завода, в том числе такие крупные, как Златоустовский, Назе-Петровский и Уфалейский. В итоге к концу XVIII в. у Мосоловых осталось только восемь заводов — два в Европейской России и пять на Урале.

В списке промышленников XVIII в., помимо упомянутых выше Мосоловых, значится еще один Мосолов — Федор Кузьмич, основатель Дубненского завода, двоюродный брат Максима, Алексея, Ивана Большого и Ивана Меньшого Перфильевичей Мосоловых.

Федор Кузьмич Мосолов, тульский оружейник, владелец ручных горнов, стоял во главе промышленной компании, состоявшей из него и трех его сыновей — Андрея, Филиппа и Александра. Разрешение на постройку Дубненского завода в Алексинском уезде Ф. Мосолов получил 1 сентября 1740 г. Этому предшествовало ожесточенное сопротивление, оказанное новому мануфактуристу со стороны владельцев действовавших заводов — Н. Н. Демидова и двоюродных братьев Мосоловых.

Как только Н. Н. Демидову стало известно о намерении Ф. К. Мосолова построить завод близ с. Протасова на небольшой речке Дубне на арендованной земле, в Генерал-берг-директориум был направлен протест. Н. Н. Демидов считал, что постройка нового предприятия нанесет ущерб его Дугненскому заводу. «Понеже те мои Дугненские заводы,— писал Демидов,— за неимением угля и до сего времени бывают в остановке, потому что при них довольно числа лесов не имеетца»; в этих условиях появление нового завода взвинтит цены на сырье, что, разумеется, не устраивало Демидова. Об этом писал Демидов, на это указывал и Мосолов, с той, однако, разницей, что первый видел в этом «немалое помешательство» своему заводу, а второй, прибегая к дешевой демагогии, находил в этом благо, ибо монопольное положение Демидова на рынке приводило к тому, что он покупал уголь «самою малою ценою, по которой тем продавцам не токмо сверх работы можно за уголь получить денег, но и за труд, за припасы, угля тою ценою наградиться не могут».

Не получив должного удовлетворения по своей первой челобитной, Н. Н. Демидов подал новые доношения, всячески склоняя Генерал-берг-директориум отказать Мосолову в просьбе. В одном из них он ставил под сомнение компетентность подкан-

целяриста Митрофанова, отправленного Генерал-берг-директориумом для освидетельствования места, выбранного для строительства завода, так как Митрофанов «не токмо в строении заводов, но и никаких заводских поведений по горному обыкновению не знает». По мнению Демидова, р. Дубна неспособна была обеспечить работу не только вододействующего завода, но даже мучной мельницы, «самые малые жерновишки» которой будут работать «с великою прогулкою». В другом месте Н. Н. Демидов, преисполненный высокомерия по отношению к начинающему промышленнику, рекомендовал Генерал-берг-директориуму спросить у Ф. К. Мосолова, «те заводы какими мастерами он будет заводить и какими мастерами будет работать, понеже по указам е. и. в. мастерам с заводу на завод без пашпортов переходить не велено».

В спор Н. Н. Демидова с Ф. К. Мосоловым вмешались двоюродные братья последнего. Не имея представления о месте, облюбованном под завод Ф. К. Мосоловым, они тем не менее, рассчитывая на весомость своего заявления, обратились в Генерал-берг-директориум с просьбой разрешить им построить завод на речках Дубне и Волхонке, или Волконке.

Против постройки Дубненского завода протестовал также комиссар Иван Воронин, заявивший, что в с. Протасове на р. Дубне еще в 1725 г. «построена для домовых нужд и винного заводу мельница о двух поставах», которая будет «подтоплена» и приведена в бездействие металлургическим заводом.

Дубненский завод с домной и одним молотом был все же пущен в 1740 г. Маломощный владелец завода, издержав на его постройку значительную сумму взятых взаймы денег, вскоре после пуска предприятия стал испытывать финансовые затруднения. Это вынудило компанию принять решение о продаже завода. Покупателем оказался тульский первой гильдии купец Иван Кириллович Лугинин. Сделка, однако, не состоялась, так как старший сын Федора Андрей не подписал купчей крепости, чем привел отца в «немалую печаль». В январе 1751 г. Мосолов-старший сообщил Берг-коллегии о своей полной несостоятельности. Некоторое время завод работал на деньги, ссуженные Максимом Мосоловым, причем Федор Мосолов обязан был поставлять чугун Дубненского завода для передела на молотовые заводы своих родственников. Этот период, видимо, был непродолжительным, так как в том же 1751 г. Мосолов предлагал продать завод или сдать его кому-либо в аренду, о чем были сделаны соответствующие публикации¹⁷⁴.

Федору Мосолову с сыновьями все же удалось каким-то способом выкарабкаться из затруднений и сохранить за собою

¹⁷⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 962, лл. 1, 15, 16, 29, 30, 37, 38, 62, 64, 68, 71, 72, 83.

завод, но в 1754 г. он попал в списки предприятий, подлежащих уничтожению, поскольку в документах Берг-коллегии значилось, что завод находился от Москвы ближе 200 верст.

История с попыткой закрыть Дубненский завод — едва ли не самый яркий пример бюрократизма в деятельности горной администрации. Мы уже отмечали услужливость Берг-коллегии, с величайшей готовностью внесшей без всякой дополнительной проверки в список предприятий, подлежащих сносу, 13 металлургических заводов. Поскольку Ф. Мосолову, владельцу единственного завода, терять было нечего, то он обжаловал решение Берг-коллегии в Сенат на том основании, что Дубненский завод, по его данным, «от Москвы разстоянием более двухсот верст». Сенат 15 февраля 1756 г. предложил своей московской конторе проверить расстояние от Дубненского завода до Москвы и, если окажется, что он более 200 верст, то его «не уничтожать и заводского течения не останавливать, дабы оному заводчику Мосолову чрез то напрасного убытку приключиться не могло». Одновременно сенатской конторе было предложено запросить Берг-коллегию, «каким образом и для чего вышеозначенные ево, Мосолова, Дубненские заводы в поданных из Берг-коллегии ведомостях показаны от Москвы менее двухсот верст».

Ответ на этот запрос Сената Берг-коллегия отправила лишь 8 лет спустя, в 1764 г., причем вопрос ей не представлялся окончательно решенным. Первый раз сенатская контора отправила для измерения расстояния геодезии поручика Ивана Фонвизина. Вместе с ним ездил представитель Берг-конторы унтер-шихтмейстер Норман. В январе 1757 г. они доложили сенатской конторе, что расстояние от Дубненского завода до Москвы равно 206 верстам 300 саж. Этот результат Берг-коллегия признала сомнительным и настояла на том, чтобы «для вероятного свидетельства» был послан другой офицер. Новая экспедиция в составе геодезии прапорщика Ивана Розмыслова и унтер-шихтмейстера Ивана Макашева с участием Серпуховской воеводской канцелярии намеряла 208 верст 165 саж. На этом основании сенатская контора предложила Берг-коллегии исключить Дубненский завод из списка предприятий, подлежащих уничтожению. Однако Берг-коллегия, вопреки здравому смыслу, но в соответствии со своими понятиями о чести мундира, забраковала и эти результаты измерения. Закрывая глаза на тот факт, что оба измерения показали более 200 верст, но учитывая, что во время измерения были получены разные цифры, Берг-коллегия упрямо твердила, что она ни на одно из измерений «положиться никак не может», и предлагала для «достовернейшего» измерения отправить вновь «доброго состояния человека». На этот раз в доношении Сенату 15 июля 1764 г. Берг-коллегия предлагала установить, «в каком разстоянии оной завод от Москвы по прямой линии состоит, а не по кривизнам дороги».

Характерно, что в своих предшествующих заявлениях Берг-коллегия не ставила под сомнение метод измерения расстояния по ломаной линии Дубненский завод — Алексин — Серпухов — Москва ¹⁷⁵.

Трудно сказать, сколько еще лет могла продолжаться затеянная Берг-коллегией волокита, если бы в 1765 г. не последовал указ Сената, отменявший указ 1754 г. об уничтожении заводов, расположенных от Москвы в радиусе 200 верст. В этих условиях точность данных о расстоянии потеряла всякий практический смысл.

В ведомостях 60-х и 80-х годов XVIII в. Дубненский завод числился за детьми основателя предприятия Филиппом и Александром Федоровичами Мосоловыми ¹⁷⁶. В 90-х годах завод числился за поручиком Иваном Филипповичем Мосоловым. Вследствие того, что сын Антипы Мосолова тоже был Иваном и тоже поручиком, составитель Генерального описания заводов ошибочно приписал этому последнему Дубненский завод ¹⁷⁷. В действительности же поручик Иван Мосолов, владевший Шурминским, Шурма-Никольским и Буйским заводами, никогда Дубненским заводом не владел.

Дубненский завод принадлежал к числу мелких мануфактур, оборудованных одной домной и двумя молотами. Промышленное хозяйство этой ветви Мосоловых развивалось очень медленно. Это было связано, видимо, с тем, что в годы бурного подъема русской металлургии Федор Мосолов и его сыновья пребывали в состоянии полной неуверенности за судьбу своего завода, что, конечно, не стимулировало расширение промышленного хозяйства. Новый завод этой ветви Мосоловых — Сенетско-Ивановский — начал работу лишь в 1791 г. Точными данными о том, кто и при каких условиях построил Сенетско-Ивановский завод, мы не располагаем. А. Ярцов в «Горной истории» сообщает, что этот завод будто бы был построен Иваном Большим и Иваном Меньшим Мосоловыми, что далеко от истины, ибо ко времени пуска завода в 1791 г. названных братьев давно не было в живых. В донесении Калужского наместнического правления, отправленном в 1794 г. в Комиссию о коммерции, Сенетско-Ивановский завод значился за умершим поручиком Иваном Филипповичем Мосоловым с братьями. Завод бездействовал «за починкою прорванной плотины», но владельцы, надо полагать, не спешили с ремонтом ее, ибо нарочный не обнаружил на месте ни «содержателей» завода, ни конторщиков ¹⁷⁸.

¹⁷⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 739, лл. 558, 678—684.

¹⁷⁶ Там же, кн. 1237, л. 150.

¹⁷⁷ «Горнозаводская промышленность Урала...», стр. 98, 102.

¹⁷⁸ А. Ярцов. Российская горная история, ч. 2, л. 85; ГАКО, ф. Калужского наместнического правления, оп. 1, д. 1604, лл. 60—61.

Сенетско-Ивановский завод начал плавку чугуна в 1791 г. За три года работы было выплавлено 47 200 пуд. чугуна, в том числе в 1793 г. — 30 тыс. пуд. Затем наступил длительный перерыв в работе домы. Характерно, что Ярцов тоже сообщал, что домна этого завода большей частью бездействовала.

Три выходца из Тульской оружейной слободы — Демидов, Баташов и Мосолов — положили начало крупнейшим в России металлургическим хозяйствам. Из остальных выходцев Тульской оружейной слободы сумели сохранить за собой заводы до конца столетия только Красильниковы, но результаты их предпринимательства были более скромными — за ними числилось всего два предприятия.

К мануфактурной промышленности тульский оружейник Лукьян Маркович Красильников приобщился не без помощи двоюродного брата Ивана Евсеевича Небогатова. Последний тоже родился в Туле, но издавна оставил родину, подвизался в Казани на канцелярских должностях, одновременно занимаясь винокурением и подрядами. В 1724 г. он получил в свое распоряжение Саралинские заводы, основанные казной и к этому времени бездействовавшие. В том же году он пригласил в компанию Лукьяна Красильникова с братом Семеном. Небогатов, надо полагать, был заинтересован не столько в капиталах Красильниковых, людей со средним достатком, сколько в их производственном опыте, организаторских способностях, ибо сам он должен был продолжать службу. В следующем, 1725 г. компаньоны исхлопотали у казны передачу им бездействовавшего Елабужского железоделательного завода, с тем чтобы организовать на нем медеплавильное производство.

Возобновление действия казенных заводов не принесло прибыли компаньонам. В 1727 г. Лукьян Красильников в одном из доношений в Берг-коллегию сообщал, что «по отдачи нам те медные заводы и рудокопии, хотя и с убытком, нежели прибылью, производим»¹⁷⁹. Об убыточности эксплуатации казенных Саралинских заводов говорит и желание Красильникова перенести завод на другое место. «А для лутчаго размножения с братом Семеном в Казанском уезде в селе Сараль по реке Коринке пониже мельницы, которую они сняли у саралинского ясадного крестьянина Герасима Полулекина из платежа с нее оброчных денег для плавки медных и железных руд построить водяные заводы», — писал Л. М. Красильников в 1729 г. в Берг-коллегию.

Позволительный указ на постройку завода Берг-коллегия вынесла 3 декабря 1729 г., а плавка меди на нем началась в 1732 г. Этот медеплавильный завод с четырьмя печами был построен на той же речке Коринке, на которой в конце XVII в.

¹⁷⁹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1396, л. 348.

построила Саралинские заводы казна. В отличие от этих последних завод, сооруженный Красильниковыми, получил наименование Коринского, или Ново-Коринского. Что касается Саралинского завода, то он был заброшен вследствие явной недостаточности снабжения его водой.

С остановкой Саралинского завода компания Небогатов — братья Красильниковы распалась. В начале осени 1731 г. компаньоны поделили между собою оборудование Саралинского завода и стали строить предприятия самостоятельно: Красильниковы — Коринский, а Небогатов — Шилвинский заводы¹⁸⁰. Хотя Берг-коллегия еще в 1727 г. обнаружила, «что они, Небогатов и Марков (Красильников. — Н. П.) к завоцкому производству охоту и прилежность имеют немалую», развитие хозяйства у них протекало крайне медленно, особенно у Небогатова.

К строительству второго завода фирма Красильниковых приступила в 1752 г. Основателем его был Григорий Семенович Красильников, заключивший 5 августа 1752 г. контракт с Оренбургской губернской канцелярией на постройку Архангельского медеплавильного завода в Уфимском уезде на речке Шаране. Плавка меди на нем началась 22 августа 1754 г. Архангельский завод, как и Коринский, был оборудован четырьмя печами и имел такую же производительность — не более 1200 пуд. меди в год.

Третий завод, Шилвинский, тоже медеплавильный, перешел к Петру Лукьяновичу Красильникову, племяннику Семена Григорьевича, от Небогатова. Один из наследников Ивана Евсеевича Небогатова, основателя Шилвинского завода, безнадежно запутался в долгах и вынужден был заложить половину завода с купленными крестьянами П. Л. Красильникову за 2 тыс. руб. сроком на два года. Взятые под залог деньги своевременно не были возвращены, и половина Шилвинского завода оказалась в руках Красильникова в 1759 г.¹⁸¹ Второй половиной Шилвинского завода П. Л. Красильников овладел в 1763 г.¹⁸²

Четвертый завод, в отличие от первых трех медеплавильных, был доменным и передельным. Его строил Григорий Красильников по указу Берг-коллегии 1761 г. в Оренбургской губернии. Завод стоял на двух речках — домна на Илдинке, а два молота на Колтее. Пуск завода относился к 1766 г., причем его производительность отличалась резкими скачками. Так, в 1766 г. на нем было вымолвлено около 12 тыс. пуд. чугуна, а в следующем — менее 4,4 тыс. пуд.¹⁸³

¹⁸⁰ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 697, л. 236; кн. 2290, л. 121; ф. Сената, кн. 1510, л. 588.

¹⁸¹ Там же, кн. 748, лл. 300, 409, 410.

¹⁸² Там же, кн. 2204, л. 164.

¹⁸³ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. IV, ч. 2, стр. 334, 577, 583.

Вторую половину 60-х годов XVIII в. можно считать временем высшего расцвета заводского хозяйства Красильниковых. Последняя треть XVIII в. проходит под знаком медленного угасания этого хозяйства, оказавшегося в руках трех представителей фамилии Красильниковых.

Первым прекратил существование Илдианский завод. Его остановку, видимо, следует отнести к кануну крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева: во-первых, этот завод не значится ни в одном из списков предприятий, которым больший или меньший ущерб нанесла крестьянская война; во-вторых, причиной остановки предприятия ведомость 1778 г. о недействующих заводах называет отсутствие руды¹⁸⁴.

Крестьянская война не оказала сколько-нибудь существенного влияния и на остальные заводы Красильниковых. Только два их предприятия были включены в ведомость заводов, которым был нанесен ущерб, причем в такую ведомость, где значились предприятия с самыми незначительными убытками.

Шилвинский завод Петра Красильникова во время обследования его комиссией бездействовал, хотя он и не подвергся разрушению, а припасов и материалов даже по явно завышенным сведениям заводовладельца было уничтожено всего на 820 руб. Медленное восстановление завода комиссия объясняла отсутствием средств у заводовладельца и его «нерачением». Комиссия отклонила объяснение причины остановки завода отсутствием руды, ибо из 151 рудника в эксплуатации находились только два. В то же время Петр Красильников «смотрение над заводом поручил... сыну своему, который вместо того, чтоб быть при своем заводе, препровождает время в Мензелинске» и даже не прибыл на завод по вызову комиссии¹⁸⁵.

О финансовых затруднениях Петра Красильникова свидетельствуют документы более позднего происхождения. В 1781 г. П. Красильников обратился в Берг-коллегию с просьбой прекратить взыскание накопившейся недоимки по трехчастной меди (2297 пуд.) и десятинной (129 пуд.). Свою просьбу П. Красильников мотивировал тем, что во время крестьянской войны его Архангельский медеплавильный и Илдианский доменный заводы были «разорены почти до основания». Оренбургское горное начальство тогда же засвидетельствовало, что Красильников, «будучи хотя в крайнем недостатке, прилагает однако ж всевозможные силы, дабы заводы свои иметь в наивсегдашнем действии и доказать старается, что он не для лица содержит оной». Однако Берг-коллегия не удовлетворила ни просьбы П. Красильникова, ни ходатайства Оренбургского горного начальства на том основании, что в ее распоряжении нет никаких данных

¹⁸⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1371, л. 510.

¹⁸⁵ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4206, л. 127.

о разорении заводов, и сам Красильников на этот счет не подавал никаких челобитных, «но вздумал о том показывать и просить в начальстве спустя от того замешательства через немалое время».

Сын Петра Красильникова Николай в 1797 г. «продал» Шилвинский завод Алексею Матвеевичу Меньшому Подьячеву¹⁸⁶. Таким образом, за Красильниковыми в конце XVIII в. числилось два предприятия: Коринский медеплавильный завод за коллежским комиссаром Семеном Красильниковым и Архангельский за наследниками прапорщика Красильникова. Архангельский завод влачил жалкое существование, его среднегодовая производительность в 1783—1795 гг. не достигала 500 пуд., причем в 1794 г. снизилась до 143 пуд., а в 1795 г. — до 63 пуд. Производительность Коринского завода была еще ниже: за 14 лет (1783—1796) на нем было выплавлено лишь 5437 пуд. меди¹⁸⁷.

Седьмым выходцем из Тульской оружейной слободы был Василий Онуфриевич Арехов или Орехов. Хотя этот заводовладелец принадлежит к числу явных неудачников, тем не менее формирование его промышленного хозяйства заслуживает пристального внимания хотя бы потому, что во второй половине XVIII в. это была единственная из известных нам попыток мелкого товаропроизводителя организовать мануфактурное производство. Правда, и до постройки вододействующего завода хозяйство Арехова, состоявшее из ручных горнов, было довольно крупным: в однодворческом с. Уткине Засосенского стана Елецкого уезда он имел пять горнов; столько же горнов у него было и в с. Дубовском Воронежского уезда.

Производство Арехова с 1753 г. вступило в новую стадию развития: в этом году он испросил у Берг-коллегии разрешение перенести пять горнов за пределы с. Уткина в более безопасное в пожарном отношении место — на речку Репицу. Это перемещение производственных сооружений сопровождалось новшеством — увеличением числа горнов на новом месте, а главное — постройкой вододействующего молота. Арехов мечтал и о более серьезных начинаниях: «А сверх того, — добавлял он в своем доношении, — по усмотрении ево и по опробации, ежели то место пристойно будет, он желает построить и доменный завод».

Облюбованное Ареховым место на речке Репице было найдено не им, а тульским купцом Яковом Поповым, который еще в 1740 г. получил разрешение на постройку там вододействующего завода. Дело, однако, ограничилось сооружением в 1741 г. сыродутных печек. Это скромное хозяйство Попов передал

¹⁸⁶ См. стр. 313—314.

¹⁸⁷ «Горнозаводская промышленность Урала...», стр. 114, 115.

сыну Марку, успехи которого были более значительными. В 1748 г. М. Я. Попов донес, что построил три плотины. Израсходовав на это имевшиеся средства, Попов принял в компанию московских купцов Ивана и Михаила Турчаниновых. Помимо плотин, компаньоны построили и какие-то производственные сооружения, так как завод «в малом уже действии и находился», но затем был полностью уничтожен двумя пожарами в 1752 и 1753 гг. Вследствие того, что Попов «пришел во изнеможение и впредь тот свой завод в скорости построить и привести в надлежащее состояние не может», Берг-коллегия исключила его из числа заводовладельцев, а место передала Арехову¹⁸⁸.

Арехов, в отличие от своих старших и давно разбогатевших коллег, порвавших с Оружейной слободой, таких, как Демидовы, Баташовы, Мосоловы, был еще тесно связан с нею и обременен обязанностями, возложенными на тульских оружейников. Тульская оружейная канцелярия в 1753 г. потребовала от провинциальной администрации Ельца, чтобы она выслала Арехова «в работу по оружейному ствольному мастерству молодобойцом з женою и з детьми, под караулом». Только вмешательство Берг-коллегии, разрешившей Арехову нанять молодобойца вместо себя, избавило его от необходимости оставить строительство вододействующего завода¹⁸⁹.

Строительство завода затянулось. Только в 1757 г. доменный и переделный завод, получивший название Репицкого, начал плавку чугуна. Его пуску предшествовал слом имевшихся 10 ручных горнов. Мечта Арехова выбиться в мануфактуристы была, наконец, осуществлена. Но финансовые ресурсы нового заводовладельца были, видимо, невелики, что не только тормозило развитие промышленного хозяйства, но в конечном счете привело его к упадку и запустению. Кроме того, положение мануфактуриста усложнялось враждебными действиями соседившего с заводом помещика Иосифа Ивановича Кожина. Этот отставной капитан, будучи депутатом Уложенной комиссии 1767—1768 гг. от дворян Кашинского уезда, неоднократно выступал на ее заседаниях против проникновения разночинцев в ряды дворянства и предоставления этим лицам таких сословных привилегий, как право покупать крестьян и землю. Кожин, кроме того, являлся автором любопытных рассуждений о том, кому следует разрешить заниматься предпринимательством. Дворяне обремененные государственной службой, не должны были, по его мнению, владеть фабриками потому, что от «несмотрения за ними» они могут понести большие убытки. Купцам тоже нельзя владеть мануфактурами «ибо при фабричном

¹⁸⁸ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 277, лл. 283—288, 296.

¹⁸⁹ Там же, д. 262, лл. 351, 354.

производстве хозяину должно быть безотлучным на самом месте и не полагаться на прикащиков, из которых мало находится порядочных, а много разорителей». На вопрос, кому же целесообразнее всего заниматься предпринимательством, Кожин отвечает: отставным дворянам, «которые сами, имея над оными (мануфактурами.— Н. П.) присмотр и могут ими пользоваться, не препятствуя хлебопашеству»¹⁹⁰.

Первые сигналы о недружелюбных действиях Кожина относятся к 1764 г., когда в мае месяце вследствие обильных дождей была размыта плотина. Крестьяне Лебедянской вотчины Кожина, поощряемые своим владельцем, неоднократно совершали нападения на людей, ремонтировавших плотину, разгоняя и избивая их. В следующем, 1765 г. Арехов отправил своего приказчика для покупки руды и горнового камня. Во время проезда приказчика через вотчину Кожина на него напали до 20 крестьян и будто бы отняли у него 350 руб.¹⁹¹

В эти же годы Арехов обратился в Берг-коллегию еще с одной жалобой на своих противников, но уже совершенно из другой среды.

Неподалеку от завода Арехова действовали ручные горные елецких купцов Петра Зыкова и Никиты Криворотова и романовского купца Ивана Терпугова. Арехов, сам в недалеком прошлом владелец ручных горнов, теперь обвинял мелких товаропроизводителей в том, что они перекупкой руды у крестьян чинят его заводу «подрыв»¹⁹².

Эта жалоба является свидетельством не силы, а слабости Арехова; ее следует считать признаком крайней чувствительности Арехова к колебаниям цен на сырье, что подтверждает его финансовые затруднения.

Слабые финансовые возможности Арехова подтверждаются и другими фактами. Так, в 1770 г. он донес, что прекратил ремонт домны с 1 января. На замену мехов, вала, водяного колеса и ремонт горна Арехов затребовал год, причем обратился в Берг-коллегию с просьбой, чтобы она в течение года, когда будет производиться ремонт, не взыскивала с домны 100 руб. оброчных денег. Берг-коллегия усмотрела в этом «умысел к неплатежу положенного с домен 100-рублевого оклада», так как по горному законодательству освобождению от уплаты оброчных денег подлежали лишь навсегда остановленные домны, а не те, «кои будут в остановке от починок». По этому поводу между Ареховым и Берг-коллегией завязалась оживленная переписка: первый с безнадежным упрямством добивался предоставления просимой льготы, а вторая грозила штрафом и обви-

¹⁹⁰ Сб. РИО, т. 4, стр. 172, 192.

¹⁹¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1241, лл. 271, 279.

¹⁹² Там же, л. 265.

няла заводчика в том, что он умышленно уклоняется от уплаты подати¹⁹³.

Между тем вражда между Кожиным и Ареховым нарастала. Опираясь на неприкосновенность депутата Уложенной комиссии и на безразличие Берг-коллегии к жалобам Арехова, Кожин более решительно повел наступление на Репицкий завод. Действия Кожина, приведшие в 1773 г. к разорению завода, с драматическими подробностями описаны в доношениях Василия Арехова и его сына Федора.

Первая челобитная с краткой информацией о том, что в ночь с 9 на 10 июня 1773 г. крестьяне Кожина напали на Репицкий завод и разорили его, была подана сыном заводладельца. В более пространной челобитной, поданной отцом, сообщались детали операции, предпринятой Кожиным. В первую ночь в нападении на завод участвовало около 100 крестьян. Находившийся на заводе сын Арехова вместе с работными людьми и окрестными жителями, доставившими руду и уголь, укрылся в «хоромах». Люди Кожина ограничились захватом инструментов.

На следующий день Кожин прислал подкрепление в 500 чел., что позволило нападавшим действовать более решительно. Они разобрали звенья забора «и в страх сыну моему и рабочим людям стали превеликие огни жечь». Нападавшие сожгли заготовленный уголь, однако напасть на сына заводладельца не рискнули, так как он пригрозил применением огнестрельного оружия.

Нервы Федора Арехова не выдержали, и вместе с семьей он бежал с завода, оставив для охраны имущества семь рабочих людей. После этого люди Кожина действовали почти беспрепятственно. Караульщики были без труда связаны, привезены к Кожину, а оставшееся имущество подверглось полному разграблению.

Арехов поспешил составить «реестр, коликое число чего именно движимого и недвижимого имения при заводе имелось и что пограблено», причем включил в этот реестр на 13 листах все, что подсказала буйная фантазия человека, стоявшего на пороге помешательства. Среди похищенных ценностей упоминались 12 мешков с серебряной монетой на 1000 руб. в каждом, лятаки, хранившиеся в чулане, на 1400 руб., серебряная посуда на 670 руб., фарфор на 193 руб., парча на 600 руб., жемчуг на 650 руб., готовое железо на 2 692 руб., котлы пивные на 842 руб. и т. д. Общую сумму понесенного убытка Арехов определил в 32 617 руб.

Только в январе 1775 г. на завод прибыл унтер-шихтмейстер Василий Ключарев, описавший его состояние в присутствии

¹⁹³ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 3867, лл. 412, 413.

Арехова. Погром был всеобщим — из заводского оборудования, сырья и инструментов в целости остались только плотины (верхняя и нижняя) и заготовленная руда. Все остальное, в том числе домна, молотовые и дом заводовладельца, было разрушено, металлические части сбиты и увезены, а деревянные либо порублены, либо сожжены. Сенат, рассматривавший жалобу Арехова, признал, что «вышеописанной ево, Арехова, завод разорен до основания», но, «оставшись долгое время без действия», не причинил ущерба казне, да и истец мог бы получить удовлетворение. Ввиду этого Сенат предписал Берг-коллегии, «учиня надлежащее рассмотрение, сделать в непродолжительном времени согласное с законом решение»¹⁹⁴.

Не дождавшись решения Берг-коллегии, Арехов, вернее, его дочери, в декабре 1775 г. во время пребывания Екатерины II в Туле вручили ей жалобу. Императрица поручила произвести расследование генерал-поручику Афанасию Семеновичу Жукову. В этих условиях Кожину не удалось уйти от ответственности, ибо его виновность не подлежала сомнению. Хотя приказчик Кожина в соответствии с нравами XVIII в. пытался встречными челобитными затянуть следствие на многие годы и в судной из них сообщал, что нападению подвергся не Репицкий завод, а крепостные помещика, посланные «для рыбной ловли в дачах наших», Кожин вынужден был признать себя виновным. Помещик не отрицал факта набегов на завод и в ответе на прямой вопрос следователя написал, что крестьян он посылал ловить рыбу, «а учинили ль грабеж и были ль при том люди ево, о том он не знает».

Кожин обязался в течение 1776 г. на собственные средства и «своими людьми и крестьяны выстроить и поставить совсем на ходу в действии» Репицкий завод. Восстановлению подлежали домна, два молота, колотушечный амбар, мельница, дом Арехова и людские избы, а также забор, ворота и сушильная изба. Что касается компенсации за личное имущество Арехова, то враждовавшие стороны дали запись, что они в «разграблении имения» сочлись.

Кожин в срок не выполнил обязательства, но все же в 1778 г. домна была восстановлена, молотовая переоборудована под сукновальню, а колотушечный амбар — под пильную мельницу. Кожин заявлял, что «осталось достроить только механические и горные работы, коих он без показания Арехова строить не может». Но Арехов в это время находился в состоянии крайнего душевного расстройства и никакой технической консультации, разумеется, дать не мог. Не помогло и предписание Берг-коллегии, вынесенное 23 июля 1778 г., о том, чтобы Арехов «сей завод по получении того указа в два месяца пустил в

¹⁹⁴ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4070, лл. 60—63, 67.

действие непременно». Указ содержал угрозу: «Если же в то время сего исполнено им не будет, то у него оной завод, яко у нерадивого, отнят и отдан другому будет». Завод не был восстановлен, последняя плавка чугуна на нем состоялась в 1769 г., когда было получено 5552 пуд. чугуна. Репицкий завод, таким образом, действовал в течение 12 лет (1757—1769 гг.).

Рассмотренные здесь семь фамилий промышленников на протяжении XVIII в. владели 96 заводами. Доля участия в основании предприятий каждой из промышленных династий представляется в следующем виде. Демидовы владели 54 заводами, из которых к концу XVIII в. сохранили за собою 29. Роль Баташовых и Мосоловых была значительно скромнее: первые владели 18 заводами, а вторые 15, причем Баташовы сохранили за собою 13, а Мосоловы только 8 предприятий. Таким образом, Демидовы, Баташовы и Мосоловы основали и приобрели 87, а удержали к концу столетия 50 заводов. На долю остальных четырех выходцев из Тульской оружейной слободы приходится 9 заводов, из которых в числе действующих осталось только четыре. Остальные 5 заводов либо были проданы, либо исчезли из списка действующих предприятий. Исчезли из списков заводоладельцев Арехов и Данилов.

Обращает на себя внимание общность судеб промышленных комплексов трех заводоладельцев. Бурный рост хозяйства Демидовых падает на первую половину XVIII в. Он связан с деятельностью энергичных стяжателей — комиссара Никиты Демидова и его двух сыновей — Акинфия и Никиты. Особенно преуспел Акинфий, сумевший за два десятилетия самостоятельного предпринимательства увеличить размеры промышленного хозяйства в 3,5 раза. Грандиозные успехи Акинфия Демидова связаны с исключительно благоприятными условиями, в которых действовал этот незаурядный организатор производства. Ни один из промышленников недворянского происхождения за всю историю металлургии XVIII в. не пользовался такими льготами и привилегиями, какие были предоставлены Акинфию Демидову.

Вторую половину XVIII в. можно назвать временем упадка предпринимательства Демидовых. Все они в конце XVIII в. владели меньшим количеством заводов, чем два сына комиссара Никиты Демидова — Акинфий и Никита. Перед нами яркий пример вырождения промышленной династии, превращения потомков стяжателей и крупных организаторов производства в беспечных расточителей.

Если внимательно присмотреться к эволюции хозяйства Баташовых и Мосоловых, то можно заметить те же явления, что и у Демидовых, с тем, однако, различием, что они протекали с опозданием на несколько десятилетий. В то время как во второй половине XVIII в. хозяйство Демидовых вступило в полосу

застоя, промышленный комплекс Мосоловых продолжал развиваться, а комплекс Баташовых вступил даже в полосу расцвета. Внуки Баташовых и Мосоловых оказались предприимчивее внуков комиссара Никиты Демидова; они продолжали выступать организаторами производства и приложили немало усилий для освоения новых горнорудных районов.

Но частные различия лишь подчеркивают то общее, что характерно для мануфактуры и мануфактуристов России конца XVIII в. Промышленные хозяйства, развивавшиеся на основе феодальных монополий и привилегий, будучи тесно связаны с абсолютизмом и крепостной системой в целом, разделили участь этой системы, вступившей в стадию разложения.

КУПЕЧЕСКИЕ МАНУФАКТУРЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

Территорию Европейской России можно разделить на два металлургических района — Подмосковный и Олонецкий, начавшие формироваться еще в XVII в. Это районирование, разумеется, условно. Наиболее компактным и четким следует считать Олонецкий металлургический район. Что касается Подмосковного района, то в него включены все заводы, расположенные южнее Москвы и разбросанные на громадной территории, вплоть до бассейна Дона. Намеченные районы различаются как по природным, так и по социальным условиям. Если подмосковная металлургия развивалась преимущественно в районе со значительным удельным весом крепостного населения, то в Олонецком крае помещичьего землевладения почти не было. Это обстоятельство наложило отпечаток на состав рабочей силы предприятий. Районы отличались также происхождением капиталов, вложенных в металлургию, и назначением заводов: промышленники Подмосковья ориентировались преимущественно на сбыт изделий внутри страны, в то время как металлурги Олонца рассчитывали на продажу железа за границу.

Ранее всех, еще в первой половине XVII в., начал формироваться Подмосковный металлургический район.

Самым ранним хозяйством Подмосковья, своими истоками уходящим в XVII в., было хозяйство Меллеров. «Первозаведенные» ими в России предприятия работали на казну, изготавливая военные припасы.

Меллеры были потомками иностранцев. В XVII в. они обрусели и влились в состав русского купечества. Им принадлежали Угодские и Истинские заводы.

Угодских заводов было два. В Малоярословецком уезде на р. Угодке действовал Нижний Угодский завод (он же Нижний Торговый), оборудованный тремя молотами и двумя домнами. Лишь в тех исключительных случаях, когда по заданию Канцелярии главной артиллерии производилось литье большого количества крупных орудий (пушек, мортир, гаубиц), в действии находились обе домны. В остальное время плавка чугуна производилась в одной домне — «в летнее за оскудением, а в зимнее за вымерзанием воды». В ведомости, поданной в 1747 г., Меллеры подчеркивали высокое качество литья. Они признавали превосходство уральского железа, но уральский чугун в

литые артиллерии, писали они, «против выплавленного на наших заводах чугуна добротою не придет». Руда доставлялась из рудников, расположенных в Оболенском уезде, в 7—12 верстах от завода. Второй Угодский завод — Средний Угодский — был передельным, на нем стоял один молот. В Боровском уезде на р. Истье на наемной земле стоял Истинский молотовый завод Меллеров, оборудованный тремя молотами¹.

Угодский и Истинский заводы, основанные в середине XVII в. недалеко от столицы, стали испытывать в конце первой трети XVIII в. недостаток в сырье, дровах, угле и других материалах².

В первой половине XVIII в. Меллеры построили еще два завода. Один из них — Меншовский — в Оболенском уезде на оброчной земле Пафнутьева Боровского монастыря на р. Нечайке Меллеры пустили в 1705 г. Его строительство было вызвано возросшей потребностью армии в артиллерии в связи с Северной войной. Особенно крупный и срочный заказ Меллеры получили в 1704 г. Это и вынудило их в срочном порядке без детального обследования места приступить к постройке Меншовского завода. Позже выяснилось, что работу предприятия жестко лимитировали водные ресурсы, и поэтому в работе его домны бывали значительные перерывы. Например, в 1733 г. Меллеры показали, что с 1730 г. «оной Меншовский завод стоит впусе»³.

Летом 1745 г. с Меншовским заводом приключилась беда. В ночь на 4 июля пошел «сильной и чрезвычайной дождь», «ничтожная» речка Нечайка разнесла плотину, амбары, где хранилась готовая продукция, сырье и уголь, наполнила водою доменную печь в два человеческих роста. По заключению Меллеров, разрушения, причиненные ливнем, были настолько значительны, что надлежало «все строить вновь».

После этого Меншовский завод стал предметом спора Берг-коллегии с его владельцами. Первая, разумеется, ради «казенного интересу» настаивала на том, чтобы завод был восстановлен и пущен, а вторые под всякими предлогами уклонялись от этого⁴.

В 30-х годах Меллеры предприняли неудачную попытку обзавестись медеплавильным заводом в Пустозерском уезде Архангелогородской губ. Там на речке Суве москвитянину Садовой слободы «купецкому человеку» Егору Маркову еще в 1728 г. дано было разрешение построить завод, но через пять лет он «за недовольством своего капитала» уступил это место Меллерам. В начале 1734 г. Меллеры снарядили в Архангело-

¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1006, лл. 307—312.

² Там же, кн. 1406, л. 11.

³ Там же, л. 10.

⁴ Там же, кн. 958, лл. 420, 421.

городскую губ. экспедицию во главе с бергместером Штифтом. Из-за дальности расстояния и тяжелых климатических условий экспедиция не удалась. В доношении, поданном в апреле 1736 г., Меллеры предупреждали Коммерц-коллегию, чтобы та не уповала, «якобы те заводы ныне имеются у нас в действии», ибо там нет даже никаких построек⁵. Никаких свидетельств о намерении Меллеров предпринять новую попытку построить медеплавильный завод в Архангелогородской губ. в делах Берг-коллегии нами не обнаружено.

Но четвертым заводом Меллеры все же обзавелись, только не медеплавильным и не за тридевять земель, куда следовало добираться на оленях, а рядом с уже действовавшими их же предприятиями — в Медынском уезде. Удобное место они отыскали еще в 1738 г. в дворцовой Морозовской волости на р. Извере, где «лесов немалое довольство». Надобность в новом предприятии Меллеры объясняли тем, что при старых заводах «в летнее время в прудах вода весьма высыхает и затем как в домнах, так и в молотовых амбарах в приготовлении железа и припасов бывает крайняя остановка». Изверский завод был оборудован двумя молотами и начал ковку железа, видимо, в 1741 г.

К середине XVIII в. Меллеры владели тремя действовавшими предприятиями, из которых два были «старозаведенными», унаследованными от XVII в., и один — пущенный в 1741 г. Четвертый завод — Меншовский — действовал в течение 40 лет. После разрушения его в 1745 г. Меллеры его не восстанавливали. Промышленное хозяйство обслуживали крестьяне дворцовой Вышегородской волости, которых, по данным второй ревизии, насчитывалось 4 579 душ. Все заводы и Вышегородская волость в 1751 г. оказались в руках сенатора Александра Ивановича Шувалова, использовавшего свое положение вельможи. На этом оборвалась промышленная деятельность Меллеров.

Историю чисто русских купеческих фирм в металлургии открывают Рюмины. Накопление капиталов этой многолюдной купеческой семьей, которую до 1726 г. возглавлял гостиной сотни Кузьма Наумович Рюмин, совершалось путем подрядных операций и винокурения. У К. Н. Рюмина было три взрослых сына — Панкрат, Яков и Илья, подобно отцу тоже выполнявших винные подряды по поручению различных учреждений⁶. Основатель промышленной династии К. Н. Рюмин составил в 1726 г. завещание, из которого следует, что он, кроме Петербурга, поставлял вино в Астрахань, Нижний Новгород, Ярославль, Переславль Рязанский и на Ладожский канал. Его младший сын Яков обязался в 1723 г. поставить на московские питейные

⁵ Там же, кн. 1070, лл. 120, 121; кн. 1401, л. 61.

⁶ ЦГАДА, ф. Подрядной конторы, д. 1711, лл. 1, 3, 4.

дворы 20 тыс. ведер вина и столько же в 1724 г. Средний сын Илья в 1723 г. заключил контракт на поставку в Москву 25 тыс. ведер вина.

Рюминым в 30-х годах XVIII в. принадлежало семь винокуренных заводов, из которых пятью владел Яков Рюмин. По одному заводу было у Ильи и Панкрата Рюминых.

Большую часть поставляемого в казну вина Рюмины курили на собственных заводах, но не избегали покупки его в украинских городах.

Винные подряды не являлись единственным занятием Рюминых. Наряду с ними они вели крупные торговые и откупные операции. Панкрат Рюмин, например, в 1726 г. купил для последующей розничной продажи привезенное Коммерц-коллегией из Франции виноградное вино за 4844 руб. В следующем году он заключил подряд на доставку в Петербург крупной партии продовольствия — 2400 четвертей муки и 50 четвертей крупы⁷.

В 1737 г. имущество Рюминых за крупные недоимки было отписано в казну. Из документов Канцелярии конфискации, в которых перечислены долги Рюминых и составлена опись их имущества, явствует, что Илья не внес причитавшихся с него конских и табачных денег, сбор которых он держал на откупе. Если у Ильи Рюмина недоимка по откупам была незначительной (193 руб.), ибо невелика была сумма сбора, то у Якова Рюмина, державшего откуп по сбору таможенных и кабацких денег в с. Перевлес, сумма долга казне составляла 1995 руб.⁸

Приведенные сведения о торгово-промышленной деятельности Рюминых свидетельствуют о значительной роли винокуренного, подрядов и откупов в накоплении ими капиталов. Забегая несколько вперед, можно даже сказать, что Рюмины начали свою карьеру в качестве винных подрядчиков и в этом же качестве ее закончили. Клонившееся к упадку хозяйство представитель третьего поколения Рюминых, Николай Панкратьевич, попытался поправить таким рискованным занятием, как корчемство, и, конечно, в 1754 г. был пойман с поличным. Рюмина ожидало наказание и ссылка на поселение в Оренбург, но в 1763 г. он был помилован Екатериной II.

Инициатором строительства металлургических заводов в семье Рюминых был Яков Кузьмич, получивший 25 октября 1713 г. разрешение построить завод во владениях Воскресенского монастыря на речке Улусе. Руду он намеревался поставлять из-под с. Залитяжья. Ровно через год Я. Рюмин донес, что завод построен «и к железному плавлению все в готовности, а без указа плавить не смеет». Разрешение начать плавку было

⁷ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 910, лл. 86, 87.

⁸ ЦГАДА, ф. Канцелярии конфискации, д. 2713.

получено 6 апреля 1715 г. Несколько месяцев работы завода вскрыли серьезные дефекты в организации производства. Оказалось, что на заводе «за умалением воды плавления железу чинится остановка». В челобитной, поданной 25 августа 1715 г., Я. Рюмин просил, «чтобы повелено было построить ему в прибавку к тем заводам домни и молотовые кузницы в Рязанском уезде в с. Залипьяжье на речке Истье, на земле помещика Алексея Татищева». Разрешение было дано, и плавка чугуна на Истинском заводе началась в июле 1717 г.⁹

В 1717 г. братья Рюмины вместе с Сидором Томилиным построили первую в России игольную фабрику, на которую по указу Петра I отданы были «игольного мастерства иноземцы, для обучения игольной фабрики российского народа против заморского дела». Содержание фабрики, оплата мастеров, особенно иностранных, покупка крестьян — все это требовало огромных расходов. Достаточно сказать, что только один Панкрат Рюмин с 1716 по 1724 г. заключил 84 сделки на приобретение 2 828 четвертей земли и 254 крестьянских дворов, израсходовав на это 15 604 руб.¹⁰

Промышленное хозяйство Рюминых было многоотраслевым. В дополнение к винокуренным и металлургическим заводам, а также к игольной фабрике Рюмины в 1725 г. организовали в купленном ими с. Клепикове парусно-полотняную мануфактуру, оборудованную 152 станками¹¹. Пока это сложное хозяйство развивалось под эгидой главы семьи Кузьмы Наумовича Рюмина, семье кое-как удавалось сводить концы с концами. Но в 1726 г. К. Н. Рюмин умер, и между сыновьями начались раздоры, подогреваемые возросшей подозрительностью в связи с постигавшими их неудачами¹².

Фактически фирма Рюминых прекратила свое самостоятельное существование в 1729 г., когда братья совершили раздел имущества. В течение последующих полутора-двух десятилетий Рюмины хотя и числились в списках мануфактуристов, но ресурсы их были настолько подорваны, а доверие в торгово-промышленном мире в такой степени потеряно в результате двукратной конфискации имущества Канцелярией конфискации, что они самостоятельно уже не могли вести хозяйство и вынуждены были приглашать в компанию более состоятельных купцов. С 1729 по 1733 г. Улусский и Залипьяжский заводы бездействовали, так как были опечатаны Канцелярией конфискации за непоставку Рюмиными вина. 11 марта 1733 г. Панкрат и

⁹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 810, лл. 444, 445; кн. 1072, лл. 139, 140.

¹⁰ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 909, л. 623; ф. Берг-коллегии, кн. 810, лл. 284—291.

¹¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 810, л. 206.

¹² Там же, кн. 1041, л. 548.

Илья Рюмины отдали оба завода в аренду на 10 лет рижскому купцу Генриху Янковичу и московскому купцу Богдану Белому. Ввиду распри между братьями аренда была прервана сенатским указом 13 октября 1738 г.¹³

Вследствие того, что Янкович и Белов своих обязательств относительно погашения недоимки братьев Рюминых не выполнили, заводы вновь попали под надзор Канцелярии конфискации и находились там в течение четырех лет. 12 февраля 1742 г. недоимка в сумме 23 544 руб., образовавшаяся на Рюминых с 1720 по 1730 г., была сложена, а заводы, пришедшие к этому времени в крайне ветхое состояние, возвращены Рюминым¹⁴.

В 1744 г., когда никого из братьев Рюминых уже не было в живых, вдова Панкрата Рюмина Марья Сидоровна пригласила в компанию московских первой гильдии купцов Степана Аврамовича Аврамова и Михаила Степановича Дроздова. Условия заключенного между ними контракта свидетельствуют о том, что у вдовы Рюминой совершенно отсутствовали средства для возобновления действия заводов. Рюмина передавала в распоряжение компаньонов заводы и полотняную мануфактуру, заготовленное сырье и имевшуюся налицо готовую продукцию. Денег она не вносила, «понеже вместо положенного от нас капиталу означенные железные заводы и фабрики построены и рудная земля куплена нашим собственным капиталом». Пай Дроздова и Аврамова составлял 20 тыс. руб., из которых 5 тыс. руб. предназначалось израсходовать на металлургические заводы, а остальные — на парусно-полотняную мануфактуру. Каждая из договаривавшихся сторон имела право на получение третьей части прибыли¹⁵.

Компания в составе Дроздова, Аврамова и Рюминой оказалась недолговечной. Во всяком случае она распалась значительно раньше десятилетнего срока, установленного контрактом. Осенью 1752 г. Марья Сидоровна Рюмина, ставшая к этому времени княгиней Килдишевой, доносила Берг-коллегии, что ее компаньоны «к тем железным заводам не имея более никакого рачения, выбрав из завода положенной свой капитал, живут в С. Петербурге»¹⁶. В том же 1752 г. Берг-коллегия производила проверку промышленного хозяйства Рюминых. Улусский завод оказался в полуразрушенном состоянии. Что касается Истинского-Залипяжского завода, то при минимальных затратах на нем можно было возобновить работу: домна и молоты были в исправности, плотина тоже «к водяному ходу готова». Княгине Килдишевой и ее пасынку Ивану Панкратьевичу Рюмину удалось пустить завод, но он действовал недолго.

¹³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 810, лл. 241, 242; кн. 1072, л. 142.

¹⁴ Там же, кн. 732, л. 602.

¹⁵ Там же, кн. 810, лл. 294—299.

¹⁶ Там же, кн. 732, л. 613.

В 1753 г. И. П. Рюмин доносил, что домна «за повреждением доменного ствола действием остановилась». Оказалось, что ее и восстановить было невозможно, так как «оная домна стоит с начала того заводу без перекладки более 30 лет»¹⁷.

Примерно таким же неустойчивым оказалось и хозяйство второй фирмы Рюминых, представители которой тоже были выходцами из Переславля Рязанского. У нас нет сведений относительно того, являлся ли основатель этой фирмы Герасим Федорович Рюмин однофамильцем упомянутых выше Рюминых или их дальним родственником. Первоначально Г. Ф. Рюмин вместе со своим сыном Никифором намеревался в 1729 г. построить вододействующий металлургический завод близ своего винокуренного Полянского завода в Пронском уезде Переславской провинции Рязанского, что свидетельствует о том, что и этот Рюмин был винокуром и винным подрядчиком. Отец и сын построили было шесть ручных горнов и уже приступили к строительству вододействующего завода, но тут неожиданно подвернулся случай купить готовое предприятие у Логинова¹⁸.

Гостиной сотни Лев Степанович Логинов в марте 1717 г. заявил, что «желает де он железные заводы завести вновь на мельничной своей плотине», построенной в 1716 г. в Пронском уезде на реке Истье, близ которой нашел железную руду. Истинский-Гулынский завод начал работу в 1719 г. Сразу же после смерти основателя завода Л. С. Логинова все его хозяйство попало в ведение Канцелярии конфискации. Последняя оценила совершенно развалившийся завод в несколько сот рублей, но сыну Льва Логинова Федору удалось продать описанное имущество, среди которого, помимо металлургического, значился и винокуренный завод, за 2500 руб.¹⁹ Акад. С. Г. Струмилин сообщает, что Лев Логинов был сначала «мастером стеклянного завода, а затем его определили в гостиную сотню». Однако проверить эти данные не представляется возможным, так как автор не называет источника, из которого они заимствованы²⁰. В то же время документально подтверждается причастность Л. С. Логинова к винным подрядам. В 1723 г., например, он обязался поставить в Москву 10 тыс. ведер вина²¹.

Надо полагать, что покупка завода Рюминым была вынужденной, так как Л. Логинов и два его взрослых сына были должны Рюмину свыше 1800 руб. Показателем полной неплатежеспособности Логинова является тот факт, что один из сыно-

¹⁷ Там же, лл. 603, 609, 613.

¹⁸ Там же, кн. 1041, лл. 47, 58—60.

¹⁹ ЦГАДА, ф. Канцелярии конфискации, д. 2713, лл. 124, 127.

²⁰ С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР, т. I, стр. 294.

²¹ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 816, л. 38.

вей покойного основателя завода так и умер, находясь под караулом Берг-коллегии.

Не имея надежды взыскать долг наличными, Рюмины решили в счет него взять у Логинова «ветхой водяной железной завод» вместе с винокуренным заводом на 20 казанов. Из продажной суммы в 2500 руб. 1500 руб. тут же были зачтены в счет погашения предъявленных Рюминым векселей.

Истинский-Гулынский завод перешел в собственность Г. Рюмина только в 1734 г., когда он полностью расплатился с Логиновым²². Через три года, в 1737 г., Герасим и Никифор Рюмины продали половину завода иноземцу Богдану Белову. Так как домна при заводе была одна, то условиями контракта было предусмотрено «домну содержать погодно», начав с 1737 г., когда заводом должен был распоряжаться Белов, а в 1738 г. — Рюмин, «а потом по тому ж один по другом переменяясь, владеть погодно без всякого спору»²³.

Вскоре круг лиц, причастных к эксплуатации Истинского-Гулынского завода, расширился. Сначала Богдан Белов в 1739 г. принял в компанью своего брата Георгия, а затем в 1741 г. оба они «за совершенным их в капитале недостатком» пригласили «в вечное общество и компанью в трех равных частях» английского купца Ивана Яковлевича Маэфа. В итоге всех этих пополнений состава компании половиной Истинского-Гулынского завода владел Герасим Рюмин с сыном Никифором, а второй половиной — два брата Беловых и Маэф. Компании иностранцев показалось тесно в рамках половины завода, и они решили построить новый доменный и передельный завод на р. Кирице. Компаньоны начали строить Кирицкий завод в 1739 г., но его сооружение продвигалось очень медленно, так как иностранные компаньоны успели быстро рассориться. Они продемонстрировали такую нетерпимость друг к другу, с которой еще не были знакомы отечественные рыцари первоначального накопления. За европейской чопорностью скрывались хищные нравы, и вцепившихся друг в друга компаньонов пришлось разнимать правительственным инстанциям самого высокого ранга.

Так как братья Беловы оказались в компании в большинстве, то им без труда удалось в 1745 г. отстранить Маэфа от дел²⁴. Конфликт принял такие размеры, что им занимался Сенат, так как Берг-коллегия была бессильна успокоить страсти. Сенатским указом 24 августа 1748 г. велено было Кирицкий и Гулынский заводы передать в управление Берг-коллегии. Заводы стояли «без всякого действия, впусте до 1761 г.». Одновременно с остановкой части Истинского-Гулынского завода, принадлежавшей иностранцам, прекратила работу и вторая по-

²² ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1401, лл. 67, 69; кн. 1053, лл. 344, 346.

²³ Там же, кн. 810, л. 381.

²⁴ Там же, л. 397.

ловина этого предприятия, принадлежавшая Рюминым. Герасим Рюмин умер в 1747 г., а Никифор — год спустя, «и за умертвием их другая половина во объявленном Гулынском заводе и со крестьяны осталась ни у кого во владении». У умерших владельцев завода было много наследников, но никто из них не согласился получить наследство, так как стоимость его могла покрыть лишь небольшую часть долгов, оставленных Герасимом и Никифором Рюмиными²⁵.

Между тем Берг-коллегия и Сенат занимались урегулированием отношений между Беловыми и Маэфом. Основным предметом раздоров была доля участия компаньонов в паевых взносах. По подсчетам Маэфа, его сумма взносов составила 12 325 руб., в то время как два брата Беловых внесли только 14 754 руб., т. е. меньше, чем им следовало, почти на 10 тыс. руб. Указом 27 апреля 1761 г. Сенат признал Маэфа виновником затянувшейся тяжбы и определил взыскать с него в пользу братьев Беловых за неправо на них челобитье «проестей и волокит» по 20 коп. в день, начиная со дня затеянной ссоры — 26 октября 1744 г. Так как Маэф был признан также виновником бездействия заводов, то ему предписывалось уплатить Беловым 6% с суммы вложенного ими капитала. Всего Маэф должен был уплатить Беловым 7 722 руб. Виновник 17-летней склоки попытался уклониться от уплаты этой суммы и взамен денег предлагал потерпевшей стороне взять принадлежащую ему долю в заводах, но, очутившись в Берг-коллегии под арестом, стал покладистее и внес все сполна. В то же время компаньонам было предложено возобновить действие завода, причем Беловы должны были довести размер своих паев до пая Маэфа.

Между компаньонами наступило кратковременное перемирие. Заводы надлежало строить заново, ибо заводские строения оказались разрушенными. Компаньоны условились о распределении обязанностей, а именно — Беловы должны были ведать строительством завода, а Маэф — сбытом продукции. Взаимные жалобы, однако, продолжались.

15 марта 1764 г. Берг-коллегия вызвала компаньонов и предложила им подписаться, «чтобы они происходимые между ими по тому Кирицкому заводу бесполезные споры и несогласии оставили, и оной завод в совершенство привели и конечно не далее году». Развязка, однако, наступила значительно раньше. 25 мая 1764 г. Маэф умер. Его дочь первоначально отказывалась от завода по той причине, что за отцом «имеется великой долг», но затем вошла во владение своей частью предприятий²⁶.

²⁵ Там же, кн. 1176, лл. 305, 451.

²⁶ Там же, кн. 1196, лл. 1, 2, 19, 41, 207, 208, 243.

9 февраля 1767 г. дочь Маэфа продала свою долю завода обер-церемониймейстеру Матвею Федоровичу Кашталинскому, а последний 17 января 1773 г. уступил ее московскому купцу Ивану Ивановичу Боленсу²⁷. Смена владельцев несколько не отразилась на состоянии предприятия. Даже Боленсу, имевшему серьезное намерение восстановить завод, сделать что-либо для его пуска удалось не скоро. В апреле 1773 г. Боленс в связи с данным им обязательством завод «постройкою возобновить» начал хлопоты о том, чтобы были предприняты меры принуждения и по отношению к владельцу второй половины завода — Георгию Белову. Достичь этого не удалось, и дело кончилось тем, что Белов продал свою долю завода Боленсу. Последний, таким образом, превратился в единоличного владельца Кирицкого завода. Это обстоятельство значительно ускорило его пуск.

Кирицкий завод значился в числе действующих предприятий и в конце XVIII в., когда им владела вдова Боленса. Завод относился к числу самых мелких в России предприятий, использовавших энергию воды. Выплавка чугуна на нем в течение 1783—1791 гг. никогда не превышала 15 тыс. пуд. в год, но даже и такое небольшое количество чугуна завод не успевал переделывать в железо, поэтому домны нередко простаивали в течение нескольких лет подряд²⁸.

Любопытными фигурами среди промышленников-металлургов являются дворцовые крестьяне Миляковы. У Миляковых много общего с Рюмиными. Подобно последним, Миляковы занимались откупам, торговлей, но более всего их привлекали винные подряды и связанные с ними винокуренные заводы.

Самые ранние из найденных нами упоминаний о винных подрядах Миляковых относятся к 1723 г., хотя нет сомнений в том, что они ими занимались и раньше. В 1723 г. крестьянин с. Дединова Иван Васильевич Миляков заключил контракт на поставку «на московские питейные дворы с своих винокуренных заводов, которые имеет в Переславском уезде и в Краснослободском уездах, вина простого 35 тысяч, да покупного из малороссийских городов 15 тыс. ведер». В следующем году И. В. Миляков заключил контракт на поставку вина в московские питейные дворы со своих заводов, находившихся в Переславском уезде Рязанского в Селецкой слободке на речке Чернавке, и в Краснослободском уезде на речке Рябке (Ряпке)²⁹.

В 1754 г., в связи с указами об уничтожении винокуренных заводов в радиусе 200 верст от Москвы и запрещением купцам заниматься винокурением, Камер-коллегия составила веде-

²⁷ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1369, лл. 305, 306.

²⁸ «Горнозаводская промышленность Урала...», стр. 128, 129.

²⁹ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 816, лл. 41, 83, 975.

мость о винокуренных заводах, попадавших под действие этих указов. По этой ведомости, И. В. Милякову с племянниками принадлежал упоминавшийся выше завод в Селецкой слободе; в 1744 г. завод был оборудован 15 казанами емкостью в 132 ведра; в 1753 г. на нем было выкурено 4 тыс. ведер вина. У Андрея Милякова было два винокуренных завода, стоявших при металлургических предприятиях, один при Рябкинском, другой при Сивинском. Оба завода относились к числу средних, с 40 кубами и казанами емкостью в 168 ведер. Самый крупный завод — Ширинужский — принадлежал Алексею Тарасовичу Милякову. Он находился в Шацкой провинции и был оборудован 95 кубами и казанами емкостью в 1313 ведер. Есть указания, что Тарасу Милякову принадлежал завод в Тамбовском уезде. Все эти заводы Миляковы должны были либо сломать, либо продать дворянам. Найти покупателей им не удалось, и они вынуждены были закрыть заводы, кое-что продать «разным поблизости обывателям», а остатки употребить «к размножению канифасной фабрики» и «в пристройку к металлургическим заводам»³⁰.

Кроме выполнения винных подрядов и эксплуатации винокуренных заводов, Миляковы вели хлебную торговлю в Петербурге. При полюбовном разделе имущества между наследниками, состоявшемся в 1756 г., один из них получил доставленный в столицу хлеб³¹.

Приведенный выше материал дает достаточно четкое представление о происхождении капиталов дворцовых крестьян Миляковых: главным источником их обогащения следует считать винокурение и винные подряды, с которыми они не расставались даже и после того, как стали промышленниками-металлургами.

Сведения о начальных шагах братьев Тараса и Ивана Васильевичей Миляковых в металлургии довольно противоречивы. По одним данным, Воронежская губернская канцелярия указом 31 октября 1719 г. разрешила Т. В. Милякову близ р. Рябки на наемной земле искать руду, а также строить там металлургические и винокуренные заводы³². По другим данным, Миляковы построили Рябкинский завод в 1719 г., не имея на то указа, и исхлопотали его только 13 августа 1722 г. Так как завод был уже действующим, то в связи с этим промышленники получили освобождение от уплаты десятины только на один год. Позже льготный срок был продлен до 1 января 1725 г.³³ Рябкинский завод согласно этой версии был пущен в 1723 г.

³⁰ ЦГАДА, ф. Камер-коллегии, д. 30599, лл. 30, 243, 337, 352.

³¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 281, лл. 35—36.

³² Там же, кн. 1266, л. 3.

³³ Там же, кн. 1672, л. 41; ф. Сената, кн. 1136, л. 281.

Завод был оборудован домной и двумя молотами. В том же 1723 г. Миляковы сочли необходимым в двух верстах от завода построить новую плотину и поставить на ней две молотовые с целью «умножения железа». Разрешение было выдано 29 марта 1723 г.³⁴, но Миляковы им, кажется, не воспользовались, а в 1726 г. возбудили ходатайство о постройке в 30 верстах от Рябкинского завода в том же Краснослободском уезде молотовых «фабрик» на речке Сивине. Сивинский завод, расширенный к 1734 г., имел четыре действующих и четыре запасных молота.

Этот комплекс функционировал почти в неизменном виде в течение трех десятилетий. Производительность Рябкинского завода имела явную тенденцию к повышению: в 20-х годах она составляла 3—6 тыс. пуд. чугуна, в 30-х — поднялась до 10—12 тыс., а в 40-х годах завод давал иногда свыше 25 тыс. пуд. чугуна в год. Более быстрый рост производительности Рябкинского завода ограничивали, видимо, запасы руды. Рудники находились в радиусе 10—30 верст от завода, «токмо оных руд не богато»³⁵.

Много лет спустя, в 1754 г., Миляковым удалось разыскать в том же уезде новые месторождения руды и недалеко от них р. Авгару, на которой они решили поставить новый доменный и молотовый завод. Разрешение на постройку Авгарского завода было выдано в феврале 1754 г., а работа его домны и двух молотов началась в сентябре 1755 г.

Авгарский завод, как и Рябкинский, использовал относительно бедные руды, содержавшие не более 28% чугуна.

В середине 50-х годов XVIII в. промышленное хозяйство Миляковых состояло из трех заводов. На Рябкинском, помимо домны, возобновили работу два действующих и два запасных молота, находившихся в остановке до 1756 г. Оборудование Авгарского и Сивинского заводов составляли домна, шесть действующих и четыре запасных молота. Всем этим хозяйством нераздельно владели двоюродные братья Андрей Тарасович и Алексей Иванович Миляковы. По разделу, произведенному в 1756 г., первому из них достались Сивинский и Авгарский заводы, а второму — Рябкинский³⁶. Все три завода к концу XVIII в. выпали из рода Миляковых, не имевших наследников по мужской линии. Авгарским и Сивинским заводами владела Анисья Чеканщикова, а Рябкинский перешел к московскому именитому гражданину Андрею Шапкину.

В 30-х годах XVIII в. список подмосковных металлургов пополнился единственной новой фамилией — гостинного сына Алексея Григорьевича Большого Чирьева. Принадлежавший ему Истинский завод в Пронском уезде относится к числу

³⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 627, лл. 476, 478.

³⁵ Там же, кн. 1006, л. 315.

³⁶ Там же, д. 281, лл. 35—38.

мелких предприятий. Завод хотя и был вододействующим, оборудованным домной, двумя действующими и одним запасным молотами, но давал всего 2—3 тыс. пуд. железа в год.

Истинский завод был пущен в 1737 г., но действовал непродолжительное время, ибо все заводское строение, в том числе и плотину, снесла внешняя вода. Промышленник должен был строить завод заново. Новая домна начала плавку чугуна в 1747 г.

Завод Чирьева стоял на той же речке Истье, на которой ранее были построены Гулынский завод Б. Белова и Герасима Рюмина и Залипяжский завод Панкрата Рюмина. Так как Чирьев построил свой завод близ дер. Бардаковой, то он нередко назывался Истинским-Бардаковским. Руда для него добывалась близ с. Залипяжья: «И руда в том поле в земле, а не наруже лежит местами, а не непрерывными слоями и на сколько лет той руды стать может, того познать никак невозможно»³⁷.

В 1752 г. основатель завода умер, оставив наследницей молоденькую дочь Матрену. Предприятием управляли братья покойного: по 1758 г. отставной секунд-майор Алексей Григорьевич Меньшой Чирьев, а затем в течение двух лет Василий Григорьевич Чирьев. Матрена Чирьева в 1760 г. вышла замуж за секунд-майора Александра Михайловича Шувалова.

Майорша Шувалова вступила во владение заводом в 1762 г. За то время, когда предприятие находилось в управлении дядьев, оно пришло «в такое несостояние, что все строение погнило и развалилось». Шувалова должна была строить все сооружения заново. 28 мая 1763 г. она получила разрешение на постройку домны, а через год донесла, что вновь надлежит сооружать не только домну, но и молотовую, а также плотину, ибо «бес постройки вновь той молотовой, також и плотины и протчаго принадлежащего к действию завода обойтись никак невозможно».

Факт непригодности домны для эксплуатации был подтвержден асессором Арбузовым, и в его достоверности сомневаться не приходится. Что же касается молотовой и плотины, то Шувалова явно сгущала краски, ибо рассчитывала представить дело так, что она не реконструирует предприятие, а строит его заново. Такое освещение дела было выгодно ей, так как в этом случае она могла бы получить освобождение от платежа десятины сроком на 10 лет. Берг-коллегия отказала в просьбе Шуваловой³⁸.

Думается, что побудительным мотивом восстановления Истинского-Бардаковского завода являлось не стремление

³⁷ Там же, кн. 1006, лл. 282, 284, 285а.

³⁸ ЦГАДА, ф. Берг-конторы, д. 150, лл. 1, 2, 5, 7.

должным образом организовать промышленное производство, а боязнь быть исключенной из списка мануфактуристов, что неизбежно повлекло бы лишение права пользоваться купленными к заводу крестьянами.

Восстановленное предприятие продолжало влачить жалкое существование и, видимо, к началу 70-х годов прекратило работу. В 1772 г. Матрена Шувалова решила продать завод московскому первой гильдии купцу Демиду Акимовичу Милованову, о чем в августе месяце просила Берг-коллегию специальным доношением. Стоимость завода была определена в 18 тыс. руб., из которых 3 тыс. руб. падали на долю припасов и материалов. Судя по всему, Милованов взялся за пуск завода весьма энергично, причем он неосторожно произвел довольно крупные затраты до оформления купчей.

Прибыв вместе с мужем на восстановленный завод в 1773 г., Матрена Шувалова нашла его в «хорошем правлении». Эта оценка состояния завода, данная самим Миловановым, надо полагать, вполне соответствовала действительности, так как только за вторую половину 1773 г. было выплавлено свыше 15 тыс. пуд. чугуна. У секунд-майорши разгорелись глаза, и она отказалась от оформления сделки. Милованов в мае 1774 г. жаловался в Берг-коллегию на то, что «Шувалова на проданное мне вышеозначенное имение по многим моим докукам купчую дать отговаривается». Формальным основанием для проволочек послужило наличие сверх проданных Милованову с заводом крепостных еще 100 душ. За этих крестьян Шувалова заломила такую цену, что Милованов вынужден был отказаться от покупки.

В январе 1775 г. заводчица окончательно отказалась от намерения продать завод, и Берг-контора потребовала от нее возвращения Милованову денег, израсходованных на восстановление завода. Майоршу принудили дать подписку, чтобы она содержала завод в таком же состоянии, в каком он был у Милованова³⁹. Этого обязательства она не выполнила — Истинский-Бардаковский завод хотя и числился в списке действующих предприятий, продолжал выпускать незначительное количество продукции.

Затишье 30-х годов, когда в подмосковную металлургию пришел один только Чирьев, сменилось относительно быстрым притоком купеческих фамилий в промышленность, наступившим в 40-х годах. В это десятилетие список подмосковных металлургов пополнился настолько, что можно говорить о количественном скачке. Необходимо, однако, оговорить, что рост числа новых заводоладельцев далеко опережал рост выплавки металла основанными ими заводами. Это происходило вследствие того, что, во-первых, появившиеся в 40-х годах заводы были мелкими

³⁹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2067, лл. 30, 31, 54, 55.

предприятиями и, во-вторых, ими владели не купцы-одиночки, а компании.

Состав первой компании, возникшей в 40-х годах, был смешанным — в нее входили разночинец, дворянин и купец. Основанием для рассмотрения истории этой компании в настоящей главе является то обстоятельство, что главной фигурой в ней был купец, а не дворянин.

Контракт, заключенный между полковником Терсинского полка и царицынским комендантом Петром Федоровичем Колыцовым, города Царицына секретарем Иваном Григорьевым и белгородским купцом Иваном Ивановичем Морозовым, представляет самый ранний пример делового союза купца с дворянином.

Подписанный 28 июля 1740 г. контракт начинается высокопарной фразой о том, что компаньоны имеют охоту к поискам «подземных сокровищ» и, невзирая на значительные затраты и понесенные убытки, продолжают ревностную заботу о начатом деле. В июне 1740 г. рудоискатели компаньонов нашли какие-то камни, в которых заподозрили наличие серебра. Кроме того, они обнаружили краску охру. Образцы руды компаньоны отправили на экспертизу в Генерал-берг-директориум.

В ожидании результатов экспертизы прошло около полутора лет, а ответа от Генерал-берг-директориума получено не было. Тогда компаньоны решили отправить в Петербург новую партию руд, а вместе с ними и Морозова. Члены компании тешили себя надеждой, что им посчастливилось найти серебряную руду. Они были настолько уверены в том, что они будут обладать сереброплавильным заводом, что заниматься плавкой такого банального металла, как чугун, даже не намеревались.

Результаты экспертизы не оправдали радужных надежд компаньонов — руды оказались железными, а некоторые из них содержали такое мизерное количество серебра, что их промышленная эксплуатация не сулила никаких барышей.

Можно предположить, что веру компаньонов в наличие серебра в руде поддерживал Морозов. Сам же он, видимо, иллюзий на этот счет не питал. Во всяком случае, находясь в Петербурге, он пошел на нарушение полномочий, предоставленных ему «верющим» письмом, и вместо указа на постройку сереброплавильного завода привез указ Генерал-берг-директориума от 3 февраля 1742 г. на сооружение вододействующего железного завода. Сначала в ноябре 1743 г. близ устья речки Терсы, притока р. Медведицы, были пущены три ручных горна⁴⁰.

Строительство вододействующего завода протекало очень медленно. К октябрю 1745 г. компаньоны издержали около 2 тыс. руб., «токмо оной завод в настоящее действие еще не

⁴⁰ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2142, лл. 510—517, 524.

произведен». Ручные горны, изготовив свыше 100 пуд. железа, прекратили работу в мае 1744 г. за недостатком рабочей силы⁴¹.

Так как дела компании шли далеко не блестяще, между компаньонами вскоре начался разлад. Уже в доношении 17 января 1746 г. Морозов, представлявший интересы фирмы перед Берг-коллегией, жаловался, правда, пока в деликатной форме, на бездеятельность членов компании, которые заняты исключительно службой, а может быть, вообще не хотят содержать завод. Действительно, Кольцов и Григорьев в 1744 г. были отправлены в Кабарду «для некоторого секретного интереса».

Терсинский завод, расположенный в 250 верстах от Царицына, в «пустых и диких местах», был пущен 24 мая 1750 г. стараниями одного Морозова. В 1750 г. последний информировал Григорьева, «что плотину и домну исправил, тоцию остановка имеется за мастерами».

Столь долго продолжавшийся предпусковой период не мог не беспокоить Берг-коллегию, и она в том же 1750 г. запросила у нерадивых компаньонов (Кольцова и Григорьева), желают ли они состоять в компании. Григорьев ответил, что хотя он вследствие выполнения правительственных поручений ни разу и не был на заводе, но «с ревностью и с охотою его исправлять и спомоществовать должен и будет». Согласие впредь участвовать в компании дал и Кольцов, ставший к этому времени бригадиром.

Обещания Кольцова и Григорьева так и остались обещаниями, и Морозов в 1754 г. проявил явное стремление освободиться от компаньонов. Он писал в Берг-коллегию, что Терсинский завод «в лутчем произведении и в действии содержать по охотности своей желает, токмо сам собою», без компаньонов. Такое же намерение высказал и Кольцов.

Преппирательства не переросли в непримиримую вражду, — конфликт между Морозовым и Кольцовым удалось приглушить. Григорьев вышел из компании, а Кольцов с Морозовым заключили 7 февраля 1756 г. новый контракт. Компаньоны вновь подтвердили свою решимость владеть заводом «полюбовно» и «безобидно».

В том же 1756 г. Морозов умер, и его вдова вновь возобновила просьбу об исключении Кольцова из компании и о передаче предприятия в единоличное владение ее сыну Анфиму. По данным ведомости 1756 г., завод располагал домной и одним молотом.

Возобновившаяся ссора мешала бесперебойной работе предприятия. Это и вызвало репрессивную меру со стороны Берг-коллегии, определением которой еще в 1753 г. было указано завод «запечатать». Поэтому к Терсинскому заводу после смерти И. И. Морозова проявили интерес не только вдова с сыном,

⁴¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1006, л. 128.

но и генерал-майор и лейб-компания подпоручик гр. Иван Семенович Гендриков. Ему стало известно объявление Царицынской канцелярии «в таковой силе, что не пожелает ли кто из тамошних жителей показанной завод со всеми принадлежностями и с приписными людьми купить и содержать в добродорожном действии». Граф Гендриков обязался содержать завод в добром порядке и «размножать».

Берг-коллегия, однако, по каким-то соображениям оставила Терсинский завод за вдовой Морозова⁴². Завод действовал до 1758 г., после чего вдова остановила предприятие якобы за отсутствием мастеров, а плотину использовала для мучной мельницы.

В 1763 г. д. с. с. П. Ф. Кольцов сделал последнюю попытку завладеть бездействовавшим предприятием. Он писал о «лживых» представлениях своего бывшего компаньона И. И. Морозова, о своем усердии в строительстве предприятия, о том, что вдова покойного купца «упоминаемый завод по нерадению своему и вовсе потеряла и состоит тот завод впусте». Кольцов обещал содержать завод «в добром порядке»⁴³. Год спустя шихтмейстер Василий Раздеришин по заданию Берг-коллегии производил описание завода. Плотина, длиною в 149 сажений, оказалась в исправности, ибо на ней стояла мельница с двумя поставами. Доменная печь была разрушена, «водяные колеса весьма обветшали и к действию безнадёжны», но мехи находились в хорошей сохранности. Тем не менее Терсинский завод более не возобновлял работы. В 1778 г. заводчица Морозова из-за отсутствия капитала, необходимого для пуска предприятия, была исключена из числа заводовладельцев⁴⁴.

Таким образом, компания по строительству и эксплуатации Терсинского завода оказалась недолговечной. Недолговечным оказался и завод. Он работал с большими перерывами лишь в течение восьми лет, с 1750 по 1758 г.

Таким же хилым и неустойчивым оказалось и хозяйство вяземских купцов братьев Карасевых. 2 октября 1742 г. Федор и Семен Григорьевичи Карасевы получили разрешение Берг-коллегии на постройку в Зубцовском уезде на речке Жортке у с. Подберезья на принадлежавших им мельничных плотинах доменного и передельного заводов. В челобитной купцы сообщали, что руду они обнаружили в Вяземском уезде в вотчинах разных помещиков, и здесь же добавляли о препятствиях, чинимых владельцами земли при добыче руды.

Пробная плавка представленных образцов руды показала невысокий процент чугуна — 25 и 33%. Тем не менее Берг-коллегия разрешила строить вододействующий завод. Его соору-

⁴² ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2142, лл. 531—532, 647, 649, 656.

⁴³ Там же, кн. 1219, лл. 141, 158, 159, 217, 234.

⁴⁴ Там же, кн. 1371, л. 513.

жению предшествовала постройка сыродутных печек, без которых, по заявлению Карасевых, «обойтись будет невозможно». Осень и зиму 1742 г. братья использовали для постройки ручных горнов и заготовки строительных материалов для завода, на что было издержано около 6 тыс. руб. В первые месяцы 1743 г. строительство было приостановлено «за зимнюю погоду и за неимением доменного мастера, за умалением рабочих людей», но главным образом из-за ограбления приказчика, возвращавшегося с выручкой из Петербурга. Приказчика и сопровождавших его девять работников «разбойники и смертоубийцы» «порезали и пометали в воду» озера Ильмень. Карасевы лишились крупной суммы — до 7 тыс. руб.

После столь существенного ущерба, понесенного купцами, Берг-коллегия потеряла уверенность в возможности продолжать строительство. Однако в октябре 1743 г. Карасевы сообщили, что строительные работы идут «неленосно» и в результате «уже домна и один молотовый анбар строением оканчиваются». В итоге возникло два Подбережских завода: Верхний и Нижний. Доменная печь была пущена 4 марта 1744 г., а четыре молота — в сентябре 1750 г.

Подбережские заводы владели жалкое существование с самого начала их основания. Выданная Карасевым привилегия нисколько не умерила сопротивления помещиков и их крестьян. Один из них, отставной майор Тимофей Данилович Сысоев, «знатно по злобе пожог уголь», причинив убыток на 1864 руб. «Обыватели», под которыми Карасевы подразумевали помещичьих и дворцовых крестьян, разумеется, с ведома своих владельцев и дворцовой администрации, запрещали добывать руду. Но главная причина, препятствовавшая бесперебойной работе предприятий, состояла в том, что заводы не были обеспечены, как тогда говорили, «благонадежными» рудами. Заводовладельцам пришлось расплачиваться за свою поспешность и легкомыслие, допущенные при основании заводов и обследовании рудников. Руды оказались болотными, и запасов их было совершенно недостаточно, чтобы обеспечить работу вододействующего завода. Уже весной 1745 г. Карасевы, после того как вложили в заводы около 20 тыс. руб., обнаружили недостаток руды и необходимость восполнить этот недостаток поисками новых рудников. Рудники им удалось, наконец, найти, но вначале добыче руды препятствовали крестьяне, а затем, когда с ними удалось заключить соглашение о поставке руды на завод «по настоящей цене», запротестовал их владелец генерал Семен Григорьевич Нарышкин, вдруг заявивший о своем желании построить завод. Карасевы протестовали, писали о том, что «их, Карасевых, заводы опустеют и опровергнутся во всем совсем без остатку». Генерал оказался, однако, предусмотрительнее купцов и обнаружил, что в его вотчинах руды недостаточно не

только для вододействующего завода, но и для сыродутных печек.

Решить сырьевую проблему Карасевым так и не удалось, и заводы работали с большими перебоями. В 1746 г. чиновнику, производившему освидетельствование подмосковных заводов для выяснения их производительности, было предписано не ездить на Подбережские заводы на том основании, что на них «никаких руд не имеется». В следующем году доменная печь работала только 2½ месяца⁴⁵.

Но не только отсутствие прочной рудной базы пагубно отражалось на судьбе предприятий. Их, кроме того, погубила ссора братьев, достигшая к концу 1750 г. такого накала, что нормальная работа предприятий при совместной их эксплуатации стала невозможной. В Берг-коллегию посыпались взаимные жалобы, которые, кстати, проливают свет на характер деятельности братьев, предшествовавшей постройке заводов и сопутствовавшей занятию металлургией. Так, Семен Карасев жаловался на брата Федора, что последний «без ведома его, собою, на одно свое лицо имеющийся общей их капитал от железного завода употребил в винокуренный завод и в прочие промыслы, чтоб тот общий их капитал от заводу отлучить и тем пронырством к себе захватить и заводы опустошить». Иную версию поведения своего брата Семена изложил Федор Карасев. Он сообщал, что Семен Карасев, входя в компанию, обещал вложить в строительство заводов 6 тыс. руб., но этого обещания не выполнил, так что капиталовложения пришлось делать ему, Федору, одному. Семен же, «злобствуя на него и не проча оные заводы видеть в надлежащем исправлении», радел только о Теплушенском винокуренном заводе, ему лично принадлежавшем. Туда он отвез свыше 2 тыс. четвертей хлеба из совместно принадлежавших им деревень и, кроме того, привлек для работы на винокурне 50 крестьян, купленных ими к металлургическим заводам⁴⁶.

Федор Карасев тоже владел несколькими винокуренными заводами. В Зубцовском уезде, например, у него в 1753 г. стоял завод с 16 казанами емкостью в 437 ведер⁴⁷. Одно из доношений Федора Карасева очень выпукло характеризует роль винокурения и винных подрядов в накоплении капиталов. Он «винные заводы привел к распространению, на которых заклеено казанов и кубов больши шестисот ведр». Вино Ф. Г. Карасев поставлял в Петербург и прочие города, «от которой де поставки на размножение заводов и на покупку крестьян и на обучение мастеровых людей и на делание плотин» накопил необходимые

⁴⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 827, лл. 205, 207, 225, 227—230, 251, 253, 292, 294, 326.

⁴⁶ Там же, д. 250, л. 23; д. 251а, лл. 27, 28.

⁴⁷ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 2845, л. 528.

средства. Подрядные операции позволили ему издержать на заводы «своего капитала» более 30 тыс. руб.⁴⁸

В 1742 г., когда братья еще ладили между собою, они поставили в Петербург 10 тыс. ведер подрядного вина. Оба брата, помимо подрядов, занимались еще и откупам, держали на откупе сбор таможенных и кабацких денег в г. Зубцове и с. Перевлесе⁴⁹.

Хищническая эксплуатация купленных к заводам крестьян вызвала их волнение. Федор Карасев жаловался в 1750 г., что крестьяне «учинились ему в позыве их на заводскую железную работу непослушны и противны». Глядя на них, и мастеровые, «оставя все мастерства и работу, все со оного заводу бежали» в свои деревни⁵⁰.

По справке Берг-коллегии, Верхний и Нижний Подберезские заводы находились от Москвы в 190 верстах, следовательно, подлежали сносу через год после обнародования указа 1754 г.; в течение этого года, по расчетам Берг-коллегии, заводладельцы должны были израсходовать все запасы сырья. Карасевы все же в течение некоторого времени оказывали сопротивление слому завода, но уже в феврале 1756 г. прапорщик Антип Ивантин, посланный Берг-коллегией на Подберезские заводы, никого там не обнаружил, за исключением солдата, приставленного Зубцовской воеводской канцелярией⁵¹. Этот год и следует считать годом закрытия Подберезских заводов.

С уничтожением винокуренных и металлургических заводов экономическая мощь Карасевых была подорвана, и они после этого смешались с посадскими людьми провинциального масштаба. По данным 1764 г., Семен Григорьевич Карасев владел шляпной фабрикой в Вяземском уезде, а Федор Григорьевич Карасев, о промысловых занятиях которого нет сведений, жил в Зубцовском уезде на Подберезских завсдах⁵².

В 40-х годах XVIII в. в Подмосковном металлургическом районе возникло еще два предприятия, основателем которых был орловский купец Селиверст Минаевич Неручев, винокур и винный подрядчик⁵³. В Белевском уезде на р. Истье был построен доменный и передельный завод с одной домной, двумя действующими и одним запасным молотом. Разрешение на постройку этого завода, названного Истинским, было дано 23 января 1743 г., а пущен он был в 1745 г. Мощность передельного цеха оказалась недостаточной для полного использования всего чугуна, и тогда решено было построить в Трубчевском уезде на

⁴⁸ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 255, л. 97.

⁴⁹ Там же, д. 250, лл. 22; ф. Камер-коллегии, д. 862, л. 1.

⁵⁰ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2069, л. 499.

⁵¹ Там же, д. 295, лл. 427—429.

⁵² ЦГАДА, ф. Комиссии о коммерции, д. 445/11, лл. 6; 9.

⁵³ ЦГАДА, ф. Камер-коллегии, д. 29647, л. 1; д. 567, лл. 1, 3, 22; д. 721, л. 1; ф. Сената, кн. 900, л. 57; ф. Берг-коллегии, кн. 1006, л. 285.

р. Крапивенке молотовый завод с двумя действующими и одним запасным молотами. «На оном молотовом заводе делаться начелось полосное железо ис привозного з Белевского доменного водяного заводу чугуна в 745 г., ноября в последних числах на дело инструментов и на всякие заводские припасы».

В 1746 г. Неручев пригласил в компанию брянского купца Андрея Кузьмича Никулина с четырьмя сыновьями — Ильей, Галактионом, Петром и Архипом, но через два года отношения между компаньонами настолько обострились, что заводам при совместном владении грозила остановка, и Берг-коллегия предписала распоряжаться ими только Никулиным. Легкость, с которой Неручев расстался с основанными им заводами, остается загадкой. Возможно, что он к этому времени попал в трудное финансовое положение, а может быть, он предпочел металлургий подряды и откупа.

В нашем распоряжении имеются сведения, что Моисей Неручев, тоже орловский купец, в 1748 г. взял подряд на поставку в Москву 10 тыс. ведер вина. Орловские купцы Михаил и Моисей Неручевы в 70-х годах XVIII в. выступали в роли подрядчиков. Так, Михаил взял на откуп питейные сборы с 1779 по 1783 г. в Яранске, Царевосанчурске и Тюмени на общую сумму в 33 600 руб., а Моисей — в Зубцове на 5 400 руб. Являются ли откупщики Моисей и Михаил Неручевы родственниками основателя заводов или его однофамильцами, — у нас сведений нет⁵⁴.

Истинский и Крапивенский заводы давали скромное количество продукции, ибо «бывали в прогуле, без действия немалые времена» то вследствие прорыва плотины, то из-за недостатка сырья, которое заводчики покупали у окрестных крестьян⁵⁵.

Упадок хозяйства Никулиных начался со времени неудачно заключенной сделки на покупку крестьян к заводам. В 1753 г. Андрей Никулин получил разрешение купить 623 души м. п.⁵⁶ 130 душ было куплено у помещика Юрасова, который, получив деньги, не пожелал расстаться с проданными крестьянами. С этого времени Никулины стали встречаться в списках неплатежеспособных кредиторов, причем сумма их частных и казенных долгов увеличивалась из года в год.

В 1760 г. Никулин не выполнил обязательства о поставке трубчевским купцам Неустроеву и Губкину 5 тыс. пуд. железа, за которые он предварительно получил 3250 руб. Три года спустя неоплаченный вексель Галактиона Никулина на 1500 руб. предъявил надворный советник Александр Петрович Булыгин. К Никулиным стала предъявлять претензии контора

⁵⁴ ЦГАДА, ф. Портфели Миллера, портфель 385, т. II, ч. 1, лл. 8, 14.

⁵⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, кн. 973, л. 158.

⁵⁶ Там же, кн. 1133, л. 160; д. 272, лл. 113, 114, 117.

Коммерческого банка, которому Илья был должен 6 тыс. руб. Когда в апреле 1764 г. вместо укрывавшегося от вызовов Ильи Никулина банковский конторе все же удалось заполучить его брата Петра, последний признался, что у всех братьев вместе взятых сейчас «толикой суммы в наличности не имеетца», и просил повременить до прибытия барок с железом и выручки за него денег. К 1765 г. хозяйственные дела Никулиных находились в таком безнадежном состоянии, что Архип, построивший свое благополучие на удачном браке с дворянской дочерью, не стал рисковать ее приданым и поспешил выйти из компании братьев, предварительно взяв «на свою часть железа и чугунового литья и протчих пожитков со удовольствием». Неправильный удар Никулиным нанес трубчевский купец Аким Симонов, обвинивший заводовладельцев в том, что они во время поставок провианта в Кенигсберг в 1759 г. похитили 20 тыс. руб. его личных денег⁵⁷.

1765 год был последним годом действия заводов. Уже в следующем году они были описаны за долги. В ведомости недействующих заводов 1778 г. сказано, что оба завода Никулиных «за приключившимися им от покупки... крестьян убытками, за многими на них долгами и за неимением капитала не действуют». Никулины, однако, из списка заводчиков исключены не были.

Так продолжалось до 1783 г., когда упразднявшаяся Берг-коллегия, подводя итоги своим делам, вынесла определение об Истинском и Крапивенском заводах и их владельцах. Вследствие того, что за Никулиными числилось 6 тыс. руб. казенных и 26 340 руб. частных долгов, было решено заводы продать, а «Никулиных, выключая из заводчиков, отдать в ведомство магистрата»⁵⁸. Само собою разумеется, что по истечении 18 лет после остановки предприятий они пришли в полную негодность и не могли привлечь внимания покупателей. Промышленное хозяйство Никулиных после 20-летнего существования (1745—1765 гг.) прекратилось.

Происхождение капиталов, вложенных в строительство Песоченского завода в Перемышльском уезде, было также связано с винокурением. Песоченский завод принадлежал компании в составе московских первой гильдии купцов Ивана Кирилловича Баташова и двух братьев Митрофановых — Дмитрия и Михаила Ивановичей. Дмитрий Иванович Митрофанов в 1754 г. владел в Лихвинском уезде винокуренным заводом, оборудованным девятью кубами и казанами емкостью в 144 ведра⁵⁹. Достоинство внимания, что место, на котором московские купцы

⁵⁷ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1217, лл. 170, 171; кн. 1230, л. 151; кн. 1238, л. 4; кн. 1276, л. 495; кн. 1261, л. 464.

⁵⁸ Там же, кн. 1371, л. 512; кн. 2148, лл. 257, 258.

⁵⁹ ЦГАДА, ф. Камер-коллегии, д. 30599, л. 314.

построили металлургический завод, первоначально предназначалось для сооружения винокурни. Поосмотревшись, они в 1742 г. обнаружили, «что удобно то место к построению железных водяных заводов, потому что имеютца разных помещиков дикие и непроходимые леса, которые простираются даже до польских границ». Обеспечивать завод рудой они намечали как из собственных рудников в Тульском и Крапивенском уездах, так и покупкой ее у окрестных крестьян, «ибо такую рудую довольствуютца в Туле того города протчие заводчики». Так возник на наемной земле Шаронина монастыря на р. Песоченке пониже дер. Митиной металлургический завод, первоначально называвшийся и Митинским и Песоченским. Плавка чугуна на Песоченском заводе с домной и двумя молотами началась 1 марта 1744 г. Однако и к концу 1745 г. компаньоны, издержав более 10 тыс. руб., не считали строительство завода законченным. В ведомости, поданной 15 декабря 1745 г., они сообщали, что «завод и ныне еще строится, понеже всего заводского строения в совершенство вскоре привести невозможно»⁶⁰.

Совместная деятельность Митрофановых и Баташова не ограничивалась металлургией. В 1746 г. на территории того же Перемышльского уезда они построили полотняную мануфактуру. Первоначально она была оборудована 14 станами, а в 1751 г. их стало уже 138⁶¹.

Распад компании, или, точнее, поглощение экономически более мощным Баташовым разорившихся Митрофановых, относится к 1753 г., когда Митрофановы «добровольно уступили» свою половину Песоченского завода «в вечное и потомственное владение Баташову». Выход Митрофановых из компании объясняется их безнадежным финансовым положением. К 1753 г. они задолжали 3 тыс. руб. Баташову; кроме того, Митрофановы в течение многих лет не платили десятинных денег, так что на них образовалась довольно крупная недоимка в 1162 руб. В итоге они находились под караулом Берг-коллегии, где с них правили недоимку. Из-под караула они были выручены Баташовым, но дорогой ценой — лишением завода⁶².

Видимо, вскоре после этого компаньоны поделили и полотняную мануфактуру. Ведомость 1769 г. показывает вместо одной мануфактуры две: одна с 120 станами принадлежала Петру Баташову с братьями, владельцем второй с 58 станами показан Дмитрий Иванович Митрофанов⁶³.

⁶⁰ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 275, л. 444; д. 256, лл. 358, 359; кн. 827, лл. 1, 18, 30; кн. 1006, л. 304.

⁶¹ Д. С. Б а б у р и н. Очерки по истории Мануфактур-коллегии. М., 1939, стр. 223.

⁶² ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 260, лл. 342—344.

⁶³ ЦГАДА, Госархив, разряд XIX, д. 40, л. 227.

При эксплуатации Песоченского завода обнаружилось, что водный режим р. Песочни не мог обеспечить нормальной работы не только молотов, но и доменной печи. Это вынудило И. К. Баташова, ставшего единоличным владельцем завода, обратиться в Берг-коллегию с просьбой разрешить построить новый завод в том же Перемышльском уезде на р. Серене. Разрешение было получено 15 марта 1756 г., причем предполагалось, что Серенский завод будет доменным и молотовым. Домны, однако, построить не удалось «за подтопом воды» мельницей, принадлежавшей прокурору Юстиц-коллегии Степану Протасову. Серенский завод, пущенный в 1756 г., так и остался передельным, на нем было поставлено первоначально шесть, а затем десять молотов. Два молота на Песоченском заводе, числившиеся по ведомости 1769 г., были затем остановлены, и по ведомости 1783 г. Песоченский завод считался только доменным⁶⁴.

Песоченский и Серенский заводы составили промышленный комплекс, сохранившийся в неизменном виде до конца XVIII в. Пропорции этого комплекса вполне устраивали наследников И. К. Баташова — трех сыновей, Петра, Александра и Григория. Когда в 1762 г. Берг-коллегия попыталась принудить наследников выполнить обязательство отца о строительстве домны, то П. И. Баташов, действовавший от имени братьев, этому решительно воспротивился. Он доказывал, что трехмесячная работа доменной печи обеспечивала завод таким количеством чугуна, что его не успевали переделывать в железо. Поэтому П. И. Баташов считал, что на Серенском заводе для плавки чугуна домны строить не следует. Взамен этого он предлагал расширить передельное производство на Серенском заводе⁶⁵. Этот план и был реализован братьями Баташовыми. Топографическое описание Калужского наместничества 1785 г. отметило на Песоченском заводе одну домну, выплавлявшую ежегодно до 40 тыс. пуд. чугуна, «которой отвозится сухим путем в Козельский уезд на Серенский завод для перековки в железо»⁶⁶. Производительность Серенского завода показана в 30 тыс. пуд. в железе, к концу XVIII в. выплавка чугуна на Песоченском заводе значительно превысила показанную выше и за 1783—1786 гг. составляла в среднем ежегодно около 60 тыс. пуд.⁶⁷

Первоначальный капитал И. К. Баташова, выходца из Тульской оружейной слободы, накапливался в сфере внутренней и внешней торговли. В ведомости Московского магистрата, составленной в 1764 г., фигурируют сыновья И. К. Баташова Петр и

⁶⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 275, л. 440; кн. 1133, л. 137; кн. 1217, л. 39; ф. Сената, кн. 3246, л. 626.

⁶⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1217, лл. 35, 36.

⁶⁶ ГАКО, Топографическое описание Калужского наместничества, стр. 13.

⁶⁷ «Горнозаводская промышленность Урала...», стр. 120, 121.

Александр, которые через Гжатскую пристань доставляли в Петербург и Ригу для продажи за границу железо, чугунное литье и полотно. Все это были изделия их собственных мануфактур. Вместе с этими товарами братья отвозили к портам разнообразную пушнину. Быть может, торговля пушниной и обеспечивала И. К. Баташова минимумом капитала для строительства металлургического завода и парусно-полотняной мануфактуры⁶⁸. Характерно, что Баташовы, в отличие от прочих заводоладельцев, как правило, бросавших торговлю и вкладывавших свои капиталы в промышленное производство, не расставались с внешней торговлей и в последующие годы, причем вели ее довольно интенсивно, заключая сделки на крупные суммы. Так, в 1772 г. А. И. Баташов привез из-за границы товаров на 32 059 руб., в следующем году импорт трех братьев Баташовых составлял 57 825 руб., в 1775 г. — 21 887 руб.⁶⁹

Калужский первой гильдии купец Иван Евдокимович Золотарев с сыном Петром первоначально подвизался в легкой промышленности. В 1740 г. отец с сыном пустили в Калуге полотняную мануфактуру, на которой через два года было зарегистрировано 60 станов⁷⁰. В 1742 г. Золотаревы обратились в Берг-коллегию с просьбой разрешить им построить в трех верстах от Калуги на р. Киевке доменный и молотовый завод. После пуска домны 25 августа 1743 г. Золотаревы возбудили ходатайство о постройке молотовой на речке Калужке, но вскоре в их планах произошли существенные изменения. Во-первых, они приняли в компанью Михаила и Ивана Фалеевых; во-вторых, компаньоны решили строить завод не в Калужском уезде на речке Калужке, а в Серпейском уезде на речке Песочне; наконец, в-третьих, этот завод должен был быть не только молотовым, но и доменным.

Фалеевы, подобно Золотаревым, владели в Калуге полотняной мануфактурой, но и у тех и у других мануфактуры приходили в упадок⁷¹. Постройка Песоченского завода началась в 1744 г. по указу Берг-коллегии от 22 июня, но компаньоны обнаружили, что им без значительного займа не закончить строительства. Под заклад строившегося завода они одолжили у барона Александра Григорьевича Строганова 10 тыс. руб. с обязательством уплатить долг к 1 марта 1746 г. Долг, как и следовало ожидать, своевременно возвращен не был, и по требованию Строганова завод в январе 1747 г. был описан, а в сентябре того же года он оказался в руках Строганова. Но заинтересованность Строганова в эксплуатации Песоченского завода была минимальной, ибо этот завод, во-первых, стоял вдали от владений барона и был только молотовым, а во-вторых, его эксплуатация

⁶⁸ ЦГАДА, ф. Коммерц-коллегии, д. 445/22, л. 3.

⁶⁹ Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, д. 570, лл. 109, 123.

⁷⁰ Д. С. Бабурин. Указ. соч., стр. 231.

⁷¹ Там же.

основывалась на непривычной и принципиально иной основе, чем собственные предприятия Строганова, расположенные в Пермских вотчинах. Поэтому 29 февраля 1749 г. Строганов продал Песоченский (он же Серпейский) завод Афанасию Абрамовичу Гончарову за 14 тыс. руб.⁷²

Песоченский завод был пущен в 1745 г. Из ведомости, поданной Фалеевыми и Золотаревыми в Берг-коллегию в ноябре 1745 г., явствует, что Песоченский завод к этому времени находился в действии, его молоты перековывали чугун, доставлявшийся с Киевского завода. Этот последний относился к числу мелких подмосковных заводов и выплавлял 15—16 тыс. пуд. ежегодно⁷³. В 1755 г. Киевский завод был уничтожен, так как попал в список предприятий, расположенных ближе 200 верст от Москвы.

Торгово-промышленная деятельность Афанасия Абрамовича Гончарова являет классический пример капиталистической индустриализации. В металлургию Гончаров пришел уже сформировавшимся промышленником. В первые десятилетия XVIII в. А. А. Гончаров занимался торговлей внутри страны, а затем, «оставя бывшие по купечеству» торги, вложил все средства в плотняную промышленность. Историк Малоярославцевой полотняной мануфактуры Д. И. Малинин отмечает, что, по словам самого Гончарова, его богатства образовались благодаря тому, что на него трижды падал золотой дождь, связанный с выгодной рыночной конъюнктурой на изделия полотняных мануфактур.

До 1732 г. Гончаров значился еще приказчиком Филатова на Малоярославцевой мануфактуре, затем компаньоном владельца этой мануфактуры, а с 1735 г. — ее единоличным владельцем. Капитал Гончарова накапливался сказочными темпами, за пять лет (1732—1737 гг.) он утроился, достигнув 86 567 руб.; в 1737 г. мануфактура Гончарова была оборудована 182 станками, в 40-х годах их стало 322, а в 1753 г. — 480. К середине XVIII в. Гончарову, получившему в 1747 г. чин коллежского асессора, принадлежало 4324 души м. п.⁷⁴

Капиталы, накопленные в легкой промышленности, Гончаров решил использовать в тяжелой. В феврале 1749 г. он покупает у барона Александра Григорьевича Строганова Песоченский молотовый завод, расположенный в Серпейском уезде. Еще раньше, в 1747 г., в Подгородном стане Брянского уезда была обнаружена руда. Через два года Гончаровым было открыто новое

⁷² ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 906, лл. 1, 6, 23, 48, 71, 96, 116, 196, 283.

⁷³ Там же, кн. 1006, л. 279.

⁷⁴ Д. И. М а л и н и н. Полотняный завод в XVIII в. Калуга, 1929; В. Б у х и н а. Малоярославцевская фабрика до закрепощения рабочих (1718—1737). — «История пролетариата СССР», сб. 2, М., 1930; Д. С. Б а б у р и н. Указ. соч., стр. 229.

месторождение, тоже на вотчинной земле, в устье реки Радицы. Здесь же, в 10 верстах от Брянска, он отыскал удобное место и для постройки завода. Определение с разрешением построить Радицкий завод Берг-коллегия вынесла 14 марта 1750 г.⁷⁵ В том же 1750 г. Гончаров получил разрешение на постройку еще одного завода. «Для лутчей способности Песоченскому ево заводу, понеже выплавленного на Песоченском ево заводе чугуна в железо переработать не можно», Гончаров решил недалеко от старого завода построить в том же Серпейском уезде на одноименной речке Песочне молотовый Песоченский завод⁷⁶.

В итоге трехлетней деятельности в металлургии Гончаров стал владельцем трех заводов, что свидетельствует о весьма быстрых темпах расширения его хозяйства. Четвертый завод Гончаров мог бы построить, видимо, столь же быстро, если бы не попытка воспрепятствовать этому строительству со стороны Максима и Ивана Меньшого Мосоловых. Выдаче позвоительного указа на постройку Любохонского завода (1 мая 1755 г.) предшествовала трехлетняя тяжба с Мосоловыми. Последние препятствовали намерению Гончарова на том основании, что им принадлежала земля на противоположном берегу Любохонки, как раз в том месте, где должен был строиться Любохонский завод. «А будет Гончарову на показанной речке позволено будет строить (завод), — жаловались Мосоловы, — то от прудовой воды руды в тех местах копать никак невозможно». Гончаров доказывал, что принадлежавшие Мосоловым рудники «за дальностию и малоразлитием прудовой воды» потоплены быть не могут, что Любохонский завод от ближайшего Бытошевского завода Мосоловых будет находиться в 48 верстах и, следовательно, не может быть для него помехой. Конфликт окончился победой Гончарова, которому было разрешено построить Любохонский завод. Этот завод базировался на рудниках, используемых Песоченским заводом, расположенных от последнего относительно далеко, так что доставка руды обходилась «дорогою ценою с немалыми убытками»⁷⁷.

С пуском Любохонского завода размеры промышленного хозяйства Гончарова приобрели стабильность, сохранившуюся вплоть до конца XVIII в. После 1755 г. Гончаровыми не было построено ни одного предприятия. Более того, из-за небрежности Берг-коллегии Гончаров едва не лишился Песоченского завода, включенного в список предприятий, размещавшихся ближе 200 верст от Москвы. В челобитной, поданной в Сенат 6 июля 1756 г., Гончаров сообщал, что Песоченский завод «не знаemos чего без всяких справок» внесен в список ошибочно и что в действительности завод отдален от Москвы на расстояние, превы-

⁷⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 245, лл. 242—245.

⁷⁶ Там же, д. 246, лл. 100, 101.

⁷⁷ Там же, д. 271, лл. 26—40; кн. 1133, л. 80.

шающее 300 верст. В этом убедилась и сама Берг-коллегия, правда, только в 1760 г.⁷⁸

В конце XVIII в. все четыре завода числились за подполковником Иваном Афанасьевичем Гончаровым. Они выпускали около 50 тыс. пуд. железа, по свидетельству Калужского наместнического правления, «доброты... самой ниской»⁷⁹. Характерно, что в 50-х годах производительность заводов была примерно такой же. Это свидетельствует о том, что заводы Гончарова уже не развивались и переживали значительные трудности, связанные с общим упадком хозяйства Гончаровых в конце XVIII в.

Итак, в течение десятилетия (1740—1750) в подмосковную металлургию влилось рекордное число новых купеческих фамилий: девять купцов, организованных в шесть промышленных компаний, основали шесть заводов.

Итоги следующего десятилетия были более скромными — в 50-х годах появились лишь две новые фирмы: одна была основана Турчаниновым с братьями Никоновыми, а вторая — братьями Баташовыми.

Союз двух московских первой гильдии купцов — Семена Яковлевича Турчанинова и Василия Андреевича Никонова — оформился задолго до начала строительства ими заводов и окреп в деловых операциях, не имевших никакого отношения к металлургии. Московские купцы С. Я. Турчанинов и Иван Комлехин в 1745 г. обратились с просьбой передать им конфискованный у Рюминых Сеитменский винокуренный завод в Инсарском уезде. Взамен они обязались погасить недоимку Рюминых, числившуюся за этим заводом. Просьба компаньонов была удовлетворена, и они стали владельцами Сеитменского винокуренного завода. Через два года Комлехин продал свою половину завода «первой гильдии купцу парусной и полотняной фабрики содержателю Андрею Максимовичу Никонову», умершему в 1748 г.⁸⁰

Сеитменский винокуренный завод относился к числу весьма крупных предприятий. В 1751 г. на нем стояло 120 казанов емкостью в 1440 ведер. Выкуренное вино отвозилось на питейные дворы Москвы и Петербурга. Так, в 1751 г. братья Никоновы, Василий и Александр Андреевичи, и Турчанинов подрядились поставить в Москву 30 тыс. ведер вина, подряд на 1752 г. составлял 20 тыс. ведер, а в 1753 г. они привезли в Петербург 10 тыс. ведер подрядного вина. Последний подряд на поставку вина был заключен в том же 1753 г. и предусматривал привоз в Москву 4290 ведер вина⁸¹.

Оба компаньона, кроме того, были заняты не менее доход-

⁷⁸ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 277, л. 84; кн. 735, л. 72.

⁷⁹ ГАКО, ф. Калужского наместнического правления, оп. 1, д. 1604, л. 60.

⁸⁰ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 290, лл. 24—26.

⁸¹ ЦГАДА, ф. Камер-коллегии, д. 333, л. 6; д. 30599, л. 339; д. 907, л. 1.

ными делами. Так, А. М. Никонов в качестве владельца парусно-полотняной мануфактуры еще в конце 30-х годов XVIII в. установил прочные торговые связи с иностранными купцами, которым он продавал изделия своего предприятия. У англичан он покупал для продажи внутри России изделия из шерсти. В 1741 г. Никонов, например, «явил» в Москве английские сукна и шерстяные ткани, привезенные из Петербурга⁸². С. Турчанинов, кроме винокурения, занимался откупам. Из дел Берг-коллегии видно, что за ним числилась недоимка, правда, незначительная (135 руб. 35 коп.) по таможенному сбору в г. Инсаре⁸³.

Оставить винокурение ради металлургии компаньонов вынул указ 1754 г. о запрещении купеческого винокурения. Подхлестываемые этим указом, купцы должны были в срочном порядке менять свои привязанности и вкусы, так как над ними нависла угроза потери не только Сеитменского винокуренного завода, но и переданных вместе с ним 25 душ крепостных, ранее принадлежавших Рюминым.

С просьбой о постройке металлургических заводов они обратились 9 декабря 1753 г. Первоначально они намеревались построить на р. Инсаре в Пензенском уезде домну с двумя действующими и одним запасным молотами, «да для перековки из чугуна в железо в том же уезде на купленной их земле на речке Сеитме желают построить молотовый анбар» с двумя молотами. Разрешение на постройку вододействующих заводов было оформлено 3 марта 1754 г., а через две недели они получили право соорудить четыре сыродутных печи для изготовления инструментов и оборудования⁸⁴.

Инсарский завод Никонов и Турчанинов построили довольно быстро — 8 ноября 1755 г. он выдал первую плавку чугуна. Сложнее обстояло дело с Сеитменским заводом. Ради экономии средства компаньоны решили приспособить под молотовый завод сооружения закрывшейся винокурни. Опыт не оправдал себя, ибо р. Сеитма оказалась маловодной, и ведомость 1756 г. зарегистрировала факт бездействия этого завода с двумя молотами, «которые за умалением воды стоят празны»⁸⁵. В результате значительная часть чугуна Инсарского завода не могла быть переделана в железо, что и вынудило компаньонов в конце 1755 г. обратиться в Берг-коллегию с просьбой разрешить им построить новый молотовый завод на более полноводной реке Истье.

Истинский передельный завод, находившийся от Инсарского в 13, а от Сеитменского — в 12 верстах, компаньоны тоже стро-

⁸² Там же, Таможенные книги 86/839, 95/847. Материалы из Таможенных книг автору любезно предоставила Е. Н. Кушева.

⁸³ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 2765, л. 914; ф. Берг-коллегии, кн. 1143, лл. 249, 252.

⁸⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 265, лл. 239, 442.

⁸⁵ Там же, д. 290, л. 28; кн. 973, л. 163.

или не заново, а использовали находившуюся там плотину принадлежавшей им хлебной мельницы⁸⁶.

В 70-х годах Турчанинов уже не фигурировал среди заводо-владельцев. В эти годы за братьями Никоновыми числился один Инсарский завод, а Истинский прекратил работу. Во время крестьянской войны завод находился в распоряжении восставших. На заводе была экспроприрована часть имущества, но он не подвергся разорению. По свидетельству членов комиссии Берг-коллегии, завод во время его посещения находился в действии, «только что молотовые фабрики за недостатком воды стоят праздны, а льют только посуду в опоку, песок и глину. За ветхостью старой домны строится ныне новая. В протчем же пожжения тут никакова не было»⁸⁷.

В конце XVIII в. Инсарским заводом владел поручик Сергей Никонов. На нем стояли домна и один молот. Производительность завода была небольшой — среднегодовая выплавка в 1783—1796 гг. лишь немногим превышала 16 тыс. пуд. чугуна⁸⁸.

Дальние родственники известных промышленников XVIII в. Баташовых Петр и Прокофий Ильичи Баташовы в середине столетия уже значились не тульскими оружейниками, а первой гильдии тульскими купцами. В этом качестве они в конце 1753 г. и выступили с просьбой разрешить им построить вододействующий завод. Руду они «отыскиали собственным своим коштом» в Шацкой провинции Воронежской губ. в Троицкой дворцовой волости. Там же они нашли и удобное место для постройки завода на речке Большой Виндрее в дачах новокрещеной мордвы. Купцы быстро оформили аренду участка, получили утешительные известия относительно качества руды, содержащей до 42% чугуна, и уже готовы были начать строительство завода, но неожиданно для себя вынуждены были отложить это занятие из-за тяжбы, связанной с выбором заводского участка.

Первым всполошился Андрей Тарасович Миляков, владелец двух предприятий, расположенных в той же Шацкой провинции, где Баташовы намеревались построить Виндреевский завод. Чтобы отклонить просьбу Баташовых, необходимо было представить веские основания. Но казуистическое мастерство Милякова не поднялось выше банального обвинения своих возможных конкурентов в том, что найденная ими руда «состоит в тех же нами (Миляковыми, отцом и сыном.— Н. П.) обысканных кряжах и подлежащая к моему железному заводу». Переполюх Милякова был вызван не опасением оказаться без руды, а тем, что Баташовы объявили окрестным «рудокопным крестьянам...

⁸⁶ ЦГАДА, д. 272, л. 643; кн. 2291, лл. 171—182.

⁸⁷ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4206, л. 123.

⁸⁸ «Горнозаводская промышленность Урала...», стр. 126—127.

что де от них, Баташовых, вновь заведены будут железные заводы и для того тем крестьянам за приуготовленную руду цена будет с повышением». Именно поэтому Рябкинскому доменному заводу Миляковых «учинитца подрыв и всеконечное запустение».

Жалобу Милякова Баташovy отклонили без всякого труда, ибо она основывалась на шатких формальных основаниях — рудники Виндреевского завода хотя и находились недалеко от рудников Рябкинского завода, но каждый заводовладелец мог претендовать на определенную площадь, отводимую для рудника, а именно 250 квадратных сажен. Явную бесполезность затеянной тяжбы Миляков, видимо, быстро усвоил и не стал подавать новых челобитных.

Неизмеримо больше хлопот Баташовым доставил капитан Гофинтендантской конторы Иван Иванович Ершов. Проведав о намерениях Баташовых построить Виндреевский завод, Ершов тут же подал челобитную в Берг-коллегию. В ней он сообщал, что его приказчик, «имея к сыску подземного богатства попечение», отыскал под землею «крыющееся богатство железной руды довольно число» в его собственных вотчинах на берегу той же р. Виндреи, на которой Баташovy хотели строить завод. Руда была найдена людьми Ершова еще в июле 1753 г., но капитан «о построении завода не просил и руду ко опробации не объявил за неимением себе к тому свободного времени». Баташовых Ершов обвинил в том, что они, «накопив утаенно руды» в его вотчинах, объявили ее в Берг-коллегии и даже расчистили место для завода.

Началась война челобитными. Ершов настойчиво твердил о том, что купцы вторглись в его владения, а Баташovy, отвечая на эти челобитные, неизменно писали, что рудники, равно как и отысканное ими место, находятся не в дачах Ершова, а на дворцовой земле и что последний затеял «споры неправые и указом противные для одного нам препядствия, чтоб нас до построения завода не допустить». Спор мог быть разрешен только в результате осмотра участка, что и было сделано представителем Берг-коллегии гитенфорвалтером Иваном Княгинкиным в сентябре 1754 г. Представители Ершова вели себя во время этого осмотра весьма агрессивно и подавали «знаки к драке», однако заключение Княгинкина было вынесено не в пользу Ершова. Так как осмотр показал, что «в добротe руды надежны и место под строение завода годное, водою и лесами довольноe», то Берг-коллегия указом 10 ноября 1754 г. разрешила построить Баташовым Виндреевский завод с одной домной и четырьмя молотами, взяв с них подписку, что строительство будет завершено в течение трех лет «сильною рукою»⁸⁹.

⁸⁹ ЦГАДА. ф. Берг-коллегии, кн. 1139, лл. 1, 2, 6, 9, 11, 13, 17—19, 34, 36, 56, 57, 145—147.

Домна Виндреевского завода была пущена 28 января 1756 г., а молотовая в апреле того же года; братья оборудовали свой завод двумя молотовыми «фабриками»: в одной из них было поставлено три действующих и один запасной мѳлот, а в другой все четыре молота были запасными и предназначались «для временной работы, когда в вешнее время от полои или от дождей в пруд прибудет вода, тогда и действовать имеет»⁹⁰.

Дела Баташовых в первые годы существования завода, видимо, шли весьма успешно, и промышленники собирались расширять свое хозяйство. Сначала они решили обзавестись медеплавильным заводом на Южном Урале и в 1761 г. начали хлопоты о постройке предприятия в Уфимском у. на речке Месели⁹¹. Однако попытки Баташовых закрепиться на Южном Урале не удались. Видимо, 48 приисков, найденных Баташовыми, не гарантировали надежной сырьевой базы, и промышленники даже не сочли возможным представить образцы руд в лабораторию.

Зато Баташовым удалось расширить Виндреевский завод. В 1763 г. Прокофий Ильич Баташов решил построить на Виндреевском заводе вторую домну. Это был редчайший случай, когда на одном заводе мощность передельного цеха превышала мощность домны. Разрешение на постройку второй домны Баташовы получили 26 января 1764 г.⁹² В том же 1764 г. братья Баташовы в ответ на обращение Берг-коллегии к промышленникам организовать отечественное производство кос приобрели соответствующее оборудование и начали производство кос. Баташовы обещали довести производство кос до таких размеров, чтобы избавить Россию от ввоза их из-за границы⁹³.

За внешним благополучием Виндреевского завода скрывались серьезные изъяны, которые в полной мере проявились в конце 60-х годов после смерти основателей предприятия и вступления во владение наследников. Оказалось, что на Баташовых числилось долгу около 90 тыс. руб. Правда, и Баташовы располагали векселями на сумму, превышающую 30 тыс. руб., но погашение их представлялось весьма сомнительным.

Появление долгов братья объясняли общим недостатком средств, поскольку имевшиеся у них наличные они израсходовали на строительство предприятия, а эксплуатацию его осуществляли на заемные деньги. В то же время Камер-коллегия в семи верстах от Виндреевского завода построила крупную винокурню, которая «истреблением близ нашего завода бывших лесов и перекупкою дров и, наконец, принуждением ис пруда нашего железного заводу спускать воду, чтобы плотина винного

⁹⁰ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 973, л. 155.

⁹¹ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. IV, ч. 2, стр. 214—217.

⁹² ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1222, лл. 150, 153.

⁹³ Там же, кн. 1241, лл. 440, 441.

заводу от воды не имела подпору, причинил нам всекрайнее раззорение».

Чем яснее становилась неплатежеспособность Баташовых, тем настойчивее были требования кредиторов продать завод с горгов. Берг-коллегия, которой предстояло решить вопрос о судьбе предприятия, оказалась в затруднительном положении. Вексельный устав, которым она в данном случае руководствовалась, предусматривал необходимость немедленного погашения долгов. Берг-коллегия рассудила, что сумма прибыли, получаемой Баташовыми, не могла превысить 6 тыс. руб. в год. Этой суммы было недостаточно не только на погашение долгов, но даже на уплату процентов. В интересах казны и ради спасения заимодавцев Берг-коллегия готова была пожертвовать Баташовыми и поэтому рекомендовала Сенату дать разрешение на продажу Виндреевского завода с аукциона. Сенат, однако, не согласился с мнением Берг-коллегии. В соответствии с содержанием Берг-регламента, он в 1771 г. предложил оставлять из прибыльных денег потребную на содержание заводов сумму, «наблюдая крайне, чтобы недостатком оные заводы в упадок приведены не были, достальную разделить в уплату ж кредиторам, смотря по количеству каждого долгу». Осуществляя этот указ, Берг-Коллегия для надзора за действием завода прислала канцеляриста Василия Абрамова.

Между тем дела Баташовых из года в год улучшались. К исходу 1771 г. они погасили векселей свыше чем на 18 тыс. руб. В следующем году им удалось уплатить должникам около 4500 руб.⁹⁴ Не оказала сколько-нибудь серьезного влияния на производительность завода и крестьянская война 1773—1775 гг. Пугачевцы были на заводе 11 августа 1774 г., но никаких разрушений ему не причинили. Комиссия Берг-коллегии, посетившая завод, отметила «одно только грабительство». Не прошло и трех месяцев, как 2 ноября 1774 г. Виндреевский завод возобновил работу. В итоге Баташовым удалось сохранить за собою завод вплоть до конца XVIII в., когда он числился за Прокофием Петровичем Баташовым, к тому времени получившим чин прапорщика.

Каким образом удалось Баташовым удовлетворить претензии многочисленных кредиторов, выкрутиться из долгов и не только предотвратить продажу завода с молотка, но и сохранить его производительность,— нам выяснить не удалось. В 1785 г. Баташовы, например, просили разрешения о пуске запасной домны, построенной еще на основании указа 1764 г. «во время свободного найма вольных работников и довольности в пруде воды обще с настоящею на четырехмесячное время»⁹⁵.

⁹⁴ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 3978, лл. 296—304, 318, 319, 327—330; ф. Берг-коллегии, кн. 48, лл. 160, 170, 174; кн. 1297; лл. 4, 5, 11, 61—99.

⁹⁵ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4422, л. 417.

Самая высокая производительность Виндреевского завода падает на пятилетие с 1783 по 1787 г., когда она составляла около 80 тыс. пуд. чугуна в год, т. е. превышала среднегодовую выплавку в течение пяти лет, предшествовавших крестьянской войне, на 10 тыс. пуд. В дальнейшем (1788—1797 гг.) производительность завода несколько снизилась и составляла немногим более 62 тыс. пуд. в год⁹⁶.

В 60-х годах строительство купеческих мануфактур в Подмосковном металлургическом районе прекращается. Последними подали заявки на сооружение вододействующих заводов купцы Богданов и Попов.

С именем московского первой гильдии купца Ивана Федоровича Богданова связано основание Ибердецкого завода.

В августе 1760 г. тульский купец Кирилл Григорьевич Крапивенцев доложил Берг-коллегии, что им обнаружены в землях ведомства дворцовой Конюшенной канцелярии на территории Ряжского и Скопинского уездов, близ речек Иберды и Табали, «железных руд признаки». Челобитчик изъявлял желание построить 10 ручных горнов и вододействующий молот для обработки криц. Берг-коллегия, не очень одобрительно относившаяся к строительству ручных горнов, на этот раз без всяких проволочек разрешила Крапивенцеву построить и горны, и вододействующий молот. Здесь, видимо, сыграло свою роль обещание челобитчика построить настоящую домну после того, как «завод придет в совершенное размножение и в исправность».

После получения позволительного указа Крапивенцев исчезает из поля зрения Берг-коллегии почти на два года и дает о себе знать лишь в мае 1762 г., причем в поданном доношении впервые упоминается имя Богданова. Оказывается, что Крапивенцев согласился выполнять функции приказчика Богданова, полностью финансировавшего строительство ручных горнов, пущенных еще в июле 1761 г. Сам же Крапивенцев «по неимуществу своему» построить завод не мог, и его роль сводилась только к наблюдению за строительством. 28 мая 1763 г. Богданов получил право строить вододействующий Ибердецкий завод с домной, двумя действующими и одним запасным молотами.

«Товарищество» в составе Богданова и Крапивенцева было непродолжительным. Уже к концу 1763 г. Богданов обратился в Берг-коллегию с жалобой на действия своего компаньона. Крапивенцев на строительство завода не издержал ни одной копейки, израсходовав при этом более 20 тыс. руб., предоставленных ему Богдановым. Последний возмущался тем, что, во-первых, расход денег не был оформлен соответствующими документами и записями в книге, и, во-вторых, ему стало известно, что «Крапивенцов более провождает время не при заводе, как ево долж-

⁹⁶ «Горнозаводская промышленность Урала...», стр. 128—129.

ность обязует, но в Туле в доме своем». Отсутствие надзора за строительством завода нанесло Богданову явный ущерб — только что возведенная домна рухнула, не вступив даже в действие.

Казалось, что после столь обоснованных претензий Богданов должен был освободиться от своего компаньона. Но компания по инерции продолжала влечить существование. Лишь в июне 1765 г. Богданов и Крапивенцев заявили о ликвидации своих прежних обязательств: Крапивенцев «за несостоянием» выбывал из компании. Таким образом, с июня 1765 г. Богданов стал единоличным владельцем строившегося Ибердецкого завода⁹⁷.

Ибердецкий завод был пущен в конце 1765 г. Первые же месяцы работы предприятия обнаружили его слабую энергетическую базу. Уже в январе 1766 г. Богданов доносил, что им построена домна и два молота, а третий запасной «за малоимением в Иберде воды» не построен. Хуже того, даже два молота «за малостью воды» бездействовали. Получилось так, что Богданов израсходовал «немалой свой капитал, а возврату еще не получал, ибо хотя доменный завод ныне действие и имеет, плавка чугуна производится, но токмо молотовой завод за малостью воды состоит без действия». Выход из положения был найден: в 30 верстах от Ибердецкого завода на р. Большой Мостье Богданов обнаружил удобное место для постройки молотовой «фабрики». Осматривавший это место шихтмейстер Георгий Гофман нашел, что оно для постройки молотовой «способно»⁹⁸. В итоге 21 августа 1767 г. Богданову разрешено было «построить на р. Большой Мостье 4 действующих и 2 запасных молота, дабы выплавляемой на построенной на речке Иберде домне чугуна без расковки в железо праздно не лежал»⁹⁹. Это разрешение, однако, осталось нереализованным, ибо Берг-коллегия под влиянием протеста И. А. Мосолова решила воздержаться от выдачи Богданову позвоительного указа и в то же время послала для осмотра места горного офицера.

Следов дальнейших действий Богданова источники не сохранили. В 1769 г. он умер, и Ибердецкий завод перешел во владение вдовы Федосьи Васильевны и малолетней дочери Натальи. 1 января 1772 г. вдова обратилась к брату покойного мужа Федору Федоровичу Богданову и зятю Дмитрию Пирогову с просьбой взять на себя поручительство по долгам умершего владельца завода, а также «переписать на свое имя для собственной их пользы» Ибердецкий завод. Поручители обязались погашать долги прибыльными деньгами, однако если их окажется недостаточно, то им предоставлялось право продать завод, «и в том ей,

⁹⁷ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1179, лл. 224, 243, 252, 253, 304, 307, 317; кн. 2061, л. 1068.

⁹⁸ ЦГАДА, ф. Берг-конторы, д. 175, лл. 1, 3.

⁹⁹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2061, л. 1087.

Федосье Васильевой Богдановой с дочерью своею против их, Богданова и Пирогова, ни в чем не прекословить». Положение поручителей усложнилось смертью вдовы в 1772 г.¹⁰⁰

В 1775 г. дочь покойного заводовладельца достигла совершеннолетия и вышла замуж за калужского купца Дмитрия Афанасьевича Евсевьева. На этом основании поручители просили либо передать завод наследнице, либо продать его, с тем чтобы вырученными деньгами расплатиться с кредиторами. Между тем Наталья Ивановна Евсевьева, поразмыслив о долгах своего отца, составлявших 16 618 руб., отказалась от наследования недвижимого имущества и долгов отца. Поручители, таким образом, вынужденно превратились в заводовладельцев. Но и их положение в деловом мире от этого не упрочилось. В конце 1775 г. Пирогов оказался под караулом в Московском магистрате за собственные долги на сумму 70 452 руб., а второй поручитель, Федор Богданов, будучи «человеком престарелым и к оным делам необыкновенным», не располагал необходимыми денежными средствами для содержания заводов. В 1778 г. Берг-коллегия санкционировала продажу завода, но усилия Берг-конторы на этот счет оказались тщетными — желающих купить завод не оказалось¹⁰¹.

Ибердецкий завод принадлежал к числу мелких мануфактур, которых немало возникало и исчезало в центральном металлургическом районе страны. Его производительность в конце 70-х годов (1777—1780) в среднем составляла 7240 пуд. чугуна в год. Это был высший предел, и в последующие десятилетия выплавка чугуна значительно снизилась. Так, в течение 1783—1789 гг., т. е. за семилетний период, завод функционировал только 5 лет и выплавил всего 25 379 пуд. чугуна, что составляет в среднем 5075 пуд. в год. В 90-х годах, когда завод числился за поручиком Никифором Калининым, выплавка чугуна поднялась, составив в 1796 г. 20 686 пуд.¹⁰²

История второго предприятия — Черепецкого завода, основанного в 60-х годах, весьма напоминает только что рассмотренную историю Ибердецкого завода.

Основатель Черепецкого завода тульский купец Иван Иванович Попов, надо полагать, был небогатым человеком, ибо прошел довольно долгий путь, пока стал мануфактуристом.

Надворный советник Андрей Ильич Шулепов в 1757 г. построил в собственных дачах в Лихвинском уезде шесть кричных горнов и вододействующий молот. Вскоре, однако, Шулепов умер, оставив наследниками жену с малолетним сыном. Вдова оказалась совершенно беспомощной в хозяйственных делах и неспо-

¹⁰⁰ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2061, лл. 1092—1096.

¹⁰¹ Там же, кн. 1370, лл. 170—191.

¹⁰² «Горнозаводская промышленность Урала...», стр. 128, 129.

собной продолжать дело мужа. 15 октября 1760 г. она сдала завод в аренду И. И. Попову сроком на 12 лет. В течение пяти лет Попов довольствовался ролью арендатора, но мало-помалу опутал вдову так, что последняя вынуждена была продать горны, плотину и прочее строение за 500 руб.

В конце 1765 г. Попов, будучи уже владельцем ручных горнов, обратился в Берг-контору с просьбой разрешить ему построить вододействующий завод с одной домной, двумя действующими и одним запасным молотами.

В те 12 месяцев, когда Попов «сильною рукою» строил завод, судьба строительства держалась на волоске, потому что прокурор Берг-коллегии Илья Соймонов опротестовал разрешение на постройку завода. Берг-коллегия хотя и не стала на сторону Соймонова, но все же предложила Берг-конторе освидетельствовать место, где Попов строил завод. 19 января 1767 г. Берг-контора решила послать на завод шихтмейстера Ивана Макашова, но буквально через день, 20 января, она получила от Попова доношение о том, что 23 декабря 1766 г. он пустил завод с домной и двумя молотами. Тем не менее Макашов все же отправился в Лихвинский уезд на р. Черепеть, но осматривал уже не заводское место, а действовавшее предприятие. Заводские постройки и инструменты были оценены в 14 500 руб. Кроме того, на заводе находилось тысяч на десять заготовленного сырья¹⁰³.

Черепецкий завод не относился к числу крупных предприятий. Но Попов не имел достаточных средств для того, чтобы пустить на полную мощность даже этот небольшой завод. За заводчиком числились значительные долги. Так, Прокофий Демидов в 1777 г. предъявил иск на 37 тыс. руб. И все же завод не был продан с аукциона, так как указом 1782 г. у наследников (к тому времени Попов уже умер) не велено было взыскивать долгов родителей. П. Демидов, видимо, потеряв всякую надежду на взыскание долга, передал вексель учрежденному им Московскому воспитательному дому.

Перечисленные обстоятельства самым пагубным образом отразились на производительности завода и привели его к захищению. Так, если в 1769—1781 гг. среднегодовая производительность завода составляла 18,2 тыс. пуд. чугуна, то в течение последующих лет (1783—1799 гг.) она снизилась до 10,6 тыс. пуд. в год. В 1800 г. Черепецкий завод значился за внуком основателя — Василием Поповым. Так как сумма долга на нем составляла 21 957 руб., то завод был конфискован.

На исходе XVIII в. тульское купечество выделило еще одного промышленника — Филата Афанасьевича Засыпкина, но последний не строил заводов, а покупал их готовыми. Он, видимо, располагал крупными денежными средствами, ибо в 1798 г.

¹⁰³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2061, лл. 519—562.

приобрел два завода: Мезгея-Маловлянский в Одоевском и Богдано-Петровский в Лихвинском уезде. Оба завода были куплены у дворян — первый у коллежского секретаря Ивана Алексеевича Кепонова, второй — у кн. Юрия Владимировича Долгорукова. Первой в августе 1798 г. была заключена купчая на Мезгея-Маловлянский завод, оборудованный домной и двумя молотами. Богдано-Петровский завод был покрупнее — на нем стояли две домны, из которых одна считалась запасной, и три действующих молота.

Разрешение купить Богдано-Петровский завод было обусловлено требованием Берг-коллегии, «чтобы он, Засыпкин, действие завода довел до положения штатного». В 1799 г. Засыпкин обнаружил, что работу завода «до штатного положения» «довести не иначе можно, как вперед умножить воду, за умалением которой тот завод имеет остановку». Засыпкин наметил к трем имеющимся молотам прибавить еще три, но выполнение этого плана обусловил разрешением купить крестьян; он имел уже 82 души, купленных с заводом, а «по препорции» надлежало иметь 1038 душ.

Сведений о сумме, уплаченной за Мезгея-Маловлянский завод, у нас не имеется. Богдано-Петровский завод Засыпкин приобрел за 189 тыс. руб. Исчерпывающими данными о происхождении капиталов Засыпкина мы не располагаем, но несомненно, что тульский купец был причастен к откупам. Это явствует из того, что Засыпкин, оформив купчую на приобретение Мезгея-Маловлянского завода, через год заложил его под выполнение каких-то откупных операций ¹⁰⁴.

* * *

История Олонцкого металлургического района характерна специфическими чертами, которые отличают предприятия этой группы от прочих в России. Таких особенностей по крайней мере четыре. Во-первых, частные заводы рассматриваемого района были мелкими предприятиями. Продукция любого из доменных заводов Демидовых на Среднем Урале намного превышала выплавку чугуна всеми олонцкими частными заводами вместе взятыми. Во-вторых, все предприятия района были компанейскими — у каждого из них было несколько совладельцев. В-третьих, все заводы оказались недолговечными. Заводы работали не на местный рынок, а на внешний, где их продукция не выдерживала конкуренции с высокосортным уральским железом. Высокий прожиточный минимум в крае значительно повышал себестоимость продукции олонцких заводов, обслуживае-

¹⁰⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2238, л. 567; кн. 2242, лл. 125—127; ф. Берг-конторы, д. 507, лл. 1—3, 7, 10.

мых исключительно наемным трудом. Поэтому судьба всех владельцев заводов была одинакова до мелочей — все они разорялись и кончали жизнь неоплатными должниками. Наконец, в четвертых, источники накопления капиталов у владельцев заводов Олонецкого района были иными, чем у большинства прочих промышленников. Заводовладельцы этого района не занимались винокурением и винными подрядами. И это не удивительно, ибо в условиях сурового климата и малоплодородных почв край не только не производил товарного хлеба, но испытывал хроническую нехватку продовольствия. Олонецкие купцы занимались поэтому преимущественно заграничной торговлей и только отчасти поставляли в казну продовольствие на подрядных основаниях.

Частная металлургия Олонецкого района в XVIII в. ведет свое начало от Вохтозерского молотового завода. О. И. Васильевская относит возникновение этого завода к 1734 г., когда зажиточный приписной крестьянин Степан Алексеев, владелец хлебной мельницы, служившей, видимо, основным источником накопления денежных средств, построил сыродутную домницу. По договору, заключенному с надзирателем казенного Кончезерского завода Яковом Бланком, Алексеев обязался поставлять на завод крицы, и за это ему разрешено было пользоваться казенными рудниками.

Добрососедские отношения Алексеева с администрацией Кончезерского завода продолжались лишь до 1736 г., когда владелец сыродутной домницы решил построить вододействующий молот. С этой целью Алексеев принял в компанию Корнила Мурашева, тоже приписного крестьянина, и сломал мельницу, чтобы на ее плотине построить молотовую. Разрешение на постройку одной сыродутной домницы и вододействующего молота Генерал-берг-директориум выдал 6 сентября 1739 г., а через год канцелярия Петровских заводов предоставила право пристроить еще шесть домниц и один молот. Еще через год, 31 октября 1741 г., вдове Степаниде Мурашевой было предложено в течение четырех лет построить взамен семи домниц настоящую доменную печь. Компания Мурашевой в 1742 г. свою долю завода «уступил за бедностью своею в вечное владение ей, Мурашевой». Однако и вдова не располагала достаточными средствами, чтобы управиться с постройкой домны. В конце того же 1742 г. она донесла, что «за малолетством детей своих и за умалением капитала своего к строению при том заводе большой домны уступила зятю своему олонецкому посадскому человеку Сысою Попову одну треть, а вторую треть брату своему родному олонецкому посадскому человеку Якову Кононову, да родственнику своему Петровских заводов жителю Венедикту Васильеву».

Оба олонецких купца, Кононов и Попов, вели заграничную торговлю. Предметом их экспорта было железо, т. е. продукция

собственных заводов, но, кроме того, они продавали за границу хлеб. Яков Кононов, минуя иностранных посредников, доставлял товары за границу на собственных «ластовых мореходных судах». В Петербург суда возвращались с европейскими товарами. Обратный капитал Якова Коконова вместе с капиталом его сына Михаила составлял 10 тыс. руб. Капитал Попова был поменьше, по данным того же 1764 г., составлял 3,5 тыс. руб.¹⁰⁵

Пополнение компании не внесло существенных изменений в состояние промышленного хозяйства. Ведомость, присланная канцелярией Петровских заводов в Берг-коллегию в 1745 г., отметила, что Вохтозерский завод «еще и поныне совсем постройкою ко окончанию не приведен». Дело ограничилось сооружением в 1745 г. вместо сгоревшей малой молотовой новой молотовой с двумя большими и одним малым молотами¹⁰⁶.

Производительность Вохтозерского завода была незначительной: продукция 7 домниц в 1744 г. составляла 5500 пуд, кричного железа. Владельцы завода объясняли это обстоятельство тем, что печи работали только в течение 5—6 летних месяцев, а в остальное время «за непоставкою крестьянами, которые сами собою добровольно подряжаются, руд и угля» бездействовали¹⁰⁷.

В 1758 г. компаньоны исхлопотали разрешение на постройку доменного завода на р. Кивач, в 25 верстах от Вохтозерского завода. Разрешение было дано, и работа Киворецкого завода с одной домной началась в 1761 г. За всю историю существования завода максимальная производительность домны была достигнута в 1763 г., когда выплавка чугуна составила 20 810 пуд. Средняя годовая выплавка за десятилетие с 1761 по 1770 г. лишь немногим превышала 7 тыс. пуд. чугуна, который отвозился на Вохтозерский молотовый завод.

Третий завод, входивший в металлургический комплекс компании, возглавлявшейся вдовой Мурашевой, был построен на Топоречке. Разрешение на его постройку компания получила еще 31 мая 1762 г., но вместо постройки доменной печи в течение многих лет довольствовалась эксплуатацией четырех сыродутных горнов. Доменную печь компаньоны пустили лишь в 1770 г., после того, как Берг-коллегия пригрозила исключить их из числа заводчиков за нерадение. В итоге Топоречкий завод стал доменным и молотовым, причем производительность домны этого завода была еще ниже, чем в Вохтозерском.

Со временем состав компании, владевшей тремя заводами, значительно изменился. В 1758 г. в компанию вошел петербургский купец Потап Парамонов, получивший часть Вохтозерского завода в качестве приданого за дочерью Мурашевой. В конце

¹⁰⁵ ЦГАДА, ф. Комиссии о коммерции, д. 445/33, лл. 5, 10.

¹⁰⁶ О. И. Васильевская. Частная металлургия Карелии в середине XVIII в., стр. 41—44; ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1006, л. 269.

¹⁰⁷ Там же, кн. 1006, л. 270.

1769 г. «компанейщик Яков Кононов, придя в старость», препоручил свои пай в заводах двум сыновьям — олонецким купцам Михайлу и Илье Кононовым, а себя просил от заводов освободить¹⁰⁸. Михаил Кононов приумножил состояние отца и превратился в крупного купца и подрядчика. Во время Семилетней войны он брал подряды на поставку продовольствия для русской армии, находившейся в Пруссии, а после окончания войны развил подрядческую деятельность в Петербурге и Риге¹⁰⁹. М. Кононов, кроме того, вел крупные внешнеторговые сделки. Его внешнеторговый оборот в 1772 г. составил 68 587 руб., а в 1773 г. — 126 416 руб., причем на долю ввоза приходилось 75 669, а вывоза — 50 747 руб.¹¹⁰

В 60—70-х годах большая часть паев членов компании сосредоточивается в руках Кирилла Попова, родственника Сыся Попова, петербургского купца «и разных фабрик содержателя». В 1769 г. К. Попов покупает за 2 500 руб. пай, принадлежавший Венедикту Васильеву, а в 1773 г. Потап Парамонов продал ему свои пай — шестую часть в Вохтозерском заводе и четвертую — в Топорецком за 2150 руб. В том же году оставила компанию основательница фирмы вдова Мурашева, продавшая тому же Попову свою двенадцатую долю в Вохтозерском заводе и четвертую долю в Киворецком за 1950 руб.¹¹¹

Превратившись во владельцев основных паев, К. Попов и М. Кононов не сумели на долгое время продлить существование компании. Киворецкий завод прекратил работу в 1778 г., а Топорецкий и Вохтозерский — в 1780 г. Остановку заводов К. Попов объяснил отсутствием покупателей и приписных крестьян и необходимостью выдавать задатки наемным. Немаловажное значение имело распоряжение канцелярии Петровских заводов о том, чтобы государственные крестьяне оставили частные заводы для выполнения своих повинностей на государственных предприятиях, несмотря на то, что на этих крестьянах, как жаловались Попов и Кононов в 1774 г., числился «немалой наш заданной по договорам же капитал». Но особенно пагубное влияние на судьбу Вохтозерских заводов оказал указ канцелярии Петровских заводов 17 июня 1775 г., запрещавший частным промышленникам нанимать приписных крестьян без специального на то разрешения канцелярии. Этим указом канцелярия фактически лишала заводы рабочей силы и обрекала их на медленное угасание. К. Попов и М. Кононов не слишком сгущали краски, когда писали в Берг-коллегию, что если не будет отменен этот указ, то заводы придут «в неминуемую остановку»¹¹².

¹⁰⁸ Там же, кн. 2073, стр. 895.

¹⁰⁹ О. И. Васильевская. Указ. соч., стр. 59—60.

¹¹⁰ ЛОИИ, ф. Воронцова, д. 570, лл. 109, 124.

¹¹¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1369, л. 354.

¹¹² Там же, кн. 1301, лл. 552, 555.

Несколько по-иному и вряд ли правильно освещал причины остановки заводов автор топографического описания Олонецкого наместничества. «Нерадение людей,— пишет он,— коим поверено было хозяйственное сим заводом управление, причинившее ежегодно великие убытки содержанию безвременную покупкою материалов и припасов для действия заводского, есть единственною причиною остановки Вохтозерского завода». Менее определенно автор описания высказался о причинах остановки Киворецкого завода, домна которого остановилась в 1778 г.: «для одной только поправки внутренних разгоревшихся стен, но по недостатку нужных для переделки ее материалов остается и ныне неисправленною»¹¹³.

Столь же печальной была судьба компании, связанной со строительством и эксплуатацией Туломозерского доменного и молотового завода. Основателем компании являлся купец, судовладелец и подрядчик Иван Степанович Бармин. В ее состав входили Иван Иванович Игачевский и олонецкий купец Матвей Анисимович Чогин. И. С. Бармин вел крупные внешнеторговые и подрядные операции. В 1762 г. он отправил в Амстердам и Бордо русские товары на собственном корабле. Операция, надо полагать, оказалась удачной, так как в следующую навигацию Бармин в дополнение «к собственному своему мореходному кораблю» снарядил еще три галиота. По данным Олонецкого магистрата на 1764 г., внешнеторговый оборот Бармина составлял 50 тыс. руб. в год, причем он, подобно Я. Кононову, принадлежал к числу весьма немногих русских купцов, которые отправляли товары за границу на собственных кораблях. Но особенно Бармин подчеркивал свою причастность к выполнению подрядов. «Патриотическое рвение» его во время Семилетней войны проявилось в том, что он на собственных кораблях поставил «подрядной провиант и овес» в Кенигсберг, Пиллау и Кольберг «с немалою перед другими купцами в просимой ими цене уступкою». Бармин не прекращал подрядных операций и после постройки завода, хотя они, видимо, протекали менее успешно. В 1773 г. Провиантская канцелярия числила на Бармина 7111 руб. недоимки¹¹⁴.

Об Игачевском известно, что до постройки Туломозерского завода он подвизался в лесопромышленности, владея вместе с Барминым пильной мельницей.

Разрешение на постройку завода в верховьях реки Туломы, впадающей в Ладожское озеро, компания получила 8 июля 1762 г. и свою промышленную деятельность в области металлургии начала с сооружения в том же году трех сыродутных горнов. Доменная печь была пущена только в январе 1767 г. Оборуду-

¹¹³ РОБИЛ, Музейное собр., № 2930, лл. 115, 116.

¹¹⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1250, л. 295; кн. 1335, л. 376; ф. Комиссии по коммерции, д. 445/33, л. 4.

дование завода, состоявшее из домны и трех молотов, позволяло выпускать изделия разнообразного ассортимента: косы, топоры, кровельное железо и т. д., но производственная мощность предприятия в полной мере никогда не использовалась. Доменная печь лишь в первые годы после пуска увеличила в два-три раза выплавку чугуна по сравнению с выпуском кричного железа ручными горнами, а уже в 70-х годах ее производительность снизилась до 300—700 пуд. чугуна в год.

В 1790 г. Бармин сообщил, что он один вложил в Туломозерский завод 65 тыс. руб. Если к этому прибавить затраты, произведенные Игачевским и Чогиным, то общая сумма расходов приближалась к 90 тыс. руб. Затраты, пусть даже несколько преувеличенные, все же по тому времени очень большие, не оправдали надежд, поскольку на компаньонов обрушились несчастья в сфере, не связанной с металлургией. В 1765 г. Бармин понес значительный урон в связи с наложением секвестра на его суда и товары в Голландии. В 1769 г. вдова Игачевского Евдокия вышла из компании за неимением капитала. Позже, в 1773 г., она с согласия Бармина попыталась продать свою часть завода рижскому купцу Якову Ивановичу Тиссену, но сделка не состоялась. К этому времени компаньоны должны были казне свыше 30 тыс. руб. Третий компаньон, Чогин, тоже оказался в должниках и в 1776 г. продал свои права на завод Бармину¹¹⁵.

В итоге Туломозерский завод прекратил работу 22 апреля 1778 г.

В следующем году Бармин попытался с разрешения Берг-коллегии передать завод премьер-майору Ивану Власовичу Логинову на 12 лет. Сам Бармин в челобитной, поданной в Сенат в 1790 г., жаловался на Олонецкий магистрат, поверставший его в мещанское звание и взыскивавший соответствующие подати. Некогда богатый купец и промышленник на склоне дней стал мещанином. Из этой челобитной, кроме того, явствует, что Бармину удалось сдать завод Логинову «из ежегодного платежа на аренду» до 1792 г. «А я не имея у себя никаких торгов и промысла,— писал Бармин,— пользуюсь лишь одними арендными с того Логинова за завод тот деньгами».

Сенат рекомендовал разорившемуся промышленнику самому определить свое место в сословном строе. Если он претендует на сохранение за собою звания промышленника, то должен записаться в первую или вторую гильдию. «Если же записаться не пожелает, то лишится права заводчика и имеет остаться мещанином»¹¹⁶.

¹¹⁵ О. И. Васильевская. Указ. соч., стр. 60—62; ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4587, л. 272.

¹¹⁶ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2174, л. 305. О. И. Васильевская пишет о московском купце Иване Логинове, обязавшемся при вступлении в компа-

Попытка Казенной палаты связаться с Логиновым и добиться от него обязательства привести завод в действие не увенчалась успехом. Ей удалось лишь установить, что майор Логинов находился на службе в Карачевском уезде на винокуренных заводах ¹¹⁷.

С именем Бармина связано строительство еще одного предприятия — Тивдийского стального и молотового завода. Этот завод тоже был «компанейским», им владели петербургский купец, судовладелец и подрядчик Меркул Яковлевич Шаргаев, подрядчик по доставке на собственных судах казенных грузов из Петровских заводов в Петербург Иван Ильич Мартьянов, уже известный нам И. С. Бармин и олонецкий купец Федор Кухнов. Олонецкий магистрат сообщил в 1764 г. об И. Мартьянове и его брате Стахее следующие данные: «Торгуют в С.-Петербурге и внутрь государства, имеют в компании стальные заводы и торговый хлебный и подряды казенные на своих мореходных судах» ¹¹⁸. Слова «торгуют в С.-Петербурге» следует понимать так, что Мартьяновы были связаны с иностранными купцами, так как во всех ведомостях, присланных в 1764 г. в Комиссию о коммерции, пофамильно были перечислены лишь те купцы, которые вели заграничную торговлю.

Члены компании обратились 26 июля 1761 г. в Берг-коллегию с просьбой разрешить им построить на р. Тивдии стальной завод. Компаньоны писали, что они издержали громадные средства на разведывание сырья для изготовления высококачественной стали, которую они обязались поставлять казне по более низкой цене, чем шведская. Как показали лабораторные испытания, проведенные Монетной канцелярией, сталь действительно оказалась высокого качества. Что касается заявления компаньонов относительно каких-то особо секретных способов изготовления стали столь высокого качества, на что они якобы издержали много денег, то на проверку оказалось, что этот способ был хорошо известен олонецким крестьянам, промышленявшим производством уклада и стали. Кусок стали, отправленный основателями заводов на пробу в Берг-коллегию, а последней — в Монетную канцелярию, был изготовлен в 1761 г. крестьянином Олонецкого погоста Андреем Евдокимовым.

Указ на постройку завода был дан Берг-коллегией в марте 1762 г., а в действие завод вступил в феврале 1764 г. Он был оборудован двумя сыродутными печами, молотовой «для дела стали» с шестью молотами. Плотина завода была использована также для сооружения на ней пильной и хлебной мельниц.

нию внести пай в сумме 10 тыс. руб. Является ли упоминаемый нами Логинов одворянившимся купцом или однофамильцем Логинова, в монографии Васильевской не сказано.

¹¹⁷ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4377, лл. 348, 356.

¹¹⁸ ЦГАДА, ф. Комиссии о коммерции, д. 445/33, л. 8.

Последнее обстоятельство объяснялось тем, что компаньоны стали испытывать финансовые затруднения сразу же после пуска стального завода, на строительство которого они будто бы израсходовали 30 тыс. руб. Уже в мае 1766 г. М. Шаргаев и И. Бармин жаловались на «изнеможение» и «великое отягощение и убыток», связанные со строительством и эксплуатацией Тивдийского завода. Приведенные слова заимствованы из челобитной в Сенат, в которой заводовладельцы просили выдать компенсацию за их суда, взятые казной «в вояж» и попибшие в 1761 г. В 1769 г. М. Шаргаев просил ходатайства Берг-коллегии, чтобы Коммерческий банк отсрочил взыскание 3 тыс. руб. с Мартьянова, по которому он, Шаргаев, являлся поручителем. Берг-коллегия поддержала просьбу Шаргаева. Коммерческий банк, однако, отказал в ходатайстве Берг-коллегии на том основании, что отсрочка платежа заемных сумм «никому не чинится»¹¹⁹.

Подлинный упадок компании начался с появлением недалеко от Тивдийского завода мраморного карьера. С этого времени был положен конец монопольному положению сталепромышленников на рынке рабочей силы — появился более мощный конкурент в лице Конторы строения Исаакиевской церкви. В одной из своих челобитных заводовладельцы изображали себя благодетелями края, оказывавшими, не жалея средств, местным жителям продовольственную помощь, «чтобы их от голодной смерти спасти». В действительности же под флагом «благотворительности» заводовладельцы закабалили местных крестьян, попавших в исключительно тяжелое положение вследствие неурожая в середине 60-х годов XVIII в. Крестьяне ближних селений охотно выполняли предписание руководителя мраморного карьера капитана Зайцева, освобождавшее их от необходимости являться на Тивдийский завод для отработки полученных задатков.

Оправдывая действия своего агента, Контора строения Исаакиевской церкви на запрос Берг-коллегии отвечала, что наем рабочих как на ломку мрамора, так и на завод промышленники и капитан Зайцев производят беспрепятственно, и если все-таки завод оказался без рабочих, то объясняется это отсутствием у его владельцев необходимых средств. «Если оные заводчики имели достаточный капитал, то б людей вольных всегда с крайним довольствием на тех их заводах имели».

В этой оценке финансового состояния компаньонов была доля истины. Но вместе с тем бесспорным следует признать и тот факт, что убытки заводовладельцев, выразившиеся в потере ими 7 тыс. руб., выданных в свое время в качестве задатков приписным крестьянам, были в значительной мере обусловлены действиями капитана Зайцева, который «отдал приказ с таковым подтверждением, чтобы все таковые должники приказчиков не

¹¹⁹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1301, лл. 206, 207.

только не слушали, но чтоб в противном случае прогоняли дубьем».

Берг-коллегия встала на сторону промышленников и попыталась оказать давление на Контору строения, чтобы она им «удовольствие... по своему благорассуждению» учиняла и уволила «обзадаченных» крестьян с мраморного карьера на завод. Реального значения эта мера Берг-коллегии не имела. Лишь спустя 17 лет после подачи первой челобитной заводовладельцев, в 1780 г., когда Тивдийский завод давно бездействовал, а в живых остался один Бармин, ущерб, причиненный Конторой строения Исаакиевской церкви, был компенсирован уплатой бывшим заводовладельцам 1500 руб.¹²⁰

Тивдийский завод оказался мелким и недолговечным предприятием. Он был закрыт в 1774 г. За время его существования с 1764 по 1774 г. на нем было изготовлено около 5500 пуд. стали и 440 пуд. «долотцев» для обтески плит на Тивдийском мраморном карьере. Наиболее высокая производительность была достигнута в 1765—1766 гг., когда выпуск стали превышал 1 тыс. пуд. в год, а в 1770, 1772 и 1773 гг. «фабрика стояла в остановке», после чего в течение двух лет было изготовлено 200 пуд. четвертичной стали и 190 пуд. «долотцев»¹²¹.

Остановке завода способствовали смерть в 1773 г. Шаргаева и Кухнова и банкротство остальных двух компаньонов — Бармина и Мартьянова. В 1778 г. Бармин вместе с вдовами Шаргаевой и Кухновой сдали Тивдийский стальной завод на три года в аренду английскому купцу Иосифу Гилю за 600 руб. аренды в год. 1800 руб. компаньоны получили с Гиля в том же 1778 г.¹²² По свидетельству шихтмейстера Андрея Белоносова, обследовавшего Тивдийский стальной завод, Гиль организовал на нем «цилиндрическую фабрику для тянутья холодного железа в разные тонкие сорты», а также производство посуды и, наконец, ковку железа «из получаемых криц, в сыродутных печах плавленных», но промышленная деятельность Гиля оборвалась очень быстро.

Причины отказа Гиля от использования прав арендатора недостаточно ясны. Из топографического описания Олонецкого наместничества и путевых записок Николая Озерецковского следует, что Тивдийский стальной завод Гиль привел в цветущее состояние, но в 1780 г. совершенно неожиданно наступила развязка: «Окончивши же все перестройки фабрик и заготовив знатное количество сибирского железа, уехал в Сант-Петербург и поступился заплаченными впредь за три года деньгами содержателям

¹²⁰ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1296, лл. 258—261, 278, 279, 283—287, 336, 357.

¹²¹ О. И. Васильевская, Указ, соч., стр. 67.

¹²² ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1373, лл. 93, 94.

«значенного завода». Сам Бармин не проявлял никакого интереса к судьбе Тивдийского завода ¹²³.

В 60—70-х годах Олонецкий металлургический район пополнился еще рядом металлургических заводов, существовавших, правда, недолго. К ним относятся два предприятия, основанные петербургским купцом Василием Елизарьевичем и его братом, олонекским купцом Лазарем Елизарьевичем Ольхиными. Петербургский купец В. Е. Ольхин пышно именовался «бумажной и перловых круп, картной фабрик и ластовых мореходных судов содержанием». Перечисленные здесь «фабрики» были мелкими предприятиями. Например, предприятие, торжественно названное «фабрикой», производило в год перловых круп всего на 100 руб. С 1759 г. Ольхин становится содержанием нескольких петербургских мостов; один из них, связывавший Адмиралтейскую сторону с Васильевским островом, Ольхин получил готовым, а два других, соединявших Васильевский с С.-Петербургским островом и С.-Петербургский остров с Выборгской стороной, он обязался построить на свои деньги, для чего просил Берг-контору продать ему в рассрочку барки, на которых доставлялось в столицу казенное железо с уральских заводов ¹²⁴.

25 сентября 1760 г. братья Ольхины заявили в канцелярии Петровских заводов, что они желают на р. Тубе, вытекающей из Тубозера, построить вододействующий завод. Руда, как показала проба в лаборатории, была бедной и содержала от 10 до 32% чугуна ¹²⁵.

В 1763 г. братья построили «молотовую сыродутную фабрику», плотину и приступили к строительству домны, но в 1764 г. «от великого наводнения под оную землю размыло, зачем она и не достроена». Строительство домны Ольхины более и не возобновляли на Туборецком заводе, а решили ее поставить на р. Вичке, впадающей в Пергубский залив Онежского озера. Разрешение Берг-коллегии на постройку Вичковского завода было выдано только 31 июля 1766 г. ¹²⁶

Таким образом, Туборецкий завод должен был быть исключительно передельным, а Вичковский — доменным. Фактически на Туборецком заводе «происходила весьма малаяковка железа из криц в сыродутных печках». Работа сыродутных печек не устраивала Берг-коллегию, и она «в рассуждение сбережения лесов через бесприбыльное таковуюковкою истребление» запретила эксплуатацию ручных горнов и обязала Ольхина построить доменную печь. Ольхин домны не построил; «почему Берг-

¹²³ Там же, кн. 2174, лл. 266, 267, 306; РОБИЛ, Музейное собр., № 2930; л. 118; Н. Озерецковский. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. СПб., 1792, стр. 218, 219.

¹²⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2057, л. 57; ПСС, т. XXII, № 16299, стр. 501—502.

¹²⁵ Там же, кн. 1192, лл. 80, 84.

¹²⁶ Там же, кн. 1273, лл. 13, 26.

коллегия за такое упорство определила было Туборецкий завод продать». Намерение Берг-коллегии не было реализовано только потому, что не нашлось желающего купить завод. В итоге Туборецкий завод, остановившись в 1774 г., более не возобновлял работы. Сам Ольхин, будучи вызван в Казенную палату Олонецкого наместнического правления, объявил, что возобновить работу завода без приписки или восстановления права покупки крестьян не представляется возможным ¹²⁷.

Что касается Вичковского завода, то о его судьбе имеются две исключаящие друг друга версии. По одной из них, неправильной, но прочно утвердившейся в канцелярских дебрях Берг-коллегии, завод «не только что когда в действие был пущен, но ни же и приготовлен к оному не бывал». Этой версии придерживается и автор топографического описания Олонецкого наместничества. В действительности же Вичковский завод с домной и двумя молотами был пущен в 1772 г. и в том же году был продан с. с. Алексею Степановичу Волкову, переименовавшему его в Вичко-Алексеевский. Поскольку Берг-коллегия не располагала данными о работе предприятия и считала его бездействовавшим, то летом 1778 г. во время пересмотра состава заводчиков она определила на основании указа 1721 г. и Берг-регламента 1739 г. отобрать завод в казну, а самого Волкова «из заводчиков выключить». Столь суровая репрессия являлась следствием недоразумения. Тем не менее Волкову пришлось употребить немало усилий, чтобы доказать свою правоту, и все они оказались бесплодными. Неблагоприятный для Волкова приговор был вынесен Сенатом дважды: 9 января 1787 г. и 31 марта 1793 г. Ссылаясь на манифест от 28 июня 1782 г., запрещавший строить заводы на чужой земле, Сенат предписал Казенной палате, не отдавая завода «в собственность Волкову, так как единожды навсегда в казну взятого и на казенной земле заведенного», стараться «употребить его в пользу казенную». Завод не возобновил работу и к этому времени пришел в полную ветхость ¹²⁸.

Кроме русских купцов и дворян, среди основателей металлургических предприятий в Олонецком районе было две фирмы иностранного происхождения. В состав первой из них входили французские предприниматели Петр Баралл и Денис Шаноний. Строительству доменного и молотового завода французскими фабрикантами предшествовала организация ими в Олонецком крае жестяного производства. По контракту, заключенному в 1765 г., французы обязались основать при Петровских заводах

¹²⁷ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4377, л. 348; ф. Берг-коллегии, кн. 1371, лл. 520, 521, 536; кн. 2174, лл. 269, 308; РОБИА, Музейное собр., № 2930, л. 118.

¹²⁸ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4330, лл. 505, 506, 518, 557; ф. Берг-коллегии, кн. 1371, л. 513; кн. 2174, лл. 315, 316, 338; РОБИА, Музейное собр., № 2930, л. 119.

«фабрику» для производства белого железа и изготовления из него посуды, а также выпускать сталь, косы, серпы и наперстки. Берг-коллегия предоставила Бараллу и Шанонию исключительно выгодные условия. Она передала французам находившихся при Петровских заводах мастеров, подмастерьев и учеников. Им выдавалась беспроцентная ссуда в размере 20 тыс. руб., которые они должны были вернуть казне на протяжении 5 лет. Кроме того, Берг-коллегия обязалась в течение 10 лет поставлять по 25 тыс. пуд. сибирского железа ежегодно, по 70 коп. за пуд. Готовую продукцию французы могли продавать как внутри страны, так и за границей. Чрезвычайно выгодными были для иностранцев условия обеспечения их предприятия рабочей силой. В дополнение к отданным казенным мастерам, подмастерьям и ученикам французы могли нанимать вольных работников. «А ежели и вольных работников нанять не сыщут, то к ним для исправления всякой черной работы, когда потребуют, до 50 чел. нарядить из приписных крестьян, которым они двойную плакатную плату производить должны»¹²⁹. «Фабрика» была пущена 1 января 1768 г. Предоставленных льгот французам показалось мало, и они в 1770 г. обратились в Берг-коллегию с просьбой о новых привилегиях. Французские фабриканты просили Берг-коллегию ходатайствовать перед Сенатом об увеличении пошлин на ввозимую из-за границы жечь. Берг-коллегия поддержала эту просьбу перед Сенатом, но Сенат решил запросить мнение Коммерц-коллегии. Последняя нашла, что, поскольку французы и до этого продавали жечь на 15% дороже иностранной, то с увеличением ввозной пошлины они могут еще более повысить цену на нее, поэтому Коммерц-коллегия высказалась против удовлетворения их домогательств. Сенат нашел аргументы Коммерц-коллегии убедительными и отказал в просьбе французов и ходатайстве Берг-коллегии¹³⁰.

А. Ярцов в своей «Российской горной истории» сообщает, что изготовление на заводе жести и посудных вещей «сначала происходило с довольным успехом, деланная же ими жечь, составлявшая главное их изделие, как то и многие другие жестяные вещи, лакированные железные подносы, вазы, чайники, поваренная посуда и прочее отправлялись водою для продажи в С. Петербург для заморского отпуска и внутри государства с желаемою им пользою». Конкурентами французских мануфактуристов выступали «расторопные англичане», которые с целью «подрыва» производства изделий из жести стали продавать привезенную ими посуду по дешевым ценам, «хотя она им самим многим дороже шла».

¹²⁹ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 3902, лл. 410—413; ПСЗ, т. XVII, № 12335, стр. 63—66.

¹³⁰ Там же, кн. 3867, лл. 367—371, 376, 377, 388—390.

Другой причиной распада компании была расточительность одного из ее основателей, Баралла, по отзыву Ярцова, человека весьма легкомысленного и пристрастного к роскоши. Живя в Петербурге, выполняя там функции комиссионера и экспедитора, Баралл расточительно расходовал вырученные деньги, и предприятие стало испытывать недостаток в средствах.

В 1775 г. истек срок ежегодного получения французскими фабрикантами 25 тыс. пуд. уральского железа. Это вынудило их позаботиться о создании собственной сырьевой базы, и они в 1773 г. просили разрешения на постройку доменного и переделного завода на р. Мегре, в 25 верстах от Онежского озера¹³¹. Разрешение было предоставлено лишь в 1774 г., после того как французским предпринимателям пришлось преодолеть сопротивление промышленников-судостроителей, владевших на р. Мегре и Охре верфями. Несмотря на это, Баралл и Шаноний в 1776 г. построили домну и три молота.

Пуск Мегро-Михайловского завода Ярцов характеризовал как «хитрую французов выдумку», «дабы тем протянуть только время взыскиваемого с них платежа казенных денег». Неудачный исход затеи с Мегро-Михайловским заводом был обусловлен и тем, что его основатели не имели понятия о низком качестве болотных руд, из которых получалось «кропкое» железо, совершенно непригодное для производства жести. Впрочем, автор топографического описания Олонецкого наместничества придерживался на этот счет иного мнения: «Во время действия сего завода,— писал он,— выплавляемый чугуны употреблялся тут же на ковку железа, которое было посредственной доброты, но иностранные мастера оное исправили. Завод сей мог бы приведен быть в лучшее еще совершенство, если бы последовавшее в 1778 г. наложение секвестра не прекратило действие оного».

В результате перечисленных причин жестяная мануфактура, а также только что пущенный Мегро-Михайловский завод прекратили работу в 1778 г. Долг французов казне составил крупную по тому времени сумму — 193 977 руб., из которых на 158 756 руб. французы получили сибирского железа, 20 тыс. руб. ими было получено на строительство мануфактуры и т. д. Недоимку французам платить было нечем, и Берг-коллегия предложила Петрозаводской канцелярии принять заводы в свое ведомство. По смете канцелярии, возобновление производства требовало свыше 35,5 тыс. руб., которыми она не располагала. Олонецкий генерал-губернатор Туттолмин пытался восстановить железную фабрику и даже добился в 1787 г. отсрочки взимания недоимки на три года, с тем чтобы весь долг погасить в течение последующих 22 лет, но взявшийся за возобновление производства посуды один из членов компании не располагал необходи-

¹³¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2069, л. 198

мыми средствами. Сооружения приходили в ветхость, и в произведенной в 1791 г. описи остатки промышленного хозяйства французских купцов были оценены в 25 439 руб. Заводы было решено продать с торгов, но выручка составила всего лишь 6 492 руб. Таким образом, убыток казны составлял около 187,5 тыс. руб. В 1802 г. долг с французов, как совершенно безнадежный, решено было не взыскивать¹³².

В Олонецком металлургическом районе подвизался еще один иностранец, действительный статский советник и лейб-медик Круз, начавший в 1770 г. строительство Вытегорского завода на р. Вытегре. Этот завод так и не был достроен, домна возведена лишь наполовину, несмотря на то, что материалов для ее сооружения было запасено достаточно. В 1783 г. Круз показал, что вследствие низкого качества руды и дороговизны вольных работников он отказался от намерения построить металлургический завод и использовал сделанную плотину под винокурню¹³³.

Мы рассмотрели историю пяти промышленных фирм и девяти принадлежащих им заводов, не считая прекращенного строительством Вытегорского завода лейб-медика Круза¹³⁴. В общей сложности в состав компаний в разное время входило 20 промышленников, из которых 16 были русскими купцами, двое — дворянами и двое — иностранцами. Ни одна из фирм, равно как и ни один из основанных ими заводов, не дотянула до рубежа XIX в. Самой долговечной компанией оказалась основанная С. Алексеевым и К. Мурашевым фирма, построившая три завода: Вохтозерский, Киворецкий и Топорецкий. В состав этой компании в разные годы ее существования входили такие в прошлом богатые купцы, как М. Я. Кононов и К. Попов. Тем не менее и эта компания, периодически поддерживаемая новыми капиталами, сумела продержаться всего лишь четыре десятка лет. Прочие компании, менее многочисленные и менее мощные в экономическом отношении, распадались через несколько лет после своего возникновения. Недолговечность промышленных фирм Олонецкого района объяснялась многими причинами, главнейшая из которых состояла в непреодолимых трудностях обеспечения предприятий рабочей силой. Олонецкая деревня выталкивала немало отходников, но они предпочитали искать

¹³² А. С. Ярцов. Российская горная история, ч. III, лл. 28—30.

¹³³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2174, л. 308.

¹³⁴ С. Алексеев, К. Мурашев, С. Попов, Я. Кононов, В. Васильев, В. Парамонов, М. Кононов, К. Попов составили компанию владельцев Вохтозерского, Киворецкого и Топорецкого заводов; И. Бармин, И. Игачевский, М. Чогин, И. Логинов владели Туломозерским заводом; М. Шаргаев, И. Мартьянов, Ф. Кухнов, И. Бармин построили Тивдийский стальной завод; В. и Л. Ольхины, А. Волков владели Туборецким и Вичковским заводами; французы Шаноний и Баралл основали жестяную мануфактуру и Мегро-Михайловский доменный и молотовый завод.

заработки вне пределов края, где покупательная способность рубля была значительно выше. Между тем олонецкие промышленники, конкурируя с уральскими, стремились держать заработную плату на таком же уровне, какой сложился в других районах страны, где прожиточный минимум был значительно ниже. Отсюда систематические жалобы промышленников Олонцкого района на недостаток наемных рабочих, их претензии на приписку крестьян к заводам и т. д.

Имели также значение распоряжения канцелярии Петровских заводов, ограничивавшие отход наемных на частные предприятия. Немаловажное влияние на распад компаний оказывало качество сырья, в особенности железной руды, из которой при высокой себестоимости промышленники получали низкосортные чугуны и железо, уступавшие продукции уральских заводов. Отсюда убыточность олонецких заводов. Правительство, сохраняя в этом районе казенные заводы, мирилось с их убыточной эксплуатацией ради укрепления обороноспособности новой столицы, но частные промышленники от этих убытков разорялись. Разорение членов компаний ускорялось еще и тем, что они организовывались купцами, уже до этого находившимися на грани краха.

* * *

Таким образом, в Европейской России находился самый многочисленный отряд промышленников-металлургов. В то же время этот отряд был самым неустойчивым по составу. На протяжении XVIII в. к металлургии Европейской России было причастно 47 купеческих фамилий, из которых к концу столетия осталось только восемь.

Высокая текучесть металлургов наблюдалась и в Подмосковном промышленном районе. Тем не менее здесь к концу века из 31 завода осталось 13. Оба явления — интенсивный приток купеческих капиталов в металлургию Европейской России и весьма скромные результаты купеческого предпринимательства — легко объяснимы. Торгово-промышленные центры Европейской России по уровню развития стояли выше соответствующих центров, расположенных на окраинах государства. Естественно поэтому, что накопление капиталов происходило здесь значительно быстрее, чем в других местах. Этим самым создавались предпосылки для перемещения накопившихся в торговле капиталов из сферы обращения в сферу производства.

Купцы избирали районом приложения накопленных капиталов Олонцкий край и Подмосковье не случайно. Они предпочитали развивать торгово-промышленную деятельность в привычных для себя условиях, т. е. в тех самых районах, где вели торговые операции. Так, центром округа, в которой Рюмины активизировали свои торговые и подрядные операции до своего

перевода в Петербург, был Переславль Рязанский. В этой же округе они построили металлургические заводы. Равным образом купцы Карасевы построили Подбережские заводы в том же Зубцовском уезде, на территории которого они занимались винокурением. Торгово-промышленная деятельность олонечких купцов тоже развевывалась в тех районах, где позже они построили металлургические заводы. Так, Бармин вместе с Игачевским владели недалеко от построенного ими Туломозерского завода пильной мельницей; Мартьянов был подрядчиком по доставке казенных грузов из Петровских заводов в Петербург, следовательно, он тоже был хорошо знаком с организацией металлургического производства в крае. Таким образом, в обоих металлургических районах — Подмосковном и Олонецеком — подвизались местные купцы. Они не искали приложения капиталов в других районах еще и потому, что размеры этих капиталов были весьма скромными. При прочих равных условиях эксплуатация завода, построенного в Олонецеком крае или Подмосковье, требовала от промышленника примерно в два раза меньше оборотных средств, чем эксплуатация такого же завода на Урале.

Преимущества владельцев олонечких заводов состояли в том, что их предприятия находились в непосредственной близости от Петербурга, что обеспечивало быструю и дешевую доставку в столицу готовой продукции для последующей ее продажи за границу. Напротив, караваны с уральским железом следовали в Петербург 14—16 месяцев.

На быструю оборачиваемость средств рассчитывали также владельцы подмосковных заводов, обычно не связанных с внешним рынком, но продававших изделия в близлежащем районе.

У промышленников Европейской России, особенно Подмосковья, было еще одно существенное преимущество, связанное с обеспечением предприятий рабочей силой. Им было проще купить крепостных крестьян к заводу или обеспечить его наемными рабочими, поскольку заводы стояли в районах с более высокой плотностью населения и относительно более емким рынком рабочей силы.

Однако все эти преимущества нейтрализовались одним существенным недостатком, делавшим тщетными все усилия большинства купцов организовать стабильное производство. Недостаток этот заключался в низком качестве сырья и его дороговизне. С особенной наглядностью влияние низкого качества руды на стабильность производства сказалось в Олонецеком районе, где одинаково плохо приживались как казенные, так и частные заводы. Первые из них организовали производство на принудительном труде, вторые — на наемном. Несмотря на это различие, результат был одинаковым — предприятия приносили убыток в том и другом случае. Правда, казна до поры до времени мири-

лась с убытками, поскольку Олонецкие заводы, близко расположенные к театру военных действий, рассчитаны были на снабжение армии и флота вооружением, но затем вынуждена была закрыть все свои заводы. Что касается частных заводов, то их убыточная эксплуатация вконец разорила промышленников.

Такую же примерно картину мы наблюдаем на большинстве заводов Подмосковного металлургического района, с тем различием, что здесь наряду с низким качеством руды пагубно влиял на стабильность предприятий недостаток угля. Все это вместе взятое разоряло многих промышленников. В таком положении оказались, например, владельцы Подбережских заводов Карасевы, быстро израсходовавшие наличную руду, а также владевшая Терсинским заводом компания во главе с Морозовым, располагавшая рудой неудовлетворительного качества.

КРУПНЫЕ КУПЕЧЕСКИЕ ХОЗЯЙСТВА УРАЛА

Уральский металлургический район с благоприятными природными условиями для развития металлургии стал средоточием крупных промышленных хозяйств и в течение нескольких десятилетий XVIII в. выдвинулся на первое место по производству меди и чугуна, оттеснив ранее сложившиеся очаги индустриальной культуры на задний план. Эксплуатация дешевой рабочей силы и использование высококачественного уральского сырья обеспечили быстрое обогащение ряда промышленных династий. С уральской металлургией связана деятельность таких промышленных магнатов, как Твердышев с Мясниковым, Походяшин, Яковлев и другие крупные заводоуправляющие, чьи хозяйства к концу XVIII в. оценивались в миллионы рублей.

Из крупных промышленных комплексов на Урале, принадлежавших купцам, ранее всех сложился тот, которым владели Осокины.

История промышленной фирмы Осокиных имеет ту особенность, что они были единственными заводоуправляющими, чье хозяйство во второй половине XVIII в. не подвергалось дроблению и сосредоточилось в руках единственного представителя этой фамилии. Все многоотраслевое хозяйство Осокиных, включавшее доменные, молотовые и медеплавильные заводы, сукожную мануфактуру в Казани, а также Балахнинские солеваренные промыслы, в конце XVIII в. оказалось в руках подполковника Петра Ивановича Осокина, внука основателей первых заводов — крестьян балахнинских вотчин Троице-Сергиевой лавры Петра Игнатьевича и его двоюродного брата Гавриила Полуектовича Осокиных.

В истории хозяйства Осокиных можно обнаружить еще одну характерную особенность: на протяжении XVIII в. оно развивалось медленно, без бурных взлетов и столь же бурных катастроф. Быть может, это объяснялось средним качеством сырья того района, в котором обосновались Осокины, а скорее всего, отсутствием в их роде дельцов типа Походяшина и Твердышева — людей не только алчных и цепких, но стяжателей крупного масштаба.

Почти одновременно с металлургией Осокины стали заниматься солеварением. Это видно из челобитной, поданной Осокиными в 1731 г., когда они только приступили к постройке Иргинского металлургического завода. В ней Осокины сообщали, что в том же Кунгурском уезде, где они строили Иргинский завод, «на реке Барде и на протчих малых реках имеютца соляные заводы;

которые строятца своим же коштом по данным указом от Ка-мор-коллегии и от Кунгурской канцелярии с прошлого 1730 г.». Указаний на связь Осокиных с винокурением и винными откупами нет. Правда, из цитированного выше документа явствует, что Осокины имели намерение получить откуп на продажу вина в районе их строившихся соляных промыслов и завода, но этот откуп был обусловлен не столько стремлением увеличить доходы, сколько попыткой создать более благоприятные условия для промышленного производства — получить возможность регулировать время работы кабаков, «а не для какой себе при-были»¹.

Наиболее вероятным источником первоначального накопления капиталов у Осокиных были хлебная торговля и хлебные подряды. Об этого рода их деятельности имеются сведения начиная с 20-х годов XVIII в. В эти годы балахнинские купцы Василий Игнатьевич, Гавриил Полуектович, Петр Игнатьевич и Иван Тимофеевич Осокины являлись крупнейшими поставщиками провианта в Петербург. В 1721 г. перечисленные представители рода Осокиных поставили в Петербург 9064 куля подрядного хлеба. В 1725 г. Гавриил Осокин привез на берегу Невы 4141 куль собственного хлеба, Иван Осокин — 444 куля, Петр Осокин — 264 куля. Особенно крупным был привоз в 1726 г., когда Василий, Петр и Иван Осокины доставили в новую столицу 28 677 кулей, или свыше четверти миллиона пудов разного провианта². С хлебной торговлей Осокины не расставались и в более поздние годы³.

Изучение первых шагов Осокиных в металлургии свидетельствует о том, что честь открытия рудников и мест, удобных для строительства завода, принадлежала не балахнинским купцам. Они воспользовались трудами других.

Еще в августе 1725 г. житель Семеновской слободы в Москве Федор Евдокимов и посадский г. Калуги Иван Кадмин испросили у Берг-коллегии разрешения на поиски полезных ископаемых в Сибирской, Казанской и Астраханской губерниях. Через год Кадмин донес, что он в компании с Авдеем Резанцевым и Климом Лекиным обнаружил в Кунгурском уезде на реках Иргине, Турыше и Шуртуне железную руду и просил разрешения построить там заводы. Оказалось, однако, что хотя компания и была многочисленной, но в экономическом отношении маломощной. В этих условиях Осокиным без труда удалось договориться с Резанцевым и Лекиным о покупке рудников и заводских мест. Первоначально на правах компаньона Осокиных значился сын

¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 763, л. 784.

² М. Я. Волков. Привоз хлеба в район Петербурга в 20-х гг. XVIII в. — «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России» (сб. статей к 70-летию А. А. Новосельского). М., 1961, стр. 118—124.

³ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 3208, лл. 805—808; кн. 3343, лл. 530—532.

Резанцева Степан, а Авдею Резанцеву и Лекину следовало «быть при том заводе для вспоможения». В дальнейшем Осокиным, видимо, удалось отделаться от безденежных компаньонов и помощников. Во всяком случае, ни в одном из последующих документов ни отец с сыном Резанцевы, ни Лекин не фигурируют в качестве компаньонов и помощников Осокиных.

Соглашение об уступке Осокиным рудников и заводского места было оформлено в январе 1728 г. Основанием для постройки завода послужил указ Сибирского Обер-берг-амта от 9 февраля 1728 г. и указ Берг-коллегии от 19 марта 1729 г. Домна Иргинского завода была пущена 20 ноября 1730 г.⁴

На Иргинском заводе совмещались все виды металлургического производства: он был доменным, переделным и медеплавильным. В ведомости, отправленной в Берг-коллегию в 1732 г., приказчик Родион Набатов от имени Петра и Гавриила Осокиных писал, что на заводе «добротою делается медь не ниже заморской, а железо за неимением искусных мастеров далеко добротою ниже того, каково делается на казенных Екатеринбургских и дворянина Демидова Сибирских заводах». Однако после того, как Осокиным удалось обзавестись знающим свое дело мастером, железо «делать стали прежняго гораздо лутче, которое на пробе благонадежно имеет стоять против самого мяхкого сибирского железа». На заводе было организовано, кроме того, производство медной посуды⁵.

Вслед за пуском Иргинского завода Осокины начали хлопоты о постройке медеплавильного предприятия на р. Юг. Первоначально балахнинские купцы намеряли поставить две медеплавильные печи. Разрешение на сооружение завода они получили 31 марта 1731 г. До конца года Осокины занимались подготовительными работами — расчисткой площадки и заготовкой строительных материалов, причем материал заготавливался не на две, а на три печи. Фактически завод был оборудован шестью печами и пущен через два года после получения указа — 29 марта 1733 г.⁶

В 1734 г. Осокины поделили принадлежавшее им хозяйство, причем Петру достался Иргинский, а Гавриилу Юговский завод⁷.

Сырьевая база Иргинского завода оказалась непрочной⁸. В 1735 г. с П. Осокиным, по заявлению его приказчика, «учинилось нещастие, ибо железные руды, имевшиеся вблизи, все

⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 756, лл. 547—551, 558, 559.

⁵ Там же, кн. 769, л. 505; J. G. Gmelin. Reise durch Sibirien, Bd. I. Göttingen, 1751, S. 108.

⁶ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 727, л. 69; кн. 769, лл. 148, 150; кн. 858, л. 156.

⁷ Там же, кн. 858, л. 157.

⁸ Там же, кн. 769, л. 505.

пресеклись». Осокин с разрешения администрации казенных заводов стал пользоваться рудой горы Благодать, но вскоре обнаружил, что «за дальностью провоза руд на подводах стал ...чюгун ценою высокою и затем того чюгуна плавить стало ...несходно». В связи с этим П. Осокин в апреле 1737 г. исхлопотал разрешение на постройку завода поближе к гороблагодатской руде, на р. Салде, но некоторое время спустя передумал строить там новое предприятие и вернулся к первоначальному варианту переработки гороблагодатской руды на Иргинском заводе.

Осокин отказался от постройки Салдинского завода в связи с хлопотами о получении в свои руки гороблагодатских заводов, находившихся еще в стадии строительства. Обращаясь с просьбой передать ему заводы, Осокин соблазнял казну тем, что обязывался там достроить две домны с 14 молотами, причем в счет суммы, затраченной казной на постройку гороблагодатских заводов, он обязался поставить 50 тыс. пуд. якорей и 400 тыс. пуд. полосового железа по ценам значительно ниже тех, по которым производил поставки Демидов. В этом случае казна, по подсчетам Осокина, должна была получить прибыли 82 тыс. руб. в год. Взамен этого П. Осокин просил освободить его от уплаты десятины и взимания пошлины на 10 лет, приписать крестьян к заводам «по препорции», а также разрешить использовать 500 пуд. собственной меди для чеканки денег, с тем чтобы получить возможность финансировать окончание строительства заводов, не прибегая к займам.

Просьба П. Осокина была адресована Генерал-берг-директориуму и по определению последнего попала в марте 1738 г. на заключение к В. Н. Татищеву, тогдашнему главному командиру Канцелярии главного правления сибирских и казанских заводов. Татищев хотя и считал Осокина среди всех промышленников Урала «прилежнейшим к размножению горных заводов», тем не менее к его просьбе отнесся резко отрицательно. «Мню,— писал Татищев,— что он, Осокин, или без ума будучи или от кого другого неразумного или безсовестного на то прельщен». Татищев доказывал, что передача гороблагодатских рудников и заводов на условиях, предложенных П. Осокиным, сказочно выгодна последнему и мало прибыльна казне. Татищев сомневался в возможности получения обещанной Осокиным прибыли, так как на достройку заводов и их пуск на полную мощность потребуется не менее 50 тыс. руб., в то время как от передела меди на деньги промышленник мог получить только половину этой суммы и недостающие деньги «занять скоро не может». Руководитель горной администрации на Урале пришел к пессимистическому выводу: «Итак, оная обещанная от него прибыль останется чрез многие годы токмо на бумаге».

Отказывая П. Осокину в просьбе, Татищев в то же время считал возможным оказать ему некоторую помощь. Он догады-

вался, что хотя Осокиным и отведены места под заводы, но они их не строят «от недостатка денег и людей». Поэтому Татищев предлагал обеспечить заводы Осокина приписными крестьянами, снабдить необходимыми припасами с казенных заводов по себестоимости с платежом за них в течение 10 лет, предоставить ему ссуду в 10 тыс. руб. сроком на пять лет и освободить на восемь лет от платежа десятины⁹.

После неудачной попытки овладеть казенными предприятиями и гороблагодатской рудой П. Осокин в 1738 г. приступил к строительству Салдинского завода, соорудив там кузницу и меховую, а также заготовив некоторые припасы. Передача гороблагодатских заводов Шембергу приостановила начатое дело, так как Канцелярия главного заводов правления запретила Осокину продолжать строительство. Правда, после изъятия заводов у Шемберга Берг-коллегия 24 октября 1743 г. предложила Осокину начатый на р. Салде «завод достраивать сильною рукою», но этот указ не был реализован, так как Осокин, лишившись покровительства Татищева, более не мог рассчитывать на пользование гороблагодатской рудой¹⁰.

Влиятельного при дворе барона Шемберга, пользовавшегося поддержкой временщика Бирона, балахнинские купцы, разумеется, одолеть не могли. Постигшая неудача вынудила их обратиться за разрешением построить медеплавильные заводы на новых местах: Бизярского (П. И. Осокин) и Курашинского (Г. П. Осокин). Указ о строительстве Бизярского завода был дан Канцелярией главного заводов правления 4 июля 1739 г., приступил к его постройке П. Осокин в следующем году, а пущен он был 3 марта 1741 г. Указ о постройке Курашинского завода Г. Осокин получил одновременно с двоюродным братом, одновременно с ним приступил и к строительству завода, но дела у него шли менее успешно, и завод начал работу только 1 января 1742 г. На обоих заводах стояло по шести медеплавильных печей.

Помимо постройки новых предприятий Осокины совершенствовали и старые. В частности, они одними из первых соорудили латунные фабрики. В 1741 г. Генерал-берг-директориум разрешил на Юговском и Иргинском заводах построить «для дела-ния ис красной меди в зеленую латунь фабрики». Фабрики выпускали разнородную посуду: кунгалы, чайники, кофейники, молочницы, а также чернильницы и другие изделия¹¹.

Петр Игнатьевич Осокин действовал более энергично и в последующие годы. 14 марта 1747 г. он заключил контракт с Оренбургской губернской канцелярией на постройку завода на

⁹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 682, лл. 18, 29—33.

¹⁰ Там же, кн. 697, л. 237; кн. 858, л. 158.

¹¹ Там же, д. 275, л. 481.

р. Назе, получившего название Назе-Петровского. Точных сведений о времени пуска этого завода у нас не имеется. По данным ведомости, составленной в Берг-коллегии в 1751 г., Назе-Петровский завод значился не вполне готовым предприятием, хотя молотовые, разумеется, не на полную мощность, начали работать еще в 1749 г. И. Лепехин относит начало работы завода к 1751 г.

При сооружении этого завода, оснащенного домной, четырьмя действующими и двумя запасными молотами, П. Осокина преследовали неудачи: в 1748 г. весенний паводок нанес строившемуся заводу «великие повреждения», так что заводовладелец не мог рассчитывать «не токмо, чтоб прибыли получить, но и издержанных денег нимало не выручил». Смущало Осокина и отсутствие вблизи завода резервов рабочей силы, наемные же из дальних мест, получив задаток, убегали. Это окончательно убедило заводовладельца в целесообразности продать завод. 1 октября 1751 г. Осокин продал его Мосоловым за 27 тыс. рубл. Мосоловы вступили во владение заводом много месяцев спустя, лишь 20 марта 1752 г., потому что продавец и покупатель не приходили к соглашению относительно оценки находившегося при заводе сырья. Поэтому в течение нескольких месяцев завод хотя и значился за Мосоловыми, но перерабатывал сырье, заготовленное еще Осокиным¹².

В том же 1752 г. сын Гавриила Осокина Иван заключил с Оренбургской губернской канцелярией контракт на строительство в Уфимской провинции на р. Кидаше медеплавильного завода. Наряду с обязанностями Осокина контракт предусматривал и льготы, какие содержали аналогичные документы, заключенные Оренбургской губернской канцелярией с Твердышевым и Мясниковым, — обязательство губернской канцелярии платить башкирам аренду за место, на котором стоял завод, запрещению строить другие заводы ближе чем за 50 верст, обязательство передавать в распоряжение Осокина квалифицированных мастеров, «в которых на казенных заводах нужда не явится», разыскивать наемных, взявших задатки и убежавших с завода, и т. д. Завод, оборудованный четырьмя медеплавильными печами и названный Троицким, был пущен 21 февраля 1754 г.¹³

После продажи Назе-Петровского завода Петр Игнатьевич Осокин тоже предпринял две попытки расширить свое промышленное хозяйство. В 1754 г. он намеревался начать постройку медеплавильного завода с шестью печами на р. Бабке в Кун-

¹² ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 256, лл. 31, 35, 37. Ведомость 1762 г. сообщает, что Мосоловы приступили к переработке собственного сырья с 1753 г., а не с 20 марта 1752 г. («Материалы по истории Башкирской АССР», т. IV, ч. 2, стр. 257; И. Лепехин. Продолжение дневных записок путешествия, ч. 2, стр. 269).

¹³ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. IV, ч. 2, стр. 145—150, 286.

гурском уезде. Руду на новый завод он предполагал возить из рудников, отведенных Бизярскому заводу¹⁴. На этот раз П. И. Осокин ограничился подачей челобитной, о чем пришлось позже жалеть его наследникам, ибо его оплошностью воспользовался граф Чернышев, построивший на том самом месте Аннинский медеплавильный завод.

Лишь к концу 50-х годов П. И. Осокин всерьез взялся за сооружение нового предприятия. Это начинание было связано с изменением профиля Иргинского завода. Плавку чугуна на Иргинском заводе Осокин прекратил еще в 1742 г. «за недопущением насилием» разработки Советинских железных рудников приказчиком А. Демидова Петром Мануйловым. Длительный спор П. И. Осокина с А. Н. Демидовым окончился для Осокина благополучно, и он в 1753 г. добился-таки права добывать руду в Советинском руднике. Домна Иргинского завода возобновила работу в 1756 г., причем сразу же стало ясно, что переделный цех этого предприятия, оборудованный двумя действующими и одним запасным молотами, явно не справится с перековкой чугуна. Таким образом, появилась надобность в дополнительном переделном заводе.

Красноуфимская воеводская канцелярия в 1758 г. разрешила П. И. Осокину построить пыльную мельницу на р. Саране. Когда началось строительство плотины, Осокин обнаружил, что на ней можно поставить две молотовых с шестью действующими и двумя запасными молотами. Определение о постройке Саранинского завода Берг-коллегия вынесла 18 апреля 1760 г.¹⁵

Саранинский завод П. И. Осокин начал строить в августе 1760 г. Первую молотовую «фабрику» он пустил в апреле 1761 г. Однако с самого начала действия завода происходила «заминка» — обнаружилась большая утечка воды под плотину.

До выяснения причин утечки воды Осокин решил воздержаться от постройки второй молотовой «фабрики». Берг-коллегия предписала Канцелярии главного заводов правления послать на Саранинский завод опытных плотинного и молотового мастеров, предложив им «коштом ево, Осокина, привести в исправное действие» заводские механизмы¹⁶. Устранить неисправность удалось нескоро. Вторую молотовую «фабрику» на Саранинском заводе Осокин построил только в конце века. Тогда на заводе значилось шесть молотов; они переделывали чугун, доставлявшийся с Иргинского завода.

В 60-х годах XVIII в. начинается активная деятельность внука Гавриила Полуектовича Осокина, Ивана Петровича. В нераздельном владении этой линии Осокиных, где Иван Петрович был единственным мужчиной, находилось три завода: Юговский,

¹⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1158, л. 448.

¹⁵ Там же, кн. 973, л. 202; кн. 1173, лл. 15—17, 33; 34.

¹⁶ Там же, кн. 1205, лл. 486, 487.

Курашинский и Троицкий. Вдова Гавриила Полуектовича отказала принадлежавшую ей указанную часть своему внуку, т. е. И. П. Осокину; свою мать, а также тетку с двумя дочерьми И. П. Осокин компенсировал деньгами. В итоге этих сделок И. П. Осокин стал единоличным владельцем названных выше трех заводов.

Стараниями И. П. Осокина в течение 60-х годов было построено еще два завода: Нижне-Троицкий и Усень-Ивановский. Маловодная речка Кидаш, на которой стоял Троицкий завод, очень ограничивала работу его четырех печей. Поэтому Иван Гаврилович Осокин еще в 1758 г. присмотрел в 5 верстах ниже Троицкого завода на той же речке Кидаше удобное место под завод. Осматривавший его обер-гитенфорвалтер Иван Яковлев нашел, что «к постройке плотины удобность есть, токмо по широкости места немалой убыток нанести может». Опасения Яковлева были основательными, так как после дополнительных разысканий плотину решили строить не в 5 верстах от Троицкого завода, как намечалось ранее, а в 4½ верстах. С этого времени ранее основанный завод получил название Верхне-Троицкого, а вновь построенный — Нижне-Троицкого. По сути дела это было одно предприятие, ибо Нижне-Троицкий завод не имел самостоятельного значения: на нем плавка меди не производилась, а действовали вспомогательные сооружения, перенесенные с Верхне-Троицкого завода, — колотушечный молот, два молота для расковки меди и разбивки известкового камня и другие подсобные механизмы. Разрешение на постройку завода было выдано 26 апреля 1760 г., а пущен он был 13 сентября 1760 г. Капитан Н. П. Рычков, осматривавший оба завода в 1769 г., отметил, «что все устроено с отменным искусством и рачением»¹⁷.

Исполнителем намерений своих предков И. П. Осокин выступил и при постройке Усень-Ивановского медеплавильного завода. Мысль о его сооружении возникла у дяди Ивана Петровича — Ивана Гавриловича еще в 1754 г., когда он захотел пополнить промышленное хозяйство двумя новыми предприятиями на речках Усень и Чермасан. Полгода спустя, в ноябре 1754 г., И. Г. Осокин отказался от намерения одновременно строить два завода «за реткостью лесов и за малым течением воды в речке Чермасане». Но, остановив свой выбор на р. Усень, И. Г. Осокин все же не приступил к постройке на ней завода. Ходатайство о постройке завода на этой речке возобновил И. П. Осокин. Геодезист Петр Авдеев, обследовавший эту речку, нашел, что она «течение имеет по мелкому галешнику, берега в крепкой красной глине», а ресурсами пруда можно обеспе-

¹⁷ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. IV, ч. 2, стр. 193—196, 288; «Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова...», стр. 102.

чить работу трех медеплавильных печей. Указ Берг-коллегии на сооружение завода был дан 21 июля 1759 г. и затем повторен 10 мая 1760 г. Усень-Ивановский медеплавильный завод с двумя печами начал работать 29 ноября 1761 г.¹⁸

Итак, к концу 60-х годов Осокины владели следующими предприятиями: хозяйство Петра Игнатьевича составляли три завода — Бизярский, Иргинский и Саранинский; за преуспевающим внучатым племянником его Иваном Петровичем числилось пять заводов, причем все они были медеплавильными, — два Троицких, Юговский, Курашинский и Усень-Ивановский. Раздельное существование двух хозяйств продолжалось до 1769 г. А 7 апреля 1769 г. Петр Игнатьевич Осокин, не имевший наследников, продал свои три завода И. П. Осокину за 121 тыс. руб.¹⁹ В 70-х годах XVIII в. И. П. Осокин к восьми заводам добавил еще три: один из них он построил, а два купил. Кроме того, в эти же годы подвергся очередной реконструкции и изменению профиля Иргинский завод. На этом заводе стояло семь медеплавильных печей, причем все они работали непродолжительное время в году и обычно плавку производили три-четыре печи. Так как медеплавильные предприятия И. П. Осокина испытывали недостаток в руде, то заводовладелец нашел более выгодным с 1769 г. прекратить плавку меди на Иргинском заводе, а добываемую для него руду использовать на Юговском, Курашинском и Бизярском заводах. Вместо остановленных медеплавильных печей Осокин просил разрешения построить молотовую фабрику с тремя молотами, мотивируя свою просьбу тем, что чугуна иртинской домны «из году в год по немалому числу остается, отчего ему, Осокину, нескоряя выручка деньгам бывает». Указом 25 апреля 1771 г. Берг-коллегия разрешила Осокину построить на Иргинском заводе дополнительную молотовую фабрику²⁰.

24 марта 1774 г. И. П. Осокин был введен во владение Пудемским и Мешинским заводами Келарева и Ляпина, купленными им с аукциона за 25 800 руб. Новому владельцу удалось пустить долго бездействовавший Пудемский завод, но в связи с крестьянской войной он вновь остановился. Завод, не будучи разорен, все же бездействовал свыше двух лет. Осокин объяснял остановку отсутствием горнового камня. Впрочем, казанское горное начальство находило объяснение малоубедительным, так как двух лет было достаточно не только для ремонта, но и для постройки горна или даже целого завода²¹.

¹⁸ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. IV, ч. 2, стр. 288; ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 259, лл. 244, 258, 259; кн. 730, лл. 270, 272, 282, 305.

¹⁹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1294, лл. 332, 334, 336, 346.

²⁰ Там же, кн. 1313, лл. 556, 561, 562.

²¹ ГАСО, ф. Уральского горного управления, оп. 1, кн. 2313, л. 409.

Наконец, в 1775 г. Осокин ввел в действие Омутнинский доменный и передельный завод. Это было последнее предприятие, построенное Осокиным в XVIII столетии.

Ходатайство о постройке Омутнинского завода И. П. Осокин возбудил еще в феврале 1766 г. В челобитной он писал, что в предшествующем году «чрез посланных моих служителей употреблением немалого кошта» в Слободском уезде Вятской провинции были найдены железные руды, а на притоке р. Вятки речке Омутной — удобное место для постройки завода. Решение вопроса усложнилось встречной претензией на те же рудники со стороны владельцев Кирсинского завода Ивана Курочкина и Александра Юринского, причем последние доказывали, что эти рудники были обнаружены ими намного раньше. Утомительная и долголетняя тяжба окончилась в пользу Осокина, построившего на речке Омутне домну и шесть молотов.

Строительство нового завода Осокин осуществлял во время крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Сам по себе этот факт свидетельствует о том, что бурные события крестьянской войны прошли стороной и не внесли сколько-нибудь существенных изменений в ритм производственной деятельности осокинских заводов. Ни один из них не подвергся сожжению или разорению. Бизярский, Курашинский, Пудемский и строившийся Омутнинский заводы вообще не испытывали никакого влияния крестьянской войны. Тем не менее И. П. Осокин надеялся получить от правительства ссуду на льготных условиях. Кроме того, он просил разрешения купить крепостных с таким расчетом, чтобы их число соответствовало установленным правительством нормам. Ничего из просимого Осокин не получил. Тем не менее все его предприятия в 1775 г. работали; самая продолжительная остановка некоторых из них (обоих Троицких, Усень-Ивановского) не превышала 10 месяцев.

Если исходить из числа заводов, то промышленное хозяйство И. П. Осокина было самым крупным в России, ибо ни один из промышленников России в конце XVIII в. единолично не владел 11 заводами. Ни у одного из них, в частности, не было семи медеплавильных предприятий. Однако по производственной мощности хозяйство Осокина уступало промышленным комплексам многих крупных заводоладельцев. Так, домны всех его четырех заводов черной металлургии выплавляли немногим более 100 тыс. пуд. чугуна в год, т. е. меньше, чем Невьянский или Нижне-Тагильский заводы. Среднегодовая производительность медеплавильных заводов Осокина была значительно ниже предприятий Турчанинова, Бекетовой, Козицкой и прочих наследников Твердышева и Мясникова. Важно отметить, что хозяйство Осокина в течение последней четверти XVIII в. медленно катилось вниз. Если в 1785 г. Осокин получил 21 065 пуд. меди, то через 10 лет, в 1795 г., ее выплавка сократилась

на треть, составив всего 14 869 пуд. Уменьшилась, хотя и не столь значительно, выплавка чугуна: в 1785 г. она составляла 126 тыс. пуд., а в 1795 г.—118 тыс. пуд. Вывод, основанный на сопоставлении данных этих двух крайних дат, нельзя считать прочным, ибо на производительность предприятий могли оказать существенное влияние как природные, так и социальные факторы, например недостаток воды вследствие засушливого лета, прорыв плотины, отсутствие сырья из-за «непослушания» крестьян и т. д. Однако в данном случае тенденция к снижению производительности заводов подтверждается также и показателями за промежуточные годы.

Глубокий кризис в хозяйстве Осокина наступил в начале XIX в. К этому времени заводы пришли в такое расстройство, что И. П. Осокин, отягощенный многочисленными долгами, не нашел иного выхода из положения, как продать предприятия. Желая выпутаться из долгов, Осокин предложил Государственному вспомогательному банку в залог все заводы и суконную фабрику в Казани, но банк соглашался принять только заводы, расположенные в Пермской губ., что не давало Осокину возможности расплатиться со всеми кредиторами. Поэтому он и решил продать Юговский, Курашинский, Бизярский, Иргинский и Саранинский заводы московскому купцу Андрею Андреевичу Кнауфу за 1315 тыс. руб. Кнауф взял на себя погашение долга Осокина Вспомогательному банку в сумме 730 500 руб., а остальные деньги обязался вручить продавцу наличными. Купчая была совершена 4 апреля 1804 г.²²

С плавным и медленным развитием осокинского хозяйства ни в какое сравнение не идет формирование промышленного комплекса, принадлежавшего выдающимся деятелям южно-уральской металлургии симбирским купцам Ивану Борисовичу Твердышеву и Ивану Семеновичу Мясникову. Оба они вошли в металлургию в 40-х годах XVIII в., т. е. на 15 лет позже Осокиных, но достигли значительно больших результатов — за четыре десятилетия они основали 10 крупных металлургических заводов и приобрели около 8 тыс. крепостных, заняв одно из первых мест среди крупнейших заводоладельцев России.

По отзывам современников, лично знавших «симбирян», Твердышев и Мясников не принадлежали к числу богатых купцов. П. И. Рычков в «Топографии Оренбургской» начинавшего промышленника Твердышева называет «невеликим капиталистом». Другой современник, кн. М. М. Щербатов, участвовавший в разделе имущества между Я. Б. Твердышевым и его племянницами и в связи с этим изучавший заводские книги, отметил, что примерно около 1756 г. «при начале их заводов было на них долгу до 500 тыс. рублей, а в 1784 г., когда Иван

²² ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2633, лл. 181, 182, 215.

Борисович Твердышев умер, уже были заводы заведены, восемь тысяч душ куплено и до двух миллионов с половиною чистого капитала было»²³. Молва приписывала появление первоначального капитала у Твердышева 500-рублевому подарку Петра I, которым царь якобы удостоил приглянувшихся ему разбитных гребцов, перевозивших его через Волгу. По преданию, получив эти деньги и совет царя попытать счастья в горном деле, Твердышевы отправились на Урал²⁴.

В действительности путь Твердышева в уральскую металлургию был менее романтичным и более тернистым, причем в накоплении его капитала едва ли не главным источником были подряды и откупа. Деловые операции Твердышева в ранний период освещены источниками весьма скудно. Удалось лишь установить, что отец Ивана Твердышева с 1729 по 1732 г. был бурмистром Симбирской ратуши. За эти годы он задолжал казне 1166 руб. 35 коп.²⁵ Сам Иван Твердышев, по сведениям краеведа прошлого столетия, начал «свое промышленное поприще в мещанском звании, с торговли мясом»²⁶.

Более подробные сведения об Иване Твердышеве относятся к началу 40-х годов XVIII в., когда он выступает в роли винного откупщика, селитровара и подрядчика по поставке в Оренбург провианта. Оренбургский губернатор И. И. Неплюев в 1742 г. отдал Твердышеву на откуп продажу вина на территории вновь образованной губернии. Условия контракта были чрезвычайно выгодны для откупщика. К цене вина, продававшегося на кружечном дворе в Самаре, Твердышеву разрешалось «прикладывать к тому на каждое ведро прибыли на платеж откупа, на провоз и на всякие расходы» от 55 до 70 коп. на ведро, а при «чарошной продаже» — еще дополнительно 20 коп. Но общая цена вина даже в самых отдаленных местах не должна была превышать 1 руб. 30 коп. за ведро. Сумма откупа была невысокой — всего 1060 руб. в год, т. е. немногим более максимальной суммы с акцизного сбора, который получила казна в 1740 г. Учитывая, что до этого продажная цена ведра вина превышала 2 руб., Твердышев установлением более низкой цены значительно увеличил количество продававшегося вина. Вино он поставлял с винокуренных заводов, принадлежавших ему и его компаньонам в Казанском и Симбирском уездах²⁷. Винные подряды и винокурение являлись временным занятием Твердышева.

²³ П. И. Рычков. Топография Оренбургская..., ч. 2, стр. 224; М. М. Щербатов. Состояние России в рассуждении денег и хлеба в начале 1788 г., при начале Турецкой войны. — «Отечественные записки», СПб., 1859, № 11, стр. 424.

²⁴ Е. П. Карнович. Замечательные богатства частных лиц в России: СПб., 1884, стр. 208, 209.

²⁵ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 876, лл. 150, 191.

²⁶ В. С. Шевич. Заметки о промышленности Оренбургской губернии. — «Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 г.», стр. 11.

²⁷ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 136, лл. 139—146.

В 1748 г. он продал свой винокуренный завод симбирскому купцу Ивану Мурашкинцову, а последний — коллежскому советнику П. И. Рычкову²⁸.

Помимо винокурения и винных подрядов, Твердышев выступал также в роли селитровара. Канцелярия главной артиллерии и фортификации информировала в 1744 г. Сенат, что И. Твердышеву, И. Мясникову и А. Маленкову разрешено варить «селитру» компаниею в Симбирском уезде на шесть котлов, а на год от тысячи до двух тысяч и до четырех тысяч пуд и более»²⁹.

Самые крупные операции Твердышева, видимо, были связаны не с винокурением и селитроварением, а с поставками провианта. О сумме его подряда у нас нет сведений, но судя по тому, что Твердышев при заключении контракта уступил казне, по сравнению с другими подрядчиками, 21 тыс. руб., можно сделать вывод, что эта сделка была довольно солидной. Эта уступка характеризовала Твердышева как дальновидного дельца, и в последующие годы он неоднократно использовал проявленную щедрость и «рачение интересу е. и. в.», чтобы исхлопотать от правительства какую-либо новую привилегию. К слову сказать, эта широко разрекламированная уступка ничего не стоила Твердышеву; во всяком случае, он не остался в накладе, ибо без труда покрыл уступленную сумму экономией на транспортных издержках, достигнутой тем, что он изыскал «прямые и способные дороги», соединявшие Оренбург с земледельческими районами Поволжья, откуда доставлялся провиант³⁰.

Таким образом, быстрый рост купеческого капитала у Твердышева, как и у других купцов Европейской России, являлся следствием установления тесного контакта с казной на почве выполнения подрядов, поставок пороха и содержания откупов.

Компаньоном Твердышева в строительстве металлургических заводов был его шурин, тоже симбирский купец, И. С. Мясников. Нам не удалось разыскать сведений о роде Мясниковых. Известно только, что отец Ивана Мясникова, подобно отцу Ивана Твердышева, значился среди недоимщиков симбирских купцов, но долг свой в сумме 1131 руб. он к 1742 г. погасил.

Из известных нам промышленных компаний, существовавших на протяжении XVIII в., компания Твердышева — Мясникова оказалась наиболее устойчивой и преуспевающей. Это, видимо, объяснялось не родственными связями, а личными качествами компаньонов, ибо мы имели возможность убедиться в том, что даже более близкие родственники, чем Твердышев и Мясников,

²⁸ ЦГАДА, ф. Камер-коллегии, д. 4046, л. 10.

²⁹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 931, л. 774; П. М. Лукьянов. История химических промыслов и химической промышленности России, т. II. М.—Л., 1949, стр. 189.

³⁰ П. И. Рычков. Указ соч., ч. 2, стр. 224.

находились в непримиримой вражде и клубок их противоречий приходилось распутывать разным правительственным учреждениям в течение многих лет. Качества И. Б. Твердышева, человека безусловно одаренного, незаурядного организатора, очень гибкого, умевшего быть властным и покладистым, дополнялись более скромными данными И. С. Мясникова, смирившегося с ролью «компанейщика», полностью доверившего все дела компании Твердышеву.

Современники отмечали умение Твердышева ладить с башкирами. П. И. Рычков и И. И. Неплюев многократно подчеркивали, что Твердышев «з башкирцами, с вотчинниками и з живущими около тех мест так добропорядочно обходитца, что от них ни в чем и никаких на него жалоб не бывало»³¹. Следует, однако, отметить, что «добропорядочность», о которой в один голос писали Рычков и Неплюев, нисколько не мешала Твердышеву за бесценок скупать у башкир громадные лесные угодья. Не питал он иллюзий и относительно миролюбия башкир, ибо свои заводы превращал в крепости с башнями и пушками. Исключение составлял Преображенский завод, «но сие место природно укреплено; отовсюду его окружают высокие каменные утесы»³². В свою очередь и башкиры не были введены в заблуждение «добропорядочностью» Твердышева и свое отношение к нему в период проявления острых социальных противоречий выразили тем, что принимали самое активное участие в уничтожении заводов, построенных на их землях.

Твердышев владел еще одним редким среди промышленников достоинством — литературным талантом. Он виден в многочисленных доношениях, отправленных в Берг-коллегию, изложенных четким и ясным языком; его нетрудно обнаружить, читая письмо с московскими новостями, отправленное в конце 1750 г. промышленнику Турчанинову, в котором автор блеснул тонкой наблюдательностью и юмором³³. Но более всего перо Твердышева проявило себя в «изъяснении», поданном в Берг-коллегию в 1763 г. В этом социально-экономическом трактате автор изложил взгляды на пути развития металлургической промышленности страны и высказал некоторые суждения о мерах поощрения строительства новых предприятий.

Интерес «синбирского купца и селитренных заводов содеражателя» И. Б. Твердышева к металлургии, насколько нам известно, впервые проявился в 1743 г., когда он купил медный рудник у башкирского рудоискателя Надира Уразметова³⁴ и

³¹ П. И. Рычков. Указ. соч., ч. 2, стр. 226; ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2141, л. 120.

³² И. Лепехин. Указ. соч., ч. 2, стр. 19, 70.

³³ В. Н. Витевский. И. Н. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г., т. I, Казань, 1897, стр. 214.

³⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 834, л. 681.

«отважился», по словам Рычкова, обратиться к оренбургскому губернатору И. И. Неплюеву с просьбой, чтобы ему было разрешено «при Кириллове заведенной бывшей медной завод на том или на другом месте возобновить своим коштом». Получения Воскресенского казенного завода, строительство которого начато было Иваном Кирилловичем Кирилловым, домогались А. Демидов и П. Осокин, но Неплюев убедил Сенат отдать его Твердышеву на том основании, что последний по сравнению с прочими подрядчиками при заключении контракта на поставку провианта в Оренбург уступил казне 21 тыс. руб. Характерно, что Твердышев и не скрывал цели этого жеста — уступка была сделана «в надежде, что он к производству показанного завода от Канцелярии Оренбургской комиссии вспоможением... оставлен не будет».

Строительство Воскресенского завода на речке Усолке в 70 верстах от Табынска Кириллов начал в 1736 г. По его наметкам, это должно было быть грандиозное по тем временам предприятие с несколькими десятками медеплавильных печей, обслуживаемых «регулярными и нерегулярными командами». Кириллов начал строительство не с возведения завода, а с сооружения крепости-забора с караульнями по углам и рогатками в тылу. На сооружение деревянной крепости и плотины Кириллов издержал 1 131 руб., но дело не было доведено до конца по случаю его смерти и из-за «башкирского замешательства» 30-х годов.

В. Н. Татищев, сменивший Кириллова на посту главного командира Оренбургской экспедиции, распорядился прекратить начатое строительство. Более осведомленный в горнорудном производстве, Татищев был принципиальным противником плана Кириллова, ибо считал, что наличные рудники не в состоянии обеспечить сырьем завод-гигант. Кроме того, он считал убыточным для казны переселение на завод тысяч семейств государственных крестьян, трудом которых намечалось его обслуживать. Отказ Татищева от продолжения строительства завода был вызван еще и тем, что «оной зачат строением не в удобном месте и воды нет».

Решение Татищева было правильным, ибо его подтвердил позже, в 1743 г., Твердышев, лично осматривавший остатки Воскресенского завода. По контракту, заключенному Твердышевым с Оренбургской губернской канцелярией, промышленник уплачивал казне 565 руб. Он объявил, «что по осмотру ево на том месте медному заводу за малостию воды быть не можно, а он, ежели ему строение позволится, будет приискывать другого».

21 сентября 1744 г. Оренбургская губернская канцелярия заключила с Твердышевым контракт, одобренный Берг-коллегией и затем утвержденный Сенатом. Этот контракт, послуживший образцом для последующих соглашений с тем же Тверды-

шевым и другими промышленниками, являлся нормативным актом. После Берг-привилегии 1719 г. и Берг-регламента 1739 г. контракт был третьим по счету документом, введившим некоторые новые положения в промышленную политику правительства.

Заключенные кондиции удовлетворили все требования Твердышева, за исключением одного — промышленник домогался монопольных прав на эксплуатацию горнорудных богатств Южного Урала, запрещения другим заводоладельцам строить предприятия на громадной территории, размеры которой были определены им самим, а Оренбургская губернская канцелярия считала, что «того дозволить ему невозможно, ибо во оной, показанной от него окружности, такое великое включено разстояние, в котором по изобретению руд и по осмотру мест и многие иногда заводы построены быть могут к немалой публичной пользе».

Получив остатки Воскресенского завода в виде обвалившейся плотины, Твердышев, как уже отмечалось, не стал возобновлять его строительства, а основал завод на новом месте, на речке Тор, притоке р. Кугуш, впадающей в р. Ай. За новым заводом, пущенным очень быстро, в 1745 г., Твердышев сохранил старое название. Оперативность компаньонов не ускользнула от внимания Оренбургской губернской канцелярии, и последняя отметила «рачение и старательство» Твердышева «в прииске и разрабатывании руд».

Заявку на строительство следующего завода Твердышев подал весной 1748 г. В заявке он доложил, что «изыская к строению нового медеплавильного же завода удобное место» на речке Урман Елаир. 31 июля 1748 г. Твердышеву, «яко уже известному и в тех делах опробованному человеку, на р. Урман Елаире новый завод строить позволено». Плавка меди на заводе, названном Преображенским и оборудованном шестью печами, началась 18 сентября 1750 г.

Очередной завод Твердышев с Мясниковым начали сооружать в 1751 г. Этот завод с восемью медеплавильными печами, построенный в 1752 г. на речке Усолке, Твердышев просил назвать Богоявленским, по церкви, которую намеревался здесь построить.

По мере успехов компании в расширении промышленного хозяйства расширялись привилегии компаньонов. Так, первый из построенных заводов — Воскресенский — был освобожден от уплаты десятины на три года. Второму заводу — Преображенскому — Твердышев исхлопотал уже более продолжительный льготный срок — три года и восемь месяцев. Богоявленский завод Оренбургская губернская канцелярия освободила от платежа десятины на четыре года «в разсуждение здешняго нового места».

Подводя итоги своей деятельности, Твердышев писал в феврале 1752 г., когда третий завод еще не был пущен: «И тако с начала заводские, т. е. через шесть лет употреблением многого моего труда и иждивения выплавка меди на предупомянутых двух заводах до толикого уже приумножения доведена, что кроме протчих годов в одном прошлом 1751 г. выплавлено около 8400 пуд.» Особенно же Твердышев подчеркивал свою пионерскую роль в освоении природных богатств в «новой и от российских жительство отдаленной стороне», причем без приписки государственных крестьян, «чрез что и другим заводчикам заводы заводить в тамошней стороне... возможность показал»³⁵.

Контракт на строительство четвертого медеплавильного завода — Архангельского на р. Аксын — был заключен Оренбургской губернской канцелярией 1 сентября 1752 г. и санкционирован Берг-коллегией 1 марта 1753 г. На этот раз просителем выступал не Твердышев, а Мясников. Архангельский завод с четырьмя медеплавильными печами был пущен в 1753 г. Он пользовался рудой с Каргалинских рудников, расположенных от завода в 300 верстах³⁶.

В 1752 г. прочность компании была подвергнута серьезному испытанию, едва не закончившемуся ее распадом. В этом году компаньоны решили обзавестись собственным доменным и переделным заводом, причем поначалу промышленники отводили ему вспомогательную роль при довольно обширном медеплавильном производстве. Прошение вновь было подписано Мясниковым, который испрашивал разрешения на постройку двух заводов — доменного на правом притоке Белой речке Авзян и молотового на р. Тирлян. Первый решено было назвать Ивановским, а второй Благовещенским. Просьба Мясникова была тут же опротестована приказчиком Твердышева, считавшим, что речка Авзян должна быть записана за его хозяином, люди которого обнаружили это место раньше, чем Мясников.

Бунт Мясникова против властной опеки Твердышева был быстро ликвидирован. Сам Мясников имел возможность убедиться в том, что его кредит в Оренбургской губернской канцелярии котиrowался не очень высоко. Определением этой канцелярии 12 декабря 1752 г. было решено заключить с Мясниковым контракт на постройку лишь одного молотового завода и то постольку, поскольку поручителем по Мясникову выступил Твердышев, «здесьней губернии лутшие и исправнейшие заводы имеющий». Что касается завода на р. Авзяне, «то в рассужде-

³⁵ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 928, л. 768; ф. Берг-коллегий, д. 256, л. 65.

³⁶ И. Лепехин, Указ. соч., ч. 3, стр. 18. О Твердышеве и Мясникове см. также Н. И. Павленко. К истории южноуральской металлургии в XVIII в. — «Материалы научной сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству». Уфа, 1958.

нии имеющихся у компанейщика ево, Твердышева, разных медных заводов [разрешено] строить ему, Твердышеву, а ему, Мясникову, при том быть токмо компанейщиком»³⁷.

Доменный и молотовый завод Твердышев решил строить не на речке Авзян, а на р. Катав, притоке р. Юрюзань, о чем он подал просьбу в сентябре 1754 г. Первоначально он наметил построить там только одну домну, а затем, обстоятельнее изучив энергетические ресурсы р. Катав, пришел к выводу, что она может обеспечить работу двух домен. Строительству завода препятствовала начавшаяся в 1755 г. башкирская «шатость». По этой причине на р. Катав не мог прибыть маркшейдерский ученик Невейкин для обследования места. Оно было осмотрено год спустя, в 1756 г., причем было признано удобным, «понеже оная речка течением воды состоит немалая и весьма быстрая, которая может поднять для плавки чугуна две домны, да для переделки чугуна в железо до восьми молотов». На основании этого заключения Берг-коллегия 28 августа 1757 г. разрешила Твердышеву строить завод с двумя домнами и 12 молотами. По данным Берг-коллегии, на 7 января 1759 г. Катав-Ивановский завод «отчасти уже и построен, отчасти еще достраивается».

От постройки Тирлянского завода Мясников отказался сам. В феврале 1754 г., обосновывая свой отказ, он писал, что считал р. Белую, куда впадает р. Тирлян, судоходной, но потом летом 1753 г. во время более детального обследования ее фарватера убедился в том, что вниз по той реке сплав возможен, а вверх от завода «сплав опасным и невозможным оказался». Преодоление несудоходного участка сухим путем исключалось отчасти вследствие гористой местности, отчасти потому, что к «перевозу и нанимать там неково», ибо башкиры, единственные жители тех мест, не имели телег³⁸.

Одновременно со строительством заводов Твердышев и Мясников организовали интенсивные поиски медных и железных руд. Достаточно сказать, что к февралю 1754 г. за компаньонами было записано 483 медных рудника, причем радиус поисков все время увеличивался. Так как вновь найденные рудники находились на значительном расстоянии от уже действовавших четырех медеплавильных заводов, то Твердышев решил построить еще два завода — один на той же речке Тор, на которой стоял Воскресенский завод, но в 13 верстах выше него, а другой — на речке Суканаш верстах в 10 от Воскресенского завода.

Берг-коллегия удовлетворила просьбу Твердышева, но прибывший на место для отвода земли под завод геодезист Петр Авдеев признал пригодной лишь речку Тор, на которой можно было, по его расчетам, поставить четыре медеплавильные печи.

³⁷ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 944, лл. 580, 581, 589—591.

³⁸ Там же, л. 617.

а речка Суканаш, по его заключению, оказалась негодной вследствие недостатка воды³⁹.

Доводы Авдеева компаньоны сочли убедительными и отказались от намерения построить завод на речке Суканаш, а завод на речке Тор, оборудованный тремя медеплавильными печами, вступил в строй в 1757 г. под именем Верхоторского.

С пуском Верхоторского завода Твердышев и Мясников прекратили строительство медеплавильных предприятий и сосредоточили свои усилия на сооружении доменных и передельных заводов.

Единственное пока их предприятие черной металлургии — Катав-Ивановский завод — был оснащен мощным оборудованием; на нем было поставлено две домны и 12 молотов. При этом, однако, ощущалась необходимость в передельном заводе⁴⁰. Первоначально компаньоны добились права строить передельный завод на речке Буланке, и маркшейдерский ученик Савва Невейкин, обследовавший эту речку, нашел ее «способной», но потом выяснилось, что она была «весьма маловодной». В связи с этим молотовый завод Оренбургская губернская канцелярия разрешила строить в семи верстах от Катав-Ивановского завода на речке Юрюзань. Новое место было «водою привольнее и к заводам поблизости способнее»⁴¹. Юрюзань-Ивановский завод, оборудованный тремя действующими и одним запасным молотами, начал ковку железа, видимо, в 1762 г.

В 1759 г. Твердышев и Мясников получили разрешение на постройку еще двух доменных и передельных заводов. Строительство одного из них было связано со стремлением не допустить в пределы своей заводской округи других промышленных.

Выше было отмечено, что Мясников в 1754 г. отказался от постройки завода на р. Тирлян на том основании, что р. Белая была признана несудоходной. Берг-коллегия 21 марта 1754 г. постановила Мясникова к постройке Тирлянского завода не принуждать. Отказом Ивана Мясникова воспользовался его брат Матвей, предложивший в 1758 г. проект постройки заводов на одной из следующих рек: Авнерте, Аше, или Арше, и Миниаре, или Миниере, притоке речки Сим⁴². Обследовавший перечисленные реки геодезист Авдеев нашел, что р. Авнерть непригодна «за малостию воды и скудостью лесов», а р. Аша — «за каменистыми берегами». Вместо этих рек «резонально признано» было удобным построить заводы в верховьях р. Сим.

Не входившая в расчеты Твердышева и И. Мясникова инициатива Матвея Мясникова подстегнула компаньонов изменить

³⁹ Там же, кн. 727, лл. 398, 413, 418.

⁴⁰ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. IV, ч. 2, стр. 233.

⁴¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 746, лл. 8, 9.

⁴² «Материалы по истории Башкирской АССР», т. IV, ч. 2, стр. 166—171.

свое мнение о судоходстве р. Белой. В феврале 1759 г. Твердышев донес, что, несмотря на отказ строить Тирлянский завод, он и Мясников не прекращали обследования р. Белой и решили теперь завод построить. Позволятельный указ был выдан 10 мая 1759 г.⁴³

Несколькими днями раньше, 6 мая 1759 г., Берг-коллегия вынесла определение о разрешении компаньонам построить завод на притоке р. Сим, речке Куряк, или Куряклы, недалеко от устья этой реки, на земле, купленной у башкир. Предполагалось поставить здесь одну домну и столько молотов, «сколько речное течение в действии содержать их может». В итоге был построен доменный и передельный Симский завод с девятью молотами. Он начал работать, видимо, в 1761 г.

Что касается Тирлянского завода, то компаньоны активно хлопотали о нем до тех пор, пока не был получен позволятельный указ. Как только указ оказался в их руках и исчезла угроза появления в этом районе конкурентов, исчезла и ранее проявленная спешка. Спустя три года после получения указа, в 1762 г., Твердышев объявил, что завод не построен, не сооружена даже плотина, «потому что по большей прошлогодской в той стороне малости дождей усмотрено, что та речка Тирляна, на которой тот завод строить зачат, течением воды столь довольного числа молотов, чтоб выплавленной з домны чюгун весь в железо переделывать было можно, содержать в действии не может». По этой причине Твердышев просил позволения перенести строительство доменного и молотового завода с речки Тирляны на р. Белую, где ранее было разрешено построить лесопильную мельницу. 18 июля 1762 г. Берг-коллегия разрешила построить Белорецкий завод⁴⁴. Мощный завод с одной домной и 14 молотами начал действовать в 1767 г.: 9 декабря в домне началась плавка чугуна, а на следующий день был пущен единственный молот, с тем чтобы по мере выплавки чугуна приводились в действие и остальные молоты. В отношении водной энергии И. Лепехин этот завод считал самым обеспеченным из всех уральских предприятий⁴⁵.

Одновременно со строительством Белорецкого завода компаньоны внесли небольшие изменения в профиль Ката-Ивановского завода, построив на нем медеплавильную печь. Необходимость в этой печи возникла в связи с тем, что промышленники вдали от построенных медеплавильных заводов обнаружили новые рудники, доставка руды с которых «через многогористые и весьма трудные и лесистые и болотные места» на старые заводы представлялась очень убыточной. Поэтому заводоладель-

⁴³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1166, лл. 360, 361, 362.

⁴⁴ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. IV, ч. 2, стр. 183, 186, 187.

⁴⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1168, л. 389; И. Лепехин. Указ. соч., ч. 2, стр. 137.

цы и испросили в 1762 г. разрешение на постройку одной медеплавильной печи на Катав-Ивановском заводе, как ближе прочих предприятий отстоявшем от найденных рудников⁴⁶.

В конце 60-х — начале 70-х годов обширное хозяйство Твердышева и Мясникова пополнилось еще двумя предприятиями — медеплавильным Покровским заводом и переделным Усть-Катавским. Покровский завод, основанный А. И. Шуваловым, был сначала куплен суконным мануфактуристом Федором Ивановичем Журавлевым. 5 июля 1768 г. Журавлев оформил перевод завода на свое имя, а спустя шесть дней продал его Твердышеву и Мясникову. Шувалову Журавлев уплатил 5 тыс. руб., а получил от Твердышева и Мясникова 5600 руб.⁴⁷

Что касается второго завода — Усть-Катавского, то сведений о начале его постройки и пуске у нас не имеется. Многие сводные ведомости даже не упоминают его. Объясняется это, видимо, тем, что Усть-Катавский завод, расположенный рядом с Катав-Ивановским, считался филиалом последнего. Усть-Катавский завод упоминается в топографическом описании Уфимского наместничества, в ведомости предприятий, разрушенных во время крестьянской войны, а также в «Генеральном описании» заводов, составленном в 1797 г. Он переделывал в железо чугуны, доставленный с Катав-Ивановского и Юрюзань-Ивановского заводов, и построен по указу 1758 г.

Таким образом, накануне крестьянской войны за Твердышевым и Мясниковым числилось 11 заводов, из которых 6 были медеплавильными и 5 железоделательными и доменными. Все это крупное хозяйство было создано за четверть века. Ни одному из промышленников России во второй половине XVIII в. не удавалось расширить свое производство столь быстрыми темпами, особенно если учесть, что Твердышев и Мясников начинали на пустом месте.

Особенно значительным в общем производстве страны был удельный вес меди, выплавлявшейся заводами Твердышева и Мясникова, что видно из следующих цифр:

	1769 г.	1770 г.	1771 г.	1772 г.	Итого
Всего выплавлено меди частными заводами России (пудов)	173 625	148 521	166 110	164 334	652 590
В том числе заводами Твердышева и Мясникова . .	36 176	32 065	37 252	43 378	148 871

⁴⁶ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1209, лл. 154, 155.

⁴⁷ Там же, кн. 1288, лл. 714, 715.

Таким образом, пять заводов Твердышева и Мясникова давали в среднем за рассмотренные годы 22,8% общероссийской выплавки меди.

В чем же секрет стремительного роста богатства Твердышева и Мясникова? Отвечая на этот вопрос, нельзя, конечно, игнорировать способности и таланты Твердышева и умелый повседневный надзор за работой заводов со стороны Мясникова. Но таланты сами по себе, как известно, не создают богатства, и особенно такого огромного, включавшего свыше десяти заводов и несколько тысяч крепостных.

Одним из условий, благоприятно влиявших на темпы развития хозяйства Твердышева и Мясникова, было покровительство их деятельности со стороны оренбургского губернатора И. И. Неплюева. Были ли эти отношения бескорыстными, судить трудно, но Неплюев отклонил притязания таких мощных конкурентов на получение остатков казенного Воскресенского завода, как А. Демидов и П. Осокин, и убедил Сенат передать завод новичку в горнорудном деле Твердышеву. В последующее время Неплюев при всяком удобном случае подчеркивал роль этого заводоуправителя в развитии южноуральской металлургии. Следует отметить, что и «кондиции», на которых Твердышев получил заводы, были чрезвычайно выгодны для него.

Все перечисленное выше является, однако, мелочью по сравнению с теми преимуществами, которые предоставляла промышленникам эксплуатация богатых рудных месторождений, что снижало себестоимость продукции. Князь М. М. Щербатов, лично ознакомившийся с содержанием заводских книг Твердышева, «нашел, что пуд меди ему обыкновенно обходился в полтора рубля, а помнится, в один год или в два года ему она от 1 р. 60 к. и до 1 р. 70 к. дошла, и он, Твердышев, меня словами уверял, что никому из заводчиков она более двух рублей с четвертью не становится, а некоторым, яко Походяшеву и Турчанинову, и не с большим в рубль до Екатеринбурга обходится»⁴⁸.

Любопытно сопоставить это, так сказать, частное свидетельство современника с официальными данными о себестоимости пуда меди, которые промышленники, в том числе и Твердышев, периодически подавали в Берг-коллегию. По этим данным, Твердышев определял себестоимость пуда меди в 1775 г. на Воскресенском заводе от 3 руб. 55 коп. до 4 руб. 80 коп., на Преображенском — от 4 руб. до 4 руб. 85 коп., на Богоявленском — от 3 руб. 75 коп. до 4 руб. 75 коп. и на Архангельском — от 3 руб. 75 коп. до 4 руб. 90 коп.⁴⁹ Среднюю себестоимость пуда меди в 1760 г. Твердышев определял в 4 руб. 85 коп.⁵⁰ Само собою разумеется, что промышленники не были заинтересованы сооб-

⁴⁸ М. М. Щербатов. Указ. соч., стр. 424.

⁴⁹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 973, лл. 239, 240.

⁵⁰ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. IV, ч. 2, стр. 238.

щать подлинные сведения с себестоимости и о размере получаемой прибыли, но в нашем распоряжении все же имеются на этот счет некоторые данные.

Во-первых, в 1772 г. на частных заводах плавка меди на предмет установления ее себестоимости производилась под надзором представителя горной администрации. Тогда было установлено, что себестоимость пуда меди составляла 2 руб. 23 коп., т. е. была ниже той, которую показывали промышленники, в два с лишним раза. Во-вторых, Каргалинские рудники, используемые Твердышевым, содержали очень высокий процент меди. Так, руда казенного рудника на р. Миняус, переданного Твердышеву вместе с Воскресенским заводом, давала 8% чистой меди⁵¹. У большинства промышленников выход меди составлял 2—4%, а у некоторых даже 1—1,5%. Между тем эти промышленники показывали примерно такую же себестоимость, как и Твердышев. Например, средняя себестоимость пуда меди на Тайшевском и Иштерьяковском заводах Петра Иноземцева в 1751—1754 гг. равнялась 4 руб. 50 коп., на Шурминском заводе Мосоловых в 1753—1755 гг. — 4 руб. 11 коп. и т. д.⁵² Наконец, в-третьих, заводы Твердышева и Мясникова, оборудованные такими же медеплавильными печами, как и прочие предприятия, и обслуживаемые примерно одинаковым с ними числом рабочих и мастеровых людей, имели самую высокую в стране производительность. Например, в 1772 г. шесть заводов Твердышева и Мясникова располагали 30 медеплавильными печами, но промышленники при обычной производительности в 1 тыс. пудов на печь вместо 30 тыс. пуд. меди сумели получить 43 325 пуд. В 80—90-х годах XVIII в. среднегодовая выплавка медеплавильной печи заводов, основанных Твердышевым и Мясниковым, тоже была самой высокой и значительно превышала 1 тыс. пуд.

Не подлежит сомнению и тот факт, что Твердышев и Мясников не были особенно разборчивы в выборе средств наживы. В этом отношении характерно дело, возникшее в Берг-коллегии в 1768 г. в связи с доносом Еремеева. Бывший приказчик Воскресенского завода, отстраненный Яковом Твердышевым, братом заводовладельца, от должности, Карп Еремеев обвинял хозяина во многих «неправдах», наносивших ущерб финансовым интересам казны. Изворотливым промышленникам без особого труда удалось не только отклонить все обвинения, но и отвести неизбежное в таких случаях следствие. Извет Еремеева был дезавуирован заводовладельцами на том формальном основании, что изветчик был «человек подозрительный тем, что он пытан и неод-

⁵¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2141, л. 10. И. Лепехин засвидетельствовал получение из лучшей руды 5% меди (И. Лепехин. Указ. соч., ч. 2, стр. 18). Н. П. Рычков считал выход меди равным 4—5% (Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова..., стр. 143).

⁵² ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 973, лл. 227, 233.

нократно публично наказан кнутом, каковых по Генеральному регламенту положено считать шельмованными и ни в какое дело, ниже в свидетельство, не принимать»⁵³.

Заводы Твердышева и Мясникова находились в районе, где развернулись наиболее бурные события крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Некоторые из этих заводов были использованы восставшими в качестве опорных пунктов. На Белорецком заводе пугачевцы отливали пушки.

По подсчетам компаньонов, причиненный им ущерб во время крестьянской войны составил огромную сумму, превышавшую миллион рублей, причем на долю заводских сооружений, припасов и материалов приходилось 500 тыс. руб. и 560 тыс. руб. — на долю крестьянских долгов и пожитков⁵⁴. Твердышев и Мясников несколько не отличались от прочих промышленников в стремлении преувеличить сумму понесенных убытков. И тем не менее нельзя не признать, что только колоссальные богатства компаньонов позволили им через два-три года превратить руины в предприятия, работавшие на полную мощность. Достаточно сказать, что из 11 предприятий, которыми Твердышев и Мясников владели накануне крестьянской войны, только один Богоявленский завод не подвергся разрушению. Остальные 10 заводов оказались в большей или меньшей степени разрушенными и сожженными.

Большинство заводов возобновило работу осенью 1776 г., а Катав-Ивановский и Богоявленский даже на год раньше — осенью 1775 г., лишь Симский завод был пущен в сентябре 1777 г.

Из 10 разрушенных заводов промышленники не восстановили только один Покровский. Берг-коллегия сочла необходимым предложить Твердышеву и Мясникову пустить завод, так как накануне разорения он давал около 3900 пуд. меди. Однако заводладельцы считали, что завод слабо обеспечен лесом и это ограничивало его работу еще до крестьянской войны — из шести печей в действии находилось только две. Во время крестьянской войны остатки леса были выжжены настолько, что завод не мог бы плавить медь даже в том случае, если бы он не был разорен. В этих условиях Твердышев и Мясников не видели смысла в его восстановлении и предпочли использовать записанные за заводом 179 рудников для обеспечения рудой других своих предприятий⁵⁵.

60—70-е годы XVIII в. следует признать временем наивысшего расцвета промышленного производства Твердышева и Мясникова. После крестьянской войны рост их хозяйства прекратился, более того, наблюдается даже уменьшение числа заводов. Кроме медеплавильного Покровского завода, в 80-х годах фирма

⁵³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1295, лл. 147—174.

⁵⁴ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4206, лл. 136, 137.

⁵⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1371, лл. 509, 538.

лишилась еще одного предприятия — Преображенского завода. Этот завод получила в приданое дочь Якова Борисовича Твердышева (брата основателя завода), вышедшая замуж за Гаврила Ильича Бибикова и вскоре умершая. В 1783 г. Преображенский завод оказался в руках оренбургского именитого гражданина Дм. Крашенинникова, а в 1789 г. за 200 тыс. руб. его купил другой именитый гражданин — Петр Михайлович Гусятников⁵⁶.

Потерю указанных заводов не мог, разумеется, компенсировать введенный в действие в 1784 г. Нижне-Симский завод, являвшийся филиалом доменного и молотового Верхне-Симского завода. В итоге к концу XVIII в. за представителями рода основателей заводов осталось 10 предприятий. К этому времени несколько изменился профиль хозяйства — если до крестьянской войны в нем преобладали медеплавильные заводы (6 из 11), то к концу века доменных и передельных заводов стало больше, чем медеплавильных (6 из 10). Все эти заводы вследствие отсутствия наследников по мужской линии оказались в руках других фамилий.

Глава фирмы и основатель многих заводов И. Б. Твердышев умер бездетным в 1773 г. У его брата Я. Б. Твердышева была одна дочь, не оставившая наследников. Зато у И. С. Мясникова было четыре дочери. Ирина Ивановна Мясникова вышла замуж за полковника Петра Афанасьевича Бекетова, Дарья Ивановна — за небогатого офицера линейных войск Александра Ильича Пашкова. Богатства жены позволили ему выстроить великолепный дом в Москве, в котором ныне размещается библиотека им. В. И. Ленина. Третья дочь Аграфена Ивановна вышла замуж за бригадира Алексея Дурасова, тоже переселившегося в Москву и жившего в большой роскоши. Наконец, младшая дочь Екатерина Ивановна была выдана замуж за статс-секретаря Екатерины II Григория Васильевича Козицкого. Три старшие сестры, по словам биографа рода Твердышева и Мясникова А. П. Ярового, тайне держались раскола и проводили время в окружении многочисленных приживалок⁵⁷.

Совместное владение заводами, основанными И. Б. Твердышевым и И. С. Мясниковым, продолжалось до начала 1780-х годов. После смерти И. Б. Твердышева его место в компании занял брат покойного Яков.

В октябре 1780 г. умер И. С. Мясников. Его замужние дочери, поначалу растерявшиеся, в том же 1780 г. выдали доверенность на управление всеми заводами Я. Б. Твердышеву, а затем, съехавшись в Москву, потребовали вернуть эту доверенность. Я. Б. Твердышев сначала отказался вернуть доверенность на том основании, что она «во многих местах обнародована, и ежели то

⁵⁶ Там же, кн. 2612, л. 169.

⁵⁷ «Сборник исторических и статистических материалов Симбирской губернии». Симбирск, 1868, стр. 187—192.

письмо возвратить им, просительницам, то зделаетца заводскому течению остановка», но затем, обидевшись на их действия, в которых сквозило явное недоверие, сам стал хлопотать о разделе, ибо наследницы не знают «заводского правления».

Твердышев предложил какой-то вариант раздела имущества, но «они на тех моих предложениях не согласились» и в противовес им выработали свои условия. По мнению Твердышева, эти условия «от справедливости весьма отдалены», поэтому он обратился с жалобой к Екатерине II. Императрица поручила наблюдение за разделом имущества сенатору генерал-аншефу кн. Василию Михайловичу Долгорукову⁵⁸. Однако документов о разделе имущества между наследниками в нашем распоряжении нет; видимо, он окончательно произведен был уже после смерти Я. Б. Твердышева.

Каждой из четырех сестер досталось по одному медеплавильному и по одному доменному и передельному заводу. Исключение составили Екатерина Козицкая, получившая, помимо Архангельского и Катав-Ивановского завода, Усть-Катавский, и Ирина Бекетова, к которой, кроме Богоявленского и Верхне-Симского, отошел и Нижне-Симский завод. Дарья Пашкова получила Воскресенский и Белорецкий заводы, а Аграфена Дурасова — Верхнеторский и Юрюзань-Ивановский.

Если Твердышеву и Мясникову принадлежит ведущая роль в освоении горнорудных богатств Южного Урала, то такую же роль по отношению к Северному Уралу сыграл Походяшин.

Современникам было непонятно сказочно быстрое обогащение Максима Михайловича Походяшина, превращение скромного уроженца Казани в посадского Верхотурья, а затем в миллионера, одного из богатейших людей страны конца XVIII в.

Появление первоначального капитала у Походяшина предание связывает с получением 25-тысячной ссуды от Берг-коллегии. Это предание не лишено известной правдоподобности, хотя подтверждение его в документах мы не обнаружили. Скорее всего основным источником накопления денежных средств Походяшина следует считать винокурение, винные откупа и подряды.

Походяшин вошел в ряды крупных торгово-промышленных дельцов страны на плечах своих компаньонов, которых он умел ловко использовать для собственного обогащения и не менее ловко затем устранить. Первым компаньоном М. М. Походяшина был Алексей Власьевский, тоже верхотурский купец, с которым он держал с 1752 по 1756 г. винный откуп в Верхотурье⁵⁹. В эти же годы компаньоны подрядились поставлять вино в Тюмень. В начале 50-х годов Походяшин совершает и первые самостоятельные шаги в подрядных операциях, правда, незначитель-

⁵⁸ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1388, лл. 661—663, 678, 681.

⁵⁹ М. Н. Лонгинов. Новиков и Московские мартинисты. М., 1867, стр. 234.

ные по размаху. Так, в 1750 г. он поставил в Туринск 150 ведер вина, а в 1751 г. — 200 ведер. В течение последующих пяти лет (1752—1756) он поставлял вино в Пелым, всего 3621 ведро. Подряды компаньонов основывались на собственной производственной базе — винокуренных заводах, которые, будучи расположены в Сибири, не подлежали уничтожению в связи с указом о запрещении купеческого винокурения. В источниках 1750-х годов Походяшин фигурирует в качестве владельца Фоминских винокуренных заводов, а Власьевский — Унковского и Фоминского⁶⁰.

С винокурением Походяшин не расставался всю жизнь и оставил своим наследникам семь винокуренных заводов. Сыновья Походяшина, обер-провиантмейстер Николай и премьер-майор Григорий Максимовичи, тоже были подрядчиками. С 1787 по 1791 г. они отвезли в города Тобольской и Колыванской губ. около 99 тыс. ведер вина, а в очередное четырехлетие (1791—1794) обязались ежегодно поставлять в Пермскую и Тобольскую губ. по 89 136 ведер⁶¹.

В компании с Власьевским Походяшин начинал еще одно дело — в 1754 г. они намеревались в 200 верстах от Красноярска на р. Язагаж построить медеплавильный завод. На этой попытке, кажется, и заканчиваются совместные действия компаньонов. Походяшин почувствовал себя настолько крепким, что решил действовать самостоятельно, причем объектом приложения своих капиталов он избрал не Восточную Сибирь, а Северный Урал.

Е. П. Карнович приводит занимательную историю о том, как М. М. Походяшину посчастливилось отыскать медную руду⁶². В действительности он воспользовался находкой верхотурского разночинца Григория Никифоровича Посникова, успешно занимавшегося рудоискательством и обнаружившего около рек Вагран и Колонга медные и железные месторождения. Предприимчивый Походяшин уговорил Посникова уступить найденные им руды. В итоге этой сделки 3 декабря 1757 г. Походяшин просил разрешения добывать руду, а также построить завод, который он назвал Петропавловским. На основании предварительного обследования энергетических ресурсов р. Колонги Берг-коллегия разрешила построить на ней домну с тремя-четырьмя молотами. Учитывая, что такого количества молотов недостаточно для перековки чугуна, Берг-коллегия предложила Походяшину разыскать новое место для постройки молотового завода⁶³.

⁶⁰ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 3578, лл. 710—712.

⁶¹ Там же, кн. 4545, лл. 119, 125; ГАТО, ф. Тульского наместнического правления, оп. 7, д. 222, л. 1.

⁶² Е. П. Карнович. Указ. соч., стр. 251, 252.

⁶³ Н. К. Чупин. О Богословских заводах и о заводчике Походяшине. — «Сборник статей, касающихся Пермской губернии», вып. 1, стр. 103, 104; ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 783, лл. 235, 236, 312—314.

Походяшину пришлось не только строить завод, но и проявлять заботу о создании удобных к нему подъездов. Дело в том, что строившийся завод был отделен от населенных пунктов и уездных центров ближайших Соликамского, Чердынского и Верхотурского уездов непроходимыми лесами, горами и болотами, и поэтому необходимо было расчистить дороги для подвоза продовольствия, инструментов и разнообразных припасов, а также для прохода рабочих. Надо было, кроме того, построить дорогу к судоходной реке, способной связать завод дешевыми водными путями с важнейшими торгово-промышленными центрами Европейской России через Улус, Вишеру и Каму.

Петропавловский завод, оснащенный домной и молотами, начал плавку чугуна 26 июня 1760 г.⁶⁴ Его эксплуатация сулила изрядную прибыль, так как пробная плавка руды показала высокое содержание чугуна — 62—67%. В дальнейшем профиль Петропавловского завода изменился: Походяшин все более сокращал чугунолитейное и железоделательное производство и расширял медеплавильное. В конце 60-х годов XVIII в. завод полностью перешел на плавку меди. В 1767 г. на нем стояло 9 печей, в 1768 г.—14, а с 1770 г.—17. Походяшин поступился железоделательным производством в пользу медеплавильного, так как последнее оказалось более прибыльным. В то же время водные ресурсы р. Колонги, на которой стоял Петропавловский завод, не допускали одновременной эксплуатации домны, молотов и медеплавильных печей⁶⁵.

Изменение профиля Петропавловского завода относится, как мы видели, к более позднему времени. В годы его строительства, когда на нем намечалось сосредоточить доменное и передельное производства, Походяшин в соответствии с указом Берг-коллегии всерьез был озабочен поисками места под молотовый завод, предназначенный для перековки чугуна с Петропавловской домны. Поиски завершились успехом, и 5 февраля 1759 г. Берг-коллегия, по представлению Канцелярии главного заводов правления, разрешила Походяшину поставить молотовый завод на р. Турье и одновременно закрепила за ним удобные под заводы места на речках Ясме и Павде.

Походяшин, однако, передумал строить передельный завод на р. Турье. Ведомость Берг-коллегии, составленная в 1763 г., связывает отказ от сооружения Турьинского завода с непослушанием приписных крестьян, но вряд ли данная причина была решающей, ибо в этом случае Походяшин не стал бы хлопотать о постройке другого завода. Скорее всего этот отказ объясняется отсутствием у Походяшина необходимых средств. Принятый же в компанию новый компаньон, тульский купец Василий Артемь-

⁶⁴ ЦГАДА, ф. Коммерц-коллегии, оп. 1, д. 766, л. 3; ф. Сената, кн. 3246. л. 398.

⁶⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1370, л. 488.

евич Меньшой Ливенцов, не был заинтересован в постройке вспомогательного предприятия, иначе он потом находился бы в полной зависимости от своего компаньона, владевшего Петропавловским заводом.

Союз Походяшина с Ливенцовым был оформлен 20 января 1760 г., но переговоры между ними об объединении в компанию начались, видимо, в конце 1758 г. Ливенцов заявил о своем желании сотрудничать с Походяшиным, а Походяшин обосновал необходимость этого сотрудничества своим «одиначеством». Построенный компанией Николае-Павдинский завод с домной, тремя действующими и одним запасным молотами, а также двумя медеплавильными печами начал работу 22 мая 1763 г.⁶⁶

Николае-Павдинский завод находился в совместном владении Походяшина и Ливенцова до 4 апреля 1777 г., когда Походяшин, более не нуждавшийся в финансовой помощи, поспешил избавиться от компаньона, выдав ему три векселя на 40 тыс. руб. с обязательством погасить их в течение трех лет.

Третий завод М. Походяшин купил готовым. 30 апреля 1769 г. он был введен во владение Ньючинским заводом в составе двух действующих и одного запасного молотов. Великоустюжские купцы Панов и Плотников продали Походяшину завод за 23 500 руб.⁶⁷ С какой целью Походяшин купил Ньючинский завод, неясно. Во-первых, он стоял в стороне от основных объектов промышленного хозяйства Походяшина, во-вторых, Походяшин вскоре после оформления купчей на завод передал его в пожизненную «дирекцию и диспозицию», т. е. в управление капитану 1-го ранга Лаврентию Савельевичу Вакселю, который, видимо, оказал Походяшину какую-то ценную услугу. Контракт, заключенный 8 декабря 1775 г., предусматривал получение Вакселем половины прибыли. Эксплуатация завода осуществлялась на деньги Походяшина, Вакселю разрешалось увеличивать или уменьшать жалованье мастеровым и служителям, производить ремонтные работы на сумму не свыше 200 руб. Специальный пункт контракта запрещал наследникам Походяшина отбирать завод у Л. С. Вакселя.

После смерти М. М. Походяшина его сыновья решили уступить завод Вакселю в собственность, запросив с него в 1781 г. 20 тыс. руб., т. е. меньше той суммы, за которую он был куплен. Сделка, однако, не состоялась из-за смерти Вакселя⁶⁸. Лишь в 1788 г. наследники Походяшина продали Ньючинский завод петербургским купцам Гавриилу и Архипу Грибановым⁶⁹.

Четвертый завод Походяшин основал на том самом месте на

⁶⁶ ЦГАДА, ф. Канцелярии Сибирской губ., 154, л. 1; ф. Берг-коллегии, кн. 1241, л. 710.

⁶⁷ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1298, лл. 11, 16, 23.

⁶⁸ Там же, кн. 1354, д. 30, лл. 1—5, 7, 11.

⁶⁹ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4587, л. 1.

р. Турье, где ему еще в 1759 г. было разрешено строить передельный завод. 10 лет спустя, в 1769 г., ему удалось недалеко от места, избранного ранее для строительства завода, найти железную и медную руду. Поэтому он возбудил ходатайство о строительстве не передельного завода, а комбинированного предприятия с домной, молотами и медеплавильными печами. Строительство завода, названного Богословским, было начато до получения указа, в 1768 г., а закончено в 1770 г.⁷⁰

Богословский завод стал ведущим в хозяйстве Походяшина. В то же время его следует считать крупнейшим в России предприятием по выплавке меди. Достаточно сказать, что в 1771 г. на нем было выплавлено свыше 20 тыс. пуд. меди, а в 1774 г. — около 34 тыс. пуд.; в 1770 г. завод был оборудован 12 медеплавильными печами, в 1771 г. Походяшин добавил еще четыре печи, а в 1773 г. на заводе насчитывалось уже 19 печей.

В 1774 г. Походяшин купил у сенатора В. А. Всеволожского три части Пожвенского (Пожевского) завода. Через два года верхотурский промышленник получил разрешение на перевод крестьян, купленных с Пожевским заводом, на Петропавловский и Богословский заводы. Н. К. Чупин высказал, на наш взгляд, совершенно справедливое предположение: «Кажется, этот перевод и был единственной целью покупки завода; по делам не видно, чтобы Походяшин принимал какое-либо участие в распоряжении Пожевским заводом»⁷¹.

В январе 1773 г. Походяшин принял в компанию двух рудоискателей — уже упоминавшегося ранее Григория Никифоровича Посникова и великоустюжского купца Петра Петровича Ентальцова, которые обнаружили «благонадежные» золотые руды и намеревались разрабатывать их в компании с Походяшиным. Обследование месторождения по каким-то причинам затянулось и было произведено только в 1776 г. Руда оказалась «не убогаво содержания» и «благонадежна». В том же 1776 г. компаньоны заключили контракт — рудоискатели передавали в фонд компании найденные ими рудники, а Походяшин вносил «в компанию на разработку оных рудников без возврату и без зачету впредь с его стороны денег 2 тыс. руб., а Ентальцов — 500 рублей».

Походяшин не спешил с постройкой завода, желая, видимо, получить полную гарантию в благонадежности руд. В одном из доношений он объяснял свою медлительность тем, что из произведенной пробы руды «прямого познания» ее богатства установить было нельзя. Тем временем рудоискатели, тщетно продавая семь лет и не обнаружив со стороны Походяшина желания строить завод, решили продать рудники сенатору Всеволожскому. Походяшин обвинил своих компаньонов в коварстве —

⁷⁰ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1296, лл. 432, 433.

⁷¹ Н. К. Чупин. Указ: соч., стр. 110.

они обязались договор «хранить свято и нерушимо», но грубо нарушили его. Всеволожский обязался компенсировать все затраты Походяшина, но Берг-коллегия, рассматривавшая взаимные жалобы споривших сторон в 1780 г., нашла, что рудоискатели без согласия Походяшина не имели права продавать рудники, и поэтому не утвердила сделки⁷². Конец дела не сохранился.

В 80-х годах Походяшин превратился в крупнейшего в России поставщика меди, хотя он владел лишь тремя медеплавильными заводами. Если с 1771 г. до 1783 г. на его заводах выплавлялось от 32 до 55 тыс. пуд. меди в год; то в последующее время ежегодная выплавка колебалась от 58 до 62 тыс. пуд.⁷³

После смерти Походяшина в 1781 г. его наследники в 1791 г. продали в казну все промышленное хозяйство, состоявшее из трех металлургических и семи винокуренных заводов, за 2,5 млн. руб.

В чем «секрет» столь стремительного обогащения М. Походяшина, сумевшего на протяжении своей жизни, кстати, не очень продолжительной, сколотить такие колоссальные богатства? Прижимистый и неразборчивый в средствах, он не пренебрегал любой возможностью приумножить свой капитал, касалось ли это его компаньонов, с которыми он бесцеремонно расставался после того, как использовал до дна их финансовые возможности, или беглого крестьянина, которого он опутывал кабальными обязательствами и затем принуждал работать за скудный провиант и одежду. Расчетливость и хищный нрав уживались в нем с ханжеским благочестием. Построенные заводы Походяшин называл в честь святых, но это не мешало ему предоставлять на этих заводах приют заведомым разбойникам, каторжным трудом зарабатывавшим в зимние месяцы на хлеб и воду, чтобы с наступлением тепла отправиться разбойничать на Каму.

Много раз Походяшин находился под следствием. Случись обвинение в утайке десятины или в убийстве рабочих людей с другим промышленником, не миновать ему было серьезных неприятностей, но ловкий и изворотливый Походяшин всякий раз выходил сухим из воды.

Однако было бы неправильно объяснять рост богатства Походяшина только личными качествами заводчика. Первенствующую роль в стремительном обогащении Походяшина играло использование богатейших месторождений меди. Выход чистой меди из руды, равно как и размер получаемой прибыли, относился к числу величайших тайн промышленника, и ни одна правительственная инстанция не располагала на этот счет точными

⁷² ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2067, лл. 552, 581—587, 618, 619.

⁷³ «Горнозаводская промышленность Урала»..., стр. 112—113.

данными. Приведем следующий пример. Руководивший карательными мероприятиями правительства на Урале кн. А. А. Вяземский представил в 1764 г. секретный отчет Екатерине II. По его данным, опиравшимся на пробные плавки, производившиеся на Петропавловском заводе под руководством горных офицеров, выход чистой меди составлял 3—3,5 пуд. из 100 пуд. руды⁷⁴. В 1791 г., когда шла речь о покупке заводов Походяшина в казну и когда правительство располагало заводскими книгами, данные о содержании меди в рудах оказались совершенно иными. По этим данным, на Петропавловском заводе с 1767 по 1769 г. из 100 пуд. руды выплавляли от 5 до 18 пуд. меди, а на Богословском в 1770—1779 гг. — от 3 до 10,5 пуд. В 1783—1790 гг. средний выход меди на обоих заводах составлял без малого 10 пуд. Необычайное богатство рудников позволяло Походяшину получать самую дешевую в России медь. Поэтому тот же Вяземский, занимавший должность генерал-прокурора в 1791 г., в своем заключении на условия продажи походяшинских заводов считал, что, уплачивая 2,5 млн. руб., казна получает их «почти в дар»⁷⁵.

Своеобразное место среди промышленников-металлургов занимает Савва Яковлевич Яковлев. Его возвышение не имеет себе равных ни по приемам, ни по темпам обогащения.

Выше мы изложили историю промышленных хозяйств крупнейших стяжателей XVIII в. — Демидовых, Твердышева с Мясниковым, Походяшина, чей стремительный взлет поражал умы современников и неизменно ассоциировался у них с необычными происшествиями. Слов нет, все они были крупнейшими богачами XVIII в., но ни один из них не мог встать в один ряд с Саввою Собакиным, прошедшим путь от осташковского крестьянина до коллежского асессора Саввы Яковлевича Яковлева, от продавца мяса вразнос до миллионера, владельца 22 заводов. Таким количеством заводов в XVIII в. не владел ни один промышленник России. Акинфий Демидов, находясь в 40-х годах XVIII в. в зените предпринимательской славы, к концу жизни, правда, оставил 25 заводов, но это был результат стяжания двух поколений Демидовых — самого Акинфия и его отца Никиты, подвизавшегося в металлургии еще с конца XVII в.

Яковлев избрал иной путь расширения промышленного производства — он строил мало заводов, как делало большинство заводовладельцев, а покупал их готовыми у оказавшихся в стесненном положении вельмож и менее удачливых промышленников. Скупка заводов имела существенные преимущества, если вспомним, что Яковлев вступил на путь предпринимательства в металлургии после указа о запрещении покупать крепостных крестьян к мануфактурам, и купец располагал лишь единствен-

⁷⁴ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4545, л. 122.

⁷⁵ Там же, кн. 1534, т. VIII, л. 69; кн. 4545, л. 115.

ным средством стать душевладельцем — купить готовый завод: «с хлебом стоячим и молоченым, с крестьянами, их женами и детьми, с санными покосы и лесными угодьями».

На приобретение заводов Яковлев затрачивал огромные средства. Где же был тот неиссякаемый источник накопления денежных капиталов, откуда Яковлев черпал сотни тысяч рублей для скупки готовых предприятий? Таким источником были откупа и подряды. Перед нами прошло немало владельцев металлургических заводов, поначалу подвизавшихся в откупках и подрядах. К их числу принадлежал и Яковлев, отличавшийся от коллег лишь масштабами операций и, конечно, незаурядной ловкостью в их осуществлении. Если денежное выражение подрядов даже у крупных подрядчиков исчислялось десятками тысяч рублей, то Яковлев их заключал на сотни тысяч и даже миллионы рублей. Вместе с известным откупщиком Шемякиным Яковлев взял на откуп все таможенные сборы⁷⁶. С 1746 по 1750 г. он держал на откупе питейные сборы в Петербурге, Кронштадте, Ингерманландии и на Ладожском канале. Этот откуп Яковлев сохранил за собой «на последующие годы». О размерах откупных операций Яковлева можно судить по его доношению в Сенат в декабре 1763 г., в котором он сообщал, что «при взятые нами в Москве и в С.-Петербурге в содержание кабацких с прочими зборов 759 г. учинено нами столь знатною наддачею казне в. и. в. приращения в 7 лет принесено до полутора миллиона рублей». В этой связи размер «приращения», принесенный казне Твердышевым и составлявший 21 тыс. руб., следует признать мизерным.

Но крупный делец не брезговал операциями и меньшего масштаба. В течение 1754—1758 гг. он вместе с Шестовым держал на откупе питейные и прочие сборы в Ярославской провинции, а вместе с Медовщиковым — в Псковской провинции. В начале 70-х годов Яковлев держал на откупе продажу вина в Тюмени, Туринске, Верхотурье, Краснослободске, Ялуторовске и Екатеринбурге, а также на Невьянском, Сысертском, Полевском и Северском заводах. С 1779 по 1783 г. Яковлев заключил контракт на сбор питейных денег в Екатеринбурге, причем сумма сбора составляла 100 тыс. руб.

О том, как росли доходы откупщика и как должна быть оценена его деятельность на поприще питейных откупов, можно судить по следующим данным. По справке Камер-коллегии, продажа вина в Петербурге, Кронштадте, Ингерманландии и на Ладожском канале за время с 1740 по 1749 г. колебалась от 124 372 до 196 962 ведер в год. Яковлев же в 1750 г. дал заявку на ежегодный привоз 496 тыс. ведер вина, т. е. в два с половиной раза

⁷⁶ «История Правительствующего сената за 200 лет», т. II. СПб., 1911. стр. 323.

больше, чем сбывали его предшественники в лучшие годы⁷⁷. Сенатским указом от 15 декабря 1758 г. питейные сборы в Петербурге и Москве были с 1759 г. переданы компании, возглавлявшейся Яковлевым, причем компания должна была ежегодно платить казне 789 863 руб. 48 коп. откупных⁷⁸.

Итак, питейные откупа являлись основным источником накопления капиталов, но не единственным. Первый в стране откупщик в то же время был самым крупным экспортером. Его годовой оборот, по сведениям Петербургской конторы Главного магистрата, в 1764 г. составлял 500 тыс. руб. Среди продававшихся за границу товаров на первом месте стояли лен и пенька, на третьем — уральское железо⁷⁹. В 1764 г. Яковлев выступал еще в роли торгового посредника между владельцами металлургических заводов и иностранными купцами, но этого рода деятельность, надо полагать, оказала влияние на его стремление обзавестись собственными предприятиями черной и цветной металлургии. Торговые связи Яковлев поддерживал как с западными, так и с восточными странами. Так, в 60-х годах XVIII в. он имел по одной лавке в Кяхте и Петропавловской крепости⁸⁰.

Скупку промышленных предприятий Яковлев начал с приобретения Ярославской парусно-полотняной мануфактуры, за которую он уплатил Затрапезнову 60 тыс. руб. В дальнейшем следуют одна за другой сделки на приобретение металлургических заводов. Первая из них была заключена 11 сентября 1766 г., когда Яковлев купил у отставного лейб-гвардии секунд-майора Александра Григорьевича Гурьева Алапаевский, Синячихинский, Верхний и Нижний Сусанские заводы, уплатив за них 140 тыс. руб.⁸¹

Через месяц после приобретения заводов у Гурьева, в октябре 1766 г., Яковлев, желая их «распространить и против прежнего приумножить действием», решил построить дополнительную доменную печь на Алапаевском заводе. Необходимость этого Яковлев объяснял пуском молотовой фабрики на Синячихинском заводе и увеличившейся в связи с этим потребностью в чугуне. Новая домна начала плавку чугуна 9 декабря 1767 г.⁸²

Три года спустя после первой покупки, в 1769 г., Яковлев оформил еще две сделки — у Александра Ивановича Глебова он купил Холунитский, Климковский, Уинский и Шермяитский

⁷⁷ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 2565, л. 547; кн. 2570, лл. 17, 62; кн. 2845, лл. 434, 455; кн. 3579, л. 5; ф. Камер-коллегии, д. 14002, л. 69; ф. Портфели Миллера. портфель 385, т. II, д. 1, л. 12; ф. Берг-коллегии, кн. 1371, л. 362а.

⁷⁸ ПСЗ, т. XV, № 10906, стр. 299—302.

⁷⁹ ЦГАДА, ф. Комиссии о коммерции, д. 445/40, л. 2.

⁸⁰ ЦГАДА, ф. Коммерц-коллегии, д. 1550, л. 13, 19. О С. Яковлеве см. Ю. Я. Клокман. Торгово-промышленная деятельность в Осташковской слободе. — Сб. «О первоначальном накоплении в России». М., 1958, стр. 398—400.

⁸¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 43, л. 142; кн. 1260, л. 551.

⁸² Там же, кн. 1289, л. 285.

заводы, из которых два последних были медеплавильными, а у Прокофия Акинфиевича Демидова — еще пять заводов: Невьянский, Быньговский, Шуралинский, Верхне-Тагильский, Шайтанский и два заводских места — на р. Нейве, где было начато строительство Верх-Нейвинского завода, и на р. Камбарке. Глебову Яковлев уплатил 150 тыс. руб., а Демидову — 800 тыс. руб.⁸³ Заключение сделки с Демидовым не обошлось без осложнений. Прокурор Юстиц-коллегии, где оформлялась купчая, памятуя об указе, запрещавшем покупать крестьян к мануфактурам, усомнился в праве Яковлева купить вместе с заводами крестьян. Яковлеву удалось уладить дело. Сенат разрешил сделку, но обязал покупателя, чтобы, «казенные со оных заводов поставки, что исправляя продавец, исправлять без отрицания».

Работу купленных у Демидова заводов Яковлеву долгое время не удавалось организовать на полную мощность. Вскоре после заключения купчей, 28 мая 1768 г., вспыхнул пожар на Верхне-Тагильском заводе, и он «выгорел с приготовленным на целое годовое действие углем и другими всеми припасами из состоящею при них пыльною мельницею». Весною 1772 г. такая же участь постигла и Невьянский завод, причем огонь уничтожил домну и молотовые фабрики, уголь, хлебные магазины. Пожар начался в заводском поселке, «при настоявшей тогда штормовой сильной погоде» огонь перебросился на городовую стену и Тульскую башню, оттуда на угольные кучи, заводские постройки, складские помещения, где хранилась медная и железная посуда, продовольствие и т. д. В результате сгорело 117 домов и весь завод, так что его восстановление «еще гораздо более, нежели во что все бывшее до сего несчастного приключения основание их коштвало». Так писал Яковлев в доношении Берг-коллегии, в котором он, кстати, сообщил, что сумма понесенного от пожара убытка составляла 78 635 руб. До пожара, в 1770 г., Невьянский завод считался среди уральских заводов «превосходнее прочих»⁸⁴.

Впрочем, понесенные убытки не оказали сколько-нибудь существенного влияния на ритм производственной жизни разраставшегося хозяйства Яковлева. Во всяком случае, грандиозный пожар не помешал ему совершить в 1774 г. четвертый акт купли — он приобрел у Романа Илларионовича Воронцова Верх-Исетский завод за 200 тыс. руб.⁸⁵

Последняя, пятая по счету, сделка была совершена в сентябре 1778 г., когда Яковлев купил за 100 тыс. руб. Уткинский и Сылвинский заводы у графа Сергея Павловича Ягужинского⁸⁶.

⁸³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1326, лл. 175—178, 181, 285, 288; П. С. Паллас. Указ. соч., ч. II, кн. 1, стр. 226.

⁸⁴ Там же, кн. 1299, л. 290; кн. 1371, л. 363а; кн. 46, л. 12.

⁸⁵ ГАСО, ф. Главного горного управления, оп. 1, кн. 2239, л. 3.

⁸⁶ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2122, л. 875.

В итоге всех сделок С. Я. Яковлев стал владельцем 16 заводов, за которые он в течение 22 лет уплатил 1 390 тыс. руб. Семь заводов из 16 принадлежали казне, затем были переданы вельможам, а последние, продемонстрировав полное неумение хозяйничать и оказавшись по уши в долгах, вынуждены были уступить их более энергичному и предприимчивому дельцу.

Несколько предприятий Савва Яковлев построил «своим коштом», будучи уже крупным заводовладельцем. Первым из них был Верхне-Синячихинский завод на речке Синячихе, где уже стояло передельное предприятие. В 10 верстах от него он решил «построить железодействующей об одной домне завод с пристойным числом фабрик и молотов». На Верхне-Синячихинском заводе сначала были пущены молоты (первый 27 сентября, а второй 4 ноября 1770 г.). Доменная печь начала работу почти два года спустя — 7 мая 1772 г.⁸⁷

Вторым предприятием, построенным Яковлевым, был Верх-Нейвинский завод. Намерение построить на р. Нейве, той самой, на которой стоял Невьянский завод, созрело еще у Акинфия Демидова. Уже было расчищено и место под завод, но, установив, что надлежало строить грандиозную плотину, Акинфий отказался от выполнения своего намерения. Идею поставить на р. Нейве новый завод разделял и сын Акинфия Прокофий, но он тоже не реализовал этой идеи, хотя 9 июня 1760 г. ему и было разрешено сооружение Верх-Нейвинского завода.

Из-за места под завод начались бесконечные споры с А. С. Строгановым; затянувшиеся до 1769 г., когда Невьянская часть оказалась в руках Яковлева. Новый владелец воспользовался военной конъюнктурой (в то время шла русско-турецкая война), чтобы оказать давление на Берг-коллегию. Строительство завода было возобновлено, причем сначала были пущены молотовые для производства якорей, которые для нужд Адмиралтейства «зделаны были как наискорее возможно, не упуская ни малого времени», а затем начала действовать и домна. Плавка чугуна началась в ней 13 июля 1772 г.⁸⁸

В том же 1772 г. Яковлев возбудил ходатайство о постройке Режевского завода. Дело было осложнено протестами со стороны Н. А. Демидова и Р. И. Воронцова. Более энергичный и изворотливый Яковлев заставил потесниться ранее осевших здесь Демидовых и Воронцова, причем оба они, хотя право было на их стороне, ничего не могли поделать с вошедшим в силу бывшим осташковским крестьянином.

Основанием для протеста Н. А. Демидова против постройки Режевского завода послужило то, что Яковлев претендовал на отвод к этому заводу лесов, будто бы приписанных к с. Покров-

⁸⁷ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1289, лл. 282, 293, 297, 299, 300, 302.

⁸⁸ Там же, кн. 1173, лл. 201, 203—206, 229, 339.

скому. Приказчик Н. А. Демидова обвинял Яковлева в незаконных захватах — он, «будучи ближним к заводам господина моего соседом к единой токмо обиде присвоает к себе те леса, нимало ему не принадлежащие». В другом доношении, поданном уже после того, как Яковлев построил завод, Демидов, жалуясь на потворство Канцелярии главного заводов правления новому магнату Урала, сетовал на него за то, что он «не желал с тишиною пользуетца тем, где есть строящегося ево завода множественное число лесов никому не прикосновенных, а принял меры с помощью реченной Канцелярии захватить предъявленные к селу Покровскому леса мои противу описания прав и в соседстве обидного спокойствия».

Сложнее было отвести притязания Р. И. Воронцова, так как он подал заявку на постройку завода на р. Большой Рефте еще в 1759 г., когда Яковлева на горнозаводском Урале не было и в помине. Но в угоду Яковлеву просьба Воронцова была отклонена на том основании, что река Рефта — приток Пышмы, где казна владела золотопромывальными промыслами; ради сбережения лесов для них казна и отказалась удовлетворить просьбу Воронцова. Определением Берг-коллегии 22 мая 1773 г. Яковлев получил разрешение построить Режевский завод с одной домной и 12 молотами. Сначала было пущено два молота — один из них 11-го, а другой 20 октября 1774 г. Они ковали железо из чугуна, доставленного с Алапаевского и Невьянского заводов. В ноябре 1774 г. Канцелярия главного заводов правления, основываясь на информации Режевской заводской конторы, доносила Берг-коллегии, что остальные молоты и домна «непродолжительно в действие произведены быть имеют».

Когда пуск всего заводского оборудования приближался к концу, Яковлев обнаружил, что сильное течение реки Режи может обеспечить непрерывную работу всех 12 молотов, которых одной доменной печью «чугуном никак удовольствовать не можно». Чтобы избавиться от вынужденного простоя молотов, Яковлев в марте 1775 г. испросил разрешения пристроить еще одну домну⁸⁹.

Вместе с тремя вновь построенными заводами (Верхне-Синячихинским, Верх-Нейвинским и Режевским) хозяйство Яковлева к началу крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева насчитывало 19 предприятий. Крестьянская война основательно задела лишь два из них — медеплавильные Уинский и Шермяитский. Оба завода были остановлены в конце 1773 г., а сожжены в июне следующего года. Контора Уинского завода определяла сумму понесенного убытка в 19 884 руб., причем в эту сумму были включены и такие сомнительные убытки, как исчезновение готовой продукции, сожжение долговых документов,

⁸⁹ Там же, кн. 1329, лл. 147, 148, 161, 162, 241, 266.

угля, пропажа наличных денег, личного имущества промышленника. Первоначально был восстановлен Уинский завод, возобновивший плавку меди 1 ноября 1775 г. Шермяитский завод начал работу только 1 декабря 1777 г. Столь существенный разрыв в восстановительных работах объясняется «переведением всех почти заводских людей на Уинский его, Яковлева, завод для приведения его в скорейшее действие». Однако продолжавшееся в течение четырех лет бездействие Шермяитского завода обеспокоило Берг-коллегию настолько, что она в 1778 г., еще не имея сведений о его пуске, решила запросить Оренбургское горное начальство, «для чего сей завод столь долгое время не действует»⁹⁰.

Два из предприятий Яковлева — Холунитский и Климковский заводы — не попали ни в одну из четырех ведомостей, в которые в зависимости от степени влияния на них крестьянской войны Глебовский и Перфильев включили 87 заводов. Это дает основание считать, что крестьянская война ни в малейшей степени не отразилась на работе указанных заводов. Остальные 15 заводов С. Яковлева были включены в «Особливую ведомость о тех заводах, на которых разорения, сожжения и грабежей не было, а только происходили одни издержки на защищение, а также и остановки заводские». Заводы бездействовали в течение двух-трех месяцев, причем на их «защищение» Яковлев издержал, по его данным, тоже, конечно, преувеличенным, 32 765 руб.⁹¹

После крестьянской войны Савва Яковлев построил еще три завода — Ирбитский, Вогульский и Верхне-Алапаевский. Когда в марте 1775 г. была подана челобитная с просьбой разрешить построить новый завод, то Яковлев еще точно не знал, на какой из двух рек — Ирбите или Ляге — он будет поставлен. Выбор речки был предоставлен на компетентное усмотрение горных офицеров, которые отдали предпочтение Ирбиту⁹². Доменный и молотовый Ирбитский завод с двумя домнами и 11 молотами начался постройкой в январе 1776 г. и в том же году был пущен⁹³.

«Главная от сего завода хозяйская польза состоит в том, — писал А. Ярцов, — что он лежит вблизи старинных Алапаевских тому же Яковлеву по купчей от Гурьева доставшихся заводов в разсуждении переводимого с одного на другой казенных мастеровых людей и в разсуждении в 60 верстах ниже его, на той же реке Ирбите лежащего уездного города Ирбитска, где бывает славная около масляной недели Ирбитская ярмарка и куда всяческие заводские изделия с выгодами на продажу доставлять возможно»⁹⁴.

⁹⁰ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4206, лл. 95—96; ф. Берг-коллегии, кн. 1371, л. 510.

⁹¹ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4206, лл. 140, 141.

⁹² ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1347, лл. 274, 275.

⁹³ ГАСО, ф. Уральского горного управления, оп. 1, д. 2448, л. 242.

⁹⁴ А. С. Ярцов. Российская горная история, ч. IV, кн. 2, л. 4.

В том же 1776 г. в дополнение к Верхне-Тагильскому заводу было сооружено передельное предприятие с двумя действующими и одним запасным молотами. В источниках это предприятие в одних случаях называется Вогульской плотиной при Верхне-Тагильском заводе, а в других — Вогульским заводом⁹⁵.

Верхне-Алапаевский молотовый завод С. Яковлев построил в 1779 г. в восьми верстах от старого Алапаевского завода, где находилась запасная плотина «для удержания и накопления к продовольствию Алапаевского завода в вешнее время воды». Однако наличие и этой плотины не создавало достаточных запасов воды для бесперебойной работы двух домен, двух медеплавильных печей, двух действующих и двух запасных молотов. В сентябре 1778 г. С. Яковлев испрашивал разрешения на перенос двух молотов на запасную плотину. Берг-коллегия удовлетворила эту просьбу Яковлева лишь после того, как получила информацию Канцелярии главных заводов правления о том, что механизмы Алапаевского завода могут непрерывно работать лишь во время половодья⁹⁶.

Таким образом, к концу жизни Савва Яковлев стал владельцем 22 заводов, из которых шесть были построены им самим. Обращает на себя внимание тот факт, что из шести вновь построенных предприятий четыре являлись дополнениями к уже действующим заводам и стояли на тех же речках. Таковы Верхне-Синячихинский, Верхне-Алапаевский, Верх-Нейвинский и Вогульский заводы.

Савва Яковлев умер в 1784 г. глубоким стариком. Обладатель миллионов последние годы своей жизни провел в постели, после того как «двоекратно поражен был параличом». Имущество Яковлева, по неофициальным и преуменьшенным данным, оценивалось в 7,6 млн. руб., причем на долю недвижимого, т. е. заводов, домов, деревень, лавок, приходилось 2,8 млн. руб., на долю готовых изделий и припасов, заготовленных для промышленных предприятий, — 3 млн. руб.; наличных денег и долгов на английских купцах за проданное железо числилось 1,8 млн. руб. Если учесть, что недвижимое имущество оценивалось по купчим, заключенным много лет назад, что цены в связи с падением курса рубля значительно поднялись, то стоимость имущества Яковлева, видимо, превышала 9 млн. руб. В этой связи достаточно привести такой пример: Яковлев купил Невьянскую часть заводов у Прокофия Демидова за 800 тыс. руб. в 1769 г., а самому Яковлеву много лет спустя за эти же заводы предлагали 1,2 млн. руб.

У Яковлева было пять сыновей (Михаил, Иван, Петр, Гавриил и Сергей) и дочь Анна. Все имущество находилось в нераздель-

⁹⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии. д. 2967. А. С. Ярцов годом основания завода считает 1778 г.

⁹⁶ Там же, кн. 1373, лл. 365, 367, 370; ГАСО, ф. Уральского горного управления, оп. 1, кн. 2448, л. 249.

ном владении семьи. Исключение составлял старший сын Михаил, умерший раньше отца. Так как Михаил «имел чин титулярного советника и в звании купеческом быть не хотел», то выделил ему старший сын Николай. На его долю пришлось 50 каменных лавок и четыре завода: Уинский и Шермяитский, выплавлявшие 3,5 тыс.—4 тыс. пуд. меди в год, и Климковский с Холунитским с ежегодной производительностью в 100 тыс. пуд. железа. Остальное имущество, как движимое, так и недвижимое, по воле С. Яковлева, подписавшего завещание 7 ноября 1783 г., должно было оставаться в нераздельном владении четырех сыновей и вдовы. Наследники, однако, оказали полнейшее пренебрежение к родительской воле и тотчас после его смерти потребовали раздела имущества.

Ожесточение, с которым претенденты на наследство схватились друг с другом, объяснялось, во-первых, крупными размерами долей, на получение которых они претендовали, и, во-вторых, той школой «житейской мудрости», которую они прошли под руководством отца. Волчьи повадки были ими хорошо усвоены, и каждый из них стремился урвать самый лакомый кусок из богатой добычи. Более всех преуспел в этом средний сын Петр. Оказалось, что он сумел втереться в доверие отца и в то время, как остальные братья находились в разъездах, он стал фактически главой фирмы и подsunул для подписи отцу духовную, на содержании которой мы уже останавливались.

Сразу же после смерти Саввы Яковлева дочь его Анна, выданная замуж за Баташова, поставила под сомнение духовную, подписанную ее отцом уже в состоянии маразма, и потребовала увеличения размера своего приданого. Под давлением отца она во время венчания «с безмолвием подписала бумагу», выражавшую удовлетворение получением в качестве приданого 100 тыс. руб. Теперь, после смерти отца, ей стало ясно, что 100 тыс. руб., из которых, кстати, она получила разными подарками менее половины, «не составляют как только малую часть из того, что ей по законам в. и. в. в наследство получить надлежало». Она считала, «что взятая она от меня при выдаче замуж родителем моим бумага употреблена от братьев моих во время смертных его немощей во зло».

В роли обиженных оказались и дети умершего в 1781 г. старшего сына С. Яковлева Михаила, не пожелавшего оставаться в купеческом звании. Они подчеркивали важную роль Михаила в накоплении богатства фирмой Яковлевых. Наследие, полученное старшим сыном Михаила Николаем, оставшимся еще малолетним, фактически находилось в нераздельном владении всей фирмы, и уже упоминавшийся Петр Яковлев все это имущество «вздумал обратить в жертву жадности своей» и сочинил от имени Николая закладную на имя жены Саввы Яковлева, будто он вместо лавок и заводов получил 200 тыс. руб. Николай, однако,

располагал опытными консультантами, убедившими его не подписывать этого документа. Жалоба Николая Михайловича была направлена в защиту интересов детей Михаила — самого Николая и его пятерых братьев и двух сестер, ничего не получивших из наследия.

Не было единодушия и среди сыновей Саввы Яковлева. Младший сын Сергей вслед за сестрой Анной опротестовал завещание отца и требовал раздела. Напротив, остальные три брата — Иван, Петр и Гавриил — не находили слов для оценки мудрости родителя и, «запечатлевая в сердцах своих жертву достойной к нему благодарности», были довольны тем, что он в соответствии с их желанием оставил имущество в нераздельном владении.

Наконец, в семейную тяжбу вмешалась и престарелая вдова покойного, ставшая на сторону трех сыновей, возглавляемых Петром.

Таким образом, спорившие наследники составили четыре лагеря: дочь Анна, действовавшая по «хитрому наущению и корыстолюбию» своего мужа Баташова, младший сын Сергей, не ладивший с остальными братьями, многочисленные племянники во главе со старшим из них Николаем и, наконец, три брата, действовавшие солидарно с матерью и согласившиеся с завещанием отца. Так как все они обращались с челобитными к Екатерине II, то императрица именным указом от 2 мая 1784 г. повелела раздел имущества произвести Совестному суду Петербургской губ.

Проект раздела был представлен 26 марта 1787 г. К этому времени, видимо, Гавриил умер, ибо все имущество после выделения вдове седьмой части было разделено на четыре доли: Невьянскую, Ярославскую, Алапаевскую и Верх-Исетскую.

Верх-Исетская часть в составе Верх-Исетского, Режевского, Холунитского, Климовского заводов⁹⁷ и Великосельской бумажной фабрики с 2 616 душами крепостных досталась Ивану Яковлеву. Все недвижимое имущество этой части оценивалось в 675 357 руб. Ярославская часть, куда вошли Ярославская большая полотняная мануфактура и кооперировавшиеся с нею Крапивенская, Рыбинская и Бородинская фабрики с 2 691 душами крестьян, при жеребьевке досталась детям Михаила Саввича, которых возглавлял Николай Михайлович Яковлев. Недвижимое имущество этой части оценивалось в 545 435 руб. Невьянская часть (Невьянский и Бынгровский заводы) предназначалась для генерал-аудитора лейтенанта Петра Яковлева. Оба завода вместе с 4 329 душами оценивались в 800 180 руб. Наконец, Алапаевская часть с девятью заводами (Нижне-Алапаевский, Верхне-Алапаевский, Верхне-Синячихинский, Нижне-Синячихинский,

⁹⁷ В числе заводов Верх-Исетской части назван Черно-Холуницкий. Материалов о нем в нашем распоряжении нет.

Верхний Сусанский, Нижний Сусанский, Ирбитский, Шермяитский и Уинский заводы) и 1843 душами крепостных пала на долю подполковника Сергея Яковлева. Вдове на седьмую часть пришлось шесть заводов (Шуралинский, Верхне-Тагильский, Вогульский, Верх-Нейвинский, Шайтанский, Сылвинский и Уткинский) и 2278 душ крепостных. Имущество вдовы оценивалось в 530046 руб. Кроме предприятий и крепостных крестьян, наследники получили лавки, дома и другое имущество.

Выработанными Совестью судом условиями раздела, видимо, были недовольны Петр и Иван Яковлевы, однако, судя по перечню заводов, числившихся за каждым из трех братьев, эти условия остались без изменения⁹⁸.

Когда сыновья С. Яковлева вступили во владение заводами, время строительной горячки в металлургической промышленности осталось далеко позади. И все же Яковлевы, одни из немногих промышленников России, продолжали расширять свое хозяйство, хотя, конечно, далеко не такими темпами, как это делал их отец. Со времени раздела и до конца XVIII в. братья Яковлевы дополнили хозяйство новыми производственными сооружениями.

Подполковник Петр Яковлев, владевший только двумя заводами (Невьянским и Бынговским), построил на отводной к Невьянскому заводу земле третье предприятие — Троицко-Петрокаменский завод с одной домной и 18 молотами. В публикации «Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII—XIX вв.» сообщается две даты постройки этого завода: 1788 и 1790 гг.⁹⁹ Видимо, первая из них является временем получения разрешения, а вторая — временем пуска завода. Иван Яковлев в 1795 г. построил молотовый Саргинский завод, оснащенный двумя молотами. Сергей Яковлев в двух верстах от Ирбитского завода в 1792 г. построил запасную плотину, на которой поставил четыре молота. Эти молоты были приписаны к Ирбитскому заводу. Третий завод, тоже молотовый, был построен в 1796 г. и назывался Нижним Верх-Нейвинским.

В итоге наследники Саввы Яковлева к 22 заводам, полученным от отца, прибавили только три предприятия. Однако темпы производства чугуна значительно опережали темпы расширения хозяйства Яковлевых. Так, в 1783 г. накануне смерти С. Я. Яковлева все его заводы выплавляли 1275 тыс. пуд. чугуна, в 1790 г. — 1127 тыс. пуд., а в 1800 г. — 1620 тыс. пуд.¹⁰⁰ Эти показатели, как и продолжавшееся увеличение числа предприятий, свиде-

⁹⁸ ЦГАДА, ф. Воронцовых, оп. 6, ч. 1, д. 659, лл. 2, 3, 15—19, 31—33, 55, 56; л. 815, лл. 11, 12; д. 817, лл. 1—6, 8, 13—17; ПСЗ, т. XXII, № 16203, стр. 396—397.

⁹⁹ «Горнозаводская промышленность Урала...», стр. 56, 168.

¹⁰⁰ Выплавка за 1783 и 1790 гг. подсчитана по «Горнозаводской промышленности Урала...», а за 1800 г. — по данным ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2633, лл. 53—56.

тельствуют о том, что хозяйство Яковлевых развивалось даже в конце XVIII в. и находилось в цветущем состоянии.

Со скупки готовых заводов начал предпринимательство в металлургии еще один крупный промышленник XVIII в. Ларион Иванович Лугинин. Правда, деловые операции Лугинина, как и размеры его хозяйства, были неизмеримо скромнее, чем у Яковлева, но их все же сближает то обстоятельство, что в металлургию они пришли с крупными капиталами, приобретенными не в промышленной сфере.

О происхождении капиталов выразительно рассказал сам Лугинин в одном из доношений: «Покойный отец мой, тульский купец Иван Лугинин, с самого начала заведения С.-Петербурга, потом и я с ним вместе производили знатную торговлю при сем Санкт-Петербургском, так и при всех других портах и пограничных местах, так что по уничтожении внутренних таможен, т. е. с 1753 г. до самого нынешнего времени дом наш пошлин одних платил короне с обоюдных товаров не меньше 50 тыс. руб. каждый год. Во все сии года пошлин заплачено более миллиона рублей. Таковым целого почти века трудолюбием и доброю с стороны дома нашего верою учинили мы дом свой вне и внутри государства знаменитым. И должно признать, что приобрели мы и себе довольно знатные стяжания, так что в 1769 г. купил я в Оренбургской губернии Златоустовский и Троицко-Саткинский медные и железные заводы и при них до 2 700 душ крепостных людей»¹⁰¹. Если сумма таможенного сбора составляла не менее 50 тыс. руб. в год, то, зная процент взимания пошлин от цены товара, нетрудно установить, что годовой торговый оборот Лугинина превышал 600 тыс. руб. Лугинин, таким образом, входил в число десяти крупнейших торговцев России.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники в общем подтверждают свидетельство Л. И. Лугинина. Его фамилию мы не встречали ни в списке владельцев винокуренных заводов, ни в списке подрядчиков и откупщиков. Ко времени покупки металлургических заводов Лугинины уже были мануфактуристами, владельцами парусно-полотняной фабрики, в которую они намеревались вложить до 10 тыс. руб., с тем чтобы производить на ней «парусные полотна самым добрым мастерством». Иван вместе с сыном Ларионом рассчитывали оборудовать предприятие «на первый случай» 50 станами, но фактически поставили 120 станов, а в 1753 г. имели уже 280 станов¹⁰².

Конечно, парусно-полотняная мануфактура Лугининых была крупным предприятием и в известной степени содействовала накоплению капиталов, но львиная доля принадлежала внешней торговле. В ведомости, присланной Тульским провинциальным

¹⁰¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1344, л. 434.

¹⁰² Там же, кн. 2231, л. 78; Д. С. Б а б у р и н. Указ. соч., стр. 231.

магистратом в 1765 г., среди купцов, торговавших с заграницей, фигурируют три брата Лугининых: Фома Корнилович, Петр Корнилович с сыном Иваном и Иван Корнилович с сыном Ларионом и внуком Максимом Ларионовичем. Ф. К. Лугинин вел исключительно восточную торговлю. В Кяхте он продавал мерлушку, юфть и меха на 10 тыс. руб. в год. П. К. Лугинин продавал иностранным купцам в Петербурге воск, юфть, пеньку, а также продовольственные товары — сало, пшеничную и ржаную муку, пшено, крупу, горох, мед и патоку на 63 тыс. руб. в год. В Оренбург для продажи восточным купцам П. К. Лугинин доставлял юфть, правда, в скромных размерах — всего на 500 руб. Третья семья Лугининых, из которой происходил владелец металлургических заводов, Ларион Иванович Лугинин, была богаче двух других вместе взятых. Ее торговые связи были весьма обширны. В Петербург И. К. Лугинин с сыном Ларионом и внуком Максимом возили парусное полотно производства собственной мануфактуры, основанной в Алексинском уезде еще в 1748 г., а также пеньку, юфть, сало и щетину, в общей сложности на 120 тыс. руб. Крупные партии товара (юфть, мерлушка, ворвань и кожи) И. К. Лугинин поставлял в Кяхту (на 50 тыс. руб.), где имел три лавки. Кроме того, юфть экспортировалась в Иран (на 3 тыс. руб.), а также через Оренбург в Среднюю Азию (на 4 тыс. руб.). Участие И. К. Лугинина в китайской торговле имело большую давность: московская таможня зарегистрировала в 1740 г. привоз в столицу И. Лугининым посуды из Иркутска и Верхотурья¹⁰³. Не прекращал внешнеторговых связей Лугинин и после того как стал металлургом. Внешнеторговый оборот Л. И. Лугинина в 1773 г. составлял около 184 тыс. руб., а в 1775 г. — свыше 128 тыс. руб.¹⁰⁴

Крупным сделкам Лугининых на внешнем рынке предшествовали значительные торговые операции внутри страны. В 1739 г. тульские, калужские, белевские, серпуховские и другие купцы, ствозившие в Петербург хлеб, обратились в Сенат с коллективной челобитной, в которой жаловались на запрещение останавливать барки с хлебом у Петропавловской крепости, исходившее от Полцеймейстерской канцелярии. По ее предписанию стоянка была переведена к стенам Невского монастыря, отцы которого норовили взыскать по копейке за сутки с каждой барки. Первым подписал эту челобитную Иван Лугинин, что свидетельствует о его видном положении среди хлеботорговцев обширного края¹⁰⁵.

Денежные богатства, накопленные Л. И. Лугининым во внешней торговле, позволили ему в 1769 г. почти одновременно издер-

¹⁰³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1289, лл. 578, 600, 624, 629; ф. Комиссии о коммерции, д. 445/59, стр. 4, 5; д. 1550, л. 10; ф. Камер-коллегии, Таможенная книга 90/842, л. 21.

¹⁰⁴ ЛОИИ, ф. Воронцовых, д. 570, л. 124.

¹⁰⁵ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 931, л. 392.

жать на приобретение двух недалеко отстоявших друг от друга заводов 270 тыс. руб.; за Златоустовский В. М. Мосолова он заплатил 85 тыс. руб., за Троице-Саткинский завод барона Александра Сергеевича Строганова — 185 тыс. руб. По оборудованию оба завода были примерно равноценными предприятиями — они имели по две домны, молотов на Златоустовском заводе было восемь, на четыре меньше, чем на Троице-Саткинском, но зато Троице-Саткинский завод был оборудован только одной медеплавильной печью, а Златоустовский — шестью. Существенная разница стоимости заводов объясняется тем, что вместе с Златоустовским заводом Лугинин приобрел 802 души м. п., а с Троице-Саткинским — 1 829 душ м. п. На стоимость последнего завода повлияло также отличное качество руды в месторождении, расположенном в 15 верстах от завода. Этот рудник Лепехин считал «главою» уральских рудников. Что касается Златоустовского завода, то он находился в расстроенном состоянии¹⁰⁶.

Сразу же после покупки двух заводов Лугинин решил расширить промышленное хозяйство постройкой новых предприятий. Так, в ноябре 1770 г. он сообщил Берг-коллегии о своем намерении построить на р. Кусе в 25 верстах от Златоустовского завода одну или две домны и «столько молотов, сколько оная река Куса в действии содержать может». В августе 1773 г. Лугинин изложил Берг-коллегии еще один план совершенствования своего хозяйства — он просил разрешения вместо медеплавильных печей на Златоустовском и Троице-Саткинском заводах построить вполне самостоятельный медеплавильный завод на р. Миясе. Наличие медеплавильных печей при доменных и переделных заводах влекло два неудобства: во-первых, печи большую часть времени бездействовали из-за недостатка воды — на Златоустовском, а на Троице-Саткинском по этой же причине они были совсем остановлены; во-вторых, «медные рудники лежат в дальном от заводов разстоянии»¹⁰⁷.

Однако в ближайшие годы планы строительства новых предприятий не были осуществлены. Лугинин считал более важным для себя как следует наладить производство на купленных заводах. Это стоило Лугинину, по его словам, 200 тыс. руб., из которых он 50 тыс. руб. издержал на «поправление нужного» к «прочности» завода и 150 тыс. руб. — на заготовку впрок разнообразных припасов¹⁰⁸. Кроме того, Лугинин решил создать резервы рабочей силы для расширения производства. Именно в этом плане следует рассматривать покупку у Прокофия Демидова в 1772 г. Чугунских и Корельского молотовых заводов за 30 тыс. руб. Необходимость приобретения этих предприятий Лугинин обосновывал

¹⁰⁶ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1335, лл. 286, 288; И. Лепехин. Указ. соч., ч. 2, стр. 260, 264.

¹⁰⁷ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1313, лл. 142, 143; кн. 1335, л. 284.

¹⁰⁸ Там же, кн. 1344, л. 440.

намерением переделывать на них чугуны Златоустовского завода, «на котором ему за недостатком мастеровых и работных людей перековкою всего выплавляемого при оном чугуна исправиться не можно». Как только сделка была оформлена, Лугинин «выяснил», что купленные заводы находятся «в крайней ветхости, так что строение все развалилось, плотины в полые воды размыло и инструментов и припасов в них почти ничего не имеется». Но было бы ошибкой считать крупного дельца Лугинина нерасчетливым хозяином, опрометчиво выбросившим на ветер 30 тыс. руб. В действительности за покупкой заводов скрывалась покупка крестьян, которых за ними числилось 414 душ м. п. 14 февраля 1773 г. Лугинин получил указ Берг-коллегии, разрешавший мастеровых и работных людей Чугунских и Корельского заводов перевести на Златоустовский завод и таким путем ликвидировать недостаток на нем в рабочих руках¹⁰⁹. Таким образом, Чугунские и Корельский заводы с пятью молотами Лугинин фактически купил на слом, прельстившись только крепостными крестьянами. Все три завода никогда не были восстановлены.

Стихийный гнев народных масс во время крестьянской войны обрушился на заводы Лугинина едва ли не с наибольшей яростью. Влияние крестьянской войны Златоустовский и Троице-Саткинский заводы начали испытывать с осени 1773 г., когда были зарегистрированы неоднократные набеги башкир на рудники и угольные курени. Непрерывные набеги привели к остановке предприятий 6 декабря 1773 г. Две недели спустя заводами овладел отряд пугачевцев во главе с табынским казаком Кузнецовым. Дело ограничилось конфискацией денежной казны, лошадей, быков, а также домашней утвари и личных вещей заводладельца. Наемные чуваши, которых на обоих заводах числилось до 5 тыс., были распущены по домам. 31 мая 1774 г. на заводы прибыли основные силы восставших во главе с Е. И. Пугачевым. На этот раз заводы подверглись почти полному уничтожению.

Первоначальные претензии Лугинина к казне в связи с восстановлением разрушенных заводов были с запросом. Он просил приписать к его заводам до 2 тыс. государственных крестьян. Кроме того, он требовал правительственной ссуды в 300 тыс. руб. сроком на 10 лет и без взимания процентов. Наконец, Лугинин считал необходимым пребывание на заводе военных команд с содержанием их на казенный счет, которые должны были защищать заводы от нападения казахов и башкир, «а без таковых возможных от стороны казенной помощи всеконечно те заводы не могут скоро восстановлены и в действие пущены быть»¹¹⁰.

Фактически Лугинин на первых порах довольствовался мень-

¹⁰⁹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2231, лл. 75, 93; кн. 2230, л. 64.

¹¹⁰ Там же, кн. 1344, л. 443.

шим — получением 102 тыс. руб. ссуды вместо причитавшихся 260 тыс. и довольно быстро восстановил разрушенные предприятия. Оперативность, с которой заводские конторы начали восстановительные работы, свидетельствует о том, что Лугинин располагал значительными средствами помимо казенной ссуды. Так, уже в ноябре 1774 г. Лугинин, информируя Берг-коллегию о том, что заводы приведены «в небытие», просил разрешения приступить к постройке двух заводов «на тех же ли местах, где были разоренные, или на других, где я или горное правление обще со мною за способное найдет». Берг-коллегия вынуждена была умирить пыл Лугинина, запретив ему проведение строительных работ до освидетельствования заводов комиссией, специально направленной Берг-коллегией в район, охваченный крестьянской войной. Все же заводы были восстановлены в 1776 г. — Златоустовский в феврале, а Троице-Саткинский в сентябре. Троице-Саткинский завод в том же месяце был опять разрушен. В ветренное утро 22 сентября восстановленную плотину пронесло и размыло до основания на 45 саж. Хлынувшая вода унесла около 30 тыс. коробов угля, хранившегося ниже плотины, заготовленный лес и прочие припасы. «Сей последний удар тем паче для меня был тягостен, — доносил Лугинин, — что я и от первых моих конечных разорений опомниться еще не мог»¹¹¹.

Катастрофа на Троице-Саткинском заводе дала основание промышленнику домогаться от правительства новых льгот. В сентябре 1777 г. Лугинин исхлопотал у Берг-коллегии отсрочки взыскания десятинной недоимки, накопившейся по 1772 г., на 2 года, по истечении которых Берг-коллегия постановила взыскивать ее равными долями на протяжении четырех лет.

Еще не получив удовлетворения на первую просьбу, Лугинин через месяц обратился в Берг-коллегию с новым доношением, в котором просил не взыскивать недоимку в сумме 9 168 руб., числившуюся за ним за 1773 г., «для того, что выплавленного в том году чугуна и меди не обратил он в действительную свою пользу», так как весь металл оказался в руках восставших. Кроме того, Лугинин просил освободить восстановленные заводы от платежа десятины на 10 лет на том основании, что «на построение их вновь не менее того числа капитала употребить ему надлежало, сколько б на построении и новых издержено было». Просьбу Лугинина поддерживали Берг-коллегия и Сенат, и императрица в октябре 1778 г. согласилась с их мнением¹¹². В итоге Лугинин оказался в числе самых облагодетельствованных правительством промышленников: один из немногих он получил ссуду и, единственный из заводчиков, на 10 лет освобожден от уплаты десятины.

¹¹¹ Там же, кн. 1344, л. 399—403, 412, 426.

¹¹² Там же, кн. 2126, лл. 163—165.

Однако ни ссуды, ни прочие льготы, которыми Лугинин был щедро осыпан правительством, не могли предотвратить медленного угасания его промышленного хозяйства, хотя внешне это не скоро обнаружилось, и оно даже расширялось. Достаточно сказать, что к концу XVIII в. Лугинины стали владельцами пяти металлургических заводов.

Первым среди вновь построенных предприятий был Миясский медеплавильный завод, пущенный 12 августа 1777 г. Новое предприятие, однако, не увеличило мощности заводского хозяйства Лугинина, существовавшего до крестьянской войны. В данном случае Лугинин с большим запозданием реализовал план, созревший еще в 1770 г. и состоявший в перенесении 10 медеплавильных печей Златоустовского и Троице-Саткинского заводов на новое место.

Миясский завод Лугинин сначала построил и организовал на нем плавку меди, а затем уже задним числом оформил указ (20 ноября 1777 г.) на его строительство.

В последние два десятилетия XVIII в. наследники Л. И. Лугинина построили еще два завода. Артинский молотовый завод Лугинины пустили в 1787 г. по указу Пермского наместнического правления от 22 декабря 1783 г. Еще через 10 лет, 22 марта 1797 г., Лугинины ввели в строй Кусинский доменный и перепельный завод¹¹³.

Все имущество капитанов Ивана и Николая Максимовичей Лугининых, состоявшее из пяти металлургических заводов, парусно-полотняной мануфактуры, вотчин, крестьян, наличных припасов, готовой продукции, денег и бриллиантов, оценивалось в 2 477 375 руб. Эта сумма распределялась следующим образом (в рублях).

Т а б л и ц а 1

	Всего	В том числе				
		завод	крестьяне	земли	рудники	приписные крестьяне
Златоустовский завод	593 796	79 850	337 146	25 000	126 000	81 800
Кусинский завод	163 411	30 701	120 210	12 500		
Миясский завод	168 700	25 400	39 000	12 500	10 000	
Троице-Саткинский завод	385 815	72 200	224 615	35 000	54 000	
Артинский завод	159 597	37 132	102 465	20 000		
Парусно-полотняная фабрика	142 204	60 400	80 790	1 014		
	1 613 523	305 683	904 226	106 114	190 000	81 800

¹¹³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2230, лл. 212, 213; кн. 2277, лл. 529, 531.

Заводы Лугинина в конце XVIII в. были куплены казной, а затем попали в руки именитого пражданина Кнауфа.

В конце 80-х годов XVIII в. на Урале появился новый хищный и энергичный делец — московский именитый гражданин Михаил Павлович Губин. За короткий срок, в течение семи лет, он стал владельцем семи заводов, из которых построил только один, а остальные купил.

По сведениям, которыми располагал А. С. Ярцов, Губин проник на Урал еще в начале 1760-х годов, когда он вместе с Иваном Меньшим Мосоловым строил Уфалейский завод. Архивные источники не подтверждают, однако, участия Губина в постройке Уфалейского завода.

Скупку заводов Губин начал в 1789 г., когда купил у Ивана Никитича Демидова Нижне- и Верхне-Сергинские заводы за 600 тыс. руб. В следующем году он построил Атигский завод с двумя молотами. Еще через два года, в 1792 г., хозяйство Губина пополнилось двумя предприятиями — Уфалейским доменным и молотовым и Суховязским молотовым заводами, которые он купил у Мосоловых. Последние два завода — Верхний Авзяно-Петровский и Нижний Авзяно-Петровский — Губин купил у Василия Евдокимовича Демидова в 1796 г. В общей сложности на семи заводах М. П. Губина стояло шесть домен и 30 молотов, в 1795 г. на них было выплавлено 357 тыс. пуд. чугуна¹¹⁴.

Список крупных уральских промышленников замыкает М. Ф. Турчанинов. Основатель этой промышленной династии Михаил Филиппович Турчанинов проделал сложный путь от приказчика известного солепромышленника Александра Васильевича Ростовщикова до владельца медеплавильного завода.

М. Ф. Турчанинов, подобно многим промышленникам, накопил капиталы путем разнообразных операций, порученных казной: подрядами, откупам и поставками руды. Первый раз фамилия Турчанинова-подрядчика встретилась нам под 1714 г., когда он обязался доставить смольчуг из Костромы в Петербург, правда, точно неизвестно, от своего имени или в качестве приказчика Ростовщикова¹¹⁵. Он же держал на откупе сбор таможенных пошлин в вотчинах баронов Строгановых и Пыскорского монастыря. К 1732 г. за М. Ф. Турчаниновым значилось 1713 руб. 17 коп. недоимки, в результате чего возникло следственное дело. Откупщик Турчанинов обвинялся в том, что он «самовольством своим», без указа, завел винокуренные заводы и кабаки, что продавал вино «неправильными ведрами», не платил «надлежащих откупов и пошлин».

¹¹⁴ А. С. Ярцов. Российская горная история, кн. 3; «Горнозаводская промышленность Урала...», ч. IV, кн. 3, л. 80.

¹¹⁵ «Доклады и приговоры Правительствующего Сената», т. IV, кн. I, СПб., 1888, стр. 101.

Связи Турчанинова с казной прослеживаются еще в одном направлении, которое, собственно, и привело откупщика в ряды промышленников — с середины 20-х годов XVIII в. он поставлял на казенные заводы медную руду, получая за каждый фунт выплавленной меди по 5 коп. Поставками руды Турчанинов занимался в те годы, когда медеплавильная промышленность страны делала первые шаги, когда было «медных заводов в России еще не гораздо довольно», и правительство всячески поощряло приток частных капиталов в эту отрасль хозяйства. В частности, горная администрация помогала и даже принуждала поставщиков руды обзаводиться собственными медеплавильными заводами. Так, в 1730 г. Геннин предписал, чтобы после переплавки 40 тыс. пуд. руды, заготовленной Турчаниновым и Каркиным, более от них руду не принимать, если они не приступят к постройке собственных заводов. Берг-коллегия пошла даже на то, что предписала заготовленную Турчаниновым руду на казенных рудниках и предназначенную для казенных заводов оставить в распоряжении начинающего предпринимателя, пустившего свой Троицкий медеплавильный завод 21 марта 1731 г., «дабы ему, Турчанинову, також и другим охотникам, на оное смотря, отважнее в завоцкое произведение, а паче в медные заводы вступать». Правда, этот широкий жест вызвал резко отрицательную реакцию у Пермского берг-амта, подсчитавшего, что осуществление этого предписания лишит казну чистого дохода в размере 49 тыс. руб., и поэтому названное выше распоряжение Берг-коллегии, видимо, не было реализовано¹¹⁶.

Среди этих разносторонних дел М. Ф. Турчанинова постигла какая-то беда, во всяком случае, его будущий зять позднее сообщал, что дом «еще при жизни покойного тестя моего крайнему и разорительному приключению подвержен, от которой разорительной печали оной тесть мой и жизнь свою прекратил». После смерти М. Ф. Турчанинова в 1734 г., когда управление хозяйством перешло в руки вдовы и малолетней дочери, положение еще более ухудшилось — все имущество, состоявшее из соляных варниц и медеплавильного завода, «без остатку было заложено в партикулярные руки».

В 1737 г. Феодосья, дочь покойного М. Ф. Турчанинова, вышла замуж за Алексея Федоровича Турчанинова, называвшего себя «прежде бывшим купцом Иркутска, а ныне соликамским соляным промышленником». До женитьбы Алексей Федорович, несомненно, занимался продажей в Москве сибирских товаров¹¹⁷.

¹¹⁶ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 770, лл. 500, 507, 508.

¹¹⁷ ГИАМО, ф. Московского городского магистрата, оп. 18, д. 355, л. 1. Иную версию происхождения А. Ф. Турчанинова, не подтверждаемую архивными источниками, приводит В. Шишонко (см. «Пермская летопись», пятый период, ч. 3. Пермь, 1889, стр. 223—225).

После того как А. Ф. Турчанинов стал владельцем довольно пестрого промышленного хозяйства, находившегося в очень запущенном состоянии, ему долго не удавалось поставить его на ноги. Новый глава фирмы в иные времена «до такого состояния доходил, что у Соли Камской, у разных обывателей вынужден был займывать от 5 до 10 рублей»¹¹⁸. Однако в дальнейшем он все же достиг значительных успехов.

Решающую роль в подъеме хозяйства Турчанинова сыграла фабрика медной посуды, проложившая купцу путь в дворянство и сделавшая его известным в придворных и правительственных сферах. Фабрика была пущена 1 января 1743 г. По указу Генерал-берг-директориума Турчанинову разрешалось из «меди посуду и вещи делать и употреблять в продажу свободно», без уплаты пошлин в течение 5 лет. Через полгода «означенная фабрика с принадлежащими материалы, припасы и инструменты совсем без остатку погорела». Турчанинов, однако, успел вполне оценить все выгоды содержания посудной мануфактуры и через полтора года восстановил ее. Правда, в течение многих лет ему не удавалось должным образом организовать производство и предприятие работало со значительными остановками, так что с 1745 г. по 1751 г. посуда хотя и изготовлялась, «точию настоящей отделки вещам и посуде более трех лет не было», однако в конце концов славу посудной фабрике принесли малолетние дети, загнанные Турчаниновым на мануфактуру, где они хорошо овладевали сложным мастерством производства посуды¹¹⁹.

Фабрика посуды, или «зеленой меди», судя по ее описанию, составленному в 1756 г. самим Турчаниновым, представляла собой довольно сложное предприятие, оснащенное разнообразными механизмами. При ней находилась плавильня с двумя самодувными печами, переплавлявшими красную медь в зеленую, молотовая для расковки латунной меди, токарная, где производилась шлифовка посуды, правда, «в показанных молотовой и токарной светлице вододействуемые молоты, токарные и прочие станки еще в совершенство строения не окончались»¹²⁰.

Что касается Троицкого завода, то это предприятие ни до получения А. Ф. Турчаниновым казенных заводов, ни тем более после того, как эти заводы оказались во владении соликамского купца, кажется, никогда не пребывало в цветущем состоянии. Его производительность постоянно лимитировала руда. В 1750 г. Турчанинов добился разрешения разрабатывать рудники, оставленные казной. Он уже наладил добычу руды на казенных рудниках, как вдруг последовало запрещение со стороны Пермского горного начальства. Жалуясь на ущемление своих интересов, Турчанинов в 1754 и 1755 гг. писал, что, если будет запрещена

¹¹⁸ ЦГАДА, ф. Главный соляной конторы, д. 1741, л. 3.

¹¹⁹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1721, лл. 625, 626.

¹²⁰ Там же, кн. 2055, л. 18.

доставка на его Троицкий завод руд, уже добытых им на казенных рудниках еще в 1751 г., то этот завод «принужден будет чрез краткое время приттить во всеконечную остановку». Эта угроза не оказала никакого действия, и Турчанинов решил вопреки запрету «усильством вывезти добытую руду на свой завод». Горная администрация была поставлена перед свершившимся фактом и должна была примириться с происшедшим, хотя она и вынашивала мысль жестоко наказать Турчанинова, «дабы впредь никто таковых противным указам дерзостей чинить и других заводов чрез подобные сему рудников усильственные опустошения во оскудение рудами не отваживался». Дело, однако, кончилось тем, что в 1762 г. Берг-коллегия определила взыскать с Турчанинова за «казенные руды 2% от полученной им прибыли»¹²¹.

Троицкий завод продолжал плавку меди еще некоторое время, затем 23 мая 1770 г. был остановлен за неимением «надежных руд»¹²². Но о славе этого завода, вернее, его посудного цеха, помнили еще и в начале XIX в. «На сем-то заводе,— писал А. Ярцов,— около 1742 г. дельвали прекрасную разноузорчатую медную посуду, посредством особенного искусства разными цветными видами испещренную»¹²³.

Турчанинов оказался единственным из купцов, кому казна передала уральские заводы (в 1757 г.). Как удалось соликамскому купцу, хотя носившему к этому времени звание «благородного господина титулярного советника», но в глазах вельмож оставшегося «подлордным» человеком, растолкать князей, графов и баронов, чтобы приблизиться к столу, где шел дележ казенного пирога, и урвать в свою пользу лакомый кусок, остается невыясненным. На Полевский и Северский заводы претендовал барон Александр Строганов, а также граф Ягужинский, на Сысертский — барон Сергей Строганов. И тем не менее предпочтение было отдано Турчанинову. Вряд ли это пожалование заводов Турчанинову было совершено «для показуемых им по соляным уничтоженным ево заводам и других убытков и разорений в награждение», как значится в одном из документов¹²⁴.

А. Ярцов, резко отрицательно относившийся к передаче казенных заводов в частные руки, особенно осуждал факт получения предприятий Турчаниновым. По его расчетам, за все три завода надлежало взыскать с Турчанинова 105 768 руб., «но Берг-коллежским решением по просьбе ли его или по чему другому положено с него в пятилетнее время за все помянутое заводское имущество взыскать с него только 68 529 руб»¹²⁵ Турча-

¹²¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1160, лл. 642—643, 668—670, 698.

¹²² Там же, кн. 2614, л. 618.

¹²³ А. Ярцов. Российская горная история, ч. IV, кн. 4, л. 14.

¹²⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1230, лл. 414, 415.

¹²⁵ А. Ярцов. Указ. соч., ч. IV, кн. 1, л. 148.

нинов обращался в Сенат с просьбой «из высочайшей милости» по случаю понесенных им убытков по соляным уничтоженным заводам деньги с него не взыскивать и инструменты со строением отдать ему бесплатно. Сенат однако этой просьбы Турчанинова не удовлетворил. Напротив, указом Сената 17 июля 1764 г. ему было приказано уплатить всю сумму¹²⁶.

Горная комиссия, рассматривавшая в 1766 г. состояние казенных заводов в частном владении, была удовлетворена распоряжительностью Турчанинова. Она отметила, что новый владелец не только заводов не «упустил», но еще и размножил столько, что меди против казенного содержания в последних пред сим годах, о коих Берг-коллегия известия имеет, более 8 тыс. пудов, а и чугуна немалое число выплавлено». Повышение производительности заводов было достигнуто за счет более интенсивной их эксплуатации. В дальнейшем Турчанинов к имевшимся медеплавильным печам пристроил еще три, так что их в общей сложности стало 11 — 9 на Полевском и 2 — на Сысертском. Оба завода использовали руду Гумешевского рудника, который И. И. Лепехин считал «главою всех уральских рудников»¹²⁷.

А. Ф. Турчанинов умер глубоким стариком в 1787 г. Документы характеризуют его как человека с крутым нравом и неуживчивым характером, третировавшим посадскую мелкоту. В 1764 г., отводя притязания некоего Малгина (зятя А. В. Ростовщикова) на получение части имущества своего тестя, Турчанинов не жалел красок, чтобы очернить претендента, подчеркивая, что Малгин «из самой подлой природы», крестьянский сын, а отец его «был при соляных промыслах в самоподлейшей черной работе, в чем и жизнь свою окончил». Характерно, что автор этих строк А. Ф. Турчанинов в цитированной челобитной писал о себе, что он сам в 30-х годах перебивался на деньги, одолженные у соликамских обывателей¹²⁸.

Высокомерие Турчанинова проявлялось также и в третировании им представителей горной администрации на местах, за что последние ненавидели выскочку и где могли доставляли ему неприятности. В начале 50-х годов XVIII в. отношения между Турчаниновым и руководителем Пермского горного начальства накалились до такой степени, что стали мешать нормальной работе его Троицкого медеплавильного завода. Не в лучших отношениях он находился и с чиновниками Канцелярии главного заводов правления.

А. Ф. Турчанинов оставил многочисленное потомство — пять дочерей и трех сыновей. Таким образом, вместе с вдовой насчи-

¹²⁶ ЦГАДА, ф. Сената, д. 1534, лл. 79, 80.

¹²⁷ И. Лепехин. Указ. соч., ч. 2, стр. 272; П. С. Паллас. Указ. соч., ч. II, кн. 1, стр. 189—200; Н. Чупин. Географический и статистический словарь Пермской губернии, стр. 420—428.

¹²⁸ ЦГАДА, ф. Главной соляной конторы, д. 1741, л. 4.

тивалось девять наследников. Старшая дочь Катерина была выдана замуж еще при жизни отца. Остальные дочери, равно как и сыновья, находились при матери, фактически руководившей, несмотря на свою неграмотность, всеми делами фирмы. Дух стяжания, поздно проснувшийся у престарелой вдовы, овладел ею настолько, что она готова была урвать часть наследства даже у собственных детей. Старшие сыновья Александр и Петр, «не признавая в себе способности» к хозяйственным делам, продали причитавшиеся им части своей матери. В итоге вдова Филанцета Степановна (видимо, вторая жена Турчанинова) стала обладательницей трех паев — причитавшейся ей лично $\frac{1}{7}$ частью движимого имущества и двумя паями, купленными у сыновей.

До поры до времени дела фирмы шли удовлетворительно, дочери были пристроены за дворян, превратившись в графинь и полковниц, время от времени получавших определенную долю дохода от заводской конторы. Но в конце века между наследниками, нераздельно продолжавшими владеть тремя заводами, вспыхнула крупная ссора. Тревогу забила Канцелярия главного заводов правления, обнаружившая весной 1797 г. недостаток и даже полное отсутствие провианта на заводах. Началось следствие, во время которого вдова Филанцета объясняла отсутствие провианта тем, что «участвующие в тех заводах наследники их присылкою в складство для содержания оных заводов денежной суммы никакого пособия не преподают». Вдова объясняла, «что по чрезвычайному на все вещи возвышению цен не прибыль, но убыток заводы начали чувствовать».

Руководитель Канцелярии главного заводов правления А. Ярцов не придавал серьезного значения этим доводам. Он считал, что коль скоро заводы при управлении ими А. Ф. Турчанинова приносили прибыль, то они должны быть рентабельными и сейчас¹²⁹.

Одновременно посыпались протесты и жалобы со стороны наследников, не признававших на себе никаких начетов, сделанных Сысертской заводской конторой. Дело, однако, окончилось благополучно в том смысле, что ссора была приглушена и не привела к разделу имущества. В начале XIX в. владельцами трех заводов числились все те же наследники Турчанинова.

Итак, Турчаниновы в итоге промышленной деятельности на протяжении трех четвертей века производства не расширили. Напротив, вместо четырех заводов, которыми владел А. Ф. Турчанинов в 50—60-х годах, наследникам осталось только три завода. Выплавка меди к концу XVIII в. по сравнению с 80-ми годами сократилась почти на треть. Так, среднегодовой выпуск меди за 1783—1789 гг. составил 17 441 пуд., а за 1790—1795 гг. — всего только 11 825 пуд.

¹²⁹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2886, лл. 8—10, 31, 32, 60, 107, 127.

В настоящей главе мы рассмотрели историю семи хозяйств, сложившихся на Урале. Размеры этих хозяйств, как и состав их владельцев, не были устойчивыми.

Ранее прочих начал формироваться промышленный комплекс Осокиных, затем Турчанинова. В 40—50-х годах ряды уральских магнатов пополнились Твердышевым с Мясниковым и Походяшиным. В конце 60-х годов в уральскую металлургию пришли Яковлев и Лугинин. Последняя четверть XVIII в. внесла существенные изменения в состав крупных промышленников. В это время расстались с металлургией наследники Походяшина и Лугинина. И те и другие предпринимательству предпочли военную службу и светскую жизнь. Эта потеря была восполнена лишь наполовину — в 80-х годах на Урале закрепился именитый московский гражданин Губин. Таким образом, к исходу XVIII в. на Урале осталось только пять фамилий крупных промышленников. В связи с этим изменилось и число заводов, им принадлежавших.

Семь купеческих фамилий в течение XVIII в. основали или купили 72 предприятия. Они распределялись следующим образом: Яковлевым принадлежало 25 заводов, Осокиным, а также Твердышеву с Мясниковым — по 12 заводов, Лугинину — пять, Губину — 7, Турчанинову и Походяшиным по 4.

К концу XVIII в. в руках крупных купеческих фирм осталось 56 заводов. Уменьшение числа заводов прежде всего связано с прекращением предпринимательства наследников Походяшина и Лугинина. Первые продали три завода в казну в 1791 г., а вторые — пять заводов в 1798 г. (Петропавловский, Николае-Павдинский и Богословский — Походяшина, Златоустовский, Троице-Саткинский, Мясский, Кусинский и Артинский — Лугинина). Два завода прекратили существование вследствие исчерпания сырья (Троицкий Турчанинова и Покровский Твердышева с Мясниковым). Три завода (два Чугунских и Корельский) были куплены бездействовавшими и никогда не восстанавливались. Наконец, три завода были проданы другим промышленникам (Преображенский Твердышева с Мясниковым, Назе-Петровский Осокина и Ньючинский Походяшина). В общей сложности количество заводов уменьшилось на 16. Но производительность оставшихся предприятий все еще представляла внушительную величину. На них в 1800 г. было выплавлено 2 951 тыс. пуд. чугуна, что составляет 30% общероссийской выплавки, и примерно треть меди.

Подъем русской металлургии в 50—60-х годах был связан с появлением крупных хозяйств и крупных дельцов типа С. А. Яковлева, И. Б. Твердышева, И. С. Мясникова, М. М. Походяшина. Спад в промышленности в последующие десятилетия сопровож-

дался дроблением хозяйств. Грандиозные хозяйства в результате раздела их между наследниками измельчали. Противоположный процесс концентрации предприятий в одних руках наблюдался лишь в фирме Осокиных. Здесь ранее раздробленные комплексы к концу века сосредоточились у единственного представителя рода — И. П. Осокина. Его хозяйство по числу заводов было одним из крупнейших в России. Однако производительность его 11 предприятий была незначительной, да и находились они далеко не в цветущем состоянии.

В связи со спадом в развитии металлургии России в последней четверти XVIII в. возникновение новых заводов происходило замедленными темпами. Проявили активность лишь Яковлев и его наследники, построившие шесть заводов, а также Л. И. Лугинин, пустивший три предприятия. Десятый завод основал М. П. Губин.

Замедленный ввод в строй новых предприятий был прежде всего связан с ухудшением конъюнктуры продажи железа на внешнем рынке. Начавшийся в Англии промышленный переворот сократил ее потребности в импортном металле, ибо опыт использования каменного угля в качестве топлива позволил англичанам быстро наращивать темпы развития собственной выплавки чугуна. Кроме того, в связи с промышленным переворотом все в большей мере сказывались преимущества капиталистической организации производства по сравнению с феодальной, господствовавшей в уральской металлургии.

Но объяснять спад в металлургии только этим обстоятельством вряд ли правильно. Уже сам факт ввода в действие 10 новых заводов свидетельствует о том, что их владельцы рассчитывали на обеспеченный сбыт продукции. Более того, в конце века правительство всячески поощряло производство в стране меди, но вынуждено было довольствоваться весьма скромными успехами.

В этой связи нельзя игнорировать степень насыщенности заводами уральского металлургического района, отмеченной в свое время С. П. Сиговым. Новые заводы возникали не на базе вновь открытых источников сырья и водной энергии, а вблизи издавна разведанных месторождений ископаемых и на реках, на которых уже стояли заводы. Следовательно, некоторые промышленные микрорайоны еще таили ресурсы для сооружения предприятий, а в других эти ресурсы были уже исчерпаны. Так, С. Я. Яковлев и его наследники строили заводы в обжитых местах, на берегах давно известных рек — Алапаевки, Нейвы и Тагила. Также и Л. И. Лугинин основал новые предприятия рядом с уже действовавшими. Но из этого вытекает тот важный вывод, что уральская металлургия к концу XVIII в. пустила в оборот почти все имевшиеся в ее распоряжении сырьевые и особенно энергетические ресурсы. Это наблюдение подтверждает еще и тот факт,

что в конце XVIII в. прекратилось формирование хозяйств с вновь построенными заводами. Вместо этого происходил довольно интенсивный процесс перераспределения наличных заводов как в результате раздела имущества, так и в результате купли-продажи.

И. Лепехин еще в 1770 г. высказал в Дневнике правильную мысль: «Естьли рассуждать по множеству железных руд в Урале, то смело можно сказать, что еще вдвое числом заводов в Урале построить можно. Не достает к тому способных речек и выгодных мест»¹³⁰. Новые возможности Урала были использованы в годы, когда мануфактуру сменила фабрика.

¹³⁰ И. И. Лепехин. Указ. соч., ч. 2, стр. 271.

МЕЛКИЕ МАНУФАКТУРЫ УРАЛА И СИБИРИ

Удельный вес мелких мануфактур Урала и Сибири в производстве металла был невелик. И все же деятельность мелких мануфактуристов и история принадлежавших им предприятий представляет несомненный интерес в плане изучения условий, благоприятствовавших или, напротив, препятствовавших развитию в стране капиталистических отношений. Мелкие мануфактуры Урала и Сибири функционировали в различных условиях: одни находились в районах, населенных государственными крестьянами, другие — «в диких» и необжитых местах Южного Урала с башкирским населением, третьи — в слабо заселенной Сибири. Несмотря, однако, на перечисленные различия, судьба многих заводов, как и их владельцев, имеет поразительно много общего. Это общее и заслуживает самого пристального внимания. История формирования мелких промышленных хозяйств, пусть даже в большинстве случаев закончившаяся их крахом, поучительна и с точки зрения изучения темпов промышленного строительства.

Первым владельцем небольшого промышленного хозяйства на Урале был Тряпицын. О комиссаре Иване Тряпицыне и его Давыдовском заводе в нашем распоряжении имеются весьма скудные сведения, нет даже данных об оборудовании завода. Нельзя также категорически утверждать, что это было вододельствующее предприятие, хотя оно и стояло на речке.

Определением Берг-коллегии 20 июля 1720 г. И. Тряпицыну «с товарищи» было разрешено построить медеплавильный завод «в Уфимском уезде на приисканных им медных местах». Пять лет спустя, в июле 1725 г., Тряпицын и его товарищ Шмелев информировали Берг-коллегию, что ими построен завод в Казанском уезде на речке Давыдовке «и выплавлено меди пуд со 100 и как на том заводе, так и на полянах, где они другой завод заводят, руды добыто з 20 000 пуд.». Компаньоны, однако, жаловались на отсутствие средств и просили ссуду. Взамен просимой ссуды промышленникам предоставлена была небольшая льгота — десятину велено было брать с 1 января 1726 г.

Производительность Давыдовского завода была незначительной. В 1726—1727 гг. с компаньонов причиталось с десятины 19 пуд. меди, следовательно, ее выплавка равнялась 190 пуд. Берг-коллегия пыталась получить десятину не натурой, а деньгами, но сын Тряпицына Дмитрий заявил, что у него «за скудостью и разорением толикого числа денег не имеется». В 1728 г.

завод бездействовал «за оскудением оного Тряпицына». Разорившийся заводовладелец принял в компанию вятчан Григория и Карпа Вяземских, что, однако, не способствовало существенному улучшению работы предприятия. В 1729 г. завод выплавил 35 пуд. меди, причем не вододействующими, а ручными мехами.

О дальнейшей работе Давыдовского завода имеются противоречивые сведения. По данным одного источника, на заводе в 1730 г. было выплавлено 28 пуд., в 1731 г. — 302 пуд., в 1732 г. — 486 пуд. меди. Здесь же приведена фраза, противоречащая приведенным выше показаниям: «А в 1731 г. оного Тряпицына сын Дмитрий оной завод продал дворянину Никите Демидову, на котором выплавлено в 733 г. 24 пуда»¹. Свидетельство другого источника исключает приведенные выше показания. Там сказано, что после 1729 г. плавка в ручной печи прекращена «за неимением мяхкой руды, а построили медный завод в Казанском уезде по Арской дороге на Анцубском ключе» по указу Берг-коллегии 26 февраля 1730 г. Далее помещены цифры выплавки меди, совпадающие с вышеприведенными: в 1730 г. — 28 пуд., а в 1731 г. — 302 пуд.²

Сведения второго источника, надо полагать, более соответствуют действительности. Давыдовский завод прекратил работу в 1728 г. В 1731 г. он был продан Н. Н. Демидову, но и в руках последнего не расцвел. После выплавки в 1733 г. 24 пуд. меди Давыдовский завод прекратил существование.

Вторым после Тряпицына мелким мануфактуристом был Небогатов. О его заводах, как и о происхождении его капиталов, в нашем распоряжении имеется значительно больше сведений.

Ивана Евсеевича Небогатова и его сыновей постигли большие и малые неудачи, которые привели их к финансовому краху. Родом Небогатов был из Тулы, но служил в Казани сначала подьячим в губернской канцелярии, а затем в крепостной конторе, где получил чин комиссара. Но круг его интересов не ограничивался стенами Казанской крепостной конторы. Государственную службу он сочетал с предпринимательством, подьячими и откупами. В Казанском уезде ему принадлежал Курминский винокуренный завод, оборудованный, по одним сведениям, 12, а по другим — 17 кубами. Небогатов держал на откупе питейную продажу в гор. Мензелинске. Вино в кабаке откупщик доставлял со своего Курминского винокуренного завода.

7 августа 1723 г. он обратился в Казанский берг-амт с доношением, в котором сообщал, что нашел «не в одном месте новые признаки к медной руде немалые». Здесь же он писал о том, что служба мешает ему целиком посвятить себя промышленной де-

¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 778, лл. 43, 44.

² Там же, кн. 980, л. 88. См. также Н. К. Чупин. Географический и статистический словарь Пермской губернии, стр. 433.

тельности. А «ежели указом е. и. в. позволено ему будет от тех крепостных дел возыметь свободу, то чает... в тех местах медную руду приобрести достойную». Помимо обещания усилить поиски медной руды автор челобитной изъявил желание принять в свое содержание заброшенные казенные заводы, подведомственные Казанскому берг-амту.

На территории Казанской губ. казна владела несколькими предприятиями. В конце XVII в. на основании грамоты Приказа казанского дворца был основан Саралинский медеплавильный завод. До 1712 г. им управлял полковник Лаврентий Нейтхарт, затем два года он действовал под руководством казанского дворянина Наума Буракова. В 1712 г. завод был передан в частное содержание компании во главе с подьячим Василием Калугиным и плавильщиком Филиппом Емельяновым. В 1721 г., после смерти Калугина и Емельянова, оставшиеся в живых члены компании заявили, что они завода содержать более не будут, так как имеют на себе «долги великие».

В 150 верстах от Саралинского завода находился Елабужский доменный завод, тоже принадлежавший казне и тоже бездействовавший.

Иван Небогатов проявил интерес к металлургии в те времена, когда частное предпринимательство всячески поощрялось. 6 июня 1724 г. казенные заводы, находившиеся в ветхом состоянии, были переданы Небогатову, который хотя и хвастал врожденными способностями рудоискателя и мануфактуриста, все же для верности решил принять в компанию своих родственников — жителя Тульской казенной слободы Лукьяна Маркова (Красильникова) с братом. Через год, 19 июля 1725 г., по приговору Берг-коллегии Небогатов и Красильниковы получили «Елабужской ветхой железной завод для построения на том заводе медного завода»³.

Саралинский завод компаньоны восстановили в 1727 г. и тут же обратились с просьбой разрешить им построить доменный и передельный завод на р. Суре. Позволяющий указ был выдан 18 августа 1727 г., но компаньоны им не воспользовались. Не желали они реконструировать и Елабужский завод. Что касается Саралинского завода, то он в течение трех лет выплавил 557 пуд. меди, а затем завод с 1730 г. был закрыт «якобы за маловодием»⁴.

После остановки Саралинского завода компания Небогатов — Красильниковы распалась и каждый из компаньонов был озабочен постройкой собственного предприятия. И. Е. Небогатов 23 марта 1731 г. получил разрешение на постройку медеплавильного завода близ с. Боровицкого на речке Шилве. Шилвин-

³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 627, лл. 560, 565—598; кн. 980, л. 85.

⁴ Там же, кн. 778, лл. 43, 44; кн. 1396, лл. 267, 272.

ский завод, оборудованный четырьмя медеплавильными печами, был пущен 4 июля 1734 г. Престарелый комиссар И. Е. Небогатов умер в 1732 г., так что завод достраивался его двумя сыновьями Иваном и Кириллом.

Между братьями вскоре начались раздоры, причем Иван стремился отстранить Кирилла от управления предприятием и сделал попытку лишить его каких бы то ни было прав на него. Это Ивану удалось лишь наполовину: в ответ на жалобу, что Кирилл чинит ему не «вспоможение», а «помешательство», Берг-коллегия оставила управление заводом за Иваном.

30 января 1750 г. Иван Иванович Небогатов внезапно умер. Право на владение Шилвинским заводом одновременно оспаривали Кирилл Небогатов, а также вдова покойного Матрена и дочь Марья, вышедшая замуж за аудитора казанского гарнизона Алексея Литвинова. По мнению К. Небогатова, его племянница Марья Ивановна не имела никаких прав на завод, так как вышла замуж за Литвинова и обеспечена средствами из «пожитков» родителей. Но главный довод против передачи завода Литвинову и его жене состоял в том, что казанский аудитор не располагал денежными средствами.

Иного мнения придерживался Литвинов, полагавший, что К. И. Небогатов не имел «в себе христианской совести». Последний, по заявлению Литвинова, не мог претендовать на медеплавильный завод потому, что свою долю наследства он получил в виде винокуренного завода, оснащенного 17 казанами. Наконец, Литвинов, следуя примеру своего противника, подчеркивал отсутствие капиталов у Небогатова.

Берг-коллегия 20 марта 1751 г. вынесла решение разделить завод на две равные части. Одна из них была отдана К. И. Небогатову, а другая вдове и дочери И. И. Небогатова. Последние отказали свою часть А. Литвинову.

Такое начало совместного владения наследством не предвещало ничего хорошего для предприятия. К. И. Небогатов после получения половины завода развил необычайную активность, направленную на получение литвиновской части Шилвинского завода.

Финансовые возможности Небогатова намного отставали от его стяжательских аппетитов. Еще до издания указа Берг-коллегии о разделе завода между наследниками К. Небогатов продал половину той части, на которую он претендовал, приказчику Акинфия Демидова Борису Зотову и своему зятю казанскому купцу Алексею Михайловичу Кубышкину за 2 тыс. руб., из которых в том же ноябре 1750 г. им было получено 1 200 руб. Теперь, в июне 1751 г., К. Небогатов пошел на попятную. Под предлогом того, что покупатели не уплатили 800 руб., а также потому, что он выяснил существование указа, запрещавшего лицам, положенным в подушной оклад, владеть крепостными,

Небогатов просил расторгнуть заключенное с Зотовым и Кубышкиным соглашение и обязался вернуть полученные 1 200 руб.⁵

Расторгнув сделку, К. Небогатов все же не имел средств, чтобы пустить доставшиеся ему две печи. В 1752 г. Литвинов доносил, что в результате принятых мер меди выплавлено «против прошлых годов со излишеством»; что касается К. И. Небогатова, то он около года не бывал на заводе, «и где живет — неизвестно». Литвинов просил утвердить его единоличным владельцем завода⁶. В челобитной Литвинова, как и в прочих челобитных, составленных в XVIII в., сгущены краски, но автор был прав в главном — дела Небогатова шли к полному краху.

Действительно, в одной из челобитных, поданной в июле 1754 г., К. Небогатов признался в полной несостоятельности. Обанкротившийся промышленник, находясь под караулом, не нашел ничего лучшего, как заложить принадлежавшую ему часть завода с крепостными и мастеровыми людьми первой гильдии московскому купцу Петру Струговщикову сроком на один год⁷.

Выйдя из-под караула, Небогатов не спешил с оформлением сделки и вел энергичные поиски лица, которое предложило бы ему более выгодные условия залога. Таким лицом оказался Петр Лукьянович Красильников, родственник Небогатова, бывший компаньон основателя Шилвинского завода. Преимущества этой закладной для Небогатова состояли, во-первых, в том, что она была заключена не на один, а на два года, и, во-вторых, Небогатов получал от Красильникова вчетверо большую сумму, чем от Струговщикова. Последнему был немедленно уплачен долг в сумме 500 руб. из числа выданных Красильниковым 2 тыс. руб., и Красильников получил право эксплуатировать две печи и «вышеписанных крестьян употреблять во все работы невозбранно». За Небогатовым числилось 76 крепостных крестьян и 5 мастеровых⁸.

В ноябре 1757 г. истек двухлетний срок закладной. Так как К. Небогатов оказался должником не одного Струговщикова, но и других кредиторов, то полученные от Красильникова 2 тыс. руб. были быстро издержаны. Возвратить деньги Красильникову Небогатов не мог, и половина завода вместе с 81 крепостными перешла во владение П. Л. Красильникова.

Это обстоятельство вызвало переполох в семье Литвинова — из его рода, благодаря расточительности непутевого Кирилла Небогатова за ничтожную сумму ускользала половина завода и более 80 крепостных. Ссылаясь на указ 11 мая 1744 г., предоставлявший право родственникам выкупать заложенные имения

⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 250, лл. 269—287; кн. 1721, лл. 96—134

⁶ Там же, д. 255, лл. 382—386.

⁷ Там же, кн. 731, лл. 317, 347, 353.

⁸ Там же, кн. 735, лл. 196, 198.

в течение годичного времени по истечении срока заклада, Марья Ивановна Литвинова обратилась в Берг-коллегию с просьбой принять от нее деньги, а завод и крепостных вернуть в род.

Отводя челобитную М. И. Литвиновой, Красильников заявил, что он сам является родственником Небогатовых и поэтому полученное им закладное имение выкупу не подлежит, ибо оно заложено не чужому, а родственнику. Согласно представленной Красильниковым родословной, его прадедом и дедом Кирилла Небогатова был Евсей Красильников. Доводы Красильникова Берг-коллегия признала основательными и 2 апреля 1759 г. утвердила половину Шилвинского завода за ним.

Совместная эксплуатация Шилвинского завода рассорившимися родственниками не предвещала ничего хорошего. Это прекрасно понимал П. Л. Красильников. Когда он в мае 1759 г. прибыл на Шилвинский завод, то обнаружил, что «бывшая плавильня, гармахер и ларь с прочими при том бывшими деревянными инструменты сожжены». Литвинов был занят тем, что огораживал себе лучшую часть завода. Красильников, не желая обострять отношений, построил рядом отдельную плавильню с двумя печами⁹.

Представителем бюрократии среди первых промышленников-металлургов был и Потап Каркин. Подканцелярист Каркин некоторое время совмещал службу в горной администрации с поставками медной руды на казенные заводы, а после того, как его подрядные операции приобрели соответствующий размах, он сумел в 1728 г. освободиться от служебных занятий. Во время службы Каркин познал цену рангов в бюрократической иерархии и постарался приобрести хотя и пышный, но нигде официально не значившийся чин. Подканцелярист стал именоваться титулярным бергмейстером — этим званием Сибирский оберберг-амт поощрял рудоискательство и добычу руды частными лицами.

В рудных подрядах Каркин достиг значительных успехов. Так, в 1727 г., будучи еще подканцеляристом, он поставил «своим иждивением» на Ягошихинский завод свыше 34 тыс. пуд. медной руды, а в 1729 г. эти поставки превысили 70 тыс. пуд.¹⁰ Однако рудокопный промысел Каркина, как и других рудных подрядчиков, с точки зрения правительственной политики поощрения частной инициативы в промышленности являлся не самоцелью, а всего лишь этапом на пути превращения такого подрядчика в самостоятельного заводовладельца. В этом направлении Берг-коллегия оказывала на Каркина прямое давление и взяла с него подписку, чтобы «строить свой завод, буде же он

⁹ Там же, кн. 748, лл. 343, 348; 350, 409, 410.

¹⁰ Н. И. Павленко. Развитие металлургической промышленности в России в первой половине XVIII в. М., 1953, стр. 175; В. Я. Кривоногов. Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в XVIII в., стр. 77.

свой завод строить не пожелает, то более ему определенной прежней суммы руды его добычи, а не покупной, плавить не велено»¹¹.

Давление, оказанное на Каркина, возымело успех. В 1731 г. он, видимо, твердо решил заняться постройкой собственного предприятия и, ссылаясь на то, что к этому времени он поставил до 300 тыс. пуд. руды, просил уволить от дальнейших поставок, так как всю энергию намеревался сосредоточить на сооружении завода.

Просьба Каркина была удовлетворена лишь наполовину: ему было разрешено находиться на строительстве завода, но от поставок руды он не освобождался. Действительно, поставки продолжались и в последующие годы, в частности, в 1734 г. Каркин поставил 52 тыс. пуд. медной руды. В счет проплавки собственной руды Каркин, видимо, должен был уплатить в 1733 г. 80 пуд. десятинной меди. В этой связи следует отметить ошибочность утверждения В. Я. Кривоногова, будто в 1733 г. на заводе Каркина было выплавлено свыше 800 пуд. меди. Пятью строками выше он сам пишет, что Каркину удалось построить Петропавловский завод в 1735—1736 гг., следовательно, в 1733 г. он не мог плавить медь¹².

По имеющимся в нашем распоряжении данным, Петропавловский завод на речке Ленве был построен в 1735 г. В доношении кабинет-министрам 1 декабря 1735 г. В. Н. Татищев писал, что Петропавловский завод Каркин построил, «но с бесчастьем таким, что воды накопить не может и положенное иждивление с 5000 рублей погибает напрасно».

Это заключение Татищева основано на информации, полученной непосредственно от Каркина, сообщавшего, что «труд и время утратил напрасно, понеже по обоим сторонам той речки камень разборной и щеловатой, и во время строения познать было того невозможно, отчего воды удержать и укрепить никоим образом не можно, и от того водою действия не имеется». Впрочем, Каркин решил работать вручную и «с крайнюю нуждою» намеревался к весне 1736 г. получить 800 пуд. меди. Удалось ли Каркину выполнить это намерение, у нас сведений нет. Видимо, оно осталось неосуществленным, как не осуществилось и его намерение перенести завод на другое место¹³.

На строительство этого завода Каркин, пользуясь своими связями в Сибирском обер-берг-амте, получил ссуду в размере 3 тыс. руб. Это был единственный случай оказания финансовой помощи начинающему промышленнику на Урале. Позже такой льготы удостаивались только дворяне-предприниматели. Ко времени смерти Каркина в 1737 г. за ним числилось в недоимке

¹¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 763, л. 597.

¹² Там же, кн. 763, лл. 609, 750; В. Я. Кривоногов. Указ соч., стр. 28.

¹³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 697, л. 236.

6654 руб. Завод был отписан в казну, но в строй действующих предприятий он не вступил.

Изложенный выше материал характеризует Каркина в качестве мелкого чиновника и подрядчика, который, опираясь на помощь казны, хотел стать мануфактуристом. К крестьянским рудным промыслам Каркин, конечно, никакого отношения не имел, и предпринятая В. Я. Кривоноговым попытка на примере Каркина проследить генетическую связь крестьянских промыслов с мануфактурным производством является, с нашей точки зрения, неудачной.

Давыдовский и Петропавловский заводы принадлежали едва ли не к самым недолговечным уральским предприятиям.

Первым заводом, положившим начало освоению горнорудных богатств Вятского края, был Кирсинский, с одной домной, четырьмя действующими и одним запасным молотами. Его основал устюжский купец Григорий Михайлович Вяземский на основе указа Сибирского обер-берг-амта от 4 марта 1729 г. Строительство плотины началось в мае того же года под руководством плотинного мастера с Ягошихинского завода Евсея Крылосова. Мастер, видимо, был не первоклассным специалистом, ибо законченную к сентябрю 1730 г. плотину весной 1731 г. провало. Первоначально была построена так называемая четвертная, т. е. неполноценная домна, предназначенная «для отливки к строению настоящей домны и молотовых чугунных припасов». При ней была поставлена «малая молотовая фабрика на один молот» дляковки железа для заводских нужд¹⁴.

Надо полагать, что финансовые возможности Г. М. Вяземского и его сына Карпа были ограниченными. В связи с этим Вяземский в 1737 г. заключил соглашение с богатым устюжским купцом Я. П. Курочкиным и его сыновьями на совместное владение Кирсинским заводом. Оба они вносили на заводские нужды по 2500 руб., причем Вяземский вместо денег передавал в компанию заготовленное сырье и припасы на 1699 руб., а также 259 руб., выданных в задаток мастеровым людям. Компаньоны обязались содержать на общие деньги приказчика, казначея, надзирателей, а также лавку с продовольствием и ремесленными изделиями.

Вступление в компанию Курочкиных явно оживило работу Кирсинского завода — четвертная домна в 1738 г. была заменена настоящей, что почти вдвое увеличило выплавку чугуна.

Совместное владение заводом вскоре обнаружило экономическую неравноценность компаньонов. Вяземский, по мнению Курочкина, к содержанию завода «весьма безнадежен, потому что достальную того завода половину со всеми принадлежащими к ней потребностями заложил мне в заемных у меня день-

¹⁴ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 1510, лл. 572, 573.

тах 2000 руб.» до 28 января 1744 г. Кроме того, вексельный долг Вяземского Курочкину составлял 240 руб.¹⁵

Попытка Курочкина дискредитировать Вяземского в глазах Берг-коллегии и этим способом отстранить последнего от владения Кирсинским заводом не удалась. Во всяком случае, Г. М. Вяземский оставался совладельцем завода вплоть до своей смерти в январе 1749 г. Вдова Вяземского продала половину принадлежавшего ей завода Курочкину и устюжскому купцу Александру Юринскому за 7 500 руб. 6 сентября 1750 г. Берг-коллегия, куда вдова обратилась с просьбой утвердить купчую крепость, сочла возможным удовлетворить ее просьбу¹⁶.

В руках новых компаньонов заводское хозяйство стало быстро расширяться. В начале 1755 г. Курочкин писал, что «с великим в самом деле неудовольствием принужден он видеть, что прежде бывшим заводчиком Вяземским построен оной завод на самой небольшой речке, так что ежегодно воды в пруде бывает недовольно» (недостаток воды на Кирсинском заводе отметил также И. И. Лепехин¹⁷); вследствие этого домна выдает чугуна значительно больше, чем его способны переработать кирсинские молотовые. Курочкин просил разрешения на постройку завода на территории Кайгородской волости Яренского уезда на речке Кажим.

Разрешение на постройку Кажимского завода Берг-коллегия выдала 13 апреля 1755 г., а осенью 1757 г. Иван Курочкин и Александр Юринский донесли, что ими построено четыре молота. Они предприняли шаги к расширению профиля завода путем постройки домны, но нашли более удобным соорудить домны на речке Нючпасе в 35 верстах от Кажимского завода. Указ на постройку Нючпасского завода был вынесен 9 октября 1757 г.

Плотина Нючпасского завода была построена в 1759 г., но домна была пущена, видимо, не ранее 1763 г. Работных людей предполагалось перевести с Кирсинского завода «ис покупных к тому заводу и из вольнонаемных покормежных людей».

К концу XVIII в. владельцем всего заводского хозяйства стал Иван Курочкин. В 1772 г. он получил разрешение на постройку четвертого завода с домной и двумя молотами в Кайской округе на речке Песковке.

Итак, хозяйство Курочкина, сумевшего использовать средства двух компаньонов, чтобы потом освободиться от них, развивалось довольно успешно. К концу XVIII в. оно состояло из четырех заводов, причем Кирсинский и Песковский были комбинированными, т. е. доменными и передельными, а остальные с узким профилем: Кажимский — только молотовым, а Нючпас-

¹⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 834, лл. 369—371, 378.

¹⁶ Там же, д. 255, лл. 134, 135, 147.

¹⁷ И. Лепехин. Дневные записки путешествия, ч. 3, стр. 216.

ский — только доменным. В 1800 г. на всех заводах было выплавлено свыше 150 тыс. пуд. чугуна и выковано более 100 тыс. пуд. железа¹⁸.

Весь этот комплекс был нацелен на продажу железа за границу не через Петербург, а через Архангельск. Несмотря на сокращение спроса на уральское железо, продукция четырех предприятий Курочкина, доставлявшаяся в Архангельск удобными водными путями, продолжала находить покупателей.

Два других металлургических комплекса, основанных в 30-х годах, были медеплавильными. Основателями одного из них были хлыновские купцы Александр Фирсович Прозоров и Вонифатий Иванович Дряхлов. Оба они считались видными фигурами в торгово-промышленном мире края.

Подобно Миляковым и Рюминым, многочисленные представители фамилии Прозоровых усердно занимались винокурением. В 50-х годах А. Ф. Прозорову принадлежало два винокуренных завода. Один из них, стоявший на земле Успенского Трифонова монастыря, «за неимением из давних лет курения», был заброшен, второй завод ко времени составления ведомости был действующим. Он размещался в Бритовской волости Хлыновского уезда и был оборудован 43 кубами на 516 ведер. В связи с указом, запрещающим купцам заниматься винокурением, А. Прозоров продал завод в 1756 г. обер-прокурору Сената А. И. Глебову. Видимо, этот завод выполнял подряды на поставку вина в Сибирь. В 1752 г. Прозоровым было поставлено 4 721 ведро, в 1753 г. — 1 712 ведер, в 1754 г. — 6 243 ведра¹⁹⁻²⁰.

Следующий по величине завод Прозоровых с 30 кубами и казанами емкостью в 355 ведер принадлежал Григорию и был расположен в дер. Корепановой. Заводами меньших размеров владели вдова Степанида Прозорова (дер. Крутецкая, 15 кубов и казанов емкостью в 170 ведер), Василий Прозоров (дер. Пахомовская, где в 1753 г. были описаны ветхая винокурня, амбар, работничья изба и восемь чанов) и Павел Прозоров (дер. Варсеговская, без указания числа кубов). Последний фигурировал в качестве поставщика вина в Сибирь в 1752—1755 гг.

Вонифатий Дряхлов тоже был винокуром и подрядчиком. Его завод в дер. Минашевской в свое время был оборудован 18 кубами на 355 ведер, а к 1756 г., когда Вятская провинциальная канцелярия составила ведомости для Камер-коллегии, все помещения находились в ветхом состоянии. Все эти заводы, согласно донесению Вятской провинции, за исключением проданного А. И. Глебову, «вовсе без остатку все уничтожены и с кубов и с казанов клейма збиты и по збитии отданы им, виноку-

¹⁸ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2633, лл. 68, 69.

¹⁹⁻²⁰ ЦГАДА, ф. Камер-коллегии, д. 2054, л. 4; д. 30599, лл. 321, 328, 351; ЦГАДА, ф. Сената, кн. 3578, лл. 692—694.

ренным подрядчикам с расписками, токмо за неимением в Вятской провинции помещиков и вотчинников (кому по указом вино курить дозволено) в указанный срок не проданы»²¹.

Кроме винокурения и винных подрядов, основатели завода занимались рыбным промыслом. Именно в связи с этим промыслом им пришла мысль построить медеплавильный завод. В мае 1730 г. они послали для рыбной ловли в низовья Вятки посадского человека Тимофея Рукавишникова, который и обнаружил «в горах Шурминских» в Уржумском уезде медную руду. Купцы решили построить завод и 9 марта 1731 г. получили на это дозволение Берг-коллегии. Шурминский медеплавильный завод с двумя печами начал плавку меди в 1732 г. За 13 лет работы завода (1733—1745) было выплавлено 5036 пуд. меди. В 1747 г. Прозоров, оказавшийся к этому времени единственным владельцем завода, сдал его в аренду Ивану Меньшому Мосолову сроком на пять лет, а в 1750 г., не дождавшись истечения арендного срока, продал его тому же Мосолову²².

Казанский купец Семен Еремеевич Иноземцев, подобно Прозорову, был винокуром и винным откупщиком. Ему принадлежал довольно крупный винокуренный Чураковский завод, оборудованный 62 казанами²³. С винокуренным и винными откупками С. Е. Иноземцев не порывал и после того, как стал промышленником-металлургом.

Иноземцев вошел в металлургию в качестве владельца Анцубского медеплавильного завода, который он 27 ноября 1735 г. купил у Григория и Карпа Вяземских за 1 100 руб. В 1738 г. он принял в компанию своего брата Петра в качестве совладельца четвертой части Анцубского завода.

Вследствие того, что завод стоял на Анцубском ключе и в пруде не хватало воды, братья решили обзавестись новым предприятием, точнее, воспользоваться отказом казны от постройки Иковского завода, чтобы поставить на том же месте медеплавильные печи «своим коштом».

Идея постройки казенного завода в Уфимском уезде на речке Байряш на базе Иковских рудников принадлежала В. Н. Татищеву. Там были начаты строительные работы, очищено место под завод, велась добыча руды, но прибывший туда управитель Лавров, нашел, во-первых, недостаток руды — ее было добыто не более 15 тыс. пуд. и «надежды вдаль неуповаемо», так как рудник «пресекся»; во-вторых, «по осмотру ево, Лаврова, при том заводе во близости достойных лесов к строению никаких не имеетца, и означенной завод, за неимением достойных лесов во близости, станет в строении в немалую цену».

²¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 763, лл. 545, 551; кн. 2238, л. 179.

²² Об этом см. подробнее стр. 130—131.

²³ ЦГАДА, ф. Камер-коллегии, д. 2064, л. 11.

Поэтому решено было строительство завода приостановить и разыскивать «с крайним прилежанием» новое место более обильное как рудою, так и лесами.

Как только это решение Генерал-берг-директориума стало известно С. Иноземцеву, он обратился с просьбой, «чтоб показанные Иковския рудники с накопанными рудами отдать к Анцубскому ево медному заводу, дабы оной завод от безнадёжных рудников не запустел»²⁴.

Вместо Иковского завода Иноземцев решил построить предприятие в 120 верстах от рудников, в Казанском уезде, на речке Челнинке. Осматривавший вновь найденное место гитенфорвалтер Леонтий Бекетов счел его хотя и весьма удобным, но недостаточно обеспеченным лесами. Главное же препятствие состояло в том, что осмотренное место оказалось в семи верстах от Шилвинского завода И. Небогатова и в 16 верстах от Коринского завода С. Красильникова.

Возможность появления нового завода встревожила как Небогатова, так и Красильникова, одновременно, 1 октября 1740 г., подавших протесты.

Протесты оказали воздействие, и Иноземцев не получил разрешения на постройку завода на речке Челнинке. Тогда он 2 июня 1741 г. исхлопотал у Генерал-берг-директориума разрешение на постройку завода в Казанском уезде по Арской дороге на речке Тайшевке. Тайшевский завод с четырьмя медеплавильными печами начал работу 16 сентября 1743 г. В том же году прекратил существование Анцубский завод²⁵.

Спустя несколько лет С. Иноземцев все же вернулся к идее постройки завода на р. Байряш. К этому времени он расплатился полностью с казной за добытую на ее средства руду и за припасы, заготовленные для сооружения предприятия, внося в общей сложности 4 111 руб. Летом 1749 г. близ дер. Иштеряковки на кортомленной у башкир земле Иноземцев начал постройку Иштеряковского завода с двумя медеплавильными печами. Пущен он был в июле 1751 г., три месяца спустя после смерти его основателя Семена Иноземцева²⁶.

У Семена Иноземцева не было прямых наследников. Лишь после его смерти вторая жена, Анна Осиповна, родила сына Иоасафа. Вдова подала доношение, оспаривавшее права на завод Петра Иноземцева, брата Семена Иноземцева, и доказывавшее, что единственным наследником является ее сын Иоасаф.

Не ожидая решения вопроса Берг-коллегией, вдова Иноземцева в марте 1752 г. поехала «при самом зимнем распутии в Казань», чтобы вступить во владение заводами, а сына оставила на попечение своей дочери от первого брака Лукерье.

²⁴ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. IV, ч. 2, стр. 179, 180.

²⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 690, лл. 106, 118—120, 122.

²⁶ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. IV, ч. 2, стр. 245.

В Казани вдова умерла. Теперь на заводы претендовала ее дочь Лукерья. В своем доношении она повторила версию матери о том, что Петр Иноземцев никогда компаньоном Семена «не бывал и капиталу не употреблял, да и употреблять было нечево, ибо он по своему небогатству и пропитание имел только от одной ссуды брата моего Иоасафа отца, Семена Иноземцева»; к тому же, продолжала Лукерья, Петр Иноземцев «приняв то имение, не проча, все распродает и от слабости своей пьянствует, а завод разоряет и многих мастеровых людей с завода разогнал, и от такой его слабости и непризрения могут те заводы запустеть».

Источником информации Лукерьи Никитиной был рапорт Казанского горного начальства, аттестовавшего Петра Иноземцева с отрицательной стороны,— «он к производству завода ненадежен и состояния слабого и в заводских поведеньях поступает нерачительно и неосмотрительно, а паче мастеровым и работным людям наглые обиды чинит и за незнанием заводского порядка чинит тем заводам остановку и помешательство». Этого было достаточно, чтобы Берг-коллегия определением от 28 октября 1752 г. передала заводы до совершеннолетия Иоасафа Лукерье Никитиной.

Год с лишним спустя, в январе 1754 г., Берг-коллегия пересмотрела свое решение. Петр Иноземцев в подтверждение своих прав на опекунство сообщал, что он «производит» заводы «сильною рукою» и меди выплавил по сравнению с предшествующими годами «со излишеством», обнаружил «рудников немалое число» и т. д. Опекуном Иоасафа Иноземцева Берг-коллегия объявила его дядю Петра Иноземцева²⁷.

Справедливости ради отметим, что характеристика Петра Иноземцева, данная Оренбургским горным начальством о его нерачительности и некомпетентности в горнометаллургическом производстве, не соответствовала действительности. В нашем распоряжении имеется такой объективный показатель состояния заводского хозяйства, как выпуск продукции, вполне подтверждающий заявление Петра Иноземцева, что он руководит заводами «сильною рукою». Выплавка меди из года в год увеличивалась. В 1751 г. она составляла 935 пуд., в 1752 г.— 1 330 пуд., в 1753 г.— 1 695 пуд., в 1754 г.— 2 003 пуд., в 1755 г.— 1 993 пуд. меди²⁸.

Оба завода — Таишевский и Иштерьяковский — значились в числе действующих предприятий и в конце XVIII в., причем, в отличие от многих медеплавильных заводов, их производительность по сравнению с серединой столетия не снизилась. Так, на Таишевском заводе за 13 лет (1783—1795) было выплавлено

²⁷ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 936, лл. 1, 11, 100—103, 112, 115—117, 153—158, 198.

²⁸ Там же, кн. 973, лл. 231—233.

26 318 пуд. чистой меди, что составляло в среднем свыше 2 тыс. пуд. в год. Производительность двух печей Иштерьяковского завода была значительно ниже — среднегодовая выплавка меди на этом заводе составляла лишь 577 пуд.

При более внимательном рассмотрении данных о производительности заводов, находившихся в конце XVIII в. в руках наследников Иоасафа Иноземцева, нетрудно заметить симптомы упадка заводского хозяйства. Выплавка меди на Таишевском заводе в 1790—1795 гг. снизилась до 900—1 300 пуд. в год, а на Иштерьяковском в 1796 г. она составляла 218 пуд., в 1797 г. завод не работал, в 1798 г. выплавка упала до 157 пуд., в 1799 г. до 82 пуд. В 1801 г. Семен Иоасафович Иноземцев обнаружил значительную утечку меди в воздух и просил разрешения на устройство экспериментальной печи для изыскания «способов в отвращение» напрасных потерь²⁹.

Новые фамилии среди мелких промышленников Урала появляются лишь в конце 40-х годов. В это время о своем намерении построить медеплавильный завод заявил кунгурский купец Тимофей Шавкунов.

Шавкунов также бы винокуром, владельцем завода с 13 кубами, емкостью в 156 ведер. Совершенно очевидно, что он занимался и подрядами, хотя сведений о его подрядных операциях у нас нет. Связь Шавкунова с казной прослеживается и по иной линии. Подобно П. Каркину, Шавкунов долгое время поставлял медную руду на казенные Ягошихинский и Юговские заводы, только начал он эти поставки значительно позже Турчанинова, а именно в 1735 г. Наконец, Шавкунов, подобно многим купцам черносозного севера, был землевладельцем. В его дер. Тюше жило 72 половника из черносозных крестьян Кунгурского и Чердынского уездов, «которые пашут хлеб исполу и за денежную ссуду и некоторые по договору ставят ежегодно сено и временно бывают в работе ис поденной платы»³⁰.

Впервые Шавкунов с компаньонами-рудопромышленниками получил разрешение на постройку завода в 1739 г. На основании указа Генерал-берг-директориума Шавкунов в 1741 г. отыскал удобное под завод место в Кунгурском уезде на татарской ясашной земле у речки Березовки, а по-татарски Колю Бырме, «но токмо до того не допущен за спором со стороны покойного д. с. с. Демидова». Тогда Канцелярия главного заводов правления приняла решение запретить обеим сторонам добычу руды на заявленных Шавкуновым рудниках, «дабы дальних ссор, а паче смертного убийства не произошло».

Вторично Шавкунов обратился за разрешением построить завод много лет спустя, в 1748 г. На решение Шавкунова обяза-

²⁹ Там же, кн. 2294, л. 627.

³⁰ Там же, д. 245, лл. 142, 152.

вестись собственным медеплавильным заводом оказали влияние следующие два обстоятельства. Во-первых, Шавкунов вместе с прочими рудопромышленниками развил такую энергичную деятельность, что их усилиями на казенных заводах было заготовлено свыше 1,5 млн. пуд. медной руды, которую едва ли можно было переплавить в течение трех лет. Во-вторых, и это, пожалуй, главное, действия Шавкунова находились в прямой связи с результатами второй ревизии. Оказалось, что за Шавкуновым числилось «купленных и разными случаи прибылых после прежней переписи крестьян 35 человек», владеть которыми он как рудопромышленник не имел права. Чтобы приобрести это право, Шавкунов должен был срочно стать заводовладельцем. Поэтому Шавкунов, возобновив ходатайство о постройке завода с четырьмя печами в Кунгурском уезде на речке Уе, обязался реализовать разрешение в кратчайший срок — в течение года. Берг-коллегия все же увеличила срок постройки завода, предоставив Шавкунову вместо одного года — два. Первые две печи Уинского медеплавильного завода были пущены 22 декабря 1749 г., а другие две — 11 июня 1750 г.³¹

Эксплуатация поспешно построенного завода производилась не лучшим образом. Во-первых, Шавкунов рассчитывал на приписку крестьян, но надежды его не оправдались. Хотя, по мнению Пермского горного начальства, «без приписки крестьян того завода содержать никак невозможно, ибо вольных и за излишнюю против плаката плату в работу там не сыскивается, а без пашпортов принимать запрещено», Берг-коллегия не согласилась с этим ходатайством и велела работы «исправлять покупными и оставленными при том заводе генеральною ревизиею и наемными людьми»³². Во-вторых, рудная база Уинского завода в годы владения Шавкунова была не в должном порядке. В фонде Берг-коллегии имеется неоконченное дело с обвинением Шавкунова «в похищении казенного интереса». Дело возникло в связи с доносом бывшего компаньона Шавкунова по поставке руды на казенные заводы кунгурского купца Евсея Шишкина. Доноситель обвинял Шавкунова в том, что он добывает руду в казенных рудниках «к собственному своему заводу... и тем казенным коштуется напрасно»³³.

Перечисленные неблагоприятные факты эксплуатации Уинского завода сразу же поставили Шавкунова в менее выгодные условия производства по сравнению с другими промышленниками Среднего Урала, обеспеченными полударовым трудом приписных крестьян. Максимальной производительности завод достиг в 1751 г., когда выплавка составляла 1 389 пуд. меди. В последующие четыре года среднегодовая выплавка снизилась до 520 пуд.,

³¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1098, лл. 164—167, 222.

³² Там же, д. 245, лл. 142—152.

³³ Там же, кн. 30, лл. 61, 62.

причем в 1752 г. из-за отсутствия руды медеплавильные печи работали только три месяца и выплавляли 255 пуд. меди³⁴.

Рентабельность предприятия, видимо, была сомнительной, так как когда в 1761 г. Тимофей Шавкунов умер, оставив после себя массу долгов, наследники не нашли ничего лучшего, как продать завод.

Недвижимое имение покойного, состоявшее из двух мельниц и Уинского медеплавильного завода, было поделено следующим образом: старший сын получил две мельницы, а на долю остальных двух братьев и сестры достался медеплавильный завод, причем они должны были погасить все долги отца. Так как долги превышали стоимость движимого имущества двух братьев и сестры и так как по указу 20 апреля 1762 г. запрещалось дробить заводы, то один из наследников, Осип Шавкунов, обратился в Сенат с просьбой, «чтоб на расплату... долгов... завод продать ему дозволить под смотрением Кунгурского магистрата и ближних их живущих в том городе родственников или свойственников». Указом 25 мая 1762 г. Сенат разрешил продать завод обер-прокурору Сената А. И. Глебову³⁵.

Поразительно много общего с только что рассмотренной судьбой завода и заводовладельца мы находим у симбирского купца Матвея Семеновича Мясникова, которому принадлежал Благовещенский медеплавильный завод. После смерти Мясников, как и Шавкунов, оставил наследнику массу долгов, так что Благовещенский завод перешел в другие руки.

Разрешение на постройку этого завода в Уфимском уезде по Осинской дороге Мясников получил 11 декабря 1755 г. Для его сооружения купцу был предоставлен трехлетний срок, но он действовал столь напористо, что «чрез неусыпное старание не только во определенный срок, но еще и прежде того с немалой ускориною, т. е. прошлым 1757 г. тот завод построил» и «в совершенное действие произвел». Плавка меди на заводе началась 16 августа 1757 г. «Чрез неусыпные мои труды», как хвастливо писал о себе заводовладелец, в 1760 г. было построено пять медеплавильных печей и получено свыше 5 тыс. пуд. штыковой меди³⁶.

Благовещенский завод был довольно крупным предприятием, но Мясников не довольствовался этим и искал путей для расширения своего хозяйства. В январе 1759 г. он ходатайствовал перед Берг-коллегией о разрешении построить в Уфимской провинции на речке Сим, притоке Белой, крупный завод с двумя домнами, девятью действующими и тремя запасными молотами. Неподалеку, на речке Миньяр, притоке речки Сим, Мясников наметил построить пильную мельницу «на подлежащие к тому заводу по-

³⁴ Там же, кн. 973, лл. 248, 249.

³⁵ Там же, кн. 39, лл. 174, 175.

³⁶ Там же, кн. 1158, л. 346; кн. 1197, л. 217.

требности для роспилования тесу». Рудная база сосредоточивалась в 20 рудниках, открытых заводоладельцем в 1756—1758 гг.

Строить этот гигант черной металлургии Мясников намеревался в компании с сызранским купцом Яковом Семеновичем Петровым. Между компаньонами был заключен договор, предусматривавший строительство завода и пильной мельницы «общим равномерным капиталом». Хотя указом Берг-коллегии 16 марта 1759 г. и было разрешено построить завод на речке Сим, но компаньоны по каким-то причинам не воспользовались предоставленным им правом. Позже заводское место на речке Сим оказалось в распоряжении И. С. Мясникова³⁷.

Потерпев неудачу с сооружением завода на речке Сим, компания все же не распалась. Оставив затею построить завод, Мясников и Петров решили купить действующее предприятие. В 1761 г. они сторговали Вознесенский завод у Сиверса, но затем раздумали покупать предприятие, рентабельность которого казалась им сомнительной, и в следующем году остановили свой выбор на Назе-Петровском заводе Ивана Перфильевича Большого Мосолова. Купчая была совершена 4 октября 1762 г. на имя обоих компаньонов, но 25 мая 1765 г. Мясников поставил Берг-коллегию в известность, что он уступил принадлежавшую ему часть Петрову «в вечное и потомственное содержание»³⁸.

В итоге за М. С. Мясниковым числился один Благовещенский завод. В 1762 г. он в ответ на призыв Берг-коллегии увеличить выплавку меди сообщал, что уже довел ее до 6 тыс. пуд. в год и обещал прибавить еще 2 тыс. пуд., но обусловил выполнение этого обещания получением дешевого кредита из 4% и права на дополнительную покупку крестьян³⁹.

Благополучие в хозяйстве М. С. Мясникова было внешним, кажущимся. Смерть его владельца в конце 1766 г. вскрыла катастрофическое положение финансов покойного. Кредиторы доказывали, что сумма долга, числившегося на наследнике Мясникова, превышала 60 тыс. руб., а с процентами и прочими начислениями превосходила 100 тыс. руб. Только ежегодная сумма процентов и начислений составляла более 10 800 руб., в то время как чистая прибыль не превышала 1 200 руб. Кредиторы доказывали необходимость продажи завода с молотка. В особенности в этом деле старался бывший компаньон М. С. Мясникова Я. С. Петров.

Берг-коллегия, однако, не пошла на немедленное удовлетворение домогательств кредиторов и попыталась сохранить предприятие за сыном М. С. Мясникова Иваном, не доверяясь отрицательным характеристикам последнего со стороны поручителя

³⁷ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 295, лл. 328, 329; кн. 1166, лл. 407—409, 456а.

³⁸ Там же, кн. 1252, л. 572.

³⁹ Там же, кн. 1213, л. 461.

Петрова и других кредиторов, Берг-коллегия поручила Канцелярии главного заводов правления ознакомиться с состоянием предприятий. Канцелярия, основываясь на информации, полученной от Оренбургского горного начальства, прислала в Берг-коллегию вполне положительную характеристику Ивана Мясникова, не совпадавшую с тем, что о нем писали кредиторы⁴⁰. Оренбургское горное начальство и Канцелярия главного заводов правления считали, что И. М. Мясникова «к правлению оного завода, как того порядок требует, допустить можно».

Берг-коллегия указом 4 августа 1769 г. отменила свое прежнее определение об отстранении Мясникова от управления заводом. Теперь он был допущен «к заводскому действию», с тем, однако, ограничением, что его лишили права продавать завод. Горному начальству было поручено смотреть, «дабы им, Мясниковым, порядочно, с приумножением выплавкою меди тот завод был содержан»⁴¹. Такая полумера не могла способствовать развитию частной инициативы даже у более предприимчивого заводовладельца, чем И. М. Мясников. На поверку, однако, оказалось, что чернившие его кредиторы и поручитель были ближе к истине, чем горная администрация. Изучив данные о выплавке меди за 1769 — первую половину 1771 г. и о ее себестоимости, Берг-коллегия пришла к выводу, что в первой половине 1771 г. завод принес значительный убыток, так как себестоимость пуда меди поднялась до 7 руб. 4 коп. Берг-коллегия обратилась в Сенат с предложением продать завод с торгов. Сенат согласился, и завод в 1772 г. купил генерал аудитор-лейтенант Хлебников за 147 тыс. руб.⁴²

Таким же непрочным оказалось хозяйство двух казанских купцов — Келарева и Ляпина. Занимался ли Иван Федорович Ляпин какими-либо промыслами, помимо торговли, неизвестно. Что касается Петра Афанасьевича Келарева, то накопление капиталов у него связано с винокурением и винными подрядами. Из документов о запрещении купеческого винокурения видно, что на территории Зюрейской дороги и дер. Янбаевой Келарев владел винокуренным заводом с 21 казаном емкостью в 252 ведра. Когда в 1754 г. встал вопрос о закрытии завода, Келарев организовал на нем кожевенное и солодовенное производство⁴³.

В нашем распоряжении нет документов, свидетельствующих о первых шагах Келарева и Ляпина в металлургии, о поисках руды и места под завод и т. д. Известно только, что Мешинский завод, расположенный в Казанском уезде, был пущен в 1749 г. По данным на 1756 г., на заводе значились три действующие медепла-

⁴⁰ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 3944, л. 183.

⁴¹ ГАСО, ф. Уральского горного управления, оп. 1, д. 1986, л. 82, 83.

⁴² ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 49, лл. 110, 111; ф. Сената, кн. 3944, лл. 194, 198.

⁴³ ЦГАДА, ф. Камер-коллегии, д. 2064, л. 13; д. 30599, л. 325.

вильные печи и одна строящаяся. Производительность предприятия была невысокой — в 1752 г. на нем было выплавлено 91 пуд. меди, в следующем году — 623 пуд., в 1755 г. — 820 пуд.

В октябре 1755 г. П. А. Келарев обратился в Канцелярию главного заводов правления с доношением, что найденные им железные руды на территории Слободского уезда Вятской провинции, согласно пробе казанского горного начальства, «явились к содержанию завода прочны». Завод он намеревался поставить на речке Пудеме, где лесов «множество» и берега речки крепкие. Келарев объявил, что строительство предприятия он будет вести совместно с детьми его компаньона по Мешинскому заводу — Дмитрием и Алексеем Ивановичами Ляпиными.

Резолюция Берг-коллегии с разрешением построить Пудемский завод была вынесена 17 октября 1756 г., а пущен он был в феврале 1759 г., причем компаньоны отступали от первоначального плана раздельной постройки двух предприятий — доменного и передельного — на двух речках, ибо Пудемский завод был и доменным и передельным. Вскоре, однако, выяснилось, что производительность домны значительно превосходит производительность молотов, и появилась надобность в сооружении дополнительных молотовых «фабрик»⁴⁴. Новый молотовый завод, Лудянский, П. А. Келарев строил самостоятельно, в 1766 г. ему было разрешено переоборудовать пильную мельницу в молотовую «фабрику». К этому времени выявилась полная некредитоспособность Ляпина. Еще в 1763 г. Ляпин не смог оплатить два векселя, предъявленных ему казанскими купцами Яковом Мошковцовым и Яковом Киреевым на 5 005 руб. Через два года долги Ляпина увеличились еще на 1 710 руб. К частным долгам прибавились казенные. Канцелярия главного заводов правления в октябре 1766 г. донесла Берг-коллегии, что за 1765 г. на Ляпине числилось десятинной недоимки 376 руб. 30 коп., а на Келареве 328 руб. 48 коп. Канцелярия считала, что «Келарев, а особливо Ляпин по партикулярному на нем долгу за неимением у них капитала к содержанию того своего Пудемского завода нахоятся безнадешны».

Такого же мнения придерживался Казанский магистрат и еще в 1765 г. требовал продажи заводов с аукциона. В том году Берг-коллегия защитила заводовладельцев, распорядившись освободить Ляпина из-под стражи, «дабы чрез таковое долговременное их там держание в произведении их заводов не могла последовать остановка». Долги предписано было тогда, согласно 4-му пункту Берг-регламента, взыскивать из получаемой прибыли.

Однако попытка сохранить заводы за компаньонами оказалась бесплодной. Даже наиболее состоятельный из них П. А. Келарев не видел иного выхода из положения, как про

⁴⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 277, лл. 98, 99.

дать Лудянский и принадлежавшую ему половину Пудемского завода. В 1769 г. Берг-коллегия разрешила компаньонам в течение года продать заводы «добровольною ценою». Так как покупателей не нашлось, то Берг-коллегия в 1770 г. предписала описать заводы. В этой связи они прекратили работу.

Продажа заводов с торгов состоялась в феврале 1774 г. В торгах приняли участие курский купец Иван Иванович Голиков, калужский купец Федор Юдин и уральский промышленник Иван Петрович Осокин. Последний и стал владельцем заводов, уплатив за них 25 800 руб. Впрочем, Осокину удалось сохранить в числе действующих предприятий только два завода (Мешинский и Пудемский), а Лудянский был тогда же оставлен⁴⁵.

Северо-западнее микрорайона, где развернули свою деятельность Вяземский, Курочкин и Юринский, в 50-х годах пытались создать очаги металлургического производства еще две промышленные компании. Одну из них составили устюжские купцы Панов и Плотников. Компаньоны первоначально подвизались в качестве подрядчиков и в Устюжском уезде владели винокуренными заводами. На заводе Андрея Васильевича Панова в Дымовской слободе стояло 26 казанов емкостью в 288 ведер; Андрей Александрович Плотников владел двумя заводами — один из них, покрупнее, находился в Пятницком сельце при дер. Добрынине, на нем было 24 куба объемом в 240 ведер, второй завод поменьше, в Шемогоцкой волости при дер. Сосновке, был оборудован семью кубами емкостью в 86 ведер⁴⁶.

Дополнительные сведения о роде занятий Панова и Плотникова сообщают указы депутатам в Уложенную комиссию 1767—1768 гг. Из наказа жителей Устюга Великого явствует, что Плотников вел обширный торг в самом городе, где имел «лавки, амбары, лавочные и амбарные места». Кроме того, Плотников был связан торговлей с Сибирью и заграницей — в Архангельске он продавал иностранным купцам говяжье сало.

Занятия винокурением, внутренней и внешней торговлей еще несколько не выделяли великоустюжских купцов из среды прочих промышленников. Особенность им придавало занятие торговым земледелием.

Устюжские купцы в полной мере использовали все возможности, которые предоставляли предприимчивым людям специфические для Поморья социальные отношения, и превратились в крупных землевладельцев. Плотников, например, владел в черносошных волостях «многими деревнями» и ежегодно продавал «из оных хлебные припасы и всякого рода скот»⁴⁷.

⁴⁵ Там же, кн. 2118, лл. 467, 480, 557, 578, 741.

⁴⁶ ЦГАДА, ф. Камер-коллегии, д. 30599, л. 342.

⁴⁷ Сб. РИО, т. 123, стр. 415.

В торговом земледелии Панов преуспевал, кажется, даже больше, чем Плотников. Во всяком случае, если относительно занятий Плотникова земледелием имеются упоминания только в наказе великоустюжских жителей, то Панов в качестве землевладельца фигурирует в наказах крестьян трех волостей Устюжского уезда — Лябельской, Цывозерской и Пермогорской, причем в Лябельской волости Панов вместе с купцом Протодыковым владел большей частью пашенных земель, а сенных покосов за ним числилось в три раза больше, чем за всеми крестьянами⁴⁸. Хлеб Панов и Плотников, несомненно, использовали, частично или полностью, на винокурение. Откорм скота на продажу был связан с использованием отходов винокурения — бардой. Можно полагать, что накопление капиталов у Панова и Плотникова происходило, помимо винных подрядов, винокурения, внутренней и внешней торговли, также в торговом земледелии.

О намерении построить металлургический завод Панов и Плотников впервые заявили в 1750 г., когда они «усмотрели» в Чукаирской, Пьядинской, Гривской и в других волостях на р. Сыsole «признаки железной руды». Результаты пробной плавки были малоутешительными — из 100 фунтов руды выходило от 18 до 41 фунта чугуна.

Вторично компаньоны обратились с заявлением в конце 1754 г., причем с более конкретным предложением, чем в 1750 г. Теперь они хлопотали о предоставлении права построить завод на речке Малой Визгене, обязавшись возводить его «сильною рукою, не щадя своего изживения».

Пермское горное начальство по поручению Берг-коллегии произвело обследование речки Малой Визгени. Шихтмейстер Иван Бортников, выезжавший на место, обнаружил, что для постройки завода более пригодна речка Нювчинка, вода которой «без всякой нужды», по его расчетам, может обеспечить работу домны, трех действующих и двух запасных молотов. Леса, заключил Бортников, хватит лет на 60, т. е. на такой срок, в течение которого после порубки может вырасти новый.

Берг-коллегия взяла с Панова и Плотникова подписки, что они под угрозой штрафа построят завод в течение трех лет, но компаньонам потребовалось дополнительно еще три года, чтобы привести его в действие. К строительству завода они приступили не в год получения разрешения, а только два года спустя — весной 1757 г., хотя плотина была готова к весне 1758 г., а молотовая — к концу лета того же года, но к постройке домны компаньоны еще не приступали, так как обнаружили, что расчищенное место под завод непригодно. 5 ноября 1758 г. они в очередном доношении объявили о своем намерении до-

⁴⁸ Сб. РИО, т. 123, стр. 114, 115, 117.

вольствоваться постройкой не полноценной, а так называемой третней домны, причем и на ее сооружение потребовалось еще два года ⁴⁹.

Завод был пущен, видимо, только в 1761 г., причем его фактическая мощность была меньше намечавшейся. Вместо предполагаемых пяти молотов было построено только три, из которых два числились действующими и один запасным. 30 апреля 1769 г. Плотников и Панов продали Ньючинский завод Максиму Походяшину за 23 500 руб. ⁵⁰

Наследники Походяшина продали в 1788 г. Ньючинский завод директору Государственного заемного банка петербургскому первой гильдии купцу Гавриилу Михайловичу Грибанову и его брату Архипу. В руках Грибановых Ньючинский завод поднял производительность почти на треть.

Совсем по-иному сложилась судьба Терменского завода, основанного Шапкиным и Колесовым.

Вологодские первой гильдии купцы Алексей Андреевич Шапкин и Федор Матвеевич Колесов, по-видимому, принадлежали к той немногочисленной группе торговых людей, которые пришли в металлургию ради получения привилегий, предоставлявшихся государством владельцам мануфактур. Необходимый капитал Шапкин и Колесов сколотили на внешней торговле. По данным на 1764 г., А. А. Шапкин с сыновьями Иваном и Федором вели в Архангельске торговлю юфтью, смолой, воском и железом. В Кяхту Шапкин доставлял юфть, меха лисицы и горностая, в общей сложности на 15 тыс. руб. На такую же сумму он привозил туда иноземных товаров — сукон, зеркала и т. д.

Ф. М. Колесов с сыновьями Матвеем и Александром продавал за границу через Петербург сальные свечи. В Архангельск он доставлял для последующей продажи в Голландию и Гамбург, кроме свечей, юфть, пеньку и топленое сало. Годовой оборот Колесова был скромнее, чем у Шапкина, и составлял 13 тыс. руб. Помимо внешнеторговых операций, Колесов подвизался и в откупах. В 1779 г. он взял на четырехлетний срок винный откуп в ряде сибирских городов: Нарыме, Сургуте, Красноярскѣ, Мангазее и др. Откупная сумма составляла 51 950 руб. ⁵¹

В последующие десятилетия внешнеторговые сделки вологодских купцов приобрели еще более широкий размах. Так, оборот Матвея Колесова через Архангельскую таможню составлял в 1773 г. 44 594 руб., а И. А. Шапкина — 31 952 руб.

⁴⁹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 275, лл. 408—423; д. 295, лл. 211—213.

⁵⁰ Там же, кн. 1298, л. 123.

⁵¹ ЦГАДА, ф. Комиссии о коммерции, д. 445/9, лл. 17, 19; ф. Портфели Миллера, портфель 385, т. II, ч. 1, л. 7.

В 1783 г. оборот Александра и Федора Колесовых достигал 43 тыс. руб.⁵²

На фоне перечисленных торговых оборотов, совершаемых обоими купцами, их вялые и нерасторопные действия при основании завода кажутся малопонятными, если не принять во внимание их стремление получить привилегии.

Первый раз Шапкин и Колесов обратились за разрешением построить завод в 1756 г. В компании с президентом Вологодского провинциального магистрата Шапкиным и купцом Колесовым находился кузнецкого цеха Иван Денисов, выполнявший, видимо, функции «технического директора» предприятия. В челобитной, поданной в мае 1756 г., компаньоны «на первой случай» решили ограничиться постройкой четырех ручных горнов и вододействующего молота на р. Ковде в Важском уезде Архангельской губ. Месяц спустя компаньоны решили обзавестись более солидным предприятием и выразили желание построить домну «и с принадлежащим числом молотов», а ручные горны использовать для изготовления инструментов. Указ на постройку вододействующего завода компаньоны получили 31 октября 1756 г. Через 15 месяцев они сообщили в Берг-коллегию о постигшем их несчастье: кузницы, амбары и заготовленные бревна «неведомо от какого случая незапно в полуночное время сего генваря пред 8 числом в ночи загорелось и згорело без остатку». Ущерб, по-видимому, был не очень велик, ибо строительство завода находилось в зачаточном состоянии. Тем не менее понадобился ровно год после пожара, чтобы компаньоны информировали Берг-коллегию лишь о начавшейся заготовке материалов на новом месте. Изменился и состав компании — осенью 1759 г. из нее выбыл Иван Денисов, отказавший свой пай Колесову. В дополнение ко всему Шапкин и Колесов обнаружили, что найденные ими рудники оказались «гнездовыми, да и безнадежны, а готовых в тех местах руд не находитца, а болотными вододействуемого завода удовольствовать невозможно». Такая медлительность купцов вызвала у прокурора Берг-коллегии подозрение, не для «лица ли» строится ими завод, однако Берг-коллегия указом от 28 января 1760 г. удовлетворила просьбу челобитчиков об отсрочке постройки завода на три года.

Завод был построен на речке Терменге, плавка чугуна на нем началась 9 июня 1763 г. Р. Ковда была забракована вследствие невозможности поставить на ней плотину⁵³.

Через год с небольшим, в октябре 1764 г., из компании был Шапкин. По слабости здоровья и «признав себя к содер-

⁵² ЛОИИ, ф. Воронцова, д. 570, лл. 252—256.

⁵³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 302, лл. 35, 36, 41, 42; кн. 740, д. 12, лл. 1, 5, 105, 108; кн. 1245, л. 405.

жанию того завода невозможным», Шапкин передал свой пай Колесову. Поскольку женой Колесова была сестра Шапкина, последний за уступку полозины завода не потребовал никакого вознаграждения.

Превращение Колесова в единоличного владельца Терменского завода не внесло оживления в работу этого предприятия. Напротив, в 1766 г., после того как были исчерпаны «способные руды», завод прекратил свое существование, а его плотина с разрешения Мануфактур-коллегии была использована для постройки бумажной фабрики. В 1785-г. Федор Колесов продал успешно действовавшую бумажную фабрику своему сыну Матвею за 10 тыс. руб. Сын попытался возобновить действие металлургического завода и в том же 1785 г. просил Вологодскую казенную палату «из найденных в дачах дворцовых волостей рудников руду и дрова за добровольную плату тех волостей крестьяном поставлять позволить»: Матвей Колесов рассчитывал, что ему на возобновление работы завода понадобится год. В действительности домну удалось задуть только 1 ноября 1791 г., но 14 февраля 1792 г. она прекратила работу, на этот раз навсегда. После смерти М. Ф. Колесова Терменский завод перешел во владение его дочери Александры Шергиной. В 1796 г. она заявила о своем желании восстановить завод, но намерения своего не осуществила, хотя рядом с заводом находилось свыше 36 тыс. пуд. заготовленной болотной руды, некоторое количество угля и дров^{54—55}.

Непродолжительным было участие в металлургии богатого первой гильдии тульского купца Василия Артемьевича Меньшого Ливенцова.

Инициатива вовлечения Ливенцова в промышленность принадлежала Максиму Михайловичу Походяшину. Испытывая недостаток в наличных деньгах и разведав, что таковые водятся у тульского купца Ливенцова, Походяшин самыми радужными красками изобразил выгоды, которые сулила им совместная постройка и эксплуатация завода на северо-западных склонах Урала. Красноречивые доводы Походяшина возымели успех, и в ноябре 1759 г. Ливенцов уже писал в Берг-коллегию, что у него появилась «ревность и охота» «с верхотурским купцом Походяшиным в компанию вступить и на обысканных им в Верхотурском уезде удобных местах и речках железоводействующей доменной завод с запасною домною и молотовыми фабриками и медеплавильными печками строить собственным своим капиталом». В свою очередь и Походяшин, скрывая свое безденежье, писал, что принимает в компанию Ливенцова только потому, что «всех тех заводов за одиначеством в одно время построить и присмотреть и исправитца» не может.

^{54—55} Там же, кн. 2274, лл. 360—362, 377.

В начале февраля 1759 г. Походяшин, к тому времени еще не организовавший компании, исхлопотал разрешение на постройку молотового завода на р. Турье для переделки чугуна с петропавловской домны. Этим же указом Берг-коллегия записала за ним несколько рудников, а также места под заводы на речках Нясме и Павде. Но уже через месяц в очередном доношении Походяшин забраковал место на р. Нясме, предпочтя ему речки Лялю и Мурзинку, «ибо де оные речки против Нясминского места признаются за полезнее и способнее и от рудников ближе, да и для того водяная коммуникация будет с тех заводов в сибирские города по речке Ляле от заводу во близости, а в Россию — по реке Косве». Однако он считал необходимым в первую очередь предпринять строительство на р. Павде, а не на Ляле и Мурзинке, причем Николае-Павдинский завод, как и Турьинский, намечался комбинированным, сочетавшим производство железа и меди.

Возникновение компании в составе Ливенцова и Походяшина, как и ее распад, выглядит несколько странным. По условиям контракта, заключенного между Ливенцовым и Походяшиным в конце 1758 г., Ливенцов брал на себя все хлопоты, связанные с получением разрешения на строительство завода, а также все расходы на его постройку, не требуя ни копейки денег от Походяшина. Лишь после пуска завода Ливенцов должен был предъявить Походяшину счет, а Походяшин — незамедлительно уплатить «половинное число денег», издержанных на заводское строительство; в будущем же «на производство того завода, сколько потребно будет для расходов денег, положить нам, Походяшину и Ливенцову, во учрежденную нашу общезаводскую контору по равному числу». Прибыли и убытки компаньоны тоже должны были делить пополам⁵⁶.

Таким образом, Походяшин на первом этапе существования компании должен был передать ей рудники и место под завод. Напротив, от Ливенцова требовалось личное участие в руководстве строительством завода, а главное — его финансирование. Совершенно очевидно, что условия контракта нельзя признать равноправными. Вряд ли, однако, опытный делец, каким несомненно был Ливенцов, дал себя провести Походяшину. Скорее всего, помимо официального контракта существовало какое-то устное соглашение между компаньонами.

Происхождение капиталов Ливенцова было иным, чем его компаньона Походяшина, — он не имел винокуренных заводов, не располагая мы также и сведениями о его подрядных и откупных операциях. Три брата Ливенцовых — Иван Артемьевич,

⁵⁶ М. Блинов. Историко-статистический очерк Богословских заводов: ЖМВД, 1855, № 9—10, стр. 102; ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1174, лл. 101—105, 145—150; д. 297, лл. 244, 245; ф. Сибирской губ. канцелярии, д. 154, л. 1.

Василий Артемьевич Меньшой и Василий Артемьевич Большой — вели довольно крупную торговлю как на западноевропейских, так и на восточных рынках. Годовой оборот И. А. Ливенцова составлял 40 тыс. руб., причем свои товары он доставлял в Петербург, Архангельск и Кяхту. Оборот Василия Артемьевича Большого составлял 27 тыс. руб., из которых на долю Кяхты падало 25 тыс. руб. Самым богатым среди братьев был Василий Артемьевич Меньшой, компаньон Походяшина. В Петербург он ежегодно привозил воск и мед на 6 тыс. руб., в Риге он сбывал на 17 тыс. руб. продукцию металлургического завода — медь, листовое и полосовое железо, сталь. В Кяхте Ливенцов имел две лавки, в которых оптом и в розницу продавал товары традиционно русского экспорта в Китай: юфть, мерлушки, сермяжное сукно, выдру, бобров, горностаи, белку, лисицу, всего на 24 тыс. руб. В общей сложности оборотный капитал Василия Артемьевича Меньшого Ливенцова составлял 47 тыс. руб.⁵⁷

Перечисленные выше сведения относятся к 1764 г., т. е. ко времени, когда Ливенцов уже был совладельцем Николае-Павдинского завода. Но у нас нет оснований сомневаться в том, что Ливенцов вел торговлю с границей и в 50-х годах XVIII в. и во всяком случае был уже в это время богатым человеком, ибо Монетная экспедиция вряд ли рискнула бы выдать в 1760 г. крупную сумму купцу, не пользующемуся солидной репутацией. Ливенцов не оставлял своих внешнеторговых связей и в более позднее время. Так, в 1772 г. он доставил через Петербургский порт заграничных товаров на 8 342 руб., в 1773 г. — на 1 176 руб., а в 1775 г. — на очень крупную сумму — 20 671 руб.⁵⁸

И все же Ливенцов, будучи, несомненно, богатым купцом, не мог обойтись при строительстве завода без крупного займа. В январе 1760 г. он заключил с Монетной экспедицией контракт на получение ежегодно в течение четырех лет по 24 тыс. руб., т. е. на общую сумму в 96 тыс. руб.⁵⁹

Отношения между компаньонами были далеко не идеальными. Они, видимо, рассорились в первые же месяцы существования компании. В ноябре 1762 г. Ливенцов жаловался Берг-коллегии на Походяшина, который «о построении того завода никакого старания не имел и ныне прилежности и рачения к тому не имеет». Главная вина Походяшина состояла в том, что он «на заводское строение и на припасы, яко то на уголь и руды и протчие заводские надобности к действительному произведению и содержанию» не вносит половинного числа денег, чем «учиненной между нами договор нарушает».

⁵⁷ ЦГАДА, ф. Комиссии о коммерции, д. 445/59, стр. 6, 8, 10; д. 1550, л. 13.

⁵⁸ ЛОИИ, ф. Воронцова, д. 570, лл. 110, 124.

⁵⁹ ГАСО, ф. Уральского горного управления, оп. 1, кн. 1678, лл. 621—622; ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1230, л. 210.

Ссылка на контракт была самым уязвимым местом доношения Ливенцова. Этой оплошностью незамедлительно воспользовался Походяшин, отправив в качестве приложения к своему ответному доношению копию заключенного между ними контракта, из которой явствовало, что претензии Ливенцова на получение половинного числа израсходованных денег до того, как будет пущен завод, необоснованны. Отклонив претензии Ливенцова, Походяшин в доношении, поданном в сентябре 1763 г., т. е. спустя уже 4 месяца после пуска Николае-Павдинского завода, выдвинул встречные обвинения. Он писал, что Ливенцов лично не присутствовал при постройке завода и не советовался с ним, Походяшиным, «каким бы образом оной удобнее и порядочнее строить надлежало», а прислал из Тулы «к строению не знающих заводские производства, учреждения не ведающих и при таких многотрудных строениях не бывающих ремесленников и поверенных». Походяшин, кроме того, перечислил еще ряд упущений своего компаньона, в частности, отсутствие заготовленного горнового камня, необходимого для работы завода. Все это Походяшин изложил для того, чтобы просить Берг-коллегию «милостиво освободить» его от уплаты денег Ливенцову и прислать на завод знающего человека, который мог бы на месте убедиться в его «непорядочном» строительстве.

Из этой челобитной вытекает, что Походяшин будто бы отказывался от своего участия в эксплуатации Николае-Павдинского завода. Действовавшим заводом в первые месяцы распоряжался один Ливенцов. Во всяком случае, в марте 1764 г. Ливенцов жаловался, что Походяшин «не токмо на произведение того завода, но и за построение оного половинного числа денег и поныне мне не платит»⁶⁰.

В дальнейшем, однако, Походяшин более не просил «милостиво освободить» его от уплаты денег. Надо полагать, что челобитная об отказе от участия в эксплуатации завода являлась ловким маневром Походяшина, не имевшего наличных денег, чтобы рассчитаться с Ливенцовым. Как только они появились, Походяшин предпочел пойти с тульским купцом на мировую.

Через 18 лет после основания компании, в 1777 г. Николае-Павдинский завод перешел «в вечное и потомственное владение» Походяшина. Соглашение о передаче Ливенцовым половины завода «со всеми принадлежностями, без остатку» Походяшин называл «дружелюбным», но на деле оно таковым не было. Действия Походяшина нельзя признать иначе, как бесовестным обманом Ливенцова. Последнему за его долю в заводе Походяшин выдал векселей на 40 тыс. руб., обязавшись погасить их в течение трех лет. Помимо этого, Походяшин «еще

⁶⁰ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1176, лл. 160, 161, 165; ГАСО, ф. Уральского горного управления, оп. 12, д. 568, л. 30.

положил словесные условия, по которым и поднесь чинит неустойку», — писал Ливенцов. Но как только Походяшин вступил в единоличное владение заводом, он отрекся от какого-то устного своего обязательства.

Берг-коллегии, куда Ливенцов обратился с жалобой, ничего не оставалось, как признать, что ссылка на дополнительное устное соглашение не имеет доказательной силы⁶¹. В ответ на это Ливенцов отказался оформлять документы на право владения Походяшиным всем заводом.

Тяжба продолжалась до конца XVIII в. В 1791 г. наследники Походяшина продали все заводы в казну. Среди них числился и Николае-Павдинский завод, на владение которым Походяшины все еще не имели юридических прав. Лишь в 1797 г. майор Григорий Походяшин под давлением Сената оформил распад компании, фактически наступивший 20 годами раньше, и уплатил Ливенцову в дополнение к 40 тыс. руб. еще и 150 пуд. меди. Видимо, медь и была тем дополнительным устным обязательством Походяшина, от которого от потом отрекся⁶².

Не всех мелких мануфактуристов преследовали неудачи. Некоторым из них все же удавалось поддерживать работу предприятий вплоть до конца XVIII в., хотя признаки приближавшегося разорения можно было наблюдать у них и до этого. К числу промышленников, удержавших свои заводы в начале XIX в., относятся Глазовы, Ширяевы и Кобелевы.

Наиболее интересной из них представляется фигура симбирского купца Герасима Ивановича Глазова. Отец Глазова Иван Ермолаевич был священником. Два его сына — Василий и Герасим состояли на государственной службе. Из ревизской сказки, составленной в октябре 1723 г., явствует, что Василий Иванович был комиссаром Пензенских казенных винокуренных заводов, а его младший брат Герасим — подьячим на селитренных заводах. Служебная деятельность братьев имела прямое отношение к промышленной деятельности. В упоминавшейся ревизской сказке отмечено наличие у них в Симбирском уезде довольно крупного винокуренного завода с 20 казанами по 12 ведер в каждом⁶³. Винокурением и подрядами Глазовы продолжали заниматься и в дальнейшем. Так, в 1747 г. Г. И. Глазов общал Симбирскому магистрату, что «посылает де он до С.-Петербурга и в прочие российские города прикащика своего Ивана Осипова для подрядов, какие где случатся суммою до десяти тысяч рублей». Из переписки с Осиповым, ясно, что Глазов в это время владел в Симбирском уезде тремя винокуренными заво-

⁶¹ ГАТО, ф. Тульского наместнического правления, оп. 2, т. II, д. 4732, лл. 1, 2, 19, 24, 25, 28, 45; ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2123, лл. 220, 250.

⁶² ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4853, лл. 27, 28; ф. Берг-коллегии, кн. 2201, лл. 639, 640.

⁶³ ЦГАДА, ф. Ревизские сказки, кн. 5466, лл. 108—110.

дами и мог осилить поставку 15 тыс. ведер вина. В начале 50-х годов за Герасимом Глазовым числился винокуренный завод в с. Архангельском Симбирского уезда, оборудованный 50 кубами емкостью в 470 ведер⁶⁴.

Если занятие винокурением находилось в прямой связи со служебными обязанностями В. И. Глазова, то увлечение селитроварением его младшего брата Герасима объясняется характером службы последнего — сперва подъячего казенных селитренных заводов, а затем подъячего Казанской губернской канцелярии. В 30-х годах, когда Г. И. Глазов стал селитроваром, он уже не был связан с государственной службой, а значился симбирским купцом и даже президентом Симбирского магистрата. В 1737 г. он арендовал у М. Д. Молостова Ахтубский селитренный завод сроком на 10 лет. Став арендатором Ахтубского завода, Г. И. Глазов организовал компанию для его эксплуатации, в которую принял и своего племянника Ивана Андреевича Ерастова⁶⁵.

Через 10 лет над Г. И. Глазовым стряслась беда. Во время проведения в России второй переписи населения Канцелярия по ревизии Казанской и Оренбургской губерний в 1747 г. признала, что Глазов подпадает под действие указа 18 января 1721 г. и Регламента Мануфактур-коллегии. Этот указ грозил тому, кто будет «заводы заводить токмо для лица малые, чтоб ему тем у кого деревни купить», конфискацией «всего движимого и недвижимого имения»⁶⁶. Нависшая над Глазовым угроза лишиться крепостных крестьян и вынудила его предпринять срочные поиски такого занятия, которое оправдало бы владение крестьянами.

Первоначально Глазов остановил выбор на привычном для него селитроварении. Отправляя своего приказчика в Петербург, он поручил ему наряду с хлопотами по заключению контрактов на подряды заботу о получении казенного селитренного завода, расположенного близ Самары. Для нас представляет интерес один пункт намечавшейся сделки, а именно: требование Глазова не только получить безвозмездно завод, материалы, мастеровых и работных людей, но и крепостных крестьян.

Не очень надеясь на успешное выполнение приказчиком этого поручения, Глазов искал других путей использования подлежащих конфискации крестьян. Глазов готов был заниматься чем угодно, лишь бы сохранить за собою крестьян. В семи верстах от Самары на нагорной стороне он хотел организовать добычу слюды, в 40 верстах от Сызрани — черной смолы, на речке Теренгулке, между Симбирском и Сызранью, в

⁶⁴ ЦГАДА, ф. Камер-коллегии, д. 30599, л. 333; Госархив, разряд XIX, л. 929, л. 3.

⁶⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1073, лл. 320—324, 426.

⁶⁶ ПСЗ, т. VI, № 3711, стр. 312.

50 верстах от Волги «есть мел самой мягкой, из которого делают белила». Наконец, в 30 верстах от Симбирска он обнаружил какой-то «квап красный, которой употребляют иконники в краску».

Характерно, что Глазов предполагал организовать разработку ископаемых не самостоятельно, а в компании с бароном Иваном Антоновичем Черкасовым, кабинет-секретарем, с которым он, видимо, познакомился во время пребывания последнего в ссылке в Казани и Астрахани.

Компания Черкасов — Глазов по каким-то причинам расстроилась. Между тем на поиски руд Глазов «издержал весь свой капитал», так что на постройку завода средств не осталось. Это и вынудило его 9 февраля 1749 г. стать компаньоном владельца Берсудского завода «синбирянина» Маленкова.

Артемий Иванович Маленков начал свою промышленную карьеру в компании со своими земляками Твердышевым и Мясниковым. 15 марта 1744 г. Твердышев, действовавший от имени компании, донес Берг-коллегии о найденной руде, и 2 мая того же года им было разрешено на территории Зюрейской дороги Казанского уезда построить медеплавильный завод на речке Берсуде. Еще до этого компаньоны получили разрешение на постройку в Симбирском уезде селитроварного завода на шесть котлов производительностью «от тысячи до двух тысяч и от четырех тысяч пуд. и более» в год⁶⁷. Берсудский завод, оборудованный четырьмя печами, начал плавку меди в 1748 г.

Твердышев вскоре обнаружил, что перспективы эксплуатации строившегося Берсудского завода менее выгодны, чем полученного от казны в 1744 г. Воскресенского завода. Поэтому Твердышев в марте 1748 г. сообщил Берг-коллегии, что он «за произведением других медных заводов сей Берсудской медиплавильной завод уступил в содержание и всегдашнее владение заводчику Маленкову со всем имеющимся при том заводе капиталом, материалами и рудниками».

Лишившись экономически мощных компаньонов и став единственным владельцем Берсудского завода, Маленков оказался без оборотных средств и в феврале 1749 г. вследствие своего «одиночества», а также «для лутчаго того завода распространения» принял в компанию симбирского купца Г. И. Глазова.

Однако этот шаг не спас хозяйства Глазова от конфискации. 20 ноября 1749 г. его доля в Берсудском заводе, равно как и прочие предприятия, была отписана в казну. Отныне начались хлопоты о том, чтобы Сенат пересмотрел свое решение о конфискации имущества.

Восемь челобитных подал в Сенат Глазов в тщетном ожидании благоприятного для себя решения дела. Пребывание в сто-

⁶⁷ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 931, л. 774.

лице привело промышленника «в крайнюю нищету». Роль его в эксплуатации Берсудского завода была, разумеется, ничтожной, ибо он, по собственному заявлению, «з женою и с малолетным сыном странствует, не имея нигде пристанища и пропитания». В конечном счете Глазову все же удалось добиться своего: его имущество после пятилетнего пребывания в ведомстве Канцелярии конфискации было ему возвращено.

Возвратившийся из столицы в родные края Глазов развернул бурную деятельность, и в частности, отстранил своего компаньона Маленкова от управления заводом в намерении стать его полновластным владельцем⁶⁸.

Жажда наверстать потерянное такими грубыми мерами, видимо, была связана с тем, что Глазов предстал в новом качестве не просто «синбирянина», а компаньона всесильного вельможи Александра Ивановича Шувалова. Можно предположить, что во время своего пребывания в столице и хождения по присутствиям Глазов познакомился с шуваловскими приказчиками и не пожалел красок, чтобы в самом привлекательном виде обрисовать богатства найденных им рудников. В результате вельможа и симбирский купец заключили контракт о постройке трех медеплавильных заводов. Этому начинанию сопутствовала одна неудача за другой, и ловкий Глазов значительно раньше графа обнаружил бесперспективность их совместной затеи. Ссылаясь на свое «несостояние», Глазов вышел из компании, сумев неведомым образом получить у графа, не любившего расставаться с тем, что однажды уже попало к нему в карман, соответствующую компенсацию⁶⁹.

Жалоба Глазова на отсутствие средств вряд ли соответствовала действительности. Дело в том, что три недели спустя после исключения Глазова из компании Берг-коллегия рассматривала его новое доношение (10 апреля 1758 г.), в котором он просил разрешения самостоятельно построить медеплавильный завод. Это наводит на мысль, что Глазов, руководивший постройкой Вознесенского завода, не упустил возможности поживиться за счет не очень искушенного в делах графа. О наличии средств у Глазова свидетельствует и необычайно быстрое сооружение им медеплавильного Богословского завода: этот завод с четырьмя печами, расположенный в Уфимском уезде на р. Кучуе, начал плавку меди менее чем через 12 месяцев после получения разрешения на его постройку — в феврале 1759 г.⁷⁰

Спустя несколько лет Глазову удалось уладить спорное дело со своим компаньоном по владению Берсудским заводом. 24 февраля 1760 г. обе стороны, «поговоря ныне между собою

⁶⁸ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 31, лл. 148—150, 152, 157; д. 288, л. 464; Госархив, разряд XIX, д. 929, лл. 6, 9—15.

⁶⁹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 288, лл. 391—394

⁷⁰ Там же, кн. 2303, л. 685.

полюбовно, чтоб по тому делу прѣостей и волокит больше не иметь», решили передать дело на рассмотрение третейского суда в составе известного промышленника И. Б. Твердышева, представлявшего интересы Г. И. Глазова, и владельца полотняной мануфактуры Василия Петровича Чурашова, действовавшего от имени А. Маленкова.

Приговором третейского суда Берсудский завод оставлен был за Маленковым. За выход из компании Глазову причиталась компенсация в размере 3 490 руб. В результате сложных пересчетов, при которых были приняты во внимание взаимные претензии, Глазов должен был получить наличными 1 200 руб. Каждому из них досталось в разделное владение по 33 рудника, а 36 остались в совместном владении⁷¹.

В 1748—1752 гг. производительность Берсудского завода не превышала 200 пуд. меди в год. Накануне крестьянской войны выплавка меди колебалась от 433 пуд. в 1770 г. до 663 пуд. в 1773 г. Одним из показателей упадка заводского хозяйства являлась из года в год увеличившаяся недоимка в поставке трехчастной меди в казну. Маленков умышленно продавал медь на рынке в надежде поправить свои дела за счет более высокой рыночной цены.

Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева не нанесла серьезного ущерба заводу. Комиссия, обследовавшая его, обнаружила, что «пожжения тут никакого не было», ибо повстанцы хотя и намеревались сжечь строения, но, «по прошению окольных жителей, дозволили затушить». Все же некоторый урон завод понес. По заявлению его владельца, было конфисковано 719 пуд. меди, предназначавшейся к отправке на монетный двор Екатеринбурга, а также часть заводских инструментов и личных вещей. На том основании, что Берсудский завод не был разрушен, его владельцу Берг-коллегия отказала в 1775 г. в предоставлении просимой восьмидесятичной ссуды.

В 1777 г. Артемий Маленков умер, оставив наследникам — сыновьям Ивану и Алексею — недоимку в 3 960 пуд. трехчастной меди. Наследники увеличили эту недоимку еще на 610 пуд.

В 1785 г. братья Маленковы решили принять в компанию вологодского купца Петра Попова и его жену Агриппину Михайловну, которые обязались внести на исправление завода и его пуск на полную мощность 11 тыс. руб.⁷²

Сведений о дальнейшей судьбе Берсудского завода у нас нет. Последний раз он упоминается среди действующих предприятий в сводной ведомости за 1782 г. В ней сказано, что в 1781 г. на заводе было выплавлено 92 пуд. меди. Однако в ведомости о выплавке меди, начинающейся с 1783 г., Берсудский завод уже не значится. Видимо, к этому времени он пре-

⁷¹ Там же, кн. 1176, лл. 422, 427, 428, 430.

⁷² ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4422, лл. 460—475.

кратил свое существование. Попытка возобновить работу предприятия путем организации компании, надо полагать, окончилась неудачей.

Что касается Богословского завода, то он сохранился в списке действующих предприятий в течение всего XVIII в. Производительность этого завода была невысокой. Иногда он прекращал свою работу, иногда давал мизерное количество продукции. Так, завод стоял в 1792, 1793 и 1796 гг., в 1795 г. выплавил 103 пуд. меди, а годом раньше — 232 пуд. Максимальная выплавка падает на 1784 г., когда Глазову удалось получить 1 171 пуд. меди. Всего за 14 указанных лет Богословский завод выдал 6 654 пуд. меди⁷³. В начале XIX в. заводом владел сын основателя корнет Андрей Герасимович Глазов, передавший его затем своим трем сыновьям.

Казанский купец Иван Петрович Кобелев пустил медеплавильный завод с четырьмя печами в 1763 г., но интерес к горнорудному делу он проявил значительно раньше. В своем первом доношении в Берг-коллегию, поданном в конце 1759 г., он сообщал, что рудными поисками стал заниматься с 1754 г. и зарегистрировал в ведомстве Казанского горного начальства 15 рудников. Кобелев обнаружил удобное место за р. Вяткой на землях новокрещенных вотяков, у речки Пыжмы близ дер. Бадьи, где и намерен был построить завод⁷⁴.

Пробная плавка обнаружила бедность найденных руд, лишь в одном случае удалось получить из нее 3% меди, а в остальных содержание ее колебалось от 1 до 1,5%. Тем не менее Берг-коллегия в марте 1760 г. выдала разрешение на постройку медеплавильного завода с двумя печами и одной пильной мельницей. Строительные работы начались в августе 1760 г. Первую плавку меди на Пыжманском заводе произвели 15 января 1763 г.⁷⁵

Пыжманский завод принадлежал к числу небольших предприятий, к концу XVIII в. явно клонившихся к упадку. Кривая выплавки меди на протяжении 80—90-х годов XVIII в. катилась вниз без всяких отклонений, что свидетельствовало о скором закрытии завода. Если в 1783 г. выплавка меди составила 1 637 пуд., то в 1796 г. она снизилась до 119 пуд.⁷⁶

Промышленное хозяйство Кобелева испытывало серьезные финансовые затруднения. В 1797 г. Ивану и Афанасию Кобелевым, сыновьям основателя завода, было предъявлено вексельных претензий на 4 тыс. руб. Расстройство в делах промышленники объясняли рядом случайных обстоятельств — пожаром, дотла уничтожившим хлебную и пильную мельницы, и пр. Убыток, понесенный братьями, по их подсчетам, достигал 14 тыс.

⁷³ «Горнозаводская промышленность Урала...», стр. 114, 115.

⁷⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2303, л. 681.

⁷⁵ Там же, кн. 1175, лл. 470, 471, 478, 568, 570.

⁷⁶ «Горнозаводская промышленность Урала...», стр. 114, 115.

руб. Казанский городской магистрат, рабиравший вексельные претензии кредиторов Кобелевых, вынес неумолимое определение — просить Берг-коллегию разрешить продать завод с аукциона, с тем чтобы погасить долги. Указом 12 августа 1798 г. Берг-коллегия оставила завод за Кобелевыми, предложив им погашать долги прибылью⁷⁷.

Происхождение капиталов И. П. Кобелева выяснить не удалось. Зато отчетливо прослеживается связь с винокурением и винными подрядами у владельцев Шайтанских заводов братьев Ширяевых.

Гороховские купцы братья Ефим и Сергей Алексеевичи Ширяевы были потомственными винокурами. Их отец Алексей Иванович Ширяев владел в Пензенском уезде Климовским винокурренным заводом, оснащенным 48 кубами емкостью в 380 ведер. В 1740 г. он поставил в Москву 4 тыс. ведер вина. Сын Алексея Ивановича, будущий заводовладелец Ефим Ширяев курил вино на заводе, расположенном на речке Люлихе в том же Пензенском уезде. Этот завод был меньше Климовского, объем его 10 казанов составлял 144 ведра. В 1753 г. Е. Ширяев обязался поставить в Москву 6 тыс. ведер, а в 1754 г. — 3 884 ведра вина⁷⁸.

Металлургами братья Ширяевы стали в августе 1767 г., когда они за 50 тыс. руб. купили у Никиты Никитича Демидова Верхний и Нижний Шайтанские заводы. В 13-летний отрезок времени между запрещением купеческого винокурения и покупкой Шайтанских заводов Ширяева, видимо, занимались торговыми операциями внутри страны. Во всяком случае, в известных нам списках экспортеров Ширяевы отсутствуют. С 1767 г., когда к ним перешли Шайтанские заводы, на приобретение которых они издержали все накопления, «никаких других купецких торгов и промыслов» они уже не имели и всецело были заняты металлургическим производством⁷⁹.

Шайтанские заводы представляли самостоятельный металлургический комплекс — Нижний был оборудован домной, тремя действующими и одним запасным молотами, на Верхнем стояло два молота.

Летом 1771 г. Ефим Ширяев стал жертвой классовой мести заводского населения. 8 июня 1771 г. на Шайтанские заводы напали «незнаемые воровские люди». Нападение было совершено днем, в присутствии заводских людей, которые оставались безучастными свидетелями убийства заводовладельца, и «не зделали ни малого тем злодеям супротивления, а брату моему обороны», — как жаловался С. А. Ширяев⁸⁰.

⁷⁷ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2203, лл. 462, 519.

⁷⁸ ЦГАДА, ф. Камер-коллегии, д. 141, л. 2; д. 631, л. 1.

⁷⁹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1280, лл. 12, 18.

⁸⁰ Там же, кн. 1371, л. 671; А. Тапоров. О Васильевско-Шайтанском заводе. — «Пермский край», т. I. Пермь, 1892.

Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева не нанесла существенного ущерба Шайтанским заводам. Убытки, по исчислению Ширяева, составляли 19 553 руб., причем около половины этих потерь (9 760 руб.) приходилось на долю крестьян, дома которых были сожжены, а скот уведен. Домна, остановленная 7 января 1774 г., возобновила работу 28 мая того же года, а молот Верхне-Шайтанского завода — 16 марта ⁸¹.

Сергей Ширяев прожил долгую жизнь. Он умер в 1803 г., передав Шайтанские заводы своим сыновьям. Среднегодовая выплавка чугуна на заводе в 80—90-х годах составляла около 79 тыс. пуд.

В 50-х годах XVIII в. в ряды промышленников-металлургов вступили родственники известных в то время в деловом мире Осокиных — Федор Федорович и Василий Игнатьевич Осокины. Линия Осокиных, о которых речь пойдет ниже, как и более известная их ветвь шла от крестьян Троице-Сергиевой лавры. В 1744 г. Иван и Федор Федоровичи Осокины, уже будучи владельцами соляных промыслов, объявили о своем желании записаться в купечество г. Балахны. По мнению Балахнинской ратуши, просьбу челобитчиков надлежало удовлетворить, «ибо они имеют капиталы свободные, о чем и сами в прошении своем объявили нескрывтно» ⁸². Федор Осокин, помимо солеварения, занимался винокурением. В 1753 г. в Свияжском уезде ему принадлежал винокуренный завод с 24 кубами емкостью в 276 ведер ⁸³.

В 1735 г. Осокиным было разрешено купить к соляным промыслам до 200 дворов крепостных крестьян. На долю Федора и его дяди Василия Осокиных, совместно владевших Красноярскими соляными промыслами в Кунгурском уезде, приходилось 253 души м. п.

Последние годы эксплуатации соляных варниц вследствие бедности рассола были мало доходны, и поэтому Ф. Ф. Осокин ещё в 1752 г. начал поиски рудных месторождений с целью постройки металлургического завода, а в 1753 г. уже уведомил Казанское горное начальство о своих начальных успехах в этом направлении. Усердие Осокиных в строительстве металлургического завода подхлестнул сенатский указ 28 июня 1754 г., которым, основываясь на мнении Соляной конторы, было предписано закрыть Бардинский и Красноярский соляные промыслы Осокиных на том основании, что там варилась очень дорогая соль и в незначительном количестве. Сенат предложил Осокиным в течение шести месяцев продать крестьян, купленных ими к солеваренным промыслам ⁸⁴. Единственный способ

⁸¹ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4206, л. 118.

⁸² ЦГАДА, ф. Главного магистрата, оп. 1, д. 551, л. 1.

⁸³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 270, л. 461.

⁸⁴ ПСЗ, т. XIV, № 10250, стр. 171.

сохранить за собою крестьян состоял в постройке мануфактуры с последующим переводом на нее крепостных.

25 марта 1755 г. Берг-коллегия разрешила Василию и Федору Осокиным построить медеплавильный завод с четырьмя печами на р. Бемыше, притоке Вятки, причем солепромышленники одновременно с просьбой о строительстве завода возбудили ходатайство о переводе посессионных крестьян на строившееся предприятие.

Бемышевский завод дядя и племянник Осокины строили в две очереди. Первые две печи они соорудили в конце 1755 г., так что завод был «на малое» время пущен в 1756 г. Вторая очередь завода, две печи, была пущена в 1758 г.⁸⁵

В течение XVIII в. завод много раз менял владельцев, но несмотря на это оказался жизнеспособным и к началу XIX в. все еще продолжал выпускать медь. В 1758 г. умер один из основателей завода — Василий Игнатьевич, оставивший 17-летнюю жену Анну вдовой. Племянник покойного Федор Федорович быстро прибрал к рукам завод и подчинил своему влиянию вдову. От последней он добился заявления о том, что она принадлежавшую ей указную часть завода «по добровольному своему произволению» уступила ему, Федору Осокину, в «вечное владение»⁸⁶. Некоторое время спустя вдова отеклась от этого документа, утверждая, что Ф. Осокин вынудил ее подписать документ.

Когда в 1764 г. Анна Осокина, выйдя второй раз замуж за коллежского асессора Алексея Филипповича Крапивина, пыталась предъявить свои права на завод, якобы обманным путем захваченный Ф. Ф. Осокиным, то Сенат не поддержал ее претензий, оставив завод за наследниками Ф. Ф. Осокина, вдовой Татьяной Никитичной и ее двумя сыновьями Игнатом и Николаем⁸⁷.

Спор о Бемышевском заводе вновь разгорелся в 1775 г. К этому времени Игнат и Николай умерли. На завод одновременно претендовали брат Федора Федоровича Иван Федорович Осокин, дочь Ф. Ф. Осокина Матрена Федоровна, вышедшая замуж за Ефима Алексеевича Ширяева еще при жизни отца, и наследница по прямой нисходящей линии дочь Игната Федоровича Осокина Елизавета Игнатьевна. Спор закончился в 1777 г. в пользу Елизаветы Игнатьевны, вышедшей замуж за майора Лебедева. Купеческий завод оказался, таким образом, в дворянских руках⁸⁸.

К концу XVIII в. выплавка меди на заводе заметно упала. Если в 80-х годах в течение трех лет (1783—1785) среднегодовая

⁸⁵ ЦГАДА; ф. Берг-коллегии, кн. 1153, л. 106; кн. 1247, л. 716.

⁸⁶ Там же, кн. 1174, л. 647.

⁸⁷ Там же, кн. 41, лл. 54—56; кн. 2649, лл. 5—7.

⁸⁸ Там же, кн. 2119, лл. 529, 530, 536, 588.

выплавка меди превышала 1 500 пуд., то в дальнейшем она резко сократилась и в 90-х годах (1790—1796) составляла чуть более 700 пуд. в год⁸⁹.

Промышленное хозяйство сызранского купца Якова Семеновича Петрова было скромнее, чем у Лугинина и, тем более, у Яковлева, но его можно все же поставить в один ряд с ними. Подобно Яковлеву и Лугинину, Петров проник в ряды промышленников не сооружением новых заводов, а путем их покупки.

Петров был винокуром и владел крупными денежными средствами. Вряд ли, однако, большие накопления капитала мог обеспечить единственный винокуренный завод в Симбирском уезде, оборудованный 20 кубами емкостью в 280 ведер⁹⁰. Скорее всего винокурение и винные подряды явились исходным занятием с целью накопления более солидного капитала для последующего его вложения во внешнюю торговлю. К сожалению, подробных сведений о внешнеторговых оборотах Петрова в нашем распоряжении нет. Имеется лишь единственное свидетельство о том, что в 1772 г. он вывоз товаров за границу на 21 312 руб., а в 1773 г. привез на 7 400 руб.⁹¹

Первые шаги в промышленности Петров сделал в компании с М. С. Мясниковым. Компаньоны в 1762 г. купили у Мосолова Назе-Петровский завод. Через три года Мясников уступил свою половину завода «в вечное и потомственное содержание» Петрову.

Назе-Петровский завод в годы крестьянской войны подвергся полному опустошению. По подсчетам Петрова, сумма понесенных убытков, разумеется, преувеличенная, составила 73 767 руб. Факт сожжения завода признала и комиссия Берг-коллегии. Завод был сожжен 15 июня 1774 г., а пущен после восстановления 19 августа 1776 г.⁹²

В 1779 г. Я. С. Петров едва не стал владельцем еще двух заводов — Истинского-Залипяжского и Благовещенского. Генерал-аудитор-лейтенант Петр Кириллович Хлебников в марте 1774 г. одолжил у Петрова 50 тыс. руб. под залог Истинского-Залипяжского завода. Год спустя Хлебников еще раз обратился к услугам Петрова, одолжив у него под залог Благовещенского завода 200 тыс. руб.

Срок погашения долга был установлен в три года, причем по условиям заемного письма Петров автоматически становился владельцем заводов, если ему не будут своевременно возвращены взятые в долг деньги. В 1779 г. Петров решил реализовать свое право, благо генерал-аудитор-лейтенант к тому времени умер. Берг-коллегия 30 октября 1779 г. определила «помя-

⁸⁹ «Горнозаводская промышленность Урала...», стр. 114, 115.

⁹⁰ ЦГАДА, ф. Камер-коллегии, д. 30599, л. 332.

⁹¹ ЛОИИ, ф. Воронцовых, д. 570, лл. 110, 125.

⁹² ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4206, л. 108.

нутые заложенные Хлебниковым заводы... отдать во владение заводчику Петрову». В дело, однако, вмешался прокурор Берг-коллегии Николай Бутурлин. Ссылаясь на Берг-регламент 1739 г., четвертый пункт которого предписывал погашать долги из прибыльных денег, Бутурлин опротестовал указ Берг-коллегии. Последняя не спешила исправить свою оплошность, и указ, чтобы заводы за Петровым «не утверждать и потому учиненное прежде определение оставить без исполнения», вынесла только 27 февраля 1784 г. Подобное решение не устраивало Петрова, и он апеллировал в Сенат. Затянувшийся спор был разрешен только в 1803 г., когда дочь Петрова и вдова Хлебникова пришли к полюбовному соглашению⁹³.

К этому времени и Назе-Петровский завод перешел к Хлебниковым, поскольку единственная дочь Петрова Ирина вышла замуж за подполковника Хлебникова⁹⁴.

В течение последней трети XVIII в., когда наблюдается спад в развитии русской металлургии, список уральских промышленников рассматриваемой группы пополнился лишь двумя новыми фамилиями — Гусятниковым и Подьячевым.

Именитый московский гражданин Михаил Петрович Гусятников принадлежал к числу самых богатых купцов старой столицы.

Наличие специального исследования о роде Гусятниковых значительно облегчает изучение происхождения капиталов у этого купца⁹⁵. Деятельность торгового дома Гусятниковых прослеживается с XVII в. Гостиной сотни Сергей Захарьевич Гусятников в 1689 г. был целовальником Соболиной казны при Сибирском приказе. Ту же службу несколькими годами позже выполнял его брат Афанасий Захарьевич.

Петр Сергеевич Гусятников с четырьмя сыновьями — Михаилом, Алексеем, Прохором и Петром — в числе 17 компаньонов получил в 1730 г. на откуп пивную и водочную торговлю в Москве сроком на 10 лет. Е. А. Звягинцев среди источников обогащения Гусятниковых первое место совершенно справедливо отводит откупам. На этом поприще особенно отличился Михаил Петрович Гусятников, судя по окладным книгам 1748 г., владевший в Москве вторым по величине состоянием.

В 50—60-х годах XVIII в. М. П. Гусятников действовал совместно с другим воротилой, подвизавшимся преимущественно в Петербурге, Саввой Яковлевым. В 1755—1759 гг. оба они держали питейный откуп в Москве. На семилетие 1759—1766 гг. Гусятникову и Яковлеву удалось взять откуп не только в Москве, но и в Петербурге. Этот откуп компаньоны получили

⁹³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2123, лл. 1098—1128.

⁹⁴ А. С. Я р ц о в. Российская горная история, ч. IV, кн. 3, л. 84.

⁹⁵ Е. А. Звягинцев. Московский купец-компанейщик Михайла Гусятников и его род. — «Московский край в его прошлом», вып. 1. М., 1928.

в результате ожесточенной борьбы с конкурентом — петербургским купцом Семеном Роговиковым. Во время торга они одержали победу, «наддав» казне 210 тыс. руб. ежегодно сверх назначенной правительством суммы. Это «рачение интересу казны е. и. в.» тут же было оценено Сенатом, и он в том же 1759 г. «милостивейше» пожаловал «за учиненную на с.-петербургские и московские и питейные и протчие уборы наддачу» Савву Яковлева и Гусятникова с двумя сыновьями обер-директорскими чинами⁹⁶. В конце 60-х годов Гусятников держал на откупе питейные сборы в Иркутской губ.

Одновременно с откупными операциями Гусятников интересовался и промышленным производством. В 1745 г. он возглавлял промышленную компанию, владевшую мануфактурой по изготовлению шляп. Это было довольно крупное предприятие. В 1755 г. на нем, например, было изготовлено 112 тыс. шляп для армейских и гарнизонных полков и около 50 тыс. — для вольной продажи. К 70-м годам хозяйство Гусятникова состояло уже из трех мануфактур: к шляпной прибавилось две полотняных — в Москве на 19 станов и в с. Клишине Зарайского уезда — на 200 станов. Помимо перечисленных занятий, Гусятникова интересовала также торговля.

Промышленником-металлургом Пётр Михайлович Гусятников стал только в 1789 г., когда он за 200 тыс. руб. купил у Крашенинникова Преображенский медеплавильный завод. Крупными внешнеторговыми операциями Гусятников занимался и после покупки Преображенского завода. Эти-то операции едва не привели его к полному краху. В результате банкротства западноевропейских торговых фирм, наступившего после французской буржуазной революции, Гусятников лишился почти миллионного состояния. В его распоряжении остался лишь медеплавильный завод и полотняная мануфактура в Зарайской округе. Так как у кредиторов Гусятникова не было иного способа получить хотя бы часть долгов, кроме обеспечения бесперебойной работы названных предприятий, то один из кредиторов, амстердамский банкир Гессельгреен, заключил с промышленником контракт об оказании ему финансовой помощи. Гессельгреен обязывался финансировать работу Преображенского завода, но с тем условием, чтобы управление предприятием было изъято из компетенции обанкротившегося заводоладельца.

Банкир не приступал к выполнению своих обязательств без утверждения контракта верховной властью, и был назначен третейский суд, который, разобрав состояние дел Гусятникова, счел контракт полезным для кредиторов и спасительным для Гусятникова.

⁹⁶ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1167, л. 681.

Чем кончился этот любопытный случай банкротства, у нас сведений нет. Дело усложнилось тем, что не все кредиторы, изъявляли желание терпеливо ждать получения своей доли из-прибыли. Расплата с кредиторами действительно должна была затянуться на бесконечно долгое время, ибо общая сумма долга Гусятникова составила 1 265 391 руб. Преображенский завод, однако, в начале XIX в. значился действующим предприятием и числился за Гусятниковым, по-прежнему называвшимся имениным гражданином.

Последним по времени в уральскую металлургию вошел уфимский 3-й гильдии купец Алексей Матвеевич Меньшой Подьячев. 3 июля 1797 г. Берг-коллегия разрешила ему купить Шилвинский медеплавильный завод у Н. П. Красильникова. Вместе с заводским имуществом к Подьячеву переходило 208 душ посессионных крестьян, числившихся по пятой ревизии.

Купчая была оформлена 28 августа, а две с половиною недели спустя, 14 сентября, Н. П. Красильников умер. Как только это стало известно двоюродному брату умершего коллежскому комиссару, владельцу Коринского медеплавильного завода Семену Тихоновичу Красильникову, в Канцелярию главного заводов правления была подана явочная челобитная, где совершенная сделка была объявлена незаконной. Челобитная возводила обвинение как в адрес покупателя Подьячева, так и лиц, оказывавших содействие последнему. Челобитчик сообщал, что «упоминаемой брат мой от излишняго употребления им горячих напитков лишился совершенно здравого разсудка и управлять заводом тем был вне состояния». Этим воспользовались купец Подьячев и городничий города Мензелинска коллежский асессор Иван Иванович Микунов. Последний «усильным образом з заводу увозил к себе в город Мензелинск [Красильникова], где, увидя подлинно в одно время лишенного ево ума и разсудка, употребля свое коварство, напоил пьяным» и подsunул для подписи верующее письмо. Так как Красильников был настолько пьян, «что подписать онго не в состоянии, то городничий же, водя его руку с пером и подписал, а денег братом моим за завод Шилвинской ни от кого нисколько взято не было».

Ретивую защиту С. Т. Красильниковым интересов покойного объяснить нетрудно. Дело в том, что владелец Шилвинского завода был человеком одиноким, из родственников имел только сестру, жившую, по слухам, где-то в Твери, и поэтому Семен Красильников рассчитывал прибрать Шилвинский завод к своим рукам.

По доносу Красильникова началось следствие, тянувшееся до 8 октября 1798 г., когда Канцелярия главного заводов правления в своем определении нашла, что завод продан Подьячеву

«з дозволения Государственной Берг-коллегии и купчая постановлена на законном основании, а не так, как комиссар Семен Красильников, якобы Николаем Красильниковым тот завод в безумствии был продан, объявляет».

И все же достоверность этого заключения вызывает сомнения.

В следственном деле обращает на себя внимание факт, позволяющий думать о правильности изложенной Семеном Красильниковым версии. Городничий Микунов показал об уплате Подьячевым всей суммы причитавшихся за завод денег, т. е. 32 тыс. руб. Сделка была закончена 28 августа 1797 г., а Н. Красильников умер 14 сентября того же года. Трудно предположить, чтобы за 17 дней, семь из которых он чувствовал недомогание, Красильников мог издержать 32 тыс. руб. Между тем в описи имущества, оставшегося после смерти Н. Красильникова, отсутствуют наличные деньги. Ни слова о наличии оставшихся после Красильникова денег не говорят Микунов и Подьячев, хотя именно этот аргумент был бы весьма убедительным для доказательства того, что сделка была заключена без обмана. Напротив, Микунов заявил, что деньги Н. Красильниковым получены «сполна», но куда он их употребил, «того ему неизвестно». Все это делает вероятным предположение, что перед нами факт мошенничества, захват завода приемами, характерными для рыцарей наживы, не стеснявшихся прибегать к любым средствам, если эти средства могли умножить их богатство ⁹⁷.

Далеко на востоке от Уральского горнорудного района сложилось еще два очага металлургического производства. Речь идет о предприятиях, возникших в Восточной Сибири.

Основателем первого частного металлургического завода в Восточной Сибири был иркутский купец Федор Ланин. В 1739 г. он получил разрешение на постройку завода «поблизости Байкал моря на Анге речке», а привел его в действие 10 апреля 1741 г. Расходы на сооружение завода сам Ланин определял к 1745 г. в крупную сумму 17 106 руб. Отсутствие оборотных средств вынудило Ланина обратиться за финансовой помощью в казну. Чтобы «больше тот завод для здешней обширной губернии распространить», надо было, по расчетам Ланина, иметь 5 тыс. руб. Иркутская губернская канцелярия выдала просимые деньги при условии их возврата к 1 января 1745 г. Срок погашения ссуды истек, а Ланин вместо уплаты денег подал очередное доношение, в котором разъяснял, «что те деньги употреблены на всякие заводские расходы, а потому же и вырученные из продажи железа и чугуна деньги на содержание ж оного употребляются и затем к отдаче оных не имеет».

⁹⁷ ГАСО, ф. Уральского горного правления, оп. 1, д. 2677, лл. 2—34.

К осени 1746 г. Ланин уплатил только 1 073 руб. и, не погасив долга, «уехал собою в Москву». Ангинский завод прекратил работу. Иркутская губернская канцелярия в 1753 г. описала как завод и имущество Ланина, так «и у поручителей все имение». За имущество Ланина и его поручителей казна выручила 5 187 руб. 71 коп. Хотя эта сумма и превосходила размер ссуды, тем не менее казна насчитала на Ланина 4 484 руб. 60 коп. процентов. Взыскать эту сумму не было никакой возможности, так как к тому времени Ланин и его поручители умерли.

Между тем завод после отъезда Ланина в Москву бездействовал и остался без всякого присмотра. Иркутская губернская канцелярия трижды объявляла о продаже Ангинского завода, но желающих не явилось. Более того, Канцелярия пыталась навязать завод местным купцам в принудительном порядке, но безуспешно. Губернская канцелярия информировала Сенат, что сдать завод частным лицам «ни малой надежды не предвидится, а состоять и приходить тот завод будет время от времени в пущее опустение и ветхость». Кстати, к 1767 г. часть плотины была снесена и завод в связи с этим оценивался только в 402 руб.⁹⁸ Так как этой суммы было недостаточно, чтобы погасить числившуюся на Ланине недоимку, то Иркутская губернская канцелярия предложила Сенату «помянутой, заведенной заводчиком Ланиным завод со всем строением, материалами и припасами» конфисковать и передать в ведомство Берг-коллегии. Сенат сам не решил вопроса, а передал все донесения Иркутской губернской канцелярии на рассмотрение Берг-коллегии, чтобы последняя сделала «сходное с казенною прибылью и общенародною пользою на основании законов решение»⁹⁹.

Берг-коллегии понадобилось четыре года, чтобы выполнить это предписание Сената. Обследование состояния завода Берг-коллегия поручила Нерчинскому горному начальству. Шихт-мейстер Мирон Яковлев, отправленный Нерчинским горным начальством выполнять это поручение, донес, «что тот завод по починке некоторого обветшалого строения, т. е. плотины и протчаго, может действовать и к действию как руд, так и других материалов и лесов есть довольно», причем вследствие промерзания речки Анги завод может работать только семь месяцев в году — с 1 апреля по 1 ноября.

Мирон Яковлев, кроме того, произвел расчеты о затратах, необходимых для возобновления работы предприятия. Денежные расходы должны были составить 1 250 руб. Надлежало также обеспечить завод рабочей силой, для чего требовалось

⁹⁸ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 1510, л. 631; ф. Берг-коллегии, кн. 1279, лл. 11, 18—19.

⁹⁹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 45, лл. 129, 131.

97 мастеровых и 1108 душ приписных крестьян. Нерчинское горное начальство считало целесообразным «тот завод в партикулярные руки не отдавать, а быть единственно в казенном содержании для близости и способности к Нерчинским заводам». Напротив, следственная комиссия о Нерчинском заводе считала эксплуатацию этого предприятия казной невыгодной.

В октябре 1770 г. шуйский купец Григорий Наддачин просил передать ему завод по оценке, произведенной Иркутской губернской канцелярией. Наддачин обязался поставлять железо для Нерчинского завода по цене, включающей себестоимость плюс 5 коп. за пуд. Однако, сделав это заманчивое для Нерчинского горного начальства предложение, Наддачин исчез из поля зрения Берг-коллегии.

В ноябре 1773 г. с предложением взять Ангинский завод «вечное и потомственное содержание» обратился академик Академии художеств Роланд. Он обязался ежегодно поставлять Нерчинским заводам по 1 тыс. пуд. железа с причислением к себестоимости 10%. У Берг-коллегии Роланд просил предоставить ему мастеровых — доменного, плотинного и мехового подмастерьев, трех молотовых мастеров, унтершихтмейстера и шесть рудокопов.

Вопрос о судьбе Ангинского завода вновь рассматривал Сенат, затребовавший указом 20 января 1775 г. дополнительные сведения от Берг-коллегии, на какой срок передаются Роланду казенные мастера¹⁰⁰. Как в конце концов был решен этот вопрос, — сведений нет. Известно, однако, что Ангинский завод в XVIII в. так и не возобновил работы.

После основания Ангинского завода в строительстве металлургических предприятий Восточной Сибири наступил длительный перерыв. Лишь спустя четверть века там начало формироваться новое хозяйство, основателями которого выступили Походяшин и Власьевский.

Верхотурский купец Алексей Власьевский подобно большинству промышленников занимался винокурением и подрядами. В 50-х годах XVIII в. он владел, по крайней мере, двумя винокуренными заводами — Уховским и Фоминским. Вино он поставлял в Ялуторовский и Краснослободский дистрикты, а также в Тюмень и Туринск. О размерах этих поставок можно судить по данным табл. 2 (в ведрах).

Кроме того, Власьевский подрядился ежегодно в течение 1753—1757 гг. поставлять в Томск по 6 тыс. ведер вина. Стараниями откупщика, направленными на то, чтобы «в продаже в народное удовольствие остановки быть не могло», в Томске вина продавалось больше, чем было предусмотрено контрак-

¹⁰⁰ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4070, лл. 19—23.

том. Вместо 6 тыс. ведер было продано в 1754 г. 8 810 ведер, в 1755 г.— 6 546, в 1756 г.— 6 219 ведер ¹⁰¹.

Таблица 2

Поставка вина заводами купца ласьевского

Наименование пунктов	1751 г.	1753 г.	1754 г.	1755 г.	1756 г.
Ялуторовский дистрикт	209			2493	527
Краснослободский дистрикт	140				
Тюмень (совместно с Походяшиным) . .			6129		
Туринск		1045	6172	2879	5564
Итого . . .	349	1045	12 301	5372	6091

Трогательную заботу об интересах потребителей вина Власьевский проявлял не один, а в компании со своим земляком — верхотурским же купцом Максимом Михайловичем Походяшиным. Оба они были компаньонами по поставке вина в Тюмень, оба же выступили и в качестве основателей Язагажского завода.

5 декабря 1754 г. Власьевский и Походяшин донесли Канцелярии главного заводов правления, что обнаружили вверх по Енисею в 200 верстах от Красноярска железную руду и на речке Язагаж, притоке р. Енисей, в 100 верстах от рудников — удобное место для постройки завода. Руда оказалась богатой и содержала 53% железа. 17 февраля 1755 г. компаньоны получили разрешение Берг-коллегии на постройку домны и четырех молотов ¹⁰².

Строительство Язагажского (Язагашского) завода протекало очень медленно. Отчасти это объяснялось тем, что Походяшин оставил Власьевского. Из доношения, поданного Канцелярией главного заводов правления в мае 1760 г., видно, что к этому времени по делу о Язагажском заводе перед официальными инстанциями выступала не компания верхотурских купцов, а один Власьевский. Одновременно с постройкой завода он производил поиски руды, которые в 1759 г. увенчались находкой четырех месторождений меди. Эта находка должна была несколько изменить профиль предприятия — в 1760 г. Власьевский получил разрешение на постройку при заводе четырех медеплавильных печей. Плавка чугуна там началась в 1758 г. ¹⁰³

¹⁰¹ Там же, оп. 3578, лл. 695, 696, 710—712.

¹⁰² ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 270, лл. 300, 310—312; кн. 967, л. 73.

¹⁰³ Там же, д. 303, лл. 5, 9, 22.

Язагажский завод оказался недолговечным предприятием. Вскоре же после его пуска было обнаружено низкое качество руды, не выявленное почему-то во время пробной плавки, причем руда по мере разработки рудника резко ухудшалась.

Мысль закрыть убыточный завод, продукция которого не пользовалась спросом потребителей, пришла сыну основателя завода сразу же после смерти отца в 1765 г. Поразмыслив, Андрей Алексеевич Власьевский предпринял еще одну попытку сохранить завод путем обеспечения его рудой более высокого качества. Лишь потерпев в этом полную неудачу, наследник остановил работу домны 7 декабря 1767 г.

Со времени остановки домны между Берг-коллегией и подчиненной ей Канцелярией главного заводов правления, с одной стороны, и Власьевским, с другой, в течение многих лет велась переписка о возобновлении действия завода, но Власьевский наотрез отказывался.

Впрочем, в 1768 г. завод мог быть пущен, если бы Берг-коллегия согласилась с предложением Власьевского. Он предлагал на выбор — либо передать ему казенный Ирбинский завод, отстоявший от Язагажского на 270 верст, либо, напротив, принять от него Язагажский завод в казенное содержание. Смысл идеи Власьевского состоял в использовании чугуна Ирбинского завода, ибо на нем, по сведениям Власьевского, с 1760 по 1768 г. накопилось 84 529 пуд. чугуна высокого качества. Власьевский даже наметил маршрут перевозки чугуна с Ирбинского на Язагажский завод, который проходил по рекам Чулыме и Тубе. В принципе Берг-коллегия считала целесообразным передать Власьевскому Ирбинский завод, но не договорилась об условиях его передачи¹⁰⁴.

Передача Власьевскому казенного завода не состоялась. Тем не менее идея заводовладельца об использовании чугуна Ирбинского завода была на некоторое время реализована — его до 1770 г. доставляли на Язагажский завод для последующей переработки.

Что же послужило причиной остановки Язагажского завода? Прекращение его работы отчасти объяснялось острым недостатком рабочей силы. Канцелярия главного заводов правления была склонна, например, считать это единственной причиной прекращения работы домны: «домна остановилась не от чего другого, как от неимения довольных работных людей». Сам Власьевский, не отрицая влияния недостатка рабочих рук, признавал, что его вынудила остановить завод конкуренция мелких промышленников, которые построили такое количество горнов, что обеспечили рынок сыродутным железом «почти без всякого недостатку». Язагажский завод прекратил свое суще-

¹⁰⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, кп. 2149; д. 2, лл. 1, 3, 5, 32—37.

ствование после двенадцатилетней работы. В ведомости 1778 г. о недействующих предприятиях отмечается, что Язагажский завод «за негодностью и пресечением руд велено уничтожить, а владельца из заготовчиков выключить»¹⁰⁵.

Последним купцом, вложившим капиталы в восточно-сибирскую металлургию, был московский первой гильдии купец Иван Григорьевич Савельев, подвизавшийся в Сибири в качестве откупщика. С какого времени он стал заниматься этим доходным делом, у нас сведений нет. Самые ранние известия о его откупных операциях относятся к 1779 г., когда он дважды упоминается среди откупщиков — один раз главным откупщиком, другой — помощником Журавлева.

Московский купец Федор Журавлев взял на откуп питейные сборы на Уткинском и Ревдинском заводах, в Ялуторовске, а также в крепостях Тобольской линии — Ишимской и Туринской. В ведомости, откуда заимствованы эти сведения, сказано, что Журавлев принял в компанию И. Г. Савельева. Сумма откупа обоих купцов составляла 51 825 руб., причем они поделили между собою эту сумму почти поровну — на долю Савельева приходилось 26 705 руб. Второй раз Савельев значился в ведомости основным откупщиком, принявшим к себе в компанию собственного сына — московского купца И. И. Савельева. Отец и сын взяли на откуп питейные сборы в Пелыме и Таре на 16 900 руб.¹⁰⁶

Сколачивание промышленного хозяйства в Восточной Сибири Савельев начал с постройки в 1773 г. в Иркутске стекольного завода. Год спустя он заявил о своем намерении построить медеплавильный завод, который он пустил 17 октября 1775 г. и назвал Ключе-Воскресенским. Постройка этого завода, оборудованного четырьмя медеплавильными печами, отстоявшего от Иркутска на 656 верст, обошлась Савельеву, по его собственным расчетам, в огромную по тому времени сумму — 60 тыс. руб.¹⁰⁷ Если даже Савельев увеличил для солидности сумму своих затрат вдвое, то и в этом случае его действия, связанные с постройкой завода, были безусловно опрометчивы. Во-первых, Савельев не продумал вопроса, как он будет обеспечивать завод рабочей силой в безлюдном районе. Увенчавшиеся успехом обращения Савельева в Берг-коллегию и Сенат с просьбами прислать на завод ссыльных несколько смягчили острый недостаток в заводских кадрах, но все же не обеспечили завод необходимым персоналом. Во-вторых, Савельев допустил еще одну, пожалуй, самую главную оплошность, состоявшую в том, что он проявил полную беспечность в отношении изучения руд-

¹⁰⁵ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 3944, лл. 3, 14; ф. Берг-коллегии, кн. 2149, л. 38, кн. 1371, л. 513.

¹⁰⁶ ЦГАДА, ф. Портфели Миллера, портфель 385, т. II, ч. 1, лл. 8, 9.

¹⁰⁷ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2126, л. 155; кн. 2122, л. 454.

ных ресурсов, за что вскоре и поплатился. В 1782 г. завод был остановлен «по безнадежности руд», причем за семилетний период его существования было выплавлено ничтожное количество меди. Так, в 1776 г. завод дал 132 пуд., в 1777 г.— 454 пуд., в 1779 г.— 400 пуд., в 1780 г.— 264 пуд., в 1781 г.— 1 340 пуд. меди¹⁰⁸.

Свое промышленное хозяйство Савельев намеревался пополнить еще двумя готовыми заводами — казенным Ирбинским и частным Троицким. На Ирбинский завод, как мы знаем, претендовал также Власьевский. Однако условия, предложенные Власьевским, Берг-коллегия признала неприемлемыми и передала завод Савельеву¹⁰⁹.

Условия передачи Ирбинского завода Савельеву, утвержденные Берг-коллегией 18 июля 1774 г., были для казны более выгодными. Заводские строения передавались по оценке, а заготовленные припасы — по себестоимости. Все передаваемое имущество казна оценила в 13 266 руб., из коих на долю припасов падало 6021 руб. Стоимость припасов Савельев должен был погашать в течение пяти лет, а строений — в 10 лет. Савельев освобождался от уплаты десятинных и оброчных денег на пять лет¹¹⁰.

Получив Ирбинский завод, Савельев тотчас же приступил к его восстановлению. Дело близилось к пуску завода, но неожиданно для Савельева последовал указ Сената, временно отменявший определение Берг-коллегии о передаче ему Ирбинского завода. Этот указ отражал реакцию Сената на доношение томского купца Михаила Петровича Старкова, который считал заключенную Савельевым и Берг-коллегией сделку противозаконной, так как о продаже Ирбинского завода «никуда знать не дано», не сделано было также трехкратной публикации о предстоящем торге, в результате чего была «упущена» казенная прибыль. Берг-коллегия в передаче завода Савельеву не усматривала нарушений правопорядка, так как он отдан на условиях, продиктованных Берг-коллегией, а не Савельевым. Единственное условие, исходившее от Савельева, состояло в том, чтобы передача была совершена «без продолжения времени» и без «переторжки» с Власьевским¹¹¹. 7 декабря 1776 г. Сенат отменил свое прежнее решение¹¹².

Таким образом, Старков не достиг цели, не стал владельцем Ирбинского завода, но в то же время своим доношением в Сенат он нанес немалый материальный ущерб Савельеву. Пока разбиралось дело в Сенате, неполностью отремонтирован-

¹⁰⁸ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4377, л. 43; кн. 4331, л. 473.

¹⁰⁹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 53, л. 258.

¹¹⁰ Там же, кн. 2619, л. 27.

¹¹¹ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4070, лл. 233—242.

¹¹² Там же, л. 301.

ный завод стоял опечатанным, а его оборудование приходило в ветхость. Возвращенный Савельеву завод был пущен только в 1780 г. и за 10 лет работы (1780—1789 гг.) выплавил 170 809 пуд. чугуна ¹¹³.

В планы Савельева входило овладение еще одним предприятием — Троицким медеплавильным заводом, пущенным в 1772 г. и расположенным в 386 верстах от Иркутска. Этот завод с четырьмя печами, принадлежавший московскому купцу Егору Сабину, плавил медь «конными, а не водяными машинами».

Здесь Савельеву пришлось пережить еще большие неприятности, чем во время приобретения Ирбинского завода. Дело в том, что Савельев и Сабинин о продаже Троицкого завода за 600 руб. решили информировать не Берг-коллегию, куда им надлежало написать доношение, а начальство поближе — Иркутского губернатора Федора Глебовича Немцова, а последний лишь в сентябре 1776 г. поставил в известность Берг-коллегию о случившемся. Это нарушение субординации было расценено Берг-коллегией как вмешательство общей администрации в горные дела, и сделка не была утверждена ¹¹⁴.

Итак, промышленное хозяйство Савельева состояло из двух металлургических заводов: Ключе-Воскресенского медеплавильного и Ирбинского железоделательного. Первый из них действовал в течение восьми лет и был закрыт из-за отсутствия достаточно богатых руд и недостатка рабочей силы. В последующие годы правительство сделало ряд неудачных попыток возобновить действие этого и других остановившихся предприятий, расположенных в Сибири.

В 1784 г. генерал-прокурор кн. А. А. Вяземский, рассматривая список закрытых в Сибири заводов, высказал в отношении Ангинского завода, основанного Ланиным, Троицкого завода Сабинина и Ключе-Воскресенского завода Савельева предложение поручить Иркутскому и Колыванскому генерал-губернатору Якобию выяснить, «не можно ли из тех заводов зделать какого-либо с казенной стороны употребления или не отыщутся ли желающие те заводы купить и привести в совершенное действие» ¹¹⁵. Сенат согласился с этим предложением и поручил Канцелярии Иркутского и Колыванского генерал-губернатора обследовать состояние названных заводов.

Обследование Ключе-Воскресенского завода, произведенное в 1784 г., выявило, что он совершенно разрушен, Иркутская казенная палата пришла к безутешному выводу, что при восставлении предприятия его надо отстраивать заново ¹¹⁶.

¹¹³ Там же, кн. 4377, л. 43.

¹¹⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2121, лл. 927—929, 941.

¹¹⁵ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4377, лл. 43, 44.

¹¹⁶ Там же, кн. 4331, лл. 453—455.

Горная экспедиция, заменившая к этому времени Берг-коллегию, на заключение которой попало мнение Иркутской казенной палаты, не только поддержала его, но еще более углубила мотивировку казенной палаты о бесперспективности восстановления как Троицкого, так и Ключе-Воскресенского заводов. Горная экспедиция считала самым уязвимым местом обоих заводов бедность их рудной базы. Удорожало себестоимость меди и то обстоятельство, что рудники находились в 300 верстах от завода. Вывод мог быть только один — восстанавливать, а затем эксплуатировать остановившиеся заводы на средства казны было явно убыточно, а, следовательно, и нецелесообразно. Тогда правительство решило передать их в частные руки. Однако публикация в Петербургских и Московских ведомостях о продаже заводов, осуществленная во исполнение сенатского указа 9 июня 1786 г., не привлекла ни одного покупателя. Ключе-Воскресенский и Троицкий заводы навсегда прекратили свое существование¹¹⁷.

Несколько иными были условия закрытия Ирбинского завода. Если Ключе-Воскресенский завод был закрыт самим Савельевым, то Ирбинский завод прекратил существование в результате вмешательства казны и конфискации предприятия. Ирбинский завод, как упоминалось выше, после передачи его Савельеву возобновил свою работу только в 1780 г. Как и прочие предприятия Сибири, он испытывал затруднения с рабочей силой. В этой связи в 1782 г. была предпринята остроумная попытка найти выход из положения. 1 ноября этого года владелец Ирбинского завода Савельев и владелец Язагажского завода, расположенного в той же Иркутской губ., Власьевский обратились в Берг-коллегию с просьбой санкционировать заключенный между ними контракт, состоящий в следующем: Язагажский доменный и передельный завод Власьевского стоял без действия «по неимению в доброту хороших руд». В свою очередь Ирбинский завод не мог производить достаточного количества железа для Нерчинских сереброплавильных заводов «за неимением по малолюдству вольнонаемных работных людей». Выход из этих затруднений состоял в кооперировании предприятий обоих промышленников. Так как это доношение было отправлено в конце 1782 г., т. е. накануне упразднения Берг-коллегии, то его передали на рассмотрение Тобольскому наместничеству. Сведений о решении Тобольского наместнического правления у нас нет, но, видимо, эта попытка не удалась, так как не видно, чтобы Язагажский завод возобновил работу.

Что касается Ирбинского завода, то он продолжал работать вплоть до конфискации в январе 1789 г. Причиной конфискации завода явились неоплатные долги Савельева, его полная

¹¹⁷ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4377, лл. 49, 53.

финансовая несостоятельность. Недоимка только по десятинным и оброчным деньгам составляла 7689 руб. Кроме того, Казенная палата считала необходимым удержать с Савельева 1800 руб., переплаченных ему «за зделанные дорогими ценами землепахотные инструменты». Иркутская казенная палата предъявила иск Савельеву за перевод ссыльных поселенцев, за снабжение их мукой и т. д. Но основной начет на Савельева сделала Тобольская казенная палата, которой он не уплатил откупных денег. Общая сумма долга Савельева составляла 54 891 руб. Такую недоимку практически было невозможно погасить прибыльными деньгами, как то предписывал Берг-регламент 1739 г. Но, конфисковав завод, казна установила, что его стоимость далеко не покрывает числившегося на заводладельце долга. Поэтому через полгода завод был возвращен Савельеву, но он отказался его пустить. В свою очередь Иркутская казенная палата, которой было предложено взять завод в свое ведомство для организации производства железа, употребила немало стараний, чтобы убедить Сенат в убыточности эксплуатации завода. По мнению Казенной палаты, продукция завода не будет пользоваться спросом, так как «по избыточеству руд в Енисейской округе» местные жители в рудных горнах добывают столько железа, что его вполне достаточно для нужд населения Восточной Сибири, а спрос казенных ведомств может удовлетворяться действовавшим Томским заводом ¹¹⁸.

Пока велись бюрократическая переписка, осмотры и обследования завода и почта преодолевала тысячеверстные расстояния от Петербурга до Иркутска, заводские сооружения разрушались. Половодье 1793 г. разрушило плотину. Восстановление завода требовало уже 9800 руб., т. е. больше, чем он оценивался в год конфискации. Через два года, в 1795 г., механик Пospelов и дворянский заседатель Огневский, обследовавшие завод, донесли, что он настолько обветшал, что уже не подлежал восстановлению, все надо было строить заново. Только в 1798 г., когда от завода осталось одно название, Сенат распорядился о его продаже. Публикации на этот счет стали появляться с 1799 г., но покупателей не было. И. Г. Савельев к этому времени умер, а его сын, поручик Иван Иванович Савельев, отказался как от наследования имущества своего отца, так и от уплаты его долгов ¹¹⁹.

* * *

Изученный материал позволяет сделать вывод о крайней неустойчивости мелких мануфактур и их владельцев. В самом

¹¹⁸ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2148, лл. 434, 436.

¹¹⁹ Там же, кн. 2619, лл. 7, 8, 13, 15, 121—125, 148.

деле, на протяжении XVIII в. на территории Урала и Сибири 29 мелким мануфактуристам принадлежало 32 завода. Большинство купцов выступало в роли основателей предприятий и только пять прибегли к покупке готовых заводов (Ширяевы, Петров, Гусятников, Иноземцев и Подьячев), а два промышленника (Небогатов, Савельев) получили заводы от казны. Характерно, что из 22 основателей заводов к концу века в списке заводоладельцев осталось только трое (Глазов, Кобелев, Иноземцев). Для прочих купцов предпринимательство закончилось катастрофой — в одних случаях катастрофа была полной и сопровождалась совершенным разорением заводоладельца и прекращением работы завода (Тряпицын, Небогатов, Каркин, Маленков, Ланин, Шапкин, Колесов, Власьевский, Савельев), в других случаях дело ограничивалось разорением промышленника, а его предприятие переходило к другому заводоладельцу (Шавкунов, Мясников, Прозоров, Дряхлов, Вяземский, Панов, Плотников, Келарев, Ляпин), наконец, один промышленник (Осокин) породнился с дворянином, и завод перешел к последнему в качестве приданого, а другой (Ливенцов) решил, что ему выгоднее вернуться к торговле, чем заниматься металлургией.

После всех катастроф, продаж и покупок предприятий в конце XVIII в. в металлургии Урала и Сибири осталось шесть промышленников, за которыми числилось семь заводов. Производительность трёх из них была ничтожной и составляла в 1795 г. 629 пуд. меди, т. е. в 18,5 раза меньше, чем производительность одного Преображенского завода, принадлежавшего Гусятникову.

Почему процент отсева мелких мануфактуристов был столь высоким, а сопротивляемость их хозяйств всякого рода невзгодам оказалась столь слабой? Почему рассмотренная выше история большинства промышленных хозяйств есть история их медленного угасания? Вспомним, что из 69 заводов, входивших в состав крупных хозяйств, прекратило существование только два, в то время как из 19 мелких заводов отсеялось семь.

Наиболее четко прослеживаются причины гибели сибирских заводов. Попытка создать восточносибирскую металлургию в XVIII в. потерпела полную неудачу. Не только купцы, но даже экономически мощная казна вынуждены были отказаться от предпринимательства в Восточной Сибири. Основная причина состояла в неудачном выборе места под заводы. Под этим мы подразумеваем всю совокупность как социальных, так и природных условий. Показателем ошибочности выбора места может служить хотя бы то обстоятельство, что со времени закрытия Ангинского, Язагажского и Ключе-Воскресенского заводов приписанные к ним рудники по сей день не нашли промышлен-

ного применения, несмотря на то, что Восточная Сибирь, как и вся страна, прошла путь от феодальной формации к социалистической.

Рудная база предприятий оказалась неудовлетворительной либо в количественном (Ключе-Воскресенский завод Савельева), либо в качественном отношении (Ангинский и Язагажский). Изделия последних заводов по своему качеству несколько не превосходили изделия сыродутных горнов. Поэтому ни в одном районе мануфактуристы не домогались с таким упорством закрытия ручных горнов, как в восточносибирском. Трудность сбыта изделий восточносибирских мануфактур обуславливалась и относительной узостью местного рынка, на который были рассчитаны мануфактуры. Обслуживаемая заводами периферия занимала огромные и слабо заселенные пространства, малодоступные для продажи изделий. Такие районы с большим успехом обслуживали владельцы ручных горнов. Наконец, имела значение неполная обеспеченность предприятий рабочей силой: местный рынок рабочей силы был еще очень узким, а на приписных и покупных крестьян промышленники рассчитывать не могли.

Если промышленники Восточной Сибири не выдерживали конкуренции с мелкими товаропроизводителями, то владельцы мелких мануфактур на Урале в конечном счете погибали от конкуренции крупных промышленных хозяйств. При экстенсивных формах эксплуатации полезных ископаемых на устойчивость хозяйства огромное влияние оказывают его размеры. Любопытные рассуждения на этот счет имеются у А. С. Ярцова: «Поелику у таковых хозяев, кои владеют многими заводами и весьма обширными.., при них действиями всегда один завод другому помогает: если чего при одном недостает, то с другого добавляется, а если где при одном что дорого стоит, при другом дешевле обходится, а чрез то самое наверстывание и может выигрывать заводской хозяин довольную пользу без дальнего в оборотных капиталах своих ущерба»¹²⁰. Между тем владелец единственного предприятия лишен был возможности маневрировать рабочей силой, сырьевыми запасами и т. д. Любое несчастье, постигшее завод, создавало непреодолимые трудности.

Но особое напряжение для мелких промышленных хозяйств создавала медленная оборачиваемость капитала, вызывавшая колоссальное напряжение финансовых ресурсов заводладельца. Стоило на трехлетнем пути оборачиваемости капитала возникнуть непредвиденному затруднению, как оно перерастало в катастрофу. При отсутствии дешевого кредита промышленник

¹²⁰ А. С. Яр ц о в. Российская горная история, ч. IV, кн. 2, л. 40.

попадал в цепкие лапы ростовщика, в роли которого нередко выступал дворянин. Например, вексельные долги М. С. Мясникова составили 57 525 руб., в том числе действительному тайному советнику А. Г. Жеребцову 4 тыс. руб., коллежскому советнику Савве Тетюшеву 22 340 руб., надворному советнику А. Кандалаеву 10 635 руб. и т. д.¹²¹ Небогатов, Каркин, Тряпицын и другие промышленники, издержав свои скромные накопления на постройку заводов, также не располагали необходимыми капиталами для их эксплуатации и в конечном счете разорились.

¹²¹ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 3944, л. 182.

КАЗЕННЫЕ ЗАВОДЫ В РУКАХ ДВОРЯН

В истории русской металлургии значительный интерес представляет изучение предпринимательства верхов дворянства. Предпринимательство представителей придворной знати, как и дворянское предпринимательство в целом, отражало начавшийся процесс разложения феодально-крепостнической системы. Стоявшие у власти вельможи обратили взоры на казенную собственность. Овладение этой собственностью носило специфические черты, в которых нетрудно разглядеть новые явления в жизни страны. Передача казенных заводов в известной мере напоминала средневековое пожалование,— настолько эта передача была льготной для дворян. Новое здесь состояло в том, что абсолютизм стал распоряжаться неведомыми ранее экономическими ресурсами — промышленными предприятиями. Новые объекты обязывали дворян по-новому организовать их эксплуатацию. С этой задачей они, как увидим ниже, не справились.

Переход казенных заводов к вельможе впервые зарегистрирован в конце XVII в., когда дядя Петра II боярин Лев Кириллович Нарышкин получил в вотчинное владение Каширскую группу заводов, основанных Марселисом и Акемою. В январе 1705 г. Лев Кириллович Нарышкин отказал заводы своему сыну Александру.

Родственнику царя еще в 1690 г. были предоставлены две существенные привилегии. Во-первых, Нарышкин получил преимущественное право снабжения всех казенных учреждений продукцией своих заводов. Для XVII в., когда потребность рынка в продукции металлургических мануфактур была еще невелика, казенные поставки, осуществляемые по рыночным ценам, считались большим преимуществом, в то время как в послепетровское время они превратились в тяжкую обузу, от которой мечтали освободиться все заводовладельцы. Во-вторых, промышленное хозяйство Нарышкина пользовалось иммунитетом, находясь вне ведома центральных и местных правительственных учреждений. Это обстоятельство самым отрицательным образом отразилось на освещении истории заводов Нарышкиных фондом Берг-коллегии, в котором нам удалось обнаружить всего лишь два довольно суммарных описания их предприятий — первое составлено в 1734 г., второе — в 1766 г. Из первого описания явствует, что Нарышкин в 1690 г. получил пять заводов: Вепрейский и Ченцовский доменные и три молотовых — Соломыковский, Ведминский и Елкинский. Обе-

спеченный спрос на изделия позволил Нарышкину расширить доменное производство за счет постройки на Ченцовском заводе двух домен. Ведомость 1734 г. не зарегистрировала роста производства заводов. На Вепрейском заводе домна стояла «праздна» с 1720 г. Не работали домны и Ченцовского завода, причем одна остановилась в 1720 г., а другая — в 1732 г.

Принадлежавший Нарышкину промышленный комплекс включал 5 заводов, но все это были мелкие предприятия. Достаточно сказать, что каждый завод располагал одним только молотом дляковки полосного и связного железа. На Елкинском заводе, кроме того, стояло два молота для изготовления листового железа.

В отличие от доменных цехов, давно прекративших плавку чугуна, жизнь на молотовых «фабриках» в 30-х годах еще продолжала теплиться. Можно поэтому предположить, что бездействие домен объяснялось заготовкой впрок чугуна, который не успевали переделывать маломощные молотовые «фабрики».

Второй раз нарышкинские заводы были описаны шихтмейстером Макашевым в 1766 г. Хозяйство находилось во владении двух сыновей Александра Львовича Нарышкина — за Александром Александровичем числились Ченцовский, Елкинский и Вепрейский заводы, а за Львом Александровичем — Ведминский и Соломыковский. Все заводы к этому времени прекратили работу и многие из них успели изрядно обветшать. Правда, на Ченцовском заводе при плотине был сделан новый спуск и в удовлетворительном состоянии, видимо, находились все прочие сооружения, однако «руды, угля, извести и протчих заводских припасов не имеетца», отметил Макашев. На Елкинском заводе зарегистрирована молотовая мельница с двумя поставами, «а протчих заводских припасов ничего не имеетца». На Вепрейском заводе Макашев внес в описание ветхую молотовую и ветхий угольный сарай.

Заводы Льва Александровича Нарышкина прекратили действие еще раньше в связи с указом о закрытии огнедействующих предприятий. Плотина при Ведминском заводе находилась в исправном состоянии потому, что использовалась для мукомольной мельницы, а молотовая за ветхостью обвалилась. В таком же положении находилась и молотовая Соломыковского завода¹.

Таким образом, ранее всех пожалованные дворянину заводы ранее других прекратили свое существование.

Очередное пожалование заводов правительство произвело 60 лет спустя, когда уже налицо были результаты первого опыта. На этот раз заводы получил граф Александр Иванович Шувалов.

¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1213, лл. 410, 411, L; кн. 1072, лл. 223—226; кн. 1406, лл. 164, 168, 173 и др.

Предпринимательство А. И. Шувалова ярко иллюстрирует беззастенчивое использование власти и положения при дворе в корыстных целях. Для достижения цели Шувалов не пренебрегал никакими средствами — шантажом, угрозами и злоупотреблением властью. Едва ли в предпринимательстве Шувалова можно обнаружить хотя бы одну черту, положительно повлиявшую на развитие металлургии России. Напротив, промышленность Подмосковного металлургического района обязана Шувалову сокращением производства, уменьшением числа предприятий, разорением ряда купцов и исчезновением их из списка предпринимателей.

Превращение А. И. Шувалова во владельца металлургических заводов было актом полного произвола. Именным указом 13 февраля 1751 г. «за верные службы» он получил в вечное и потомственное владение Истецкие и Угодские заводы. Это было ударом прежде всего для прежних владельцев этих предприятий Меллеров. Конфискация у них заводов с последующей их передачей Шувалову была осуществлена вопреки горному законодательству. И Берг-привилегия 1719 г., и Берг-регламент 1739 г. торжественно провозгласили неотъемлемое право владения заводами и заверяли, что они не будут изъяты ни у нынешних владельцев, ни у их наследников, разве только когда промышленник проявит совершенно очевидное «нерадение» к эксплуатации предприятия, построит его «для лица», чтобы пользоваться обширными льготами и привилегиями, предоставляемыми мануфактурам государством, и в конечном счете «упустит» это предприятие, т. е. приведет его к запустению. Такого рода обвинений в адрес Меллеров, потомков основателей первых вододействующих заводов в России, указ 13 февраля 1751 г. не приводил. Не было в указе и обвинений Меллеров в невыполнении правительственных заказов на изготовление артиллерийских орудий и снарядов. Указ исходил из произвольного толкования предшествующих распоряжений правительства относительно Истецких и Угодских заводов. Указы 1705 и 1714 гг. оставляли названные заводы за Вахрамеем и Петром Меллерами «впредь неотъемлемо». Эта формулировка, в которой отсутствовали слова «в вечное и потомственное владение», давала «основание» Шувалову представить дело таким образом, что заводы были переданы Вахрамею и Петру Меллерам «на урочные годы», т. е. во временное владение.

В 1750 г. умер последний из «содержателей» заводов, о которых шла речь в указе 1714 г., Вахрамеем Меллер. Его дворовый человек Илья Петров обратился в Тайную канцелярию с доносом, в котором заявил, «что означенные де Истецкие и Угоцкие заводы и Вышегородская волость Меллерам пожалованы не в потомственное владение». В связи с этим у руководителя Тайной канцелярии А. И. Шувалова созрела мысль завла-

деть заводами. Шувалову было выгодно поверить в непогрешимую компетентность дворового человека в столь тонких юридических вопросах, чтобы, опираясь на его показания, хлопотать передачу заводов себе. Так появился именной указ 13 февраля 1751 г.

С какой поспешностью оформлялась эта передача и какими отрывочными сведениями о размерах промышленного хозяйства располагал Шувалов, свидетельствует тот факт, что в указе 13 февраля 1751 г. были названы только Угодский и Истецкий заводы, а также Вышегородская волость, т. е. все, чем, по представлению вельможи, владели Меллеры. Несколько месяцев спустя, в мае того же 1751 г., Шувалов установил, что Меллерам, помимо этих предприятий, принадлежали также Меншовский и Изверский заводы. Сенат, куда обратился с просьбой властный вельможа, услужливо распорядился передать ему и эти заводы на том основании, что они были построенные «не для особыности от Истецких и Угодских заводов, но для вспоможения оным», т. е. для перековки чугуна в железо.

Вместе с заводами и Вышегородской волостью Шувалов получил и 108 душ крестьян, купленных Меллерами на собственные деньги. Всем этим он должен был владеть на более льготных условиях, чем Меллеры. Последние должны были платить ежегодный оброк в сумме 409 руб., в то время как Шувалов получил заводы «без платежа оброку».

В дальнейшем надлежало организовать выгодную эксплуатацию предприятий, чтобы они приносили максимальные барыши, столь необходимые вельможе для столичной жизни. Для достижения этой цели Шувалов, используя свое влияние при дворе и в правительстве, действовал грубым нажимом на своих конкурентов, чтобы заставить «подлородных купцов» поступиться многим из того, чем они владели.

Построенный братьями Мосоловыми в Боровском уезде Архангельский молотовый завод наносил ущерб «старозаведенным» заводам, и граф нес «убыток от перекупки ими, Мосоловыми, у везущих охотно на ево заводы угля и руды». Шувалов поэтому просил, чтобы Архангельский завод на р. Луже был уничтожен, а на том самом месте ему было бы разрешено построить новый завод. Свою просьбу Шувалов мотивировал не только ссылками на то, что конкуренты поднимают цены на сырье и тем самым оказывают ему «помешательство» в изготовлении орудий и припасов к ним, но и юридическими правами. Когда это было выгодно Шувалову, он объявлял себя наследником льгот и привилегий, в свое время предоставленных Меллерам. В частности, он ухватился за обещание правительства, данное еще в середине XVII в. и подтвержденное в 1714 г., запретить строить заводы на определенной территории всем, кроме Меллеров. Так как Архангельский завод был расположен

в зоне, на которую распространялись в свое время монопольные права Меллеров, то Шувалов, несмотря на то, что Берг-привилегия 1719 г. и Берг-регламент 1739 г. фактически отменили монополию, все же счел возможным сослаться на эту монополию, чтобы потребовать уничтожения как Архангельского, так и Шанского заводов Мосоловых. Сенат и Берг-коллегия и на этот раз безропотно выполнили требования всемогущего вельможи. Да и сами Мосоловы были до такой степени напуганы, что, ограничившись вывозом рабочих и основного оборудования, решили уступить Шувалову деревянные и каменные постройки без всякого вознаграждения.

Не удовлетворившись этим, Шувалов нанес Мосоловым еще один удар. В ноябре 1754 г. он жаловался Берг-коллегии, что Мосоловы и Баташов, несмотря на сенатский указ об уничтожении заводов в радиусе 200 верст от Москвы, продолжают покупать руду на свои подлежащие уничтожению предприятия, вследствие чего чинится ему «немалое препятствие». Берг-коллегия немедленно отправила нарочного, чтобы он предупредил всех крестьян и старост о запрещении отвозить руду на заводы, подлежащие уничтожению. Воеводские канцелярии были предупреждены, что будут оштрафованы, а крестьяне подвергнутся наихудшему наказанию, если первые не установят должного контроля за продажей руды, а вторые осмелятся отвозить ее на заводы Мосоловых и Баташовых². Так распоясавшийся вельможа расправился с Мосоловыми.

Несколько позже очередь дошла до Баташовых. В Медынском уезде, где находился Изверский молотовый завод Шувалова, «не по дальному разстоянию» от него стояли два завода Родиона Ивановича Баташова. Один из них был молотовым и построен на той же р. Извере, на которой стоял завод Шувалова. Другой завод — Грязненский — имел доменный и передельный цехи. Граф писал в своей челобитной, что от заводов Баташова его предприятию «немалое препятствие последовать может во искоренении лесов». Кроме того, Шувалов высказал опасение, что Баташова будут «перекупку чинить руде ис тех же рудников», из которых довольствуются его собственные предприятия. Суть просьбы Шувалова состояла в том, «чтоб за вышеписанными резоны ево, Баташова, заводы молотовой Изверской, а доменной Грязненской из Медынского уезда повелено б было вывести и впредь как во оном Медынском уезде, так и в протчих уездах, где ево, генерала и кавалера, показанные заводы состоят, о нестроении заводов и о неперекупке руды с тех рудников, ис коих на ево, генерала и кавалера, заводы берет-ся,— о том о запрещении, куда надлежит, указом подтвердить».

У Шувалова не было никаких юридических оснований для

² ЦГАДА, ф. Берг-конторы, д. 51, лл. 1, 5, 6, 14.

требования уничтожить Грязненский завод. Сенат признавал, что этот завод в Медынском уезде Баташовы построили в 1727 г., т. е. в то время, когда Меллеры еще не владели ни одним предприятием в том же уезде. Разрешение на постройку Изверского завода Меллеры получили 12 лет спустя, в 1739 г. Сенаторы резонно заметили, «чтоб где они, Меллеры, вновь заводы завести могли и в тех бы уездах старые заводы уничтожать, того в той грамоте не изображено». Однако сенаторы сумели найти другое основание для уничтожения Грязненского завода. Дело в том, что завод значился в списке предприятий, подлежащих сносу вследствие своей близости к Москве. Баташовы энергично ходатайствовали о сохранении завода, заручившись на этот счет поддержкой учреждений, которым поставляли готовую продукцию; но Сенат, памятуя о просьбе «сенатора и кавалера Шувалова», все же оставил в силе свое прежнее постановление.

Сложнее обстояло дело с обоснованием уничтожения Изверского молотового завода, но Шувалову и здесь удалось добиться своего. Это предприятие, как и Грязненский завод, находилось от Москвы ближе 200 верст, но Баташов в 1755 г. получил указ Сената, которым по ходатайству Тульской оружейной канцелярии и Монетной конторы определено было сохранить его. Указом 18 января 1756 г. Сенат в угоду Шувалову отменил свое прежнее решение.

До тех пор, пока престол занимала императрица Елизавета Петровна, генерал-аншеф е. и. в., генерал-адъютант, лейб-компания поручик, действительный камергер и кавалер граф А. И. Шувалов пребывал в фаворе и широко пользовался всеми преимуществами временщика. Никто из обиженных Шуваловым не посмел даже в слабой форме выразить протест против его произвола. Когда же в 1762 г. к власти пришла императрица Екатерина II и старые вельможи должны были уступить свое место новым, на А. И. Шувалова уже можно было жаловаться, не подвергая себя опасности.

Первой обратилась с жалобой на Шувалова вдова Вахрамеева Петровича Меллера Елизавета Тимофеевна с двумя дочерьми. В челобитной, поданной в апреле 1763 г., она жаловалась на то, что Шувалов ничего не уплатил за построенные ими своим «коштом» заводы, за купленных крестьян и землю, за готовое железо и военные припасы, «отчего чрез 12-летнее время, претерпевая в горестных наших слезах, пришли мы во всеконечное раззорение и крайнюю бедность с лишением дневного нашего пропитания». Вдова просила Сенат «от потока слез наших избавить» и «вместо употребленных наших в те заводы и в прочее денег нас наградить». Шувалов немедленно ответил на эту челобитную заявлением, что он получил «все заводы обветшалые и как домны, плотины и прочее строение все

вновь с фундаменту перестроил и немалой капитал употребил». Так как он обязался поставлять артиллерийское литье по более дешевым ценам, чем это могли сделать казенные заводы, то, по его расчетам, казна получила прибыли «более сорока тысяч рублей, а прочие заводчики, которых в Московской губернии довольно число, к тому литью по многократным от артиллерии публикам ни один не явился, отчего я понес знатной убыток»³.

Жалоба вдовы Меллера обсуждалась в Берг-коллегии и Сенате. Последний, ссылаясь на прецеденты, расходился с Шуваловым в главном. Если граф считал, что заводы принадлежали Меллерам на праве условного и временного владения, то Сенат, напротив, вкладывал в слово «неотъемлемое» понятие вечного и потомственного владения. Извет Ильи Петрова, «что оные заводчики Меллеры без указа помянутыми заводами и волостью владеют», по мнению Сената, «никакой важности не содержит». Не отказывая Шувалову в праве владения заводами в дальнейшем, сенаторы считали необходимым частично удовлетворить просьбу вдовы Меллер. Они, например, полагали, что «до покупных Меллерами собственными деньгами людей и крестьян» Шувалову «дела нет, понеже те заводы не за вину у Меллеров описаны, а взяты под видом казенных»; сенаторы, далее, высказались за вознаграждение вдовы за военные снаряды, в свое время заготовленные Меллерами.

Императрица согласилась с мнением Сената. В ответ на утверждение Екатериной II доклада Сената Шувалов подал пространную челобитную, в которой прежде всего просил восстановить свою подмоченную репутацию, «ис того нареkania, как я в поднесенном докладе неповинно проискателем написан». Кроме того, Шувалов просил освободить его от уплаты вдове стоимости земли и крестьян, а также за изготовленные артиллерийские припасы, «дабы я по толь многопродолжительной верной и беспорочной моей службе от такого неповинного Сенатом нареkania не мог и от других иметь в том себе презрение».

В свое время Шувалов освобождался от уплаты оброчных денег, которые вносили Меллеры. Вельможа фактически пользовался еще двумя привилегиями, хотя они не были соответствующим образом оформлены. Налог, уплачиваемый Меллерами, складывался из двух элементов: оброка за Вышегородскую волость в размере 409 руб. и доменного обложения в сумме 3197 руб. Шувалов не платил ни того, ни другого налога. Указ от 13 февраля 1751 г. о передаче ему заводов, видимо, готовился с такой лихорадочной поспешностью, что составители его проекта не предусмотрели включения в него ряда суще-

³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 40, лл. 183, 186, 187; Госархив, разр. XIX, д. 91, лл. 6—13.

ственных пунктов. В частности, указ освобождал графа от уплаты оброчных денег, а он позволил себе не платить и доменных денег. Сенат в своем докладе Екатерине II резонно заметил, что «о доменном платеже в том указе нимаю не упомянуто, которой доменной платеж никогда оброком и не именовался». Сенат упрекал Берг-коллегию за то, что последняя не информировала его о том исключительном положении, в которое был поставлен Шувалов, «а единственно следовала только ко исключению, что в пользу ево, графа Шувалова, написано». В вину Берг-коллегии ставилось и то обстоятельство, что она построенные самим Шуваловым заводы «в своем ведении не имела и никаких ведомостей не требовала и о вновь заведенных и построенных никакова сведения донныне не имеет». Сенат предлагал передать все заводы Шувалова в ведомство Берг-коллегии, а также взыскать «за прошедшие годы подлежащей с них казенной збор». Екатерина II согласилась с мнением Сената. В силе оставалось только освобождение Шувалова от платежа оброчных денег, с отданных же Сенатом Меншовского и Изверского заводов «зборы платить он, Шувалов, безоговорочно должен». Равным образом и «те зборы, кои положены после вышеописанного именного указа он, Шувалов, со всеми наравне должен платить»⁴. Тем самым Шувалов в 1765 г. был лишен существенных привилегий, которые были отчасти предоставлены ему именным указом, а отчасти узурпированы самим.

Слухи о том, что Шувалов более не пользуется милостью верховной власти, стали достоянием и Мосоловых, и последние вслед за Меллерами в конце 1765 г. обратились в Сенат с просьбой, во-первых, вернуть им Архангельский и Нижне-Шанский заводы, оказавшиеся в руках Шувалова, а также компенсировать убытки в результате потери этих двух заводов, сумму которых они исчисляли в 100 тыс. руб. Челобитчики предложили и форму компенсации — освобождение от уплаты десятины на определенный срок⁵.

Получив соответствующую информацию от Берг-коллегии, Сенат и на этот раз встал в позу непогрешимого учреждения и проявил такую прозорливость и здравый смысл, что будь у него того и другого в 1753 г. во много крат меньше, Шувалов наверняка не получил бы принадлежавших Мосоловым заводов. Сенат подверг резкой критике позицию Берг-коллегии, занятую ею в 1753 г., когда она вопреки здравому смыслу доносила, что вследствие предоставленной Меллерам привилегии Мосоловым не надлежало строить Архангельского завода. В январе 1765 г. Сенат нашел, что «мнение той коллегии с обстоятельством дела было не согласное и противное законам тем наипаче, что и

⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 42, лл. 270, 271, 380—387.

⁵ Там же, кн. 43, л. 8.

самим Меллерам данная привилегия имела силу свою только до издания в народ именных Берг-привилегий и Регламента».

Теперь прозревший Сенат обнаружил, во-первых, что Мосоловы построили завод «не самовольно, но по данному им на то дозволительному указу»; во-вторых, что Меллеры, хотя и заявили в 1736 г. протест против постройки Мосоловыми Архангельского завода, но они к тому времени потеряли всякое право на место под завод, так как в течение 21 года не подавали никаких прошений о своем намерении построить там предприятие; наконец, в-третьих, Сенат не считал Шувалова преемником привилегий Меллеров, ибо Шувалов «получил меллеровские заводы и волость не за их, Меллеров, но за собственные свои службы».

Сенат рекомендовал императрице возвратить Мосоловым Архангельский и Нижне-Шанский заводы с условием, «что все то, что от них, Мосоловых, графу Шувалову на обоих тех заводах уступлено безденежно, и им получить ныне от него безденежно, а за что граф Шувалов платил им, Мосоловым, деньги, то направив того и оне ему возвратить должны толикую ж сумму».

Однако Мосоловы, как следует из челобитной Шувалова, не спешили расплатиться за Нижне-Шанский завод. В 1767 г. Шувалов жаловался, что Мосоловы не вернули ему 985 руб., которые он им уплатил в свое время. Не стали Мосоловы приобретать постройки, сооруженные Шуваловым и на Архангельском заводе, видимо, рассчитывая отомстить графу нанесением хотя бы небольшого ущерба. Что касается получения компенсации за отобранные заводы, то Сенат, хотя и не считал возможным исчислить размер убытка точно в 100 тыс. руб., но признал, что «чувствительный им оттого убыток из обстоятельств дела ясно доказывается», и рекомендовал императрице освободить всех Мосоловых от платежа попудных денег и поставок десятиной меди натурой сроком на два года⁶.

В результате возвращения заводов прежним владельцам хозяйство Шувалова значительно сократилось. Но оно, видимо, переживало кризисное состояние независимо от этих изъятий. Заводы испытывали недостаток в руде, угле и водных ресурсах. Все эти ресурсы в результате 130-летнего существования старейших в стране вододействующих металлургических заводов были исчерпаны. Последняя плавка чугуна на Угодском заводе была произведена в 1766 г. В 1778 г., когда Берг-коллегия рассматривала список недействующих предприятий, вдове Шувалова было предписано построить молотовый завод, а «при Угоцком заводе впредь иметь ежегодную выплавку чугуна непременно»⁷. Вдова, однако, не выполнила предписания

⁶ Там же, кн. 1259, лл. 321—325, 383.

⁷ Там же, кн. 1371, л. 511.

вследствие использования сырьевых ресурсов и недостачи в пруду воды.

Посланный Берг-коллегией шихтмейстер Гавриил Михайлов обнаружил, что рудники «давно пресекались и руды в них по чинимой им пробе нимало уже не оказалось». Шихтмейстер констатировал и полное истребление лесов. Наконец, и р. Угодка пересохла настолько, что, несмотря на обследование ее во время начала весеннего половодья, в пруду воды оказалось очень мало. Собранные данные послужили основанием для удовлетворения просьбы Шуваловой о сломе завода и исключении домен из платежа оброка. Указом Сената 6 августа 1779 г. домны было разрешено сломать, а оставшийся чугун перековать в железо. Угодский завод прекратил свое существование 30 июня 1780 г.⁸ Однако, несмотря на прекращение работы заводов, Вышегородская волость указом Сената от 27 февраля 1798 г. была оставлена «за его, графа Шувалова, наследниками, в вечном владении»⁹.

Помимо предприятий, расположенных в Европейской России, Шувалов владел одним медеплавильным заводом, построенным им на Южном Урале. Начало предпринимательства А. И. Шувалова на Урале ничем не примечательно, как и финал этого предпринимательства. Начиная строительство завода Шувалов в компании с купцом, а кончал его, как и в прочих случаях, о которых речь будет ниже, в одиночестве, в поисках выгодного покупателя убыточного предприятия.

Заявку на постройку медеплавильных заводов Шувалов подавал, еще не располагая рудной базой. В Уфимском уезде он закрепил за собою 6 ноября 1753 г. два места — одно на р. Сюрень, другое — в верховьях рек Большой и Малой Ик. Рудники у Шувалова появились лишь в конце апреля следующего года. Их уступил вельможе «синбирянин» Герасим Глазов. Впрочем, то, что уступил Глазов, еще нельзя было назвать рудниками. Дело в том, что их в свое время обнаружил приказчик Глазова Михаил Серебряков. Глазов доносил, что «за хождением моим по делу в правительствующем Сенате по неповинному в Казанской губернии от ревизии отнятого у меня всего моего имения те отысканные рудники я не освидетельствовал и не разрабатывал». Указать местонахождение этих рудников мог только Серебряков, поэтому в челобитной об уступке ему медных рудников Шувалов затребовал «для указания» их саранского посадского человека Серебрякова. Не очень полагаясь на этого Серебрякова, Шувалов на всякий случай для сыска новых рудников затребовал от Берг-коллегии на свой счет одного шихтмейстера и четырех специалистов по руде.

⁸ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2122, лл. 937—940, 962, 971.

⁹ Там же, кн. 2766, л. 59.

Знакомство Шувалова с Глазовым привело к объединению их в компанию. В том же апреле 1754 г. между компаньонами был оформлен контракт «с таким договором, что те заводы выстроить и произвести в действие ему, Глазову, а капиталу, что потребно будет на строение тех заводов и к заготовлению и на всякие в произведение тех заводов потребности положить нам пополам». Контракт определял последовательность постройки предприятий: сначала компаньоны намеревались построить завод в верховьях Большого и Малого Иков, для чего каждый из них в течение 1754—1755 гг. обязан был внести по 7 тыс. руб. Строительство второго завода должно было осуществляться «по выручке за выплавленную на том первозаведенном заводе медь ис прибыльных денег». Роль главного распорядителя при строительстве и эксплуатации заводов отводилась Глазову. Он нанимал рабочих людей и конторских служителей, ему же подчинялись поверенный Шувалова и бухгалтер. Срок действия контракта устанавливался в 5 лет — с 1755 по январь 1760 г.¹⁰

Этот союз купца с вельможей представляется загадочным, ибо совершенно неясно, что он сулил Глазову, в особенности если вспомним, что контракт был заключен сроком на 5 лет и что получаемая прибыль должна была поступать не в распоряжение каждого из компаньонов, а на строительство нового завода. Остается предположить, что Шувалов оказал какую-то услугу Глазову, когда последний обивал пороги Сената, добиваясь возвращения конфискованного имущества, а, быть может, Глазов рассчитывал на влияние вельможи в правительственных сферах при получении каких-либо привилегий.

Строительство Покровского завода на р. Большой Ик осуществлялось в соответствии с условиями контракта. Его сооружение продвинулось далеко вперед, но в августе 1755 г. он был «бунтующими ворами башкирцами разорен». С 1 июня 1756 г. компаньоны возобновили постройку завода под охраной воинской команды, вооруженной двумя пушками. Восстановительные работы компаньоны начали с сооружения деревянной крепости и обнесения заводского места рогатками. Наконец, 1 апреля 1757 г. Покровский завод был пущен, но действовал всего несколько дней, так как заводу «учинилось от большой вешней воды немалое разорение, вешняк весь и фабрику и две плавильные печи разнесло и размыло без остатку». Компаньоны приступили к «третичному» восстановлению предприятий. Три медеплавильные печи были пущены 8 ноября 1757 г. По более поздним данным, строительные и восстановительные работы потребовали от компаньонов расходов, превышающих 100 тыс. руб.

¹⁰ Там же, кн. 726, лл. 915, 916, 934, 947, 954, 958, 959.

Подобные затраты оказались не под силу Г. Глазову, и он вышел из компании раньше срока — весной 1758 г. Достойно удивления, что компаньоны разошлись мирно — Глазов оставил половину завода Шувалову, предварительно получив за уступленную часть причитавшиеся деньги. Шувалов, таким образом, стал полновластным владельцем Покровского завода¹¹.

Эксплуатация Покровского завода, оборудованного шестью печами, в первые годы его существования производилась довольно успешно. Достаточно сказать, что в 1760 г. на заводе было выплавлено 4556 пуд. меди. Этому в немалой мере способствовала полученная Шуваловым в том же, 1760 г., монополия на поиски и добычу руд в течение 10 лет по левую сторону р. Яик в «рассуждении понесенных им, Шуваловым, тому его заводу несчастливых приключений»¹². В 1762 г. Шувалов обратился в Берг-коллегию с просьбой отвести место под строительство еще одного медеплавильного завода, сооружение которого предусматривали его челобитная, поданная еще в 1753 г., и контракт, заключенный с Глазовым¹³.

Виды на успех были столь радужными, что Шувалов намеревался пристроить к существующим домнам Покровского завода еще шесть печей. Благополучно обстояло дело и с рабочей силой — на заводе было занято 580 наемных, причем Шувалов писал в Берг-коллегию, что «по надобности может быть и более нанято»¹⁴. Однако в этом же 1762 г. Шувалову пришлось в четвертый раз за время существования завода понести значительные убытки. Наемные работники, «забрав по заводским обыкновениям в задатки более 16 тыс. рублей и не заработав их, сошли по своевольству» в свои деревни «и завод оставался почти без действия». Резко сократилась добыча меди. Если в 1762 г. ее выплавка составляла 2241 пуд., то в 1763 г. она снизилась до 538 пуд., а в 1764 г. — до 623 пуд. В 1765 г. из семи печей действовала только одна. В итоге А. И. Шувалов предложил правительству купить у него завод.

Маркшейдер Попов, по заданию Берг-коллегии описывавший завод в 1764 г., нашел, что плотина построена «по заводским учреждениям и порядкам», ветхости в заводских сооружениях не обнаружено. Но плавка меди производилась только в двух печах, а пять печей бездействовали из-за недостатка угля и руды, которые не были заготовлены «за несыском вольнонаемных работных людей».

Канцелярия главного заводов правления оценила предприятие в 50 тыс. руб. Сделка, однако, не состоялась. На наш взгляд,

¹¹ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. IV, ч. 2, стр. 258; ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 726, лл. 974, 981, 982; ф. Сената, кн. 4070, л. 178.

¹² ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 47, л. 35.

¹³ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. IV, ч. 2, стр. 298, 299.

¹⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1213, л. 451.

отказ Берг-коллегии от покупки Покровского завода объясняется падением влияния временщика. Покровский завод в руках Шувалова продолжал влечить жалкое существование. Добыча меди в 1766 г. снизилась до 227 пуд. На предложение Берг-коллегии увеличить производительность завода Шувалов отвечал отказом, объясняя его отсутствием приписных крестьян и новым уходом наемных, за которыми числилось не отработанных 4345 руб.¹⁵

Завод был продан, но «в партикулярные руки и весьма за невыгодную уже цену» в 1768 г.¹⁶ Цена действительно была далекой от того, во что был оценен завод казной в 1764 г.: вместо 50 тыс. руб. владелец суконной мануфактуры Ф. И. Журавлев уплатил за него только 5 тыс. руб., с тем чтобы тут же перепродать его Твердышеву и Мясникову за 5600 руб.¹⁷

Таким образом, Шувалов, несмотря на широкое и беззащитное использование своего положения при дворе для создания тепличных условий развития своего промышленного хозяйства, не сумел закрепить среди предпринимателей. Единственная отличительная особенность предпринимательства А. И. Шувалова, насколько можно судить по имеющимся источникам, состояла в том, что он не оставил долгов своим наследникам, если не считать 2120 пуд. «трехчастной» меди, которую он в свое время не поставил на Монетный двор в Екатеринбурге. Тем не менее крах предпринимательских усилий А. И. Шувалов ощутил в полной мере. Не от хорошей же жизни он продал завод, стоивший ему свыше 100 тыс., за 5 тыс. руб.

Вслед за А. И. Шуваловым на путь предпринимательства в металлургии встал его родной брат — генерал-аншеф, сенатор, генерал-адъютант граф Петр Иванович Шувалов. Общим в предпринимательстве братьев являлось то, что оба они получили металлургические заводы от казны. Но между ними было немало и отличий. Так, роль А. И. Шувалова в истории металлургии скорее была отрицательной, чем положительной, поскольку с его деятельностью было связано уничтожение ряда предприятий центрального металлургического района. Быть может, А. С. Ярцов был близок к истине, когда в начале XIX в. высказал не лишнюю оснований догадку о том, что А. И. Шувалова, когда он домогался получения Угодских и Истинских заводов, интересовали не столько сами предприятия, сколько приписанная к ним дворцовая Вышегородская волость с 4579 душами крестьян.

П. И. Шувалова в большей мере интересовали сами заводы, нежели крестьяне. Все свое внимание он направил на

¹⁵ Там же, кн. 1234, лл. 580, 594, 675, 685—716; Госархив, разряд XIX, д. 97, л. 69.

¹⁶ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4070, лл. 178, 179.

¹⁷ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1288; лл. 714, 715.

строительство новых предприятий, сооруженных, кстати сказать, столь удачно, что они оставили заметный след в развитии промышленности страны.

Различие прослеживается и по другой линии. Предпринимательство для А. И. Шувалова, видимо, закончилось более или менее благополучно. Мы уже отмечали, что он не оставил после себя крупных долгов, если не считать недоимки по «трех-частной» меди, по поводу которой Берг-коллегия потом многократно тревожила вдову. Иное дело П. И. Шувалов. Его предпринимательство было весьма непродолжительным, причем это нисколько не помешало ему, получив лучшие в стране казенные заводы, жемчужину Урала, оставить своим наследникам колоссальные долги.

Предпринимательство П. И. Шувалова началось на Южном Урале, когда в конце 1753 г. ему удалось закрепить за собой ряд удобных мест под строительство заводов. Так, в октябре 1753 г. он выявил желание начать строительство трех железоделательных заводов на речках Авзяне, Верхнем Узяне и Узяне, в общей сложности оснащенных тремя домнами и 18 действующими и 9 запасными молотами; строительство первого должно было начаться в 1754 г., второго — в 1755 г. и третьего — в 1756 г. Каждый из заводов должен был быть «во окончание приведен через 4 года». В ноябре того же 1753 г. П. И. Шувалов возбудил ходатайство о постройке еще трех заводов, на этот раз медеплавильных. Все заявленные места были расположены на речках, протекавших по территории Уфимского уезда.

Практически дело ограничилось сооружением двух заводов на р. Авзяне. Выбор места под этот завод, а также обеспечение его рудными ресурсами связано с деятельностью «медных и железных руд рудопромышленника», неутомимого рудоискателя Ивана Степановича Гордиовского. Успешные поиски руд этим забытым в истории металлургии деятелем обеспечили возникновение ряда медеплавильных и железоделательных заводов на Южном Урале. Вместе с сыном он обнаружил «довольно богатые руды» для Кано-Никольского завода Мосоловых, а также и место на речке Кане, где был построен завод. Его же стараниями «многие медные руды приисканы» были для Воскресенского завода И. Б. Твердышева и И. С. Мясникова, и он получал от этих заводоладельцев «попудную плату по договору... по примеру тому, как на Пермские казенные заводы рудопромышленники своим коштом сыскивая и добывая руды ставят». В 1753 г. Гордиовский обнаружил 11 железных рудников и «пристойные» под строительство заводов две речки, которые и уступил П. И. Шувалову. Гордиовский взялся обеспечить рудниками и медеплавильные заводы, намеченные к строительству. В течение 1754 и 1755 гг. рудоискатель обнаружил в Оренбургской губ. 313 место-

рождений «к новозаводимым в той же губернии медеплавильным заводам» Шувалова и Сиверса¹⁸.

Воспользовавшись услугами рудоискателя, выбравшего место под завод и обеспечившего его сырьем, вельможа, приступая к сооружению предприятия, нуждался в помощи более крупного дельца. Им оказался известный откупщик коллежский асессор Козьма Матвеев, для которого союз с вельможей был не только лестным, но и выгодным. В декабре 1753 г. одворянившийся буржуа Матвеев и П. И. Шувалов заключили между собою контракт. Шувалов пригласил Матвеева в компанию «на урочные годы». Опытный делец Матвеев должен был к 10 октября 1754 г. пустить доменный и молотовый Петровский завод на двух плотинах на р. Авзяне, к 1 октября 1755 г. — доменный и молотовый завод, названный Николаевским, на р. Верхнем Узяне. Для передела чугуна этого завода намечалось дополнительно поставить на р. Каге молотовые «фабрики». Третий завод тоже должен был стоять на двух речках — домна на р. Авзяне, а молотовые — в нижнем течении Узяна. Пуск этого завода намечалось осуществить 1 октября 1756 г. Все заводы должны были находиться «в полной дирекции Матвеева, а ему, графу Шувалову, во всем том помогать советами». Все внешние сношения по делам строившихся заводов должны были осуществляться от имени влиятельного вельможи¹⁹.

Наконец, Шувалов воспользовался и услугами казны, проложив путь прочим дворянам к получению ссуд. 3 декабря 1753 г. он получил «для размножения Авзяно-Петровского завода» ссуду в размере 12 тыс. руб. с обязательством погасить ее в течение восьми лет. В следующем году П. И. Шувалов на таких же условиях получил от казны дополнительную 12-тысячную ссуду на строительство другого завода. Помимо финансовой помощи казна предоставила в распоряжение вельможи 1920 душ крестьян, приписанных к Авзяно-Петровскому заводу в марте 1754 г.²⁰

Строительство Верхнего Авзяно-Петровского завода было начато 2 мая 1754 г. Хотя в намеченный срок Матвеев и не уложил, но завод, оснащенный домной и четырьмя молотами, удалось пустить в очень короткий срок, к 11 марта 1755 г., т. е. менее чем через год. 9 мая того же года завод сгорел «без остатка», но был восстановлен Матвеевым к 1 декабря того же года. В пяти верстах от Верхнего Авзяно-Петровского завода была построена плотина для молотового завода с четырьмя молотами в двух «фабриках». Первая из них начала перековку чугуна 26 августа 1756 г.²¹

¹⁸ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 723, лл. 744, 764.

¹⁹ Там же, д. 289, лл. 260, 261.

²⁰ Там же, д. 281, л. 145; кн. 747, л. 9.

²¹ Там же, кн. 973, л. 265.

Пуском двух Авзяно-Петровских заводов и завершилось участие П. И. Шувалова в осуществлении обширной программы постройки предприятий на Южном Урале, намеченной им в 1753 г. Но и с этими заводами вельможа расстался в 1758 г. Увеличившиеся из года в год долги вынудили Шувалова поступиться этими предприятиями в пользу своего компаньона. Матвеев стал полновластным владельцем заводов и заводских мест, а также преемником казенного долга Шувалова в 24 тыс. руб.²² О твердом намерении графа не возвращаться более к южно-уральской металлургии свидетельствует еще одна акция Шувалова, совершенная им в том же 1758 г. Выше упоминалось, что Гордиовский найденные 313 медных рудников поделил между двумя вельможами П. И. Шуваловым и К. Е. Северсом. В 1758 г. Шувалов донес, что он следуемое ему «половинное число показанных рудников уступил ему же, господину барону фон Северсу к Вознесенскому ево заводу», ибо «он по состоянию тамошних мест при тех рудниках медеплавильного завода строить не намерен для того, чтобы он того господина барона фон Северса Вознесенскому ево заводу в рудах недостатку не учинить»²³. Отказ от намерения строить медеплавильный завод был обусловлен отнюдь не благородными порывами графа, не его опасениями ущемить интересы барона, а тем, что Шувалов в это время сосредоточил свои ресурсы на расширении Гороблагодатских заводов, полученных им от казны.

П. И. Шувалов открыл второй тур расхищения казенных заводов. Личный опыт показал ему, что постройка новых заводов — дело более хлопотливое и рискованное, чем эксплуатация готовых предприятий, в особенности таких, как Гороблагодатские, высокая рентабельность которых была давно известна. Тогда-то вельможа и вспомнил о прецеденте передачи казенных заводов Шембергу, о знаменитой формуле, обосновавшей эту передачу и гласившей, что «казенные заводы не толь прибыточны», как частные.

6 мая 1754 г. Шувалов предложил казне условия («кондиции») получения им лучших на Урале Гороблагодатских заводов — Туринского, Кушвинского, Баранчинского и вновь строившегося Верхне-Туринского. Стоимость заводов, а также продукции, оставшейся на Урале и находившейся в пути к Петербургу, Шувалов оплачивает в течение 10 лет. Важное обязательство графа состояло в том, что он обещал заводы производить «сильною рукою, с приращением казенной прибыли, так чтоб против прошлогодного отпуска железа через 5 лет с принятия мною тех заводов не менее было в отпуску как вдвое». Кроме того, Шувалов обязался бездоимочно платить подушные за ма-

²² ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 289, лл. 254, 255.

²³ Там же, кн. 726, л. 744.

стеровых людей и приписных крестьян, а также их «кроме заводских работ, в другие никуда не употреблять... и в другие места не переводить». 10 мая 1754 г. Сенат указал передать заводы Шувалову на предложенных им «кондициях».

Условия передачи Гороблагодатских заводов следует признать чрезвычайно выгодными для Шувалова. Во-первых, ему передавались самые доходные предприятия. Во-вторых, он получал находившуюся при заводах и следовавшую в караванах, а также лежавшую на столичных складах готовую продукцию. Иными словами, в распоряжение Шувалова поступали необходимые оборотные средства, а также прибыль от реализации изделий, ибо все они передавались по себестоимости²⁴.

Со временем Шувалову удалось расширить предоставленные ему привилегии. Уже на следующий день после указа Сената о передаче заводов, т. е. 11 мая 1754 г., Шувалов просил, чтобы его доверенному, отправлявшемуся на Урал, были переданы не только заводы, но и ассигнованные на их содержание средства. Полученные деньги Шувалов обещал уплатить в первый же свой взнос денег в Берг-коллегию. В сентябре 1754 г. Шувалов уточнил необходимую ему сумму, составлявшую 20 тыс. руб. Однако и этой льготой Шувалов не удовлетворился, и еще в августе 1754 г. он запросил у казны 16 изготовленных судов, предназначавшихся для перевозки железа. Через четыре года вельможа исхлопотал себе еще одну уступку от казны. Он подсчитал, что для перевозки чугуна и железа ему необходимо иметь ежегодно по 80 коломенок. В связи с этим он предъявил претензию на получение Илимской лесопильной мельницы, обосновав эту претензию тем, что «на строение оных судов лес заготовлять, кроме вышеописанной Илимской мельницы, негде, понеже во отведенных к Гороблагодатским заводам дачах поблизости к пристаням на строение судов удобного лесу недостает». Так как Илимская пильная мельница необходима была и казне, то Шувалов получил ее лишь во временное пользование²⁵. Но самую важную льготу Шувалов исхлопотал в 1756 г. В конце этого года Сенат в ответ на просьбу графа разрешил ему причитавшиеся в казну деньги заплатить «в те же 10 лет, но токмо не повсягодно платеж тот производить», а при наличии денег. Этот указ Сената освобождал Шувалова от докучливых и неприятных напоминаний о необходимости расплатиться с казной по крайней мере на 10 лет, ибо всегда можно было заявить, что деньги будут внесены в последний год, предусмотренный кондициями, т. е. в 1764 г.²⁶

Прошло еще несколько лет, приближалось время уплаты денег за заводы, и Шувалову показалось, что десятилетний срок

²⁴ Там же, д. 728, лл. 5, 6, 12, 14, 15, 67, 72.

²⁵ Там же, кн. 1158, лл. 648, 661.

²⁶ Там же, кн. 33, л. 362.

расплаты с казной является коротким, и указом 12 февраля 1761 г. стоимость заводов, исчисленную в 179 689 руб., Шувалову разрешалось уплатить не за 10, а за 20 лет. К этому времени из указанной суммы Шувалов погасил только 6940 руб.²⁷

Свое основное обязательство увеличить отпуск железа за границу вдвое по сравнению с 1753 г. Шувалов выполнял вполне удовлетворительно. Конечно, граф радел не о казенных интересах, а прежде всего о своих, ибо удвоение количества готовой продукции было равнозначно получению удвоенной прибыли, но все же производственные показатели Гороблагодатских заводов во время владения ими Шуваловым значительно повысились. Выполняя взятое обязательство, граф все хозяйство «в совершенное действие произвел, что уже действительно в нынешнем 757 г. выковано железа в отпуск имеется более полутора ста тысяч, а в будущем 758 г. не менее двухсот тысяч пудов уповательно в караванном отпуску и в привозе сюда (в Петербург.— Н. П.) будет».

Этот успех был достигнут двумя способами. Во-первых, Шувалов добился увеличения норм приписки государственных крестьян к своим заводам, одновременно повысив число трудоспособных крестьян. Если раньше, как правило, к домне приписывалось 100 крестьянских дворов из расчета, что в каждом дворе в среднем считалось четыре ревизских души, то Шувалов требовал приписки 150 дворов, исходя при этом из того, чтобы в каждом дворе было налицо четыре годных работника. Это означало, что, например, к доменной печи вместо прежней приписки 400 ревизских душ, из которых годных работников было 200 человек, Шувалов получал 600 работоспособных крестьян. Норма приписки, таким образом, фактически утроилась.

Во-вторых, Шувалов строил новые заводы. В 1755 г. он пустил Серебрянский передельный завод, оборудованный 10 молотами. Шувалов, помимо этого, намеревался осуществить план постройки Нижне-Туринского завода с двумя домнами и 10 молотами, разработанный еще во время казенного содержания Гороблагодатских заводов. Взвесив все обстоятельства, консультанты подсказали графу более рациональное решение поставленной задачи. В 1757 г. Шувалов доносил, что Нижне-Туринский завод «им не построен за неотысканием до сего времени надежных железных руд вблизи того завода, ибо оную из горы Благодати возить туда за дальностию неспособно». Граф высказывал еще одно соображение против постройки Нижне-Туринского завода, а именно то, что его существование могло привести к истреблению лесов, необходимых для прочих пред-

²⁷ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4331, л. 189. См. также интересную статью В. Д. Зеленова. К вопросу об основании Воткинского и Ижевского железоделательного заводов.— «Записки Удмуртского НИИ истории, языка и литературы», вып. 12. Ижевск, 1949.

приятый гороблагодатского комплекса. Оставляя за собою право вернуться к постройке Нижне-Туринского завода, «пока тамо надежда в рудах откроется и можно будет оными, кроме горы Благодати, довольствоваться», Шувалов предложил другой довольно смелый и удобный план размещения новых заводов. Он признал целесообразным две домны, намечавшиеся к постройке на Нижне-Туринском заводе, поставить на плотине Баранчинского завода, «а для перековки выплавляемого из тех домен чугуна в железо желает завести вновь три молотовые заводы в Казанской губернии на речках Вотке и Частой, да в Уфимской провинции на речке Кутмесе». Так возник план постройки Воткинского и Ижевского заводов. Р. Иж — приток Камы, речка Вотка тоже соединялась с Камою; этим самым появилась возможность использовать Чусовую и Каму для доставки гороблагодатского чугуна и передела его на новых заводах в железо. Разрешение на постройку трех молотовых заводов с 38 молотами Шувалов получил 15 сентября 1757 г.²⁸ Вместо трех заводов Шувалов построил два — Воткинский с 16 действующими и 5 запасными молотами, пущенный в 1759 г., и Ижевский. Преимущества подобного размещения заводов для их сановного владельца совершенно очевидны. Во-первых, он обоснованно рассчитывал получить в новом районе полную норму приписных крестьян; во-вторых, достигалась экономия леса для группы Гороблагодатских заводов.

Граф П. И. Шувалов умер в 1761 г., спустя две недели после смерти императрицы Елизаветы Петровны, у который он пользовался безграничным доверием. Несмотря на наличие 6 тыс. крепостных крестьян и широкий размах предпринимательства, Шувалов оставил после себя колоссальные долги. Только Медному банку он был должен 473 374 руб. Вся сумма стоимости Гороблагодатских заводов — 177 296 руб. — тоже числилась на Шувалове. Были долги и поменьше. Общая сумма только казенных долгов вместе с процентами составляла 680 420 руб.

Для взыскания этого долга с наследника П. И. Шувалова графа Андрея Петровича была учреждена специальная комиссия. Сам должник предложил два варианта погашения долга. Первый из них предусматривал прием казной 6 тыс. крестьян за 170 тыс. руб., бриллиантов на 140 тыс. руб., московского и петербургского домов за 90 тыс. руб., серебра до 10 пудов за 6 тыс. руб., готового железа (220 тыс. пуд.) за 113 300 руб. и наличных денег 75 тыс. руб. По второму варианту А. П. Шувалов предложил взять у него «в заплату всего казенного долга железные называемые Гороблагодатские и вновь построенные Камские заводы».

²⁸ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 747, лл. 1—3; д. 283, лл. 104—111.

Комиссия о долгах гр. Шувалова, составленная из таких же вельмож, как и покойный, в поданном Екатерине II «всепоподданейшем докладе» отнеслась очень предупредительно к интересам должника. Отдавая себе отчет в том, что стоимость Гороблагодатских заводов не покрывает суммы казенных долгов, комиссия все же сочла возможным, уповав на «милосердие и щедроту» императрицы, рекомендовать ей «Гороблагодатские с пильною мельницею и Казанские Камские заводы со всеми приписными государственными крестьянами и с переведенными и в мастерства определенными и все, что сенатскими определениями ему, Шувалову, к оным заводам дано и приписано..., взять за весь имеющийся на нем казенной долг в казенное содержание, оставя ему на расплату партикулярных долгов все зделанное и отпущенное в караван железо и чугун по день сей высочайшей конфирмации». 15 ноября 1763 г. Екатерина II выразила полное согласие с предложением комиссии²⁹. Гороблагодатские заводы вместе с предприятиями, построенными Шуваловым, оказались в руках казны. На этом кончилось предпринимательство П. И. Шувалова и его сына в области металлургии.

Если Шуваловы получили казенные заводы без всякого труда, то Воронцовым пришлось приложить немало усилий, чтобы достичь желаемого.хлопоты о получении заводов Роман Илларионович Воронцов начал еще в 1756 г., а успешно завершить их ему удалось только в 1758 г.

Челобитную о получении казенных заводов Роман Илларионович Воронцов подал в августе 1756 г. В отличие от весьма кратких челобитных П. И. Шувалова или П. И. Репнина, авторы которых ограничились либо заявлением о своем согласии принять заводы, либо просьбой передать их, Роман Илларионович составил обстоятельное прошение, до мелочей учитывавшее все аспекты будущего владения казенной собственностью. Воронцов облюбовал себе пять заводов — Верх-Исетский, Алапаевский, Синячихинский, Сусанский и Мотовилихинский. Проситель предусмотрительно разработал правила оценки заводов. Каменные постройки и деревянные сооружения не свыше пятилетней давности он предлагал отдать ему «такою ценою, во что коштывали. А обветшалое от выше пяти лет, также держанные разные во многих званиях припасы и лошадей по оценке со обеих сторон знающих в том силу людей». Стоимость заводов Воронцов обязался оплатить в течение 12 лет равными долями. Предложенные им «кондиции» предусматривали передачу пристаней, обязательство казны снабжать его в течение двух лет коломенками и припасами к ним, лоцманами и сплавщиками, а также необходимыми мастерскими, управителями и т. д. Воронцов не

²⁹ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4331, лл. 158, 188, 190, 191; ф. Берг-коллегии, кн. 40, лл. 411, 412; ПСЗ, т. XVI, № 11967, стр. 419—421.

забыл даже включить пункт о том, что труд оценщиков должна оплачивать казна³⁰.

Тщательно разработанные Воронцовым условия не устраивали Берг-коллегию. Он, например, считал для себя чрезвычайно обременительным требование Берг-коллегии платить проценты по истечении пятилетнего срока, если стоимость заводов не будет к этому времени оплачена. «Берг-коллегии,— писал Воронцов,— довольно известно, что на таковых кондициях доныне никто в свое содержание заводов не принимали». Он требовал передачи заводов «на прежде поданных кондициях». Любопытная деталь — в августе 1756 г. Воронцов требовал передачи ему пяти заводов, а спустя четыре месяца, в декабре того же года, он испрашивал уже только три завода, причем новый список включал иные предприятия, а именно: Верх-Исетский, Сылвинский, а также Каменский. «А медного Мотовилихинского мне не надобно»³¹,— писал в своей челобитной граф Воронцов, предварительно, видимо, осведомившись, что правительство пока не намеревалось передавать медеплавильные заводы в «партикулярное содержание». Имеется и третий вариант списка заводов, на которые претендовал Р. И. Воронцов. Он помещен в сенатском указе 2 мая 1757 г. и включает уже четыре завода — Верх-Исетский, Сысертский, Сылвинский и Каменский. Таким образом, во всех трех вариантах на первом месте стоял Верх-Исетский завод, находившийся в Екатеринбурге. Но его-то как раз Сенат и не хотел отдавать в частные руки, ссылаясь, во-первых, на наличие в Екатеринбурге «множества» фабрик и особенно Монетного двора, которые «действие имеют при оной же Екатеринбургской плотине». Во-вторых, Екатеринбург был окружен крепостью, там «главное над другими крепостями и всеми заводами правление состоит и имеются канцелярии, аптека, гофшпитель, школы, офицерские слободы и прочие строения, чего, яко не принадлежащего к заводам, и сам он, генерал-лейтенант Воронцов, к себе не приемлет». Сенат считал, что в случае передачи Верх-Исетского завода в частные руки все это придет «во опустошение». Сенат не возражал против передачи Воронцову Каменского завода, но предварительно обязал графа не прекращать производства пушек и безоговорочно отпускать «чугун на оружейное дело» по такой же цене, «по какой ныне в истине становилось, дабы в тех казенных потребностях никогда и ни малого недостатка и остановки... быть не могло»³².

Этот вариант, предусматривавший постоянную зависимость Воронцова от казенных ведомств, располагавших правом в любой момент передать ему заказ на изготовление артиллерии или чугуна по себестоимости, конечно, терял всякую привлекатель-

³⁰ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 33, л. 293.

³¹ Там же, кн. 34, лл. 183, 184.

³² Там же, лл. 175, 176.

ность. Каким путем Воронцову удалось уклониться от получения Каменского завода и получить Верх-Исетский, которого он так настойчиво домогался, остается неизвестным. Указом от 14 декабря 1758 г. ему передавался Верх-Исетский завод, оцененный в 35 712 руб. Означенную сумму он обязан был уплатить в течение пяти лет, т. е. в срок, предусмотренный условиями Берг-коллегии, а не Воронцова.

Воронцов принял меры к увеличению производительности Верх-Исетского завода. От казны он получил две домны, шесть действующих и два запасных молота. В декабре 1758 г. он получил разрешение на постройку двух молотовых «фабрик». В итоге оборудование передельного цеха состояло из 12 молотов, что значительно повысило выпуск железа. В 1764 г. Воронцов еще раз предпринял реконструкцию предприятия. Он просил разрешения построить на том же заводе взамен одного молота четыре медеплавильные печи. Он не расставался с мыслью построить отдельный медеплавильный завод, «естли более нынешнего оных медных руд сыскаться может»³³. Тем самым Верх-Исетский завод стал не только чугунолитейным и железоделательным, но и медеплавильным.

Меры по расширению производительности и изменению профиля Верх-Исетского завода вполне устраивали Горную комиссию. Она с похвалой отзывалась о предпринимательстве Воронцова еще и потому, что он был единственным из вельмож, полностью и своевременно расплатившимся с казной за полученный завод³⁴.

Одновременно с усовершенствованием Верх-Исетского завода Р. И. Воронцов предпринимал попытки построить новые предприятия. Все они оказались неудачными. Так, в конце 1761 г. он заявил о своем намерении построить медеплавильный завод в Уфимской провинции Оренбургской губ. на земле, коротомленной у башкир. Он присмотрел и живущих недалеко от избранного под завод места 444 души государственных крестьян, которые необходимы ему были для разработки «рудных приисков, а особливо, когда завод будет построен, для заводских работ». Берг-коллегия поручила Оренбургскому горному начальству освидетельствовать место, «к строению медеплавильного завода удобно ль и до сколько печей быть может», но так как проситель более не проявлял интереса к своей заявке, то дело ограничилось лишь перепиской³⁵.

³³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1241, лл. 210, 211, 215.

³⁴ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 1534, т. VI, л. 84. О Верх-Исетском заводе в руках Р. И. Воронцова см. также Н. Чупин. Географический и статистический словарь Пермской губернии, стр. 283—287.

³⁵ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. IV, ч. 2, стр. 288, 289; ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1205, л. 507.

Воронцов предпринял еще две попытки пополнить свое хозяйство новыми предприятиями. В 1760 г. он получил разрешение на постройку завода на р. Рефте, но не реализовал его «за размножением при Верх-Исетском... заводе фабрик». Вместо постройки завода на р. Рефте он в 1770 г. решил «тот завод в других пустых местах на реке Адуе построить». На поверку, однако, оказалось, что место на р. Адуе отнюдь не было «пустым», а находилось в отводе к Екатеринбургскому заводу. На этом основании Воронцов получил отказ³⁶.

И все же промышленное хозяйство Р. И. Воронцова пополнилось четырьмя новыми предприятиями, полученными от казны. Роман Илларионович здраво рассудил, что казенных заводов ему больше не получить, тем более медеплавильных, и поэтому решил использовать связи и влияние своего брата Михаила Илларионовича, занимавшего должность канцлера. Как высоко было положение последнего при дворе, свидетельствует тот факт, что не далее как в 1757 г. Сенат вынес определение «для состоящей ныне в переделе медной монеты нужды и сохранения е. и. в. интереса тех медных заводов отдавать и не надлежит», а уже в 1759 г. этот же Сенат передал М. И. Воронцову те самые четыре медеплавильных завода, которые решено было «в партикулярное содержание никому не отдавать», — Ягошихинский, Мотовилихинский, Висимский и Пыскорский.

Поглощенный государственной службой, М. И. Воронцов не имел ни времени, ни вкуса, чтобы заниматься предпринимательством. Указ Сената, положительно решивший вопрос о передаче четырех медеплавильных заводов канцлеру Воронцову, был принят 9 ноября 1759 г., а уже на следующий день Михаил Илларионович подал челобитную с сообщением о передаче заводов «в полное правление брату моему генерал-порутчику, действительному камергеру и кавалеру Роману Илларионовичу Воронцову, и вместо себя во всем как о содержании оных контракт заключить, так и в произвождении верю ему, брату моему, или кому от него будет поручено». Это было единственное письменное свидетельство передачи заводов одним Воронцовым другому. Никаких контрактов об условиях передачи заводов, об участии в расходах и дележе прибылей братья не заключали. Безразличие канцлера к судьбе заводов и их состоянию проявилось и в том, что он не требовал от своего брата никакой отчетности, ограничиваясь лишь периодическим получением какой-то доли прибыли. Отношения между братьями строились отчасти на взаимном доверии, отчасти на барском пренебрежении канцлера к хозяйственным делам. Из двух функций — добывания денег и их расходования — канцлер хорошо усвоил только вторую.

³⁶ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1308, д. 42, лл. 1, 3.

Передаваемые заводы казна оценила в 170 975 руб., причем оценка включала не затраты, произведенные в свое время на сооружение или изготовление построек и вещей, а их реальную стоимость на день составления акта передачи. Само Пермское горное начальство полагало, что «ежели то ветхое строение и негодные инструменты по той цене принять, во что в казну коштывали, то ис того уже будет его высокопревосходительству крайней убыток и невозможность».

Увеличения выпуска меди Р. И. Воронцов добился теми же способами, что и на Верх-Исетском заводе, пристроив на двух из них — Мотовилихинском и Пыскорском — новые медеплавильные печи. За 11 лет (с 1760 г. по 1770 г.) на всех четырех заводах было выплавлено 175 590 пуд. меди, что в среднем составляет около 16 тыс. пуд. ежегодно. Впрочем, предпринимались попытки построить и новые заводы. Так, недалеко от Мотовилихинского завода Р. И. Воронцов намеревался еще в 1760 г. построить расковочный молот, но сооружение его по каким-то причинам отложил. В 1767 г. он вновь обязал Ягошихинскую заводскую контору, главную среди этой группы предприятий, «стараться, дабы при всех заводах учрежденное число медеплавильных печек было в полном лействии и чрез то умножаема б была из году в год выплавка меди». Заводская контора не изыскала лучшего способа выполнить это поручение, как рекомендовать из 12 печей Мотовилихинского завода 6 перенести на приток Камы речку Иву, «ибо речка Мотовилиха водою столь недовольна, что не только при оной построенные 12 печей в зимнее все б были в действии, но и в летнее время по половине оных за маловодием находится недействующими». Обследование реки горной администрацией показало, что она может обеспечить работу шести медеплавильных печей только во время весеннего и осеннего половодья и в «дождевые времена». Воронцов не имел оснований торопиться с постройкой этого завода еще и потому, что Канцелярия главного заводов правления, разрешив ему постройку, в то же время предупредила заводовладельца о том, что «то строение на Иве речке за новое по увольнению от платежа десятины почитать не должно».

Завод на речке Иве так и не был построен. Тем не менее Горная комиссия высказала удовлетворение производительностью казенных заводов в руках Воронцова, ибо «на всех их противу казенного выплавляется ныне меди ежегодно по сложности более 5 500 пуд., из чего казна как десятину, так и протчия свои доходы с прибытком получает»³⁷.

После смерти канцлера М. И. Воронцова вдова его графиня Анна Карловна проявила было интерес к судьбе заводов, полу-

³⁷ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 1534, т. V, л. 86; кн. 4299, л. 28; ф. Берг-коллегии, кн. 1174, лл. 2, 3, 33, 90, 91.

ченных ее покойным мужем. В 1767 г. она просила Берг-коллегию сообщить ей подробные сведения об условиях передачи заводов из казны, об их нынешнем состоянии, о внесении за них денег в казну и т. д.

Судя по содержанию этого доношения, А. К. Воронцова намеревалась начать хлопоты об изъятии заводов из ведения своего деверя Романа Илларионовича. Затем между ними, видимо, наступило примирение. О нем можно судить по новой челобитной графини, поданной в мае 1770 г., которой она информировала Берг-коллегию о совместном управлении заводами с двумя деверями Романом и Иваном Илларионовичами. Со своей стороны графиня просила назначить поверенным Аникиту Ярцова и его брата Николая, так как, писала она, «я для порядошнова производства оных не имею ныне к тому собственных надежных людей»³⁸.

Братья Ярцовы вступили в управление заводами в июле 1770 г., «но присланным от Романа Илларионовича ордером своему над заводами управителю Клевакину велено было их не допускать ни до каких заводских дел». Это рассорило Анну Карловну с братьями Воронцовыми, и она потребовала возвращения предприятий ей и дочери, «яко единственным наследникам». Жалобу графини Екатерина II поручила рассмотреть специально назначенной комиссии.

Работа комиссии, созданной 4 июля 1771 г., была малоуспешной. Все ее попытки получить от Р. И. Воронцова документы с заводской отчетностью оказались тщетными. Он упрямо твердил, что «отдельных по заводам счетов не вел, не опасаясь, что они будут кем-либо затребованы, а домовые свои тех лет счетные книги, якобы ненадобные, бросил и истребил». Чувствуя, однако, малую убедительность подобного объяснения, Роман Илларионович пустился в рассуждения относительно неправомерности А. К. Воронцовой требовать от него какой-либо отчетности: «И как де жена не властна требовать отчета в собственных распоряжениях мужа своего, так равно и невестка его, яко лицо постороннее от него ж, того требовать не может, потому что он в сем случае был только исполнитель воли покойного брата ево и представлял его особу».

Эти и подобные им рассуждения не могли, разумеется, убедить комиссию, которая прямо и косвенно упрекала графа в непорядочности, но последний с невинным видом спрашивал у членов комиссии: «И на что мне было сохранять их?», имея в виду заводские документы, или: «Должно ли мне давать постороннему лицу (имеется в виду А. К. Воронцова. — Н. П.) такие отчеты, каких сам господин собственности своей от меня требовать не мог?»

³⁸ ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, кн. 1279, л. 379; кн. 1308, д. 44, л. 1.

При таких условиях разбирательство дела могло затянуться на многие десятилетия. Опасаясь, что передача этого спора из Сената в нижестоящие инстанции еще больше запутает вопрос и затянет его решение, А. К. Воронцова в 1775 г. обратилась к Екатерине II с просьбой повелеть, чтобы это дело «Сенату, не отсылая в нижние суды, решением окончить и тем доставить мне к препровождению дней моих нужное спокойствие». Но «нужного спокойствия» графиня не обрела до самой смерти. Спор был разрешен двумя именными указами 1780 г. и 1782 г. Казна принимала все медеплавильные заводы в свое ведомство, а «для прекращения всех роцетов и их претензий, всемилоостивейше прощая им весь казенный долг и с причитающимися процентами, повелеваем выдать им 100 тыс. руб.». Из этой суммы седьмую часть должны были получить наследники А. К. Воронцовой. С ними, кроме того, «надлежало учинить расчет по силе нотариального договора по день кончины графини». Наконец, наследникам причиталось получить седьмую часть доходов, полученных до заключения договора, т. е. до 1768 г.³⁹

Еще раньше, в 1774 г., Р. И. Воронцов продал С. Я. Яковлеву Верх-Исетский завод. Казне за него было уплачено 35 712 руб., а от Яковлева граф получил почти в шесть раз больше — круглую сумму в 200 тыс. руб.

Таким образом, даже рачительный предприниматель-дворянин кончил тем, что и его собратья по сословию, — продажей завода. Ко времени заключения купчей за Воронцовым все же числилась недоимка, накопившаяся в результате неуплаты десятинных денег. Она составляла 26 546 руб.⁴⁰

Действительный камергер гр. Иван Григорьевич Чернышев получил по указу 10 апреля 1757 г. два Юговских завода на таких же условиях, как и прочие вельможи. Их эксплуатацию Чернышев организовал на откровенно хищнических началах. Горная комиссия в 1767 г. отметила, что хотя Чернышев со времени получения заводов их «и не умножил, но выплавляет теперь на них меди противу казенного содержания ежегодно по сложности более 6 тыс. пуд.». Этого было достаточно, чтобы Горная комиссия одобрительно отнеслась к деятельности Чернышева как заводовладельца, ибо в результате этой деятельности «казна как десятину, так и другие свои доходы с прибылью ж получает»⁴¹. Каким же способом Чернышеву удалось, не увеличивая числа печей, существенно увеличить количество выплавленной меди? Ответ на этот вопрос дает А. Ярцов в своей «Российской горной истории».

Управителем заводов Чернышев пригласил берг-гешворена Санникова. Последний, «чтобы скорее сделать деньгам выручку,

³⁹ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4299, лл. 15—24, 28, 29, 128, 158, 175.

⁴⁰ ГАСО, ф. Уральского горного управления, оп. 1, кн. 2239, лл. 3, 4, 7.

⁴¹ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 1534, т. V, л. 86.

устроил наподобие домен высокие печи для проплавки в них руд двойным количеством против прежних низких печей». В таких печах сгорало много меди, но производительность заводов все же значительно повысилась, а соответственно возросли и доходы графа⁴².

Этот Санников помог своему патрону еще в одном деле. На Юговские, как и на другие заводы Пермского горного начальства, когда ими владела еще казна, русские, татарские и башкирские рудопромышленники поставляли медную руду, получая за это из казны «надлежащую плату без всякого задержания и обиды». Санников, разумеется, с ведома графа, во-первых, присвоил 500 тыс. пуд. руды, добытой рудопромышленниками; во-вторых, «употребляя свои коварные происки», он запретил рудопромышленникам добывать руду в найденных ими и записанных на их имя рудниках. Ущемленные незаконными действиями Санникова, рудопромышленники начали «по многим присудственным местам хождение... со дни на день, истощая последний свой капитал». Упорные хождения по присутственным местам Измаила Тасимова, доверенного рудопромышленников, продолжавшиеся в течение восьми лет, закончились успехом. Вина вельможи и его уполномоченного была столь очевидной и, напротив, жалоба рудоискателей столь правомерной, что ни одна из инстанций не решилась стать на сторону Чернышева. Спором рудопромышленников с Чернышевым занимался не только Сенат, но и императрица. Спорившие стороны, наконец, сошлись на том, что Чернышев уплачивает рудопромышленникам 70 тыс. руб., куда вошла компенсация как за 500 тыс. пуд. руды, добытой промышленниками, так и за ежегодно добывавшиеся из их рудников 1200 тыс. пуд. руды⁴³.

И в изобретении Санниковым новых медеплавильных печей, и в его произволе по отношению к рудопромышленникам — в обоих случаях вельможа действовал как безнаказанный хищник.

С хищнической эксплуатацией природных ресурсов связано также возникновение Аннинского медеплавильного завода, построенного Чернышевым на сверхприбыли, полученные от Юговских заводов. При строительстве этого завода также был допущен произвол. В июле 1758 г. Чернышев обратился в Сенат с просьбой разрешить постройку медеплавильного завода вблизи полученных им предприятий «с таким числом печек, сколько возможно будет и достаток воды допустит». Одно место было найдено на Валдайских горах на речке Гремяче, а другое рядом с Юговскими заводами, на р. Бабке, «которая водою довольна и протекает пространными лесами, от всех протчих заводов в немалом разстоянии». Отыскание этого места не потребовало ни-

⁴² А. Я р ц о в. Российская горная история, ч. IV, кн. 3, л. 68.

⁴³ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. IV, ч. 2, стр. 323—330.

каких усилий от Чернышева и его уполномоченных. Это место было найдено Петром Игнатьевичем Осокиным еще в 1754 г. Его свидетельствовал берг-гешворен Чернышев. Правда, Пермское горное начальство признало, что Чернышев «свидетельство учинил не со всем обстоятельством», так как в рапорте не сообщил о лесных запасах, водных ресурсах реки, но вторично послать обследователя начальство «смелости не возымело». С другой стороны, ни Осокин, ни его приказчики не возобновили ходатайства. Оплотностью Осокина воспользовался граф Чернышев. Ссылаясь на ежегодную потребность казны в 70 тыс. пуд. меди, необходимых для чеканки денег, Чернышев обещал после пуска нового завода «весьма знатным числом умножение в выплавке меди зделать»

Сенат предложил Берг-коллегии: если Осокин действительно «об объявленном на реке Бабке удобном месте только бил челом, а чрез такое много прошедшее время завода не заводил и праздно то место оставил», отдать его графу Чернышеву.

Между тем Чернышев начал строительство завода, не дожидаясь разрешительного указа, — в марте-апреле 1758 г. Юговская контора расчистила строительную площадку и заготовила строительный материал. Спохватившийся Осокин попытался вернуть потерянное место. Он жаловался на то, что в результате постройки предприятия на р. Бабке придет «в крайнее разорение» его Бизярский завод. Приводил Осокин и менее существенные аргументы, ссылаясь, например, на то, что прокладываемая через его, Осокина, владения дорога сократит сенные покосы. В угоду вельможе горная администрация поступилась интересами промышленника из крестьян. Пермское горное начальство умело использовало челобитную Осокина, поданную еще в 1754 г., в которой он уверял, что от постройки завода на р. Бабке «помешательства» другим заводам не будет. «Оное место, стало быть, — решило начальство, — строению завода свободное, в чем и со стороны его, Осокина, правильного спору быть не может и не было», ибо он, Осокин, признавая «то место в свободном и беспомешательном другим заводам состоянии, сам просил под строение завода». Чернышев получил разрешение на постройку Аннинского завода, добился, хотя и с большим трудом, приписки к нему крестьян и пустил его в 1760 г.⁴⁴

Высокие прибыли, получаемые от эксплуатации заводов Чернышевым, не спасли его, как, впрочем, и других вельмож, от банкротства. В 1770 г. он продал свои заводы. Поскольку Чернышев к этому времени был сенатором, «сильной персоной», то ему удалось продать заводы не частному лицу, как это сделали другие вельможи, утратившие при новом царствовании позиции,

⁴⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 35, лл. 184—186; кн. 1158, лл. 448—560, 512—538; д. 290, лл. 72, 75, 80.

которые они занимали во времена Елизаветы Петровны, а казне. Вследствие этого условия продажи были чрезвычайно выгодны для Чернышева. Так, в 1757 г. два Юговских завода были переданы ему за 92 493 руб., которые он должен был уплатить казне в течение 10 лет. Добровольно Чернышев не внес ни копейки, и только при поставке меди с него было удержано в Екатеринбурге в счет долга 14 849 руб. Срок уплаты оставшихся 77 643 руб. истекал в 1767 г.

Казна принимала Юговские и Аннинский заводы за 430 тыс. руб., которые она обязалась выплатить сенатору в течение пяти лет. Из этой суммы вычитались казенные долги Чернышева, а также долг частным рудопромышленникам в сумме 70 тыс. руб. Таким образом, через 13 лет Чернышев продал те же самые заводы плюс вновь построенный Аннинский в 4,5 раза дороже, нежели они ему достались.

Казна получила Юговские заводы не в хорошем состоянии — налицо были признаки хищнической эксплуатации как самого предприятия, так и рудников. Санников, осматривавший заводы с целью их приема в казну, нашел, что «вешняшный двор» на Нижнем Юговском заводе «очень ветх». На Верхнем Юговском заводе плотина давала течь. Руд, добытых «коштом» графа, имелось около 124 тыс. пуд., но из них «многие убогава содержания и плавкою недостойныя», а добытых рудопромышленниками — 151 тыс. пуд., которых заводу «стать может на короткое время». Длительный спор рудопромышленников с Чернышевым привел к свертыванию рудного промысла и разрушению рудников. В таком состоянии вельможа оставил казне некогда цветущие заводы.

Сын генерал-прокурора Сената петровского времени действительный камергер Сергей Павлович Ягужинский является едва ли не самым неудачливым предпринимателем из числа дворян, получивших казенные заводы.

На долю Ягужинского достались Уткинский доменный и Сылвинский молотовый заводы. Правда, претензии Ягужинского не ограничивались получением этих двух заводов — он требовал еще и предоставить ему 10-тысячную ссуду, предназначавшуюся на расширение Уткинского завода, но Сенат отказал графу в ссуде, предложив ему указом 2 мая 1757 г. «исправлять и производить оной завод своим коштом, так, как и другим отдача определена»⁴⁵.

Во исполнение этого указа Берг-коллегия 17 июля 1758 г. выработала условия передачи заводов Ягужинскому, которые ничем существенным не отличались от условий передачи заводов прочим вельможам⁴⁶.

⁴⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 34, л. 176.

⁴⁶ Там же, д. 289, лл. 316—320.

Ягужинский вступил во владение Уткинским и Сылвинским заводами с 1 января 1759 г. и по истечении двухлетнего предпринимательства вдруг заявил, что кондичии являются для него весьма обременительными. Канцелярия главного заводов правления включила в цену завода все расходы, начиная от постройки предприятия и кончая затратами на ремонт оборудования и заводских зданий. Между тем, заявлял Ягужинский, надлежало установить передаваемым предприятиям «настоящую цену», под которой «инакова разуместь не можно, как только смотря по тому, для чего на нем в настоящее время оное стоит». Сылвинский завод, например, казна эксплуатировала более 20 лет, следовательно, по мнению Ягужинского, «чрез собираемые доходы тот употребленной на него капитал уже и давно возвратился в казну». За это же время обветшали постройки, износилось оборудование, и все это должно стоить значительно дешевле, чем было оценено в свое время. В других случаях казна совершала непроизводительные расходы, за которые новый владелец не должен был нести ответственности. К такого рода затратам Ягужинский отнес сооружение канала на Уткинском заводе длиной в 150 сажень, глубиною в одну и шириною в две сажени, «которой коштował в немалую сумму понапрасну, ибо вода в него никогда пущена не была».

Помимо просьбы произвести переоценку заводов Ягужинский представил казне еще ряд требований — обеспечить заводы приписными крестьянами «по препорции», возвратить переведенных на другие предприятия мастеровых людей и т. д.⁴⁷ Однако в главном Ягужинскому было отказано. Первоначальная цена заводов, установленная Канцелярией главного заводов правления и равная 72 582 руб., осталась в силе, и граф более не возбуждал вопроса о ее пересмотре.

Как же распорядился Ягужинский полученными от казны предприятиями? На первых порах, пока заводы располагали запасами заготовленного казной сырья, ритм их работы оставался неизменным. Свои взоры Ягужинский, искавший легких путей поправления расстроенных дел, обратил не на полученные предприятия, а на постройку новых заводов, от эксплуатации которых ловкие советчики обещали золотые горы. Так, еще до получения казенных заводов Ягужинский в апреле 1757 г. обратился в Сенат с пространном челобитьем, в котором изложил свой проект постройки в России «стальной фабрики».

Проведав о том, что необходимая стране сталь покупается за границей, причем при ее изготовлении употребляется привезенное из России железо, Ягужинский решил организовать производство стали «добротной во всем против германской и англий-

⁴⁷ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 38, лл. 302—306; кн. 1230, л. 414.

ской», с тем чтобы снабжать ею все казенные ведомства — Адмиралтейство, Оружейную и Монетную канцелярии. Взамен своего обязательства поставлять казне сталь с уступкой 10% против средней рыночной цены Ягужинский предъявил правительству разнообразные требования: запрещение ввоза стали «изо всех чужестранных мест по прошествии годового времени», когда он, по его представлению, найдет, что «мастеровые люди в деле инструментов и протчего... приобькнут и обучатся», запрещения ввоза этих инструментов и особенно пил из-за границы, «дабы с того вывозу заводу моему не было подрыву», монопольного положения на внутреннем рынке, — чтобы «кроме меня к заведению вновь в России таких заводов других никого не допускать».

Если бы Ягужинский ограничился претензиями, выполнение которых от казны не потребовало бы никаких расходов, то граф наверняка получил бы указ на постройку стальной фабрики. Но Ягужинский завершил свою многословную челобитную просьбой о выдаче беспроцентной ссуды в 50 тыс. руб. сроком на 10 лет⁴⁸.

Из Сената челобитная Ягужинского была направлена в Берг-коллегию с предписанием «учинить рассмотрение» и прислать свои замечания. Оказалось, что представленные Ягужинским образцы изделий (зубила, пилы, топоры) были «вострее против швецкой и немецкой гораздо превосходит качеством лучшее, потому что и материею крепчае, а против аглинской добротой в равенстве». На этом основании Берг-коллегия положительно отнеслась к идее строительства в России стальной фабрики, но удовлетворить ряд требований Ягужинского она отказалась, а по поводу других высказала осторожные суждения. Так, запрещение ввоза стали Берг-коллегия считала возможным ввести только после того, как убедится в способности стальной фабрики обеспечить своими изделиями спрос правительственных учреждений и внутреннего рынка. В зависимости от этого решалось и второе требование Ягужинского — если фабрика будет справляться с поставками, «тогда по усмотрению коллегии о недаче позволения другим и решение учинено будет». Категоричным было суждение Берг-коллегии лишь в одном вопросе, более всего интересовавшем графа, — ему было отказано в просимой ссуде. Берг-коллегия отклонила просьбу Ягужинского убедительным доводом, в основе которого лежали чисто фискальные соображения — она подсчитала, что сумма, расходуемая различными ведомствами на приобретение импортной стали, не превышала 10 тыс. руб., в то время как Ягужинский просил ссуду в 50 тыс. руб. «И тако, — резюмировала Берг-коллегия, — в рассуждении столь малого в Россию вывоза из-за моря той стали, таковой

⁴⁸ Там же, кн. 34, лл. 169—172.

немалой требуемой оным графом Ягужинским суммы из казны выдавать не следует»⁴⁹.

Категорический отказ Берг-коллегии финансировать стальную фабрику лишил Ягужинского интереса к этому предприятию, но предпринимательского зуда не уменьшил. Так, в феврале 1760 г. он обратился в Берг-коллегию с просьбой разрешить построить домну и четыре молота на р. Уфалее⁵⁰, но, не дождавшись определения, сосредоточил свои усилия на попытке обзавестись медеплавильным заводом.

К этому его склонял крестьянин Ярославского Спасского монастыря Иван Павлов, изъявивший еще в 1758 г. желание вместе с детьми «своим коштом в Оренбургской губернии медные и железные руды, также и к построению завода удобные места и речки приискивать». В течение годичного срока, на который Павлов получил разрешение, им было заявлено о восьми речках, пригодных для постройки завода, а в следующем, 1760 г., Павлов, будучи в Петербурге и проведая о предпринимательской горячке Ягужинского, увлек графа заманчивой перспективой построить медеплавильный завод. Много энергии на это тратить не пришлось — возможность извлечь крупные доходы настолько увлекла Ягужинского, что он тут же снизошел до заключения контракта с крестьянином на постройку медеплавильного завода. По условиям контракта обязанности компаньонов сводились к следующему: Павлов располагал 25 медными и одним железным рудниками, из которых «по неимению у него достаточного капитала на построение медных заводов» он три части отысканных рудников и восемь речек передает в компанию. Финансирование строительства завода и его эксплуатацию брал на себя Ягужинский, выделив для этой цели 20 тыс. руб. Павлову причиталось получать 25% прибыли⁵¹.

Из 11 речек, предложенных Оренбургскому горному начальству для освидетельствования, унтер-шихмейстер Иван Белов признал удобной речку Курган, на которой Берг-коллегия 3 мая 1761 г. разрешила построить медеплавильный завод⁵².

К строительству Курганского завода компаньоны приступили 24 сентября 1761 г., а действовать он начал два года спустя — в 1763 г. Характерно, что компаньоны не освоили намеченной мощности предприятия и вместо трех медеплавильных печей построили только одну. Производительность завода далеко не оправдывала затрат на его строительство. В 1763 г. Курганский завод выплавил 64 пуд., а в следующем году — 27 пуд. меди. Затем в работе завода наступил двухлетний перерыв, а

⁴⁹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 297, лл. 138, 145, 147.

⁵⁰ Там же, кн. 1176, лл. 197, 209.

⁵¹ Там же, кн. 1256, л. 241.

⁵² Там же, кн. 1385, л. 435.

в 1767 г. заводская контора заприходовала лишь 7 пуд. перечищенной меди⁵³. Это был последний год работы предприятия. Таким образом, завод, не выплавив и 100 пуд. меди, прекратил свое существование.

Неудача с Курганским заводом была вызвана отсутствием оборотных средств. С трудом осилив постройку предприятия, Ягужинский не располагал наличными для его эксплуатации, полностью рассчитанной на применение наемного труда. Первым обнаружил бесперспективность завода Павлов и через два года после его пуска предпринял шаг к выходу из компании, договорившись об уступке Ягужинскому оставшейся четвертой части рудников. Павлов запросил за уступленные рудники 10 тыс. руб., но такой суммой Ягужинский не располагал. Два года Павлов ожидал получения денег, а затем в 1767 г. заявил, что «купчей дать не может», потому что граф его «и поныне не удовлетворял и ничего не дает». Четвертая часть рудников была продана Ягужинскому лишь в 1780 г., но уже не Иваном Павловым, а его двумя сыновьями и не за 10.000, а за 500 руб.⁵⁴

Берг-коллегия настойчиво добивалась от Ягужинского пуска Курганского завода. В 1778 г., когда составлялся список недействующих предприятий, Берг-коллегия предложила Ягужинскому «немедленно в коллегия прислать рапорт, в состоянии он сей завод содержать и в какое точно время в действие приведен будет». Берг-коллегия тут же пригрозила, что если владелец «отзовется несостоятельным, то завод немедленно будет передан другому». Ягужинский пообещал восстановить завод, «но в какое точно время,— писал он в своем доношении,— назначить никак не могу по причине разстройки дел моих». На всякий случай Ягужинский запросил отсрочки пуска завода на один год. Берг-коллегия удовлетворила эту просьбу, но прошел год и она вместо рапорта о пуске завода получает в феврале 1781 г. доношение о том, что Ягужинский выполнить предписание не мог, «во-первых, по помешательству от башкирцев..., а, во-вторых, как в сем заводе был я еще неполным хозяином, но имел три части, а четвертую купил только прошлого 1780 г., в июле месяце». 2 марта 1781 г. Берг-коллегия предоставила Ягужинскому еще один год, предупредив, что если завод не будет пущен, то «подвергнет он себя строгости законов». Прошел и этот год, а Ягужинский завод не пустил, заверив только, что 15 января 1782 г. он отправил на завод необходимые деньги для его починки, а также людей, искусных в заводских делах. Ягужинскому была предоставлена третья отсрочка, которой он также не воспользовался⁵⁵.

⁵³ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. IV, ч. 2, стр. 273, 582, 583.

⁵⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1385, л. 435; кн. 1256, л. 218.

⁵⁵ Там же, кн. 1381, лл. 95, 97, 99, 104, 107, 108.

Многолетнее ожидание Берг-коллегией выполнения обещаний Ягужинского объясняется очень просто: Берг-коллегия не поступала с ним «по строгости законов» потому, что желающих купить завод не находилось, равным образом она не могла принять его и в казенное содержание. Оставалось довольствоваться слабой надеждой, что Ягужинский в конце концов выполнит свое обещания.

Но надежды оказались тщетными. Дело о Курганском заводе перешло в Сенат, и он, констатировав указами 18 марта и 17 апреля 1784 г., что Ягужинский «по прошествии трехгодовых сроков, ни к какому возобновлению... не приступил», предложил Уфимской казенной палате представить свое мнение, «будет ли от возобновления его казне прибыль или выгоднее продать оной желающим частным людям»⁵⁶. В нашем распоряжении нет ответа Уфимской казенной палаты на этот указ Сената, но, судя по тому, что Ягужинский только в начале XIX в. продал Курганский завод, казенная палата, очевидно, не сочла возможным взять его в свое ведомство, а охотников купить его в свое время не нашлось.

В 1802 г. престарелый Ягужинский, ставший к этому времени тайным советником, признал, что не имеет возможности привести завод в надлежащее действие и решил продать его именитому московскому купцу Кнауфу. Собственно, продавался не завод, ибо такового уже не было, а заводское место и 300 рудников к нему, а также леса, отведенные в 1772 г. За все это С. П. Ягужинский должен был получить 40 тыс. руб., с условием, что при заключении купчей Кнауф выдаст ему 4 тыс. руб., а остальные 36 тыс. руб. он получит в течение 9 лет, по 4 тыс. руб. ежегодно⁵⁷.

Судьба Курганского завода отражала плачевное состояние всего хозяйства Ягужинского, состоявшего из многочисленных вотчин, винокуренных предприятий и двух заводов, полученных от казны. Уткинский и Сылвинский заводы тоже оказались в состоянии глубокого кризиса. С самого начала Ягужинский осуществлял хищническую эксплуатацию полученных от казны предприятий. Извлекая из заводов доходы, он тут же тратил их на личные нужды, не вкладывая в производство ни копейки денег. В результате граф к 1765 г. не только не оплатил казне стоимости заводов, но еще более увеличил сумму своего казенного долга, ибо к цене предприятий прибавились недоимки по десятине и подушным деньгам за приписных крестьян. Берг-коллегия настойчиво пыталась выколотить деньги из Ягужинского, но безуспешно, так как его донимали требованиями возвращения долгов не только казенные учреждения, но част-

⁵⁶ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4377, л. 217.

⁵⁷ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2639, л. 164.

ные кредиторы. В частном письме на имя президента Берг-коллегии Ягужинский в марте 1765 г. сообщал, что «частые понуждения от Берг-коллегии» о платеже десятинных денег вынудили его обратиться к императрице с просьбой либо принять заводы в казну, либо, если оставят их за ним, то снабдить «всем нужным для их за собой удержания». Под «всем нужным» граф подразумевал предоставление казенной ссуды⁵⁸.

Обнаружив полную неплатежеспособность Ягужинского, Берг-коллегия в том же 1765 г. обратилась с предложением вернуть Уткинский и Сылвинский заводы в казну, «ибо де упомянутых десятинных и подушных денег год от году будет на нем, Ягужинском, накапливаться»⁵⁹. Сенат, однако, не пошел на эту крайнюю меру, будучи, видимо, осведомлен о том, что многократные челобитные, обращенные Ягужинским к императрице с жалобами на свое «изнурительное состояние» и с просьбами оказать «милосердие», в конечном счете возымели успех. Екатерина II повелела Сенату, «вошед в его, графа Ягужинского, изнурительное состояние, сыскать средства, дабы, с одной стороны, кредиторы его не потеряли вовсе их имения, а с другой, и он сам произведен был в безопасное положение от угрожаемых ему ежедневных бедствий». Искать выход, чтобы и овцы были целы и волки сыты, должна была специально для этой цели утвержденная комиссия, фактически взявшая управление имениями в свои руки.

Горная комиссия, рассматривавшая состояние казенных заводов в частных руках, пришла к решительному выводу о необходимости отобрать в казну Уткинский и Сылвинский заводы у Ягужинского на том основании, что граф, единственный среди вельмож, получивших от казны предприятия, уменьшил выплавку металла по сравнению с тем временем, когда они находились в содержании казны. «Напоследок», резюмировала Горная комиссия, Ягужинский «не только на производство тамо робот, на заготовление угля и протчих надобных к тому припасов потребной суммы ничего не содержал и затем Уткинский завод привел в недействие». Учитывая, кроме того, недомимки Ягужинского, Горная комиссия «иных средств по предписанным обстоятельствам не находит как только те заводы за ево неисправное содержание и за запущение с них надлежащего платежа в доимку, взять от него, графа Ягужинского, обратно в казенное содержание за ту же цену, за которую ему оные из казны отданы были»⁶⁰.

Сенат, однако, был настроен менее агрессивно. Он, в частности, предложил Берг-коллегии высказать свое отношение на возможность выдачи Ягужинскому 15-тысячной ссуды и отве-

⁵⁸ Там же, кн. 1245, л. 63.

⁵⁹ Там же, кн. 43, л. 160.

⁶⁰ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 1534, т. V, лл. 81—82.

тить на вопрос, «могут ли его заводы приведены быть в безостановочное действие». По подсчетам Канцелярии главного заводов правления, на возобновление работы Уткинского и Сылвинского заводов в течение года требовалось 20 083 руб. Берг-коллегия, однако, считала, что «по обычайному заводскому течению» Ягужинский сможет возобновить действие заводов только при условии получения удвоенной суммы, т. е. 40 166 руб. Берг-коллегия предлагала еще один способ возобновления заводов — отдать их на откуп, но сама же отклонила свою рекомендацию, так как «никто без прибыли на откуп взять не похочет, то оная прибыли часть следственно от графа Ягужинского отнята и будет». Но 40 тыс. руб. Ягужинский все же не получил — Сенат такой крупной суммой не рискнул⁶¹.

В 1778 г. бывшие казенные заводы Ягужинский продал С. Я. Яковлеву за 100 тыс. руб. Почти вся эта сумма поступила в казну — 72 582 руб. за заводы, 16 182 руб. за неуплаченные подушные деньги, 8 053 руб. за железо, отпущенное в Оружейную канцелярию с казенных заводов вместо заводов Ягужинского. Общая сумма долга Ягужинского составила 96 817 руб.⁶²

Итак, предпринимательство вельможи и крупного помещика Ягужинского, владевшего десятью тысячами крепостных, окончилось полнейшей неудачей; он кончил тем, с чего начинал, оставшись вотчинником без металлургических заводов.

Самым бесцветным дельцом среди дворян, получивших казенные заводы, следует считать лейб-гвардии Измайловского полка адъютанта Александра Григорьевича Гурьева. Правительственные инстанции в связи со своей промышленной деятельностью он беспокоил трижды — в 1756 г., когда обратился в Сенат с просьбой передать ему Алапаевский, Синячихинский и два Сусанских завода, в 1759 г., когда просил увеличить число приписных крестьян, и наконец, в 1766 г. В этой последней челобитной Гурьев как бы подвел итоги своего семилетнего предпринимательства и испрашивал разрешение на продажу заводов С. Я. Яковлеву.

Перечисленные выше четыре завода были переданы Гурьеву с условием увеличения производства железа и меди «против нынешнего казенного содержания». Этого предписания Гурьев не выполнил, полученное хозяйство он оставил почти без изменений и о размножении его «вдвое или более» не могло быть и речи. Оборудование четырех заводов, перешедших во владение Гурьева, состояло из одной домны, 10 действующих и трех запасных молотов и двух медеплавильных печей. Это оборудование он дополнил четырьмя молотами, но выпуска железа не увеличил.

⁶¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1245, лл. 255, 287.

⁶² Там же, кн. 2122, лл. 881, 882.

Гурьев вступил во владение заводами 1 января 1759 г. Все они были оценены в 47 864 руб. В отличие от прочих вельмож, секунд-майор Гурьев, не рассчитывавший из-за своего более скромного положения на снисходительность правительства, уплатил за заводы, но общие итоги его предпринимательства оказались несколько не лучше, чем и у вельмож, смотревших на собственность казны с чисто утилитарной точки зрения. Как уже указывалось, в 1766 г., т. е. спустя более семи лет после получения заводов из казны, Гурьев, признав свою полную несостоятельность в качестве промышленника, решил продать заводы С. Я. Яковлеву и испрашивал на этот счет разрешения Берг-коллегии⁶³. Последняя, «дабы оные заводы в неисправности не оставались», разрешила продать заводы Яковлеву, обязав покупателя выполнять такие же поставки в казну, которые были возложены на Гурьева⁶⁴.

В результате продажи заводов Гурьев получил громадную прибыль. В казну он уплатил вместе с процентами 52 519 руб., а от Яковлева получил 140 тыс. руб. Купчая на продажу заводов была оформлена 11 сентября 1766 г.⁶⁵

Особое место среди представителей знати, получивших «в вечное и потомственное владение» казенные заводы, занимает князь Петр Иванович Репнин. Если об уральских заводах было заведомо известно, что они являлись рентабельными предприятиями и привлекали вельмож возможностью извлечь высокие барыши и тем самым поправить свои хозяйственные дела, разстроенные непомерной роскошью, то о Липецких заводах этого сказать было нельзя. Рентабельность Липецких заводов была весьма сомнительной и поэтому, ими, с одной стороны, казна не дорожила, а с другой — к ним не тянулись и любители легкой наживы.

Дело в том, что еще в 1743 г. Сенат предложил Берг-коллегии рассмотреть вопрос о судьбе Липецких заводов «и иметь рассуждение, не полезнее ли будет те заводы в казенном ведении содержать», и если ответ будет отрицательным, то немедленно публиковать о передаче их в частные руки. Берг-коллегия считала целесообразным передать заводы «в партикулярное содержание», многократно об этом сообщала всем желающим, «токмо ко взятю тех заводов охотников» не явилось.

Повторно судьбой Липецких и Боренских заводов Сенат заинтересовался 10 лет спустя, когда 28 октября 1753 г. вновь было предложено Берг-коллегии «немедленно рассмотреть, те заводы надлежит ли в ведомстве той Берг-коллегии и с каким основанием для государственной пользы и прибыли на казенном коште содержать или отдать оные в содержание партику-

⁶³ Там же, кн. 1260, л. 531.

⁶⁴ Там же, кн. 43, лл. 142, 143.

⁶⁵ Там же, кн. 1260, л. 563.

лярным людям». Не дожидаясь ответа на поставленный вопрос, Сенат предложил повторить публикацию об отдаче заводов «охочим людям», но и на этот раз «никого охотников не явилось».

Принимая меры к передаче заводов «охочим людям», Берг-коллегия в то же время решила получить более или менее точное представление об их состоянии, для чего в марте 1754 г. отправила для их осмотра гитенфорвалтера Ивана Княгинкина. Результаты осмотра заводов Княгинкиным нисколько не колебали установившегося к ним отношения Берг-коллегии. Оказалось, что все заводы находились в запущенном состоянии. На Верхне-Липецком заводе из четырех домен действовала только одна, а «якорная, слесарная, оружейная и протчие фабрики не в действии за остановлением тех мастерств». Перспективы завода, по мнению Княгинкина, были безнадежны: «все строения при плотине и фабричное обветшало..., за малостию в пруде воды и за умалением лесов тот завод впредь к содержанию в действии не надежен». В еще более безотрадном положении находился Нижне-Липецкий завод, все оборудование которого бездействовало «за потоплением оных и всей плотины от реки Воронежа подпрудной большою водою, которая их содержит без действия каждогодно месяца по три и больше». Княгинкин вынес заключение, что «оной завод никакой прибыли приносить не может и впредь к содержанию в действии неудобен и ненадежен». Лишь Боренский завод «к содержанию еще несколько за новостию строения, довольством воды и отчасти лесов» признавался пригодным. Основываясь на заключении Княгинкина, Берг-коллегия донесла Сенату, что Липецкие и Боренские заводы «казенным коштом содержать бесполезны».

На этот раз долгожданный представитель «охочих людей», пожелавший взять заводы в свое владение, наконец, явился. Им оказался князь П. И. Репнин, обещавший на полученных предприятиях изготовлять железо «добротой против протчих таковых качеств руд». У Репнина тут же запросили «кондиции», на которых тот желал бы принять заводы, и когда ознакомились с их содержанием, то нашли их вполне приемлемыми. Князь ничего лишнего и обременительного для казны не требовал, и его условия следовало признать умеренными. Он согласился взять заводы «в потомственное владение» с приписными крестьянами, мастеровыми и работными людьми, припасами и инструментами, с лесными угодьями. Стоимость всего этого он обязался возместить в течение пяти лет. Лишь одно из выработанных Репниным условий было специфическим, не встречавшимся в прочих такого рода документах, — он требовал повсеместного уничтожения близлежащих к получаемым заводам ручных горнов. Какое серьезное значение Репнин придавал уничтожению мелких предприятий, свидетельствует то,

что он вернулся к этому вопросу в 1759 г., когда потребовал запрещения ручных домниц Петра Зыкова, Никиты Криворотова, Василия Арехова и Андрея Кураксина на том основании, что их домницы находились от Липецких заводов ближе 30 верст и что неречисленные владельцы этих домниц «воровски лес рубят и уголь жгут и возят на те свои заводы».

Условия, предложенные Репниным, Берг-коллегия признала приемлемыми и тут же создала комиссию для оценки заводов. В ее состав вошли представитель Берг-коллегии шихтмейстер Василий Соколов, галерного флота лейтенант Иван Аксаков, представлявший Адмиралтейство, и ценовщики из воронежских купцов и липецких мастеров. Комиссия начала свою работу 27 августа 1754 г., а уже в сентябре того же года доверенный Репнина жаловался на ее действия. Мастера, принимавшие участие в оценке завода, правильно рассудили, что переход предприятий к Репнину ухудшит их положение, поэтому прибегали ко всем доступным им средствам, чтобы вынудить князя отказаться от приема заводов, и сознательно повышали цену оборудования.

Служитель Репнина от имени барина требовал замены «ценовщиков», присылки вместо воронежских купцов — московских и вместо пристрастных липецких мастеровых — мастеровых с заводов Нарышкина.

Справедливость жалобы служителя Репнина подтвердили руководители комиссии Аксаков и Соколов, информировавшие Берг-коллегию о том, что во время оценки у купцов «с мастеровыми людьми происходят великие споры и ценят оные не против того, чего стоит, но и высокою чрезвычайною ценою». Несмотря на это, Берг-коллегия не предприняла никаких мер и ограничилась лишь предупреждением, чтобы купецкие и мастеровые люди оценивали «заводы настоящей ценою»⁶⁶.

3 января 1755 г. оценочная комиссия завершила свою работу. Заводы были оценены в 75 880 руб. Следует отметить, что сопроводительная записка к оценочной ведомости содержала признание неудачи проделанной работы. Воронежские купцы во главе с Семеном Елисеевым заявили, «что в их оценке о плотинах показаны от них цены niskи или высоки, того они, ценовщики, подлинно знать не могут, понеже более утверждались на мастерских показаниях». Провинциальные купцы признавались в том, что понятия не имеют о цене многих сооружений, инструментов и припасов, «ибо у них таких заводов никогда не имелось». В связи с этим Берг-коллегия вошла в Сенат с предложением для более «обстоятельной» оценки заводов отправить новую комиссию в обновленном составе.

⁶⁶ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 961, лл. 1, 4, 7—10, 31, 34; д. 296, лл. 74, 75.

Новая комиссия оценила заводы вместо 75 880 руб. в 20 168 руб., т. е. более чем в три раза дешевле. Наличие столь «великой разности» в оценках двух комиссий заставило Сенат распорядиться послать для оценки вновь «нарочных людей надежных» и Берг-коллегии полученные итоги третьей оценки основательно изучить, «и на которой описи и оценке та Берг-коллегия утвердится, в том представить в Правительствующий сенат со мнением». Между тем заводы решено было передать Репнину, предварительно взяв с него подписку, что он не будет возражать против оценки, произведенной третьей комиссией.

Третья комиссия закончила работу 30 сентября 1756 г. и оценила завод в 22 096 руб. Эту цену Берг-коллегия и признала «за действительную». Впрочем, дело с оценкой не закончилось и на этом — специально для оценки плотин была снаряжена четвертая комиссия, в которую вошел вызванный с уральских заводов плотинный мастер саксонец Иоганн Мартин. Он оценил плотины примерно в такую же сумму, как оценила «третичная комиссия». Вопрос об оценке предприятий был решен окончательно только летом 1757 г. — правильной была признана цена, установленная третьей комиссией⁶⁷.

Вступив во владение заводами, Репнин несколько реконструировал их — 18 марта 1757 г. он пустил Кузминский завод, считавшийся настолько ветхим, что его сооружения даже не вошли в оценочную ведомость, но зато остановил Верхне-Липецкий завод с его четырьмя домнами. В итоге этой перестройки ведомость, составленная в 1757 г., зарегистрировала на бывших казенных заводах две действующие и одну запасную домны и шесть молотов. Общая производительность заводов оставалась незначительной. Так, на Нижне-Липецком заводе, где стояла одна действующая, одна запасная домна и три молота, изготовлялось около 7 тыс. пуд. железа в год. Низкую производительность, с одной стороны, обуславливала узкая энергетическая база предприятия — из трех молотов «за тою малою водою два молота обстоят без работы праздны». С другой стороны, малая производительность завода объяснялась техническими дефектами — «доменные печи складены не против пропорции, ис которых выходит чугуна не против же, как на других заводах бывает». Производительность Боренского завода составляла 5 тыс. пуд. железа в год, о производительности же только что пущенного Кузминского завода ведомость 1757 г. не сообщает никаких сведений⁶⁸.

Годы, в течение которых Сенат и Берг-коллегия занимались оценкой и переоценкой заводов, не прошли для Репнина

⁶⁷ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1000, лл. 1, 5, 179; кн. 1152, лл. 184—192.

⁶⁸ Там же, кн. 973, л. 327.

даром. В марте 1754 г. он изъявил желание принять в свое содержание казенные заводы, а уже в июне того же года вместе с братом Сергеем возбудил ходатайство на постройку «своим коштом» доменного и передельного завода в собственных вотчинах, расположенных в Шацком уезде. Братья так спешили с заявкой на рудники, что даже не успели найти подходящей для постройки завода реки. «А на какой речке,— писали они,— к построению завода удобнее место отыщем, о том в Берг-коллегию немедленно репортовать будем». Через месяц была найдена речка Еремша. 10 апреля 1755 г. Берг-коллегия вынесла определение о постройке доменного и молотового завода на р. Еремше. Во второй половине XVIII в. это был едва ли не единственный случай, когда разрешение на постройку завода было выдано без осмотра выбранного места специалистами горной администрации. В распоряжении Берг-коллегии в это время не было свободного горного офицера, и она выдала Репниним указ, руководствуясь их данными о пригодности заводского места и высоком качестве руды, содержавшей 58% чугуна.

К концу 1756 г. была построена плотина и «под молотовые и под домну фундамент основан»⁶⁹. Пуск Еремшинского завода, оборудованного домной и одним молотом, состоялся в 1757 г.

Еремшинский завод являлся автономным предприятием, с завершенным металлургическим циклом. Но Репнин, кроме того, построил завод, расширявший ранее сложившийся комплекс казенных предприятий. Князь, сидя в Петербурге, наметил постройку на речке Тереховой домны и «молотовых анбаров» на речке Белоколодезе в Белоколодском уезде. На все это была составлена в августе 1758 г. доверенность «человеку» князя Афанасию Дружинину. Но после ознакомления с производством Афанасий Дружинин то ли самостоятельно, то ли предварительно снесшись с барином, существенно изменил первоначальный план. В челобитной, поданной в Берг-коллегию в ноябре 1758 г., речь шла только о постройке молотового завода, предназначавшегося для передела чугуна с группы Липецких предприятий. На этих предприятиях «в совершенном действии» находилось три домны, а молотов было только четыре, «ис которых 2 за малоимением в пруде воды почасту бывают без действия и затем выплавляемого из оных домен не в переделе в железо при Липском заводе чугуна имеется довольно число»⁷⁰. Так в 1758 г. возник Ново-Петровский завод, оборудованный четырьмя молотами. Как и Еремшинский завод, он был построен на собственной земле.

⁶⁹ Там же, д. 270, лл. 631, 637, 638; кн. 957, лл. 36, 39, 41, 58, 59.

⁷⁰ Там же, кн. 1156, лл. 202, 204.

Но князь П. И. Репнин развил энергичную деятельность и по строительству заводов вне пределов своих вотчин — на территории, отошедшей от Швеции к России по Абосскому мирному договору и на Урале. В Фридрихсгамском и Ильманьштерандском уездах, где в 1756 г. была обнаружена свинцовая руда, Репнин поначалу действовал совместно с графом Захаром Чернышевым. Вельможи решили «с великим рачением» строить в Кюменогорской волости свинцовые заводы и тем самым, как они писали в челобитной, освободить страну от ввоза свинца из-за границы. Компаньоны здесь же затребовали от правительства ряд привилегий и льгот — предоставления 10-тысячной ссуды, присылки соответствующих специалистов с казенных заводов и, наконец, предоставления монопольных прав на производство и сбыт продукции завода.

Компаньоны намеревались построить свинцовый завод без приписных крестьян, «но только за дачею для работ 50 чел. из Выборгской губернии колодников». Руководство производством должны были осуществлять мастера и ученики, присланные с казенных заводов. Действительность опрокинула эти расчеты вельмож. Попытка истребовать у экспедиции Нерчинских заводов одного мастера и 10 учеников рудокопного и плавильного дела окончилась неудачей, так как таковых оказалось недостаточно для ее собственных нужд. Тогда Репнин опубликовал объявление в московской и петербургской газетах, «чтобы таковые мастеровые люди явились охотою, тако и за море об оных писал». Но «горнокопательные люди» не явились, что привело Репнина в полнейшее уныние, «ибо чюхны той горнокопательной работы ни по какой цене работать не идут». Если раньше Репнин и Чернышев информировали Петербургскую контору Берг-коллегии, что строительство завода «с великим рачением производитца», то несколько месяцев спустя, в том же 1757 г. Репнин уже доносил, что без приписки крестьян и присылки мастеровых, «которые б при той работе к тому рудокопному делу и плавления свинца искусство имели», пустить завод не представляется возможным.

Прошел еще год и Берг-коллегия, не обнаружив никаких следов «великого рачения», решила запросить Берг-контору, с каким успехом ведется строительство завода. «Ежели оной свинцовой завод строением еще и поныне не окончен, то их, князя Репнина и графа Чернышева, — предлагает Берг-коллегия, — к действительному того завода построению и размножению... принуждать неотменно». Пристальное внимание казны к судьбе свинцового завода было обусловлено тем, что вельможам удалось получить от правительства просимую ими ссуду в 10 тыс. руб. Завод, однако, не был построен «по причине, что колодников нет, следственно никоим образом и производства заводского за неимением работных людей, а паче за

неприпискою ис тамошних кирхшпилей (крестьян.— Н. П.) учинить не можно». Чернышев в 1758 г. уступил свой пай в компании обер-прокурору Сената Александру Ивановичу Глебову, но изменение состава компании нисколько не подвинуло вперед строительства завода. В 1758 г. компаньоны, ссылаясь на то, что «поныне Россия еще ни одного свинцового завода не имела и что сей металл весьма есть нужной», потребовали приписки крестьян⁷¹.

Шли годы, а строительство свинцового завода не подвигалось вперед, хотя Сенат и приписал крестьян. Крестьяне не выполняли заводских работ и подали жалобу против приписки. Сопротивление крестьян и неудачи с постройкой завода не обескураживали вельмож, и они в июне 1760 г. обратились с очередной челобитной, в которой сообщали, что недалеко от свинцового завода «старанием рудоискателей» отысканы железные руды, и они желают построить «в удобном месте, на какой реке за полезно усмотрено будет» вододействующий завод с одной или двумя прознами. Постройку завода Репнин и Глебов намеревались производить трудом крестьян, приписанных к свинцовому заводу.

Просьба о постройке железоделательного завода вместе с образцами руды была подана в Петербургскую Берг-контору. Берг-контора, хотя и нашла руду бедной и постройку «вододействующих домен и железных фабрик не прибыточными», однако все же поддержала перед Берг-коллегией ходатайство просителей на том основании, что «ежели те обысканные рудные места вглубь разработаны будут, то уповательно, что и большого содержания такие руды найдтиса могут». Подхлестнутые благожелательным отношением к своей затее, Репнин и Глебов месяца через два прислали на пробу еще один образец руды, по качеству оказавшийся значительно лучше первого. Если в первом образце опытная плавка обнаружила 20% серы и 8% чугуна, то во втором — 38% чугуна. Вторая находка настолько воодушевила компаньонов, что они уже не удовольствовались планом постройки одной домны, а намечали строить две.

Когда материалы попали на заключение Берг-коллегии, она, вопреки правилу, отказала в просьбе Репнина и Глебова и отклонила ходатайство своей конторы. Отказ был вызван не только тем, что представленные руды оказались «к производству вододействующих домен и железных фабрик неприбыточными», но и тем, «что в одном месте свинцовому и железнному заводам быть весьма невозможно» как вследствие истребления лесов, так и вследствие недостатка рабочих рук, особенно если

⁷¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 282, лл. 23, 24; д. 288, л. 417; кн. 35, лл. 359—364; кн. 1156, лл. 118, 119; кн. 2054, лл. 267, 269, 365.

учесть нежелание приписанных крестьян выполнять заводские работы.

Это определение было вынесено Берг-коллегией в ноябре 1760 г., а месяц спустя она решила судьбу и свинцового завода. Берг-коллегия не сочла возможным строить там завод, «потому что свинцовая руда в жестоком и крепком камне весьма тонко простирается». Добычу такой «тонкой свинцовой жилы весьма убыточно производить должно, а именно порохом для твердости камня». Первоначальный вариант доношения Берг-коллегии Сенату заканчивался не очень категорическим отказом. В конечном итоге возможность продолжать постройку завода передавалась на усмотрение самих промышленников — «отважутся ль они на такую непрочную добычу собственной свой капитал положить, то оное им позволить только с тем, чтоб они добычу оных руд не приписными, но вольными крестьянами за вольную же плату производили». Поразмыслив, члены Берг-коллегии исключили из окончательного текста доношения в Сенат свои рассуждения относительно вольных работников и вольной платы. Сенат запретил вельможам строительство «железных и протчих металлических заводов» в Кюменогорской провинции, «яко состоящей от С.-Петербурга не в дальнем расстоянии»⁷². Много лет спустя, в 1771 г., Репнин и Глебов вновь возобновили ходатайство о разрешении продолжить строительство свинцового завода.

В журнальной записи Сената от 13 июля 1771 г. сказано, что компаньоны решили возобновить завод «вольными мастеровыми и работными людьми», не претендуя более на труд приписных крестьян⁷³. Вопрос о постройке предприятия, видимо, был решен промышленниками отрицательно, так как никаких свидетельств существования свинцового завода не обнаруживается.

Почти одновременно с хлопотами о постройке Кюменогорского свинцового и железоделательного заводов Репнин пытался утвердить свое предпринимательство и на Урале. Здесь он действовал в компании с екатеринбургским купцом Яковом Родионовичем Коробковым, выходцем из Тулы, основателем и владельцем Каслинского завода, проданного затем Н. Демидову.

Заключенный в июне 1758 г. между Коробковым и П. И. Репниным контракт показывает, что полномочным хозяином положения был купец, а действительный камергер и кавалер Репнин мирился с второстепенной ролью. По условиям контракта вклад Коробкова состоял в обысканном заводском месте в Исетской провинции, на котором можно было построить от четырех до шести медеплавильных печей; кроме того, Коробков

⁷² ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1177, лл. 433—439, 447, 451—453.

⁷³ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 3902, л. 546.

объявил 27 медных рудников. В этих двух пунктах роль Коробкова неоригинальна. Однако последующие пункты контракта характеризуют Коробкова в ином свете, чем других купеческих компаньонов вельмож. Репнин должен был выполнять две обязанности. На него возлагались хлопоты о получении указа на постройку завода, но главным образом — хлопоты о приписке государственных крестьян к заводу. Князь брал на себя и финансовые обязательства, но должен был выполнить их только после постройки завода. После пуска четырех медеплавильных печей Репнин и Коробков вносят одинаковые пай по 2 тыс. руб. «И на оные 4 тыс. руб., — писал Коробков, — обязуюсь оной медный завод в надлежащем действии содержать». Выплавленную медь компаньоны делят пополам, и каждый из них распоряжается своей частью по своему усмотрению.

Помимо медеплавильного завода, контракт предусматривал постройку на р. Миясе крупного доменного и передельного завода с двумя домнами и 20 молотами. Место под завод и железные рудники было найдено Коробковым, финансировать строительство предприятия должен был Репнин, причем контракт оговаривал, что поскольку князь наличными не располагает, он берет на себя обязательство в течение трех лет исхлопотать у Сената 20-тысячную ссуду; если, однако, хлопоты окажутся безрезультатными, то за Коробковым сохранялось право вместо Репнина пригласить другого компаньона⁷⁴.

В соответствии с заключенным контрактом Репнин в июне 1758 г. возбудил ходатайство об одновременной постройке на Южном Урале двух заводов — медеплавильного «близ Челябинской крепости между речкой Зюзелькой и озерком Карагай» и железоделательного в той же Исетской провинции, на р. Миясе. Постройка обоих заводов обуславливалась получением помощи от казны. В челобитной о постройке медеплавильного завода Репнин писал: «И ежели на произведение и действие оного заводу, в силу указов и Берг-регламента, надлежащее число крестьян приписаны и довольное число лесов, земель и протчих угодьев к тому заводу отведены будут, то я, именованный, тот завод в указанное время обще с ним, Коробковым, построить и в действие привести имею». На постройку железоделательного завода на р. Миясе Репнин запросил 20 тыс. руб. «на 10-летнюю расплату», кроме приписки крестьян. Нет сомнения в том, что Репнин пользовался информацией Коробкова, ибо в своих челобитных проявил полную осведомленность об уральских делах. Так, его челобитные предусматривали приписку крестьян определенных слобод, «разстоянием от означенного заводского места Ключика около 40 верст, которых на первой случай на построение завода без

⁷⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1161, лл. 639—642.

всякого их отягощения... приписаны быть могут». В челобитной о постройке железоделательного завода Репнин подсказывал Берг-коллегии источники, из которых она могла извлечь необходимые ему 20 тыс. руб. Он писал о 100 тыс. наличных денег, хранившихся в Тобольске, и о 8 тыс. вымороченных рублѣх, лежавших в Екатеринбургѣ «без всякого плода и государственной и общенародной пользы».

Затея с постройкой двух заводов на Урале закончилась столь же неудачно, как и попытка построить два предприятия в Финляндии. При обследовании места под завод и медных рудников оказалось, что место удобно, но рудники «мало-надежны». Поэтому указом Берг-коллегии 18 января 1762 г. строительство завода было запрещено «за неимением к тому в добыче рудных приисков», но заводское место все же решено было закрепить за Коробковым до тех пор, пока он не найдет хорошие рудники. Само собою разумеется, что подобный указ исключал возможность приписки крестьян.

11 лет спустя, в 1769 г., уже после смерти Коробкова, Репнин возобновил ходатайство о постройке медеплавильного завода на месте, найденном покойным компаньоном, но Берг-коллегия перед вынесением определения поручила Канцелярии главного заводов правления навести справки о наследниках Коробкова.

Узнав о резолюции Берг-коллегии, Репнин потерял всякий интерес к своей челобитной. Просьба о постройке на Урале второго завода — Миясского — была с самого начала обречена на провал, ибо встретила решительное противодействие Максима Мосолова и Н. Н. Демидова. Мосолов заявил, что постройка Миясского завода Репниным учинит «подрыв» его Златоустовскому заводу, ибо в том районе лесов хотя и много, но они «весьма редки». Если доводы Мосолова можно было отвести, то позиция Н. Н. Демидова была безупречной, и спор с ним становился бесполезным, ибо место, на котором Коробков и Репнин намеревались построить завод, находилось в пределах территории, отведенной Демидову под Кеolimский завод⁷⁵.

Мы подробно остановились на неудачных попытках Репнина обзавестись заводами в Финляндии и на Урале с той целью, чтобы яснее подчеркнуть неудачи влиятельного князя, ставшего к концу 60-х годов обер-штаб-майстером. Князь более или менее справлялся с эксплуатацией заводов, полученных от казны. Удалось ему осилить постройку и эксплуатацию двух заводов «своим коштом», поскольку оба эти завода стояли в его собственных вотчинах и обслуживались собственными крепостными крестьянами. Но как только Репнин переступал границы

⁷⁵ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. IV, ч. 2, стр. 155—162; ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1161, л. 743; кн. 1287, л. 317.

своих вотчин, его предпринимательские планы становились бесплодными. Во всех случаях, когда Репнин намеревался строить завод вне вотчины, он уповал на ту или иную форму помощи от казны. Достаточно было не оказать этой помощи, чтобы вопрос о строительстве заводов потерял всякую почву.

Подведем итоги предпринимательской деятельности Репнина. В 60-х годах его хозяйство, помимо заводов, полученных от казны, включало еще два предприятия, построенных им самим, — Еремшинский и Ново-Петровский заводы. Репнин оказался таким же незначительным хозяином, как и прочие вельможи. Поэтому судьба его заводов была такой же, как и у Шуваловых, Воронцова, Ягужинского и других.

Личные расходы обер-штабмейстера князя Репнина, роскошь придворной жизни далеко превосходили доходы, получаемые от вотчин и заводов. Князь из года в год залезал в долги, так что к 1769 г. все принадлежавшие ему вотчины были описаны «за состоящей на нем по Монетной экспедиции казенной долг». В сумму этого долга входила и стоимость Липецких заводов, за которые он еще не расплатился. Затянувшееся дело с оценкой заводов привело к тому, что деньги за них было решено взыскивать не с 14 июня 1754 г., когда Сенат велел передать предприятия Репнину, а с 1758 г., когда были получены, как казалось правительственным инстанциям, надежные сведения о стоимости передаваемого князю государственного имущества. Последний взнос Репнин должен был сделать в 1763 г., но в 1760 г. он обратился в Сенат с новой просьбой, в ответ на которую последовал указ отсрочить взыскание денег на 10 лет, так что последний платеж должен был состояться 4 января 1770 г. У Репнина не оставалось иного способа выволить вотчины, попавшие в секвестр, как продать заводы. Репнин так и сделал, предложив в 1769 г. казне купить те самые заводы, которые 15 лет назад попали к нему в руки.

Время, избранное для продажи завода, было чрезвычайно выгодным для князя — шла русско-турецкая война, а Липецкие заводы приобрели важное значение для обеспечения русской армии артиллерией и вооружением. Это обстоятельство своевременно учел Репнин, предложивший казне купить за 100 тыс. руб. заводы, уступленные ему 15 лет назад за 22 069 руб. Правда, помимо промышленного комплекса, известного под названием Липецких заводов, Репнин продавал также построенный им самим Ново-Петровский завод, зато сырье и готовые изделия не входили в эти 100 тыс.⁷⁶

А. С. Ярцов высказал не лишнюю основания догадку о том, что Репнин намеревался извлечь доходы из полученных заводов не столько путем их эксплуатации, сколько терпеливым

⁷⁶ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1300, лл. 20, 22, 29, 30.

выжиданием выгодных обстоятельств, чтобы втридорога продать обратно заводы казне. По мнению Ярцова, Репнин не предусматривал от заводов «довольных доходов», и поэтому, «оставляя заводские действия, завел при плотинах мучные мельницы, от коих он и получал помольные за хлеб доходы, простирающиеся до 3000 руб.». Что касается самих заводов, то князь решил «иметь только вид своей в них собственности» до тех пор, пока выявилась в них казенная надобность «для черноморских флотов». «Таково-то бывает иногда поведение русских бояр», — заключает свои размышления Ярцов⁷⁷.

Продажа заводов Репниным была, разумеется, для него вынужденной мерой. Спрашивается, почему, однако, выбор пал на Липецкие заводы, а не на вотчины. Ответ на этот вопрос дать нетрудно, если учесть, что на Липецких заводах фактически прекратилась работа вследствие неповиновения рабочих и мастеровых людей. Мастеровые еще в 1765 г. «согласно объявили, что они в послушании кн. Репнина и его приказов за причиненными от них им обидами и притеснениями и мучительскими побоями... быть не могут». Таким образом, неповиновение мастеровых несомненно ускорило переход Липецких заводов в казну⁷⁸.

С последним своим заводом — Еремшинским — Репнин расстался в 1776 г.⁷⁹ Продаже предприятия предшествовала тщательная подготовка, состоявшая в том, что Репнин принимал меры к тому, чтобы искусственно повысить цену завода припиской к нему значительного числа крепостных крестьян. Можно предположить, что покупатель завода нашелся задолго до совершения купчей. Им был А. Р. Баташов, проявлявший интерес не столько к самому заводу, сколько к крепостным крестьянам.

В 1773 г., когда у Репнина созрело решение продать завод, в Берг-коллегию была подана челобитная о приписке к нему 539 душ крестьян с. Аносова, расположенного в четырех верстах от предприятия. В конце 1774 г. Берг-коллегия, учитывая, что просимое число душ «не превосходит, но еще против положенной пропорции по действию заводов будет неполное», разрешила приписать 539 душ, поскольку они, по словам Репнина, «заводским мастерством довольно обучены». Покупатель Баташов, видимо, считал такое количество крестьян недостаточным. Поэтому в июле 1776 г. Репнин обратился с новой челобитной, в которой просил в дополнение к ранее приписанным крестьянам приписать еще 417 душ с. Вознесенского, которые выполняли заводские работы «с самого начала устройства оного завода», так что «многие из них действительно в мастерствах, а прочие в заводских работах упражняются».

⁷⁷ А. Ярцов. Российская горная история, ч. II, л. 32.

⁷⁸ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 43, л. 98.

⁷⁹ Там же, кн. 1344, лл. 473, 480, 487, 492.

Как только эта просьба тоже была выполнена Берг-коллегией, Репнин в том же июле 1776 г. продал завод Баташову за 80 тыс. руб. Совершенно очевидно, что столь высокая цена завода определялась не домною и молотовыми фабриками с инструментами и разными машинами, а причисленными к нему вотчинными крестьянами, которых насчитывалось 957 душ⁸⁰.

На этом закончилось предпринимательство Репнина в области металлургии, продолжавшееся немногим более 20 лет. Хозяйство Репнина является едва ли не самым показательным среди хозяйств вельмож, поскольку оно, несмотря на свою разнородность, довольно отчетливо выявляет тенденцию развития дворянского предпринимательства. В течение двух с небольшим десятилетий Репнин поддерживал работу как полученных от казны заводов, так и построенных «собственным коштом», поскольку те и другие были обеспечены принудительным трудом. Но стоило Репнину вместе с другими представителями знати оторваться от феодальных основ эксплуатации труда, без крепостных крестьян, как все попытки основать предприятия терпели неудачу.

Мы установили, что начало предпринимательства Репнина несколько отличалось от того, с чего начинали прочие вельможи. Но конец этого предпринимательства нельзя считать оригинальным. Князь получил Липецкие заводы в придворном чине камер-юнкера. С годами чины Репнина становились более солидными, прибавлялось количество орденов, но рост доходов от придворной службы намного отставал от потребностей вельможи. Когда Репнин в 1776 г. расставался со своим последним, Еремшинским, заводом, то числился генерал-аншефом, действительным камергером и кавалером, а также неоплатным должником государственных банков и частных кредиторов. Предпринимательство в той отрасли хозяйства, где вельможе приходилось конкурировать с представителями нарождавшейся буржуазии, оказывалось непрочным.

* * *

Выше мы рассмотрели все случаи получения дворянами действовавших заводов. Такими предприятиями удавалось овладеть преимущественно представителям придворных кругов, вельможам. Дворяне рангом ниже довольствовались меньшим, соглашаясь принять недействующие заводы и предпринимательством поправить свои дела. Берг-коллегия удовлетворяла их просьбы, поскольку надеялась возобновлением работы завода увеличить «казенный интерес» в форме поступления десятины.

⁸⁰ Там же, кн. 2121, лл. 412, 421.

Среди этого типа дворян-предпринимателей выделяется неутомимой изобретательностью в поисках новых источников доходов Николай Иванович Маслов.

В этом смысле он едва ли не ярче других дворян отразил веяние времени. Но Маслов характерен не только своей изобретательностью в поисках путей обогащения, но и тем, что в конечном счете его предпринимательская деятельность продемонстрировала полнейшую бесплодность попыток дворянина реорганизовать свое хозяйство.

Полковник в отставке, Н. И. Маслов принадлежал к числу богатых дворян. В его вотчинах, расположенных в Тульском уезде, находилось 1 634 души крепостных мужского пола.

Предпринимательство Маслова началось в легкой промышленности. В своем с. Васильевском, Маслово тож, Маслов организовал полотняную мануфактуру, для «размножения» которой он в разные годы одолжил в Дворянском банке 9 тыс. руб. Первую ссуду в размере 1 тыс. руб. он получил в 1757 г., а остальные 8 тыс. руб. взял под заклад своих крепостных в 1759 г. и 1760 г. Одновременно с предпринимательством в области легкой промышленности Маслов, видимо, занимался и подрядами. Об этом можно судить по 25-тысячному долгу, который числила за ним провиантская канцелярия. За этот долг многочисленные вотчины Маслова оказались под контролем Канцелярии конфискации, и незадачливый предприниматель просил в 1762 г. не только отсрочить взимание казенных долгов и оставить в его управлении мануфактуру и вотчины, но и для «приведения фабрики в прежнее состояние выдать ему медными деньгами 100 000 рублей за десятилетний срок». В последней просьбе Екатерина II отказала Маслову, но все же велела отсрочить взыскание долга на 10 лет «с заплатай ежегодно десятой части»⁸¹.

Предоставленная отсрочка подстегнула фантазию Маслова, и он в начале 70-х годов, когда над ним вновь нависла угроза потерять свои владения, обратился в Сенат с доношением о якобы найденной им серебряной и золотой руде. Эти «находки» он совершил отчасти в собственных владениях, но главным образом в вотчинах своих ближайших соседей — Софьи Леонтьевны Засекиной, майора в отставке Игната Ларионовича Таптыкова, действительного статского советника Андрея Степановича Зиновьева и др. Сенат велел Берг-коллегии опробовать руду. Как и следовало ожидать, лабораторная проверка не подтвердила наличия в руде золота и серебра, о чем Берг-коллегия доносила Сенату 4 августа 1771 г.⁸²

⁸¹ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4462, л. 33.

⁸² Там же, кн. 3902, лл. 477, 481; ф. Берг-коллегии, кн. 48, лл. 161—162.

Неудачные поиски золота и серебра на территории Тульской провинции нисколько не обескуражили Маслова. Весной 1772 г., проведая о существовании заброшенного еще в 1744 г. казенного Лялинского медеплавильного завода, эксплуатация которого приносила казне убыток, Маслов выразил желание принять этот завод «в вечно потомственное владение и возобновить своим коштом». При этом Маслов предъявил казне довольно скромные претензии — он потребовал освобождения от уплаты десятины на 10 лет, ибо сохранившиеся на заводе постройки настолько обветшали, что требовали полного возобновления, а это равнозначно было строительству нового завода. Казна, кроме того, должна была обеспечить восстановление завода квалифицированной рабочей силой — плавильщиками, меховыми мастерами, рудокопами и т. д. Так как завод бездействовал в течение почти 30 лет, и предложение Маслова таило хотя и слабую, но все же реальную возможность получить от завода какой-то доход, то Берг-коллегия охотно передала Лялинский завод новоявленному промышленнику.

Маслову рисовались радужные перспективы эксплуатации завода. В то же время его не оставляла заманчивая мысль поправить свои финансовые дела поисками золота и серебра. Отправляясь на Урал восстанавливать Лялинский завод, уверенный в наличии там золотых и серебряных руд, для поисков которых надлежит «употребить труды, каковые понести редкие охотники сыскиваются», Маслов предложил Берг-коллегии «кондиции», на которых он готов принять на себя все «трудности в сыскании золотых и серебряных руд для пользы коронной и всего общества». Серьезного значения этому предложению Маслова в Берг-коллегии не придали.

Пуск Лялинского завода стоил Маслову громадных затрат. От казны он получил всего лишь девять мастеровых и рудокопщиков. В дополнение к ним Маслов в 1779 г. перевел на Урал из тульских вотчин 200 душ собственных крестьян. Усилия Маслова, наконец, увенчались успехом — в том же 1779 г. ему удалось получить 44 пуда меди. Первая же плавка меди показала полную нерентабельность предприятия. Его действие более не возобновлялось, а переведенные на Урал крестьяне были в 1785 г. возвращены в тульские вотчины⁸³.

Н. И. Маслов умер в 1788 г. Состояние его хозяйства, оставленное единственной наследнице, отнюдь не свидетельствовало об успехах предпринимательства. Долги Маслова составляли 35 832 руб. 27 коп., все имения были конфискованы. Дочери удалось их возвратить, предварительно расплатившись с казной и частными кредиторами⁸⁴. Предпринимательство Масловых в области металлургии на этом прекращается.

⁸³ Там же, кн. 1324, лл. 677, 680, 684, 700.

⁸⁴ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4462, лл. 82, 83, 93.

Полковник Яков Васильевич Римский-Корсаков тоже не строил заводов, а получил во владение готовые предприятия, с тем лишь различием, что эти предприятия принадлежали не казне, а частным лицам — украинскому помещику колычевскому сотнику Ивану Никифоровичу Голубину и воронежскому купцу Василию Тулинову.

История передачи этих предприятий Римскому-Корсакову такова. Рудный приказ предписал капралу Герасиму Воронцову разрабатывать рудные места в Козловском уезде на речке Толычевой. Построенные Воронцовым ручные горны Рудная канцелярия передала в 1715 г. канальному подрядчику посадскому Хамовной слободы Василию Озерову и Ивану Степанову. Озеров расширил предприятие, построив, помимо ручных горнов и кузниц, вододействующий молот. 5 января 1742 г. Озеров продал завод воронежскому купцу Василию Тулинову.

Второй завод в этом районе, известный под названием Толычевского, был построен И. Н. Голубиным по указу Берг-коллегии 1744 г. По словам сотника, на строительство доменного и молотового завода он издержал «едва не все свое имение», до 5 тыс. руб. Вскоре, однако, выяснилось, что завод не располагал прочной рудной базой. Пригодная болотная руда, которой оказалось слишком мало, чтобы обеспечить работу вододействующего предприятия на продолжительное время, была быстро исчерпана. Попытки найти равноценную руду в другом месте не увенчались успехом. Наконец, к 1751 г. руда была сыскана, но оказалась негодной. Сотник подозревал, что все это произошло от неопытности мастеровых и посылал крицы на экспертизу специалистам казенного Липецкого завода. Последние, однако, подтвердили совершенную непригодность руды.

Голубин просил предоставить ему время для поисков рудников, но Берг-коллегия указом 1 июня 1753 г. распорядилась «за непроизведение означенного заводу чрез восемь лет из заводчиков оного Голубина выключить». Вынеся это несправедливое по отношению к Голубину определение, Берг-коллегия в дальнейшем проявила непонятную настойчивость, отклоняя все достойные внимания доводы, приводимые сотником в оправдание того, что завод бездействует не вследствие его нежелания содержать предприятие в порядке, а вследствие непригодности руды. Голубин, в частности, просил Берг-коллегию прислать нарочного, чтобы тот убедился в наличии 5 тыс. пуд. выплавленного чугуна, совершенно непригодного для дальнейшей переработки, и убеждал «заводу у меня по безвинности не отнимать, яко я оной завод построил не для ради какого облегчения или закрытия себя от службы, как прочие купеческие люди делают». В заключение Голубин писал, что завод у него отнят без всякого следствия и считал, что предпринятые в отношении его санкции противоречат горному законодательству.

Указом Берг-коллегии 6 мая 1754 г. Толычевский завод Голубина был передан во владение Я. В. Римскому-Корсакову. Вместе с Толычевским заводом к Римскому-Корсакову отошли ручные горны Тулинова, сломанные по распоряжению Берг-коллегии еще в 1752 г. На восстановление всего этого хозяйства Римский-Корсаков получил в мае 1754 г. ссуду в 5 тыс. руб. с обязательством погасить ее в течение пяти лет и привести в действие заводы через три года.

Чужое добро не пошло Римскому-Корсакову впрок. Объяснялось это не только убогой сырьевой базой предприятия, но и отношениями, сложившимися между старым и новым владельцами Толычевского завода. Эти отношения несколько не походили на те, которые существовали, например, между Меллерами и А. И. Шуваловым.

Если против вельможи не смели поднять голоса в свою защиту не только иностранцы Меллеры, но и русские промышленники, то у Римского-Корсакова не было ни сил, ни влияния, чтобы заставить Голубина безропотно смириться с потерей не только завода, но и купленных, а также приписных крестьян. Голубин считал себя несправедливо обиженным и, пользуясь тем, что завод находился «в пустых и диких местах», совершал частые наезды на владения, оказавшиеся в руках Римского-Корсакова. Завод и заводское население находились в состоянии осады, что, конечно, не способствовало возобновлению работы предприятия.

Враждовавшие стороны мерялись силами не только в открытом поле, но и в канцелярии Берг-коллегии, осаждая ее взаимными жалобами. Еще Толычевский завод не был передан Римскому-Корсакову, а Голубин уже обратился с жалобой, обвиняя воронежского губернатора Пушкина во враждебных по отношению к себе действиях, выразившихся в том, что он, не ожидая указа Берг-коллегии, отправил на завод воинскую команду и отобрал, помимо приписных и купленных к заводу крестьян, также «находящихся при доме моем удовых (вдовых.— Н. П.) баб и девок». Эта же команда сбила замки с кладовых и свезла инструменты к Римскому-Корсакову. Туда же был перевезен хлеб, скот и прочее имущество. Не менее агрессивно вел себя и Римский-Корсаков, насильно увезший из Калача шесть крепостных Голубина. В ответных челобитных Римский-Корсаков обвинял Голубина в разорении завода, в наездах, в подтопе завода мельницей и т. д. В ночь с 1 на 2 января 1755 г. на завод приехали подчиненные Голубину подпрапорные Мартын Грановский и Федор Гаврилов и, «сообщась» с приписными к заводу крестьянами «и с черкасами, многолюдственно на оном заводе грабили людей», а также «били смертельно» солдат и капрала, присланных Воронежской губернской канцелярией.

Свои челобитные Голубин заканчивал просьбами вернуть завод, но Берг-коллегия оставалась к этим просьбам глухой и отказывалась их удовлетворить на том основании, что Голубин «достойных руд отыскать не мог».

Между тем Римского-Корсакова преследовали неудачи. В 1754 г. он, Корсаков, объявил, «якобы он в приезд на оной завод сыскал вновь довольное число руды», но это заявление не соответствовало действительности. Голубину, как он утверждал в своих жалобах, было доподлинно известно, что посыльные Римского-Корсакова в поисках руды «по степям беспрестанно ездят, но нигде сыскать не могут и за то их бьют немилостиво и отягощают великою работою». Более того, новый заводовладелец нанял в Скопине более 40 человек, «но и те в приискании всячески старались, однак нигде не могли сыскать». Свою неудачу он хотел скрыть тем, что «согласясь с павловским комендантом, брал без указа тайно до несколько сот пуд казенных чугунных бомб и пушечных ядер» и переплавлял их на своем заводе, чтобы таким путем скрыть, что поиски высоко-сортной руды закончились безуспешно.

Отсутствие вблизи завода пригодных руд, видимо, и вынудило Римского-Корсакова обратиться с просьбой «в построении домны и молотовых дать волю», т. е. не связывать его обязательством соорудить их на речке Толычевой. Берг-коллегия сочла эту просьбу отговоркой и отклонила ее.

Поскольку Римский-Корсаков получил казенную ссуду, то Берг-коллегия проявляла повышенный интерес к ходу восстановления завода. Весною 1757 г. его обследовал шихтмейстер Соколов. Результаты обследования оказались малоутешительными — построено «самое малое и действия никакого и поныне не имеется». Берг-коллегия уже тогда, избегая нареканий в «нерачении казенного е. и. в. интересу», решила запросить Сенат, не повелено ли будет выданную ссуду за невыполнение обязательства по строительству завода взыскивать до истечения пятилетнего срока⁸⁵.

Толычевский завод Римский-Корсаков, наконец, пустил 22 мая 1759 г. Плавка чугуна на нем велась по 15 июля 1761 г. Затем до 1764 г. завод бездействовал. Что касается второго завода, названного Троицким, который Римский-Корсаков намеревался построить на речке Подгорной для передела чугуна, так как на Толычевском заводе стоял только один молот, то обследовавший в 1761 г. промышленное хозяйство полковника унтер-шихмейстер Иван Макашев никакого завода там не обнаружил — «токмо построена хлебная мельница о двух камнях, а на строение молотовой фабрики лесу имеется малое число».

⁸⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 272, лл. 131—137, 192—197, 200; кн. 38, лл. 264—270; д. 266, лл. 64, 65; д. 281, л. 148; д. 283, лл. 39—41.

Сам заводовладелец задержку с постройкой Троицкого завода объяснял тем, что неоднократно заготовленный строительный лес «местечка Калача малороссияне, перерубя, увозят в свои жилища и рабочих при рубке того лесу бьют и увозят к себе, в чем и чинят немалое разорение»⁸⁶.

После этого Толычевский завод и Я. В. Римский-Корсаков надолго исчезают из поля зрения Берг-коллегии. Она вспомнила о заводе лишь в 1777 г., когда после смерти отца им владел гвардии подпоручик Александр Яковлевич Корсаков. За это время завод работал только три года, - с 1768 по 1770 г., в течение которых было выплавлено 17 716 пуд. чугуна.

В марте 1777 г. предприятие А. Корсакова осматривал управитель Липецких заводов Гофман. Толычевский завод производил впечатление давно заброшенного предприятия. Угля было обнаружено всего около 30 коробов, дров — 80 сажень, а чугуна и руд не было совсем. Леса были истреблены — на правом берегу речки они росли «малыми бояраками», а на левом был обнаружен «один мелкой растущей лес и кустарник». На Троицком заводе, «кроме мушной мельницы, ничего к заводу принадлежащего не обнаружено».

На основании результатов обследования Гофмана Берг-коллегия испрашивала у Сената разрешения сломать завод, а заводовладельца из списка мануфактуристов исключить⁸⁷. Указом Сената 9 октября 1778 г. А. Я. Римский-Корсаков был исключен из числа заводовладельцев. Приписных мастеров людей Сенат велел перевести на Липецкие заводы, а крепостных крестьян оставить за Римским-Корсаковым. Взыскание пятитысячной ссуды велено было передать Канцелярии конфискации. Так неудачно закончилась попытка Римского-Корсакова эксплуатировать полученный завод.

* * *

Итак, ни один дворянин из числа получивших казенные заводы не сумел их сохранить. Заводы попадали к дворянам разными путями. Одни из них, как Л. К. Нарышкин и А. И. Шувалов, получили заводы в виде пожалования, совершенно безвозмездно. Другие, как П. И. Репнин, П. И. Шувалов, И. Г. Чернышев, братья Воронцовы, А. Г. Гурьев и С. П. Ягужинский, должны были платить казне деньги как за получаемые заводы, так и за сырье. Третьим, как Я. В. Римскому-Корсакову и Н. И. Маслову, казна передала заводы безвозмездно, но не в виде пожалования, а ради «казенного интереса», в надежде, что новые владельцы проявят себя рачительными хозяевами и введут бездействовавшие предприятия в строй.

⁸⁶ Там же, кн. 1249, лл. 44, 46—49.

⁸⁷ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4172, лл. 330—334.

Перечисленные группы дворян подвизались в различных промышленных районах, занимали различное служебное и придворное положение, получали различные по ценности предприятия, но как предприниматели имели одинаково печальный конец.

Большинство казенных заводов до передачи их представителям придворной знати находилось в цветущем состоянии и приносило значительный доход. Так, Алапаевский, Синячихинский и два Сусанских завода за 38 лет казенного содержания (1721—1758 гг.) дали 116 598 руб. чистой прибыли. Верх-Исетский завод за 33 года (1726—1758) дал казне 585 662 руб. прибыли, что в среднем составляло по 17741 руб. в год.

Уральские заводы были переданы дворянам на исключительно выгодных для них условиях. Во-первых, новые владельцы должны были оплатить казне не их реальную, а всего лишь строительную стоимость. Между этими двумя величинами существовала колоссальная разница. Так, в строительную стоимость предприятия входили расходы казны на содержание завода, оснащение его оборудованием и инструментами, а также амортизационные суммы. Если, однако, завод был построен давно и его сооружения успели изрядно обветшать, а оборудование и инструменты износиться, то оценщики проставляли реальную стоимость того и другого. Такой подход к оценке предприятий был крайне выгоден покупателям, ибо известно, что строительство всех казенных предприятий осуществлялось приписными крестьянами, принудительный труд которых оплачивался значительно ниже наемного. Следовательно, строительные издержки казны были ниже рыночных.

Эта льгота, предоставленная покупателям казенных заводов, была не единственной и не главной. Фактическая стоимость завода отнюдь не исчерпывалась расходами на его сооружение и оборудование. Сюда входили источники сырья и обеспеченность завода принудительной рабочей силой. Ни того, ни другого оценщики не учитывали, хотя именно эти элементы оказывали едва ли не решающее влияние на стоимость завода.

Огромное влияние на размер получаемой прибыли оказывала степень обеспеченности предприятий дешевым принудительным трудом, т. е. приписными крестьянами. Но этот фактор вряд ли можно считать главным, ибо Осокины, например, пользовались трудом приписных крестьян, казенный Алапаевский завод полностью обслуживали приписные крестьяне, а у Твердышева с Мясниковым, действовавших на Южном Урале, приписных крестьян совсем не было. Тем не менее накопление капиталов Твердышевым шло более интенсивно, чем у Осокиных. Это объяснялось тем, что Твердышев пользовался богатой рудой, обеспечивавшей выход до 8% меди, в то время как Осокины довольствовались в лучшем случае рудой, содержавшей

2—3% меди. Совершенно очевидно, что качество руды и угля, отдаленность рудников и леса от завода всегда учитывались при определении рыночной цены завода, а чиновники, производившие оценку казенных предприятий, эти факты игнорировали.

А. Я. Ярцов, видимо, был прав, когда считал, что при оценке заводов надлежало руководствоваться не их строительной стоимостью, а рентабельностью. Исходя из того, что Верх-Исетский завод приносил 17 741 руб. среднегодовой прибыли, он писал: «Всякой же горный завод приносит на употребленной для его капитал прибыли не менее 10%, то и составит капитала около 170 000 руб., которую сумму и надлежало бы положить ко взысканию, а не ту, во что сей завод с припасами оценен был»⁸⁸.

Низкой оценкой заводов не исчерпывались все льготы, предоставленные привилегированным промышленникам. Дополнительные льготы их состояли, во-первых, в том, что оценочную стоимость завода они должны были погасить в рассрочку, на протяжении 10 лет, причем в течение первых пяти лет с них не взимали процентов. Во-вторых, дворяне вместе с заводами получали по себестоимости заготовленное сырье, и что еще важнее, готовую продукцию. Этим самым казна предоставляла дворянам не только заводы, но и по крайней мере до 50% оборотных средств, необходимых для их эксплуатации.

Но и при перечисленных преимуществах дворяне не приобрели настоящего вкуса к предпринимательству и не могли удержать за собою ни одного из 32 заводов, полученных от казны на протяжении конца XVII и всего XVIII в. Девять заводов, пожалованных в конце XVII в. Л. К. Нарышкину (Вепрейский, Ченцовский, Соломыковский, Ведминский и Елкинский) и в середине XVIII в. А. И. Шувалову (Истицкий, Угодский, Изверский, Меншовский), прекратили существование вследствие того, что исчерпали сырьевые ресурсы. На заводах второй группы не удалось возобновить работы: на Лялинском — Н. И. Маслову и на Толычевском — Я. В. Римскому-Корсакову, на Архангельском и Нижне-Шанском — А. И. Шувалову. Что касается 16 уральских заводов⁸⁹ и трех заводов П. И. Репнина⁹⁰, то возможность их дальнейшей эксплуатации была проверена опытом. И тем не менее наследники П. И. Шувалова продали заводы через девять лет после их получения, А. Г. Гурьев — через 10 лет, Чернышев — через 13, Репнин — через 15. Более 20 лет заводами владели лишь Воронцовы

⁸⁸ А. С. Ярцов. Российская горная история, ч. IV, кн. 1, л. 49.

⁸⁹ Алапаевский, Синячихинский, Верхне-Сусанский, Нижне-Сусанский, Верх-Исетский, Уткинский, Сылвинский, Кушвинский, Туринский, Баранчинский, Ягошихинский, Мотовилихинский, Висимский, Пыскорский, Нижне-Юговский, Верхне-Юговский.

⁹⁰ Верхне-Липецкий, Нижне-Липецкий, Боренский.

и Ягужинский. Характерно, что большая часть промышленников рассмотренной группы не удосужилась внести в казну даже ту минимальную сумму, в которую были оценены заводы. Расплатились с казной лишь Р. И. Воронцов за Верх-Исетский завод и А. Г. Гурьев за Алапаевский, Синячихинский и два Сусанских.

Далеко не все дворяне, получившие казенные заводы, сумели их приумножить и расширить свое хозяйство. 32 завода получили дворяне, а сами построили всего лишь девять — два П. И. Репнин (Ново-Петровский и Еремшинский), четыре П. И. Шувалов (Нижний и Верхний Авзяно-Петровский, Воткинский, Ижевский), по одному С. П. Ягужинский (Курганский), И. Г. Чернышев (Аннинский) и А. И. Шувалов (Покровский). Совершенно очевидно, что темпы расширения хозяйства у вельмож не идут ни в какое сравнение с темпами, достигнутыми купцами и выходцами из Тульской оружейной слободы, хотя исходные позиции у последних были неизмеримо менее выгодны, чем у первых. Достаточно сопоставить данные о развитии хозяйства двух поколений Демидовых (комиссара Никиты и его сына Акинфия) с развитием хозяйства любого дворянина, оказавшегося владельцем казенных заводов, чтобы отдать предпочтение предпринимательству купца.

В чем же причины неудач этой группы предпринимателей — дворян. Они состояли в том, что все заводовладельцы из дворян вели промышленное хозяйство теми же примитивными хищническими приемами, какими они вели хозяйство в крепостной вотчине. Потребительская манера ведения хозяйства сказалась даже в том, что дворяне, получив в распоряжение такие существенные источники пополнения бюджета, как заводы, не только не поправили свои финансовые дела, но даже ухудшили их. Все дворяне-заводовладельцы оказались в неоплатном долгу у казны и частных кредиторов. С. П. Ягужинскому Уткинский и Сылвинский заводы были проданы казной за 72 582 руб., а к 1788 г., когда Ягужинский расстался с этими заводами, сумма казенного долга на нем достигла уже 96 817 руб. Долги И. Г. Чернышева возросли в еще большей пропорции. Два Юговских завода, переданных ему в 1757 г., были оценены в 92 493 руб. К 1770 г., когда казна купила эти заводы, сумма долга Чернышева более чем удвоилась и составляла 189 730 руб.⁹¹

В долгах погряз и Р. И. Воронцов, распоряжавшийся Верх-Исетским заводом, полученным на свое имя, и четырьмя медеплавильными заводами, полученными его братом М. И. Воронцовым и переданными ему в управление. Любопытная деталь: за десятилетие, с 1760 г. по 1769 г. включительно, четыре

⁹¹ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 3867, лл. 204, 319, 320.

медеплавильных завода принесли Воронцову 372 462 руб. прибыли⁹². Этот куш нисколько не спас Р. И. Воронцова и семью его брата от долгов. Финансовые дела их оказались настолько запутанными, а обязательства перед казной настолько сложными, что специальная комиссия не нашла ничего лучшего, как рекомендовать императрице взять четыре завода в казну и «для прекращения всех роцетов» выдать им 100 тыс. руб., отказавшись от взыскания с них казенных долгов и процентов по ним⁹³. Равным образом и Верх-Исетский завод Р. И. Воронцов продал Яковлеву «единственно» для того, «чтобы избежать долгу»⁹⁴. Особенно велик был долг покойного П. И. Шувалова — его наследникам был предъявлен иск на 680 420 руб.

Казенные заводы дворяне продали по их реальной стоимости, т. е. значительно дороже той суммы, которую они должны были за них уплатить казне. Так, за три Гороблагодатских завода П. И. Шувалов должен был уплатить 179 689 руб. Это хозяйство, пополненное тремя молотовыми заводами, было принято в казну в счет погашения 680 420 руб. долга. Два Юговских завода были оценены в 92 493 руб. Вместе с вновь построенным Аннинским Юговские заводы были приняты в казну за 430 тыс. руб. За Верх-Исетский завод Р. И. Воронцов уплатил казне 35 712 руб., а от Яковлева получил за него 200 тыс. руб. и т. д.

Долги преследовали дворян и после продажи казенных заводов. В этой связи обращает на себя внимание челобитная графа И. Г. Чернышева, поданная Екатерине II в 1794 г. Престарелый граф, разбитый параличом, дрожащей рукой подписал документ, как бы подводивший итог его собственной хозяйственной деятельности: «Оставляю наследство в крайней нищете, ибо долгу на мне, всемилостивейшая государыня, более полумиллиона рублей». Чернышев объяснял свои долги расходами на светскую жизнь в столице: они накопились в «тридцатилетнее мое бытие в Адмиралтейской коллегии, в которой, а особливо сначала, принужден был держать большой стол, кормить всех и приучать подчиненных своих не токмо к большому свету, но и множеству». Обанкротившийся Чернышев просил пожалования старства в 5000 душ в Полоцкой губ.⁹⁵

Из вышеизложенного явствует, что предпринимательство придворных, получивших казенные заводы, представляло сложное явление. С одной стороны, превращение дворянина в заводладельца в известной мере продолжало традиции феодальных пожалований, с другой стороны, новое здесь состояло в том,

⁹² Там же, кн. 4299, л. 22.

⁹³ Там же, кн. 4299, л. 175.

⁹⁴ Е. И. Индова. Крепостное хозяйство в начале XIX в. М., 1955, стр. 23.

⁹⁵ ЦГАДА, Госархив, разряд XI, д. 352, л. 4.

что в качестве источника пополнения бюджета дворянина использована мануфактура, т. е. новый хозяйственный объект, отличный от феодального поместья. Однако назначение мануфактуры несколько не отличалось от назначения поместья — «держат большой стол, кормить всех и приучать подчиненных своих не токмо к большому свету, но и множеству».

Поощряемая самодержавием придворная знать бесцеремонно и жадно запускала руки в казенный карман, как раньше она привыкла расхищать земельные богатства страны. Следовательно, участие верхушки правящего класса в промышленной деятельности отнюдь не носило прогрессивного характера, а, напротив, было паразитическим и тормозило экономическое развитие.

ЗАВОДЫ, ОСНОВАННЫЕ ДВОРЯНАМИ

Истоки дворянского предпринимательства восходят к XVII в. Крупные вотчинники того времени бояре Б. И. Морозов и И. Д. Милославский наряду с винокуренными и поташными промыслами построили в своих обширных владениях металлургические заводы.

Единичные случаи предпринимательства, отмеченные в XVII в., в дальнейшем стали более частыми. На протяжении XVIII в. владельцами металлургических заводов становится около трех десятков дворян.

Главу о дворянском предпринимательстве мы начинаем с рассмотрения истории хозяйств Строгановых, Голицыных, Шаховских, Всеволожских и Лазаревых. Перечисление названных фамилий в одном ряду на первый взгляд вызывает сомнение, ибо дворянская родословная Строгановых не идет ни в какое сравнение с родословной Голицыных, а Лазаревых — с родословной Шаховских. Однако хозяйства, принадлежавшие перечисленным фамилиям, в социально-экономическом отношении однородны, так как функционировали на вотчинной земле, использовали вотчинные сырьевые ресурсы, обслуживались вотчинными крестьянами и территориально были расположены в одном районе. Новоиспеченный дворянин Лазарев, став владельцем металлургических заводов, принадлежавших ранее баронам Строгановым, не стал менять издавна сложившуюся систему обслуживания предприятий, заведенную баронами. Представители древнего рода Голицыных придерживались на заводах таких же порядков, какие вводил у себя Лазарев. Кроме того, промышленные комплексы Голицыных, Шаховских, Всеволожских и Лазаревых сближает генетическая связь — все они ведут начало от Строгановых.

Строгановы прибегали к металлургии без всякого энтузиазма, хотя на территории их вотчин находилось много железной и медной руды. В. И. Геннин был прав, когда писал Петру I о Строгановых: «Прежде жили они как Танталус, весь в золоте и огорожен золотом, а не могли [его] достать. В таком образе... жили они в меди, а голодные»¹.

Первую заявку на строительство завода Строгановы подали в 1721 г. 17 мая того же года Берг-коллегия разрешила им построить медеплавильный завод на р. Таманке, но они не спешили

¹ М. Н. Мартынов. Горнозаводская промышленность Урала при Петре I, стр. 55.

реализовать этот указ. К сооружению завода Строгановы приступили три года спустя, в 1724 г., видимо, опасаясь того, что казна в их вотчинах, помимо Ягошихинского завода, могла построить и другие предприятия. Таманский медеплавильный завод в Соликамском уезде с семью печами начал работать в сентябре 1726 г. Все печи действовали «в одно только внешнее время», а в остальные месяцы из-за маловодия плавка происходила только на трех печах².

Вслед за Таманским заводом Строгановы построили Билимбаевский. Его строительству предшествовала тяжба с Акинфием Демидовым, который делал заявки на рудники «про запас», чтобы таким путем избавиться от конкурентов. На этот раз экспансивный Демидов вторгся в пределы владений Строгановых и попытался записать рудники на р. Билимбаихе на свое имя. Барону Александру Строганову, от имени которого в апреле 1730 г. была подана челобитная в Берг-коллегию, в обоснование своих прав на рудники пришлось ссылаться на Берг-привилегию 1719 г., отдававшую предпочтение при постройке заводов владельцам земли, на которой была обнаружена руда.

В строительстве железоделательного завода Строгановы испытывали острую потребность, о чем будет сказано ниже. Но не подлежит сомнению и тот факт, что на решимость Строгановых построить завод на р. Билимбаихе оказало влияние домогательство А. Демидова. Разрешение на постройку Билимбаевского завода было оформлено Берг-коллегией 14 июля 1730 г., а домна начала плавку чугуна 17 июня 1734 г.³

При строительстве третьего завода — Юго-Камского — Строгановым тоже пришлось преодолевать сопротивление, причем конкурентом баронов на этот раз выступила казна. Место под завод на притоке Камы, речке Юге, было найдено нарочными, посланными Канцелярией главного заводов правления, и казна имела намерение построить там медеплавильные печи. Место находилось во владениях Строгановых, и бароны, проведая о намерениях казны, сумели очень ловко избавиться от появления на своих землях еще одного казенного завода. Дело в том, что в 30 верстах от облюбованного казной места Строгановы заложили соляную трубу и «для бережения лесов ради соляных промыслов» прибегли к защите Соляной конторы. Последняя стала на сторону солепромышленников, и им ничего не стоило преодолеть сравнительно слабый напор казны. Однако как только стало ясно, что Канцелярия главного заводов правления смирилась с потерей места на речке Юге, Строгановы тут же сами возбудили ходатайство о постройке на том же самом месте своего завода. В ход была пущена версия о том, что когда

² ЦГАДА, ф. Сената, кн. 1136, л. 326; ф. Берг-коллегии, кн. 973, л. 220.

³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 763, лл. 565, 590; кн. 769, л. 113.

они просили защиты Соляной конторы, тогда «росол оказывался к варке соли надежен», теперь же «по известиям от прикащиков и от других знающих соляные росолы людей, усмотрели они, что в той трубе надежного росолу к варке соли быть не уповаемо» и ~~вот~~ во избежание «напрасных убытков» Строгановы решили построить на речке Юге передельный и медеплавильный завод с четырьмя молотами и четырьмя печами.

Потребность в передельном заводе у Строгановых несомненно была, ибо маловодная речка Билимбаиха не обеспечивала передела чугуна в железо на Билимбаевском заводе. Однако постройку молотового завода вдали от доменного, так что чугун надлежало доставлять туда по Чусовой и Каме, нельзя объяснить не чем иным, как стремлением Строгановых закрепить свою легкую победу над горным ведомством и не дать возможности этому ведомству разрастись за счет чужих вотчин.

Челобитную с просьбой разрешить построить Юго-Камский завод Строгановы подали в сентябре 1743 г. Так как указа Берг-коллегии не последовало, то Строгановы повторили свою просьбу спустя два года. В октябре 1745 г. Александр Строганов, действовавший от имени братьев, писал, что без указа «в то строение вступить они опасны», что они терпят убытки, ибо на Таманском и Билимбаевском заводах добытые руды, «которых ныне при тех заводах имеется в наличии число великое, а остаются без всякой пользы и действия». В третий раз Строгановы обратились с той же просьбой в феврале 1746 г. непосредственно к президенту Берг-коллегии «превосходительному господину» Антону Федоровичу Томилову, находившемуся на Урале в связи с разделом имущества Демидовыми после смерти Акинфия Никитича.

На поверку, однако, оказалось, что Строгановы отнюдь не проявляли такого почтения перед законом, о котором они писали в октябре 1745 г. В действительности они начали заготовку припасов в 1743 г., а к постройке завода приступили в мае 1744 г. и к осени 1746 г. почти завершили сооружение молотовой «фабрики», «а плотина в совершенство строением еще не окончена». Таким образом, Строгановы «в строение того Юговского завода вступили собою, без указа», за что подлежали наказанию. Однако президент Берг-коллегии Томилов совместно с Канцелярией главного заводов правления разрешил Строгановым завершить постройку завода, обязав при этом приказчиков дать подписку, что они не будут рубить лесов в сторону казенных Ягошихинского и Юговского заводов. Президент Берг-коллегии нашел даже способ освободить Строгановых от взыскания штрафа за постройку завода без указа. Ссылаясь на то, что указ, запрещающий строить заводы без разрешения, был издан 15 июля 1744 г., а Строгановы начали постройку Юго-Камского завода раньше этой даты, Томилов и Канцелярия

главного заводов правления сочли возможным не взыскивать с них штрафа. Правда, это определение Томилова и Канцелярии главного заводов правления показалось прокурору Берг-коллегии Василию Суворову вопиющим беззаконием, и он с большим темпераментом и в то же время опрометчиво взялся за разоблачение действий не только канцелярии, но и президента Берг-коллегии. По мнению Суворова, Томилов «без всякого резона» изъял дело о постройке Юго-Камского завода из делопроизводства Берг-коллегии и захватил его в Сибирь. Осуждал прокурор и действия Канцелярии главного заводов правления, которая «в то принадлежащее до Коллегии дело без всякого указа не токмо в рассмотрение вступила, но и обще с ним, господином Томиловым, действительно решила и даже не оштрафовала Строгановых за постройку завода без указа».

Суворов считал целесообразным построить Юго-Камский завод на средства казны, ибо на близлежащих к нему казенных заводах заготовлено такое количество руды, что ее «тамо имеющимися плавильными печами переплавить никак невозможно, и те руды без переплавки напрасно тратятся». Протест Суворова был передан на рассмотрение Сената⁴. Следов разбирательства этого дела Сенатом мы не обнаружили, но конец его известен: Строгановы достроили Юго-Камский завод и стали его владельцами, а строптивый прокурор Берг-коллегии, осмелившийся опротестовать решение президента, в назидание прочим блюстителям закона был определен в далекий Нерчинск руководить работой местного горного начальства.

Юго-Камский завод с двумя действующими и двумя запасными молотами и шестью медеплавильными печами был пущен после раздела имущества Строгановых, видимо, в конце 1747 г.

Продукция Билимбаевского завода, долгое время являвшегося единственным предприятием черной металлургии в хозяйстве Строгановых, предназначалась не столько на рынок, сколько для удовлетворения потребностей солеварения и обширных вотчин. Об этом свидетельствует ассортимент изделий завода, среди которых важное место занимали црены, дуги и прочее оборудование и инструменты, отправлявшиеся на солеварни⁵. Это значение завода подчеркнуто также актом раздела имущества между Александром, Николаем и Сергеем Строгановыми, оформленным 20 мая 1747 г. По этому акту Таманский завод достался Николаю, не оконченный постройкой Юговский — Александру, а Билимбаевский — Сергею Строганову. Если право владения первыми двумя заводами Николаем и Александром Строгановыми объявлялось безусловным, то относительно Билимбаевского завода сделана существенная оговорка — чтобы производимым на этом заводе всяким железом

⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1098, лл. 30—39, 82, 91, 98.

⁵ Н. И. Павленко. Указ. соч., стр. 430.

удовлетворять по рыночным ценам потребности общих соляных промыслов⁶.

Зависимость вполне самостоятельных вотчин и промыслов Александра и Николая Строгановых от Сергея Строганова долго продолжаться не могла, и братья вскоре принимают меры к созданию собственного металлургического производства. Первым инициативу проявил Александр Строганов, приказчик которого Иван Наумов в промежутке между августом 1750 г. и апрелем 1751 г. подал три заявки на железные руды с просьбой разрешить построить завод на одной из трех речек — Росольне, Тесовой или Пашии.

Канцелярия главного заводов правления поручила освидетельствование мест берг-гешворену Княгинкину, который не счел возможным одобрить ни одного из тех мест, что были предложены Наумовым. Речки Росольна и Тесовая оказались негодными к постройке завода вследствие маловодия, а на речке Пашии место хотя и признано было удобным, «но за крутостью течения речки пространства пруда будет мало, и весной в большую воду затем же плотину берець весьма трудно и едва ли держать можно». Вместо отвергнутых речек Княгинкин предложил строить завод на р. Кусье, соединенной с Чусовой через р. Койву. Указ на постройку Кусье-Александровского завода был отправлен Канцелярии главного заводов правления 23 декабря 1751 г.⁷

После пуска Кусье-Александровского завода барон А. Строганов организовал энергичные поиски новых речек и мест, удобных под заводы. Так, 21 марта 1754 г. он предписал своей конторе построить на р. Хохловке ниже с. Полазны пильную мельницу «для распилования лесу на судовое и прочее строение и на заводские потребности». Хотя р. Хохловка находилась в границах владений А. Строганова, а с. Полазны было вотчинным, тем не менее Пермское горное начальство отказало барону в просьбе под тем предлогом, что оно само облюбовало это место для постройки казенного медеплавильного завода и пильной мельницы. Барон, однако, обжаловал действия Пермского горного начальства, считая, что оно «ему, яко помещику, в намерениях ево чинит всякое помешательство... и лишать ево имения никакова права не имеет...». Первоначально Берг-коллегия поддержала действия подчиненных ей учреждений. Протесты Строганова и в особенности его энергичной второй супруги Марьи Артемьевны, вскоре оказавшейся вдовой, вынудили Берг-коллегию пересмотреть свое решение и удовольствоваться постройкой пильной мельницы при Юговском казенном заводе⁸.

⁶ ГАПО, ф. Абамелек-Лазаревых, оп. 1, д. 7, лл. 5, 6.

⁷ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 252, лл. 383, 384, 388; ГАПО, ф. Абамелек-Лазаревых, д. 3, лл. 1, 2.

⁸ ГАПО, ф. Абамелек-Лазаревых, оп. 2, д. 564, лл. 1—4, 13, 25, 26.

Баронесса М. А. Строганова хотя и заявляла о себе, что имеет «усердное желание для приращения государственного интереса и народной пользы к строению и размножению железных и медных заводов», но не спешила не только с постройкой завода, но и с оформлением прав на эту постройку, сосредоточив свои усилия на поисках руд и удобных рек. В 1754 г., помимо ходатайства о постройке завода на р. Хохловке, она подала просьбу о разрешении построить молотовый завод на р. Нытве, а на р. Сылве — одной домны и молотов. Не дождавшись решения по этим челобитным, М. А. Строганова в 1755 г. подала новое доношение, в котором сообщала, что стараниями приказчика Наумова найдено несколько медных рудников, в связи с чем созрело решение на речке Быковке поставить два действующих и один запасной молоты и три медеплавильных печи⁹. Это намерение, как и два предшествующих, оставались все еще не реализованными, а в августе 1756 г. Берг-коллегия уже слушала новую просьбу разрешить произвести существенное расширение Кусье-Александровского завода.

С пуском второй домны Кусье-Александровского завода и молотов Нытвенского завода металлургическое производство баронессы Строгановой приобретает самостоятельное значение¹⁰.

Нытвенский завод, подобно Кусье-Александровскому, стоял на относительно полноводной реке, энергетические ресурсы которой не исчерпывались приведением в действие молотов. Предприимчивая баронесса решила расширить завод и в декабре 1758 г. обратилась в Берг-коллегию с просьбой, чтобы при Нытвенском заводе «по довольству в речке воды построить еще для переплавки медных руд медеплавильных шесть печек з гормахером, да к прежде построенным в добавок молотовую фабрику с двумя молотами». Определение о разрушении построить шесть медеплавильных печей и два молота Берг-коллегия вынесла 12 февраля 1759 г.¹¹

Комбинированное предприятие с широким профилем, видимо, наиболее рационально использовало природные ресурсы Предуралья. В январе 1760 г. М. А. Строганова информировала Берг-коллегию о том, что ее приказчиками обнаружены новые рудники и удобное место на р. Лысве, притоке Камы, где она намеревалась построить домну, два молота и три медеплавильные печи. Место было удобным еще и потому, что около него «вотчинные наши крестьяне и поселение имеют, коими всякие заводские работы исправлять весьма способно»¹². Реализовать это намерение М. А. Строганова не успела: ее две падчерицы Анна и Варвара Александровны готовились к замужеству, пред-

⁹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 272, лл. 84, 85, 90.

¹⁰ Там же, кн. 973, л. 211. Нытвенский завод был пущен в 1760 г.

¹¹ Там же, кн. 1162, лл. 692, 701.

¹² Там же, кн. 1175, л. 31.

стоял раздел имущества, что препятствовало осуществлению намеченного плана.

С разделом имущества между баронессой Марьей Артемьевной Строгановой и ее падчерицами связано появление нормативного указа. Специально созданная комиссия по разделу имущества, возглавляемая сначала графом Александром Борисовичем Бутурлиным, а затем князем Яковом Петровичем Шаховским, изложила свое принципиальное отношение к заводскому хозяйству. Заводы, с ее точки зрения, можно считать как движимым, так и недвижимым имуществом. Если, однако, заводы делить так же, как «о движимом имении указы гласят», то надлежит опасаться, что таким образом многие заводы придут в «великое раздробление, а оттого и в совершенной упадок». Чтобы этого не случилось, комиссия сочла справедливым вдове Александра Строганова вместо четвертой части заводов заплатить деньгами по справедливой оценке — «без всякого завода раздробления». В том случае, если разделу подлежало много заводов, «и наследники согласятся на четвертую часть целой завод или несколько целых заводов отдать, то не запрещается, ибо тогда раздробления заводу нет». Предусмотрен был и третий случай, когда «завод один, а наследников много». Тогда завод передается одному из наследников, преимущественно старшему, а остальные получают денежную компенсацию. Рекомендация комиссии приобрела силу закона, когда ее предложения 27 апреля 1762 г. были утверждены Сенатом¹³.

После раздела хозяйство баронессы М. А. Строгановой, состоявшее из четырех заводов, оказалось за пределами фамильных владений. Нытвенский, Кусье-Александровский и Юго-Камский заводы перешли во владение князей Голицыных и Шаховских в качестве приданого, а Хохловский завод баронесса Строганова продала в 1784 г. Лазареву за 160 тыс. руб.¹⁴

Рассмотрим этапы развития промышленного хозяйства барона Сергея Григорьевича Строганова, по разделу 1747 г. получившего Билимбаевский завод. Вскоре после раздела имущества, весной 1750 г., приказчик Григорий Цивилин доносил, что Билимбаевский завод «маловоден и затем в действии бывает не всегда и содержать его одного без друга неприбыльно». Домна в течение полугода работы выплавляла такое количество чугуна, что его «в три года перековать невозможно». Увеличить число молотов не позволяли ограниченные водные ресурсы р. Билимбаихи. Приказчик поэтому просил разрешения построить на р. Домрянке молоты и медеплавильные печи. Осмотр места дал благоприятные результаты, и 2 марта 1752 г. Берг-коллегия разрешила построить Домрянский завод¹⁵. На деле,

¹³ Там же, кн. 38, лл. 561, 562; кн. 39, л. 135.

¹⁴ Н. Н. Новокрещенных. Чермозский завод. СПб., 1889, стр. 10.

¹⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегия, д. 255, лл. 287, 289.

однако, оказалось, что выбор места был произведен не совсем удачно. Вместо шести на нем нередко работало только четыре, а то и два молота, а во время сильных морозов или засухи воды доставало лишь для того, чтобы приводить в действие шесть медеплавильных печей. В результате на Билимбаевском заводе накапливались запасы чугуна, которые «лежали по немалому числу тысяч пудов». Это вынудило Строганова предпринять постройку нового молотового завода на р. Очере, восемь молотов которого начали передел чугуна около 1760 г. Ввод Очерского завода вновь нарушил равновесие доменного и молотового производства. На этот раз домна не справлялась с поставкой чугуна 14 молотам Домрянского и Очерского заводов, и Строганов в 1761 г. испросил разрешения построить при Билимбаевском заводе вторую домну, которой отводилась роль запасной. Пуск Домрянского завода стимулировал работу Билимбаевской домны, так что выплавка чугуна поднялась до 60—70 тыс. пуд. в год. Железо отправлялось на продажу не только в Нижний Новгород, но даже и в Петербург¹⁶.

Барону С. Г. Строганову первому пришла в голову мысль поживиться за счет казенных заводов. В начале 1753 г., т. е. тогда, когда передача казенных заводов в частные руки еще не была провозглашена краеугольным камнем промышленной политики правительства, он подал в Берг-коллегию челобитную о передаче ему ряда казенных заводов и, в частности, Висимского медеплавильного, который был расположен в пределах его вотчин. Поскольку Берг-коллегия в это время еще не испытывала давления со стороны Сената и вельмож, она охраняла «казенный интерес» и предложила Строганову такие условия передачи заводов, чтобы он наверняка от них отказался. Она считала недостаточным обязательство Строганова оплатить стоимость завода и припасов в течение пяти лет, а также его отказ от использования государственных крестьян. Принимая эти условия, Берг-коллегия выдвинула еще одно — она решила запросить Строганова «объявленную в казну от того завода прибыль по 5600 руб. платить каждогодно он обяжется ль?». Строганов не успел даже обдумать этот мало приятный для него вопрос, как часть казенных заводов была передана Шувалову на выгоднейших для вельможи условиях¹⁷.

Предпринимательство С. Г. Строганова территориально не ограничивалось пределами его вотчин. В конце 1754 г. его приказчикам посчастливилось найти нужную речку в Верхокамских урочищах. Но так как «совершенно знающих» «плотинное» дело людей у Строганова не было, то, чтобы не понести «на-

¹⁶ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 257, л. 131; кн. 973, лл. 215, 217. О расширении хозяйства Строгановых см. также В. Шишонко. Пермская летопись, пятый период, ч. 3, стр. 359—368.

¹⁷ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 260, лл. 354, 355; д. 266, лл. 231—234.

прасного убытку», решили вызвать компетентного горного офицера¹⁸. Место было забраковано, и тогда С. Строганов в 1756 г. купил земли у башкир Айлинской и Куваканской волостей Уфимской провинции, где были обнаружены залежи железной руды, содержащей от 38 до 58% чугуна¹⁹.

Строительство Саткинского завода на этих землях осуществлял не барон С. Г. Строганов, а его сын Александр, известный меценат екатерининского времени, унаследовавший от умершего в 1756 г. отца все вотчины и промышленные предприятия. Первоначально он размахнулся на постройку двух заводов с тремя домами и 16 молотами. Первым он наметал пустить завод с двумя домами в верховья р. Сатки. Строганов очень торопил горную администрацию с оформлением разрешения, стараясь избавиться от нежелательного соседства, ибо Мосоловы затевали с ним тяжбу относительно рудников.

Еще до получения разрешения приказчик Цивилин сообщил, что к месту строительства из пермских вотчин отправлены плотники, заготовлена большая часть припасов, «ис коих неколикия туда и перевезены»²⁰. Право строить Троице-Саткинский завод А. С. Строганов получил 13 ноября 1756 г., но выполнять щедрые обещания оказалось неизмеримо труднее, чем их давать. Во-первых, Строганов тут же убедился в том, что он не располагает соответствующими ресурсами, главным образом резервами рабочей силы, чтобы на р. Сатке, вдали от своих вотчин, построить два завода. Во-вторых, по этой же причине строительство шло медленно и растянулось на целых три года. Две домны и 12 молотов, построенные с очень большим напряжением, начали работу 19 ноября 1758 г.²¹ Опыт нескольких месяцев действия предприятия убедил Строганова в том, что без соответствующей помощи от казны он не сможет его дальше эксплуатировать.

Еще в начале строительства завода барон перевел из собственных вотчин 1 тыс. душ крепостных крестьян, из которых «многие чинили и ныне чинят побег». По этой причине он не рискнул более сгонять крестьян с насиженных мест и в ноябре 1760 г. обратился в Берг-коллегию с просьбой приписать к заводу государственных крестьян²². Просьба не была удовлетворена, и Строганов не нашел иного выхода, как предложить казне купить Саткинский завод. Кстати, к этому его принуждал и казенный долг в сумме 125 522 руб., правда, уплата долга была отсрочена на 8 лет, но он пожелал «долговую сумму без продолжения времени заплатить».

¹⁸ Там же, д. 270, л. 364.

¹⁹ Там же, кн. 1206, л. 233.

²⁰ Там же, д. 277, лл. 194—196, 200, 203, 204.

²¹ Там же, кн. 1213, л. 110.

²² Там же, кн. 1185, л. 499.

Казна заинтересовалась Саткинским заводом, Строганов убеждал Берг-коллегию, что она без особенных усилий может довести выковку железа до 100 тыс. вместо нынешних 60 тыс. пуд. Прельщал он казну и удобными путями сообщения. Наконец, Строганов продавал завод вместе с 800 крепостными, обучившимися к этому времени заводскому мастерству. Сенат предложил Берг-коллегии, а она Канцелярии главного заводов правления оценить и описать завод. Гитенфорвалтер Василий Роздеришин оценил завод вместе с 1 701 душ обоего пола, среди которых годных в работу он насчитал всего 623 душ, в 131 840 руб. Продавца эта сумма не устраивала. Он считал, что завод оценен «меньше третьей части» израсходованных средств на покупку земель, перевод крестьян, обучение их мастерству и т. д. Поэтому, писал Строганов, «к отдаче оного (завода).— Н. П.» в казенное содержание согласитца мне невозможно»²³.

Острая нужда в деньгах все же вынудила Строганова расстаться с этим заводом. Сначала (в 1768 г.) он заложил Троице-Саткинский завод титулярному советнику Михаилу Саввичу Яковлеву сроком на два года за 70 тыс. руб., а затем в 1769 г. продал его И. Л. Лугинину за 185 тыс. руб.²⁴ В итоге за А. С. Строгановым осталось три завода.

Вырученных денег расточительному графу не хватило даже на два года. В 1771 г. он вновь обратился в Сенат с просьбой «для скорейшей заплаты долгов как казенных, так и партикулярных и для приведения в лутчей порядок домашней своей экономии» разрешить сдать в аренду придворному ювелиру Ивану Лазареву сроком на шесть лет, с 1 мая 1771 г. по 1 мая 1776 г., все свои владения. Сумма долга Медному банку составляла около 100 тыс. руб. Кроме того, Строганов имел частные долги. Однако графа не столько тревожили долги, сколько сомнительная возможность поправить расстроенное хозяйство чужими руками и чужими капиталами. Он так и заявлял, что сдачей в аренду желает погасить долги, но более всего в аренде видит средство приведения «в лутчее состояние соляных моих промыслов, медных и железных заводов, кои за дальным моим разстоянием самому осмотреть и в надлежащий порядок привести времени не имею». По условиям контракта, одобренным Сенатом, в аренду сдавались Новоусольские, Ленвенские, Зырянские и Чусовские соляные промыслы, Билимбаевский, Домрянский и Очерский заводы, пильные и мучные мельницы и все вотчины с 7 617 крепостными крестьянами. За год аренды Лазарев обязался платить 40 тыс. руб., а за 6 лет — 240 тыс., из которых он в 1771 г. должен был погасить долги Строганова на

²³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1238, лл. 52, 53, 77, 137.

²⁴ Там же, кн. 1287, лл. 427, 436.

100 тыс. руб. Лазарев обязался своевременно производить текущий ремонт предприятий, взыскивать в свою пользу «оброку» каждогодно по рублю з души бездоимочно», предоставлять крестьянам, занятым в промыслах и на заводах, удобное время для выполнения полевых работ, своевременно платить десятину и т. д.

Сдача в аренду такого крупного и многоотраслевого хозяйства была беспрецедентной, если не считать аренды Мосоловыми Шурминского завода, оформленной к тому же без участия горной администрации. Поэтому Сенат запросил мнения заинтересованных учреждений — Берг-коллегии и Соляной конторы. Берг-коллегия, верная принципу, что «не особа заводосодержателя важна, но единственно благосостояние заводов», сделала ряд замечаний на условия аренды. В частности, она считала важным включить в контракт обязательство Лазарева рационально использовать рудники и леса — без этого арендатор «может одну пустыню оставить, не нарушая договорного изъяснения». Однако Сенат «к дозволению сей отдачи... никакого законного препятствия» не находил. Более того, Сенат считал, что И. Лазарев с братьями «как люди, имеющие знатные капиталы..., приведут как горные заводы в лутчее состояние, так и соляную выварку и поставку в казну к приращению казенного интереса размножат»²⁵.

Крестьянская война пронеслась мимо заводов А. С. Строганова, находившихся в аренде у Лазарева. Правда, восставшие с 17 января по 13 марта 1774 г. находились на Билимбаевском заводе, но сколько-нибудь существенного ущерба они арендатору не нанесли — дело ограничилось конфискацией провианта и имущества арендатора. Что касается молотовых заводов, то Домрянский не прекращал работы ни на один день и поэтому не попал ни в одну из ведомостей, составленных Перфильевским и Глебовским, а Очерский завод претерпел убытки только от остановки заводских работ да от дополнительных затрат «для защищения» наездов пугачевцев²⁶.

Когда находившиеся в аренде предприятия вновь попали в руки Строганова, то на Домрянском заводе был оставлен только передельный цех. Плавка меди на нем прекратилась с 1773 г. «за пресечением медных руд»²⁷.

Николай Григорьевич Строганов, средний из трех братьев, позже Сергея приобрел хозяйственную независимость. В течение пяти лет Николай довольствовался припасами, поставляемыми Билимбаевским заводом. Как уже выше было отмечено, слабым звеном этого завода было молотовое производство, что,

²⁵ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 3902, лл. 22—23; ф. Берг-коллегии, кн. 48, лл. 42—49, 81.

²⁶ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4206, лл. 119, 134.

²⁷ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1371, л. 509.

видимо, создавало перебои в снабжении железом соляных промыслов, принадлежавших Николаю. Это обстоятельство и вынудило его приказчиков обратиться в горную администрацию с просьбой соорудить при Таманском медеплавильном заводе два молота. Хотя приказчик Г. Дьяконов и заявлял, что «в плотине воды... довольно», что постройка молотов несколько не отразится на количестве выплавляемой меди и что, наконец, шихтмейстер Чернышев, обследовавший завод, тоже засвидетельствовал недостаток воды, Канцелярия главного заводов правления разрешила построить молоты только при том условии, если Строгановы обжуются выплавлять на Таманском заводе меди не менее, чем на казенных Пыскорском и Висимском. В связи с необходимостью ковать для соляных промыслов црены, Дьяконов от имени своего хозяина дал требуемую подписку, и Пермскому горному начальству велено было строго наблюдать за выполнением этого обязательства.

Постройка молотовых на Таманском заводе была лишь полумерой, так как отсутствие доменного производства делало металлургический цикл незавершенным. В феврале 1752 г. приказчик Григорий Дьяконов доносил Канцелярии главного заводов правления, что Николай Строганов «ради удовольствия соляных своих промыслов железными припасами» решил построить свой доменный завод на одной из трех речек, которые просил освидетельствовать «заводскими мастерами, знающими в том силу», чтобы можно было строить наверняка, «без напрасного господина ево капиталу потеряния». Шихтмейстер Кичигин признал пригодной для постройки завода речку Тузимку, «около которой лесов имеется елишних довольно».

Пермское горное начальство, однако, усомнилось в правильности заключения Кичигина и считало постройку завода на речке Тузимке не лучшим выходом из положения.

Игнорируя предостерегающие советы Пермского горного начальства, Дьяконов все же убедил своего патрона в необходимости строить завод на речке Тузимке и в одном из доношений писал в Берг-коллегию, что, «несмотря на дороговизну от провоза руды, неотменное желание господин их, барон, тут завод строить имеет». Но барон Строганов, давая согласие на постройку Тузимского завода, в то же время приказал другим своим приказчикам разыскивать более удобное место. Эти усилия принесли успех, и 10 сентября 1753 г. приказчики Андрей и Федор Кузнецовы донесли в Берг-коллегию, что они «вместо прежде отысканного на Тузуме речке неудобного места» обнаружили несколько новых речек, из которых геодезии ученик Оботин и плотинный подмастерье Ермаков признали наиболее подходящей р. Пожву — правый приток Камы. По расчетам экспертов, на реке можно было построить домну, шесть действующих и два запасных молота. Преимущество

вновь отысканного места состояло также в том, что «поблизости означенного заводу имеются вотчины ево господина, барона, деревни в немалом числе крестьянства». Канцелярия главного заводов правления не возражала против выбора, и Берг-коллегия указом 23 марта 1754 г. разрешила Н. Г. Строганову построить Пожвенский завод²⁸.

Пожвенский завод был не только доменным и передельным, но и медеплавильным. Помимо домны и шести молотов, на нем были построены «для приумножительной выплавки меди» три медеплавильные печи. В процессе работы предприятия выяснилось, что молоты не могли работать непрерывно, и значительное количество чугуна оставалось в запасе. Это и вынудило барона Строганова беспокоиться о постройке передельного завода. Удобное место было найдено недалеко от Пожвенского завода на правом притоке Камы речке Чермос близ дер. Оленовой. Указ на постройку завода был вынесен 27 апреля 1761 г.

В процессе постройки завода барон убедился, что речка Чермос настолько многоводна, что, помимо четырех молотов, «может действием содержать и другие фабрики». В августе 1763 г. приказчики Строганова просили разрешения на постройку трех медеплавильных печей, а в ноябре того же года они решили число их довести до шести. В действительности Строганов не построил молотов на речке Чермос, а решил ограничиться сооружением шести медеплавильных печей. Это отступление от первоначальных намерений Н. Г. Строганов объяснял уменьшением запасов руды для Пожвенского завода, в результате чего выплавка чугуна на нем значительно сократилась и необходимость в передельном заводе отпала. Первые три печи Чермосского завода были пущены 22 января, а остальные три 9 февраля 1765 г.²⁹

Четвертым заводом, пополнившим хозяйство Н. Г. Строганова, был Кыновский, расположенный в Кунгурской округе на р. Чусовой. Разрешение на постройку завода было получено 16 февраля 1759 г., а пущен он был в 1761 г.

Николай Строганов умер в январе 1764 г., разделив перед смертью все имущество между тремя сыновьями. Пожвенский завод достался секунд-ротмистру Сергею, Таманский и Кыновский заводы — поручику Александру, а Чермосский, находившийся в стадии постройки, — действительному камергеру Григорию Строганову. Григорию, кроме того, «во уравниение» с братьями причиталось получить 10 тыс. руб. на постройку нового доменного и молотового завода. Этот завод Григорий Строганов намеревался поставить на р. Лытве и 3 мая 1764 г. получил

²⁸ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 967, лл. 1—5, 10—14.

²⁹ Там же, кн. 1171, лл. 179, 187, 196, 203, 204; ГАПО, ф. Абамелек-Лазаревых, д. 6.

соответствующее разрешение³⁰, но реализовать его не сумел. Да и большой надобности в этом не было, так как Григорию в срочном порядке пришлось изменять профиль Чермосского завода. Дело в том, что уже к марту 1766 г. медные рудники Чермосского завода совершенно иссякли, и Строганов возбудил ходатайство о закрытии медеплавильных печей и постройке вместо них домны и шести молотов, пущенных в 1767 г. В 1778 г. Чермосский завод был продан Лазареву за 450 тыс. руб.³¹

Столь же незначительным хозяином оказался и Сергей Николаевич Строганов, которому достался Пожвенский завод. С. Строганов умер в 1773 г., оставив массу долгов. Перед смертью он велел своим душеприказчикам продать недвижимое имение, «состоящее в Пермской провинции в разных селах и деревнях, в медном и железном заводах и в соляных промыслах... все без остатку», с тем чтобы погасить многочисленные долги. В том же 1773 г. Пожвенский завод купил за 300 тыс. руб. сенатор Всеволод Алексеевич Всеволожский³².

Из трех братьев этой ветви Строгановых наиболее предпринимчивым оказался младший — поручик Александр. Ему одному удалось не только сохранить, но и значительно расширить размеры промышленного хозяйства.

Барон Александр Николаевич Строганов получил в наследство Таманский и Кыновский заводы. Первенец металлургического производства Строгановых Таманский медеплавильный завод, базировавшийся на гнездовых рудах, испытывал недостаток в сырье, приведший в конечном итоге к закрытию предприятия. В 1772 г. Таманский завод выплавил только 140 пуд., а в 1773 г. и того меньше — 103 пуд. меди. В 1773 г., когда Берг-коллегия потребовала от промышленников увеличения выплавки меди, домовая контора А. Н. Строганова ответила, что никакой надежды поднять производительность завода нет, так как попытки найти рудники не увенчались успехом. Более того, контора возбудила ходатайство о разрешении остановить завод и исключить семь печей из оброка впредь до отыскания новых рудников³³. Завод фактически прекратил работу с 1774 г., затем возобновил ее в 1783 и 1784 гг., но переплавлял не руду, а медноватый чугун, из которого за два года было отделено 423 пуд. меди. В 1787 г. заводская контора вновь обратилась, на этот раз в Пермскую казенную палату, с просьбой исключить Таманский завод из списка действующих предприятий. Унтер-шихтмейстер Симонов, обследовавший рудники, донес, что они оказались действительно пресекшимися и «к добыче руд никакой благонадежности не предвидится, также и состоящее

³⁰ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1231, лл. 94, 95.

³¹ Н. Н. Новокрещенных. Указ. соч., стр. 118.

³² ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2067, лл. 467, 480.

³³ Там же, кн. 1334, л. 221.

при Таманском заводе плотина и прочее заводское строение имеется в совершенной ветхости». Указом Сената 15 февраля 1788 г. Таманский завод был исключен из числа действующих предприятий ³⁴.

Взамен закрытого Таманского завода А. Н. Строганов построил два новых предприятия, начатый постройкой в мае 1783 г. Елизавето-Нердвинский завод, перековывавший в железо чугун Кыновского завода ³⁵, и Екатерино-Сюзвинский завод, о действии которого сохранились более пространные сведения.

Строительство Екатерино-Сюзвинского завода было осуществлено на основании указа Пермской казенной палаты от 27 февраля 1787 г. В процессе строительства А. Н. Строганов решил поставить вместо одной домны две. Изменение первоначального плана он объяснял необходимостью остановить доменную печь на Кыновском заводе. По словам поверенного барона Ивана Седова, завод исчерпал лесные ресурсы в такой степени, «что не только на уголь для действия доменного к выплаве чугуна есть в нем надежда, но и на устройство к перевозке с тамошних рудников на Екатерино-Сюзвинский господина ево завод руд коломенок, ежели доменного действия отныне впредь чрез пять лет не уничтожить совсем, нисколько оно не останется». На этом основании Строганов и решил построить дополнительную домну на Екатерино-Сюзвинском заводе взамен остановленной на Кыновском заводе с обязательством не останавливать Кыновской домны до пуска Екатерино-Сюзвинской. Плавка чугуна на Екатерино-Сюзвинском заводе началась 13 августа 1789 г. ³⁶

В конце XVIII в. Кыновский завод возобновил свое существование, хотя работа на нем производилась эпизодически. Восстановление завода было связано с предписанием Берг-коллегии иметь на каждом предприятии запасную домну, с тем чтобы плавка чугуна производилась непрерывно. Вотчинное правление считало целесообразным восстановить домну Кыновского завода, причем просило зачислить ее в запасные. Если 10 лет назад строгановские приказчики мотивировали закрытие домны необходимостью экономить лес, то теперь, в 1799 г., вотчинное правление этой же экономией мотивировало восстановление домны. Оно сообщало, что для сплава руды с рудников, расположенных рядом с закрытым Кыновским заводом, расходуется много «самого лутчаго лесу». Чтобы предотвратить напрасную трату «среднего и мелкого лесу», вотчинное правление считало необходимым использовать его на уголь для Кыновской запасной домны ³⁷.

³⁴ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4545, лл. 18, 19, 24.

³⁵ Н. Н. Новокрещенных. Указ. соч., стр. 119.

³⁶ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2181, лл. 58, 59.

³⁷ Там же, кн. 2624, лл. 227, 228.

История хозяйства Строгановых повторяет в миниатюре историю металлургического производства России в целом. Расцвет строгановских предприятий совпадает со временем наибольшей активности частной инициативы в металлургии (конец 50-х — первая половина 60-х годов XVIII в.). К 1765 г. Строгановы владели 12 заводами, из которых только три были построены в первой половине XVIII в. В дальнейшем заводы один за другим стали ускользать из рук баронов: Саткинский был куплен Лугининым, Чермосский и Хохловский — Лазаревым, Пожвенский — Всеволожским. Три завода перешли во владение Голицыных и Шаховских (Кузье-Александровский, Нытвинский и Юго-Камский) и один завод (Таманский) был закрыт из-за истощения медных рудников. За последнюю треть XVIII в. Строгановы построили только два завода (Екатерино-Сюзвинский и Елизавето-Нердвинский). Всего Строгановы в течение XVIII в. построили 14 заводов. К концу столетия в их руках осталось только шесть предприятий — Билимбаевский, Домрянский, Очерский, Кыновский, Екатерино-Сюзвинский и Елизавето-Нердвинский заводы. Среди крупных промышленников Строгановы понесли наибольший урон.

В то же время Строгановы в качестве промышленников удержались в течение всего XVIII в. Это — удел далеко не всех дворян-предпринимателей, ибо подавляющее большинство их не сохранилось в списке промышленников в течение даже одного-двух десятилетий.

От промышленного хозяйства Строгановых отпочковалось несколько предприятий, положивших начало новым фирмам. К числу последних относятся хозяйства Голицыных и Шаховских. Анна Александровна Строганова, вышедшая замуж за кн. М. М. Голицына, получила в приданое часть обширных пермских вотчин и половину Кузье-Александровского завода. Последний выплавлял чугуна значительно больше, чем его могли переработать два молота. Поэтому кн. М. М. Голицын в 1756 г. исхлопотал разрешение на сооружение на речке Нытве в Кунгурской провинции передельного и медеплавильного завода. Строительство Нытвенского завода шло неудачно. В 1759 г., когда строительные работы подходили к концу, во время летнего паводка была размыта плотина «и приготовленные руды и разные материалы и припасы рознесло и бывшее строение опровергнуто». В 1762 г., когда завод уже два года находился в числе действующих предприятий, вновь была размыта плотина. Но, отрегулировав водный режим реки, Голицын встретился с иного рода трудностью. Сысканные «великим коштом медные рудники» в Яйвинских урочищах были исчерпаны, а в Сылвинских были запрещены разработкой в связи с удовлетворением просьбы владельца Ягошихинского и Юговских заводов графа Р. И. Воронцова.

Ходатайство о восстановлении своих прав на рудники Голицын подал, видимо, в том же 1761 г. и, не надеясь на благоприятный для себя исход спора, решил сам искать выход из создавшегося положения. Усилиями его приказчиков в 1766 г. были обнаружены железные рудники, и в следующем году Голицын начал постройку при плотине Нытвенского завода доменной печи, которая и была пущена в 1768 г. Таким образом, Нытвенский завод стал доменным, передельным и медеплавильным³⁸. Впрочем, одновременно с постройкой Нытвенского завода князь Голицын развернул кипучую энергию с целью получения в свое содержание казенных медеплавильных заводов. В марте 1759 г. княгиня Анна Александровна Голицына претендовала на получение Ягошихинского и Мотовилихинского заводов, поскольку оба они стояли на ее земле. Спустя месяц княгиня подала новую челобитную, в которой соглашалась взять заводы без приписных крестьян. Казенных заводов княгиня Голицына, однако, не получила³⁹.

Вторым заводом, находившимся в единоличном владении Голицына, был Архангело-Пашийский. История возникновения этого предприятия такова. Еще в 1750 г. приказчик барона Александра Строганова Иван Наумов доносил об обнаруженных в Пермских вотчинах трех речках — Росольной, Тесовой и Пашии, на одной из которых его хозяин намеревался построить домны и молоты. Предпочтение было отдано речке Кусье, где и был построен Кусье-Александровский завод.

Ходатайство о постройке завода на речке Пашии было возобновлено спустя 22 года, в 1772 г., кн. Голицыным, пожаловавшим построить для плавки железных руд одну домну и два молота. Это намерение встретило противодействие со стороны князя Б. Г. Шаховского. Его приказчик считал, что речка Пашия находится в урочищах совместного владения, поэтому Голицын не имел права начинать строительство завода без согласия Шаховского. «А буде на просимой речке Пашие завод построится и леса ко оному ограничены будут, то Кусье-Александровский завод, лишась оных, восчувствуют великой недостаток». Протест подал и граф Александр Сергеевич Строганов, заявивший, что новый завод нанесет ущерб его Чусовским соляным промыслам.

Либо протесты Б. Г. Шаховского и А. С. Строганова князь Голицын признал основательными, либо по каким-нибудь иным соображениям, но строительство Пашийского завода было прекращено, несмотря на то, что туда уже был свезен лес для возведения хлебного амбара.

³⁸ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1337, л. 214; кн. 1334, лл. 209, 224.

³⁹ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 2646, лл. 1236, 1237.

В третий раз вопрос о постройке Архангело-Пашийского завода был возбужден в 1785 г. Несмотря на протест сенатора В. А. Всеволожского, князь Голицын 5 мая 1785 г. получил разрешение от казенной палаты Пермского наместничества на постройку завода с двумя домнами, двумя молотами и пильной мельницей.

К концу XVIII в. профиль Нытвенского завода изменился. Медные руды были исчерпаны настолько, что плавка меди с 1789 г. была прекращена, а накануне этого ее добывали в количестве нескольких десятков пудов в год. С 1788 г. прекратила работу и доменная печь. Первоначально домну остановили для ремонта, но, осмотрев ее, обнаружили, что она разрушалась двумя ключами.

Унтер-шихтмейстер Нестеров, обследовавший Нытвенский завод, согласился с тем, что домну восстанавливать нецелесообразно, так как лесов осталось «весьма малое количество», а главное — мало было руды, которая оказалась «содержанием самая убогая и ненадежная, а потому и один Кусье-Александровский завод сим количеством и не может продовольствоваться». На этом основании домна в 1783 г. была разломана. Нытвенский завод стал только передельным, с 12 молотами. В итоге за Голицыным числилось два с половиною завода — доменный и молотовый Архангело-Пашийский, молотовый Нытвенский и половина Кусье-Александровского доменного и передельного завода.

История промышленного хозяйства князя Бориса Григорьевича Шаховского имеет много общего с только что рассмотренной историей предприятий князя Голицына. Начальные шаги Шаховского в предпринимательстве связаны с получением приданого баронессой Варварой Александровной Строгановой. В хозяйство Шаховского баронесса в 1763 г. принесла часть Кусье-Александровского и весь Юго-Камский заводы. Оба завода составляли заверченный комплекс: чугуны Кусье-Александровского завода, на котором передельный цех был весьма слабым, поступал для перековки на два молота Юго-Камского завода. Последний, как известно, был не только передельным, но и медеплавильным.

Состояние медеплавильного производства на Юго-Камском заводе не удовлетворяло ни владельца предприятия, ни Берг-коллегию. В 1772 в. на этом предприятии, оборудованном шестью печами, было выплавлено 799 пуд. меди вместо 6 тыс. пуд. Разрыв между мощностью и реальной производительностью княгиня В. А. Шаховская объясняла тем, что со времени ее вступления во владение заводом ни в одном году из-за недостатка руд все шесть печей одновременно не находились в действии, проплавка руд производилась только на трех печах, работавших к тому же с продолжительными перебоями. Княгиня

ня не обещала увеличить выплавку меди и в дальнейшем, так как приказчики ей донесли, что в рудниках, обеспечивавших сырьем три печи, «рудам учинилось совершенное пресечение и в действии заводском остановка». В. А. Шаховская сообщала, что она дала указание возбудить ходатайство об исключении всех медеплавильных печей из оброка⁴⁰.

Намерение прекратить плавку меди не было выполнено в 70-х годах, как это грозила сделать княгиня Шаховская. Завод плавил медь и в 80-х и даже 90-х годах, правда, в очень скромных количествах. Так, максимальная ежегодная выплавка меди в 80-х годах составляла 411 пуд. (1786 г.). В 1787 г. и 1790 г. выпуск меди не производился, в 1791 г. он составил 53 пуда, а в 1792 г. — 195 пуд. С 1793 г. плавку меди прекратили.

Сокращение выплавки меди ставило вопрос о более рациональном использовании плотины, так как имевшиеся два молота далеко не исчерпывали энергетических ресурсов реки. Но превращение Юго-Камского завода из передельного и медеплавильного только в передельный требовало постройки дополнительной домны, так как чугуна Кусье-Александровского завода явно недоставало, чтобы загрузить работу молотов Юго-Камского завода. Так возник Лысвенский доменный и молотовый завод, построенный по указу Пермской казенной палаты от 1785 г. на левом притоке Чусовой речке Лысве. Сведений о времени пуска завода нет. Второй завод — Бисерский — тоже доменный и молотовый, был построен по указу Пермской казенной палаты от 1787 г. Его оборудование состояло из домны и одного молота. Плавка чугуна началась 22 января 1788 г.⁴¹

Таким образом, хозяйство Шаховского к концу столетия состояло из 3½ заводов — Юго-Камского, Лысвенского, Бисерского и половины Кусье-Александровского.

Со строгановскими заводами связано предпринимательство сенатора и действительного камергера Всеволода Алексеевича Всеволожского. В 1773 г. опекуны малолетнего барона Александра Сергеевича Строганова продали Пожвенский завод Всеволожскому. Эта купля завода Всеволожским представляется довольно странной. Тогда же, в мае 1773 г., когда была оформлена купчая, Всеволожский подал две челобитные. В одной из них он сообщал, что на купленном заводе «за удовольствием одной домны и объявленных молотов и печек воды излишней много достается», что дает ему возможность «построить вновь молотовую на 12 молотов, да медиплавленных печек к ныне находящимся прибавить 6». Для обслуживания строительных работ и эксплуатации реконструированного предприятия Всеволожский просил приписать к нему 4 200 собственных крепост-

⁴⁰ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1334, лл. 209, 215.

⁴¹ Там же, кн. 2181, л. 573.

ных. В другой челобитной Всеволожский хлопотал о праве заложить только что купленный завод. «А как я по случаю покупки одного завода,— писал он,— пришел в немалой долг, то потому пристройки вновь молотовой и печек и починки старого без займу еще на оное денег исправить не могу».

Третьей челобитной, поданной в январе 1774 г., Всеволожский информировал Берг-коллегию о путях преодоления своих финансовых затруднений. Оказывается, он договорился о продаже М. М. Походяшину $\frac{3}{4}$ Пожвенского завода с 3900 душами крепостных ⁴².

Можно высказать предположение, что вся затея с покупкой Всеволожским Пожвенского завода, припиской к нему новых контингентов вотчинных крестьян и продажей $\frac{3}{4}$ предприятия Походяшину была продумана заранее. Лишенный возможности покупать к заводам крепостных крестьян, Походяшин воспользовался посредничеством сенатора Всеволожского.

Документы не проливают достаточно ясного света и на последующую историю промышленного хозяйства Всеволожского. Именным указом 28 ноября 1789 г. сделка Всеволожского с Походяшиным была расторгнута на том основании, что она «сочтена раздроблением заводского имения», противоречившим указу 8 августа 1762 г. По чьей инициативе Пожвенский завод был приведен «в первобытное состояние», кто признал сделку противозаконной спустя 16 лет после ее совершения,— неясно. Можно лишь предположить, что инициатива исходила не от Походяшина, уплатившего в свое время Всеволожскому 200 тыс. руб.

Пожвенский завод все же был расширен компаньонами. В конце XVIII в. на нем стояло 14 молотов вместо восьми, которыми он был оборудован, находясь во владении Николая Григорьевича Строганова в 1764 г.

Доходы от вотчин и завода далеко отставали от расходов Всеволожского. В 1796 г. он умер, завещав все имущество и долги не брату, а племяннику Всеволоду Андреевичу Всеволожскому, молодому ротмистру. Опекуном «для собирания доходов и уплаты казенных и партикулярных долгов» над всем имуществом был назначен князь Степан Борисович Куракин. Опекун обнаружил, «что прежних доходов для заплаты долгов совершенно недостаточно», и решил расширить промышленную часть владений опекаемого. Он увеличил число соляных варниц, а также достроил Елизавето-Пожвенский молотовый завод с четырьмя молотами. Это предприятие начал сооружать сенатор Всеволожский еще в 1794 г. в 15 верстах от Пожвенского завода, а пущено оно было только в 1798 г. и, по заявлению Кура-

⁴² ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2067, лл. 476, 510, 515.

кина, стало приносить «немалую пользу» как владельцу, так и казне ⁴³.

Таким образом, Всеволожский к концу XVIII в. стал владельцем двух металлургических заводов. Однако за внешним благополучием, выражением которого было расширение хозяйства, скрывалось его тяжелое финансовое положение. В XIX в. это хозяйство вступило обремененным долгами.

Последним хозяйством, генетически связанным с хозяйством Строгановых, было хозяйство Лазарева. Иван Лазаревич Лазарев, армянин по национальности, восстановленный Екатериной II в дворянском достоинстве, стоит особняком среди прочих дворян-промышленников. Если верить жизнеописанию, составленному самим Лазаревым и включенному в дворянский диплом, то он происходил из знатного армянского рода. Судьба забросила его в Иран, где он вынужден был заниматься торговлей, а затем исполнять обязанности хранителя шахских сокровищ. В Россию И. Л. Лазарев, как можно догадаться, прибыл не с пустыми руками, ибо для того, чтобы занять должность ювелира при русском дворе, необходимо было, помимо навыков, располагать также и денежными средствами. Придворный ювелир занимался также внешнеторговыми операциями, хотя, видимо, не весьма крупными. Так, в 1773 г. он доставил в Россию иностранных товаров на 1 тыс. руб. ⁴⁴ Лазарев быстро богател. Сенат утверждал, что Лазарева имеют «знатные капиталы». Таким образом, происхождение первоначального капитала Лазарева можно считать отчасти иностранным, отчасти русским.

Путь овладения Лазаревым заводами был настолько своеобразен, что поставил в тупик правительственные инстанции, включая и Сенат. 4 марта 1771 г. И. Л. Лазарев и тайный советник Александр Сергеевич Строганов обратились с челобитной, в которой просили утвердить заключенный между ними контракт. Лазарев, как отмечено выше, в 1771 г. стал арендатором соляных промыслов, а также принадлежавших А. С. Строганову Билимбаевского, Домрянского и Очерского металлургических заводов с 7617 крепостными душами.

Во время шестилетнего владения Билимбаевским, Домрянским и Очерским заводами Лазарев приобрел вкус к предпринимательству. Весной 1778 г., через год после того, как закончился срок контракта, он купил у тех же Строгановых Чермосский железоделательный и медеплавильный завод. Продавцами его были наследники умершего одиноким барона Григория Николаевича Строганова генерал-майор Александр Николаевич и малолетний барон Александр Сергеевич. Вместе с заводом Лазареву досталось 7142 души м. п. Все это было куплено за

⁴³ Там же, кн. 2305, лл. 665, 666.

⁴⁴ ЛОИИ, ф. Воронцовых, д. 570, л. 124.

450 тыс. руб., из которых 47 тыс. руб. Лазарев внес в качестве задатка, 103 тыс. руб. издержал на уплату долгов покойного Григория Строганова, остальные 300 тыс. руб. Лазарев обязался уплатить в течение 8 лет, с тем чтобы последний взнос был произведен в 1787 г.⁴⁵

В 1784 г. Строгановы расстались еще с одним предприятием — Лазарев купил у баронессы Марии Артемьевны Хохловский завод вместе с соляными промыслами и 2643 душами крепостных крестьян. За всё это недвижимое имение Лазарев уплатил 160 тыс. руб.⁴⁶

Хохловский завод, как и Чермооский, числился по документам комбинированным предприятием, т. е. железоделательным и медеплавильным, хотя фактически на обоих заводах плавка меди была давно прекращена «за пресечением старых и неотысканием новых рудников». На Хохловском заводе три медеплавильные печи прекратили работу в 1778 г., а на Чермоосском заводе шесть печей — еще в 1770 г. Лазарев добился исключения девяти медеплавильных печей из оброчного оклада только в 1787 г.⁴⁷

Потерю медеплавильного производства Лазарев компенсировал расширением выплавки чугуна. В 1779 г. он решил вместо разрушенной старой домны, построенной на Чермоосском заводе еще 13 лет назад, поставить новую на более удобном месте. Но как только была пущена новая домна, Лазареву стало жалко расставаться со старой. Контора Чермоосского завода просила, «покуда в лучшее состояние новая домна приходит, может, старой домне до разрушения ее действовать позволить». Эта просьба, охотно удовлетворенная Берг-коллегией, позже доставила Лазареву немало неприятностей. Дело в том, что срок, в течение которого новая домна должна была прийти «в лучшее состояние», оказался слишком продолжительным, и на старой домне плавка чугуна производилась вплоть до осени 1789 г. Попытка Лазарева исключить домну из оброчного оклада не увенчалась успехом⁴⁸.

К двум купленным заводам Лазарев в XVIII в. прибавил еще два построенных. Первый из них — доменный и молотовый Кызеловский завод — был пущен 7 января 1789 г., а хлопоты о его постройке Лазарев начал еще в 1783 г. Продолжительность строительного периода была вызвана спором, затеянным Строгановыми и Всеволожскими с Лазаревым за место под завод на р. Кызел. Чтобы выяснить суть дела, вернемся несколько

⁴⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1370, лл. 241, 244, 245.

⁴⁶ ГАПО, ф. Абамелек-Лазаревых, д. 6.

⁴⁷ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4502, лл. 60, 64, 72.

⁴⁸ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2175, лл. 523—525; Н. Н. Новокрещенных. Указ. соч., стр. 118, 119.

назад, к тому времени, когда Строгановы еще не приступили к распродаже своих вотчин и заводов.

Указ на постройку завода на р. Кызел был выдан барону Николаю Строганову в 1764 г. Во время раздела имущества его сыновья подали от себя в Берг-коллегию прошение «с таким объяснением, что они, следуя родителя своего определению, в урвание на часть брату своему барону Григорию отдали место на речке Кызелу и Лытве». После смерти Григория Николаевича Строганова принадлежавший ему Чермосский завод купил Лазарев. Вместе с заводом к Лазареву отошли и названные выше два места, удобные для строительства новых предприятий.

На оба заводских места никто не претендовал вплоть до 1783 г., когда Лазарев заявил о своем намерении реализовать указ Берг-коллегии 1764 г., т. е. построить на р. Лытве железодельательный завод, а на р. Кызел — пильную мельницу. Как только на этот счет было подано прошение, Всеволод Алексеевич Всеволожский объявил, «что те места, где Лазарев намерен строить завод и мельницу, должны быть в общем с ним, Всеволожским, владении». Несколько позже, когда Лазарев начал строить завод, в спор вступил сенатор граф Александр Сергеевич Строганов, к протестам далее присоединились также княгини Голицына и Шаховская, урожденные Строгановы.

Между тем Лазарев, тщательно ознакомившись с режимом рек Кызела и Лытвы и с размещением сырьевых источников, изменил свое первоначальное намерение и решил строить на р. Кызел не пильную мельницу, а чугуноплавильный завод с двумя домнами, а на р. Лытве — молотовый завод. Руду он намеревался доставлять частично из Кызеловского рудника, обеспечивавшего сырьем Чермосский завод, и частично из вновь найденного Почаевского рудника. Так как Лазареву был хорошо известен указ Сената, которым «на вновь построенные заводы с принадлежащих к старым заводам рудников ни в каком количестве руд ни под каким видом для плавки обращать не велено», то он особо аргументировал необходимость пользования рудой старого Кызеловского рудника. Он обещал, что Чермосский завод «останется в своей силе и действии», а челночная операция с перевозкой руды ему необходима в связи с тем, что руды «в одном руднике тверды, а в другом мехки» и поэтому «для лутчей их в домнах проплавки и выгоднейшей чугуна выплавки» такие руды надлежит смешивать.

Сенат, рассматривавший в 1785 г. эту просьбу Лазарева и одновременно просьбы Строганова, Всеволожского и Голицына, разрешил постройку Кызеловского завода, а также в порядке исключения пользование рудой Кызеловского рудника, поручив Пермской казенной палате наблюдение, «чтоб на прежнем Чер-

мосском ево, Лазарева, заводе выплавку чугуна производил он с равной силою, как и до сего времени».

Чермосского завода Лазарев «не упустил» и в то же время расширил плавку чугуна на Кызеловском, построив на нем в 1790 г. вторую домну. В итоге Кызеловский завод стал одним из крупнейших чугуноплавильных предприятий страны: на нем стояло две доменных печи, выплавлявших свыше 200 тыс. пуд. чугуна в год. Правда, выковка железа, несмотря на наличие на заводе восьми молотов, не достигла значительных размеров.

Претенденты на землю, на которой стоял Кызеловский завод, не унялись после указа Сената 1785 г., отклонившего их просьбы, и даже после пуска предприятия. Второй раз жалоба Всеволожского рассматривалась в 1798 г. и тоже была отклонена ⁴⁹.

Второй завод, построенный Лазаревым, был молотовым. Постройке этого завода предшествовала покупка Лазаревым у графа Александра Сергеевича Строганова в 1793 г. с. Полазнинского за 8600 руб. В следующем году после заключения этой сделки Лазарев получил разрешение строить Полазнинский молотовый завод. Сооружение плотины было завершено 6 июля 1797 г., и в том же году завод начал переделку чугуна, доставляемого по р. Косье и Каме с Кызеловского завода. Полазнинский завод, оборудованный 12 молотами, стоял в 33 верстах от Перми ⁵⁰.

Итак, к концу XVIII в. Лазарев стал владельцем четырех заводов — два завода были доменными и молотовыми (Чермосский и Кызеловский) и два — только переделными (Хохловский и Полазнинский). Лазарев был единственным в стране промышленником, удвоившим число предприятий за последние два десятилетия XVIII в. Надо также отметить, что бывший придворный ювелир превратился не только в крупного заводо-владельца, но и крупного душевладельца — в конце XVIII в. ему принадлежало свыше 10 тыс. крестьян.

В целом на территории бывших строгановских владений к концу XVIII в. находилось 18 металлургических заводов, производивших в 1800 г. 1038 тыс. пуд. чугуна, что составляло 10,5% общей выплавки чугуна в стране. Части бывших строгановских владений превратились в самостоятельные промышленные комплексы и в связи с этим значительно расширились. Характерно, что эти комплексы продолжали развиваться даже в те годы, когда металлургия России вступила в полосу замедленного строительства новых предприятий. Так, из 18 предприятий, принадлежавших пяти фамилиям, девять было построено в последней трети XVIII в. Важно подчеркнуть, что во всей России за

⁴⁹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2175, лл. 519, 520; кн. 2233, лл. 117—120.

⁵⁰ ГАПО, ф. Абамелек-Лазаревых, д. 4; Н. Н. Новокрещенных. Указ. соч., стр. 121; «Горнозаводская промышленность Урала»..., стр. 291.

это время было построено всего 20 заводов. Рост числа дворянских предприятий свидетельствует о наличии в то время возможностей использовать резервы вотчинного хозяйства для развития промышленности. Особенно умело их использовал Лазарев, заводы которого выпускали около $\frac{1}{3}$ чугуна, выплавлявшегося всеми 18 заводами пермской группы.

Помимо Строгановых, Голицыных, Шаховских и др., попытку обзавестись металлургическими заводами предприняли еще три крупных вотчинника — Черкасский, Глебов и Сиверс. Первым среди них построил завод канцлер, кабинет-министр, действительный статский советник Алексей Михайлович Черкасский. Принято считать, что предпринимательством занимался не сам А. М. Черкасский, а его крепостной Петр Александров, действовавший от имени сиятельного князя⁵¹. Такая интерпретация документов представляется, однако, сомнительной, ибо противоречит многочисленным свидетельствам современников и официальных инстанций, считавших металлургические заводы и, в частности, первый из них, Колпинский, собственностью кн. А. М. Черкасского, а затем графа П. Б. Шереметева.

Колпинский завод в Муромском уезде под приселком Панфиловом был построен по указу Берг-коллегии 5 февраля 1723 г. К его сооружению, видимо, из-за отсутствия знающего специалиста А. М. Черкасский приступил лишь два года спустя, в 1725 г. Завод с одной домной был пущен 15 мая 1728 г. По свидетельству приказчика князя Черкасского, на месте, где стояла домна, до 1725 г. функционировал ручной завод Петра Александрова.

Колпинский завод первоначально был исключительно доменным. Для передела его чугуна рядом с ним в том же Муромском уезде под с. Карачаровом на речке Меленке в 1726 г. была построена молотовая с одним молотом. В 1732 г. работа Карачаровского завода прекратилась, так как «та молотовая запустела и плотину водою промыло». В том же 1732 г. молотовую с одним молотом соорудили на Колпинском заводе, ставшем, таким образом, доменным и молотовым.

Колпинский завод не принадлежал к числу крупных предприятий — в 20—30-х годах XVIII в. его годовая производительность не превышала 11 тыс. пуд. чугуна и лишь в 1737 г. поднялась до 14 644 пуд. Производительность домны в очень сильной степени ограничивали энергетические ресурсы — завод «построен за незнанием строящего мастера на самой малой реке Колпинке, на суходоле... и за малостию воды не токмо молотовой, но и одной домни содержать невозможно». Завод, как правило, работал в течение двух-трех весенних месяцев, когда благодаря половодью и дождям в пруду создавался достаточ-

⁵¹ См. С. Г. Струмилин. История горной металлургии в СССР, т. I, стр. 44.

ный запас воды. Переделный цех на Колпинском заводе не успевал переделывать весь чугуна, и из года в год на заводе накапливались излишки чугуна.

Князь А. М. Черкасский решил выправить положение постройкой нового молотового завода. Указом Генерал-берг-директориума от 20 декабря 1740 г. ему было разрешено построить молотовый завод в 60 верстах от с. Карачарова в вотчинном селе Павлове Нижегородского уезда, куда можно было доставлять чугуна водным путем. Но и здесь речка Тарка, на которой князь поставил три действующих и один запасной молоты, оказалась маловодной. Она обеспечивала работу всех молотов только в течение пяти недель весеннего половодья, а в остальное время действовал один молот.

С вводом в действие Павловского завода несколько изменилось назначение предприятий в вотчинном хозяйстве А. М. Черкасского. Теперь уже официальные ведомости отмечали продажу железа «ис той Павловской вотчины крестьяном разных мастерств, кузнецам и на прилучившиеся разные поделки». Но переделные цеха двух заводов по-прежнему не могли переделывать всего чугуна, получаемого от одной домны, и он продолжал скапливаться на Колпинском заводе, принося его владельцу убыток. Так, в 1747 г., когда оба предприятия числились за вдовой княгиней Марьей Юрьевной Черкасской, ведомость отметила, что на Колпинском заводе «имеется в заготовке из давних прошлых лет чугуна в количестве з 10 тысяч пуд и более, которой за неимением при том заводе в действии молотовой лежит празден»⁵².

Не улучшилось состояние металлургических предприятий и в руках нового владельца графа Петра Борисовича Шереметева. В результате женитьбы Шереметева на единственной дочери князя Черкасского Варваре Алексеевне вотчины графа, где числилось 140 тыс. душ крепостных, стали крупнейшими в России. После смерти вдовы Черкасской Колпинский и Павловский заводы перешли во владение графа П. Б. Шереметева.

П. Б. Шереметев, несмотря на бурные события дворцовой жизни, сумел сохранить свое влияние и во времена Елизаветы Петровны, и при Петре III, и при Екатерине II. В то же время он не упускал из виду своего грандиозного крепостного хозяйства, внимательно следил за его состоянием, занимался его благоустройством⁵³. Но поднять металлургическое производство до уровня современных купеческих предприятий граф не сумел или не хотел, несмотря ни на какие «понуждения» Берг-коллегии.

Следствие, проведенное Берг-коллегией в начале 50-х годов,

⁵² ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1006, лл. 332, 335.

⁵³ К. Н. Щепетов. Крепостное право в вотчинах Шереметевых. М., 1947, стр. 12.

когда Сенат возложил на нее строгий контроль за действием доменных заводов, вскрыло, что домна Колпинского завода далеко не всегда бездействовала из-за недостатка воды. Так, 15 мая 1751 г. домна прекратила плавку чугуна, о чем немедленно было доложено Берг-коллегии. Накануне этого Колпинский завод, «свидетельствовал» ассессор Берг-коллегии Алексей Ивашкин и обнаружил «воды довольное число», достаточное для работы домны до 1 октября. Как только Ивашкин выехал с завода, приказчик Александр Дедюшин выпустил воду из прудов, что вызвало остановку домны. Ивашкин правильно разгадал причину действий приказчика — он не хотел более плавить чугуна «для того, что выплавленного при том заводе чугуна налице имеется около двухсот тысяч пуд». Возглавляемая Ивашкиным комиссия считала целесообразным использовать запасы полной воды, накапливаемые в трех прудах, для постройки дополнительных молотов⁵⁴.

Мнение комиссии Ивашкина оказалось ошибочным. 10 февраля 1764 г. П. Б. Шереметев обратился в Берг-коллегию с просьбой об официальном закрытии заводов. Свою просьбу он обосновывал «умалением руд и вод». Он писал, что от «заводов ему не токмо в содержании какой интерес, но за умалением вод и руд происходил немалой убыток». 2 марта 1764 г. Берг-коллегия определила закрыть Колпинский и Павловский заводы⁵⁵.

Таким образом, металлургические заводы Черкасского — Шереметева существовали около 40 лет. Предпринимательство Глебова и Сиверса было еще менее продолжительным.

Пост, занимаемый Александром Ивановичем Глебовым, не позволял ему принять участие в дележе казенного пирога — в получении казенных заводов. Обер-прокурор Сената, давно проявивший вкус к предпринимательству, вынужден был по должности своей довольствоваться постройкой заводов «своим коштом».

Первым предприятием, построенным А. И. Глебовым, был Шермяитский медеплавильный завод на Южном Урале. Минувя Берг-коллегию, Глебов в 1759 г. обратился непосредственно в Сенат с просьбой разрешить построить два завода. Медеплавильный завод на шесть печей он намеревался строить в Уфимской провинции в башкирских дачах на одной из следующих рек: Тулве, Шермейке, Еркуле и Сыпу. Обер-прокурор уверял Сенат в том, что о постройке завода мечтают сами башкиры, ибо де в том их собственная польза состоит, что они за поставочную руду, к заводам надлежащую, по добровольному договору плату получать имеют». Второй завод должен был быть железоделательным. Глебов, как обер-прокурор, был осведомлен об утрате интереса казны к вновь обнаруженным рудникам, так как

⁵⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 252, лл. 85, 86.

⁵⁵ Там же, кн. 1235, лл. 283, 284; См. также И. Лепехин, Дневные записки, ч. 1. СПб., 1771, стр. 50.

почти все казенные заводы были переданы частным лицам, и правительство, убежденное в том, что частное содержание заводов «прибыточнее» казенного, взяло твердый курс на свертывание казенного строительства предприятий. Проведав о том, что в Канцелярии главного заводов правления имеются железные рудники, о которых «никакой еще резолюции не учинено и никому оные не отданы», Глебов запросил их себе. 24 марта 1759 г. Сенат повелел удовлетворить просьбу Глебова «без замедления и со всяким удовольствием», потому что он обещал построить заводы «собственным своим коштом, не требуя из казны ни денег, ни приписки к тем заводам для работ положенного по указом числа крестьян»⁵⁶.

Поначалу свои усилия Глебов сосредоточил на строительстве Шермяитского завода. В том же 1759 г. доверенные обер-прокурора договорились с башкирскими старшинами о том, что последние уступают леса, земли, а также объявленные и не объявленные в казну «прииски и действительные медные рудники с наличною рудою» в радиусе 50 верст от завода. Единственная форма вознаграждения башкир состояла в уплате им 4½ коп. за фунт выплавленной из доставленной ими руды, «а других доходов никаких не требовать»⁵⁷.

Строительство Шермяитского завода производилось далеко не с таким успехом и легкостью, как рассчитывал Глебов. Во-первых, он не выполнил своего обещания не тревожить казну всякого рода просьбами о «воспомоществовании» и настойчиво просил посылать на его новостройку мастеровых людей с казенных заводов, причем этих мастеров Глебов намеревался использовать не в качестве инструкторов для обучения собственных крестьян, а в качестве обычного заводского персонала. Во-вторых, башкиры на строительство завода реагировали далеко не с таким энтузиазмом, о котором столь красноречиво писал Глебов в своем доношении в Сенат. Правда, контракт об уступке Глебову земель в радиусе 50 верст от завода и о поставке руды они заключили, но оказалось, что этот контракт был подписан под давлением перешедшего к Глебову на службу берг-гешворена Осипа Стадухина и не всеми башкирами, заинтересованными в заключении этой сделки, так что когда чиновники дважды приезжали для отвода земель в радиусе 50 верст, то башкиры решительно протестовали, соглашаясь на отвод земли лишь в радиусе пяти верст⁵⁸.

Шермяитский медеплавильный завод Глебов пустил в 1761 г.: первые три печи начали плавку меди 4 августа, а вторые — 20 но-

⁵⁶ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. IV, ч. 2, стр. 172; ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 295, лл. 472, 475.

⁵⁷ Там же, кн. 1167, л. 662.

⁵⁸ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. IV, ч. 2, стр. 173, 174, 352—356.

ября⁵⁹. Завод, хотя и был оборудован шестью медеплавильными печами, но по производительности не относился к числу крупных предприятий. За восемь лет, в течение которых заводом владел Глебов, было выплавлено всего 8 633 пуд. меди.

Помимо Чермяитского завода в промышленное хозяйство Глебова входило еще три предприятия, которыми он обзавелся в первые же годы своего предпринимательства на Урале. Уинский медеплавильный завод он в 1762 г. купил у наследников Тимофея Шавкунова, а два железоделательных завода — Климковский и Новотроицко-Холунитский — построил сам.

Климковский завод был построен по указу Берг-коллегии от 10 апреля 1761 г. По замыслу этот завод должен был стать одним из крупнейших в стране чугуноплавильных предприятий, ибо его намечалось оборудовать тремя домнами. Но вместо трех домн Глебов на речке Климковке в Слободском уезде Вятской провинции построил две, убедившись, что и эти две домны «за маловодием, а особливо во время летней засухи в действии всегда обращаться не могут». Шихтмейстер Василий Клепинин, обследовавший речку Климковку, находил, что она может обеспечить работу только одной домны и двух молотов, «ис которых домна всегда имеет действовать, а молоты по прибылой воде весною и осенью и когда будет повод». На этом основании Глебову 21 марта 1762 г. было предоставлено право построить молотовый завод на р. Большой Холунице. Климковский завод с двумя домнами и двумя молотами был пущен в 1762 г., а Холунитский с 10 действующими и двумя запасными молотами — в 1764 г.⁶⁰ Строительство Климковского завода завершилось под руководством Аникиты Ярцова, автора «Российской горной истории». Вот что он сообщал по этому поводу: «Климковский завод основан Глебовым через устюжского купца, а потом коллежского асессора Албычева. А как оной Албычев, как видно, не успел в устройстве сего завода вольными людьми, кроме одной плотины, то означенному Глебову и настояла надобность для довершения того завода в исправном горном офицере». Таким офицером оказался сам А. Ярцов⁶¹.

В планы Глебова входило приобретение и постройка еще ряда предприятий, но этих планов осуществить не удалось. Так, он намеревался стать владельцем свинцового завода. В 1758 г. Чернышев выбыл из компании, намечавшей строительство в Финляндии свинцового завода. Свой пай Чернышев передал Глебову с тем, чтобы последний уплатил взятую Чернышевым пятитысячную ссуду⁶². Свинцовый завод, как мы уже знаем, построен не

⁵⁹ Там же, стр. 281; ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1167, лл. 636, 638.

⁶⁰ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1299, лл. 297, 529; кн. 2238, лл. 211, 218, 219, 224.

⁶¹ А. Ярцов. Российская горная история, ч. IV, кн. 4, л. 45.

⁶² ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 35, л. 360.

был. Такая же неудача постигла Глебова и при попытке совместно с Р. И. Воронцовым овладеть Назе-Петровским заводом Мосолова.

Не удалось Глебову реализовать и план постройки еще одного железоделательного завода в Уфимском уезде. В 1770 г. Берг-коллегия сама решила запросить у Глебова «означенный вновь просимой завод строить он желает ли или не желает, дабы Берг-коллегия могла о том другие меры взять». Глебов на этот вопрос прислал положительный ответ, но его всерьез уже не принимали, так как к тому времени обнаружилась явная некредитоспособность вельможи, все предприятия которого находились уже в руках Яковлева⁶³.

Попытка Глебова упорядочить свои хозяйственные дела путем предпринимательства в металлургии не увенчалась успехом. Вельможа почти с самого основания заводов не организовал их регулярного финансирования, заводские конторы были лишены оборотных средств, их деньги, вырученные за готовую продукцию, оседали в карманах незначительного заводовладельца и шли на потребительские нужды, в то время как предприятия должны были простаивать из-за отсутствия заготовленного сырья. В этом отношении показательна жалоба башкир, поставлявших медную руду на Шермяитский завод согласно контракту, заключенному в 1759 г. С 1759 по 1762 г. башкиры поставили 165 тыс. пуд. медной руды, но даже к 1769 г. не получили расчета и считали за заводской конторой 8 194 руб. долга⁶⁴. Шермяитская заводская контора, скрывая подлинные причины остановки завода, пыталась объяснить их «помешательствами» со стороны горной администрации, наездами ее представителей, в результате чего наемные убегали с завода. В действительности же Шермяитский завод в 1768 г. имел продолжительные остановки «за неприуготовлением припасов», отсутствием в заводской конторе денег для расплаты с подрядчиками и наемными⁶⁵.

Общая сумма долгов Глебова к 1769 г. составляла 141 525 руб., в том числе по Монетной экспедиции — 107 134 руб., по Камер-конторе лифляндских и эстляндских дел — 10 007 руб., по Берг-коллегии 7 063 руб., по Мануфактур-конторе — 14 290 руб. и по Коммерц-коллегии — 3 028 руб. Ради «платежа той долговой суммы» Глебов решил продать все четыре завода Савве Яковлеву за 150 тыс. руб. Любопытна одна деталь купчей — Глебов не получал на руки ни одной копейки: все деньги в соответствующие сроки Яковлев вносил в те учреждения, которые в свое время кредитовали вельможу⁶⁶.

Итак, Глебов не получил из казны ни одного завода. Тем не

⁶³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2059, лл. 1, 11, 13, 16, 17.

⁶⁴ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. IV, ч. 2, стр. 336, 337.

⁶⁵ Там же, стр. 175, 177.

⁶⁶ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 46, лл. 171, 173; кн. 1299, лл. 529, 332.

менее предпринимательство обер-прокурора осуществлялось при материальной поддержке правительства. Глебов довольно широко использовал на Шермяитском заводе казенных мастеров, получил от правительства ссуду под строительство свинцового завода в Финляндии. Наконец, Глебов широко пользовался дешевым кредитом — в Монетной экспедиции он получил ссуду из 1% годовых. Несмотря на эти льготы, судьба хозяйства Глебова ничем не отличалась от судьбы промышленных предприятий прочих вельмож — понадобилось только 10 лет, чтобы Глебов убедился в тщетности попытки поправить свои дела предпринимательством в области металлургии.

Ровно столько же удержался среди промышленников и граф Карл Ефимович Сиверс. Подобно Глебову, он не получил казенных заводов и рассчитывал преимущественно на собственные ресурсы. Помощь казны выразилась лишь в выдаче Сиверсу в 1754 г. шеститысячной ссуды сроком на пять лет из 6% годовых.

Разрешение на постройку медеплавильного Вознесенского завода было оформлено 3 августа 1755 г. — в Уфимском уезде Оренбургской губ. на ф. Иргизле Сиверс получил право построить семь медеплавильных печей. Завод был расположен «в самом пустом месте» и при его строительстве «немалое затруднение происходило». Поэтому Вознесенский завод, начатый строительством до получения разрешительного указа, еще в 1753 г., был пущен лишь 24 мая 1756 г.

Одновременно с получением ссуды Сиверс исхлопотал приписку 1 тыс. крестьян, в число которых были включены только годные к работе; фактически же к заводу было приписано 2319 душ, живших в 600 верстах от завода. Они выполняли заводские работы попеременно в течение 6 месяцев, причем каждая смена включала 333 души. В дальнейшем приписные крестьяне оказали решающее влияние на судьбу завода и вообще на предпринимательство Сиверса в металлургии.

В ближайшие годы после пуска завод работал не на полную мощность. В 1758 г. Сиверс подводил безрадостные итоги двухлетней работы предприятия. «Непослушание» и «огурство» приписных крестьян, трудности найма работников, отсутствие должного надзора за работой предприятия, поскольку владелец длительное время находился за границей, а затем «безотлучно» при дворе привели к тому, что заводу «не столько произошло... распространение, сколько капиталу... последовала немалая невозвратная трата». Сиверс писал, что на производство завода он «довольное число капиталу употребил, а возврату не получил»⁶⁷. Видимо, в погоне за «возвратом капитала» Сиверс организовал хищническую эксплуатацию как природных ресурсов, так и приписных крестьян. Выплавка меди увеличилась. Если в 1758 г. на

⁶⁷ Там же, кн. 1161, л. 386.

Вознесенском заводе было выплавлено 3113 пуд. меди, а в 1759 г.—2236 пуд., то в 1760 г.—уже 5091 пуд., а в 1761 г.—5803 пуд. Это вызвало резкий протест со стороны приписных крестьян, отказавшихся выполнять заводские работы, что оказало важное влияние на решение Сиверса продать завод. В этом решении сыграли свою роль долги Сиверса.

Переговоры о покупке Вознесенского завода вели сызранский купец Яков Семенович Петров и симбирский купец Матвей Семенович Мясников. Купцы, однако, подвели Сиверса тем, что в самый последний момент, когда наступило время платить деньги, отказались от заключения сделки. Разгневанный Сиверс в марте 1761 г. отправил в Берг-коллегию доношение, в котором с немецкой педантичностью и барским высокомерием изложил все этапы переговоров. Чтобы не нарушить «положенного... пароля и наступивших сроков» уплаты частных долгов, Сиверс в пожарном порядке должен был продать Суздальскую вотчину и лифляндскую мызу, в результате чего понес убытку на 12 тыс. руб. В результате Сиверс преподал провинциальным купцам урок дворянской чести, выдвинув против них целую серию обвинений: «1) поношение и бесславие крайне довольное они мне к чести моей сделали; 2) лгали они мне столько много, что ни один самый бездельник зделать и ни перед кем не может»; 3) сам он, Сиверс, будучи обманут, едва не стал лжецом перед другими. Дворянская честь в данном случае оценивалась весьма высоко: Сиверс потребовал от купцов не только компенсации убытка в сумме 12 тыс. руб., но и процентов с этой суммы. Сиверс просил Берг-коллегию, чтобы по отношению к Петрову и Мясникову были приняты меры «по указам, как с самыми бездельниками и обманщиками». Купцы, не ожидая решения дела «по указом», видимо, признавая свою вину, решили идти на мировую. В июне 1761 г. Сиверс сообщил, что они «во оном между собою, не ходя в суд, помирились»⁶⁸.

Дальнейшие события еще больше утвердили Сиверса в намерении продать завод. В 1762 г. неповиновение крестьян привело к значительному сокращению производства. Летом 1762 г. они не только сами ушли с завода «все до единого человека», предварительно вооружившись ружьями, копьями, косами, дубьем, стрелами, но и увлекли за собой наемных работников⁶⁹. Вместо 5803 пуд. меди, добытых в 1761 г., в 1762 г. было выплавлено только 2985 пуд.

Новые усилия Сиверса в 1765 г. увенчались успехом — завод был куплен казной за 63 129 руб. Характерно, что Берг-коллегия не являлась сторонницей приобретения этого завода, во-первых, потому, что не утратил своей силы сенатский указ

⁶⁸ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1193, лл. 8—11, 81.

⁶⁹ Там же, кн. 1195, л. 139.

1753 г., запрещавший казенное заводовладение на территории Башкирии, а, во-вторых, потому, что не считала эксплуатацию завода выгодной, ибо «медь на оном заводе по расчислению дороже указной цены становится». Так как Сиверс был должен казне 50 тыс. руб. и не было иного способа получить этот долг, то Вознесенский завод был принят в казну за счет погашения ранее выданных ссуд⁷⁰.

Эксплуатация казной завода не принесла ожидаемых прибылей, ибо Сиверс решил избавиться от него тогда, когда рудники находились на грани истощения. И. И. Лепехин, посетивший завод в 1770 г., записал в своем дневнике: «В приватном содержании на заводе выплавляемо чистой меди до шести тысяч пуд; а ныне за пресечением рудников гораздо меньшее число выплавляется»⁷¹.

Следующую группу дворян-предпринимателей составляют мелкие и средние вотчинники. В отличие от Глебова и Сиверса, эти дворяне ориентировались на сырьевые ресурсы собственных вотчин и использование на предприятиях преимущественно своих крепостных. Это были мелкие предприятия, размещавшиеся как на Урале, так и в Европейской России.

В роли энергичного предпринимателя второй половины XVIII в. выступал известный историк и географ, администратор Оренбургского края коллежский советник Петр Иванович Рычков. Занятию металлургией предшествовало винокурение, которое продолжало привлекать Рычкова и после закрытия медеплавильного завода; что свидетельствует о процветании этой отрасли дворянского предпринимательства, поставленного в привилегированное положение.

В 50-х годах XVIII в. П. И. Рычков владел двумя винокуренными заводами — один находился в с. Спасском Оренбургской губ. на вотчинной земле, а другой — в Казанском уезде под с. Мелекесом на наемной земле. В 1756 г. Рычков изъявил желание поставлять в кабаки Оренбургской губ. в течение девяти лет по 6 тыс. ведер вина ежегодно⁷². Характерно, что в качестве доверенного лица Рычкова действовал И. Б. Твердышев, что говорит о близких отношениях ученого с известным металлургом. Сын историка Василий Петрович продолжал заниматься винокурением и в конце XVIII в. В ведомости о винокуренных заводах в Уфимской губ. коллежский советник В. П. Рычков значился владельцем винокуренного завода, расположенного в Бугульминской округе в дер. Верхостоеве на р. Сосновке. Завод был небольших размеров и перерабатывал собственный хлеб; вино

⁷⁰ Там же, кн. 42, л. 69.

⁷¹ И. Лепехин. Продолжение дневных записок путешествия, ч. 2, стр. 77.

⁷² ЦГАДА, ф. Камер-коллегии, д. 1607, л. 1.

в количестве 3 тыс. ведер ежегодно направлялось в Бугульму⁷³. Разрешение на строительство металлургических заводов Рычков получил 23 февраля 1761 г., причем указ в соответствии с просьбой Рыčkова позволял построить три предприятия — на речке Ирляне, притоке р. Зай, на речке Акане, впадающей в р. Сок, и в с. Спасском. Если первый из перечисленных заводов намечалось оборудовать шестью медеплавильными печами, а второй — четырьмя, то третий с двумя печами должен был выполнять функции экспериментальной базы для первых двух. Помимо двух медеплавильных печей, на Спасском заводе были поставлены ручные горны, предназначавшиеся для изготовления оборудования строившимся предприятиям. Сам Рычков в одном из своих доношений писал, что две печи на мельничной плотине он построил «не для того, чтоб мне плавкой тут меди прибыль получать, но единственно для апробации приписанных мною рудников и чтоб собственных моих людей к тому и к прочим заводским делам приучить»⁷⁴. Но ученые расчеты автора образцово-показательной инструкции вотчинному приказчику были опровергнуты действительностью. Рычкову пришлось иметь дело с трудностями, обусловленными узостью рынка рабочей силы. Исхлопотав разрешение на постройку заводов, он прибыл в свою Оренбургскую вотчину в мае 1761 г., запоздав с наймом работных людей. Отсутствие наемных, силами которых он намеревался строить заводы, вынудило Рыčkова использовать на строительных работах крепостных крестьян и дворовых людей. Это вызывало с их стороны естественный протест, выражавшийся, видимо, в поджогах усадьбы и строившихся заводов Рыčkова. Таких пожаров на протяжении 1761—1768 гг. было три. Нанесение прямого материального ущерба, видимо, являлось средством давления крестьян на помещика, стремлением заставить его отказаться от предпринимательства, несшего крестьянам новые тяготы. Первый пожар вспыхнул в с. Спасском в декабре 1761 г. Он уничтожил помещичий дом и заготовленные для заводского строительства припасы⁷⁵. Двумя последующими пожарами был охвачен непосредственно Ирлянский завод. Первый из них вспыхнул вслед за пуском завода. Пожар уничтожил медеплавильную «фабрику», мехи и прочее заводское оборудование. Восстановление завода потребовало значительных расходов, так что Рычков вошел «в немалые долги». Второй пожар охватил Ирлянский завод в конце июля 1768 г.⁷⁶

От плана содержать Спасский завод в качестве экспериментального Рычков принудило отступить еще одно обстоятельство: «в речке Акане, на которой строение настоящего завода дозволе-

⁷³ ЦГАДА, ф. Дворцовый архив, оп. 3, ч. 111, д. 59454, лл. 3—4.

⁷⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1242, л. 629.

⁷⁵ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. IV, ч. 2, стр. 204—206

⁷⁶ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1242, лл. 653, 656.

но, вода вдруг так оскудела, что тут завод и на одну печку содержать стало быть не можно». В результате этого Рычков должен был экспериментальное предприятие в с. Спасском переоборудовать в промышленное, для чего потребовалось укрепить плотину⁷⁷.

Наконец, немаловажное влияние на развитие промышленного хозяйства оказала недостаточная обеспеченность предприятий сырьем. В начале 70-х годов XVIII в. за Ирлянским заводом числилось 292 рудника. Большинство из них, однако, оказалось либо бедными по содержанию меди, либо содержащими мало руды⁷⁸.

Спасский завод был пущен весной 1762 г. Прямых указаний на этот счет в источниках не имеется, и время пуска завода приходится определять по заявлению Рыčkова, который в одном из доношений писал, что пожар в его Спасском имении вспыхнул накануне ввода в действие Спасского завода. Так как пожар произошел в декабре 1761 г., причем он охватил и завод, то можно предположить, что восстановительные работы потребовали нескольких месяцев⁷⁹. Что касается Ирлянского завода, то он, видимо, вступил в строй в 1765 г. Эта дата принята нами на том основании, что в доношении, датированном Рычковым декабрем 1764 г., об Ирлянском заводе было написано, что он находился в процессе строительства. В другом доношении, датированном 31 марта 1766 г., об этом же заводе сказано, что он уже нуждался в ремонте⁸⁰.

Спасский завод, надо полагать, прекратил существование со времени пуска Ирлянского завода, так как он более не упоминался в официальных документах. Ирлянский завод не принадлежал к числу крупных предприятий. Об этом можно судить по размеру недоимки, образовавшейся за заводом по 1768 г. включительно. К этому времени Рычков не поставил 525 пуд. трехчастной меди. Последним годом работы завода был 1771 г. Выплавка меди в этом году составила всего 45 пуд.

Затруднение с финансированием производства испытывал уже основатель завода П. И. Рычков. Он неоднократно напоминал Берг-коллегии о своем «небогатстве», о том, что не располагает средствами для уплаты долгов. Слабая экономическая база Рыčkова была окончательно подорвана трехкратным пожаром. По данным Берг-коллегии, Ирлянский завод прекратил плавку меди «за неимением угля и работников». Ирлянская заводская контора на вопрос о причине остановки завода ответила, что плавка прекращена, так как нет денег и «обзадачить работных людей нечем». Наследники П. И. Рыčkова в 1778 г. «никакова способа по недостатку наличного капиталу» возобно-

⁷⁷ Там же, л. 629, 630.

⁷⁸ «Материалы по истории Башкирской АССР», т. IV, ч. 2, стр. 205.

⁷⁹ Там же, стр. 206; ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1242, л. 653.

⁸⁰ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1242, лл. 617, 631.

вить действие завода не находили. Кроме того, они ссылались на занятость службой, отсутствие приписных крестьян и знающего приказчика. 25 мая 1778 г. Берг-коллегия определила продать Ирлянский завод, но покупателя не нашлось⁸¹.

Таким образом, предпринимательство Рычкова в области металлургии продолжалось лишь 11 лет. Оно не принесло ожидаемых доходов вследствие бедности используемых руд. И. Лепехин отметил, что «медная руда в сих местах неурочна», в ином руднике можно было добыть не более 100 пуд. руды, причем в лучшем случае она содержала 2% меди⁸².

Более цепко держались за построенный завод А. И. Тевкелев и его наследники.

Татарин Кутлу Мухаммед Мурза, ставший после крещения в начале 30-х годов Алексеем Ивановичем Тевкелевым, верой и правдой служивший самодержавию в течение 50 лет, находясь в отставке, решил стать заводовладельцем.

Разрешение на постройку завода генерал-майор А. И. Тевкелев получил 7 сентября 1758 г., предварительно зарегистрировав в своих вотчинных землях «немалое число медных рудников». Первоначально было намечено построить завод на р. Чансе, но затем поверенный Тевкелева объявил, что на этой речке «к построению завода удобного места не находитца, для того, что по ней высоких яров, где плотину утвердить было можно, надежды нет». Не привлекала р. Чанса и по другой причине — она не обеспечивала связи с судоходной речной системой. Всем этим требованиям удовлетворяла другая речка — Варзя, тоже расположенная в вотчинах Тевкелева⁸³.

В марте 1759 г. р. Варзю по поручению Казанского горного начальства обследовал берг-гешворен Иван Костыгин. По его расчетам, р. Варзя, имевшая ширину в одну сажень, могла обеспечить работу только двух медеплавильных печей.

Тонкий и дальновидный политик⁸⁴, Тевкелев оказался неумелым хозяином. Он заподозрил берг-гешворена в некомпетентности и, не считаясь с его дельным советом, построил не две, а четыре печи⁸⁵. Строительство Варзино-Алексеевского завода было начато 1 мая 1759 г., а пущен он был 15 ноября 1760 г.⁸⁶ То, что с самого начала было ясно берг-гешворену Костыгину, Тевкелев понял лишь через год работы завода. Убедившись, что две лишних печи «за малостию в помянутой реке Варзе воды по пробе оказались к плавке меди неспособными», Тевкелев в

⁸¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1371, лл. 514, 519, 147, 154, 173.

⁸² И. Лепехин. Указ. соч., ч. 1, стр. 190.

⁸³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 290, лл. 49—50; кн. 1160, лл. 161, 166.

⁸⁴ См. Н. Г. Аполлова. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII в. Алма-Ата, 1948, стр. 203—253.

⁸⁵ ГАСО, ф. Уральского горного управления, оп. 1, кн. 2789.

⁸⁶ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4423, л. 867.

августе 1761 г. обратился в Берг-коллегию с просьбой разрешить ему построить в 50 саженях от действовавшего завода на речке Шулык новую плотину, куда он намеревался перенести две бездействовавшие медеплавильные печи. Разрешение было получено, но ни сам Тевкелев, ни его наследники не реализовали его⁸⁷. Правда, весной 1762 г. «к построению оных печек и горна подлежащие материалы и потребные к тому припасы изготовлением были и начаты», но вследствие неповиновения собственных крепостных, которые, «согласясь воровски», оставили работы и не только сами ушли с завода, но и «своими противностями» возбудили к побегу наемных⁸⁸, работы были прекращены.

Нерасчетливость Тевкелева обнаруживается и при рассмотрении его первых шагов по эксплуатации завода. Он строил его «с крайним успехом и прилежанием» наемными людьми, но после пуска завода оказалось, что «довольного числа руд и угля» не было заготовлено вследствие неправильного распределения рабочей силы. Поэтому в течение первого года работы даже две печи не все время «в действии обращались»⁸⁹. Но самый существенный просчет Тевкелева состоял в том, что он построил завод, предварительно не установив степени «благонадежности» руд. Уже в июне 1762 г. он доносил, что в записанных за ним рудниках «благонадежности не предвидится, а иные и вовсе пресекались». Здесь же челобитчик добавлял, что из-за недостатка руд завод «часто обращается без действия»⁹⁰.

В дальнейшем Тевкелев полагался больше не на свою предприимчивость, а на получение новых льгот. Ссылаясь на ущерб, якобы нанесенный постройкой П. И. Шуваловым Ижевского завода на его вотчинной земле, а также на то, что он ушел в отставку «без награждения чина и пенсионна», Тевкелев просил в качестве компенсации освободить его завод от платежа всех налогов и поставок — десятины, оброчных денег с медеплавильных печей, а также поставки на денежное дело меди в Екатеринбург. Сенат, не имея права удовлетворить просьбу Тевкелева, обратился с ходатайством к императрице, в котором считал возможным освободить завод на 12 лет от налогов и поставок, чтобы Тевкелев «по престарелым своим летам более не имел волокиты», а также «не утруждал» впредь своими челобитными императрицу. Следовательно, Тевкелеву были предоставлены такие привилегии, которыми в эти годы не пользовался ни один промышленник России. Но даже и это не помогло развитию промышленного хозяйства Тевкелевых. В 1770 г. сын и наследник

⁸⁷ ГАСО, ф. Уральского горного управления, оп. 1, кн. 2789, л. 69.

⁸⁸ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1160, лл. 234, 235.

⁸⁹ Там же, кн. 1211, л. 326.

⁹⁰ Там же, кн. 1160, л. 227.

генерал-майора А. И. Тевкелева майор Осип Тевкелев оказался вынужденным принять компаньона⁹¹.

В подавляющем большинстве компаний, основанных дворянами, приглашенными компаньонами, были купцы. Тевкелев в этом отношении не составлял исключения — его компаньоном был владелец шелковой мануфактуры в Москве армянин Степан Данилович Фитонов. Торгово-промышленные дела Фитонова находились далеко не в блестящем состоянии, и он, видимо, рассчитывал их поправить использованием тех необычайно льготных условий эксплуатации Варзино-Алексеевского завода, которые были предоставлены Тевкелеву еще в 1765 г. Дело в том, что Фитонов совместно с московским купцом Федоровым Шелковниковым в 1767 г. купил у казны конфискованный у персидской компании шелк-сырец за 10 698 руб. с рассрочкой на четыре года без уплаты процентов. Эта внешне выгодная сделка принесла компаньонам значительные убытки. Пока конфискованные туки лежали в течение семи лет под присмотром казны, их содержимое было настолько испорчено, что ткань получалась низкого качества, «зачем и оставалась не в продаже многое время»⁹². Не меньшие трудности переживал и Осип Тевкелев. Бегство «обзачуженных» наемных работников привело к большим убыткам, и он оказался неспособным самостоятельно эксплуатировать завод. В 1769 г. и 1770 г. завод бездействовал. Заключенный в мае 1770 г. контракт между компаньонами предусматривал участие Фитонова в достройке двух бездействовавших печей, для чего он вносил 10 тыс. руб. сроком на 20 лет. Компаньоны имели «общую равную и полную власть» над заводом, однако из выплавленной меди Фитонов получал только третью часть⁹³.

Участие Фитонова в эксплуатации Варзино-Алексеевского завода в компании с Тевкелевым оживило работу предприятия лишь на короткое время. Фитонов, видимо, не мог выполнить все свои обязательства по контракту, так как вся его торгово-промышленная деятельность в 70-х годах потерпела полный крах. Убытки, понесенные Фитоновым от покупки гнилого шелк-сырца в 1767 г., усугубились чумой в Москве в 1771 г. Фитонов бежал из Москвы, оставив на произвол судьбы и мастеровых, и шелковую мануфактуру. Из четырех сторожей трое погибло; «чем самым подана причина воровским людям, яко никем не охранимой, к разграблению» товаров и материалов, всего на 18 195 руб. С этого времени Фитонов находился под постоянным надзором учреждений, ведавших взысканием недоимок⁹⁴.

⁹¹ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4423, лл. 869—871.

⁹² Там же, кн. 4018, л. 286.

⁹³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1313, лл. 154, 155; ф. Сената, кн. 4423, л. 875.

⁹⁴ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 1418, л. 283.

Все это не способствовало успешной работе завода. Компаньонам хотя и удалось пустить завод в 1771 г., но на нем за два года работы было выплавлено всего 87 пуд. меди. Более или менее успешно завод функционировал только в 1773 г., когда выплавка составила 621 пуд. меди, но в декабре того же года в связи с крестьянской войной он был остановлен. Варзино-Алексеевский завод по классификации чиновников, обследовавших предприятия, отнесен к числу таких заводов, которые «действием остановлены и при них грабежи происходили». Каждый из компаньонов записывал в счет «разграбленного» все, что бог на душу положил, в результате сумма убытков была исчислена в 102 926 руб., из которых на долю провианта, руды и угля отнесено было 50 тыс. руб.⁹⁵

Осип Тевкелев, направленный правительством «для уговору башкирского народу», во время крестьянской войны, был убит восставшими. Завод оказался на попечении вдовы Тевкелевой, которая заключила с Фитоновым новый контракт, устанавливавший иные отношения между компаньонами, чем это было предусмотрено прежним контрактом. Тевкелева брала на себя добычу и доставку на завод руды, а Фитонов финансировал ее плавку. Из выплавленной меди $\frac{2}{3}$ следовало получить Тевкелевой. Десятичную и половинную медь каждый компаньон отдавал из причитавшейся ему доли.

Управление заводом находилось в руках Фитонова, справлявшегося со своими обязанностями не лучшим образом. У компаньонов образовалась недоимка. Сын вдовы Петр Тевкелев, став взрослым, в 1795 г. обвинял во всех злоключениях, постигших завод, Фитонова, «который, видя их малолетство и что мать их упражнялась в поправлении своего и крестьян состояния..., употребил сие время в свою пользу и накопил как в меди, так равно будучи главным смотрителем за нескорую поставку на денежный передел и процентных с медиплавленных печей оброчных и штрафных за неприсылку в срочное время 3814 руб. с копейками».

Фитонов объявил «совершенное свое несостоятельство» к уплате причитавшейся с него недоимки и даже просил «о даче позволительного указа об отбытии ему с заводу к его светлости грузинскому царю, поелику его светлости он подданный». Вятская казенная палата, не рассчитывая на платежеспособность Фитонова, поспешила объявить ответственной за всю сумму недоимки Тевкелеву.

Распри между компаньонами вконец подорвали заводское хозяйство. Выплавка меди в 1789 г. пала до 58 пуд. Так как недоимка не погашалась, то Вятская казенная палата в июне

⁹⁵ Там же, кн. 4206, лл. 137—138.

1789 г. обратилась в Сенат с предложением конфисковать и продать завод с аукциона. Тогда Тевкелева в январе 1790 г. просила освободить имение из-под секвестра, обязавшись уплатить в рассрочку всю недоимку, значившуюся на ней и Фитонове. Так как стоимость вотчин Тевкелевой значительно превосходила сумму недоимки, то завод был ей возвращен⁹⁶.

Варзино-Алексеевский завод сохранился среди действующих предприятий до конца XVIII в., хотя производительность его была небольшой — с 1790 по 1796 г. на нем было выплавлено только 2290 пуд., что в среднем составляло около 330 пуд. меди в год.

Если южноуральские помещики организовывали в своих вотчинах медеплавильные заводы, то вотчинники Европейской России, также ориентировавшиеся на собственное сырье, строили предприятия черной металлургии.

Предпринимательство статского советника Ивана Михайловича Сатина, чьи владения были разбросаны по Крапивенскому уезду, базировалось исключительно на крепостном труде. Руда была обнаружена в пределах вотчины, что дало основание Сатину обратиться в марте 1754 г. за разрешением построить на р. Солове домну с двумя действующими и одним запасным молотами. Лабораторная плавка присланной в Берг-коллегию руды обнаружила высокий процент чугуна — из 100 фунтов руды выходило 57 фунтов металла.

Дело с разрешением строить завод не было доведено до конца, так как какие-то неотложные дела потребовали выезда Сатина из вотчины. Вторично он обратился в Берг-коллегию пять лет спустя, в 1759 г. На этот раз хорошо знакомый нам унтер-шихтмейстер Аникита Ярцов обследовал выбранное под завод место и нашел, что оно от Москвы находится в 218 верстах и «к строению завода весьма удобное». Так как на речке Солове уже стояла плотина для мукомольной мельницы, то Ярцов в своем заключении написал, что «ежели плотина построена по заводскому правилу, то для действия одной домны и двух молотов оной воды будет довольно».

Намерение Сатина построить металлургический завод вызвало протест со стороны соседнего помещика артиллерии майора Ивана Никитича Ивлева, уже лишившегося значительных сенокосных угодий в результате постройки плотины для мельницы и опасавшегося, что увеличение высоты этой плотины нанесет ему «вящую обиду». Сатину удалось уладить конфликт и соседи «полюбовно» договорились о том, что если Ивлеву будет нанесен ущерб, то он получит соответствующую компенсацию. Указ на строительство завода был выдан 8 августа 1760 г., с Сатина

⁹⁶ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4423, лл. 868—958.

была взята подписка, что он будет строить завод «сильною рукою» и пустит его через три года⁹⁷.

В течение 1762 г. плотина была «в окончание приведена» и построена домна, а молоты еще строились. Завод был пущен в феврале 1763 г.⁹⁸.

Соловский завод Сатина функционировал вначале с значительными перебоями, и вся промышленная деятельность дворянина едва ли приносила барыши. Во всяком случае, по данным на март 1775 г., за Сатиным значилось в недоимке 600 руб. доменных денег и 13 тыс. руб. вексельных и банковых долгов⁹⁹.

В ведомости недействующих заводов, составленной Берг-коллегией в 1778 г., Соловский завод фигурировал в качестве предприятия, описанного за долги и остановившегося в 1775 г.¹⁰⁰. По данным на конец 1778 г., долги Сатина составили 13 778 руб., из коих на долю банка приходилась 1 тыс. руб., а остальные он задолжал разным лицам. Перебои в работе завода были также связаны с отказом вотчинных крестьян выполнять заводские работы. В 1779 г. жена основателя завода и сын его секунд-майор Александр Сатин, не надеясь на домашние средства приведения крестьян к повиновению, обратились за помощью в Берг-коллегию, чтобы та принудила их к беспрекословному «всех заводских работ исправлению». Крестьяне, жаловались вотчинники, «на работу не идут, лесов рубить не дают, не допускают копать руду и добывать горновой камень»¹⁰¹.

В 1780 г. Сатин возобновил действие завода, причем не без финансовой помощи казны. Помещику удалось заключить выгодный контракт на поставку в Москву в течение четырех лет чугунных изделий на 12 тыс. руб. ежегодно. Выгодность контракта состояла в том, что поставщик предварительно получал часть денег в счет будущей поставки. Возобновлению завода предшествовала реконструкция доменной печи. Осмотр завода в 1780 г. обнаружил, что «домна вновь перекладена; только не покрыта, меха и прочие деревянные поделки к действию исправляются»¹⁰². Однако вследствие увеличившейся недоимки по уплате денег Берг-контора в 1781 г. вновь описала завод. Недоимка составляла 1 539 руб., и Сатин, видимо, ее погасил¹⁰³. Во всяком случае, Соловский завод относился к числу немногих дворянских предприятий, сохранившихся в списке действовавших заводов вплоть до конца XVIII в., хотя завод имел еще одну продолжительную остановку в 1785—1787 гг.

⁹⁷ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 727, лл. 426, 428, 429, 442—469.

⁹⁸ Там же, кн. 1237, л. 164.

⁹⁹ Там же, кн. 2149, л. 116.

¹⁰⁰ Там же, кн. 1371, л. 511.

¹⁰¹ ГАТО, ф. Тульского наместнического правления, оп. I, т. II, д. 2113, л. 1.

¹⁰² Там же, оп. 2, т. I, д. 236, л. 14.

¹⁰³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2129, л. 185, 186.

Соловский завод принадлежал к числу мелких предприятий. Обслуживаемый собственными крепостными, он в 80—90-х годах выпускал в среднем ежегодно 14600 пуд. чугуна. Примерно на этом же уровне производилась выплавка и в 70-х годах XVIII в. В 1774 г. на нем было выплавлено 10235 пуд. чугуна¹⁰⁴.

Попытка отставного капитана Ивана Игнатьевича Соловцова стать промышленником-металлургом представляется едва ли не самой типичной в истории дворянского предпринимательства. Соловцов — не вельможа, это, по-видимому, среднепоместный дворянин, живший после отставки в глухом городе Чебоксары. Соловцов, разумеется, не мог рассчитывать на правительственные ссуды, а уповал исключительно на собственный «кошт».

Дворянская спесь не позволяла Соловцову выступить в самостоятельной роли дельца и толкаться по присутствиям за разрешением о постройке завода. В то же время он не мог положиться и на доморощенных юристов, еще не обучившихся тонкостям канцелярского обхождения в центральных правительственных учреждениях. Все это заставило дворянина на первых порах пользоваться услугами купца, принятого в компаньоны. Им оказался тульский купец Иван Елисеевич Федуркин. Как потом оказалось, Федуркин был «человек весьма бедной», тем не менее Соловцову он был полезен в качестве компаньона, потому что предложил ему найденные рудники. Челобитная о разрешении построить завод была подана в 1760 г., т. е. во время бурного подъема металлургии, с одной стороны, и более или менее широкого вовлечения дворян в промышленность, — с другой. Подаче челобитной о разрешении построить завод предшествовало заключение контракта между Федуркиным и Соловцовым, в котором были определены права и обязанности каждого из компаньонов. Завод должен был строиться «собственным меня одного, Ивана Соловцова, коштом, не требуя от него, Елисеева, к тому заведению ни одной копейки». Взяв на себя финансирование строительства и эксплуатации завода, Соловцов возложил на Федуркина обязанность «безотлучно» находиться при заводе, обеспечивать его высококачественными материалами и инструментами, отыскивать новые рудники. Эти услуги Федуркина глава фирмы оплачивал пятой частью получаемой прибыли.

Летом 1760 г. Федуркин отправился в Москву «с найденными железными в разных местах рудами для апробации» и с доношением, в котором сообщал, что имеет «ревность и охоту» на речке Безне, притоке р. Суры, построить домну с двумя действующими и одним запасным молотом. Лабораторная плавка обнаружила

¹⁰⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1371, л. 511; «Горнозаводская промышленность Урала...», стр. 126, 127.

в представленных пяти пробах руды от 26 до 37% чугуна. С этими данными Федуркин прибыл в Чебоксары. Соловцову был представлен счет об издержанных деньгах во время поездки и пребывания Федуркина в Москве. Барину показалось, что ловкий купец пытается его надуть, и не только не оплатил произведенных расходов, но, как жаловался позже Федуркин, «ругал меня всячески скверною неподобною матерною бранью» и под конец «держал меня, яко злодея, на цепи в нижних темных своих покоях». В контракте Соловцов принимал Федуркина «в товарищество», а после бесцеремонного изъятия у него всех документов объявил купца приказчиком, а не товарищем, компания распалась. Выход из компании Федуркина был оформлен в апреле 1765 г., а в мае Соловцов испросил разрешения на самостоятельное строительство завода.

В течение ссоры с Федуркиным Соловцов исподволь заготавливал строительный материал и, не дождавшись получения указа Берг-коллегии, начал строительство завода. Вследствие этого завод, названный Троицко-Безнинским, начал плавку чугуна и ковку железа уже в сентябре 1765 г., т. е. спустя всего четыре месяца после указа Берг-коллегии. На строительство завода было издержано 18 тыс. руб., действовал он непродолжительное время. В начале 1771 г. Соловцов поставил в известность Казанское горное начальство, что он более завода «содержать не желает» на том основании, что обнаружил полную непригодность руды — в пробах руды оказались мягкими, «а в плавке переменили свое состояние».

Берг-коллегия предложила Казанскому горному начальству «в тонкость исследовать» качество руды. Это поручение было выполнено лишь много лет спустя, в 1777 г. Было найдено, что рудники «к содержанию завода способными быть не могут». Правда, плавки руды в заводских условиях произвести не удалось, так как к этому времени давно бездействовавшая домна сильно обветшала, но в ее непригодности легко было убедиться хотя бы по тому, что на заводском дворе лежало около 200 тыс. пуд. заготовленной и неиспользованной руды¹⁰⁵.

В 1778 г., когда Берг-коллегия в целях чистки промышленников наводила справки о закрывшихся предприятиях, Казанское горное начальство донесло, что Соловцов отказался от восстановления завода, «ибо оной никакова прибутку не приносил, а более убытков и пришел в сущее разорение и приступить к тому не в состоянии»¹⁰⁶.

Так безуспешно окончился предпринимательский эксперимент Соловцова, стоивший ему, по его словам, 18 тыс. руб.

¹⁰⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1178, лл. 1, 19, 30, 31, 36—39, 69, 70, 101, 104, 108, 113, 114, 117, 119.

¹⁰⁶ Там же, кн. 1371, л. 552.

В 70-х годах XVIII в. стал предпринимателем лишь один дворянин. Им оказался генерал-аудитор-лейтенант Петр Кириллович Хлебников, более известный в качестве библиофила и собирателя древних рукописей, чем промышленника. Автор статьи в «Русском биографическом словаре» упоминает о том, что Хлебников был владельцем единственной в России игольной фабрики, основанной еще при Петре I. В действительности, однако, предпринимательство П. К. Хлебникова и его сына Николая было значительно шире. Оно началось с приобретения в конце 1773 г. у князя Килдишева и Н. П. Рюмина парусно-полотняной мануфактуры и Истинско-Залипяжского завода в провинции Переславля-Рязанского. Полтора года спустя, 4 июля 1775 г., П. К. Хлебников купил с аукциона Благовещенский завод, принадлежавший И. М. Мясникову. В конце XVIII в. Н. П. Хлебников стал владельцем третьего завода — Назе-Петровского. На каждом из трех заводов был организован самостоятельный металлургический цикл — Благовещенский был медеплавильным, а два других предприятия — доменными и молотовыми.

Отцу и сыну Хлебниковым на первых порах удавалось поддерживать производительность предприятий на относительно высоком уровне. Так, П. К. Хлебников вдвое расширил Клепиковскую мануфактуру, прибавив к 81 стану еще 79. Работа Благовещенского завода, доведенного было И. М. Мясниковым до крайнего упадка, была налажена в такой мере, что обеспечивала в 80—90-х годах выплавку не менее 3800 пуд. меди в год. В хорошем состоянии находились также Назе-Петровский и Истинско-Залипяжский заводы. Однако к концу столетия прослеживаются признаки явного упадка хозяйства Н. П. Хлебникова.

Первый сигнал о неблагополучии в промышленном хозяйстве Хлебникова прозвучал еще в 1776 г., когда произошло волнение обслуживавших Клепиковскую мануфактуру крестьян, протестовавших против увеличения их повинностей в связи с расширением мануфактуры¹⁰⁷.

Важным симптомом начинавшегося упадка хозяйства Хлебникова было уменьшение производительности заводов. Так, выплавка меди на Благовещенском заводе с 1783 по 1795 г. сократилась более чем вдвое: в 1783 г. она составляла 9805 пуд., в 1784 г. — 8365 пуд., в 1794 г. — 4876 пуд., а в 1795 г. — 3952 пуд. Сократилась также и выплавка чугуна. В 1784 г. на двух заводах было выплавлено 142 415 пуд., в 1794 г. — 90 251 пуд., в 1795 г. — 112 384 пуд. чугуна¹⁰⁸.

¹⁰⁷ ЦГАДА, ф. Следственной комиссии о волнениях на фабриках Хлебникова, д. 1.

¹⁰⁸ «Горнозаводская промышленность Урала...», стр. 112, 113, 126, 127.

В начале XIX в. финансовые дела Н. П. Хлебникова находились в совершенном расстройстве. В январе 1804 г. он вынужден был просить разрешения одолжить деньги под заклад Благовещенского завода¹⁰⁹, а несколько лет спустя должен был продать Назе-Петровский завод. Все это свидетельствовало о близком крахе предпринимательской затеи Хлебникова.

Список дворян-предпринимателей замыкают фамилии помещиков, обзаводившихся предприятиями с целью их перепродажи. Такая практика была порождена известными указами 1721 и 1762 гг. Первый из них положил начало формированию отряда так называемых посессионных крестьян, «неотъемлемо» принадлежавших заводу. Таких крестьян разрешалось продавать, закладывать, завещать по наследству вместе с заводом. Второй указ, изданный в 1762 г., отменял право промышленников покупать крепостных к мануфактурам, но не запрещал продажи предприятий вместе с крестьянами. В этих условиях и получила некоторое распространение практика постройки завода дворянином, приписки к этому заводу собственных крепостных с целью последующей продажи такого завода вместе с крепостными купцу. Несложная махинация позволяла промышленникам обходить запретительный указ 1762 г. и пополнять резервы принудительного труда на мануфактурах. В некоторых случаях помещик строил завод на свое имя, но на деньги промышленника, а затем «продавал» ему этот завод.

Едва ли не самым ярким примером такого рода предпринимательства является сделка ассессора, а затем надворного советника Ефима Васильевича Рознатовского с братьями Баташовыми.

Начало деловых отношений Рознатовского с Баташовыми относится к 1769 г., когда между ними была заключена сделка об аренде сельца Денисова во Владимирском уезде со всеми угодьями и крестьянами для постройки там завода. За использование 113 душ, земли и лесов Баташovy платили в год 200 руб. арендной платы. Сделка была заключена на 50 лет, причем Рознатовский получил всю сумму аренды — 10 тыс. руб. По истечении 50 лет Рознатовский или его наследники могли получить имение обратно, предварительно оплатив расходы Баташовых на сооружение заводов, мельниц и прочих строений, а также заплатив за припасы — руду, уголь и т. д. Контракт предусматривал право Баташовых на владение вотчиной до тех пор, пока они не получают полной компенсации¹¹⁰. Практически эта сделка означала замаскированную куплю-продажу земли и крепостных в годы, когда покупка крепостных к мануфактурам была запрещена.

¹⁰⁹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2674, д. 9, л. 1.

¹¹⁰ Там же, кн. 1299, л. 619.

Удачный исход указанного выше контракта побудил дельцов предпринять более внушительную махинацию. В декабре 1773 г. Рознатовский обратился с просьбой разрешить ему построить в собственных дачах в Кадомском уезде на р. Илеве завод с двумя домнами, шестью действующими и шестью запасными молотами. В прошении Рознатовский сообщал об обеспечении предприятия рабочей силой за счет собственных покупных крестьян в Кадомском, Касимовском и Владимирском уездах. Здесь обращает на себя внимание факт покупки крепостных Рознатовским, тем самым, который четыре года назад сдал в аренду 113 душ собственных крепостных, а теперь располагал такими значительными капиталами, что их было достаточно и на покупку крестьян, и на строительство крупного предприятия. Не подлежит сомнению, что за спиной помещика действовали предприимчивые промышленники, использовавшие Рознатовского в качестве подставного лица для покупки крепостных с последующей их перепродажей Баташовым вместе с заводом. О намерении совершить такого рода сделку свидетельствует и следующая деталь: Рознатовский, еще не приступая к строительству завода, заявил в Берг-коллегии, что он приписывает к заводу 614 душ из числа купленных им крестьян «как для мастерств, так и для работы». Подобным образом помещики поступали лишь в тех случаях, когда они намеревались продать завод. Например, накануне продажи или сдачи предприятий в аренду обратились с просьбами о приписке собственных крестьян к заводам князь П. И. Репнин, граф А. С. Строганов и др.

Унтер-шихтмейстер Дмитрий Хилковский, обследовавший заводское место, нашел, что речка Илев шириною в три сажени и глубиною в полтора аршина может обеспечить работу двух домен и шести действующих молотов. Лесов хватит «на многие годы и более, нежели на 60-летнее время». Таким образом, препятствий для постройки завода Хилковский не обнаружил, и Рознатовский наверняка получил бы соответствующее разрешение, если бы не жалоба князя П. И. Репнина, заявившего, что Илевский завод может привести к «подрыву» его Еремшинский завод, так как будет ощущаться недостаток в угле. В итоге настойчивых просьб Рознатовского Берг-коллегия указом 7 апреля 1774 г. разрешила приступить к строительству Илевского завода, ибо была установлена неосновательность жалобы Репнина, Еремшинский завод которого находился в 67 верстах от предполагавшегося места постройки Илевского завода.

Илевский завод был пущен в 1775 г. Одновременно со строительными работами Рознатовский производил покупки крестьян. К заводу он приписал, как уже отмечалось, 614 душ, в то время как по существовавшим нормам их должно быть на две домны и шесть молотов 1520 душ. К апрелю 1776 г. Рознатовский до-

вел число крестьян до 765 душ, которых он покупал «с землями и без земель» для последующего перевода на завод.

Купленных крестьян, по расчетам Баташовых, видимо, было достаточно, чтобы обеспечить эксплуатацию Илевского завода. Надобность в подставном лице отпала, и Рознатовский в апреле 1776 г. обратился в Берг-коллегию с просьбой разрешить «продать» завод Баташовым. С апреля 1776 г. Баташовы вступили во владение Илевским заводом. На этом кончилось предпринимательство Рознатовского, выразившееся в получении комиссионных от промышленника за покупку крепостных крестьян¹¹¹.

Известен еще один случай использования дворянской привилегии. Коллежский секретарь Иван Алексеевич Кепонов построил в своей вотчине в Одоевской округе Тульской губ. Мезгея-Маловлянский завод. Предприятие не принадлежало к числу крупных, оно было оборудовано одной домной и двумя молотами и давало до 20 тыс. пуд. чугуна в год. Завод был пущен 26 августа 1794 г., а уже в августе 1798 г. Кепонов продал его вместе с 160 крепостными тульскому купцу Филату Афанасьевичу Засыпкину¹¹².

Менее отчетливо прослеживается посредническая роль князя Юрия Владимировича Долгорукова. Он купил у Петра Евдокимовича Демидова Богдано-Петровский завод в 1794 г., а продал его тому же Засыпкину, спустя 4 года, в 1798 г. Этот завод П. Е. Демидов оборудовал двумя домнами и, видимо, уже при Ю. В. Долгорукове оборудование было дополнено тремя молотами. Причины, вынудившие князя так быстро расстаться с заводом, неясны, тем более что Долгоруков повысил его производительность по сравнению с тем временем, когда им владел Демидов. Так, средняя выплавка чугуна на Богдано-Петровском заводе составляла 25—30 тыс. пуд., а за годы владения Долгоруковым поднялась до 35 тыс. пуд.¹¹³

* * *

Подведем итоги. Рассмотренная группа дворянских предпринимателей включала 17 фамилий. Они принадлежали к различным прослойкам господствующего класса. Здесь мы встречаем и вельмож типа А. И. Глебова, и крупных пермских вотчинников типа Голицыных, и помещиков средней руки типа Сатина, и, наконец, недавно влившегося в ряды дворянства Рычкова.

В общей сложности всеми дворянами этой группы на протяжении XVIII в. было основано 39 заводов: 20 из них основали

¹¹¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1340, лл. 259, 261, 270, 278, 280, 282, 299, 322, 325.

¹¹² Там же, кн. 2238, лл. 553, 555—559.

¹¹³ Там же, кн. 2242, лл. 125—127; ф. Берг-конторы, д. 507, л. 1.

Строгановы и владельцы четырех промышленных комплексов, отпочковавшиеся от них, а 19 предприятий заложили 12 остальных дворян. К концу XVIII в. в списке заводовладельцев осталось восемь дворянских фамилий, сохранивших за собою 23 завода. Кто же сумел закрепить свои позиции в промышленности?

Изложенного выше материала вполне достаточно для определения закономерности отсева дворян-предпринимателей. Из 22 дворянских предприятий, сохранившихся к концу XVIII в., 18 принадлежали владельцам пермских вотчин, т. е. Строгановым, Голицыным, Шаховским, Всеволожским и Лазаревым. Предпринимательство этих дворян протекало в исключительно благоприятных как природных, так и социальных условиях. В пермских вотчинах дворянин-предприниматель располагал выгодным сочетанием факторов, необходимых для металлургического производства, а именно: наличием руды, леса и воды. Из этих же вотчин дворянин-предприниматель черпал резервы рабочей силы. Все 18 заводов обслуживались исключительно вотчинными крестьянами.

Отсутствие какого-либо одного из перечисленных условий приводило дворянина-предпринимателя к краху. Характерной в этом отношении является поспешная попытка И. И. Соловцова обзавестись металлургическим заводом. «В тонкость» не разведав качества руды, обнаруженной в собственной вотчине, Соловцов построил Безнинский завод. Вскоре выяснилась полная непригодность руды для промышленного использования, и завод прекратил существование. Так как вся затея со строительством завода была органически связана с вотчинным хозяйством и рассчитана на использование его ресурсов, то Соловцов, потерпев первую неудачу, более не возобновлял предпринимательских опытов. В таком же примерно положении оказались заводы П. Б. Шереметева, П. И. Рычкова и А. И. Тевкелева.

Строительство и эксплуатация дворянских предприятий в пределах собственных вотчин сопровождались ростом феодальных повинностей крестьян, что вызывало со стороны последних активное сопротивление. Выступления крестьян Сатина, обремененных дополнительными повинностями в связи с постройкой Соловского завода, а также поджоги завода, устраиваемые крестьянами Рычкова, несомненно, оказали влияние на судьбу этих предприятий.

Иные трудности пришлось испытать дворянам, построившим заводы за пределами своих вотчин. Предприятия, построенные А. И. Глебовым и К. Е. Сиверсом, не испытывали недостатка в сырье, ибо стояли у его источников. Главная трудность, которую вполне не мог преодолеть ни один из них, была связана с обеспечением предприятий рабочей силой. В этой связи важно подчеркнуть, что Строгановы, более или менее успешно органи-

зовавшие промышленное производство в границах своих вотчин, оказались неспособными справиться с эксплуатацией заводов вне вотчинных владений. Они вынуждены были продать Троице-Саткинский завод на Урале и Песоченский завод в Европейской России.

Внешне предпринимательство таких представителей придворной знати, как Глебов и Сиверс, ничем не отличалось от предпринимательства купцов — как те, так и другие должны были ориентироваться на использование наемной рабочей силы. Если, однако, купцы умели обеспечивать свои заводы хотя бы минимумом наемного труда, то дворянину чисто капиталистическая организация труда оказалась непосильной. В конечном счете вельможи вынуждены были отказаться от заводовладения. Несмотря на это, сам факт их участия в капиталистическом предпринимательстве выразительно характеризует лихорадочные поиски путей приспособления крепостного хозяйства к формировавшимся капиталистическим отношениям.

Эти попытки, в частности, символизируют тот союз дворянина с купцом, который мы почти повсеместно наблюдали при рассмотрении предпринимательских попыток дворян. Дворянин шел на выучку к купцу, полагаясь как на его связи в деловом мире, так и на опыт хождения «по присутственным местам». Опыт дворянско-купеческих компаний свидетельствует о том, что купцы такой силой не обладали: бесправные, как и безденежные, они изгонялись дворянами из компаний при первых неполадках.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО ДВОРЯН В ПРОЧИХ ОТРАСЛЯХ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Металлургия отнюдь не являлась единственной отраслью народного хозяйства, к которой дворяне проявляли интерес. Наибольшей популярностью среди дворян-предпринимателей издавна пользовалось винокурение. Повышенный интерес дворян к винокурению объяснить нетрудно. Во-первых, необходимое для винокурения сырье и материалы — хлеб и дрова — помещик если не полностью, то частично находил в собственном хозяйстве. Во-вторых, владелец винокуренного завода был освобожден от обязанности найти покупателя готовой продукции, ибо вино поставлялось по подрядам в казну. Наконец, в-третьих, винокурение не требовало солидных капиталовложений, ибо оборудование завода было несложным, как несложной была и технология производства. Строительство мелкой винокурни было практически доступно даже захудалому помещику, так как единственными предметами, которые он должен был приобретать на стороне, были котлы и трубы. Производственные сооружения (поварня, солодовня, погреба, амбары и т. д.) могли быть возведены силами собственных крепостных крестьян.

О степени участия дворян в винокурении можно судить по имеющимся в нашем распоряжении сводным ведомостям. Первая из них составлена в конце 1753 г. и озаглавлена: «Ведомость, сколько в которых местах за помещиками, кои на подряд вино ставят, для курения вина кубов и казанов заклемено и в них мерою ведр»¹. Вторая ведомость, озаглавленная «Ведомость, какие именно винные поставщики и где винокуренные заводы имеют и по сколько ведр и куда ставить обязались», была прислана Камер-коллегией в Сенат в марте 1765 г.² Третья ведомость сообщает лишь сведения о размере поставок вина в различные города страны в течение 1779—1783 гг.³ Наконец, имеется группа ведомостей, составленных в 1795—1796 гг. губернскими правлениями, которые присылали ведомости о заводах, расположенных на управляемой ими территории⁴.

Цель составления названных ведомостей была различной,

¹ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4845.

² Там же, кн. 3579.

³ ЦГАДА, ф. Воронцовых, оп. 6, ч. 1, д. 423.

⁴ ЦГАДА, ф. Дворцовый архив, оп. 3, ч. 111, дд. 59171, 59175—59179, 59182—59184, 59304, 59308, 59454, 59459, 59478, 59507. Эти ведомости частично использовал в своей монографии Н. Л. Рубинштейн. см. также ПСЗ, т. XXIII, № 17 194.

поэтому они сообщают несопоставимые данные. Задача первой ведомости состояла в том, чтобы сообщить Сенату сведения о производительности дворянских винокуренных заводов. Поэтому ведомость содержит сведения о количестве кубов и казанов на каждом заводе, а также сведения об их объеме. Так как ведомость составлялась до опубликования указа о запрещении купцам заниматься винокурением, то можно предположить, что под видом дворянских предприятий не были включены купеческие заводы. Видимо, такой же была цель составления третьей ведомости — она сообщает названия городов, количество ведер поставляемого вина и его себестоимость. Наиболее подробные и интересные ведомости были составлены в 90-х годах XVIII в. Нет сомнения в том, что для их составления был выработан единый формуляр. Однако губернские власти строго не придерживались этого формуляра и, допуская существенные отклонения, по собственной инициативе сообщали сведения сверх программы. Ведомости начинаются с указания местонахождения винокуренного завода и количества вина, на нем выкуриваемого. Затем следуют сведения о количестве хлеба и дров, необходимых для производства этого вина. Следующая графа сообщает о том, какое количество хлеба и дров владелец винокуренного завода получал из собственных вотчин и какое он покупал на рынке. Далее следует графа об использовании выкуриваемого вина — сколько его поставляется на питейные дворы и сколько используется «про домашний обиход». Ведомости завершаются сведениями о числе крепостных, принадлежащих владельцам винокуренных заводов. Перечисленные сведения, за небольшим исключением, можно извлечь из всех ведомостей. Но некоторые из них дают дополнительный материал. Так, ведомость о заводах Курской губ. сообщает данные об оборудовании заводов (числе казанов и кубов), а также сведения о площади пахотной земли и лесных угодий. Ведомость, присланная из Смоленского наместничества, приводит данные не только о мужских, но и женских душах, принадлежавших владельцу винокуренного завода. Ведомости, составленные в канцеляриях Нижегородского наместничества и Московской губ., сообщают данные о времени основания заводов, в то время как в прочих ведомостях таких данных нет.

Из изложенного вытекает, что многие стороны предпринимательства дворян в винокурении имеющиеся в нашем распоряжении ведомости не освещают. Тем не менее они дают представление о степени увлечения дворян этой отраслью промышленности.

Опубликованию сенатского указа 19 июля 1754 г.⁵, превратившего дворян в монопольных поставщиков вина на питейные

⁵ ПСЗ, т. XIV, № 10261, стр. 184—186.

Таблица 3

Частные винокуренные заводы России в 1753 г.

Губернии	Дворянские заводы						Купеческие заводы, поставлявшие вино в казну			Итого		
	поставлявшие вино в казну			о поставке вина которыми сведений нет								
	заводов	кубов и казанов	объем (в ведрах)	заводов	кубов и казанов	объем (в ведрах)	заводов	кубов и казанов	объем (в ведрах)	заводов	кубов и казанов	объем (в ведрах)
Архангелогородская . .	3	49	747	12	53	412	26	309	3 483	41	411	4 642
Белгородская	52	711	9 783	186	407	3 704	34	308	2 304	272	1 426	15 791
Воронежская	27	229	2 957	38	117	1 166	11	400	7 766	76	746	11 889
Казанская	47	603	9 192	214	856	8 058	138	2 267	37 030	399	3 726	54 280
Московская	39	354	4 079	136	497	4 061	48	731	10 145	223	1 582	18 285
Нижегородская	39	485	6 680	76	300	2 423	4	83	1 420	119	868	10 523
Новгородская	5	28	572	177	204	2 564	15	129	1 882	197	361	5 018
Оренбургская	—	—	—	—	—	—	1	—	356	1	—	356
Смоленская	52	266	3 229	192	226	2 961	—	—	—	244	492	6 190
Всего:	264	2 725	37 239	1 031	2 660	25 349	277	4 227	64 386	1 572	9 612	126 974

дворы, предшествовало тщательное изучение вопроса. Ведомость, составленная Камер-коллегией в 1753 г., является наглядным примером использования статистики с целью определения социальной политики самодержавия.

По данным ведомости 1753 г., в России было зарегистрировано 1295 винокуренных заводов, принадлежащих дворянам. Правда, не все владельцы являлись поставщиками вина. Точно было известно, что подряды на поставку вина заключали только 264 дворянина. Хотя эти помещики-подрядчики составляли около $\frac{1}{5}$ всех владельцев винокуренных заводов из дворян, но их заводы были самыми крупными. Из 5385 кубов и казанов, числившихся на всех дворянских заводах, этой группе дворян принадлежало 2725 кубов, или свыше 50% от их общего числа, объемом 37 239 ведер, или около 60% от общего объема дворянских винокуренных заводов. Следовательно, $\frac{1}{5}$ дворян-предпринимателей, среди которых было немало представителей титулованной знати, сосредоточила в своих руках $\frac{3}{5}$ производственной мощности винокуренных заводов.

Относительно поставок вина 1031 владельцем Камер-коллегия не располагала точными данными — о них так и сказано в ведомости: «Вино ставят ли, — в Камер-коллегии известия нет». Можно, однако, предположить, что большинство из них не имело никакого отношения к подрядам, ибо владело мелкими винокурнями, оборудованными одним, реже двумя кубами. Особенно много мелких винокурен было в Новгородской губ., где у 177 владельцев стояло всего 204 куба мерою в 2564 ведра. Среди этой мелкоты выделялся лишь бригадир и рижский комендант князь Ф. В. Мещерский, в винокурне которого стояло 4 куба объемом в 60 ведер. Заметим, однако, что подобный завод в других губерниях не относился бы к числу крупных предприятий.

Такие же мелкие винокурни были еще в одной нечерноземной губернии России — Смоленской. Здесь насчитывалось 192 винокурни с 226 кубами мерою в 2961 ведро, причем лишь на 20 винокурнях объем кубов превышал 20 ведер.

Впрочем, среди помещиков, о подрядных операциях которых Камер-коллегия не имела точных данных, встречается немало владельцев столь крупных предприятий, что сомневаться в производстве ими вина для питейных дворов не приходится. Много было довольно крупных предприятий у дворян Нижегородской губ. Так, царевна Дарья Арчилловна Имеретинская в Нижегородском уезде владела заводом с 23 кубами емкостью в 243 ведра. Если исходить из норм, которыми Камер-коллегия пользовалась при установлении производительности кубов, то минимальный выпуск вина заводом имеретинской царевны составлял 7 тыс. ведер. Вряд ли также секунд-майор лейб-гвардии Преображенского полка князь Александр Меншиков мог сам потребить вино с принадлежавшего ему завода в Арзамасском

Таблица 4

Частные винокуренные заводы по объему кубов и казанов в 1753 г.

Губернии	Дворянские заводы											Купеческие заводы										
	всего	в том числе объемом (в ведрах)										всего	в том числе объемом (в ведрах)									
		101—200	201—300	301—400	401—500	501—600	601—700	701—800	801—900	901—1000	свыше 1000		101—200	201—300	301—400	401—500	501—600	601—700	701—800	801—900	900—1000	свыше 1000
Архангелогород- ская	15	2	1	1	—	—	—	—	—	—	—	26	6	4	1	—	—	—	—	—	—	—
Белгородская . .	238	6	3	2	2	1	—	—	—	—	3	34	5	4	—	—	—	—	—	—	—	—
Воронежская . .	65	5	6	—	1	—	—	—	—	—	—	11	2	3	1	1	—	—	—	—	1	2
Казанская	261	20	5	7	2	2	1	—	—	—	1	138	54	27	4	5	6	—	—	4	1	4
Московская . . .	175	13	3	2	1	—	—	—	—	—	—	48	16	7	6	2	—	2	—	1	—	—
Нижегородская .	115	8	6	3	2	—	—	—	—	—	1	4	1	2	—	—	—	1	—	—	—	—
Новгородская . .	182	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	15	5	—	1	1	—	—	—	—	—	—
Оренбургская . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Смоленская . . .	244	4	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего . .	1295	58	25	16	8	3	1	—	—	1	5	277	89	47	14	9	6	3	—	5	2	6

уезде, на котором стояло 10 кубов объемом в 131 ведро, следовательно, могло быть произведено свыше 3,5 тыс. ведер вина, тогда как по указу 19 сентября 1755 г. ему положено было «продомовой обиход выкуривать только 100 ведер в год»⁶.

Купеческих заводов было меньше, чем дворянских, но они были крупнее по размерам, что видно из табл. 4. Эта таблица свидетельствует о том, что из общего числа 1295 дворянских винокуренных заводов, оборудованных казанами и кубами емкостью, превышающей 100 ведер, было всего 117, или 9%. Иную картину мы наблюдаем на купеческих заводах: всего их насчитывалось 277, в том числе 181 завод, или 65%, с емкостью оборудования свыше 100 ведер. Дворянских заводов с объемом кубов свыше 500 ведер насчитывалось только 10, в то время как купцы владели 22 такими заводами.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что большинство купеческих заводов размещалось на территории Казанской губ. Объем кубов и казанов купеческих заводов Казанской губ. составлял 37 030 ведер, или 59% их общего объема. Это свидетельствует о том, что в середине XVIII в. основную массу товарного зерна поставляло Среднее Поволжье.

Исходя из емкости оборудования и учитывая, что тремя кубами объемом в 36 ведер можно выкурить в год 1 тыс. ведер вина, Камер-коллегия установила возможную производительность всех винокуренных заводов России в 3 982 471 ведро, из них на долю дворянских заводов, поставлявших подрядное вино, падало 1 034 416 ведер, на долю дворянских заводов, о поставке подрядного вина с которых не было сведений, — 704 139 ведер, на долю казенных заводов — 500 416 ведер и, наконец, купеческих заводов — 1 723 500 ведер.

Общая производительность всех винокуренных заводов России значительно превышала потребность питейных дворов в вине. Так, в 1751 г. было заключено подрядов на 1 705 656 ведер, а фактически было поставлено 1 580 788 ведер. В следующем году было подряжено 1 742 968 ведер, а поставлено 1 534 818 ведер. Расчеты показывают, что дворяне-подрядчики вместе с казенными винокуренными заводами могли вполне обеспечить вином питейные дворы. Если к этой группе заводов прибавить еще те дворянские предприятия, о причастности которых к подрядам Камер-коллегия не располагала достоверными сведениями, то в целом производительность всех дворянских и казенных заводов далеко превышала учтенную потребность питейных заведений в вине. В то же время с задачей удовлетворения спроса на вино могли справиться и купеческие заводы.

⁶ ПСЗ, т. XIV, № 10466, стр. 432. Этот указ устанавливал нормы курения вина для домашних потребностей в соответствии с Табелью о рангах. Для чинов первого класса она составляла 1 тыс. ведер вина в год, для чинов последнего (14-го) класса — 30 ведер.

Из создавшегося положения могло быть два выхода: 1) либо оставить все заводы вне правительственной регламентации, с тем чтобы каждый из них доказывал свое право на существование в процессе конкуренции; 2) либо вмешаться в процесс, так сказать, естественного развития винокуренной промышленности и законодательным путем закрыть одну группу заводов, чтобы создать тепличные условия для развития другой.

Для казны был более выгодным первый способ решения вопроса, ибо в этом случае она могла бы получать более дешевое подрядное вино. Правительство, однако, предпочло дворянские интересы интересам казны и указом от 19 июня 1754 г. предписало сломать купеческие заводы или продать их дворянам. За купцами сохранялось право владеть заводами лишь в некоторых уездах Архангелогородской, Казанской, Оренбургской и Воронежской губерний, а также в Сибири, т. е. в районах, где не было помещичьего землевладения или оно не получило широкого развития. Впрочем, и в перечисленных районах владение винокуренными заводами оставалось временным — по мере строительства там дворянских винокурен купеческие заводы в такой же пропорции должны были закрываться.

Закрытие купеческих заводов объяснялось изменением реального соотношения дворянского и купеческого винокурения в 20—40-х годах XVIII в. Винокуренные заводы дворян не могли в эти десятилетия удовлетворить потребность питейных дворов в вине, и закрытие купеческих винокуренных заводов нанесло бы серьезный ущерб фискальным интересам казны. Именно поэтому правительство вынуждено было еще с XVII столетия отказаться от строгого соблюдения дворянской монополии на винокурение и предоставить право владения винокуренными заводами, помимо дворян, «также и подрядчикам, которые то вино ставят на питейные дворы»⁷.

Интенсивное втягивание помещичьего хозяйства в товарное производство, с одной стороны, и получение льгот по службе — с другой, ускоряли развитие дворянского винокурения.

Указ о закрытии купеческих заводов в 1754 г. удовлетворял чаяния всего дворянства. Но прежде всего он соответствовал интересам правящей верхушки дворян, к этому времени прочно утвердившейся в качестве подрядчиков и желавшей избавиться от конкурентов-купцов. Достаточно назвать имена некоторых дворян-предпринимателей, чтобы представить себе, какую мощную поддержку имел указ 19 июля 1754 г. в Сенате, от имени которого он был издан. В списке винных подрядчиков состоял сенатор П. И. Шувалов. Его завод в Пензенском уезде был оборудован 63 кубами объемом в 1545 ведер. Средними заводами владели сенаторы А. Л. Нарышкин, князь И. Ю. Трубецкой, князь

⁷ ПСЗ, т. VIII, № 5342, стр. 115.

А. Д. Голицын, князь И. В. Одоевский, генерал-рейкетмейстер Дивов, президент Камер-коллегии князь М. Шаховской, вице-адмирал А. И. Головин, генерал-аншеф П. С. Салтыков, барон Исай Шафиров и десятки других менее влиятельных, но тоже «знатных персон», как генерал-аншеф Тараканов, полномочный посол России при английском дворе граф П. Г. Чернышов, вице-губернатор Н. Кудрявцев и др.

Ведомость 1765 г. в этом отношении дает еще более выразительный материал. Она включает 157 дворян, обязавшихся поставлять 1 859 857 ведер вина ежегодно. Обращает внимание необычайная концентрация подрядных операций. Подрядчиков, поставивших до 10 тыс. ведер вина, было 112 человек (71,3%); они обязались поставить 354 642 ведра вина (18,9%). Дворян, обязавшихся поставлять на питейные дворы от 10 до 20 тыс. ведер вина, насчитывалось 27 человек (17,2%), а количество вина составляло 355 596 ведер (18,7%). Подрядчиков, чьи поставки колебались от 21 до 30 тыс. ведер, насчитывалось только трое (1,9%), а их подряды составляли 81 789 ведер вина (4,4%). Шесть человек (3,8%) заключили подряды на поставку 31—40 тыс. ведер вина, а сумма их подрядов составляла 206 323 ведра (11,1%). Обязательство поставить вина свыше 40 тыс. ведер (43 057—2,3%) дал только один человек (0,6%), свыше 50 тыс. ведер вина поставляло 8 чел (5,1%), но их подряды составляли 821 450 ведер вина (44,6%). Таким образом, три последние группы дворян-подрядчиков в количестве 15 человек поставляли вина 1 070 830 ведер из 1 859 857, что составляло 57,6%.

Ведомость 1765 г., обработка которой позволила получить приведенные выше статистические данные, перечисляет подрядчиков в порядке их чинов в соответствии с Табелью о рангах. Ведомость возглавляют 38 действительных тайных советников, генерал-фельдмаршалов и генерал-аншефов. Затем следуют 15 генерал-поручиков и соответствующих им лиц гражданских чинов. Статских советников было восемь человек, полковников было тоже восемь, камергеров два, подполковников 21, секунд-майоров 12, коллежских советников два. Ведомость включают подпоручики, ротмистры, прапорщики, титулярные советники, смоленские шляхтичи, наконец, просто дворяне, без чинов и званий. Последних в общей сложности насчитывалось 53 человека.

Среди титулованной знати встречаются фамилии виднейших в России вельмож, крупных государственных деятелей, стоявших у кормила правления. Крупнейшим подрядчиком был главный директор Ассигнационного банка граф Андрей Петрович Шувалов, сын известного деятеля елизаветинского времени П. И. Шувалова. А. П. Шувалову принадлежали винокуренные заводы в Пензенском, Алаторском и Казанском уездах. Около половины выкуриваемого вина он поставлял в Петербург (110 тыс. ведер) и на Ладужский и Шлиссельбургский питейные дворы (12 325

ведер.). Остальное вино Шувалов отвозил в города Нижнего Поволжья, Урала и Сибири, причем даже в такие отдаленные пункты, как Березов, Мангазею, Красноярск, Енисейск и др.

Второе место по размеру подрядов занимал обер-прокурор Сената А. И. Глебов. Сумма всех подрядов Глебова составляла 179 421 ведро вина. Питейные дворы, обслуживаемые Глебовым, были расположены в других местах, чем у А. П. Шувалова, так что крупнейшие подрядчики не конкурировали между собой. Заводы Глебова находились в двух районах, производивших хлеб — в Верейском и Обоянском уездах, откуда вино поступало в Москву, города Среднего Поволжья, Поморья и нечерноземного Новгородского уезда. Глебов поставлял также вино в города Сибири — Иркутск, Нерчинский, Читинский и Аргунский остроги, Кяхту и даже в Охотск. Установлено, однако, что участие Глебова в обеспечении вином сибирских городов было фиктивным — свое право поставки вина он уступил местным купцам. В результате этой операции Глебов одновременно получил 160 тыс. руб. Кроме того, местные подрядчики, перекупившие у Глебова право поставки вина, обязались ежегодно в течение 10 лет выдавать вельможе по 25 тыс. руб.⁸

Третьей по размерам поставок подрядчицей была вдова генерал-фельдмаршала С. Ф. Апраксина, действительная статс-дама Аграфена Леонтьевна. С заводов, расположенных в Комарицких вотчинах Севского уезда, статс-дама подрядилась поставлять 80'тыс. ведер вина в обе столицы равными долями.

Сенатор и действительный камергер И. Г. Чернышев заключил подряды на производство 70 215' ведер вина. Его заводы находились в Севском и Медынском уездах, а вино он поставлял в Петербург (24 тыс. ведер), Москву (14 тыс. ведер) и в близлежащие к заводам города Орловской и Севской провинций.

В число восьми подрядчиков, чьи подряды превышали 50 тыс. ведер вина в год, входили сыновья молдавского господаря Дмитрия Кантемира Матвей и Сергей. Винокуренные заводы, расположенные в Трубачевском уезде, они унаследовали от отца и поставляли вино в Москву (30 тыс. ведер) и Петербург (31 тыс. ведер). Обер-секретарь Сената статский советник И. С. Ермолаев вместе с братом Гавриилом владели несколькими заводами в Пензенском, Старицком и Дмитровском уездах, а вино поставляли в Петербург (41 тыс. ведер), Пензу (11 798 ведер) и Саранск (6 308 ведер). Кроме того, в Старицком уезде И. С. Ермолаев владел заводами единолично, на них он производил свыше 33 тыс. ведер вина в год. Список этой группы подрядчиков замыкают генерал-полицмейстер Н. А. Корф (58 773 ведра) и наследники статс-дамы княгини Е. Д. Голицыной (55 111 ведер).

⁸ Е. П. Карнович. Указ. соч., стр. 349. О злоупотреблениях Глебова см. П. Головачев. Иркутское лихоletье, 1758—1760 гг. М., 1904.

Перечень подрядчиков с многочисленными титулами, не вмещающимися в две строки ведомости, из которой извлечены приводимые сведения, можно пополнить многими знатными фамилиями. Винными подрядчиками были генерал-поручик граф И. Г. Чернышев, гофмаршал Г. И. Головкин, генерал-поручик князь Д. М. Голицын, советник Ревизионной коллегии Н. Ф. Коквинский, многочисленные представители аристократических фамилий князей Долгоруких, Одоевских и др.

Среди подрядчиков встречается немало представителей нетитулованного и невельможного дворянства, но у них размеры подрядов, как правило, были невелики и в некоторых случаях не превышали 500 ведер в год. Так, вдова капитан-поручика Преображенского полка А. З. Никулина с завода в Темниковском уезде поставляла в Саратов по 415 ведер вина в год, подполковник В. С. Сибилев с завода в Карачевском уезде отправлял ежегодно по 500 ведер вина.

В использованных нами ведомостях нет сведений ни о составе рабочей силы на винокуренных заводах, ни о сырье, используемом при винокурении. Путем несложных расчетов можно, однако, установить, что владельцы крупных винокуренных заводов не могли обеспечить их необходимым сырьем из собственных вотчин и, несомненно, использовали покупной хлеб, а также дрова.

Из четверти зерна на казенных винокуренных заводах в середине XVIII столетия получали от 2,25 до 2,5 ведер вина. Следовательно, чтобы А. П. Шувалову поставить 257 824 ведра подрядного вина, требовалось по меньшей мере 114 588 четвертей или 1 031 292 пуд. зерна. Фактически А. П. Шувалов выкуривал больше 257 824 ведер вина, так как по сенатскому указу положено было на усушку и утечку на каждые 100 ведер доставлять дополнительно 3 ведра вина⁹. Таким образом, винокуренные заводы графа Шувалова потребляли в общей сложности 1 061 435 пуд. зерна. Никакие вотчины этого богача не могли, конечно, производить такое количество хлеба, и шуваловские приказчики должны были значительную часть его покупать на рынке. Даже в начале XIX в., когда выход вина из четверти хлеба стал больше и, следовательно, потребность в нем уменьшилась, граф Шувалов мог удовлетворить потребность своих заводов в Пензенской губ. за счет собственных вотчин менее чем седьмой частью потребного количества зерна. Так, в 1816 г. на его заводах было выкурено 272 228 ведер, при этом было израсходовано 5 тыс. деятипудовых кулей своего зерна и 32 549 кулей покупного.

Даже мелкие подрядчики, поставлявшие в середине XVIII в., например, 3 тыс. ведер вина, не могли обеспечить завод собственным хлебом. Так, президенту Вотчинной коллегии М. К. Лунину

⁹ ПСЗ, т. XIV, № 10466, стр. 431.

для выполнения подряда на поставку 3 тыс. ведер вина, который он заключил в 1765 г., потребовалось около 12 тыс. пуд. зерна. Чтобы получить такое количество хлебных излишков, пашня барского хозяйства Лунина при средней урожайности сам-три должна была занимать площадь в 837 десятин. Между тем, далеко не каждый помещик располагал таким количеством земли.

Стремление дворян обеспечить заводы собственным хлебом вынуждало их строить мелкие предприятия, разбросанные по вотчинам, у источников сырья. Князь Г. С. Мещерский, по данным ведомости 1753 г., владел пятью заводами, расположенными в Каширском, Шацком, Керенском, Козловском и Переяславском (Рязанского) уездах. Если бы Мещерский ориентировался на использование покупного зерна, дров и наемных рабочих, то ему было бы значительно выгоднее сосредоточить свои 12 кубов объемом в 76 ведер в одной вотчине, а не в пяти. В трех уездах — Алаторском, Новгородском и Свияжском — владел винокуренными заводами князь Л. И. Долгорукий и т. д.

Аналогичную картину рисует ведомость о подрядах вина в 1779—1783 гг., что видно из табл. 5.

Т а б л и ц а 5

Количество поставщиков и поставленного вина в 1779—1883 гг.

Размер одной поставки	Число поставщиков	% поставщиков к общему числу	Количество поставляемого вина (ведра)	% к общему количеству поставляемого вина
До 5 тыс. ведер	114	54,0	189 944	9,3
5—10 » »	45	21,3	282 949	13,1
10—20 » »	24	11,4	308 650	14,3
20—30 » »	12	5,7	26 859	12,5
30—40 » »	4	1,8	130 213	6,0
40—50 » »	3	1,4	128 775	5,8
50—60 » »	1	0,5	56 934	2,6
60—70 » »	2	1,0	132 416	6,1
70—80 » »	1	0,5	70 000	3,3
80—90 » »	—	—	—	—
90—100 » »	1	0,5	100 000	4,6
Свыше 100 » »	4	1,9	484 688	22,4
Итого	241	100,0	1 911 428	100,0

Таблица зарегистрировала как увеличение количества подряжаемого в казну вина, так и увеличение числа подрядчиков. Если в 1751 г. было поставлено 1 580 788 ведер, а в 1765 г. — 1 859 857 ведер, то в 1779 г. поставки достигли 1 911 428 ведер, вина, т. е.

за 30 лет увеличились более чем на 20%. Данные о числе подрядчиков можно сопоставить лишь за 1765 и 1779 гг.: в первом было 157 подрядчиков, а во втором — 211, т. е. их число увеличилось на 34%. Характерно, что количество поставляемого вина в течение 1765—1779 гг. возросло не в такой пропорции, как число подрядчиков — за 15 лет поставки вина увеличились менее, чем на 3%. Это свидетельствует о повышении удельного веса мелких подрядчиков. Отмеченный факт не исключает, однако, сделанного для более раннего времени наблюдения о высокой концентрации подрядных операций. Из табл. 5 явствует, что свыше 30 тыс. ведер вина поставляли 16 чел., или 7,6% от общего числа. Эти 16 чел. подрядились поставлять ежегодно в течение 1779—1783 гг. 1 103 026 ведер, или 57,7% от общего количества вина, поставляемого всеми дворянскими заводами России. Как и в предшествующее время, высшие в стране сановники — сенаторы, фельдмаршалы и т. п., являлись крупнейшими подрядчиками. Тайный советник и сенатор Н. Б. Самойлов подрядился поставлять в Москву по 110 тыс. ведер вина ежегодно. Еще более крупным подрядчиком был генерал-поручик и сенатор Е. А. Щербинин, обязавшийся поставлять в Казань, Чердынь, Соликамск, Хлынов и другие города Казанской губ. по 125 586 ведер вина ежегодно. Вдова сенатора П. Г. Чернышева оформила подряд на поставку в Москву 70 тыс. ведер вина. Крупным поставщиком был генерал-фельдмаршал сенатор К. Г. Разумовский: в Москву, Нижний и Шацк он подрядился поставлять по 84 697 ведер вина в год.

К концу XVIII в. дворянское винокурение, как видно из табл. 6, получило еще большее развитие. Только по 17 губерниям Европейской России в конце XVIII в. насчитывается 567 винокуренных заводов, владельцы которых несомненно, занимались поставками вина на питейные дворы. Обращает на себя внимание проникновение винокуренного производства в нечерноземные районы, где в предшествующее время курили вино лишь на домашние нужды. К ним относится Московская и Смоленская губ. Если ведомость 1753 г. зарегистрировала в этих губерниях преимущественно небольшие винокурни, то ведомость 1795 г. отметила значительное количество довольно крупных предприятий, причем подавляющее большинство их основано в конце столетия. Из 26 самых крупных заводов Московской губ., поставлявших свою продукцию на питейные дворы, только 5 было основано ранее 1790 г., остальные же начали функционировать в течение 1790—1795 гг. Горячка строительства винокуренных заводов коснулась и Нижегородской губ., ведомость которой содержит указание на время основания предприятий. На территории Нижегородской губ. существовало 14 заводов, кутивших вино для питейных дворов, причем ни один из них не был основан ранее 1789 г.

Винные подряды помещиков по губерниям

Губернии и наместничества	До 5		5—10		10—20		20—30		30—40	
	число заводов	выкурено на них подрядн. вина	число заводов	выкурено на них подрядн. вина	число заводов	выкурено на них подрядн. вина	число заводов	выкурено на них подрядн. вина	число заводов	выкурено на них подрядн. вина
Пермское наместн.	—	—	3	20 731	1	11 874	—	—	—	—
Вятская губ.	—	—	—	—	1	10 478	2	50 738	1	34 089
Вологодская губ.	5	10 280	—	—	—	—	—	—	—	—
Ярославская губ.	5	9 450	5	37 618	2	26 523	—	—	—	—
Нижегородск наместн.	12	15 966	2	13 564	—	—	—	—	—	—
Казанское наместн.	2	3 180	2	10 680	1	18 118	—	—	—	—
Уфимская губ.	2	4 170	3	19 981	2	35 372	1	28 080	—	—
Московская губ.	22	38 365	1	8 090	10	148 752	1	20 246	—	—
Смоленская губ.	21	69 154	8	48 376	8	108 784	—	—	—	—
Новгород-Северская губ.	3	4 601	3	24 200	1	120 000	2	54 000	—	—
Тульское наместн.	25	52 834	4	27 010	6	79 501	2	42 798	—	—
Калужская губ.	41	53 669	11	81 762	7	101 668	—	—	—	—
Рязанская губ.	35	63 095	10	67 784	4	50 009	7	178 484	—	—
Пензенская губ.	21	42 621	13	88 912	2	26 170	3	72 447	4	138 148
Саратовская губ.	8	14 186	7	42 432	2	28 040	—	—	—	—
Курская губ.	133	158 067	11	71 919	3	38 807	—	—	—	—
Тамбовское наместн.	57	45 568	1	7 800	2	30 000	1	21 500	2	62 500 ^а
	392	585 206	84	570 859	52	726 096	19	468 293	7	234737

В Московской губ. было немало крупных предприятий, перерабатывавших товарное зерно. Так, лейб-гвардии секунд-майор А. И. Гурьев на своем заводе, расположенном в вотчинном селе Мергалове Верейского уезда, выкурил в 1796 г. 20 246 ведер вина. Потребность в хлебе составила 3 681 четверть, из которых треть (1 200 четвертей) он получал из собственных вотчин, а 2 481 четверть покупал. Такое же соотношение собственного и покупного хлеба можно наблюдать на заводе гвардии капитан-поручика А. Н. Щепотева. Его завод нуждался в 3 437 четвертях хлеба, из которых покупного было 2 437 четвертей. Некоторые винокуры даже не прибегали к услугам рынка. Так, завод генерал-майора Л. К. Разумовского в Можайском уезде потреблял 2 428 четвертей хлеба, доставлявшегося из его довольно крупной вотчины, насчитывавшей 3 431 душу м. п.

Сравнивая состав подрядчиков конца XVIII в. и предшествующих десятилетий, нетрудно заметить повышение удельного веса рядовых дворян. Среди подрядчиков-винокуров насчитывалось 85 чинов первых пяти классов Табели о рангах, среди которых было 2 фельдмаршала, 7 тайных советников, 12 генерал-поручиков, 9 генерал-майоров, 5 действительных тайных советников,

Таблица 6

за 1795—1796 гг. (в тыс. ведер)

40—50		50—60		60—70		70—80		80—90		90—100		свыше 100		Итого выкуре- но подрядного вина
число заводов	выкурено на них подрядн. вина	число заводов	выкурено на них подрядн. вина	число заводов	выкурено на них подрядн. вина	число заводов	выкурено на них подрядн. вина	число заводов	выкурено на них подрядн. вина	число заводов	выкурено на них подрядн. вина	число заводов	выкурено на них подрядн. вина	
1	41 190	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5
1	40 000	1	53 941	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	14
1	48 539	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	29 530
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	34
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	37
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	37
1	44 142	1	50 765	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	61
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	56
—	—	1	54 390	—	—	1	75 867	—	—	—	—	1	105 003	46
—	—	1	54 293	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	18
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	147
1	45 000	—	—	1	61 000	—	—	1	88 957	—	—	—	—	66
5 218 871		4	213 389	1	61 000	1	75 867	1	88 957	—	—	1	105 003	567
														3 348 278

20 статских советников, 18 бригадиров и т. д. При этом размер поставок придворной знати, представителей высшей военной и гражданской бюрократии значительно уменьшился.

Сенатор, тайный советник и действительный камергер П. Ф. Квашнин-Самарин вместе с супругой владел тремя винокуренными заводами, два из которых находились на территории Рязанской губ., а третий — в Уфимской. Общая производительность заводов — 47 682 ведра вина. Это был самый крупный поставщик вина среди сенаторов. Прочие сенаторы владели заводами помельче, подряды их были тоже скромнее. Так, действительный тайный советник, сенатор граф Ф. А. Остерман обязался выкурить 27 164 ведра вина, сенатор граф Н. П. Шереметев с трех заводов, расположенных в Курской губ., — 8535 ведер. Известный поэт, тайный советник и сенатор Г. Р. Державин владел заводом, расположенным в с. Смоленском (Державино тож) Уфимской губ. В 1796 г. Державин обязался выкурить 10 616 ведер вина для поставки в Бузулук и Бугуруслан. Часть сырья Державин получал из собственной вотчины, насчитывавшей 440 душ м. п., а на 7 тыс. руб. покупал на рынке. Из более крупных подрядчиков, чьи поставки превышали 50 тыс. ведер вина в год, можно назвать действительного камергера, статского

советника князя С. С. Гагарина (117 532 ведра), генерал-фельд-маршала графа К. Г. Разумовского (99 200 ведер), генерал-поручика князя И. С. Борятинского (66 090 ведер), статского советника Аполлона Колокольцова (54 390 ведер) и др. Но среди высших чинов встречались и мелкие подрядчики, чьи поставки не превышали даже 1 тыс. ведер. Так, статский советник Михаил Комынин на заводе в Тульском наместничестве выкуривал 610 ведер, генерал-майор И. С. Рогачев — 200 ведер, генерал-поручик П. М. Лунин на заводе, расположенном в Тамбовском наместничестве, — 900 ведер. Сергей Лунин, отец известного декабриста М. С. Лунина, на заводе, расположенном в Кирсановском уезде Тамбовского наместничества, выкуривал только 1300 ведер вина.

Таблица 6 свидетельствует, во-первых, о существенном увеличении к концу XVIII в. выкуриваемого вина. В 19 губерниях и наместничествах Европейской России выкуривалось в 1795—1796 гг. 3 348 278 ведер вина. К этой сумме следует прибавить 596 731 ведро, выкуривавшееся в Черниговском наместничестве, и 587 286 ведер, производившихся заводами Киевского наместничества. Таким образом, общее количество подрядного вина по выявленным ведомостям составляло во второй половине 90-х годов XVIII в. 4 532 295 ведер. По сравнению с 1751 г., когда было продано подрядного вина 1 580 788 ведер, потребность питейных дворов увеличилась почти в три раза. Это, однако, не означало трехкратного увеличения расхода хлеба на винокурение: выход вина из четверти хлеба в конце столетия был в 2—2½ раза выше, чем в середине столетия. Если в середине века винокур получал из четверти хлеба 2¼—2½ ведра вина, то в конце столетия он стал получать 4½—5 ведер. Из этого вытекает, что расход хлеба на винокурение оставался примерно на том же уровне и не превышал 10 млн. пуд. в год.

Цифры этой таблицы, во-вторых, дают представление о районах сосредоточения винокуренного производства. В 17 губерниях Европейской России (без Украины и Прибалтики) выкуривалось в год 3 348 278 ведер подрядного вина. Из них на долю четырех губерний приходилось 1 750 010 ведер, т. е. около половины. На первом месте по производству вина стояла Пензенская губ. (603 558 ведер), затем следовали Рязанская (359 372 ведра), Тамбовское наместничество (362 325 ведер) и Калужская губ. (332 006 ведер), т. е. хлебные районы Центральной черноземной полосы.

Пользуясь имеющимися в нашем распоряжении ведомостями, трудно проследить преемственность занятия винокурением в той или иной дворянской фамилии. В одних случаях сведения о владельцах заводов и о самих заводах настолько скудны, что проследить их судьбу не представляется возможным. В других случаях заводы меняли владельцев в результате купли-продажи

или переходили в другой род в качестве приданого, что тоже не отражено ведомостями. Тем не менее, в некоторых случаях прослеживается устойчивость винокурения в дворянских родах. Так, надворный советник А. И. Ратецов в 1753 г. владел винокуренным заводом в Рыльском уезде Белгородской губ., оборудованным 15 кубами емкостью 180 ведер. По ведомости 1764 г., Ратецов поставлял в Москву 3 тыс. ведер вина. Через 15 лет размер подряда Ратецова достиг уже 22 586 ведер. Расширился и район обслуживания: в него, помимо Москвы, входили Карпов, Хотмыжск, Орел и Белгород¹⁰. Граф И. Г. Чернышев в 1753 г. значился двора е. и. в. камер-юнкером и владел небольшим заводом в Керенском уезде Воронежской губ., оборудованным восемью казанами емкостью в 72 ведра. 10 лет спустя И. Г. Чернышев значился уже двора е. и. в. действительным камергером. К этому времени он с двух заводов поставлял 14 611 ведер вина. Ведомость 1779 г. И. Г. Чернышева не упоминает. Зато ведомость 1795 г. отметила несомненные успехи Чернышева на винокуренном поприще. Владея винокуренным заводом в Керенском уезде Пензенской губ., оборудованным двумя кубами емкостью 220 ведер, он в 1795 г. обязался поставить с этого завода 32 617 ведер вина. Сырье было отчасти покупное, отчасти собственное — 2 тыс. четвертей своего хлеба и 4 тыс. четвертей покупного. Вторым заводом владела супруга графа. Он находился в Рязанском уезде Рязанской губ. Все сырье (5003 четверти хлеба), необходимое для производства 25 017 ведер вина, как и дрова, поставляли собственные вотчины¹¹. Еще более яркий пример расширения винокуренного производства наблюдается на примере князя А. Б. Куракина. Первый раз он был зарегистрирован в качестве винокура ведомостью 1779 г. В эти годы он, видимо, только начинал подвизаться в роли подрядчика. Основанием для такого вывода служит тот факт, что сравнительно небольшое количество вина (25 532 ведра) он небольшими партиями поставлял в семь городов. К концу столетия камер-юнкер Куракин стал действительным камергером. Он имел 7194 души м. п., населявших его вотчины в Саратовской, Пензенской, Воронежской, Екатеринославской, Владимирской и Ярославской губерниях а также три винокуренных завода: два в Саратовской губ. и один в Пензенской. Заводы в Саратовской губ. были небольшими, на них Куракин выкуривал 6782 ведра подрядного вина. Дровами (430 сажень) и хлебом (1134 четверти) завод обеспечивали собственные вотчины. Зато в Пензенской губ. Куракин владел огромным заводом, оборудованным пятью кубами емкостью 1000 ведер. В 1795 г. он обязался поставить с этого завода

¹⁰ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 2845, л. 532; кн. 3579, л. 877; ф. Воронцовых, оп. 6, ч. 1, д. 423, л. 3.

¹¹ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 2845, л. 534; кн. 3579; л. 866; Дворцовый отдел, оп. 3, ч. 111, д. 59177, лл. 4—5; д. 59507, лл. 5—6.

105 003 ведра. Весь хлеб в количестве 21 тыс. четвертей был покупным¹².

Столь же стремительными темпами развивалось винокурение в вотчинах князя С. С. Гагарина. В 1779 г. он обязался выкуривать всего лишь 21 220 ведер подрядного вина. Через 15 лет статский советник и действительный камергер Гагарин владел четырьмя заводами, производившими 117 532 ведра вина. Этот крупный вотчинник, владевший 13 982 крепостными крестьянами, три завода обеспечивал собственным хлебом. Четвертый завод, находившийся в Тамбовском наместничестве, на котором в 1795 г. должно было быть выкурено 88 957 ведер вина, работал отчасти на покупном хлебе¹³.

Примеров расширения винокуренного производства в вотчинах дворян можно привести значительно больше. Но среди дворян-предпринимателей встречались владельцы винокуренных заводов, производительность которых сокращалась. К ним, например, относится винокуренный промысел графов Шуваловых. В 60-х годах XVIII в. граф А. П. Шувалов был крупнейшим в стране винным подрядчиком. В конце столетия размер его поставок уменьшился и составлял лишь 115 867 ведер. Характерно, что завод в Пензенской губ., выкуривавший 75 867 ведер вина, был обеспечен собственным хлебом¹⁴.

Винокурением также занимались дворяне, в конце столетия ставшие владельцами металлургических заводов. Так, основатель Мезгея-Маловлянского завода коллежский секретарь И. А. Кепонов владел винокуренным заводом, расположенным в собственной вотчине в с. Животове Ефремовского уезда Тульского наместничества. В 1795 г. Кепонов обязался поставить в Тулу и Одоев 18 500 ведер вина. Завод почти полностью работал на покупном сырье: из 3700 четвертей необходимого хлеба кепоновская вотчина давала только 500 четвертей, а остальной хлеб и дрова он покупал, расходуя на это 14 308 руб.¹⁵

Занимался винокурением и владелец Богдано-Петровского металлургического завода генерал-аншеф князь Ю. В. Долгоруков. В Калужском уезде ему принадлежали два винокуренных завода. Один из них, стоявший в с. Бунакове, должен был в 1795 г. выкурить 13 802 ведра вина из собственного хлеба. Второй завод находился в дер. Богдано-Петровке на р. Черепети и должен был обеспечить поставку 7 тыс. ведер подрядного вина. Весь хлеб в количестве 1470 четвертей был покупным¹⁶.

¹² ЦГАДА, ф. Дворцовый отдел, оп. 3, ч. 111, д. 59177, лл. 6—7, д. 59178, лл. 12—13.

¹³ Там же, д. 59176, лл. 3, 7; д. 59179, лл. 7—6; ф. Воронцовых, оп. 6, ч. I, д. 123, лл. 3, 5.

¹⁴ Там же, д. 59171, лл. 3—4; д. 59177, лл. 6—7.

¹⁵ Там же, д. 59175, л. 5.

¹⁶ Там же, д. 59176, лл. 11, 16.

Выше было приведено немало фактов, свидетельствующих о широком использовании помещиками покупного зерна в винокуреннии¹⁷. Лишь очень немногие помещики обходились сырьем собственных вотчин. В Ярославской губ., например, из 12 986 четвертей хлеба, необходимых для производства 73 591 ведра вина, 10 644 четверти владельцы заводов приобретали на рынке; в Пензенской и Саратовской губерниях помещики обеспечивали заводы собственным хлебом лишь наполовину; в Рязанской губ. винокуренные заводы потребляли 77% покупного хлеба; в Тамбовском наместничестве — 70%. Однако в других губерниях владельцы винокуренных заводов ориентировались преимущественно на хлеб, производившийся в собственных вотчинах. Так, в Новгород-Северской губ. весь хлеб, используемый винокуренными заводами, в количестве 20 204 четвертей, помещики получали из своих вотчин. В Курской и Московской губерниях дворяне-винокуры покупали только треть необходимого им хлеба. Следует, однако, учитывать, что удельный вес Московской и тем более Новгород-Северской губ. в производстве вина был невелик и не колеблет того общего вывода, что дворянские заводы в конце XVIII в. пользовались примерно половиной покупного хлеба. Следовательно, дворянское винокурение нельзя рассматривать в качестве придатка вотчины. Во многих случаях оно имело самостоятельное значение и было организовано на иных принципах, чем вотчинное хозяйство.

Это наблюдение можно иллюстрировать данными об организации винокуренных заводов на территории Пензенской губ., правда, не в конце XVIII в., а в начале XIX в. Пензенская губ. издавна славилась развитым винокуреннием. В 1753 г. в Казанской губ., в состав которой Пензенский край входил в качестве провинции, насчитывалось 47 дворянских и 138 купеческих заводов. После 1754 г. купеческие заводы оказались либо в руках дворян, либо разрушенными. П. С. Паллас, проезжая в 1768 г. по Пензенской провинции, отметил, что там «находится множество винных заводов, помещикам принадлежащих и доказывающих изобилие хлеба в сей благословенной стране»¹⁸. Ни об одной другой провинции этот путешественник не сделал подобного замечания.

В 1816 г.¹⁹ на территории Пензенской губ. находилось 47 винокуренных заводов, на которых выкуривалось свыше 2,2 млн. ведер вина, т. е. больше, чем в 1765 г. потребляли все питейные дворы России. Концентрация производства и подрядных опера-

¹⁷ Об этом см. также: Н. Л. Рубинштейн. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957, стр. 196—198.

¹⁸ П. С. Паллас. Указ. соч., ч. I, стр. 117.

¹⁹ Выписки из материалов Пензенского областного архива за 1803 и 1816 гг. любезно предоставил мне И. А. Булыгин, за что выражаю ему глубокую благодарность. — Н. П.

ций стала еще более высокой. Из 47 заводов меньше 10 тыс. ведер вина в год выкуривали только 3, от 11 до 20 тыс.—14, от 21 до 50 тыс.—16, от 51 до 100 тыс.—9, свыше 100 тыс. ведер — 4 завода.

В отношении 45 заводов из 47 имеются сведения о составе рабочей силы: заводов, обслуживаемых только крепостными крестьянами, было 21, с наемными рабочими —9, со смешанным составом рабочей силы —15. Своим хлебом обходились 6 заводо-владельцев, 7 дворян курили вино исключительно из покупного хлеба, а остальные 18 владельцев наряду со своим хлебом пользовались покупным.

Важно отметить, что дворяне, пользовавшиеся наемным трудом, имели немало собственных крестьян. Статская советница М. Б. Сосновская выкуривала 15 840 ведер вина. Она владела 320 крепостными, но ни одного из них не использовала в винокурении. Каждому из 32 наемных рабочих она платила по 12 руб. в год. Производительность завода князя А. Б. Куракина составляла 70 455 ведер вина в год. Дрова у Куракина были собственными, но весь хлеб покупным, а рабочая сила в количестве 150 человек наемной. Предприимчивый князь, по овидетельству пензенского вице-губернатора И. М. Долгорукова, приумножал доходы корчемством. Отставленный в конце XVIII в. от службы, Куракин оказался в весьма затруднительном материальном положении. «Состояние его, отмеченное долгами до того, что при взятые своей отставки он едва не лишился продажей своего имения, столь напротив направились жизнию его в деревне не хозяйством, не умеренностью, а корчемством, что по нескольких годах такого уединения он имел знатный доход и мог содержать органныю музыку, из иностранцев вольнонаемных составленную»²⁰.

В ведомости 1816 г. отмечен единственный завод, полностью рассчитанный на использование ресурсов вотчинного хозяйства (хлеба, дров, рабочей силы). Он принадлежал помещику Граве. Производительность этого завода была невелика — 3090 ведер в год.

Факты использования наемного труда на винокуренных заводах дворян прослеживаются и по более ранним материалам. На заводе Е. В. Лужиной в Городищенском уезде в 1803 г. намечено было выкурить 21 615 ведер вина из 3930 кулей покупного хлеба. Хотя Лужина владела 576 крепостными, в винокурении она использовала только 15 душ, а 20 человек нанимала, уплачивая каждому из них по 24 руб. в год. К 1816 г. производство вина на этом заводе было увеличено почти на 10 тыс. ведер. 743 куля зерна Лужина отдавала из собственных закромов, а 5 тыс. кулей покупала. Завод по-прежнему довольствовался дро-

²⁰ «Записки кн. И. М. Долгорукова». — «Русский библиофил», 1914, № 8, стр. 65.

вами из собственных дач. Состав рабочей силы несколько изменился: крепостных рабочих осталось 10, зато наемных стало 32.

На заводе поручика Столыпина с намечавшейся на 1803 г. производительностью в 26 340 ведер было занято 15 наемных рабочих. К 1816 г. число наемных рабочих увеличилось до 120 человек. Возросла производительность завода — вдова Столыпина обязалась поставлять 82 026 ведер вина. Приведенные примеры свидетельствуют о капиталистической организации производства на некоторых винокуренных заводах, принадлежавших дворянам.

Наиболее предприимчивые и менее щепетильные относительно дворянской чести помещики занимались даже откупам, снисходя до участия вместе с купцами в публичных торгах. Они же занимались и ростовщичеством. В 1779 г. поручик Никанор Перверзев взял на откуп питейные сборы в Старом Осколе, Хотмыше и Яблонеце на 54 450 руб. Поручик Матвей Андреев получил на откуп питейные сборы в Карачеве и Обояне на 34 650 руб. В публичных торгах участвовали также чины и покрупнее — майор Семен Извеков, бригадир князь Я. А. Козловский и генерал-майор Ф. М. Толстой. Последний вошел в компанию купцов, взявших на откуп питейные сборы во всей Севской провинции за 150 тыс. руб. В том же 1779 г. была организована компания из дворян-откупщиков в составе генерал-аншефа Н. И. Салтыкова, генерал-поручика князя Ю. В. Долгорукова и генерал-майора М. Потемкина, взявшая на откуп питейные сборы в Орле на сумму в 120 200 руб. На следующее четырехлетие этот откуп получил князь Долгоруков единолично.

Второй отраслью хозяйства, где дворянское предпринимательство получило значительное развитие, была легкая промышленность. Более или менее широкое участие дворян в строительстве предприятий легкой промышленности началось в 40-х годах XVIII в.²¹, хотя, как отмечалось выше, отдельные дворяне стали владельцами мануфактур ранее этого времени. Имеющиеся в нашем распоряжении ведомости, составленные Мануфактур-коллегией в 1769 г.²² и 1778 г.²³, регистрировали десятки дворян, владевших промышленными предприятиями, подведомственными этому учреждению. Из 554 предприятий²⁴, учтенных ведомостью 1769 г., дворянам принадлежало 71. В ряде отраслей легкой промышленности, в таких, как шелковая, сургучная, купоросная, шляпная, мишурная и др., размещавшихся в городах и рассчитанных на удовлетворение спроса городских потреби-

²¹ См. Д. С. Бабурин. Указ. соч., стр. 228—229.

²² ЦГАДА, Госархив, разряд XIX, д. 40, лл. 218—248.

²³ ЦГАДА, ф. Портфели Миллера, портфель 385, т. I, д. I, лл. 18—63.

²⁴ Не все они являлись мануфактурами. Некоторые из них давали продукцию на ничтожную сумму.

телей, дворяне-предприниматели почти не участвовали. Более всего дворяне подвизались в суконной, полотняной и стекольной отраслях промышленности.

Из 73 суконных предприятий 34, или 46,6%, принадлежало дворянам. Удельный вес дворянских предприятий в полотняной промышленности был значительно ниже — из 84 предприятий на долю дворян приходилось 14, или 16,7%. В России насчитывалось 25 стекольных и хрустальных предприятий, шестью из них, или 24%, владели дворяне. Из прочих отраслей легкой промышленности следует отметить бумажное производство, где четыре из 27 предприятий принадлежали дворянам (14,8%), и кожевенное, где дворяне владели тремя предприятиями из 35 (8,6%). Остальные 10 дворянских предприятий были вкраплены единицами в шелковое, сафьяновое, красильное и прочие производства.

Факт широкого участия дворян в суконном производстве не является случайным. Эта отрасль промышленности привлекала дворян главным образом из-за выгодных условий сбыта продукции — сукноделение, подобно винокурению, было связано с казенными заказами.

В отличие от ведомости 1769 г., сообщавшей лишь сведения о количестве станов либо стоимости годовой продукции предприятия, ведомость 1778 г. содержит интересные данные о составе рабочей силы на «фабриках». На большинстве дворянских предприятий были заняты крепостные крестьяне, но некоторые из них частично или полностью обслуживались наемными рабочими. На шелковой мануфактуре князя П. И. Репнина в Москве было занято 78 наемных рабочих и два крепостных, на суконной мануфактуре генерал-аншефа И. С. Гендрикова работало 285 крепостных и 170 наемных рабочих. Суконную мануфактуру полковника И. Самарина в Дмитровском уезде обслуживали 100 крепостных и 45 наемных рабочих.

На бумажной мануфактуре Марии Андреевой в Московском уезде, полностью обслуживаемой наемными рабочими, было занято 52 человека.

Ведомость 1778 г. перечисляет пять суконных предприятий капитана В. А. Выродова, расположенных в Унженском, Пензенском, Лихвинском, Малоярославском и Владимирском уездах. Составитель ведомости ограничился общей характеристикой состава рабочей силы: «При работе люди находятся крепостные из разных его деревень и отчасти вольные». Материалы Калужского областного архива расшифровывают состав рабочей силы суконной мануфактуры Выродова в Малоярославском уезде. На 30 станах, размещенных в пяти селах, работало 260 мужчин, в том числе 24 наемных, и 160 женщин. Крепостные крестьяне и крестьянки работали попеременно. Всего ведомость 1778 г. включила 55 дворян-предпринимателей, из которых 9 человек использовали на своих предприятиях наемный труд.

Изученные документы, которые характеризуют участие дворян в эксплуатации промышленных предприятий и подрядных операциях, свидетельствуют о том, что их предпринимательство не являлось временным и случайным увлечением. Дворян-предпринимателей, уподоблявшихся князю Потемкину, который, по словам Сегюра, «вдруг заводил... фабрики и так же скоро оставлял их»²⁵, было, видимо, немного. Напротив, немало дворян одновременно владело предприятиями легкой промышленности, металлургическими заводами и выступало в роли поставщиков вина. Князь П. И. Репнин владел довольно крупной шелковой мануфактурой в Москве. Она была оборудована 42 станами. Ему же принадлежало три металлургических завода, полученных от казны, к которым он на свои средства пристроил еще два завода. Он же являлся и винным подрядчиком, правда мелким. П. И. Шувалов и А. И. Глебов подвизались в винокурении, металлургии и винных подрядах. Генерал-аншеф И. С. Гендриков в Московском уезде владел суконной мануфактурой на 34 стана, в Москве находилось его красильное заведение. В своих костромских вотчинах Гендриков построил небольшой винокуренный завод, вино с которого поставлял в Рыбную и Норскую слободы. Генерал-поручик С. П. Ягужинский владел несколькими металлургическими заводами, суконной мануфактурой на 50 станов, а также винокуренным заводом. Прославленный полководец П. А. Румянцев не считал для себя зазорным владеть заведением по производству полушелковых и шерстяных материй и в то же время заниматься поставками вина на питейные дворы. Число подобных примеров можно умножить. Они с достаточной убедительностью свидетельствуют об эволюции помещичьего хозяйства, о том, что часть дворян уже не довольствовалась традиционными приемами эксплуатации крепостных и изыскивала новые источники дохода. Одним из этих источников являлось предпринимательство в промышленности.

Не во всех отраслях промышленности дворянам удалось закрепиться в качестве предпринимателей. Полную неудачу большинство из них потерпело в металлургии. Больших результатов им удалось достичь в парусно-полотняной и суконной промышленности, где они использовали сырье вотчинного хозяйства и производственные навыки крепостных крестьян. Однако устойчивый успех дворянам сопутствовал лишь в винокурении. Это объяснялось не столько использованием людских и сырьевых ресурсов крепостного хозяйства, сколько монопольным положением дворянства в винокурении. Сенатский указ 19 июля 1754 г. запретил купцам курить вино, объявив, что «подряд и поставка на кабаки вину следует для пользы одного дворянства, а не купечества». Указ создал дворянам феодальную монополию, избавил их от конкуренции с капиталистическими предприятиями купцов.

²⁵ «Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II». СПб., 1865, стр. 113.

ИТОГИ РАЗВИТИЯ МЕТАЛЛУРГОВ В XVIII в. ФОРМИРОВАНИЕ БУРЖУАЗИИ

1. Темпы развития металлургической промышленности за столетие

В предшествующих главах были учтены все вододействующие заводы России, сооруженные на протяжении XVIII в. Сведем данные о них в таблицу:

Таблица 7

Рост числа частных заводов России в XVIII в.

Число заводов Годы	Построено	Получено от казны	Продано казне	Прекратило существование	Осталось действующими
1701—1710	2	1	—	—	3
1711—1720	8	—	—	—	11
1721—1730	21	1	—	1	32
1731—1740	22	—	—	3	51
1741—1750	31	—	2	6	74
1751—1760	52	22	—	10	138
1761—1770	42	—	13	19	148
1771—1780	21	2	—	18	153
1781—1790	17	—	4	2	164
1791—1800	11	—	8	—	167
Итого	227	26	27	59	

Итак, на протяжении XVIII в. частным промышленникам принадлежало 253 завода, из которых 227 они построили сами и 26 получили от казны. Из табл. 7 явствует, что число частных заводов увеличивалось из десятилетия в десятилетие, но не с одинаковой интенсивностью — в течение первых двух и последних двух десятилетий XVIII в. строительство предприятий протекало довольно медленно: за эти 40 лет их было введено в строй только 38. Бурный подъем промышленности падает на 1740—1760-е гг. За эти 30 лет частная металлургия пополнилась 125 вновь построенными предприятиями, а вместе с полученными от казны это составит 147 предприятий. Таким образом, за 30 лет наиболее интенсивного развития металлургии

России было сооружено 55% заводов, построенных на протяжении всего столетия.

Замедленный рост частной промышленности в первые и последние десятилетия XVIII в. обусловлен неодинаковыми причинами. В начале XVIII в. частная промышленность переживала трудности роста — купцы с большой осторожностью вкладывали капиталы в металлургию. По истечении двух первых десятилетий, когда частные промышленники ввели в строй только 10 предприятий, наступает полоса бурного строительства новых заводов, обусловленного отчасти размерами барышей, получаемых промышленниками, отчасти льготами и привилегиями, предоставленными правительством заводоладельцам. Использование льгот и привилегий в конечном счете тоже обеспечивало получение дополнительных прибылей. В третьем десятилетии XVIII в. русское железо проникает на европейский рынок и превращается в важную статью экспорта. По темпам роста частной металлургии выделяются 50-е годы XVIII в., когда было построено 52 завода. В последующие десятилетия наблюдается снижение темпов строительства заводов, обусловленное внутренними и внешними обстоятельствами — изменением курса промышленной политики правительства, уменьшением спроса на русское железо со стороны английского рынка, использованием наличных природных ресурсов в мануфактурном производстве. Однако важнейшим фактором, обусловившим замедленный рост уральской промышленности, был начавшийся кризис феодально-крепостнической системы. Уральская металлургия, тесно связанная с феодальным строем, разделила судьбу этого строя.

Обращает внимание неустойчивость частного заводоладения: из 253 заводов 86, или 38% от общего числа, прекратили существование или перешли к казне. Особенно велик был отсев в течение 1761—1780 гг., когда частная металлургия потеряла 50 предприятий. Отсеялось все наносное и случайное, возникшее в годы строительной горячки. Характерно, что основные потери частная металлургия понесла за счет неудач дворянского предпринимательства — продажи дворянами заводов в казну или закрытия заводов вследствие их убыточности. В конце столетия отсев предприятий значительно сократился, что свидетельствует об устойчивости горнорудных районов, сложившихся в мануфактурный период развития металлургии.

При разбивке заводов по горнорудным районам нетрудно установить существенные различия в темпах роста числа заводов в каждом из них.

Из табл. 8 видно, что на Урале и в Сибири за столетие было построено заводов в два раза больше, чем в Европейской России. Если учесть заводы, значившиеся в числе действующих к концу XVIII в., то на Урале их было больше в три раза, чем в

Рост числа частных заводов по горнорудным районам России

Районы Годы	Урал и Сибирь					Подмосковный район					Олонецкий район				
	построено	получено от казны	продано казне	прекратило существование	осталось действующих	построено	получено от казны	продано казне	прекратило существование	осталось действующих	построено	получено от казны	продано казне	прекратило существование	осталось действующих
1701—1710	—	1	—	—	1	2	—	—	—	2	—	—	—	—	—
1711—1720	3	—	—	—	4	5	—	—	—	7	—	—	—	—	—
1721—1730	14	1	—	1	18	7	—	—	—	14	—	—	—	—	—
1731—1740	15	—	—	2	31	6	—	—	1	19	1	—	—	—	1
1741—1750	17	—	2	4	42	14	—	—	2	31	—	—	—	—	1
1751—1760	36	19	—	—	97	16	3	—	10	40	—	—	—	—	1
1761—1770	30	—	10	8	109	6	—	3	10	33	6	—	—	—	7
1771—1780	17	2	—	6	122	2	—	—	4	31	2	—	—	9	—
1781—1790	12	—	4	2	128	5	—	—	—	36	—	—	—	—	—
1791—1800	5	—	8	—	125	6	—	—	—	42	—	—	—	—	—
Итого	149	23	24	23	—	69	3	3	27	—	9	—	—	9	—

Европейской России. Однако такой подсчет не отражает фактического значения Урала в производстве металла. Урал производил 100% меди, выплавлявшейся частными заводами России во второй половине XVIII в. Огромные домны уральских заводов обладали высокой производительностью, так что они давали в 1800 г. 7071 тыс. пуд. чугуна против 1577 пуд., выплавлявшихся на заводах Европейской России, т. е. в 4,5 раза больше¹.

Численность заводов на Урале продолжала увеличиваться, хотя далеко неравномерно, почти в течение всего столетия. Иным представляется рост числа заводов в Подмосковном металлургическом районе. Увеличение числа заводов происходило здесь до середины столетия. Затем наступил некоторый спад, продолжавшийся два десятилетия (1761—1780 гг.), сменившийся новым подъемом в конце века. Для подмосковной металлургии характерен значительный отсев. Если на Урале и в Сибири в течение столетия прекратило работу менее пятой части общего числа построенных заводов, то в Подмосковье отсев достигал 44%. В Олонецком крае история частных заводов насчитывает всего пять десятилетий — первая мануфактура возникла там в 30-х годах, в 60-х годах частная металлургия достигла расцвета, а в 70-х исчезла совершенно.

¹ С. Г. Струмилин. История горной металлургии в СССР, т. I, стр. 201.

Из табл. 8 вытекает еще один существенный вывод — время высшего подъема промышленности в горнорудных районах не совпадает, что свидетельствует о неодинаковом уровне общего развития этих районов. Так, наиболее высокие темпы развития подмосковной металлургии относятся к 1740-м и 1750-м годам. Правда, в 1740-х годах Подмосковье пополнилось 14, а в 1750-х годах — 19 заводами, но в 1740-х годах там остановилось два предприятия, а в 1750-х годах — 10. Следовательно, наибольший прирост числа предприятий наблюдается в 1740-х годах.

Строительная горячка на Урале относится к более позднему времени, а именно к 1750-м и 1760-м годам, в течение которых список частных заводов пополнился 66 новостройками. В 1750-х годах на Урале было введено в строй 36 новых заводов. Если к этому прибавить заводы, полученные дворянами от казны, то 50-е годы дали уральской частной металлургии прирост в 55 заводов. Металлургия Урала в 50-х годах сделала такой же скачок, какой подмосковная металлургия совершила в 1740-х годах. В 1760-х годах на Урале было построено 30 заводов. Если, однако, учесть, что в течение этого десятилетия 8 заводов прекратили существование, то станет очевидным, что в этом десятилетии наблюдается уже спад в росте уральской промышленности.

Более контрастная картина прослеживается в Олонецком крае. Здесь подъем наблюдается в 60-х годах XVIII в., а падение, равнозначное катастрофе, ибо частная металлургия района исчезла совершенно, относится к 1770-м годам.

Так как капиталы в промышленность вкладывали преимущественно местные купцы, то приведенные сведения дают некоторое основание для более общего вывода о степени развития товарно-денежных отношений в различных районах страны: раньше всего их результаты сказались в Подмосковном районе, затем на Урале с примыкавшими к нему областями и, наконец, в Олонецком крае.

Отдельные отрасли металлургической промышленности развивались неравномерно, что видно из табл. 9.

Цифры таблицы свидетельствуют о неуклонном увеличении числа действующих предприятий в черной металлургии — из десятилетия в десятилетие то более быстрыми, то медленными темпами в строй вводились новые заводы. Кривая развития медеплавильной промышленности была иной. Частные медеплавильные заводы стали строить на два десятилетия позже, чем заводы черной металлургии. Но главное различие состояло в том, что медеплавильная промышленность в конце столетия вступила в полосу упадка, в то время как черная металлургия продолжала развиваться. Наибольшее число действующих частных медеплавильных заводов падает на 1761—1770-е годы. Десятилетие спустя строительство медеплавильных заводов

Рост числа заводов в черной металлургии и медеплавильной промышленности

Годы	Число заводов									
	черная металлургия					медеплавильная промышленность				
	построено	получено от казны	продано казне	прекращено существование	осталось действующих	построено	получено от казны	продано казне	прекращено существование	осталось действующих
1701—1710	2	1	—	—	3	—	—	—	—	—
1711—1720	8	—	—	—	11	—	—	—	—	—
1721—1730	15	—	—	—	26	6	1	—	1	6
1731—1740	13	—	—	1	38	9	—	—	2	13
1741—1750	20	—	—	3	55	11	—	2	3	19
1751—1760	35	15	—	10	95	17	7	—	—	43
1761—1770	32	—	9	13	105	10	—	4	5	44
1771—1780	19	1	—	15	110	2	1	—	4	43
1781—1790	17	—	—	—	127	—	—	4	2	37
1791—1800	11	—	4	—	134	—	—	4	—	33
Итого	172	17	13	42		55	9	14	17	

было прекращено. В итоге их число к концу столетия по сравнению с 1761—1770 гг. уменьшилось на 11. Если мы вспомним, что многие из медеплавильных заводов в конце столетия хотя и числились действующими, но выпускали мизерное количество меди и находились на грани закрытия, то упадок медеплавильной промышленности станет еще более очевидным. Приведем данные о выплавке меди частными заводами России².

1730 г.— 3123 пуд.	1772 г.—169 629 пуд.
1740 г.— 14 194 »	1785 г.—175 631 »
1751 г.— 35 712 »	1790 г.—156 244 »
1767 г.—190 412 »	1795 г.— 89 615 »

Приведенные цифры регистрировали максимальную выплавку меди частными заводами в 1767 г. Для медеплавильной промышленности характерны резкие колебания выплавки металла, обусловленные преимущественно неустойчивостью рудной базы. Но при наличии этой неустойчивости все же достаточно четко проявляется общая тенденция к сокращению производства меди. В 1795 г. частные заводы России выплавляли 89 615 пуд. меди вместо 190 412 пуд. в 1767 г. Резкое сокраще-

² Наличие источники не дают возможности составить таблицу с непрерывным рядом выплавки меди за XVIII в.

ние выплавки меди в 1795 г. даже в сравнении с 1790 г. отчасти объяснялось продажей в 1791 г. в казну наследниками М. М. Походяшина мощных медеплавильных заводов, производительность которых в 1795 г. составила 43 633 пуд. Но даже учтя эту поправку, нельзя не заметить очевидного снижения производительности медеплавильных заводов.

Статистический материал о металлургии России помогает обосновать вывод о переломе в развитии экономики страны, наступившем в середине XVIII в. Это наблюдение подтверждается не только числом построенных заводов, количеством выплавленного металла, но и притоком новых промышленников в металлургию.

Т а б л и ц а 10

Вовлечение новых промышленников в металлургию

Годы	Всего	в том числе		Годы	Всего	в том числе	
		дворян	купцов			дворян	купцов
1701—1710	1	—	1	1751—1760	32	16	16
1711—1720	7	—	7	1761—1770	31	10	21
1721—1730	12	1	11	1771—1780	8	4	4
1731—1740	17	—	17	1781—1790	6	5	1
1741—1750	35	3	32	1791—1800	7	4	3

Максимальный приток промышленников падает тоже на середину столетия — на 1740—1760-е годы. Наличие серьезных сдвигов в экономике страны в это время подтверждается как вовлечением купеческих капиталов в металлургию, так и ростом дворянского предпринимательства. Оба факта отражали новую ступень в формировании капиталистических производственных отношений.

История формирования промышленных хозяйств свидетельствует о громадной концентрации производства в руках немногих династий, что видно из данных табл. 11.

Итак, шести фамилиям промышленников к концу столетия принадлежало 94 действующих предприятия. Если учесть, что к 1800 г. русская металлургия насчитывала 167 вододействующих заводов, то доля шести фамилий составляла 57%. Производительность их предприятий вполне соответствовала отмеченному выше удельному весу. Так, в 1800 г. заводы четырех фамилий заводоладельцев (Демидовы, Яковлевы, Баташовы и Мосоловы) выковывали половину железа, производившегося в России (3 160 млн. пуд, из 6 154 млн. пуд.).

Но на темпы развития промышленности оказывали влияние не только внутренние закономерности ее роста, увеличивавший-

ся или уменьшавшийся спрос на металл, но и привходящие факторы, оказывавшие на нее временное воздействие. К ним относится разгром подмосковной металлургии, учиненный в 1754 г., раздача казенных заводов в частные руки в 50-х годах и, наконец, крестьянская война 1773—1775 гг.

Таблица 11

**Развитие крупнейших промышленных хозяйств России
на протяжении XVIII в.**

Фамилии заводо- владельцев	Построено заводов	Куплено заводов	Утрачено за- водов (продано, остановилось и т. д.)	Осталось действую- щих
Демидовы	50	4	25	29
Яковлевы	9	16	—	25
Баташовы	14	4	4	14
Осокины	10	2	1	11
Мосоловы	13	2	7	8
Губин	1	6	—	7
Итого	97	34	37	94

Указом Сената 30 августа 1754 г. было повелено уничтожить все огнедействующие заводы в радиусе 200 верст от Москвы. Закрытию подлежали стекольные, винокуренные и металлургические заводы под предлогом сбережения лесов для снабжения дровами и строительным материалом населения старой столицы. История появления этого указа такова.

11 мая 1744 г. императрица Елизавета Петровна, присутствуя в Сенате, «изволила разсуждать», что для сохранения лесов вокруг Москвы в городе надлежало бы строить каменные здания. Сенат распорядился навести справки и «учинить экстракт» о ранее существовавшем Каменном приказе, о винокуренных, металлургических и стекольных заводах, расположенных от Москвы в 200 верстах. Соответствующий материал был представлен в начале 1747 г. Оказалось, что в 200-верстном радиусе от столицы находилось 39 винокуренных, 6 стекольных и 17 металлургических заводов.

Определяя будущее этих предприятий, Сенат проявил осмотрительность и дифференцированный подход. Безоговорочному уничтожению подлежали лишь винокуренные заводы, расположенные в Московском уезде. Остальные винокуренные заводы в 200-верстном радиусе, если они стояли у рек, и дрова для них доставлялись из дальних мест, велено было сохранить, «накрепко» предупредив их владельцев, чтобы они ближних лесов «отнюдь не рубили», а пользовались сплавными дровами.

Строить там новые винокуренные заводы запрещалось. Стекольные заводы также предписано было разрушить, за исключением тех, к которым «из дальних же мест реками лес пригоняется свободно». Судьбу металлургических заводов решено было рассмотреть особо.

В защиту винокуренных заводов выступила Камер-коллегия. 23 июня 1748 г. она донесла Сенату, что среди владельцев подмосковных заводов, подлежащих уничтожению, много таких, которые подрядились ставить вино на кружечные дворы в текущем году, а иные имеют задолженность по поставке вина за 1747 г. Камер-коллегия доказывала Сенату, что немедленное уничтожение заводов, пользовавшихся подмосковными лесами, нанесет двоякий вред: во-первых, потерпит ущерб казна, ибо если «доимочных вин не докуривать» и не разрешать заключать подряды на 1748 г., то «других подрядчиков не обещется, да и невозможно, ибо тому уже время миновало, отчего крайняя опасность есть, дабы оттого в продаже вина не учинилось остановки и прибыльным деньгам недобору»; во-вторых, предложенная Сенатом мера вызовет разорение подрядчиков, впрок заготовивших хлеб, дрова и прочие припасы, которые могут «остаться праздно». Камер-коллегия ходатайствовала о сохранении всех заводов в 1748 г. и о начале их сноса в 1749 г., чтобы «изобрести случай с других заводов вином довольствоваться».

Доводы Камер-коллегии показались Сенату настолько убедительными, что он отменил свой февральский указ 1747 г. и велел заводы «до предбудущего времени не сносить». Он намеревался еще раз вернуться к обсуждению этого вопроса в 1749 г., имея в своем распоряжении более обстоятельные данные о расстоянии до Москвы каждого винокуренного завода и сведения о том, какими дровами он пользуется — местными или привозными.

Позиции сторонников уничтожения огнедействующих заводов были усилены Военной коллегией. Вскоре после того, как ей стал известен сенатский указ о сохранении винокуренных заводов, она представила Сенату мотивированное доношение с требованием уничтожить не только винокуренные, но и металлургические предприятия. Столь решительную меру Военная коллегия обосновывала значительным удорожанием доставки подрядного провианта с Гжатской пристани в Петербург, обусловленным повышением цен на лес, используемый при постройке барок. Хлебные подрядчики заявили, что металлургические заводы, расположенные недалеко от Гжатской пристани, расходуют «многотысячное число дерев, которых, ежели туда употреблено не было, то б в строении барок было лет на 10, а к тем заводам то число употребится в один год». В результате цены на лес поднялись в три раза: если до возникновения

металлургических заводов постройка барки обходилась в 15—20 руб., то теперь она стоила 45—60 руб.

Поддерживаемые Военной коллегией хлебные подрядчики жаловались, кроме того, на вздорожание хлеба, вызванное главным образом расходом его на винокурение, а также работными людьми металлургических заводов. Военная коллегия считала, что хлебные подрядчики приносят казне «государственную пользу», а «от оных заводов государственного плода и пользы народной такой, как от Гжатской пристани [казна] не имеет, кроме того, что тем пользуются одни те заводчики».

Хлебные подрядчики оказывали давление на правительство через Главного магистрата. Еще в марте 1747 г. они требовали «винные и железные заводы пресечь», ибо их «и в других местах в России есть довольно».

Сенат ограничился полумерой. Он запретил владельцам заводов, расположенных в Можайском, Боровском, Вяземском, Зубцовском уездах, «до будущего о всех железных заводах разстоянии от Москвы в 200 верстах и меньше рассмотрения» рубить лес, пригодный к строительству барок. Окончательное решение Сенат полагал вынести после того, как Мануфактур-, Берг- и Камер-коллегии, договорившись между собою, отправят на заводы нарочного, поручив ему «со всяким обстоятельством» описать все заводы с указанием их отдаленности от Москвы и Гжатской пристани, а также с указанием количества расходуемого леса, на сколько лет его хватит и т. д. Описывали заводы около четырех лет, материалы описания были представлены в Сенат в октябре 1753 г.³

30 августа 1754 г. Сенат издал указ, повергший в уныние многих владельцев металлургических заводов. Указ предписывал в целях сохранения лесов Подмосковья и Гжатской пристани «генерально» уничтожить все металлургические и винокуренные заводы в 200 верстах от Москвы. В список заводов, подлежащих уничтожению, первоначально было включено 13 металлургических предприятий: два Шанских Мосоловых в 155 верстах от Москвы, два Подбережских Карасевых в 190 верстах, Каширские А. Л. Нарышкина в 112 верстах, Грязненский Р. Баташова в 180 верстах, Мышегский М. Мосолова в 140 верстах, Дубненский Ф. Мосолова в 140 верстах, два завода Н. Н. Демидова — Дугненский в 150 верстах и Выровский в 190 верстах, Киевский завод Золотаревых в 180 верстах, Серпейский (Песоченский) завод А. Гончарова в 180 верстах и Тульский завод А. Демидова в 160 верстах, прекративший свое существование еще до издания указа.

В список не был включен ряд предприятий, хотя и расположенных ближе 200 верст от Москвы, но не подлежавших унич-

³ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4020, лл. 224—236.

тожению. К ним Сенат отнес Тульский завод Р. Баташова, Верхо-Тулецкий и Сементиновский заводы И. Данилова, поставлявшие металл Тульскому оружейному заводу, сам Тульский оружейный завод, а также заводы, пожалованные А. И. Шувалову. В соответствующих местах монографии подробно изложены побудительные мотивы, которыми руководствовался А. И. Шувалов, домогаясь уничтожения подмосковных заводов, а также борьба, развернувшаяся за сохранение этих заводов. Здесь мы подведем лишь общие итоги реализации сенатского указа, изданного в угоду А. И. Шувалову.

Стараниями Шувалова было разрушено 10 подмосковных заводов. Более всех пострадали Мосоловы. Под давлением вельможи они отказали в его пользу два завода (Архангельский и Верхне-Шанский), а третий (Нижне-Шанский) должны были сломать. Сумму понесенных убытков, сильно преувеличенную, сами Мосоловы определяли в 100 тыс. руб. Затем следует Родион Баташов, лишившийся двух заводов (Изверского и Грязненского), оцененных в 31 430 руб., двумя Подбережскими заводами заплатились братья Карасевы, по одному заводу потеряли А. Л. Нарышкин (Каширский), Золотаревы (Киевский) и наследники А. Демидова (Тульский). Несколько лет спустя, по сенатскому указу 31 октября 1761 г., было уничтожено одиннадцатое предприятие — только что пущенные домны Выровского завода. Позже, 18 сентября 1768 г., Сенат разрешил А. Н. Демидову восстановить домны на Выровском заводе⁴. Что касается остальных десяти разрушенных предприятий, то ни одно из них не возобновило своей производственной жизни. Понесенные убытки вконец разорили таких заводоладельцев, как Карасевы и Золотаревы. Более крупным промышленникам — Демидовым, Баташовым и Мосоловым — удалось все же устоять, но понесенные ими убытки бесспорно замедлили развитие их хозяйств.

20 лет спустя, в 1774 г., была повторена попытка уничтожить оставшиеся подмосковные заводы. Ее предприняла Тульская оружейная канцелярия, от лица которой генерал-фельдцейхмейстер князь Орлов 10 марта 1774 г. рапортовал Сенату, «что от размножения около города Тулы и в самом городе партикулярных заводов и фабрик в угле для оружейного дела, також в строенном лесе и дровах бывает великой недостаток, а оттого в оружейном исправлении следует чувствительное затруднение, убыток и остановка». Угля стало так мало, что «мастеровые ходят ис Тулы по деревням, и где сыщут, хотя мало, оной покупают чрезвычайно дорогими ценами». В подтверждение своего положения Канцелярия сообщала, что за 10 лет цены на дрова повысились вдесятеро — ранее сотня бревен

⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 42, лл. 135, 136.

стоила 4—7 руб., а ныне — 50—70 руб. По сведениям Оружейной канцелярии, в 1754 г. было оставлено ближних к Туле пять заводов, с тем чтобы на них ежегодно производилось 65 тыс. пуд. железа для тульских оружейников, «но как начали ис того железа делать ружья, то оное оказалось совсем к оружейному делу негодно». Тогда Сенат распорядился доставлять тульским оружейникам сибирское железо. Таким образом, исчезли основания, по которым ряд подмосковных заводов был сохранен в 1754 г. Тем не менее Сенат не удовлетворил ходатайства Тульской оружейной канцелярии, поддержанного генерал-фельдцейхмейстером. Сенат затребовал от Берг-коллегии подробных сведений о близлежащих к Туле заводах, но, получив их, не принял никакой резолюции⁵. Если она и была принята, но мы не разыскали ее, то во всяком случае подмосковные заводы, в том числе и те из них, на уничтожении которых настаивала Тульская оружейная канцелярия, продолжали действовать. «Естественной смертью» вследствие нерентабельности дальнейшей эксплуатации закончили свой производственный путь Верхо-Тулецкий и Сементинковский заводы Анны Даниловой и Тульский Баташова. Остальные предприятия числились действующими до конца XVIII в. Новый разгром подмосковной металлургии учинить не удалось — при дворе не оказалось нового Шувалова, властного временщика, лично заинтересованного в уничтожении заводов.

В течение тех же 50-х годов, когда производилось опустошение подмосковных заводов, частная металлургия пополнилась рядом новых предприятий путем передачи казенных заводов частным лицам. В общей сложности частным лицам было передано 22 казенных предприятия⁶.

При передаче казенных заводов в частные руки Сенат руководствовался Берг-регламентом 1739 г., где высказана мысль о том, что «казенные заводы для многих околичностей и излишних иждивений не толь прибыточны и государству полезны, как оные, которые на иждивении партикулярных людей содержатца».

Вопрос о «прибыточности» заводов в казенном содержании можно рассматривать в двух аспектах — в узко фискальном и широком плане проведения промышленной политики. Если руководствоваться сравнительными данными о размере прибыли, получаемой казной от эксплуатации заводов и эксплуатации горной регалии, то с этой точки зрения передачу казенных заводов в частные руки следует признать убыточной. В самом

⁵ ЦГАДА. ф. Сената, кн. 4020, лл. 174, 185, 186.

⁶ В данном случае речь идет исключительно о казенных заводах, переданных в 50-х годах. Не вошли в подсчеты заводы, пожалованные А. И. Шувалову, а также переданные Я. В. Римскому-Корсакову, поскольку и до этого они находились в частных руках.

деле, три Гороблагодатских завода в течение пяти лет (1749—1753 гг.), предшествовавших передаче их П. И. Шувалову, давали казне 156 622 руб. чистой прибыли, т. е. в среднем по 31 322 руб. в год. После передачи Гороблагодатских заводов П. И. Шувалову казна лишилась какой-либо прибыли, ибо с 1754 г. был прекращен сбор десятинных денег.

Все казенные заводы Урала накануне передачи их в частное содержание обеспечивали поступление среднегодовой прибыли в сумме 156 881 руб. Почти вся эта сумма исчезла из бюджета государства. Исключение составлял доход, получаемый казной от медеплавильных заводов в виде десятинной меди. Разумеется, десятинная медь ни в коей мере не могла компенсировать доходов от непосредственной эксплуатации заводов. Даже после возобновления взимания десятинных денег с чугуна казна оставалась в убытке. Так, заводы черной металлургии, когда их эксплуатировала казна, давали в среднем по 119 967 руб. в год прибыли. Чтобы обеспечить поступление этой суммы в виде десятинных денег по 4 коп. с пуда чугуна, надлежало довести ежегодную выплавку чугуна до трех миллионов пудов, но владельцы казенных заводов не выплавляли даже седьмой части указанного количества чугуна.

Изложенное позволяет сделать вывод, что под «прибыточностью» казна подразумевала не рентабельность предприятий и фискальный доход от них, а нечто другое. Это «нечто» Берг-регламент 1739 г. пытался растолковать следующей маловразумительной фразой о преимуществах частного владения заводами: «Партикулярные люди, имея заводы и фабрики в своем собственном владении, для лутчей своей пользы старания прилагают всяким удобь возможным образом те заводы и фабрики распространять и на заводах заводят разные фабрики и делают всякие вещи ко употреблению домашнему, отчего те фабрики в государстве размножаются и в лутчее состояние приходят, також и подданные оттого немалое пропитание имеют»⁷.

Берг-регламент 1739 г. не объясняет, почему казна не могла «удобь возможным образом те заводы и фабрики распространять», почему ей отказано в способности изготовлять вещи «ко употреблению домашнему». Видимо, Регламент имел в виду удачный опыт передачи казенного завода комиссару Никите Демидову. Регламент, вероятно, также имел в виду отсутствие инициативы у администрации казенных заводов, чья деятельность была скована соответствующими инструкциями. Оба аргумента, в особенности первый из них, звучали убедительно в начале XVIII в., когда мануфактурное производство в России переживало период становления. В те годы строительство мануфактур на средства казны с последующей их передачей в

⁷ ПСЗ, т. X, № 7766, л. 734.

частные руки являлось одним из важных средств поощрения частной инициативы и стимулирования развития частной промышленности. В 30-х годах, когда составлялся Берг-регламент, и в особенности в середине XVIII в., когда была осуществлена массовая раздача казенных заводов в частные руки, мотивы в пользу частного заводовладения потеряли прежнее значение, так как крупная промышленность получила достаточно широкое развитие и отпала надобность доказывать купцам преимущества переливания частных капиталов в металлургию. И тем не менее передача казенных заводов частным лицам даже в середине XVIII в. могла дать новый толчок развитию уральской промышленности, если бы правительство, осуществляя этот акт, руководствовалось интересами металлургии, а не интересами придворных кругов и вельмож.

Впрочем, документальное оформление передачи заводов, как и выработка условий этой передачи, не оставляло сомнений в том, что правительство намеревалось свято блюсти государственные интересы. Заводы было решено «отдавать не взирая на первенство прозбы, но кто из надежных людей более за строение дать или скорейшее в казну возвращение обещает». Если на получение завода претендовало бы два или несколько человек, то преимущество следовало отдавать тому претенденту, «кто более ж даст за строение». Несомненно разумным был и подход к оценке заводов: «За строение заводов, кроме церквей, за всякие припасы, руду, уголь и инструменты, також и строение тюрьмы, офицерские и протчих служителей квартиры и лавки, площади и протчее тому подобное, что при котором находится, должны заводчики заплатить в казну деньги настоящую цену, а даром их не отдавать». Готовая продукция — чугунное литье, железо и медь — отдаче не подлежала, все это следовало отправить «для продажи казенным коштом».

Кондиции передачи заводов обязывали получателей содержать предприятия «в добром произведении и распространять и умножать оные сильною рукою». Другая редакция этого пункта была еще более категорической: «Чтобы те отданные им заводы содержали во всякой исправности, не токмо против нынешнего их состояния без умаления и без упадка, но и всевозможно б старались те заводы против нынешнего размножить».

Еще одно обязательство промышленников, получивших казенные заводы, состояло в выполнении правительственных заказов. Все ведомства, заинтересованные в продукции металлургических заводов, обязаны были подавать предварительные заявки с указанием ассортимента необходимых изделий⁸.

Предполагалось, что не все заводы будут переданы частным лицам. Исключению из списка передаваемых заводов подлежа-

⁸ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 1534, т. I, лл. 230—233.

ли Екатеринбургский и Верх-Исетский заводы на том основании, что в Екатеринбурге сосредоточено много «весьма важных государству фабрик», в том числе и Денежный двор Монетной экспедиции. Кроме того, Екатеринбург был обнесен «немалой» крепостью, в городе находилась Канцелярия главного заводов правления, аптека, госпиталь, школы, офицерские слободы и прочее, что не представляло никакого интереса для частного заводовладельца и в сохранении чего была заинтересована горная администрация.

Не подлежали раздаче частным лицам и медеплавильные заводы до тех пор, «пока некоторая в государстве надобность исполнится», т. е. до удовлетворения спроса на медь Денежных дворов. Сенат, принявший это решение, резонно заметил, что «ежели ныне те казенные медные заводы в партикулярное содержание отдать, то оным за медь против истинных цен с таким же пополнением платить будет должно», с каким казна платит ныне частным заводовладельцам⁹.

Таким образом, кондиции передачи казенных заводов частным лицам учитывали прежде всего интересы казны. Однако практика раздачи заводов, как и практика эксплуатации розданных заводов, была далека от выработанных кондиций.

Сенаторы, непосредственно решавшие судьбы казенных заводов, в понятие «надежные люди», которым надлежало передать заводы, вложили близкое их сердцу содержание. В разряд «надежных людей» были включены не богатые купцы и промышленники, а вельможи и придворные. Никакого соревнования между ними относительно условий получения казенных заводов, разумеется, не было. Поэтому рассуждение Сената о передаче заводов тому, «кто из надежных людей более за строение дать или скорейшее в казну возвращение обещает», никакой реальной силы не имело. Заводы удалось получить только одному представителю купечества — А. Ф. Турчанинову, остальные предприятия оказались в руках дворян.

При передаче казенных заводов в частные руки правительство руководствовалось прежде всего стремлением обеспечить вельмож дополнительными источниками доходов. Выше было отмечено, что в первоначальные планы правительства не входила передача частным лицам Екатеринбургского и Верх-Исетского заводов, а также всех медеплавильных предприятий. Однако напор вельмож оказался настолько мощным, что Сенат вынужден был отказаться от своего намерения.

Первым пробил брешь в сенатском указе граф И. Г. Чернышев. Вот как описывает, правда задним числом, получение Юговских заводов этот вельможа: «В прошлом 1756 г., уведомившись, что многие мои братья, да из не очень знатных куп-

⁹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 34, лл. 176, 179, 180.

цов об таковых железных и медных в Правительствующем сенате просили, разсудил и я з докладу... Елизаветы Петровны почти об одних уже только в казенном содержании оставших в Правительствующий сенат челобитную подать». Получив отказ, Чернышев отправился в Польшу выполнять какое-то поручение. «Тем менее,— продолжает Чернышев,— я надежды иметь мог фаворабельную резолюцию себе исходотайствовать, но щастием моим уведомилась о оной резолюции.. императрица, которая из монаршаго своего матерного милосердия оные мне именным своим указом... всемилостивейше пожаловать изволила»¹⁰.

Вопреки сенатскому определению четыре медеплавильных завода оказались в руках другого вельможи — графа М. И. Воронцова. Характерно, что канцлер похода исхлопотал себе еще одну льготу — вместе с Пыскорским, Висимским, Мотовилихинским и Ягошихинским заводами он получил находившуюся на них медь по себестоимости.

Передача заводов М. И. Воронцову ярко иллюстрирует заботу правительства о вельможе, а не о перспективах развития промышленности. Дело в том, что на перечисленные заводы с марта 1759 г. претендовали камергер Петр Кириллович Нарышкин, камер-юнкер барон Александр Сергеевич Строганов, княгиня Анна Александровна Голицына, баронесса Марья Артемьевна Строганова и барон Николай Григорьевич Строганов. Претензиям Строгановых и княгини Голицыной надлежало отдать бесспорное преимущество: во-первых, все четыре завода находились на территории их вотчин, во-вторых, А. С. Строганов и М. А. Строганова соглашались принять заводы без приписных крестьян. Наконец, в-третьих, все они уже владели заводами, чем показали свою способность заниматься предпринимательством¹¹. Правительство, однако, игнорировало эти деловые соображения и передало заводы М. И. Воронцову.

Условия передачи казенных заводов находились в прямой зависимости от положения при дворе лица, получавшего заводы. Например, И. Г. Чернышев два Юговских завода получил по весьма льготной оценке: он должен был уплатить казне не сумму, затраченную на их строительство и ремонт, а реальную стоимость ко дню передачи заводов. Разница в оценке получилась большая. Так, оба завода «в казну коштовали с строением и материалы 104 833 руб.», а с Чернышева решено было взискать только 92493 руб. Напротив, Уткинский и Сылвинский заводы С. П. Ягужинский получил «по ценам, во что в казну стали, а именно 47 864 руб.». А. Ф. Турчанинов, получивший Полевский, Северский и Сысертский заводы, настойчиво домо-

¹⁰ ЦГАДА, Госархив, разряд XI, д. 352, л. 1.

¹¹ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 2646, лл. 1220, 1224, 1226, 1230, 1234, 1237, 1240, 1241.

гался того, чтобы с него не взыскивали деньги за инструменты, заводские постройки и плотины. Желаемого он не достиг и должен был довольствоваться тем, что с него взыскивали не строительную стоимость, а оценочную, что дало возможность Турчанинову сэкономить 16 тыс. руб. Верх-Исетский завод Р. И. Воронцову был передан за сумму, включавшую расходы на его строительство и ремонт¹². Оценка заводов, переданных дворянам, была выгодна последним, что видно из следующей таблицы.

Таблица 12

Оценочная и продажная стоимость заводов, переданных в частные руки

Кому переданы	Перечень заводов	За какую цену (руб.)	Сумма, полученная дворянами при продаже этих заводов (руб.)
П. И. Шувалов	Туринский, Кушвинский, Баранчинский	179 689	680 420*
И. Г. Чернышев	Нижне-Юговский, Верхне-Юговский	92 493	430 000**
Р. И. Воронцов	Верх-Исетский	35 712	200 000
М. И. Воронцов	Ягошихинский, Мотовилихинский, Висимский, Пыскорский	170 975	259 505***
С. П. Ягужинский	Сылвинский, Уткинский . .	72 582	100 000
А. Г. Гурьев	Алапаевский, Синячихинский, В. Сусанский, Н. Сусанский	47 864	140 000
А. Ф. Турчанинов	Полевский, Северский, Сысертский	129 353	—
Итого		728 668	1 809 925

* Кроме полученных заводов, П. И. Шувалов дополнительно построил Серебрянский, Воткинский и Ижевский.

** Кроме полученных заводов, И. Г. Чернышев построил Аннинский.

*** Сумма, полученная за заводы от казны, является минимальной.

Итак, за 19 уральских заводов, переданных частным лицам, надлежало уплатить в казну 728 668 руб. О том, в какой мере скромной была оценка этих заводов, свидетельствует тот факт, что некоторое время спустя 16 заводов (12 полученных от казны и 4 вновь построенных) было продано за 1 809 925 руб.

Следует отметить, что большинство дворян, получив заводы, не стремились к расширению производства, ограничившись хищнической эксплуатацией полученного. Лишь П. И. Шувалов завершением постройки Серебрянского завода, постройкой четырех новых домен на полученных заводах и сооружением двух

¹² ЦГАДА, ф. Сената, кн. 1534, т. VII, лл. 187—189.

крупных молотовых предприятий значительно расширил мощность промышленного хозяйства. Один завод (Аннинский медеплавильный) ввел в строй И. Г. Чернышев. Прочие дворяне ограничились мелкими доделками. Так, А. Г. Гурьев на четырех полученных заводах дополнительно поставил лишь три молота. Еще меньшего достиг С. П. Ягужинский, построивший меховую и запасный молот. Р. И. Воронцов на Верх-Исетском заводе дополнительно поставил шесть молотов. Нет сомнения в том, что не перечисленные пристройки повысили ценность предприятий — решающее значение имела их низкая исходная цена. Так, Верх-Исетский завод, находясь в казенном содержании, был оснащен двумя домнами, шестью действующими и двумя запасными молотами. С Воронцова казна намеревалась получить 35 712 руб. После сооружения шести дополнительных молотов Воронцов продал Верх-Исетский завод за цену, превышавшую в пять раз ту, которую он должен был сам уплатить казне.

Несмотря на скромный размер капиталовложений, большинство дворян, за исключением С. П. Ягужинского, значительно увеличило производительность заводов. Это им удалось достичь варварской эксплуатацией как приписных крестьян, так и сырьевых ресурсов и оборудования.

Третьим фактором, оказавшим влияние на частное заводовладение, была крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева. Состояние уральской металлургии в годы крестьянской войны заслуживает пристального внимания, в частности, и потому, что некоторые историки считают, что она сыграла решающую роль в развитии промышленности в последней четверти XVIII в.

В общей сложности воздействию крестьянской войны подверглось 89 заводов¹³. Правительственные чиновники разбили эти заводы на четыре группы: к первой были отнесены такие заводы, «которые созданы и пограблены совсем». Их насчитывается 25. Вторую, самую многочисленную группу (33 завода) составили предприятия, прекратившие работу в связи с наездом пугачевских отрядов. На этих заводах происходила экспроприация инструментов, оборудования и готовой продукции. На третьей группе (4 завода) работа была остановлена до приезда пугачевцев по причинам, не связанным с крестьянской войной. Наконец, последняя, четвертая ведомость названа так: «Особливая ведомость о тех заводах, на которых разорения, сожжения и грабежей не было, а только происходили одни издержки на защищение, также и остановки заводские, а затем недоковка в железе и недоплавка меди последовала». В эту группу включено 27 заводов.

¹³ В ведомости, из которой заимствованы приведенные ниже сведения, значится не 89, а 87 заводов. В нее по каким-то причинам не попали Златоустовский и Троице-Саткинский заводы Лугинина, разрушенные до основания.

Разбивка заводов на группы была произведена на основе показаний заводовладельцев или их приказчиков. В своих доношениях в Берг-коллегию они поначалу сообщали о характере повреждений, нанесенных отрядами восставших отдельным предприятиям. В дальнейшем, когда на заводы прибыли члены комиссии для личного осмотра их состояния, то промышленники и их приказчики подали ведомости с денежной оценкой понесенного ущерба. На основании этих заводских ведомостей для Сената были составлены сводные ведомости. Понесенный ущерб разделен здесь на два вида: к первому отнесены разрушения заводских построек и оборудования, сожжение крестьянских домов и разорение крестьянских хозяйств, конфискация готовой продукции, инструментов и наличных денег, а также уничтожение долговых документов; ко второму виду были отнесены убытки, понесенные заводовладельцем в связи с остановкой заводов. Рассмотрим каждый из видов убытков в отдельности.

Таблица 13

Убытки, понесенные заводовладельцами в результате сожжения заводов и конфискации имущества¹⁴

Группы заводов	число заводов	Сумма убытков от сожжения заводов, конфискации оборудования, инструментов и припасов (руб.)	Конфисковано				Разорено крестьянских хозяйств (руб.)	Итого (руб.)	Убито и без вести пропало крестьян и мастеров (в душах)
			наличных денег (руб.)	провианта (руб.)	лошадей и рогатого скота (руб.)	кабальных документов на сумму (руб.)			
I	23	862 385	44 815	49 885	9 342	48 194	815 045	1 829 666	2 288
II	33	190 855	92 767	18 768	8 942	152 462	258 653	722 447	377
III	4	6 205	4 561	1 541	3 701	15 900	15 561	47 469	5
IV	27	106 336*	361	10 227	—	—	—	116 924	46
Всего	87	1 165 781	142 504	80 421	21 985	216 556	1 089 259	2 716 506	2 716

* Из этой суммы 103 219 руб. издержано на снаряжение и содержание отрядов, охранявших заводы

Из таблицы явствует, что общая сумма убытков, понесенных заводовладельцами и их крестьянами, составила 2 716 506 руб. Львиная доля этих убытков (67%) падала на первую группу заводов, в число которых входило чуть больше четверти предприятий, подвергшихся воздействию крестьянской войны. Больше всего было разрушено заводов на территории Башкирии: в их число попало девять заводов Твердышева и

¹⁴ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4206, лл. 136—141. См. также Д. А. К а ш и н - ц е в. Указ. соч., стр. 149—161.

Мясникова, четыре завода Евдокима Демидова, три завода Никиты Демидова, три завода Мосоловых и др. Большую группу заводов (27) чиновники включили в ведомость на всякий случай,—владельцам этих заводов и их приказчикам пришлось проявить немало изобретательности, чтобы изобразить якобы понесенный ущерб.

Крестьянская война несомненно оказала некоторое влияние на состояние металлургической промышленности. Промышленники, наживавшие миллионные состояния в течение немногих десятилетий, расплачивались за жестокости, за изнурительный режим, царивший на заводах, за обман башкир, у которых они скупали за бесценок колоссальные лесные угодья и земельные участки. Стихийный гнев народных масс с громадной силой обрушился не только на промышленников и их слуг в лице приказчиков, надсмотрщиков и канцеляристов, но и на все то, с чем эти массы связывали свое угнетение и несправие,—на заводские сооружения, оборудование, кабальные книги, крепостные акты. Все это во многих случаях подвергалось полному уничтожению или конфискации.

И все же понесенный ущерб исчислялся далеко не в таких размерах, какие были показаны заводовладельцами и затем внесены в ведомости, откуда и заимствованы нами в таблицу. Необходимо учитывать непосредственную заинтересованность заводовладельцев и их приказчиков в подаче завышенных сведений о понесенных потерях. При этом те и другие руководствовались различными в сущности соображениями: промышленники ставили размер льгот и привилегий, которые они рассчитывали получить от правительства, в прямую зависимость от понесенных ими убытков и поэтому показывали их максимальными. Приказчики в крестьянской войне видели великий лепный предлог поживиться за счет своих хозяев, возложив вину за свои хищения на ни в чем не повинные «злодейские толпы». В первую очередь это относится к конфискованному имуществу, деньгам и кабальным документам. В общей сложности перечисленные убытки составляли 461 466 руб. Эта сумма целиком лежит на совести заводовладельцев и их приказчиков, так как не поддается никакой проверке. Например, Иван Мосолов показал, что на его Кано-Никольском заводе было конфисковано наличных денег 17 860 руб., кабальных расписок на 7 589 руб., провианта на 14 592 руб., скота на 7 657 руб. Совершенно очевидно, что Иван Мосолов, не принадлежавший к числу крупнейших заводовладельцев, не мог иметь при заводе такую большую сумму денег уже хотя бы потому, что промышленники побогаче его, такие, как Никита и Евдоким Демидовы, Савва Яковлев, показали куда более скромные цифры потерь наличными. В равной мере это относится и к потерям, понесенным крестьянами—каждый из них показывал, что

бог на душу положил. Поэтому не случайно комиссия Берг-коллегии, обследовавшая заводы, не сделала ни малейшей попытки проверить достоверность показаний заводовладельцев и приказчиков.

Члены комиссии обратили внимание на состояние заводских сооружений, и здесь их наблюдения во многих случаях не подтвердили показаний заводовладельцев и их приказчиков. Засвидетельствовав полное уничтожение Кагинского завода Евдокима Демидова, Воскресенского медеплавильного завода Твердышева и Мясникова и Верхотурского, комиссия в то же время чаще всего не подтверждала показаний заводовладельцев и приказчиков. Нижне-Кыштымский молотовый завод Никиты Демидова показан в ведомости сожженным до основания, а на поверку оказалось, что кирпичные стены «фабрик» сохранились, большая половина горнов «по исправлении на прежнее употребление служить может», в плотине тоже «большого повреждения нет и не видно». Между тем промышленник отнес в убыток всю строительную стоимость завода, а именно 17 тыс. руб. Особенно сильно завышал убытки приказчик Кано-Никольского завода Ивана Алексеевича Мосолова. Им показан весь уголь в куренях сожженным, а плотина повреждена настолько, «что удобнее и скорее на другом месте завод построить», чем заниматься его восстановлением. На поверку оказалось, что медеплавильные печи «требуют некоторой только починки», плотину надлежало отремонтировать лишь в некоторых местах, а угля и дров было сожжено совсем немного¹⁵.

Составители заводских ведомостей включали в число сожженных или поврежденных сооружений полностью или частично сохранившиеся заводские постройки. Равным образом они нисколько не ограничивали своей фантазии при установлении стоимости утраченных сооружений, припасов, инструментов и т. д.

После всего изложенного должно быть ясно, что сумму потерь, равную 2 716 506 руб., следует признать сильно преувеличенной. Только цифры людских потерь можно считать соответствующими действительности. Общие потери посессионной рабочей силы на 87 заводах составляли 2716 душ¹⁶, из них на долю девяти заводов Твердышева и Мясникова падало более половины — 1574 души.

Критического отношения к себе требует и другая цифра убытков (2 819 687 руб.), исходными данными для которой

¹⁵ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 4206, лл. 97, 101.

¹⁶ Здесь не учтены потери на двух заводах Лугинина, составлявшие около 500 человек. О потерях в рабочей силе на южноуральских заводах см. интересную статью П. А. Вагиной «К вопросу о состоянии рабочей силы на заводах Южного Урала после крестьянской войны 1773—1775 гг.» — «Вопросы истории Урала», вып. 39, ч. 1. Свердловск, 1961.

являлось число простойных дней, вызванных крестьянской войной. Составители высчитывали среднегодовую производительность предприятия в течение последних пяти лет перед крестьянской войной. Затем устанавливалось количество меди, которое мог бы выплавить завод за время простоя. После уплаты десятины $\frac{3}{4}$ выплавленной меди надлежало сдать в казну по 5 руб. 50 коп. за пуд. Оставшуюся медь промышленник мог продать на рынке по более высокой цене. Исходя из того, что себестоимость пуда меди (видимо, с транспортными расходами) определена в 4 руб., составитель ведомости определил сумму прибыли, которую мог бы получить заводовладелец, если бы его предприятие действовало в течение вынужденного простоя. Эта неполученная прибыль и была объявлена убытком заводовладельца.

В приведенных расчетах есть два уязвимых места: среднегодовую выплавку меди можно считать устойчивой лишь на четырех заводах И. Б. Твердышева и И. С. Мясникова, производительность которых зависела главным образом от обеспеченности рабочей силой и водной энергией, ибо находившиеся в эксплуатации Каргалинские рудники гарантировали добычу необходимого количества руды. Что касается остальных медеплавильных заводов, то они использовали так называемые гнездовые рудники, быстро пресекавшиеся и, следовательно, неспособные обеспечить предприятия необходимым количеством сырья. В этой связи нельзя считать приемлемой для всех заводов четырехрублевую себестоимость пуда меди — на некоторых из них она была выше.

Еще сложнее обстояло дело с определением размера убытка на заводах черной металлургии. Здесь вообще не представляется возможным установить, чем руководствовался составитель ведомости, когда проставлял сумму убытка, ибо в ведомости приведены только две цифры: количество изготовленного железа и сумма убытка.

Общая сумма убытков от разрушения заводов и простоя составляла 5 536 193 руб. Совершенно очевидно, что все эти расчеты всерьез принимать нельзя.

Одним из показателей того, что нанесенный ущерб был не таким большим, как его пытались представить заводовладельцы, является быстрота, с которой оправились промышленники после подавления крестьянской войны. Через три года были восстановлены даже полностью разрушенные предприятия. Не возобновили работы лишь три завода — Покровский И. Б. Твердышева и И. С. Мясникова, Кухтурский Е. Н. Демидова и Азяш-Уфимский Н. А. Демидова. Покровский завод Твердышев с Мясниковым отказались восстанавливать из-за истощения близлежащих лесов. Кухтурский завод Е. Н. Демидов восстанавливать не считал целесообразным, ибо считал, что он был построен на неудачном месте; вместо него он построил

Верхне-Узянский завод. В итоге крестьянской войны 1773—1775 гг. уральские промышленники лишились трех предприятий, одно из которых независимо от нее подлежало закрытию. Потери, как видим, были невелики, во всяком случае, они не оказали на уральскую металлургию столь существенного влияния, чтобы можно было крестьянскую войну считать гранью в ее истории, как это делал, например, Ю. И. Гессен. Прав был С. П. Сигов, отмечавший кратковременный характер влияния крестьянской войны на уральскую промышленность¹⁷.

Как же промышленникам удалось в такие короткие сроки восстановить действие заводов? Отчасти за счет того, что они переложили значительную долю понесенных убытков на плечи посессионных и приписных крестьян, отчасти за счет правильных судебных решений.

Манифестом 31 марта 1775 г., изданным вслед за подавлением крестьянской войны, Екатерина II объявила, что она не может «оставить без материнского призрения» дворян и промышленников Оренбургской, Казанской и Нижегородской губ.

В перечисленных губерниях учреждались экспедиции Дворянского банка с капиталом по 500 тыс. руб. в каждой для кредитования дворян и промышленников на крайне выгодных для последних условиях — ссуда выдавалась сроком на 10 лет под заклад вотчин и заводов, причем в течение первых трех лет она была из 1%, а в течение остальных семи лет — из 3%. Размер ссуды, определенный манифестом, зависел от размера вотчин и заводов, — решено было «выдавать пропорцию денег на недвижимые имения за каждую душу по 40 руб., а на заводы, фабрики вдвое противу того, какое число на котором годового обращения до разорения было»¹⁸.

Правительство не выполнило своего щедрого обещания, ибо отпущенной суммы было недостаточно, чтобы полностью удовлетворить притязания дворян и заводовладельцев, но многие из них все же воспользовались щедротами правительства. Заводовладельцам попала почти треть ассигнованной Дворянским банком суммы, а именно 460 798 руб. Некоторые из них получили довольно крупные ссуды: Твердышев с Мясниковым — 180 тыс. руб., Лугинин — 102 тыс. руб., Иван Мосолов — 30 тыс. руб. и т. д.

Подводя итоги, отметим, что в результате крестьянской войны ни один из заводовладельцев не выбыл из числа промышленников. Если говорить о влиянии внешних обстоятельств на темпы развития русской металлургии, то разгром заводов

¹⁷ См. Ю. И. Гессен. История горнорабочих СССР, т. I. М., 1926, стр. 130—136; С. П. Сигов. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936, стр. 17.

¹⁸ ПСЗ, т. XX, № 14285, стр. 97.

под Москвой в середине XVIII в. сыграл бóльшую роль, нежели крестьянская война 1773—1775 гг.— в первом случае промышленники, понесшие убытки, были предоставлены самим себе, некоторые из них вконец разорились, во втором же они оказались под опекой правительства; в первом случае металлургия лишилась 10 заводов, во втором — только трех. Речь, разумеется, идет об уменьшении числа заводов, а не о совокупности материальных потерь.

2. Происхождение капиталов, вложенных в металлургию

Темпы развития металлургии в значительной мере определялись темпами накопления капиталов, вложенных в эту отрасль народного хозяйства. Поэтому представляет интерес та сфера деятельности купцов, в которой накопление протекало с наибольшей интенсивностью. Изучение источников происхождения капиталов важно также для истории формирования класса буржуазии и его идеологии.

На протяжении XVIII в. с металлургией было связано 148 предпринимателей. В их число входят единоличные и компанейские основатели заводов¹, лица, получившие казенные предприятия или купившие их у других промышленников. Из наших расчетов исключены наследники промышленных хозяйств потомки комиссара Никиты Демидова, И. Т. Баташова и др.

По сословному признаку всех заводоладельцев можно разбить на купцов и дворян. Первых насчитывалось 109, вторых — 39 чел. Конечно, все 109 купцов занимались торговлей. Но купцов в России, по данным третьей ревизии, насчитывалось 183 558 человек, из которых лишь незначительная часть выбилась в мануфактуристы. Из этого вытекает тот существенный вывод, что сама по себе торговля (имеется в виду внутренняя) без дополнительных источников дохода не обеспечивала приобретение такой суммы денег, чтобы можно было построить или купить готовый завод.

Самую многочисленную группу промышленников составляли винокуры, подрядчики и откупщики, их насчитывалось 46 человек. У 17 предпринимателей в металлургии предшествовало предпринимательство и в легкой промышленности или внешне-торговые операции, 9 человек ведут свою родословную от тульских оружейников, 9 человек были иностранцами. О сословной принадлежности остальных 28 нам не удалось разыскать необходимых сведений.

¹ Промышленная «фирма», состоявшая из представителей одной фамилии (например, хозяйство Мосоловых было основано четырьмя братьями) учитывалась по числу ее членов.

Приведенные цифры нуждаются в пояснении. Во-первых, предложенная классификация является условной в том смысле, что многих промышленников нельзя безоговорочно отнести к той или иной группе. Например, А. В. Попов и А. А. Плотников были винокурами, но в то же время они организовали торговое земледелие; Тимофей Шавкунов тоже совмещал винокурение, но не с земледелием, а с подрядами на поставку медной руды для казенных заводов; И. С. Бармин подвизался и в подрядных и во внешнеторговых операциях. Еще большим многообразием отличалось предпринимательство Г. И. Глазова: он был винокуром, подрядчиком, селитроваром и владельцем кожевенного предприятия. Во-вторых, надлежит учитывать, что 28 купцов, дополнительные занятия которых не выяснены; возможно, тоже занимались подрядами, винокурением, откупам, но не фигурируют ни в одном из известных нам источников.

Появление исходного капитала у купцов, подвизавшихся в металлургии, молва связывала либо с царским пожалованием, либо с получением кредитов от казны, либо, наконец, с уголовными преступлениями. Так, предпринимательству Твердышева будто бы предшествовала встреча с Петром I и получение от него пятирублевого подарка, положившего основание многомиллионному состоянию Твердышева и Мясникова. Встрече с царем обязан своей карьерой и комиссар Никита Демидов, привлечший внимание Петра своим искусством в производстве оружия. После личного знакомства с царем на Демидова посыпались пожалования, быстро умножившие богатства этой семьи. Мельников-Печерский сообщает, что Баташовы были фальшивомонетчиками, что обеспечило их быстрое обогащение в годы, когда они находились на грани полного банкротства. Д. Н. Мамин-Сибиряк в одной из повестей сообщает о вымышленном заводовладельце Гарусове; гуртоправе, т. е. человеке, перегонявшем овец, который зарезал в степи богатого киргиза и таким образом приобрел деньги на постройку завода ^{1а}.

Надо полагать, что сведения о якобы имевших место встречах с царем исходили от самих заводовладельцев, потомки которых поддерживали эту не лишенную романтизма версию происхождения своих капиталов. Вторая версия, связывавшая происхождение капиталов с уголовными преступлениями, видимо, бытовала в народе, среди мастеровых и приписных крестьян. Оттуда она попала на страницы художественных произведений.

Наш материал свидетельствует о том, что купцу, чтобы стать промышленником, отнюдь не обязательно было либо встречаться с царем, либо подстергать на глухой тропе зазевавшегося собрата, чтобы убить его и ограбить, либо чеканить фальшивые

^{1а} Д. Н. Мамин-Сибиряк. Охонины брови. Собр. соч. в 10 томах, т. 7. М., 1958, стр. 399.

деньги, либо рассчитывать на ссуду Берг-коллегии, как это было с М. Походяшиным. Для этого достаточно было заниматься винокурением, винными подрядами и откупами.

Нельзя признать случайным тот факт, что около половины владельцев металлургических заводов было причастно к винокурению, винным подрядам и откупам. Этот вывод подтверждается и свидетельством современников. Пристрастие купцов к подрядам не ускользнуло от внимания наблюдательного советника Камер-коллегии барона Исаея Шафирова, который в 30-х годах XVIII в. в «Доношении о способах к увеличению государственных доходов» писал: «А во всем государстве большая часть (купцов.— Н. П.), торги свои брося, упражняются винными подрядами». Подтверждая свою мысль, Шафиров перечисляет несколько известных купеческих фамилий, предпочитавших винные подряды торговле: Герасим Рюмин, Сидор и Даниил Томилины, братья Миляковы, Леонтий Хвасливый, «да из средней и мелкой статьи многое множество других купцов»².

В последующие десятилетия роль откупов и подрядов в накоплении капиталов купцами, видимо, возросла еще более. На этот счет мы располагаем авторитетными свидетельствами М. Д. Чулкова и кн. М. М. Щербатова. Чулков отмечал, что богатые купцы «в великие вошли капиталы не коммерцією, но подрядами и откупами». В другом месте, рассуждая о винокурении, Чулков писал, что оно «приносит знатные прибыли» не только купечеству, но и дворянству³. Щербатову тоже было известно, что «мало купцов наших, которые бы без откупов до великого богатства достигли»⁴.

Чем привлекало купцов винокурение? На поставленный вопрос мы не можем дать исчерпывающего ответа вследствие того, что эта важная отрасль хозяйства до сих пор не подвергалась монографическому изучению. Между тем исследование винокуренной промышленности внесло бы существенные поправки в сведения о численности мануфактур, о степени товарности сельского хозяйства, о дворянском предпринимательстве и т. д.

При отсутствии сведений о частных винокуренных заводах воспользуемся данными о казенных предприятиях. Речь идет о производственно-экономических показателях семи казенных винокуренных заводов, расположенных на территории Среднего Поволжья (см. табл. 14).

Перечисленные здесь заводы следует отнести к числу крупных предприятий. Затраты на их сооружение составляли от 1 777 до 7 410 руб. Эти затраты, быть может, следует признать нормальными для строительства и оснащения казенных виноку-

² ЦГАДА, Госархив, разряд XIX, д. 142, л. 6.

³ М. Д. Чулков. Указ. соч., т. I, кн. I. СПб., 1781, стр. 59; т. VI, кн. 2. М., 1786, стр. 5.

⁴ М. М. Щербатов. Соч., т. I. СПб., 1896, стр. 253.

Сооружения и оборудование казенных винокуренных заводов Поволжья в середине XVIII в.*

Наименование заводов	Местонахождения	Сооружения									Оборудование							Стоимость сооружений и оборудования (руб.)
		поварни	солодовни	амбары	выходы	мельницы	кузницы	сарай	избы погреба, бани, овчарни и др.	стоимость всех сооружений (руб.)	медных			стоимость медного оборудования (руб.)	стоимость железного оборудования (руб.)	стоимость деревянного оборудования (руб.)		
											казанов	труб	отжигальных					
Кувальский	Симбирский у.	3	2	28	5	4	1	9	40	4 212	166	310	1	2 467	653	78	7 410	
Кубинский	» »	3	1	19	3	2	1	3	18	1 997	119	232	3	1 723	841	—	4 561	
Кандалинский	Казанский у.	3	1	14	1	1	1	3	21	1 287	113	220	2	1 576	504	63	3 430	
Сосновский	» »	2	1	10	1	3	1	2	10	1 318	86	170	2	1 325	329	125	3 097	
Сызранский	г. Сызрань	1	1	14	1	3	1	1	9	472	66	133	—	1 106	156	43	1 777	
Пензенский	Пензенский у.	1	1	13	2	3	1	—	11	458	122	240	1	1 465	240	26	2 189	
Штырманский	Саранский у.	2	1	13	2	1	1	2	14	718	105	210	1	1 624	498	68	2 908	
Итого		15	8	111	15	17	7	20	123	10 462	777	1515	10	11 286	3 221	403	25 372	

* ЦГАДА, ф. Сената, кн. 2845, лл. 603—620.

ренных заводов, но у частного винокура они составили бы меньшую сумму. Ни один казенный завод не работал на всю мощность своего оборудования, что видно из следующей таблицы.

Таблица 15

Использование казанов на казенных винокуренных заводах ⁵

Наименование заводов	Число казанов	Из этого числа было использовано					% среднего использования казанов
		1746 г.	1747 г.	1748 г.	1749 г.	1750 г.	
Кувальский	166	85	94	92	92	99	56
Кубинский	119	69	69	82	68	99	65
Кандалинский	113	50	65	72	81	77	61
Сосновский	86	44	55	56	62	64	65
Сызранский	66	42	35	37	48	54	65
Пензенский	122	66	89	101	87	95	72
Штырманский	105	55	77	74	81	73	70
Итого	777	411	484	514	519	561	

Использование оборудования на всех заводах за пять лет их работы не превышало в среднем 65%. Это значит, что треть расходов на заводские постройки, казаны, трубы, котлы, чаны и т. д. лежала мертвым капиталом и не была пущена в оборот. Совершенно очевидно, что частный винокур, чья инициатива не была связана бюрократической перепиской, постарался бы избежать непроизводительных расходов. Частный винокур был избавлен от необходимости строить ряд сооружений, необходимых казенным заводам — избы для комиссаров, канцелярских служителей, целовальников, казармы для солдат и т. д.

Учитывая изложенное, следует признать, что сооружение и оснащение равноценного завода частным винокуром, видимо, процентов на 40 было дешевле казенного. Из этого вытекает, что Пензенский завод, оборудованный 122 казанами, при более рациональных затратах мог стоить частному винокуру не 2 189, а около 1 300 руб. За такие деньги нельзя было построить даже небольших размеров вододействующего завода. Следовательно, сооружение и оснащение винокуренного завода не требовало солидных капиталовложений и было посильно даже небогатому купцу, располагавшему несколькими сотнями рублей. Вспомним, что у большинства купцов, ставших мануфактуристами, винокуренные заводы были оборудованы 20—40 казанами.

Эксплуатация винокуренного завода была связана с рядом других преимуществ. Винокур мог рассчитывать на получение относительно высоких прибылей. Достаточно сказать, что семь

⁵ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 2845, лл. 603—620.

казенных винокуренных заводов, о которых речь шла выше, давали казне прибыли в 1746 г. $7\frac{1}{2}\%$, в 1747 г. — $18\frac{1}{2}\%$, в 1748 г. — $31\frac{1}{2}\%$, в 1749 г. — $35\frac{1}{4}\%$. Естественно, что частные заводовладельцы могли получить более высокую прибыль, чем казна. У частных винокуров отпадали расходы на содержание канцелярского аппарата, военных команд и целовальников. Только в 1749 г. расходы на содержание 8 комиссаров, 17 канцелярских служителей, 17 целовальников, 112 солдат и унтер-офицеров составили 1146 руб. Себестоимость вина на казенных заводах повышало также казнокрадство. Этот факт признала даже официальная ведомость, из которой заимствованы приводимые данные. Так, в 1746 г. на комиссарах винокуренных заводов числилось в недостатке 13910 ведер вина на 7 685 руб., в 1748 г. — недостача составляла 3 005 руб. и т. д. Отмеченным, разумеется, не исчерпывается расхищение казенных денег и имущества. Комиссары, целовальники и канцелярские служители не упускали случая поживиться за счет казны при покупке дров, хлеба и прочих припасов. Наконец, бюрократическая организация управления казенными заводами лишала казну возможности извлекать доходы из отходов винокурения, в частности, в полной мере использовать барду. Правда, скот при заводах был, но его содержание приносило не прибыль, а убыток. В 1747 г., например, на всех заводах находилось на откорме 79 коров и быков, 656 свиней, а также 121 лошадь, оцененные в 852 руб. Расходы на заготовку сена составили 155 руб. Убыток от падежа скота равнялся 97 руб. В то же время в течение года от продажи скота было выручено всего 56 руб. Следовательно, сумма убытка составила 196 руб.

Еще одно преимущество винокуренного производства состояло в том, что производственный цикл на нем занимал незначительное время, а это повышало оборачиваемость капитала. Камер-коллегия считала, что в казне объемом в одно ведро можно было выкурить в год вина «50 ведер и больше»⁶. Из этого следует, что из такого казана винокур получал ведро вина в течение пяти-шести дней. Винокурение, кроме того, не предъявляло таких высоких требований к специальной подготовке рабочих, как металлургия. Следовательно, здесь легче решался вопрос с рабочей силой.

Известно, что владелец винокуренного завода выступал не только организатором производства, но и лицом, занимавшимся реализацией готовой продукции, заключая с казной контракты на поставку вина питейным дворам. Подряды также приносили винокуру немалый и, видимо, даже основной доход.

Выгодность подрядных сделок состояла в том, что подрядчики получали от государства значительные оборотные средства в

⁶ ПСЗ, т. XIII, № 9670, стр. 138.

виде авансов. По сенатскому указу 9 декабря 1715 г. при заключении контракта на поставку провианта в Петербург подрядчик получал наличными половину суммы подряда⁷. Винные подрядчики получали наличными при заключении контракта до $\frac{3}{4}$ стоимости подряда; четвертую долю стоимости подряда им выплачивали по выполнении половины подряда. Так, стоимость винного подряда И. В. Милякова и Я. К. Рюмина, обязавшихся в 1724 г. поставить в Москву по 20 тыс. ведер вина, составляла у каждого по 18 тыс. руб. Оба они взяли «наперед» по 13 500 руб. «А как того вина половину поставят, по выпишам..., — читаем в контракте Милякова, — в то время выдать достальную четвертую долю из акцизных сборов»⁸. На таких же условиях в 1741 г. выполнял подряд орловский купец С. М. Неручев⁹.

Второе, не менее важное, преимущество подрядчиков состояло в том, что казна гарантировала им фиксированную прибыль. Винная монополия, как известно, являлась существенным источником пополнения бюджета государства. Некоторой частью получаемых доходов от винной регалии казна делилась с купечеством. По указу 1715 г. прибыль подрядчика за поставку в казну припасов, «какое бы оные звание не имели», должна была составлять 10%¹⁰.

10-процентная прибыль, по воззрениям камералистов XVIII в., считалась нормальной для всех купцов, даже не связанных с подрядами. В 1753 г. в связи с увеличением спроса на лес после пожара в Москве Сенат предложил Камер-коллегии «иметь крепкое смотрение» за продавцами леса, «чтоб сверх истинной (себестоимости.— Н. П.) больше б барыша, как на 10% на рубль не брали»¹¹. Впрочем, эти указы систематически нарушались. Прибыль, превышавшую 10%, как мы видели, получала сама казна. Купцы тоже изыскивали способы обходить законы, чтобы умножить свои доходы.

Ведавшая подрядами и откупам Камер-коллегия интересовалась состоянием цен на сельскохозяйственные продукты. Руководствуясь средними ценами на хлеб, дрова и прочие припасы, а также учитывая стоимость доставки вина к месту его потребления и 10% прибыли, причитавшейся подрядчику, Камер-коллегия определяла стоимость ведра вина. Однако подрядчик мог впрок заготовить сырье по самым низким ценам и, следовательно, получить прибыль, превышающую 10%. Это была, конечно, случайная прибыль. Значительно больший «профит» подрядчики получали за счет ухудшения качества вина, поставлявшегося на питейные дворы.

⁷ ПСЗ, т. V, № 2962, стр. 184.

⁸ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 816, лл. 975, 979.

⁹ ЦГАДА, ф. Камер-коллегии, д. 29647, л. 1.

¹⁰ ПСЗ, т. V, № 2914, стр. 160.

¹¹ ЦГАДА, ф. Камер-коллегии, д. 30505, л. 1.

Осведомленный о действиях подрядчиков, кн. М. М. Щербатов писал: «О первых (подрядчиках.— Н. П.) я смело могу сказать, что в казенных подрядах купцы или половину излишнего берут или толь дурные вещи становятся, что половинной цены не стоят. В первом можно себя уверить по справочным ценам и по книгам дворянским и купеческим, почему какие когда товары повольною продажею продавались, а во втором шлюсь на всех полковников, получали ли когда они на полки их из здоровых и плотных ревендуков сделанные палатки, хорошую холстину на рубахи, крепкие сапоги, башмаки и прочее; а сие и доказывает, что все сии подряды идут токмо для тягости короны, обременения подданных и прибытку купцам и помещикам. И между прочим сие доказуется тем, что как скоро получил милость и кредит какой подрядчик, так скоро видим его в малое число лет разбогатевшего, до чего бы он приватными подрядами допустить не мог, убо есть тут злоупотребление»¹².

В связи с запрещением купеческого винокурения в 1754 г. важнейшим источником накопления капиталов становятся отныне откупа. Откупные операции следует признать наиболее доходными. В. Н. Яковцевский приводит интересные данные о размерах прибыли, получаемой крупнейшим откупщиком России второй половины XVIII в. Саввой Яковлевым. Потребность в вине двух столиц — Москвы и Петербурга — в 1765 г. составляла около 930 тыс. ведер. Яковлев продавал вино в этих городах по 2 руб. 23,5 коп. за ведро, а покупал его у подрядчиков по 67,5 коп., т. е. прибыль откупщика составляла 330%. Правда, не вся она оставалась в кармане Яковлева. Частью полученной прибыли он делился с казной в виде откупного платежа. Но даже после всех выплат и расходов на содержание питейных домов чистая прибыль Яковлева, по самым скромным подсчетам Сената, в одном только 1750 г. составляла не менее 300 тыс. руб.¹³ Столь высокие барыши позволяли Яковлеву скупать заводы с готовым оборудованием, посессионными крестьянами, пашенной землей и сенокосными угодьями.

Высокие прибыли откупщика Яковлева отнюдь не являлись исключением. Такие же барыши получал откупщик М. М. Походяшин. В течение 1752—1756 гг. он поставил в Пелым 3421 ведро вина: Заводская себестоимость ведра вина равнялась 46 коп., а продавал он его по 2 руб. 12 коп. Алексей Власьевский в 1754—1756 гг. поставил в Томск 21 575 ведер вина по подрядной цене в 1 руб. 19 коп. за ведро. Совершенно очевидно, что себестоимость ведра вина у Власьевского была несколько не выше, чем у Походяшина, тем более, что они владели совместно некоторыми винокуренными заводами.

¹² М. М. Щербатов. Неизданные сочинения., М., 1935, стр. 145.

¹³ В. Н. Яковцевский. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953, стр. 157—158.

Себестоимость вина, показанная Походяшиным, была, разумеется, выше действительной. В 1755 г. контрольную выкурку вина на заводах Походяшина производил воевода Верхотурья поручик Бушнев. Оказалось, что себестоимость ведра вина составляла 42 коп., а не 90 коп., как показывал Походяшин в 1747—1750 гг. Откупщик объяснял это «дороговизностью» хлебных припасов¹⁴.

Прибыль откупщика не исчерпывалась разницей между себестоимостью, транспортными расходами и откупными платежами, с одной стороны, и продажной ценой вина — с другой. Дополнительные барыши откупщики получали от порчи вина и недолива при его розничной продаже. Показательным примером в этом отношении служит следственное дело «О злоупотреблениях московских компанейщиков питейных сборов».

31 декабря 1729 г. петербургский житель Емельян Маскин вместе с 12 московскими купцами взял на откуп сбор питейных денег в Москве. Откупщики обязались платить ежегодно в казну по 31 тыс. руб. «Дмитрий Железнов с товарищи», надо полагать, конкуренты компанейщиков, подали в 1734 г. в Камер-коллегию доношение с обвинением откупщиков в обмеривании потребителей вина и пива, «и от той их продажи приходит народу обида», а откупщикам колоссальный доход — ежегодно утаиваемые от казны 25 тыс. руб. Началось следствие, вскрывшее любопытные стороны деятельности откупщиков.

Большинство откупщиков, находившихся под стражей, во время первых допросов отрицало предъявленное обвинение, но уличенные своими приказчиками и целовальниками, на повторных допросах признали свою вину. Так, компанейщик Андрей Семенов, в ведомстве которого находилось 16 кабаков, во время первого допроса показал, что «прибыльных денег бывает у него в месяц по полтине и по рублю и меньше». Вызванный для второго допроса, Семенов продолжал заператься, но все же показал, что «приходило ему прибыльных припенных денег (так деликатно назывались деньги, получавшиеся от недолива пива. — Н. П.) сверх настоящих по рублю и по полтора рубля в месяц». Допрошенный в третий раз, Семенов сообщил, что «приходило ему прибыльных припенных денег обще з грошевыми по 100 и по 130 рублей». Наконец, на четвертом допросе Семенов признался, что ежемесячно получал от 210 до 390 руб. чистого дохода и здесь же скромно добавил: «А в прежних де своих допросах оного подлинно не показал забвением своим и второпях, и в той де ево вине воля е. и. в.».

Аналогичным образом вел себя откупщик Максим Демидов, обвиненный доносителями в утайке 6 тыс. руб. в год. В распоряжении Демидова находилось 16 кабаков, расположенных в самых бойких районах Москвы. Во время первого допроса Демидов

¹⁴ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 3578; лл. 710, 711.

дов признал получение сверх указной прибыли по 100 руб. в год. Однако свое показание подписать отказался, потребовав лично: свидания с ответственным за следствие графом С. А. Салтыковым. Ему он заявил, что «сверх де указных цен з грошевыми деньгами, прибыльных припенных денег бывало у него в месяц со всех ведомства ево кабаков и фартин по 300—600 руб. с лишком». Попад в беду, этот хитрый откупщик решил спасти свое положение разоблачением махинаций своих компаньонов и заявлением, что он казне «усердным своим радением учинит против положенной на компанию суммы прибыли в год по 10 000 руб.».

Следствие вскрыло применявшиеся откупщиками приемы обмана. Компанейщик Андрей Бабушкин, получавший дополнительно «прибыльных денег» по 100—200 руб. в месяц, показал: «А оные де прибыльные деньги собираютца оттого, когда купцы питья покупают и у стоек проливают на доски и на лубки, с которых капли стекают в питейные судна. И те де прибыльные деньги держал он на свои нужды, а никуды об них не репортовал». Однако главный доход приносили не капли, а прямой обмер покупателей. Приказчик откупщика Иконникова показал, что он приносил своему хозяину «припену на каждую бочку по 10 руб., которой де чинят по приказу». Приказчики, конечно, не все припенные деньги отдавали хозяину, а часть оставляли себе. Офицеры, производившие проверку «меры» в кабаках Иконникова, установили, что обмер приносил откупщику 37½ коп. с каждого проданного ведра вина. У откупщика Маскина этого рода доход был еще выше — по 43¾ коп. с ведра¹⁵.

Цитированный выше М. М. Щербатов не скрывал своего враждебного отношения к откупщикам, которые обогащались, «окрадывая казну и высасывая кровь народную». Что же касается до откупов, писал, он, «то самые правила сего промысла несть иное, как притеснение и воровство. Продажу пива никогда они полную не показывают, вино портят водою, берут припенные деньги и делают обмеры; и зло сие, — резюмирует Щербатов, — толь вкоренилось, что едва ли можно его истребить»^{15а}.

Из изложенного можно сделать вывод, что наибольший доход купцам приносили подряды и откупа. Это наблюдение подтверждается деятельностью С. Я. Яковлева, И. Б. Твердышева, Осокиных, М. М. Походяшина. Все они накопили капиталы на подрядах и откупах.

У значительной группы промышленников накопление денежных средств было связано с внешней торговлей и легкой промышленностью. Среди них, помимо небезызвестного С. Я. Яковлева, встречаются довольно крупные в мире промышленников-

¹⁵ ЦГАДА, Госархив, разряд XIX, ф. 212, лл. 3—28, 34—36. Чем окончилось следствие, неизвестно.

^{15а} М. М. Щербатов. Неизданные сочинения, стр. 145.

металлургов фигуры, такие, как Л. И. Лугинин, В. А. Меньшой Ливенцов, И. С. Бармин и др. Рост их капиталов происходил на основе неэквивалентного обмена. Купцы использовали в своих интересах резкие различия почвенно-климатических условий, а также различия в уровне развития производительности различных стран. В Россию купцы доставляли, например, виноградные вина, английские сукна, китайские товары и т. д., вывозя за границу меха, сало, воск, кожи и прочие продукты сельскохозяйственного производства.

Последовательность развития промышленного производства, при которой тяжелая промышленность создавалась на базе легкой, как известно, является характерным признаком капиталистической индустриализации. Россия в этом отношении не составляла исключения, что видно на примере изучения роли винокурения в создании металлургической промышленности. Можно также отметить несколько фактов, когда строительству металлургических заводов предшествовало сооружение парусно-полотняных мануфактур. Иван Баташов, Л. И. Лугинин, А. А. Гончаров, С. Я. Яковлев первоначально подвизались в парусно-полотняной, а В. Е. Ольхин — в бумажной промышленности. Предприятия легкой промышленности наряду с другими источниками дохода создавали материальную базу для строительства металлургических заводов.

Обособленную группу среди промышленников составляют выходцы из Тульской оружейной слободы. Не подлежит сомнению, что все они в свое время были мелкими товаропроизводителями. Думается, однако, что перерастанию мелкого товарного производства в мануфактуру сопутствовали, помимо изготовления ружей для казны, дополнительные занятия оружейников, а следовательно, и дополнительные источники накопления капиталов. Таким занятием, несомненно, была скупка изделий у оружейников с последующей их продажей на отдаленных рынках сбыта¹⁶. Посредническая роль предприимчивых оружейников позволяла им накапливать капиталы для последующего их использования в мануфактурном производстве. У части тульских оружейников таким дополнительным занятием было исполнение обязанностей приказчиков у более состоятельных патронов, например, у Демидовых. И. Т. Баташов начинал свою карьеру приказчиком комиссара Никиты Демидова, а Илья Данилов такие же обязанности исполнял у Акинфия Демидова, Максим Мосолов был старостой казенной кузнецкой слободы¹⁷. О том, что исполнение обязанностей приказчиков позволяло последним накопить капиталы, говорит пример приказчика А. В. Су-

¹⁶ В. Н. Ашурков. Тульские оружейники и их классовая борьба в XVIII — I-й четверти XIX веков. Тула, 1947, стр. 54—59.

¹⁷ И. Гамель. Описание Тульского оружейного завода в историческом и техническом отношении. М., 1826, Прибавление XI.

ровщикова М. Ф. Турчанинова, ставшего владельцем Троицкого медеплавильного завода. В истории торговых фирм XVII в. тоже известны случаи, когда бывшие приказчики становятся организаторами собственного дела¹⁸.

Такую же обособленную группу среди промышленников России составляют иностранные купцы. Их роль в русской металлургии была ничтожной. Так, семь английских купцов попеременно сменяли друг друга при владении двумя небольшими предприятиями — Кирицким и Истинским-Гулыньским заводами, из которых к концу XVIII в. сохранился только первый. Англичане прочно обосновались в России, иные из них значились уже московскими купцами и вели дело на свои деньги.

Двум французским купцам Бараллу и Шанонию, основавшим в Олонецком крае жестяную и посудную фабрику, удалось исхлопотать у правительства денежную ссуду и уральское железо в рассрочку. Эти привилегии, однако, нисколько не помешали краху фирмы.

В заключение попытаемся ответить на вопрос, что привлекало винокуров, откупщиков, подрядчиков и купцов, совершавших внешнеторговые операции, в металлургию. Пример стремительного роста промышленного хозяйства Демидовых и Баташовых, Твердышева и Мясникова, Лугинина и Походяшина, когда на протяжении одного поколения создавались миллионные состояния, конечно, не следует игнорировать при ответе на поставленный вопрос. Но можно привести не меньше примеров, когда с такой же стремительностью обогащались и откупщики. Достаточно вспомнить Козьму Матвеева, Савву Яковлева, Шемякина, наживших огромные состояния на откупах. Следовательно, дело здесь не только в чистогане, к которому алчно стремились как мелкие дельцы, так и крупные тузы из формировавшегося класса буржуазии.

Наиболее простым и прямолинейным был путь перерастания мелкого товарного производства в мануфактуру у тульских оружейников. Стремление такого оружейника обзавестись мануфактурой вытекало из всей его предшествующей деятельности.

Часть купцов вложила капиталы в металлургию в результате стечения случайных обстоятельств, вынудивших их стать на путь предпринимательства. К ним относятся купцы, перед которыми встала угроза лишиться крепостных крестьян. Ф. Ф. Осокин вместе с племянником Василием владел крепостными, с которыми он должен был расстаться после закрытия соляных промыслов. Единственный способ закрепления своих прав на владение крестьянами состоял в открытии мануфактуры. Осокины и воспользовались этой возможностью, став владельцами Бемышевского медеплавильного завода. В таком же положении ока-

¹⁸ С. В. Бахрушин. Торги гостя Никитина в Сибири и Китае. — «Научные труды», т. III, ч. I. М., 1955.

зался Г. И. Глазов, которому было по сути безразлично, к какому делу он пристроит своих крепостных — к селитроварению или металлургии. Угроза лишиться крепостных оказалась решающим обстоятельством при строительстве Инсарского завода С. Я. Турчаниновым и В. А. Никоновым. Под давлением казны началось самостоятельное предпринимательство М. Ф. Турчанинова и Потапа Каркина.

Большинство купцов шло в металлургию без всякого принуждения, сознавая все преимущества, которые предоставляло владение крупными предприятиями по сравнению с прочими занятиями. Ни винокуры, ни подрядчики, ни купцы, торговавшие с заграницей, не пользовались такими привилегиями, какие были предоставлены владельцам металлургических заводов. Главная из них состояла в праве владеть крепостными. Имело также значение освобождение мануфактуристов от постоев, подводной повинности, выборных должностей и солдатской службы. Наконец, каждый купец стремился заменить рискованные торговые и откупные операции более надежным источником доходов — недвижимой собственностью в виде заводов с посессионными крестьянами. Все эти преимущества мануфактуристов вместе с высокими прибылями, получаемыми некоторыми из них, и обеспечивали приток капиталов из сферы обращения в промышленность. Привилегии мануфактуристов в глазах современников имели столь большую цену, что купцы нередко заводили предприятия «для лица», т. е. с тем, чтобы воспользоваться привилегиями: одни — чтобы получить право эксплуатировать труд крепостных крестьян (Рюмины), другие — чтобы освободиться от постоев, выборных должностей и т. д. (Колесов и Шапкин).

Иным было происхождение капиталов, вложенных в промышленность дворянами. Львиную долю капиталов дворяне получили от государства в форме либо действовавших заводов, либо денежных ссуд. О раздаче казенных заводов речь шла выше. Здесь мы дополнительно укажем, что некоторые дворяне воспользовались правом получения от правительства дешевого кредита.

В первой половине XVIII в. правительство хотя и редко, но все-таки ссужало деньгами представителей купечества, намеревавшихся строить металлургические заводы. В 30-х годах получили ссуду, а также иркутский купец Федор Ланин титулярный бергмейстер Потап Каркин. Во второй половине XVIII в. мы не знаем ни одного случая кредитования русских купцов Берг-коллегией, за исключением, конечно, выдачи ссуд после крестьянской войны. Зато дворянам такие ссуды предоставлялись. 24 тыс. руб. в 1753 г. и 1754 г. П. И. Шувалов получил на сооружение Авзяно-Петровского и Андреевского заводов. Последний, как известно, построен не был. А. И. Шувалов в 1754 г. получил 12 тыс. руб. на восстановление Архангельского завода, уступленного ему Мосоловыми. Ссуда не была использована по

назначению. В том же 1754 г. 6 тыс. руб. получил граф К. Е. Сиверс на постройку Вознесенского завода и 5 тыс. руб. Я. В. Римский-Корсаков на возобновление работы Толычевского завода¹⁹.

Важным средством накопления денежных богатств у дворян было ростовщичество. Прямых указаний на то, что дворяне, владевшие металлургическими заводами, были причастны к ростовщичеству, у нас нет. Но о распространенности этого занятия среди дворян можно судить по двум делам Берг-коллегии, в которых перечислены долги промышленников, чьи заводы намечались к продаже с аукциона. В обоих случаях удельный все дворян в кредитовании заводовладельцев довольно велик. Так, в 1769 г. Прокофию Баташову и его четырем племянникам 30 кредиторов предъявили вексельный иск на 60 418 руб. Из этой суммы на долю 20 дворян, ссужавших Баташовых, приходилось 31 105 руб. Среди кредиторов были вдова адмирала М. И. Головина (1 тыс. руб.), княгиня Е. И. Долгорукова (5 540 руб.), действительный тайный советник А. Г. Жеребцов (3 100 руб.), генерал-поручик М. И. Софонов (1 500 руб.) и др.²⁰.

Вексельные долги умершего владельца Благовещенского завода М. С. Мясникова составили к 1772 г. 57 525 руб., из них дворяне предъявили векселей на 43 375 руб. Среди векселедавцев знакомый нам А. Г. Жеребцов (4 тыс. руб.), коллежский советник Савва Тетюшев (22 340 руб.), титулярный советник Алексей Кондалаков (10 635 руб.) и др.²¹

Часть дворян, подобно купцам, накапливала капиталы посредством винокурения и винных подрядов. Крупнейшими в стране винными подрядчиками были дворяне, владевшие мануфактурами в легкой и тяжелой промышленности, — П. И. Шувалов, А. И. Глебов, П. Б. Шереметев, П. И. Репнин и многие другие. Своеобразным было происхождение капиталов у баронов Строгановых. Родоначальники этой фирмы, по мнению одних, начинали свою карьеру посадскими, по мнению других — крестьянами. В XVII в. они становятся именитыми людьми, а в начале XVIII в. были возведены в баронское достоинство.

Основное богатство Строгановых составляли грандиозные земельные владения с десятками тысяч крестьян, которых они привлекали на поселение в своих вотчинах предоставлением временных льгот. Но богатства Строгановых приумножались не только сельскохозяйственным, но и промышленным трудом крепостных крестьян. В XVII в. именитые люди Строгановы были крупнейшими в стране солеварами. В XVIII в. в хозяйстве баронов и графов Строгановых огромное значение приобрела еще одна отрасль промышленного производства — мегаллургия.

Наконец, важным источником накопления денежных капита-

¹⁹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 281, лл. 145—148.

²⁰ Там же, кн. 1297, л. 11.

²¹ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 3944, л. 182.

лов было вотчинное хозяйство. В нашем распоряжении нет данных о том, что А. И. Тевкелев, И. М. Сатин, И. И. Соловцов и другие дворяне в той или иной форме получали правительственные ссуды, либо занимались винокурением и подрядами. Видимо, у них основным источником накопления капиталов, вложенных затем в металлургию, было крепостное хозяйство, прочно связанное с рынком. Реализация сельскохозяйственных продуктов на рынке обеспечивала таких дворян исходным капиталом, необходимым для строительства металлургических заводов.

Свою задачу мы ограничили рассмотрением источников накопления исходного капитала, т. е. минимальных денежных средств, необходимых для сооружения первого металлургического завода. Развитие промышленного хозяйства в большинстве случаев, однако, не ограничивалось постройкой единственного предприятия. Размеры промышленного хозяйства, как правило, продолжали увеличиваться, причем для этого роста использовались разнообразные источники доходов. Некоторые промышленники одновременно с эксплуатацией металлургических заводов продолжали заниматься выполнением привычных для себя винных и хлебных подрядов, внутренней и внешней торговлей. Другие промышленники сосредоточили все внимание на металлургии, занятие которой было настолько выгодным, что ради нее они оставили все прочие виды торгово-промышленной деятельности. Наиболее колоритными представителями этого рода промышленников являются Твердышев и Мясников. Селитроварение и выполнение хлебных подрядов обеспечили их первоначальным капиталом. Дальнейший рост их хозяйства происходил на базе расширенного воспроизводства. Торговыми операциями они продолжали заниматься лишь постольку, поскольку были озабочены реализацией изделий собственных предприятий. История хозяйств тульских оружейников — Демидовых, Баташовых, Мосоловых и Красильниковых — также являет пример расширенного воспроизводства. Что касается Строгановых и прочих вотчинников, то в их бюджете большое значение сохранили вотчинные доходы, часть которых, наряду с доходами от промышленности, использовалась при строительстве заводов.

Перед нами галерея рыцарей наживы, представители нарождавшегося буржуазного общества. Здесь властный Акинфий Демидов, действовавший напролом и сумевший сокрушить честлюбивого администратора В. Н. Татищева, наделенного личными полномочиями императрицы Анны Ивановны. Здесь и вкрадчивый Максим Походяшин, слывший своим человеком среди разбойников и ладивший с сибирским начальством. Тех и других он ловко использовал для личного обогащения. Чудаком и барином XVIII в. выглядит Прокопий Демидов, в котором сочеталось безрассудное расточительство с мелочным скопидомством во взаимоотношениях со своими братьями.

Особняком среди промышленников XVIII в. стоит И. Б. Твердышев, человек несомненно одаренный, поставивший свои неурядные способности на службу стяжанию. Но крупнейшим воротилой второй половины XVIII в. следует признать все же Савву Яковлева. Он не пользовался, подобно Акинфию Демидову, громкой славой привилегированного промышленника, он оставался в тени и давал о себе знать лишь тогда, когда заявлял о намерении купить очередную партию заводов или о желании построить новое предприятие. Менее колоритными представляются десятки мелких заводоуправляющих, среди которых было немало неудачников, плохо кончивших свою промышленную карьеру. Но независимо от размеров хозяйства они превыше всего ставили деньги. Ради денег Иван Демидов убил своего отца Григория, а Алексей Подъячев мошеннически овладел Шилвинским заводом Красильникова. Деньги превращали близких родственников в непримиримых врагов, вынуждали благочестивых купцов становиться на путь уголовных преступлений. Жестокие истязания рабочих людей приносили промышленникам огромные барыши, которые поначалу они тратили на расширение хозяйства, а затем — на барский образ жизни.

3. Одворянивание буржуазии

В предшествующем разделе было выяснено, что основными источниками накопления капиталов являлись винокурение, подряды и откупа, т. е. та сфера торгово-промышленной деятельности, которая находилась в непосредственной связи с абсолютистским государством. Эксплуатируя винную регалию, казна получала доходы, составлявшие значительную часть бюджета государства. Оно делилось частью прибылей с купечеством, осуществлявшим использование винной регалии. Эта связь абсолютистского государства с представителями купечества прослеживается и по другой линии — промышленникам предоставлялись разнообразные привилегии, а некоторым из них — возможность проникновения в ряды дворянства.

В XVIII в. в сословном строе России протекал сложный процесс. С одной стороны, нарушалась замкнутость дворянства. Это выражалось в том, что дворяне проявляли активность в занятиях, ранее несвойственных этому привилегированному сословию. Фамилия дворянина стала встречаться в списке владельцев мануфактур. Иной помещик не считал для себя зазорным заниматься торговлей, винокурением и даже откупами. Этим самым дворянство, или по крайней мере часть его, приспособлялось к развивавшимся буржуазным отношениям и меняло в известной мере свой социальный облик.

Но, с другой стороны, как бы вопреки отмеченному выше процессу наблюдалась консолидация дворянства, расширение и

укрепление его сословных привилегий. Отсюда, чем больше абсолютизм предоставлял привилегий дворянству, тем заманчивее было представителям других сословий проникнуть в его ряды.

Одворянивание русской буржуазии далеко не исчерпывается общеизвестными примерами превращения богатого тульского оружейника Никиты Антufеева в комиссара Никиту Демидова, а затем в нижегородского дворянина Никиту Демидова, или превращения выходца из Осташкова откупщика Саввы Собакина в коллежского асессора Савву Яковлева. Эти примеры, быть может, являются наиболее яркими, но отнюдь не единственными. Изученные источники значительно расширяют наши представления об интенсивности этого процесса.

Среди владельцев металлургических заводов Осокины были первыми из тех, кто стал усиленно хлопотать о награждении чином. Настойчивость Осокиных вполне объяснима. Во-первых, следуя примеру Демидовых, они раньше многих других купцов вложили свои капиталы в металлургию Урала, причем их промышленное хозяйство развивалось довольно быстро. Первый завод Осокины начали строить в 1727 г., а к концу 30-х годов XVIII в., когда они обратились к правительству с просьбой должным образом оценить их усердие в развитии промышленности, у них было уже пять заводов. Хозяйство Осокиных в это время было по размерам вторым в России и уступало лишь хозяйству Демидовых.

Но у Осокиных были особые причины домогаться «награждения чином». Положение Осокиных, уроженцев дер. Еремеево, расположенной в Балахнинских вотчинах Троице-Сергиевой лавры, было более сложным, чем положение, например, тульских промышленников, ставших мануфактуристами. Хотя Осокины и были записаны в посад Балахны еще во время первой ревизии, но духовный феодал не отказывался от попыток урвать у богатых крестьян что-либо в свою пользу. Монастырские управители, жаловались Осокины, «в противность» Берг-привилегии и указам, «завиствуя их заводам производству, по челобитью вышепомянутой вотчины крестьян, чинят им нападки своими немалые убытки и прикащиков их берут под караул и держат в цепях в партикулярных делах».

Духовный феодал не упускал случая оказать давление на промышленников еще и потому, что на их заводах было занято в качестве рабочих и мастеровых людей немало монастырских крестьян. Известный приказчик Иргинского завода Осокиных Родион Федорович Набатов тоже был крестьянином вотчины Троице-Сергиевой лавры, причем, по заявлению Лавры, он переселился на завод вместе с семьей «без всякого указного паспорта и отпуски» духовных властей. Более того, Набатов «сманил» на завод всех своих родственников и других тяглых крестьян в количестве 69 душ м. п., «которые по тому ево, Набатова, под-

говору без увольнения от Троицкой лавры и без данных им пашпартов в разных годах на той ево, Осокина, завод овые одни, а другия з женами и з детьми перебрались»¹.

Генерал-берг-директориум, обсуждавший просьбу Осокиных в конце 1740 г., возбудил ходатайство перед Кабинетом министров о том, чтобы «вышеписанных Осокиных, детей их, кои в одних домех живут с ними и по переписи мужеска полу душ за оным монастырем записаны, по силе Берг-регламента и указа 1736 г. из подушного окладу и монастырских доходов уволить надлежит и ни в чем в том монастыре их не ведать, а платить им один положенной подушной оклад по купечеству в Балахонском уезде».

Резолюции Кабинета министров на это скромное предложение Генерал-берг-директориума однако не последовало, и Осокины продолжали оставаться в неопределенном положении, которое отражало противоречие эпохи. Они широко использовали на своих предприятиях труд приписных и посессионных крестьян, а также работных людей, отданных по указам и исключенных из подушного оклада, и в то же время сами находились в феодальной зависимости от монастыря. Непомогло и ходатайство В. Н. Татищева, отметившего в своей аттестации Осокиных, «что они к размножению заводов ревность и прилежность имеют».

Не получив удовлетворения, Осокины вновь обратились с просьбой в Генерал-берг-директориум, чтобы он возобновил ходатайство об освобождении их от зависимости Троице-Сергиевой лавры. На этот раз Осокины изъявили согласие компенсировать свое освобождение передачей лавре соответствующего числа собственных крестьян. Генерал-берг-директориум и на этот раз поддержал просьбу Осокиных, но она осталась без удовлетворения. Осокиным пришлось довольствоваться званием балахнинских купцов и в то же время крестьян Троице-Сергиевой лавры еще в течение 15 лет.

Только в ответ на третью челобитную сенатским указом 3 сентября 1756 г. Петр Игнатьевич с сыном Иваном и Иван Гаврилович Осокины с их детьми «за тщательное и рачительное в пользу государства тех их заводов произведение из-за Троицкой Сергиевой лавры ис крестьянства и из Балахонского посаду ис подушного платежа» были, наконец, исключены. Заводовладельцам были пожалованы «чины медных и железных их заводов директорские». Указ, однако, обязал заводовладельцев уплатить за свое освобождение монастырю сумму, предусмотренную указом 1736 г. Выкупная сумма составляла 190 руб., причем престарелый П. И. Осокин, умерший в следующем году, был оценен вместе с женой в 50 руб., столько же было заплачено за его женатого сына Михаила и за И. Г. Осокина с женой. Холостой

¹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1176, л. 541.

Иван Петрович, ставший в конце XVIII в. владельцем 11 заводов, был оценен в 20 руб.²

Конечно, Петр и Гавриил Осокины домогались не директорского чина, но так и умерли, не достигнув желаемого. Дворянское звание удалось получить лишь представителю следующего поколения — Ивану Петровичу. В 1779 г. И. П. Осокин получил чин майора, через два года — премьер-майора, в 1784 г. он был уволен в отставку подполковником. Эти чины И. П. Осокин заслужил не в казарме и не на поле брани. Не имела прямого отношения к военной карьере Осокина и его промышленная деятельность в том смысле, что он не отличился ни введением каких-либо технических новшеств, заслуживающих быть отмеченными правительством, ни поставками вооружения. Всем этим Осокин себя не обременял, — он получил дворянство за деятельность, ничего общего не имевшую с горнорудным делом.

Во второй половине XVIII в. происходила интенсивная колонизация Новороссийского края. Внутренних ресурсов для заселения этого богатого края не доставало, так как феодально-крепостнический строй России тормозил миграцию населения. Правительство стало на путь привлечения в Новороссию иностранных колонистов, что стоило казне немалых средств. В докладе сенаторов Н. П. и П. И. Паниных, утвержденном императрицей в 1764 г., отмечалось, что «в сие новозаведенное селение от начала поныне уже употреблено из государственной казны до 700 000 руб., но тем еще и до первожелаемого ему основания не достигнуто». В этих условиях правительство решило часть расходов, связанных с переселением иностранных колонистов, переложить на владельцев частного капитала, причем в качестве вознаграждения за понесенные при этом издержки вербовщик и организатор переселения получал соответствующий воинский чин. Чтобы получить чин майора, надлежало переселить пригодных к службе 300 человек. Капитанский чин оценивался в два раза дешевле (150 чел.), чин поручика — в 80 чел. Если переселялись непригодные к военной службе люди, то норма их удваивалась³.

Таким образом, присвоение дворянского звания было поставлено на откровенно коммерческую ногу. Этим воспользовались некоторые представители буржуазии, в том числе и И. П. Осокин, сосредоточивший в своих руках после смерти дяди все многоотраслевое хозяйство, старательно сколачивавшееся в течение столетия всеми представителями этой фамилии.

Диплом и герб дворянина Осокины получили только в 1833 г.⁴

Небольшая по численности, но мощная по удельному весу в промышленном производстве группа заводоладельцев получи-

² ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 741, лл. 181, 211; ф. Главного магистрата; д. 7857, лл. 1—4.

³ ПСЗ, т. XVI, № 12 099, стр. 657, 666.

⁴ ЦГИАЛ, ф. Департамента герольдии, оп. 26, д. 4306, лл. 2, 3, 44, 71.

ла дворянские чины за заслуги в развитии непосредственно горнозаводской промышленности. Эту группу возглавляли Демидовы, первыми среди заводоладельцев ставшие дворянами. Но в нее, помимо Демидовых, входили Турчанинов, Твердышев, Мясников и отчасти Баташов.

К 1753 г., когда Алексей Федорович Турчанинов был пожалован Елизаветой Петровной чином титулярного советника, он владел только одним Троицким медеплавильным заводом и соляными промыслами. Троицкий завод не принадлежал к числу крупных предприятий — его среднегодовая выплавка в 1750—1752 гг. составляла всего 500 пуд. меди⁵, но Турчанинову удалось образцово поставить на нем производство медной посуды. Она-то и проложила Турчанинову путь к дворянству. Елизавета Петровна, получив подарок Турчанинова в виде изделий Троицкого завода, велела пожаловать промышленнику чин титулярного советника. В сенатском указе от 30 января 1753 г. сказано, что означенный чин жалуетсЯ Турчанинову «за ево в произведении тех заводу и фабрики (имеется в виду посудная «фабрика». — Н. П.) прилежании и оказанное в том искусство»⁶.

Чин титулярного советника не был достаточно солидным и давал только личное дворянство. И хотя в доношениях и ведомостях, подаваемых в Берг-коллегию, заводская контора стала именовать заводоладельца не просто титулярным советником, а более пышно — «благородным господином титулярным советником», Турчанинову пришлось дожидаться потомственного дворянства долгие 30 лет. Лишь в 1783 г. в возрасте 70 лет А. Ф. Турчанинов «за похвальные и благородные поступки, особливо же в 1773 г. и 1774 г.», был возведен в дворянское достоинство и в 1787 г. внесен в списки нижегородского дворянства. Заслуги Турчанинова в подавлении крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева были отражены даже на гербе. «В знак нашей императорской милости» на гербе Турчанинова было изображено орлиное крыло и «серебряная цапля, держащая в правой руке камень в знак того, что он бдением своим учинил многие как нам, так и государству услуги»⁷.

Поведение Турчанинова в «наисмутнейшие времена», как позже Екатерина II охарактеризовала годы крестьянской войны, отчетливо рисует расстановку классовых сил. Крупный промышленник Турчанинов, умноживший свои богатства за счет эксплуатации казенных заводов, развил энергичную деятельность в борьбе с восставшими и мобилизовал все имевшиеся в его распоряжении ресурсы для подавления крестьянской войны. В январе 1774 г. он остановил Сысертский, Полевский и Северский заводы, на свои средства соорудил вокруг них политые водою

⁵ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1153, л. 28.

⁶ Там же, кн. 30, л. 35.

⁷ ЦГИАЛ, ф. Департамент герольдии, оп. 30, д. 3538, л. 2.

снежные валы, укрепил их рогатками и надолбами. Мастеровых и работных людей Турчанинов снабдил огнестрельным оружием. После этого он отправился в Соликамск, в районе которого находились его соляные промыслы. Город он укрепил рогатками и 24 пушками. В ход был пущен подкуп местного населения. Чтобы предотвратить выступление «соликамского гражданства» на стороне Пугачева, Турчанинов ссудил без взимания процентов 6 тыс. руб. посадским людям, содержавшимся «под неисходным караулом» за казенные долги. За оборону Сысертского завода от отрядов Пугачева Турчанинов выдал работным и мастеровым людям 1 тыс. руб. наградных. Помимо этого, заводо-владелец снабжал командовавшего правительственными войсками генерал-майора Бибикова ценной информацией о действиях восставших, их передвижениях и т. д.⁸

Внук А. Ф. Турчанинова Александр Александрович закрепил свое дворянство женитьбой на княжне Грузинской⁹.

Уральским промышленникам Ивану Борисовичу Твердышеву и Ивану Семеновичу Мясникову удалось получить потомственное дворянство в более краткий срок, чем Турчанинову. В доношении Твердышева в Берг-коллегию, умело написанном опытной рукой приказчика, деловым тоном перечислены заслуги промышленников перед дворянским государством и обоснованы права на включение в состав привилегированного сословия. Твердышев прежде всего подчеркнул, что он «из всех прежде бывших до него рудокопных заводчиков в пустых, диких и от российских жилищ отдаленных местах в Оренбургской губернии, внутрь самой Башкирии явился первой охотник к заведению медных заводов». Более того, заводы были построены «собственным иждивением, без требования ссуды казенными деньгами» и без приписных крестьян. Преодолевая громадные трудности с обеспечением заводов рабочей силой, Твердышев со своим компаньоном Мясниковым добился таких результатов «во умножении меди», с которыми не мог сравниться ни один промышленник России, даже владевший заводами в более обжитых местах.

Твердышев, однако, не ограничился перечислением своих заслуг на поприще организации промышленного производства. Он не преминул напомнить и о давно минувших делах в пользу казны, а именно о том, что он при поставке провианта «против других подрядчиков в казну е. и. в. уступил более 21 тыс. рублей». Наконец, Твердышев подчеркнул немаловажный, с его точки зрения, политический момент, выразившийся в том, что им вместе с Мясниковым «для всякой безопасности и неприятельских нападений их же собственным иждивением построены надлежащие крепости и орудием и надлежащим числом пороха снабдены».

⁸ ЦГВИА, ВУА, ф. Военной коллегии, оп. 47, д. 7, лл. 22—26. Выражаю признательность А. И. Андрущенко за это сообщение.

⁹ ЦГИАЛ, ф. Департамент герольдии, оп. 30, д. 3543, л. 14.

Этой мерой, не без хвастовства заявлял Твердышев, они обеспечили «в самое то опасное время», когда Башкирия была охвачена восстанием под предводительством Батырши, бесперебойную работу заводов, так что выплавлено меди «против иных (заводчиков.— Н. П.) вдвое, а иных втрое и больше было».

Впрочем, выполнение выгодного для казны подряда, а также превращение заводов в крепости, являвшиеся оплотом колониальной политики самодержавия в Башкирии, Твердышев ставил на второй план. Главным, что заслуживало того, чтобы «наградить рангами, какими правительствующий Сенат соизволяет», Твердышев считал свою роль «фундатора» медеплавильных и железоделательных заводов во внутренней Башкирии.

Берг-коллегия сочла просьбу промышленника убедительной и передала дело на рассмотрение Сената. Указом Сената от 7 мая 1758 г. Иван и Яков Твердышевы, а также Иван Мясников были исключены из подушного оклада с пожалованием им чина «медных и железных их заводов директорами, как и об Осокиных определено».

Директорский чин не давал ни потомственного, ни даже личного дворянства — он не был предусмотрен табелью о рангах. Это был разночинский чин, равный по своему весу в сословном строе детям солдат и церковников, отличавшихся от посадских людей и крестьян лишь тем, что они не платили подушной подати. Таким образом, просители, получив директорские чины, были выделены из податного состояния и в то же время не вошли в состав дворянского сословия.

Такое положение Твердышевых и Мясниковых продолжалось недолго. Сенат признавал, что просители «достойны награждения для ободрения их к вящим таковым государству полезным предприятием и придания прочим к тому охоты чинами коллежских асессоров», о чем просил именного указа. 30 сентября 1758 г. И. Б. Твердышев и И. С. Мясников «за тщательное ими оных заводов произведение и принесение казенной и государственной прибыли» были пожалованы императрицей коллежскими асессорами¹⁰. Симбирские купцы стали потомственными дворянами.

Род Твердышева и Мясникова по мужской линии пресекался новоиспеченными дворянами. У Твердышева не было детей, а Мясников имел четырех дочерей, которые вышли замуж за Козицкого, Пашкова, Дурасова и Бекетова. Богатое наследство симбирян оказалось в дворянских руках.

Заслуги в области развития промышленности послужили основанием для получения дворянства еще одному владельцу мануфактур — Афанасию Абрамовичу Гончарову. Правда, А. А. Гончаров первоначально подвизался в легкой промышлен-

¹⁰ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 35, лл. 125—126, 368.

ности, и чин коллежского асессора он получил в 1744 г. «за размножение и заведение парусных и бумажных фабрик», но он был основателем и ряда металлургических заводов. Грамота на дворянское достоинство была выдана внуку коллежского асессора Афанасию Николаевичу Гончарову только в 1789 г. Сотрудники Герольдмейстерской конторы, изобретавшие герб для новой дворянской фамилии, изобразили на голубом поле щита серебряную звезду, означавшую «возхождение его в дворянское достоинство»¹¹. Звезда Гончаровых, однако, стала быстро закатываться — непутевые внуки уже в первой четверти XIX в. растратили богатства, накопленные предприимчивым дедом Афанасием Гончаровым.

Предоставление дворянских званий Турчанинову, Твердышеву, Мясникову и Гончарову за развитие промышленности послужило сигналом для возбуждения аналогичных ходатайств со стороны других владельцев металлургических заводов. Этими прецедентами первыми воспользовались выходцы из Тульской оружейной слободы — Мосолов, Красильников и Баташов. Первоначально эти три промышленника, домогаясь дворянства, действовали сообща и лишь после того, как убедились, что в таком деликатном деле коллективные представления не приносят ожидаемого результата, их пути разошлись, и каждый из них пробивался в дворянство самостоятельно.

В 1765 г. Максим Перфильевич Мосолов, Петр Лукьянович Красильников и Иван Родионович Баташов обратились в Берг-коллегию с просьбой возбудить ходатайство об исключении их из подушного оклада и «награждении их против протчих заводчиков чинами». Авторы челобитной прежде всего просили оценить по достоинству их заслуги в развитии промышленности: ими были построены «внутри России и во Оренбургской губернии знатным капиталом многие медные и железные заводы». Челобитчики далее недвусмысленно намекали на свою фактическую близость к дворянскому сословию, на то, что они имели «в написании за собою по последним двум ревизиям в подушном окладе покупных нами к тем заводам людей и крестьян». Обратиться в Берг-коллегию с подобной просьбой вынудила их Оружейная канцелярия, которая требовала от промышленников уплаты двойного сорокаалтынного оклада и поставки вместо себя в Оружейную слободу людей из числа купленных крестьян.

Получив доношение, Берг-коллегия составила справку о каждом из челобитчиков, сколько он имеет заводов, покупных и приписных крестьян, какова производительность предприятий, сколько каждый из заводоладельцев вносил в казну десятины деньгами и натурой. Одновременно была составлена справка со сравнительными данными о наличии предприятий у промышлен-

¹¹ ЦГИАЛ, ф. Департамента герольдии, оп. 19, д. 3036, лл. 1—2.

ников, ранее получивших дворянские звания. Сравнение оказалось в пользу Мосолова, Красильникова и Баташова.

На этом основании Берг-коллегия сочла возможным в конце 1766 г. ходатайствовать перед Сенатом «за произведение и распространение заводов и за принесение прибытка» о награждении просителей чинами с исключением из подушного оклада.

Представители фамилии Мосоловых настолько уверовали в благоприятный исход дела, что, не дождавшись его окончания, стали обращаться в Берг-коллегию с новыми челобитными. Так, Максим Перфильевич Мосолов, видимо, инициатор составления челобитной, исходившей от него, Баташова и Красильникова. в мае 1766 г. сообщил Берг-коллегии, что он вследствие своей старости и «параличной болезни» нашел, что ему лично никакой чин «полезным быть не может» и просил вместо себя наградить чинами своих сыновей Василия и Антипу, а также внука Ивана Антипыча. В том же 1766 г. челобитные о награждении чинами поступили от Ивана Алексеевича Мосолова и Ивана Перфильевича Меньшого Мосолова. Берг-коллегия нашла все просьбы заслуживающими удовлетворения и ходатайствовала об этом перед Сенатом.

Сведения о благосклонном отношении Берг-коллегии к просьбам Мосоловых, Баташова и Красильникова стали достоянием других промышленников, и некоторые из них спешно составили челобитные аналогичного содержания. Так, в феврале 1767 г. Берг-коллегия, в дополнение к ранее отправленным в Сенат представлениям о награждении промышленников «чинами», составила мотивированную просьбу о присвоении дворянского звания владельцам Тивдийского стального завода Ивану Бармину, Меркулу Шаргаеву, Федору Кухнову и Ивану Мартьянову. Перечисленные компаньоны, владевшие небольшим предприятием по производству стали, лишь начинали свою карьеру в качестве промышленников. Чтобы просьба выглядела солиднее, заводо-владельцы не поскупились на обещания проявить «рачение» в будущем: они сообщали и о том, что «возымели усердие при том заводе и косную фабрику построить», и о намерении построить медеплавильный завод, и о завершающемся строительстве доменного завода; Бармин, кроме того, подробно расписал свои прошлые заслуги в развитии внешней торговли на собственных кораблях и выполнении казенных подрядов по снабжению провиантом русской армии во время Семилетней войны.

Берг-коллегия и в данном случае обнаружила в деятельности компаньонов «ревностную охоту и прилежание» и просила Сенат пожаловать чинами и этих просителей¹².

Сенат рассматривал представление Берг-коллегии лишь два года спустя, в июле 1767 г., причем дело приняло совершенно

¹² ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1250, лл. 216—298.

неожиданный оборот. Сенат отказал в удовлетворении просьбы промышленников и ходатайства Берг-коллегии. Последней был даже сделан выговор и предложено, чтобы она «впредь в подобных делах осмотрительнее поступала и вышнее место, как Правительствующий сенат, излишнею перепискою не отягощала».

Столь суровый упрек Сената, навсегда отбивший у Берг-коллегии охоту к подобного рода ходатайствам о подопечных промышленниках, был обусловлен тем, что, по его мнению, горное законодательство предписывало «от денежных поборов освободить не заводчиков самих, но только мастеровых»¹³. Однако по существу этот указ Сената отражал уступку правительства дворянству, единодушно выступившему с требованием затруднить доступ в ряды привилегированного сословия «подлородным» людям, о чем подробнее будет сказано ниже.

Постигшая тульских промышленников неудача показала им, что прямолинейные действия не всегда являются кратчайшим путем к достижению цели и что надлежит изыскивать иные средства для получения дворянского звания. Инициативу в поисках этих средств проявили братья Андрей и Иван Родионовичи Баташовы, которые не только не были обескуражены, подобно Мосолову и Красильникову, категорическим отказом Сената, а, напротив, обнаружили еще большую активность и изобретательность. Этому способствовала чрезвычайно выгодная конъюнктура, сложившаяся в стране во время Русско-турецкой войны 1768—1774 гг.

Стремясь укрепить свои связи в правительственных сферах, Баташовы согласились выполнять военные заказы казны. Всячески афишируя свое «рачение к государственной и казенной пользе», Баташовы, пользуясь монопольным положением поставщиков артиллерийского вооружения, оказывали давление на казну, хорошо понимая, что в условиях военного времени последняя будет более покладистой и пойдет на уступки. В своих доношениях они требовали, «чтоб для вящего поощрения» они были исключены из подушного оклада; «о прочем обещанном им награждении они представлять не дерзают, уповая, что милосердное правительства воззрение на их усердие и труды будет истинным их награждением»¹⁴.

Под «обещанным награждением» Баташовы подразумевали, конечно, диплом на дворянство, который они уповали получить, опираясь на ходатайство Адмиралтейской коллегии. Об этом свидетельствует протокольная запись в Государственном совете от 17 декабря 1769 г., из которой следует, что Адмиралтейская коллегия выполнила свое обещание и просила Совет, «чтоб содержателя железных заводов Баташова, выключая из подуш-

¹³ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 44, л. 148.

¹⁴ ЦГАДА, Госархив, разряд XIX, д. 121, л. 2.

ного оклада, пожаловать титулярным советником». Государственный совет счел рекомендуемую Адмиралтейской коллегией меру поощрения слишком щедрой и решил ограничиться выдачей Баташову похвального указа от Сената «за его усердие и ревность» с приложением серебряной кружки с соответствующей надписью¹⁵. Так и эта попытка обзавестись дворянским дипломом окончилась неудачей.

Вскоре после окончания русско-турецкой войны Баташовы, получившие к тому времени известность в правительственных кругах, вновь начали хлопотать о дворянстве. На этот раз они решили добиваться не получения дворянского звания, а восстановления его. Эту идею им подсказал, видимо, сенатский секретарь Ефим Васильевич Рознатовский, прекрасно ориентировавшийся в дебрях приказного и современного ему делопроизводства.

Сохранившаяся во Владимирском областном архиве переписка между А. Р. Баташовым и Е. В. Рознатовским свидетельствует о том, что последний помогал богатым промышленникам далеко не бескорыстно. В письме от 9 февраля 1775 г. к А. Р. Баташову Рознатовский рассуждал о бедности, злой «в жизни моей спутнице» и тут же, как бы мимоходом, сообщал, что он нашел в Петербурге дом стоимостью в 7—8 тыс. руб., которого он не может купить из-за отсутствия средств, но был бы непрочь жить в нем, если его приобретет Баташов¹⁶.

Впервые мысль о восстановлении дворянского звания осенила не Баташова, а, насколько нам известно, предприимчивого армянского купца Лазаря Лазарева и владельцев полотняной и хрустальной фабрик Фому и Акима Мальцевых. Последний из них являлся депутатом в Уложенную комиссию 1767—1768 гг. от орловского купечества¹⁷. В жалованной грамоте на дворянское звание, выданной Лазареву 3 октября 1766 г., сказано, что Лазарь Лазарев «произошел от благородной в Армении фамилии», что засвидетельствовано грузинским царем Теймуразом и армянским патриархом. Предок Лазарева будто бы был княжеского рода, переселившийся при шахе Аббасе I в Иран. Грамота пытается объяснить, каким образом знатный предок Лазарева превратился в купца,—оказывается, склонность к купеческим занятиям была у него вызвана «долговременной праздностью». Один из предков Лазарева при шахе Аббасе II «был главным начальником над монетным персидским двором и хранителем сокровищ», а сам Лазарь Лазарев при Надир-шахе «был употребляем во многие комиссии, даже был начальником в управлении города Жулфы», откуда он «по замешательству и опас-

¹⁵ «Архив Государственного совета», т. I, ч. 2. СПб., 1869, стб. 325.

¹⁶ ГАВО, ф. Баташовых, д. 34. Пользуюсь случаем поблагодарить К. К. Демиховского за предоставленный мне материал из ГАВО.

¹⁷ Сб. РИО, т. 144, стр. 442.

ности» выехал в Россию. Надо полагать, что должность начальника монетного двора и хранителя шахских сокровищ позволила прибыть Лазаревым в Россию не с пустыми руками. Старший сын Лазарева Иван в 1764 г. был пожалован придворным ювелиром, а вся семья Лазаревых 20 мая 1774 г. была возведена в дворянское достоинство¹⁸.

Вслед за Лазаревым 14 августа 1775 г. дворянское звание «восстановили» Мальцевы. Свое дворянское происхождение они подкрепили ссылкой на то, что их прапрадед Богдан Афанасьев был поверстан в службу по городу Чернигову, а прадед и дед «по довольному своему капиталу» занимались торговлей, что и послужило основанием для записи их в подушный оклад.

Связь восстановления Мальцевых в дворянском достоинстве с последующими действиями Баташовых несомненна. Первые шаги, предпринятые Баташовыми в этом направлении, относятся именно к 1775 г., т. е. году, когда решился вопрос о Мальцевых. Баташовы собирали соответствующий материал в течение семи лет, что свидетельствует о тщательности подготовки задуманного ими плана.

В 1782 г. Сенат рассматривал челобитье Андрея и Ивана Баташовых о восстановлении в дворянском звании. Челобитье было подкреплено генеалогической справкой из Разрядного архива, а также показаниями нескольких десятков дворян о том, что Баташовы происходили из дворянского рода.

Генеалогическое древо Баташовых, согласно справке Разрядного архива, пустило корни в 1622 г. Происхождение и положение ближайших к просителям пяти предков не вызывает сомнений. Они проходили по Тульской оружейной слободе. Дед просителей Иван Тимофеевич Баташов в 1709 г. был «выслан к Москве в Адмиралтейский приказ, а оттоль определен в Сокольск на железные заводы, и на тех заводах бывает временем»¹⁹. Но служба в Тульской оружейной слободе хотя и почиталась государевой, ничего общего с дворянской не имела. Это прекрасно понимали и Баташовы. Необходим был предок-дворянин, которого и состряпали ловкие архивариусы. Согласно справке, представленной Разрядным архивом, прапращур просителей «Иван Андреев сын Баташов между прочими показан в десятне разных городов 130 году Московского стола с смоленскими дворянами и детьми боярскими, которые были на государеве службе», получали поместный оклад землею и деньгами. Справка, однако, не разъясняла, как потомки дворянина оказались среди тульских оружейников.

Происхождение Баташова «от колена Ивана Андреева» подтвердили 46 генералов, штаб-и обер-офицеров, среди них инже-

¹⁸ ЦГАДА, ф. Департамента герольдии, оп. 24, д. 275, лл. 4—5.

¹⁹ Там же, оп. 17, д. 1528, л. 16.

нер генерал-поручик Илья Бибилов, генерал-поручик и сенатор Алексей Ступишин, генерал-поручик Сергей Салтыков и другие. Подписи помогал собирать Баташову все тот же Рознатовский. Это видно из письма, отправленного Баташовым Рознатовскому 1 октября 1778 г., в котором он сообщал, что собрал 33 подписи, а «теперь, батинька осталось трудиться вам»²⁰.

В итоге длительных усилий братьям Баташовым удалось представить Сенату три доказательства своих прав на получение дворянского достоинства: 1) занимаясь горнозаводским делом, они имели «при заводах собственных своих мастеровых и работных людей более двух тысяч душ, сим приносят плоды короне, платя знатную десятинную сумму и между тем имели щастие принести жертву верноподданнического усердия: во все минувшее военное время лили оне одни на флот пушки и другие многие орудия, понеже протчие заводчики от сих работ по различным причинам все отреклись»²¹. Наряды они выполняли «со всяким усердием», ибо, как они велеречиво писали о себе, «не только именем отечеству, но и жизнью служить ему обязаны». Сенатом было установлено, что пушки, отлитые на заводах Баташовых, обошлись казне дешевле пушек, отливаемых казенными Олонецкими заводами, на 24 469 тыс. руб.; 2) выписку из дел Разрядного архива, свидетельствующую об их дворянском происхождении; 3) заявления 46 дворян, подтверждавших дворянское происхождение Баташовых.

Перечисленные доказательства Сенат счел «достаточными» и ходатайствовал перед императрицей, чтобы Андрея и Ивана Баташовых «потомственно с детьми восстановить в первобытных предка их дворянское достоинство». Екатерина II согласилась с мнением Сената, и 18 января 1788 г. братья Баташовы были «восстановлены» в дворянском звании²².

Получение дворянских званий остальными представителями рода Баташовых уже не было сопряжено с такими мытарствами, которые выпали на долю Андрея и Ивана Баташовых. В течение многих лет их родственники терпеливо ожидали исхода дела и ни в каких инстанциях официально не заявляли о своих правах на дворянство. Но как только Андрей и Иван выиграли дело, в дворянские собрания посыпались заявления от прочих представителей промышленной династии Баташовых. От них требовалось лишь подтверждение Андрея и Ивана Баташовых, что они являются их родственниками. В 1789 г. диплом на потомственное дворянство получили Александр и Авраам, затем Михаил и Прокофий Баташовы²³.

²⁰ ГАВО, ф. Баташовых, д. 12.

²¹ ЦГИАЛ, ф. Департамента герольдии, оп. 17, д. 1528, л. 13.

²² Там же, л. 6.

²³ ГАКО, ф. Калужского дворянского депутатского собрания, д. 13. лл. 8—17.

В 1785 г., спустя два года после получения дворянства Баташовыми, с аналогичной просьбой обратился Антипа Максимович Мосолов. Он шёл к цели проторенным путем, и казалось, что достигнет ее с наименьшими усилиями. Во-первых, путь облегчался наличием прецедента с Баташовыми, которые так же, как и Мосоловы, были выходцами из Оружейной слободы. Во-вторых, Мосолов возбудил ходатайство о восстановлении в дворянском звании после опубликования жалованной грамоты дворянству. Если Баташов был восстановлен в дворянстве в порядке исключения, то жалованная грамота дворянству открывала более или менее широкие возможности восстановить дворянское достоинство лицам, предки которых по каким-либо обстоятельствам выбыли из состава служилых людей по отчеству не менее 100 лет назад, т. е. до 1685 г.²⁴

К предстоявшей процедуре обсуждения вопроса о восстановлении попранных дворянских прав Мосоловы представили Разрядному собранию Калужского наместничества справку из Разрядного архива о родословной фамилии Мосоловых, свидетельства «знатных персон», подтверждавшие дворянское достоинство предков просителей и, наконец, свидетельства дворян — однофамильцев Мосоловых, удостоверявших, что просители являются их родственниками.

Из справки, выданной Разрядным архивом, явствовало, что Мосоловы ведут свой род со второй половины XVI в. В десятые мещерских городских дворян под 7088 (1579/80) г. значился сын боярский новик Фока Сидоров сын Мосолов, поверстанный отцовским окладом в 50 четвертей. Заводчики и считали Фоку Сидорова сына Мосолова своим пращуром.

Генеалогическое древо Мосоловых, взращенное архивариусами Разрядного архива, развивалось без особенных отклонений вплоть до последней трети XVII в. Один из сыновей Фоки Мосолова Тимофей, от которого заводчики вели прямую нисходящую линию, в 1645 г. значился среди мещерских дворян и детей боярских новиком и получил 12 руб. «На службе бывает он с городом с ними вместе и на службу на указанный срок приезжает и живет до отпуску».

Тимофеем Мосоловым обрывается дворянский род просителей. Сын Тимофея Григорий какими-то судьбами в 1672 г. оказался в списке «тульских стрельцов и пушкарей, казенных кузнецов и замочников и станочников». Это трудно объяснимое превращение служилого человека по отчеству в казенного кузнеца доставило затем немало неприятностей Антипе Мосолову, который выдавал себя за праправнука Тимофея Мосолова.

Справку Разрядного архива Мосолов подкрепил свидетельствами обер-камергера Ивана Шувалова, генерал-майора Анд-

²⁴ ПСЗ, т. XXII, № 16187, стр. 354—355.

рея Левандинова, бригадира Алексея Хрушова, полковника князя Василия Долгорукова и еще 42 «персон» рангами помельче, которые подтвердили, что его предки «вели благородную жизнь и службу дворянскую». Подписи 46 дворян Мосолов собрал для вящей ~~убедительности~~, так как по жалованной грамоте дворянству достаточно было свидетельства «12 человек благородных»²⁵.

Предусмотрительный заводовладелец, кроме того, заручился подписями шести дворян, носивших фамилию Мосоловых. Секунд-майор Петр Иванович Мосолов засвидетельствовал, что «предписанной Тимофеем Фокин сын Мосолов прадеду моему Даниле Яковлеву брат двоюродной, а означенные содержатели Мосоловы мне праправнучатые братья». Губернский секретарь Андрей Иванович Мосолов признал, что содержатели заводов «находятся мне правнучатыми братьями». Такими же братьями считал заводовладельцев поручик Иван Лукьянович Мосолов. Более осторожный секунд-майор Андрей Иванович Мосолов ограничился лишь тем, что засвидетельствовал дворянское происхождение заводовладельцев, но своими родственниками их не признал.

13 марта 1788 г. дворянское собрание Калужской губ., куда поступили перечисленные выше документы, нашло представленные Мосоловым доказательства дворянского происхождения вполне убедительными и определило «оных разных заводов держателей Мосоловых внести в дворянскую родословную книгу приличную часть и дать роду их грамоту».

Казалось, что впереди остались пустые формальности и ничто уже не препятствовало получению диплома на дворянство. В действительности, однако, Мосоловых ожидало немало неприятностей.

Каким путем Мосоловым удалось обрести новых родственников из дворян, а также добыть документы, удостоверяющие их дворянское происхождение, в делопроизводстве Департамента герольдии, разумеется, сведений нет. Можно лишь строить догадки, что это деликатное дело стоило Мосоловым немало затрат.

Быть может, куш, предложенный заводовладельцами статскому советнику Алексею Андреевичу Мосолову, был недостаточно солидным, чтобы, позарившись на него, можно было уронить дворянское достоинство признанием потомков тульских кузнецов своими родственниками, происходившими от одного предка, а может быть, промышленники и не обращались к нему с соответствующей просьбой, но через два месяца после вынесения решения дворянским собранием предводитель дворянства Калужской губ. получил заявление, поставившее под сомнение

²⁵ Там же, стр. 355

всю затею искателей диплома на потомственное дворянство. Автор этого заявления А. А. Мосолов вместе со своим сыном и племянником утверждал, что Мосоловы-промышленники «состоят не из дворян» на том основании: 1) «что предок дворянин Тимофей Фокинов сын Мосолов, который с протчими 5-ю родными своими братьями службу служил, а они, заводчики, поставляют ево, Тимофея, прапрадедом, умер бездетен»; 2) «что Григорий Мосолов, прадед заводчикам, сошедший в прошлых давних годах в город Тулу, не был сын Тимофеев, а был тульской кузнец». Свое заявление А. А. Мосолов закончил просьбой «чтоб 6-персонам, родственникам ж ево, утверждающим от Тимофея Фокова сына Мосолова по нисходящей линии происхождение заводчиков Мосоловых и признающим оных точно за своих родственников, как несведущих о вышепредписанных обстоятельствах, не верить».

Дворянское собрание, чтобы «в столь деликатной материи» изыскать истину, отправило через Герольдмейстерскую контору дополнительный запрос Разрядному архиву, «были ль дети у Тимофея Фокина сына». Однако бумага, полученная из Разрядного архива, по существу не ответила на вопрос и не сообщала новых данных. Тем не менее 24 мая 1790 г. дворянское собрание, ссылаясь на свидетельства 46 «персон» и шести дворян Мосоловых, объявивших себя родственниками заводоуправляющих, утвердило последних в дворянстве. Многочисленные представители горнорудной фамилии Мосоловых были внесены в родословные дворянские книги по Нижегородской, Тульской, Уфимской, Рязанской и Калужской губерниям²⁶.

Действия Баташовых и особенно Мосоловых, а, быть может, и Мальцевых не относились к числу редчайших явлений. Их способы обзаведения дворянским гербом были настолько распространенными, что уже в конце 60-х годов XVIII в. поддавались обобщению. Так, депутат в Уложенную комиссию от оболенского дворянства Михаил Глазов в одном из своих выступлений указывал, что многие из соискателей дворянских званий «присоединили себя к другим дворянским фамилиям, доставляя о себе по проискам из Разрядного приказа справки, по которым можно было бы прибрать одну фамилию к другой; потом, отыскав кого-либо из той дворянской фамилии самого последнего человека, мота и нехранителя чести своего звания, уговаривали его ту справку подписать с засвидетельствованием, что те отыскивающие дворянство действительно происходят из дворян и состоят с ними в близком родстве, хотя настоящая фамилия, их и не знает и никогда причесть их в свой род не может»²⁷.

²⁶ ЦГИАЛ, ф. Департамента герольдии, оп. 25, д. 2027, лл. 2—4, 32—59; д. 5871, лл. 22—44.

²⁷ Сб. РИО, т. 4, стр. 212.

Представители третьей фамилии, претендовавшей в 1765 г. на «чин», Красильниковы, были победнее Баташовых и Мосоловых и не могли «организовать» себе дворянских предков. Тем не менее к концу 80-х годов XVIII в. одному из Красильниковых все же удалось получить диплом на дворянство. В отличие от Баташовых и Мосоловых, деятельные представители которых проложили путь к дворянству всему своему роду, каждый из Красильниковых действовал изолированно, поэтому в списке заводовладельцев конца XVIII в. сословное место представителей рода Красильниковых было неодинаковым. Николай Красильников числился просто заводчиком. Это значит, что он платил подушную подать и, на языке того времени, относился к «подлому» народу. Большого достиг Семен Красильников, получивший чин коллежского комиссара, равнозначный директорскому чину, который, как мы видели, непродолжительное время носили Твердышев и Мясников. Петр Григорьевич Красильников в январе 1790 г. был зачислен в дворянскую родословную книгу по Уфимской губ. Он добыл дворянское звание широко распространенным во второй половине XVIII в. способом — службой в гвардии, причем поступление в гвардейский полк носило откровенно утилитарный характер. В лейб-гвардию П. Г. Красильников поступил в 1786 г., 1 января следующего года он был произведен в прапорщики и немедленно ушел в отставку. 8 декабря 1789 г. он уже в качестве отставного прапорщика подал заявление о зачислении его в «благородное достоинство»²⁸.

Служба в армии с целью получения чинов и дворянского герба была наиболее доступным средством одворянивания. Главное преимущество этого способа состояло в том, что цель достигалась при минимальных денежных затратах.

Служба в армии доставила дворянское звание и Ефиму Ефимовичу Ширяеву, владельцу двух Шайтанских заводов. Его отец, Ефим Алексеевич Ширяев, был гороховским купцом. Сын купца провел в гвардейской казарме не несколько месяцев, как П. Г. Красильников, а восемь лет и в январе 1796 г. был выпущен в армию поручиком, после чего около двух лет служил в Рыльском мушкетерском полку. Е. Е. Ширяев и его дети в 1817 г. были внесены в родословную книгу дворян Владимирской губ. Двоюродный брат Е. А. Ширяева Александр Сергеевич в 1804 г. числился майором в отставке²⁹.

Основатель Инсарского металлургического завода Андрей Максимович Никонов так и умер «заводосодержателем», а его сыновьям уже удалось заполучить дипломы на дворянство: Сер-

²⁸ ЦГИАЛ, ф. Департамента герольдии, оп. 19, д. 8400, лл. 5—8, 19, 20.

²⁹ Там же, оп. 38, д. 1765, лл. 2, 6, 7; ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2675, л. 227.

гей по ведомости 1797 г. значился поручиком, а Александр в 1801 г. числился титулярным советником³⁰.

Заводосодержателем в 1781 г. умер даже такой богач, как Максим Походяшин. Он довольствовался тем, что дал превосходное образование своим двум сыновьям и расчистил им путь в дворянство: Григорий в 1774 г. поступил в Преображенский полк, в 1783 г. имел чин поручика, в 1785 г. — капитана и уволился в отставку премьер-майором; Николай занимал должность провиантмейстера³¹.

Сын владельца Ирбинского завода, московского купца Савельева Иван Иванович в конце века имел чин поручика³².

Некоторым представителям промышленных фамилий удавалось получить дворянское звание только в третьем поколении. Так, капитаны Ларион и Николай Максимовичи Лугинины были записаны в родословную книгу дворян Тульской губ. в 1792 г. Оба они начали службу в лейб-гвардии сержантами и в 1785 г. были пожалованы армейскими капитанами³³. Дед и отец новопеченных капитанов считались тульскими купцами и владельцами металлургических заводов.

Андрей Герасимович Глазов, сын симбирского купца и основателя Богословского медеплавильного завода, достиг минимальных успехов в служебной карьере, закончив свой жизненный путь в звании корнета. Сыновья корнета Глазова пошли значительно дальше. В 1802 г. А. Г. Глазов оформил завещание своим сыновьям. Наследниками завода оказались отставной коллежский ассессор Петр, капитан Иван и нигде не служивший Александр Глазовы³⁴.

Немаловажную роль в одворянивании фамилий промышленников имели брачные союзы. Отставные капитаны, майоры и даже бригадиры охотно женились на вдовах и дочерях промышленников в надежде получить богатое приданое. Марья Сидоровна Рюмина, оказавшись вдовой, вышла замуж за князя Килдишева. Дочь Панкрата Рюмина Пелагея в документах 70-х годов XVIII в. фигурирует в качестве супруги отставного капитана Преображенского полка Михаила Валуева³⁵.

Аксинья Артемьевна Маленкова, дочь владельца Берсудского завода, превратилась в капитаншу Аристову³⁶. Дочь гостинной сотни Алексея Чирьева Матрена наследовала Истинский завод и стала супругой секунд-майора Александра Михайловича Шу-

³⁰ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2291, л. 171.

³¹ М. Н. Лонгинов. Указ. соч., стр. 236. С 1787 г. производить в капраны и унтер-офицеры было запрещено. ПСЗ, т. XXII, № 16586, стр. 945.

³² ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2619, лл. 147—148.

³³ ЦГИАЛ, ф. Департамента герольдии, оп. 24, д. 3064, лл. 1, 8.

³⁴ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2308, л. 681.

³⁵ Там же, кн. 2126, л. 77.

³⁶ Там же, кн. 1370, л. 123.

валова. Впрочем, Чирьевы одворянивались и по мужской линии. Дядя Матрены Шуваловой Алексей Григорьевич Чирьев в середине XVIII в. имел звание отставного секунд-майора³⁷.

Род Осокиных, владевший Бемышевским медеплавильным заводом, к концу XVIII в. растворился в дворянских фамилиях. 16-летняя Анна Дмитриевна Замятина в 1757 г. вышла замуж за владельца этого завода Василия Игнатьевича Осокина. Через год Осокин умер и молодая вдова стала женой коллежского асессора Алексея Филипповича Крапивина. В 1764 г. она, будучи уже Крапивиной, помогала соучастия во владении Бемышевским заводом³⁸. Претензия Крапивиной не была удовлетворена, дело, видимо, ограничилось получением денежной компенсации. Во всяком случае, Крапивина в качестве совладелицы Бемышевского завода в документах Берг-коллегии не упоминается. В 1777 г. Бемышевский завод вновь оказался в женских руках — им владела Елизавета Осокина, превратившаяся в майоршу Лебедеву.

Известен еще один случай перехода завода в дворянский род в результате брачного союза — Пелагея Мосолова, владелица Бытошевского завода в конце XVIII в. стала именоваться капитаншей Ртищевой.

Среди заводоладельцев конца XVIII в. появилась новая фигура — именитый гражданин Михаил Губин. Подобно большинству других промышленников Губины одворянились во втором поколении, уже в середине XIX в. Хотя этот сюжет выходит за хронологические рамки нашего исследования, мы тем не менее остановимся на нем, так как путь Губина к дворянству имеет специфические особенности. Главным средством, к которому Павел Михайлович Губин, сын именитого гражданина, периодически прибегал при достижении заветной цели, была благотворительность. В 1827 г. он пожертвовал значительную сумму в пользу московского Елизаветинского училища, в котором он вскоре занял пост казначея. Одновременно он был определен директором Пермского попечительного общества о тюрьмах. В 1829 г. он вновь пожертвовал Елизаветинскому училищу 25 тыс. руб. Попечительская деятельность Губина мало-помалу приносила ожидаемые плоды. В 1832 г. он был пожалован орденом св. Анны 2-й степени, через три года стал надворным советником, еще через 12 лет — коллежским советником. Наконец, в 1854 г. «за особое усердие на пользу Московского Елизаветинского училища» Губин был пожалован советником. Этот чин давал потомственное дворянство. Губин подал соответствующее прошение, но Сенат дважды отказывал ему в просьбе на том основании, что ему «чины пожалованы были не в порядке

³⁷ Там же, д. 150, л. 1.

³⁸ Там же, кн. 41, лл. 54—56.

службы, но в виде особой милости, за усердие на пользу Елизаветинского училища и безвозмездные труды». В конечном счете в том же 1854 г. Губину все-таки было пожаловано потомственное дворянство³⁹.

Новые дворяне не жалели средств, чтобы утвердить себя в рядах привилегированного сословия. Подражая знатым вельможам, промышленники строили богатые дома, обзаводились многочисленной прислугой, псовой охотой, оркестрами.

Роскошь усадеб некоторых промышленников, получивших дворянство, поражала даже выдавших виды современников. Дворянское гнездо асессор Баташов свил на Гусевском заводе. Здесь трехэтажный особняк промышленника был отделан, по замечанию Ярцова, «весьма богатою рукою». Но более всего Ярцов восхищался оранжереей, тоже трехэтажной, длиною около полутора верст. На первом этаже были посажены лимонные и померанцевые деревья, грецкие орехи и цветы. Второй этаж был отведен под персиковые, абрикосовые и вишневые деревья. На третьем этаже выращивался виноград. Грандиозной по размерам оранжереи с субтропическим садом могли позавидовать богатейшие люди Европы⁴⁰.

С не меньшим блеском жили Гончаровы. Воспитывавшийся вместе с сыном Афанасия Николаевича Гончарова Аполлинарий Петрович Бутенев в своих воспоминаниях отметил, что у Гончаровых «барская обстановка была поставлена на очень широкую ногу». Зимой Гончаровы жили в Москве, а лето проводили в усадьбе при Полотняном Заводе. Бутенев был поражен многочисленным составом прислуги, обслуживавшей семью барина из трех человек, а также наличием трех оркестров: духового, струнного и роговой музыки. К услугам многочисленных гостей было множество экипажей, псарни для охоты. Дом для гостей был открыт почти ежедневно, причем их «принимали так, чтобы им захотелось приехать в другой раз»⁴¹.

А. Ф. Турчанинов мог похвастать не только превосходной оранжереей, где выращивалось множество ананасов, но и минералогическим кабинетом с богатейшей коллекцией малахитов. Все это дополнялось роскошной библиотекой. В. С. Хвостов, посетивший дом Турчанинова в Екатеринбурге около 1779 г., считал, что библиотека имела чисто декоративное назначение и ею не пользовались не только владелец дома, но и его наследники, по существу, не приобщившиеся к духовной культуре. Хвостов не без иронии отметил, что когда настал черед делить библиотеку между тремя наследниками, то каждый

³⁹ ЦГИАЛ, ф. Департамента герольдии, оп. 19, д. 5225, лл. 3—7, 32, 51—52.

⁴⁰ А. Ярцов. Российская горная история, ч. II, лл. 87—88.

⁴¹ «Воспоминания Аполлинария Петровича Бутенева», б. м. и б. г., стр. 7—8.

из них брал с полки третью книгу. Так были разрознены хранившиеся в библиотеке сочинения как русских, так и иностранных авторов ⁴².

Дом Твердышева и Мясникова в Симбирске был лучшим в городе. Во время путешествия по Волге в 1767 г. Екатерина II, прибыв в Симбирск, остановилась в доме богатых заводладельцев ⁴³.

Несколько обособленным был быт Максима Михайловича Походяшина. Как правило, первое поколение промышленников, основателей династий, было невзыскательно относительно комфорта. Они еще лично выступали в роли организаторов производства и совсем не походили на мотов и чудаков типа Прокопия Демидова или Николая Гончарова. В быту Походяшина, человека несомненно одаренного, сочетались переходные черты от богатого купеческого дома к барской усадьбе. Походяшин жил в Верхотурье в деревянном доме с 30 превосходно расписанными и меблированными комнатами. Купеческое хлебосолюство и расточительность, когда речь шла о приеме, угощении и преподнесении подарка такому вельможе, как сибирский губернатор Д. И. Чичерин, сочетались с личной неприязнностью, когда в доме не было гостей. Летом этот богач ходил в китайчатом халате, зимой надевал нагольный тулуп; а на заводы ездил на дровнях.

Походяшин не стеснялся драться с живого и мертвого и в то же время умел прикрывать свою хищную натуру внешней простотой, патриархальностью и набожностью, по субботам он раздавал милостыню. Ничего так не любил Походяшин, как сватать молодежь ⁴⁴. Все это нисколько не мешало ему держаться неоплатной кабале сотни людей, применять по отношению к ним жестокие наказания и даже пытки.

Иные из одворянившихся промышленников сумели приобрести не только внешний лоск, прикрывавший убожество духовной жизни владельца колоссальных богатств, но и подняться до вершин русской культуры XVIII в. К их числу принадлежал Иван Петрович Осокин. Страсть к чтению и любовь к поэзии свели Осокина с выдающимися писателями XVIII в., он был знаком с В. К. Тредиаковским, И. И. Дмитриевым, Г. Р. Державным. Последнему он даже оказывал материальную помощь в годы, когда молодой поэт еще не пользовался известностью. Великолепный дом Осокина в Петербурге был местом встреч писателей и поэтов столицы. Сам хозяин дома тоже писал стихи. И. И. Дмитриев, оставивший описание встречи с И. П. Осо-

⁴² «Записки В. С. Хвостова», М., 1871, стр. 56.

⁴³ «Сборник исторических и статистических материалов Симбирской губернии». Симбирск, 1868, стр. 188.

⁴⁴ М. Н. Лонгинов. Указ соч., стр. 234.

киным, отметил, что ему довелось читать сочиненную заводо-владельцем «Пастушескую песню», отысканную Державиным в своих бумагах ⁴⁵.

В итоге нам удалось осветить историю получения дворянских дипломов 16 представителями владельцев промышленных хозяйств России XVIII в., из которых в списке металлургов конца XVIII в. упоминается 11 фамилий. Если к этому прибавить Демидовых и Яковлевых, то окажется 13 фамилий, т. е. ровно столько, сколько одворянившихся промышленников насчитывалось в конце столетия.

В частной металлургии России к исходу XVIII в. насчитывалось 57 промышленных хозяйств, находившихся в руках 41 фамилии: династия Демидовых владела шестью хозяйствами, по четыре было у Мосоловых и Баташовых, три у Яковлевых; по два — у Строгановых, Красильниковых и Хлебниковых. По сословному признаку из 40 фамилий купцов было 16, дворян 30. В свою очередь последних можно разбить на три подгруппы: к первой в составе 10 фамилий мы относим потомственных дворян ⁴⁶, во вторую подгруппу численностью в 13 фамилий мы включаем одворянившихся буржуа ⁴⁷, третья подгруппа представлена семью дворянскими фамилиями, к которым заводы попали в результате брачных союзов.

Т а б л и ц а 16

**Удельный вес сословных групп промышленников
в металлургическом производстве на 1795 г.**

Наименование групп	Число фамилий	%	Продукция			
			медь		чугун	
			пуды (тыс.)	%	пуды (млн.)	%
Потомственные дворяне . . .	10	25,0	0,6	0,3	0,6	10,2
Одворянившиеся буржуа	13	32,5	47,6	53,3	4,0	67,8
Дворяне, владевшие заводами по браку	7	17,5	28,2	31,3	0,6	10,2
Купцы	10	25,0	13,6	15,1	0,7	11,8
Итого	40	100	90	100	5,9	100

⁴⁵ И. И. Дмитриев. Взгляд на мою жизнь. М., 1866, стр. 67, 68.

⁴⁶ Всеволожский, Голицын, Долгорукий, Калинин, Кепонов; Сатин, Строганова, Тевклев, Хлебников, Шаховской.

⁴⁷ Батаковы, Глазов, Гончаров, Демидовы, Красильников, Лаарев, Лугинины, Масоловы, Никонов, Осокин, Турчаниновы, Ширяев, Яковлевы.

Рассмотрим удельный вес перечисленных групп в промышленном производстве на 1795 г.

Из приведенных данных видно, что основная масса промышленных предприятий и промышленной продукции сосредоточивалась в руках заводоладельцев из купцов и посадских, сумевших получить дворянство. Обращает на себя внимание необычайная концентрация производства. Так, Демидовы владели 29 предприятиями, Яковлевы — 25, Баташовы — 14, Осокины — 11, Мосоловы — 8.

Названными здесь фамилиями далеко не исчерпывается перечень купцов и промышленников, получивших дворянские звания. В 1738 г. Иван Затрапезный получил чин коллежского асессора «за размножение им Ярославской полотняной фабрики»⁴⁸. Известные откупщики Роговиков, Хлебников и Кишкин тоже получили дворянство. Первый из них умер в 1767 г. в чине надворного советника⁴⁹, а два последних, будучи титулярными советниками, именным указом 18 января 1768 г. были пожалованы коллежскими асессорами⁵⁰. Князь М. М. Щербатов в одном из своих сочинений перечислил девять богатейших купцов и откупщиков России, пожалованных в дворяне. Среди них встречаются новые для нас фамилии: Кузьма Матвеев, Логинов, Барышников, Лукин, Мещанинов, Гусятников и Зубков⁵¹. Абсолютизм признавал заслуги откупщиков в пополнении бюджета и щедро награждал их не только возможностью лично обогащаться, но и включением в состав привилегированного сословия.

Менее богатые купцы и промышленники добивались чинов путем военной и гражданской службы. Со времени опубликования Табели о рангах процесс проникновения в дворянскую среду людей «подлой породы» протекал довольно интенсивно. Не подлежит сомнению тот факт, что интенсивность этого процесса находилась в прямой зависимости от расширения дворянских привилегий. На вакантные места, освобожденные дворянами в армии, флоте и гражданской службе, хлынули прежде всего разночинцы и отчасти посадские и крестьяне. Белевские дворяне, например, с тревогой отмечали в наказе своему депутату в Уложенную комиссию, что дворянский корпус России «едва не вполы» стал состоять «из не известных званий, а паче из приказных служителей, кои, достигши до офицерских чинов и под тем званием накупя земель и крестьян, верстают себя в ряд с помещиками, включая в число благородного общества»⁵².

Цитированное заявление, видимо, грешит преувеличением, но о том, что пополнение рядов дворянства «подлородными» людь-

⁴⁸ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1250 л. 253.

⁴⁹ Там же, кн. 44, л. 245.

⁵⁰ Там же, кн. 45, л. 62.

⁵¹ М. М. Щербатов в Соч., т. I, стр. 624.

⁵² Сб. РИО, т. 68, стр. 611.

ми приняло нежелательные для привилегированного сословия размеры, свидетельствуют многие другие указы дворян в Уложенную комиссию. В ее адрес посыпались предложения, реализация которых должна была затруднить доступ в дворянское сословие, с одной стороны, и ограничить привилегии так называемых новых дворян — с другой.

Князь М. М. Щербатов, известный дворянский теоретик, ополчился прежде всего против тех норм, которые позволяли «подлородным» людям проникать в дворянскую среду. По его мнению, поддержанному в Уложенной комиссии и другими дворянскими депутатами, Табель о рангах для второй половины XVIII в. явно устарела. Она была введена Петром I с целью поощрения дворян к службе и овладению науками. Теперь, продолжает демагогически Щербатов, когда «российское дворянство по единой любви к отечеству и славе и по усердию к своим монархам достаточно наклонно и к службе и к наукам, то кажется, что право, сравнивающее это сословие со всяким, кто бы каким бы то ни было образом ни достиг до офицерского чина, должно отменить»⁵³. Компромиссно настроенные депутаты взамен столь радикальной меры, предложенной Щербатовым, рекомендовали ввести лишь отдельные изменения в Табель о рангах. Так, депутат от кашинских дворян Иосиф Кожин предлагал установить столь строгие правила присвоения офицерских званий, что ими могли быть удостоены очень немногие люди из недворян, причем гражданская служба должна была быть исключена из числа возможных средств получения дворянского достоинства⁵⁴. Дворяне Малоярославского уезда предлагали присваивать разночинцам только сержантское, а не офицерское звание. Депутат от курского дворянства Петр Стромиллов осуждал существовавший порядок получения дворянского диплома, когда каждый разночинец, дослужившийся до офицерского звания, автоматически становился дворянином. Более всего Стромиллова огорчало то обстоятельство, что право пожалования офицерским чином прапорщика было предоставлено командиру дивизии. Этот последний, производя кого-либо в прапорщики, фактически награждал его дворянством, т. е. «равный равного себе производил»⁵⁵. Многие депутаты от дворян настаивали на том, чтобы право жаловать дворянское достоинство принадлежало исключительно верховной власти.

Причину столь враждебного отношения потомственных дворян к расширению состава дворянского сословия установить нетрудно. Кстати, ее не скрывали и сами дворяне. Наиболее лаконично и в то же время исчерпывающе определил ее депутат от кромских дворян Похвиснев, заметивший, что «всякая вещь теряет свою цену, как скоро она делается многоупотребитель-

⁵³ Сб. РИО, т. 4, стр. 150.

⁵⁴ Там же, стр. 172.

⁵⁵ Там же, стр. 328.

ною»⁵⁶. Потомственные дворяне, в частности, связывали утрату прежнего значения своих привилегий с массовыми покупками крестьян выслужившимися в дворяне «подлыми» людьми; поэтому они предлагали назначить определенный срок для обратной продажи таких крестьян «природным» дворянам⁵⁷.

Ради каких преимуществ основная масса промышленников пускалась во все тяжкие, чтобы получить дворянский герб? Что их привлекало в дворянском звании? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим содержание социально-экономических требований, выдвигавшихся промышленниками на протяжении XVIII в.

4. Некоторые вопросы идеологии буржуазии

Подробно осветить идеологию буржуазии уместно в той части работы, где будет рассмотрена промышленная политика правительства, в известной мере учитывавшая требования заводовладельцев. Отчасти эта тема освещена нами в трех статьях¹. Здесь мы остановимся лишь на той стороне этой проблемы, которая непосредственно связана с проникновением промышленников в дворянскую среду.

На протяжении XVIII в. промышленники-металлурги имели возможность всего лишь дважды высказаться о своих насущных нуждах. Первый раз предложение определить свои требования было получено от В. Н. Татищева в 1734 г., причем оно относилось исключительно к заводовладельцам Урала. Повторно, на этот раз всем промышленникам России, было предписано высказаться о своих нуждах 30 лет спустя, в 1763 г.

В. Н. Татищев был отправлен на Урал в 1734 г. Среди пунктов обширной инструкции, которой он должен был руководствоваться на Урале в качестве командира Канцелярии главного правления сибирских и казанских заводов, имелось специальное задание: «По рассмотрении надлежащих указов и по причине приключавшихся или впредь чаемых распрь между заводчиками и мастерами в делах, к заводам принадлежащих, сочинить устав, к которому для совета созвать самих промышленников или прикащиков и оной прислать к нам для разсмотрения»².

В осуществление этой инструкции В. Н. Татищев созвал в Екатеринбурге совещание промышленников или их приказчиков

⁵⁶ Там же, стр. 191.

⁵⁷ Там же, стр. 210.

¹ См. Предисловия к публикациям документов: «Наказ шихтмейстеру В. Н. Татищева». — «Исторический архив», т. VI. М. — Л., 1951; «Материалы совещания уральских промышленников 1734—1736 гг.». — «Исторический архив», т. IX. М., 1953, а также статью «Из истории социально-экономических требований русской буржуазии в XVIII в.». — «Исторические записки», т. 59.

² ПСЗ, т. IX, № 6559, стр. 295.

для обсуждения проекта Горного устава. Его участникам был предложен вопросник, причем ответ на каждый из поставленных вопросов должен был составить содержание определенной статьи Устава. В речи, обращенной к собравшимся, Татищев предлагал, чтобы «всяк свое мнение объявил без всякого собственного пристрастия, рассуждая, что оное не для одной персоны и не за одно дело и время, но в закон вечный быть имеет»³.

Заводовладельцы и их приказчики высказали ряд суждений о промышленной политике правительства. Не ставя перед собою задачи рассмотреть все аспекты этих суждений, отметим в самой общей форме, что требования промышленников сочетали элементы свободы предпринимательства, свойственной капиталистическому обществу, с элементами крепостничества.

Промышленники резко и единодушно протестовали против введенной В. Н. Татищевым жесткой регламентации производства и сбыта, считая, что каждый из них «волен капитал свой содержать так, как кому за полезное разсудитца»⁴. Заводовладельцы требовали полной свободы в своих отношениях с наемными, предоставления неограниченного права использовать женский и детский труд, отказывались от вознаграждения рабочих людей и мастеровых за время болезни и вынужденных прогулов, добивались уменьшения штрафов за прием беглых на заводы и создания более благоприятных условий для крестьян, желающих наняться для работы на мануфактуре. Иными словами, формировавшаяся русская буржуазия, такая же хищная, как и западноевропейская, требовала свободы неограниченной эксплуатации крестьян и посадских. Эти чисто буржуазные требования уживались с домогательствами тех же промышленников расширить применение принудительного труда на заводах, в частности увеличить нормы приписки крестьян и предоставить их право использовать труд этих крестьян без каких-либо ограничений: вместо 100 дворов к домне они требовали приписки 200 дворов, а к медеплавильной печи вместо 30—60 дворов крестьян, «которых бы и сверх подушного окладу, когда у них деловых работ нет, попеременно на заводы в работу наряжать за платную или за уставленную плату»⁵.

Спустя 30 лет, в 1763 г. Екатерина II специальным указом предложила Сенату принять меры, «дабы в Российской империи фабрики и прочия ко употреблению подобные рукоделия не только внутри живущих довольствовались, но еще бы за тем излишние в другие государства с прочими из России товарами как можно более отпускали». Основываясь на именном указе, Сенат затребовал от Главного магистрата, Мануфактур-коллегии Берг-

³ И. Герман. Историческое начертание..., стр. 152.

⁴ Исторический архив», т. IV; стр. 230.

⁵ «Исторический архив», т. IX, стр. 132.

коллегии конкретных предложений об устранении помех развитию промышленности и торговли. Берг-коллегия, исполняя сенатский указ, срочно запросила подведомственных ей промышленников, «не имеют ли они каких тягостей». В результате появились «изъяснения», присланные 11 промышленниками⁶.

По своему содержанию «изъяснения» далеко не равноценны. Одни из них и по форме и по существу напоминают обычные челобитные, которыми так богат фонд Берг-коллегии. Примером такого типа документов является «покорное изъяснение» владельцев Истинского-Залипьяжского завода князя Г. П. Килдишева и московского купца И. П. Рюмина. Авторы «покорного изъяснения» мало интересуют общие перспективы развития металлургии и необходимые для этого меры правительства в общегосударственном масштабе, их заботы ограничены судьбами собственного, пришедшего в упадок, небольшого предприятия, построенного еще в 1717 г.

Своеобразный интерес представляет «покорнейшее известие» Прокопия Акинфиевича Демидова. Этот изнежившийся барин, известный своими чудачествами, совсем не походил на своих энергичных предков — деда Никиту и жестокого стяжателя отца Акинфия. Получив свою часть имущества по разделу 1758 г., Прокопий Демидов вел праздную жизнь в столицах, разъезжал по Европе и ни разу не удосужился побывать на своих заводах. Его ответ Берг-коллегии, занявший полстранички, как нельзя лучше характеризует отношение владельца к своему хозяйству. «В тамошних заводах, — писал он, — быть мне не случилось и затем, какие оные заводы имеют тягости, и какое к тому вспомошествование потребно, — ныне я показать не могу».

Остальные «изъяснения» отличаются большей обстоятельностью: в них наряду с описанием частных «тягостей» и изложением личных просьб подняты такие общие вопросы, как налоговая политика правительства, обеспечение предприятий рабочей силой, горное законодательство, сбыт изделий и т. д.

Над всеми этими «изъяснениями» возвышается документ, составленный Иваном Борисовичем Твердышевым, «изъяснения» которого отличаются от прочих как по своим размерам (они содержат 37 пунктов, изложенных на 40 листах), так и по количеству освещенных вопросов. Предложения Твердышева глубоко мотивированы и свидетельствуют о превосходной осведомленности автора о состоянии и нуждах металлургической промышленности России в целом.

Сопоставляя требования промышленников, высказанные на уральском совещании, с требованиями, изложенными в «изъяснениях», следует отметить, что они эволюционировали в опреде-

⁶ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 1223, лл. 4—97.

ленном направлении. В особенности это сказалось на требованиях промышленников об обеспечении заводов рабочей силой.

Оценив все преимущества применения наемного труда на шведских предприятиях, Твердышев, тем не менее, не требует создания в России такого же емкого рынка рабочей силы. Сравнивая далее, положение крестьян в России с положением крестьян в западноевропейских государствах. Твердышев всего лишь констатирует факт, что «там всякой человек, где захочет жить, то тут не только одного собственною своею персоною, но и со всем своим семейством и живет временной или вечно, не требуя ни от кого себе пашпорта», в России же «крестьянин без отпуску своего помещика и без пашпорта, да и то временного, а не постоянного, никуда наняца не может». Это сравнение понадобилось Твердышеву для того, чтобы сделать пессимистический вывод: «Российским заводчикам никакова и средства нет, чтоб заводы свои производить по европейскому примеру вольными людьми».

Таким образом, экономическая мысль даже наиболее одаренного представителя буржуазии не поднималась до требования отмены крепостного права. Она ограничивалась робкой и непоследовательной критикой крепостничества. Более того, все старания Твердышева были направлены на теоретическое обоснование прав промышленников на использование крепостного труда в металлургии. «Ничто так при сибирских, а особливо при оренбургских заводах истинную цену меди и железу (их себестоимость.— Н. П.) не возвышают», как отсутствие покупных и приписных крестьян,— с такого категорического заявления начинается Твердышев часть своего трактата, посвященную рабочей силе.

Претензия Твердышева на принудительный труд не является оригинальной. После опубликования указа 1762 г., запрещавшего покупку и приписку крестьян к мануфактурам, заводладельцы при всяком удобном случае напоминали правительству о том, что новый указ наносит ущерб развитию промышленности. Лаконичные заявления на этот счет мы встречаем и в «изъяснениях» промышленников. Так, П. И. Баташов на первое место в своих предложениях поставил требование о восстановлении отмененного права покупать крестьян: «К заводам крестьян с землями и без земель надлежащее указное число покупать позволить для того, ежели не имея к тому собственных людей в мастерствах, в том никакой содержателю надежды в произведений завода быть не может». Василий Артемьевич Меньшой Ливенцов, приступивший к постройке Николае-Павдинского завода в 1760 г., также заявил, что содержать его «без покупных крестьян никак невозможно». Мотивы своего заключения Ливенцов кратко изложил в следующих словах: «Вольнонаемные работники заводских мастерств ничего не знают и о мастерствах ко обучению не радят, а обучать их убыточно», ибо «кого какому заводскому мастерству с убытком обучишь, отходят к другим заводчикам».

Затруднения заводовладельца, обусловленные применением наемного труда, Твердышев изложил более обстоятельно. Отсутствие людей наемного труда в районе действия заводов вынуждает промышленника нанимать рабочих людей во внутренних губерниях, причем не в одном уезде, а в разных, выдавать нанявшимся аванс на уплату податей, «выправлять» на каждого из них паспорт. При таком порядке найма каждого агента заводовладельца сопровождал обоз с деньгами, для охраны которого снаряжалась специальная команда. Промышленник при этом оплачивал «прохожие дни» — полтора-два месяца в оба конца. Многие крестьяне, получив аванс, убегали или уклонялись от явки на завод, чем также приносили урон промышленнику. Других же крестьян, не успевших отработать полученный аванс, заводчик вынужден был отпускать сам «в дома свои», так как истекал срок паспорта. Таким образом, наем работников, по мнению Твердышева, вводил заводчика в непроизводительные расходы.

Пагубное влияние на производительность труда и рентабельность предприятия оказывала текучесть рабочей силы. На заводы попеременно приходили необученные работники, что вызывало «в заводском деле медлительность и вред и частые в заводском течении остановки», повышавшие себестоимость продукции. Овладение производственными навыками, даже такими несложными, как добыча руды и углежжение, требовало, по подсчетам Твердышева, по крайней мере двух-трех лет. Но обучившийся заводскому делу крестьянин находился во власти помещика, который нередко отказывал ему в продлении паспорта. Этим самым промышленник лишался компенсации за убытки, понесенные им за время обучения крестьянина какому-либо мастерству.

Привычная для современников фразеология о «всенародной пользе» и «государственном интересе» была использована Твердышевым для доказательства того, что применение труда необученных людей наносит ущерб не только промышленнику, но и государству. Прибывший на завод крестьянин, выполняя работу углежого, выжигает угля в два раза или в лучшем случае на $\frac{1}{3}$ меньше, чем кадровый углежог. Совершенно очевидно, что такой углежог уменьшает размер прибыли заводовладельца. Но в то же время он наносит ущерб казне нерациональным использованием лесных богатств, составлявших на Урале достояние государства. Кроме того, временные работники, живя при заводах без семьи, лишаются необходимого ухода и часто болеют, а главное — «в чадородии их сочиняется уменьшение».

Изложив свое отрицательное отношение к существовавшей практике обеспечения рабочей силой металлургических заводов, Твердышев наметил и пути решения этой волновавшей всех промышленников проблемы. Как и прочие авторы «изъяснений», Твердышев требует восстановления отмененного в 1762 г. права

промышленников покупать крестьян к заводам, а также возобновления практики приписки государственных крестьян к мануфактурам. Оригинальность Твердышева состоит не в формулировке этого банального требования, а в изложении мотивов, которые, по его мнению, должны были убедить правительство в том, что оно поступило опрометчиво, опубликовав указ 1762 г.

Чтобы не заподозрили его в защите своекорыстных интересов, Твердышев не останавливается на выгодах, получаемых заводо-владельцем от эксплуатации принудительного труда покупных и приписных крестьян. Напротив, весь пыл и знания Твердышев направляет на аргументацию тезиса о том, что приписка и покупка крестьян прежде всего выгодны государству, дворянам и даже самим крестьянам.

Твердышев руководствовался той правильной мыслью, что труд в промышленности намного производительнее труда в сельском хозяйстве. По его данным, в России было зарегистрировано около 6, 6 млн. ревизских душ⁷. Эта масса податного населения вместе с неположенными в подушный оклад украинцами, башкирами и калмыками производила товаров для экспорта на сумму около 5 млн. руб. Между тем только металлургические предприятия, полностью укомплектованные работными людьми, могли бы производить экспортного металла на сумму до 3 млн. руб. Успешное развитие промышленности и вызванное этим частичное перераспределение крестьян между помещиками и заводо-владельцами привело бы, таким образом, к «немалому государственному обогащению».

Свободное обращение крепостных крестьян как товара, доказывал Твердышев, выгодно и помещикам, так как с увеличением числа покупателей крепостных душ поднимется на них цена. Постоянный спрос на крепостных со стороны покупателей-недворян позволит помещику в любой момент, как только ему понадобятся деньги, совершить выгодную для себя сделку. Кроме того, переселение крестьян на заводы может «внутри государства тесноты в землях поубавить», что повысит доходы помещиков Европейской России за счет расширения барской запашки и развития скотоводства.

Таким образом, покритиковав крепостнический строй и косвенно признав преимущества наемного труда на Западе, Твердышев не поднялся до требования отмены крепостного права. Его рекомендации носили половинчатый характер и подсказывали правительству пути более широкого использования крепостничества в рамках буржуазных отношений.

В горном законодательстве России отсутствовали указы, определявшие порядок использования крестьян на мануфактурах.

⁷ Вторая ревизия (1743—1746 гг.) зарегистрировала 6 412 872 души м. п. крестьян (В. И. Семевский. Крестьяне в царствование Екатерины II, т. I. СПб., 1881, стр. 28).

Промышленник мог превратить крестьянина в кадрового рабочего мануфактуры, навсегда оторвав его от сельского хозяйства, но не возбранялось купленного крестьянина использовать на заводских работах лишь частично. Были, однако, случаи, правда, редкие, когда промышленник стремился приобрести крестьян «для лица», как называли официальные документы покупку промышленниками крестьян, осуществлявшуюся под видом предпринимательства с целью использования их исключительно в сельском хозяйстве. По мнению Твердышева, труд купленных крестьян должен был применяться на заводских работах в таких же размерах, как и в барщинном хозяйстве: три дня крестьянин должен был работать в собственном хозяйстве и столько же на заводе, но не больше. Столь странная, на первый взгляд, забота Твердышева о благополучии крестьян и его нежелание отрывать купленных крестьян от сельского хозяйства станет понятной, если мы вспомним предшествующие рассуждения Твердышева об условиях, задерживающих оборот капитала. Промышленники Южного Урала вынуждены были создавать годовые запасы продовольствия, и рекомендуемое Твердышевым распределение крестьянского труда между крестьянскими и заводскими работами должно было освободить промышленника от забот по заготовке продуктов. Частичное использование крестьянского труда в промышленности было выгодно и с другой стороны — собственное хозяйство обеспечивало крестьянина и его семью необходимыми продуктами и, следовательно, позволяло промышленнику держать заработную плату на низком уровне: если же заводские крестьяне будут полностью оторваны от сельского хозяйства и единственным источником их существования станет получаемое на заводе жалование, то это промышленнику «убыточнее будет, нежели... вольнонаемными работниками заводы производить». Таким образом, Твердышев в своих требованиях предвосхитил установившуюся в конце XVIII в. практику работы посессионных и вотчинных крестьян на мануфактурах по системе «брат на брата».

Предложенный Твердышевым порядок использования купленных крестьян на заводских работах требовал пересмотра норм покупки. Эти нормы хотя и не были установлены законом, но Берг-коллегия, рассматривая просьбы промышленников, всегда руководствовалась известной инструкцией В. Н. Татищеву и частными дополнениями к ней, определявшими количество дворов для приписки, а именно 100 дворов к домне, 50 дворов к медеплавильной печи и 30 дворов к молоту⁸. В пределах этих норм приписки Берг-коллегия устанавливала максимум дворов для покупки в каждом отдельном случае.

⁸ По указу Сената 17 января 1751 г. к медеплавильным заводам приписка крестьян должна была производиться из расчета 50 дворов на 1 тыс. пуд. выплавленной меди. — ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, д. 262, л. 33.

Известно, что владельцы заводов, обслуживавшихся трудом приписных либо покупных крестьян, должны были в той или иной мере прибегать к найму рабочей силы, так как принудительный труд не обеспечивал даже заготовки сырья в необходимом количестве. Добиваясь полного перевода предприятий на принудительный труд, Твердышев рекомендует иной подход к установлению нормы покупки крестьян. Исходной величиной при установлении нормы покупки крестьян должна была стать, по его мнению, мощность предприятия и как производное от нее — реальная потребность завода в штатных рабочих. Но Твердышев понимал, что штатное число рабочих и число ревизских душ — величины далеко не равноценные. Из числа ревизских душ трудоспособных было немногим более половины, следовательно, промышленник смог претендовать на покупку удвоенного числа крестьян по сравнению со штатной потребностью. Но и это еще не все. Ведь на заводе будет занято попеременно лишь половинное число купленных крестьян, следовательно, покупных крестьян в конечном счете должно было быть в четыре раза больше штатной потребности в рабочих.

Твердышев, кроме того, рекомендовал еще один способ комплектования заводов рабочей силой, правда, он понимал, что на него «многой надежды полагать и не можно». Этот способ сводился к тому, чтобы закон разрешал промышленникам селить при заводах изъявивших на то желание государственных крестьян и новокрещенных иноверцев. Это было завуалированное требование возобновить практику приписки государственных крестьян к заводам, с тем, однако, различием, что эта приписка должна была быть добровольной. Отношения поселенцев с промышленниками строились на той же основе, что и у приписных крестьян, хотя они и оформлялись договором — заводчик заключает с ними «контракты, по скольку времени в году им при заводской работе быть и по какой цене за что им урочную плату получать».

Слово «контракты» не должно нас смущать, ибо обязанности приписных крестьян по отношению к заводовладельцу, равно как и оплата их труда, также регламентировались своего рода контрактом, но оформленным не частной сделкой промышленника с приписным крестьянином, а правительственным указом. Промышленник должен был платить за поселенцев подушный оклад, как и за приписных крестьян. Да и сам автор «изъяснений» не давал повода для иного толкования статуса новопоселенцев, ибо включал их в норму или, как он выражается, в «препорцию» покупки крестьян.

О выгодах заводовладельца от приписки поселенцев Твердышев скромно умалчивает, но зато, как и в прочих случаях, многословно распространяется о «всемирной и государственной» пользе: новопоселенцы избавятся от необходимости тратить «вре-

мя в переходе дальнего пути», будут жить семьями и пользоваться преимуществами домашнего уюта; казне это тоже выгодно; так как заводчик гарантирует своевременную уплату государственных податей за новопоселенцев.

Идиллическая жизнь поселенцев рисовалась Твердышеву столь привлекательной, что их примеру, по его мнению, последуют другие крестьяне. Как видно, чувство реальности на этот раз изменило Твердышеву, ибо известно, что именно в год поддачи «изъяснений» население почти всех приписных деревень Урала, в полной мере изведав все тяготы горнозаводской жизни, оказывало полное непослушание промышленникам и горному начальству.

Твердышев, разумеется, понимал, что ни один горнозаводчик, в том числе и такой богатый, как он, не мог бы осилить приобретения за короткий срок полного комплекта крестьян: для этого промышленники не располагали ни необходимым капиталом, ни возможностью сразу же на приемлемых для себя условиях найти продавцов крестьян. Приписка новопоселенцев, как и покупка крестьян, по расчетам Твердышева, должна была осуществляться исподволь и занять несколько лет. В течение этого переходного времени, когда заводовладелец будет переводить свое предприятие на полное обслуживание принудительным трудом, рабочая сила будет смешанной — частично наемной, частью принудительной. Поэтому Твердышев, несмотря на свое предпочтительное отношение к принудительному труду, не мог обойти вопроса и о труде наемном, хотя освещает этот вопрос только в одном аспекте, гребуя введения более упрощенного оформления найма и беспрепятственной выдачи паспортов помещиками, старостами и приказчиками.

Промышленника не устраивала сложная процедура оформления найма, когда каждый акт сделки следовало зарегистрировать в крепостной конторе, как правило, расположенной в провинциальном центре и отдаленной от места жительства нанимавшегося. Этот «несносно затруднительный» порядок оформления актов Твердышев предлагал заменить частными договорами с последующей регистрацией их в правительственных учреждениях без явки в это учреждение нанимавшегося на работу; заводовладельцу, кроме того, должно было быть предоставлено право задерживать крестьянина на заводе до полной отработки полученного аванса, даже в том случае, если срок паспорта истек. Поиски беглых должны были осуществляться не только силами промышленника, но и коронной администрации. Реализация этих требований объективно была рассчитана на ослабление крепостнических порядков в России.

Немногочисленный контингент людей, изъявлявших желание работать на заводах, застревал у башкир, через земли которых следовали наемные. «Работники,— писал Твердышев,— бегая

з заводов или идучи домой обратно через Башкирию, многие у башкирцов пристают и нанимаютца в работы ис платы у башкирцов. А башкирцы их принимают и держат, яко дикой и неведущий о держании беглых указу народ, не наблюдая, что у них пашпорты у сроков вышли». Твердышев предлагал опубликовать специальный указ о запрещении башкирам нанимать русских крестьян.

Таким образом, система социально-экономических воззрений Твердышева отличалась непоследовательностью и противоречивостью: Сознавая, что крепостничество тормозило развитие промышленности, он в то же время выдвигал требования, вполне укладывавшиеся в рамки феодально-крепостнической системы. Так, он видел основное средство снижения себестоимости русского железа в переводе предприятий на принудительный труд: применение принудительного труда лишит шведских промышленников существенного преимущества, ибо ускорит оборот капитала; отпадет необходимость создавать запасы продовольствия, так как купленные крестьяне наряду с участием в промышленном производстве будут возделывать пашню; промышленник будет полностью обеспечен рабочей силой и тем самым получит возможность использовать производственную мощность своих заводов; наконец, заводовладелец избавится от необходимости создавать запасы сырья и получит возможность организовать ритмичную работу предприятия. В этом внешне логичном построении Твердышева нетрудно заметить существенные противоречия: ведь, покупая крестьян, промышленник затрачивал крупные суммы, чем изымал капитал из оборота. Если учесть, что заводовладельцы, как правило, платили своим крепостным работным людям такое же жалованье, как и наемным, то затраты на покупку могли быть компенсированы в форме обычной феодальной ренты в течение весьма длительного времени. Но это частное противоречие отражало противоречивые условия развития мануфактурной промышленности в целом на одной из окраин феодально-крепостнической России.

В аргументации Твердышева, по существу, не противоречившей взглядам остальных заводовладельцев, отчетливо выражено предпочтительное отношение к принудительному труду, являвшемуся основой процветания русской промышленности. Разрешения покупать крестьян домогались и купцы в городских наказах в Уложенную комиссию 1767—1768 гг. Одни составители наказов излагали это требование в самой общей форме, другие называли определенное число душ, т. е. тот максимум крепостных, которым мог владеть купец в зависимости от своей принадлежности к определенной гильдии. Жители Тотьмы, Вологды, Нижнего Новгорода, Арзамаса, Саратова и других городов при определении нормы крепостных целиком полагались на благоусмотрение начальства, что нашло свое выражение в таких формулах: «столько,

сколько высокое рассмотрение комиссии заблагорассудит», или «сколько определено будет»⁹.

Купцы Белева, Курска, Карачева, Серпейска и др. считали себя вполне удовлетворенными, если им будет разрешено иметь от трех до пяти душ крестьян¹⁰. Купцы Касимова, Ряжска и Скопина не довольствовались столь скромной нормой и претендовали на владение 10 душами¹¹. Самый алчный аппетит на крепостных проявили астраханские и кадомские купцы. Первые желали иметь до 30 душ, а вторые требовали введения практически неограниченного душевладения — «сколько кто по своему имеющемуся капиталу иметь пожелает»¹².

Во всех перечисленных случаях, за исключением, разумеется, двух последних, купцы намеревались использовать крепостных не в производстве, а в качестве помощников при ведении торговых операций. Предпочтительное отношение купцов к труду своих крепостных помощников по сравнению с наемными объяснялось тем, что последние в глазах купцов были менее надежны, чем собственные люди. Наемные, в противность крепостным, не являются «под страхом хозяина», они промыслам «не столько доброхотствуют», наконец, убегают от хозяина, предварительно «растерявши хозяйский капитал, а другие и разграбя»¹³. Купцы многих городов жаловались, что они, не имея «своего человека», или «верного человека», затрудняются доверять материальные ценности посторонним людям, что ограничивает масштабы оборотов.

В двух случаях купцы намеревались использовать своих крепостных не в качестве приказчиков или сидельцев. Так, астраханцы, ссылаясь на окраинное положение города и недостаток в связи с этим наемных, считали возможным использовать труд крепостных на рыболовных промыслах и кожевенных заводах. Своеобразно мотивировали необходимость иметь крепостных бахмутские купцы. Они предполагали использовать их «от неприятельского нападения ко обороне», причем на приобретение крепостных бахмутские купцы не собирались затрачивать ни одной копейки, домогаясь закрепления за ними обращенных в христианство калмыков и татар¹⁴.

Вопрос о купеческом душевладении вызвал в Уложенной комиссии не менее ожесточенные споры, чем вопрос о возведении в дворянское достоинство выходцев из «подлых» сословий. Князь Щербатов, парировавший притязания купцов, заявил, что Петр I предоставил мануфактуристам право покупать крестьян, во-

⁹ Сб. РИО, т. 123, стр. 391; т. 134, стр. 6, 144, 272, 326, 334 и др.

¹⁰ Там же, т. 144, стр. 360, 374, 421, 436.

¹¹ Там же, стр. 170, 245, 292, 387, 413.

¹² Там же, т. 134, стр. 151; т. 144, стр. 283.

¹³ Там же, т. 134, стр. 27.

¹⁴ Там же, стр. 151; т. 144, стр. 279.

первых, вследствие того, что в то время крестьяне еще не овладели производственными навыками в промышленности и, во-вторых, «чтобы избежать платежа больших денег иностранцам за самоужнейшие товары». Во второй половине XVIII в. мотивы, побудившие Петра I предоставить промышленникам столь существенную привилегию, потеряли всякое значение. Более того, право покупать крестьян мануфактуристам, по мнению Щербатова, стало наносить прямой ущерб государству. Если промышленник использует всех купленных крестьян на мануфактуре, то это, рассуждал Щербатов, вызовет «умаление в народопоселении и вредит земледелию». Есть, однако, и такие мануфактуристы, которые, используя «во зло закон», накупили крепостных, чтобы получать помещичьи доходы. Наконец, третьи мануфактуристы владеют предприятиями «напоказ», а сами уподобляются помещикам.

Характерно, что крепостник Щербатов настойчиво доказывал преимущества наемного труда над крепостным. Он ссылаясь на Европу, где никто «невольных людей не имеет», а также на свои личные наблюдения, которые позволили ему сделать небезынтересный вывод: «Лучшие фабрики в России суть те, у которых нет приписанных деревень». На этом основании Щербатов требовал сохранения действия запретительного указа 1762 г.

Но некоторые дворянские указы содержали более радикальные предложения, чем мнение Щербатова. Так, крапивенские дворяне рекомендовали передать в дворцовое ведомство посессионных крестьян тех промышленников, которые выпускают продукцию по качеству ниже, чем иностранные мануфактуристы¹⁵.

Непримиримость позиции, занятой дворянами в вопросе купеческого душевладения, связана с дворянским предпринимательством, расцвет которого падает на 60-е годы XVIII в. Злобные выпады дворян в адрес мануфактуристов, которые, «накупив крестьян, живут единственно в увеселительных своих роскошах и лени», отражали острую борьбу между дворянским и купеческим предпринимательством. Дворяне стремились поставить свое предпринимательство в привилегированное положение, создать для него тепличные условия, в то время как купцы, напротив, домогались равных с дворянами условий производства, в частности, обеспечения мануфактур принудительным трудом. Но в то же время купечество устами Родиона Глинкова, который наряду с Поповым выступил с изложением наиболее развернутой купеческой программы, соглашалось с переходом к наемному труду, но с тем непременным условием, чтобы дворяне тоже пользовались наемным трудом. «Следует постановить,— говорил Глинков,— чтобы оные (мануфактуры.— Н. П.) строились на одинаковом основании как купцами, так и дворянами,

¹⁵ Сб. РИО, т. 8, стр. 563

т. е. не своими крестьянами, которые отнимаются от хлебопашества»¹⁶.

Итак, промышленники и купцы проявляли бесспорный интерес к владению крепостными. И тем не менее не только это заставляло промышленников и купцов добиваться дворянского звания. Если бы единственной притягательной силой в дворянском достоинстве было душевладение, то интерес со стороны промышленников к дворянскому чину в годы, когда указы разрешали покупать крестьян к мануфактурам, был бы невелик. Имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют о том, что ни один из промышленников, за исключением Рюминых, не имел возможности полностью реализовать свое право покупки крестьян в пределах установленных норм. Кроме того, получение дворянского звания не всегда давало право обзаводиться «крещеной собственностью». Более того, указ 1752 г. запрещал новоиспеченным дворянам, получившим соответствующие чины не на военной или гражданской службе, а за заслуги в развитии торговли и промышленности, покупать крепостных по дворянству. Тем самым подчеркивалась сословная неполноценность промышленников и купцов, облачившихся в дворянский мундир.

После запретительного указа 1762 г., вызвавшего у промышленников бурю гнева, некоторым заводовладельцам в порядке исключения было позволено покупать крепостных. Рьяность, с которой обзаводились недвижимой собственностью и крестьянами владельцы заводов, свидетельствует о том, что они проявляли живейший интерес к принудительному труду. Так, указом 17 февраля 1763 г. Екатерина II «в знак высочайшего удовольствия... ревностными трудами», выразившимися в распространении в России «разных государству и обществу полезных фабрик»¹⁷, разрешила в порядке исключения Афанасию Гончарову и его потомкам покупать крепостных. А. А. Гончаров широко использовал предоставленное ему право и в течение 70—80-х годов значительно округлил свои владения покупками земли и крестьян. Только с 1770 по 1779 г. он совершил девять купчих на землю и крестьян, израсходовав в общей сложности 103 655 руб. Самая крупная покупка была совершена в 1775 г., когда владения Гончарова пополнились 1096 душами м. п., жившими в Любимском уезде Костромской провинции. Эта сделка обошлась Гончарову в 55 тыс. руб. Землю и крепостных престарелый А. А. Гончаров продолжал покупать и в 80-е годы, но в скромных размерах. С 1780 по 1783 г. он оформил пять купчих на 9 977 руб.¹⁸

¹⁶ Там же, стр. 94.

¹⁷ ЦГАДА, ф. Гончаровых, оп. 2, д. 145, л. 5.

¹⁸ Там же, дд. 175, 176, 185, 196, 199, 201, 203, 222, 223, 232, 233, 235, 236.

Специального указа, разрешавшего А. Р. Баташову покупать крепостных, издано не было, тем не менее и этот промышленник, пользуясь тем, что был «восстановлен» в дворянстве, тоже пользовался своей принадлежностью к привилегированному сословию. Летом и осенью 1784 г. он оформил две купчих на крестьян и землю — у камергера Ф. П. Балка он купил 30 душ за 1200 руб., а у статского советника Алексея Вердеревского в Касимовском уезде сторговал 153 души м. п. с землей за 8 тыс. руб. Свои возможности и аппетит Баташов в полной мере проявил в 1785 г., когда он купил у князя Ю. Ф. Мещерского половину с. Гускова в Касимовском уезде с 1160 душами м. п. за 100 тыс. руб. В том же 1785 г. Баташов купил еще 344 души м. п., которые тут же перевел на свой Гусевский завод¹⁹.

Павел I в 1798 г. снял установленное в 1762 г. запрещение покупать крестьян к мануфактурам. Казалось бы, что этот указ должен был умерить соблазн промышленников проникнуть в ряды привилегированного сословия. Но интерес промышленников к дворянскому чину не ослаб и на этот раз. Следовательно, притягательная сила дворянского звания не исчерпывалась землевладением и душевладением. Думается, что проявление представителями формировавшейся буржуазии преступной изобретательности ради проникновения в благородное дворянство объяснялось также бесправием промышленников и купцов.

Мысль о бесправном положении купцов и промышленников, о неудовлетворенности их пребыванием в составе «подлого» сословия пронизывает почти все городские наказания. Жители Тотьмы, например, отмечали, что их притесняют не только офицеры, «но и самые подлые всякого звания люди, лучших и средних посадских людей по бесовестию своему явно всякими ругательными, бранными словами поносят и бранят с таковым еще выговором, что недиковинка и лутчему за побои и за безчестье и увечье заплатить»²⁰. Иркутские жители писали в наказе, что офицеры считают купцов «за ничто», чинят им «разные притеснения и прицепки, бесчестят, бьют и увечат»²¹. Били купцов «без всякого милосердия» и помещики Белгородской губ.²² Некоторые вяземские купцы, даже первостатейные, от «тяжких» побоев полковых офицеров получили «неисцельные болезни и, страждав во оных, померли»; они пребывают в таком страхе, что впредь опасаются жаловаться на своих обидчиков, предпочитают «сносить и умалчивать, опасая живот свой от прискорбной смерти». Вя-

¹⁹ ЦГАДА, ф. Берг-коллегии, кн. 2178, лл. 15, 16; кн. 2175, лл. 561—562; К. К. Демиховский. Источники и пути комплектования рабочей силы на заводах Приокского горного округа в XVIII в. — «К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.)». М., 1958, стр. 479.

²⁰ Сб. РИО, т. 123, стр. 391.

²¹ Там же, т. 134, стр. 400.

²² Там же, т. 144, стр. 413.

земских купцов шокировало прозвище, данное им дворянами, — «мужик сорокаалтынный»²³.

Беспорочное положение купцов в стране лаконично определили орловские жители, которые в наказе депутатам в Уложенную комиссию, писали, что купцы пребывают в «безгласии». А депутат от жителей Кронштадта Иван Рыбников в своем выступлении прямо заявил: «Наше купечество не имеет ни надлежащей свободы, ни достаточных привилегий»²⁴.

Мысль о купеческой неполноценности выразил щедринский градоначальник города Глупова Василиск Бородавкин, заметивший, что каждый из трех сортов городских обывателей «обязан повиноваться, но нельзя отрицать и того, что каждый из них может употребить при этом свой особенный, ему свойственный манер. Например, дворянин повинуетя благородно и вскользь предъявляет резоны; купец повинуется с готовностью и просит принять хлеб-соль; наконец, подлый народ повинуется просто и, чувствуя себя виновным, раскаивается и просит прощения»²⁵.

Стремление повиноваться, но с «резонами» сквозит во многих городских наказах, причем выражено оно в разнообразных формах. Наиболее примитивной из них является требование повышения таксы за бесчестье. Вместо «бесчестья», взимаемого по Уложению в размере от 7 руб., в пользу «лучших людей» до 5 руб. в пользу «меньших людей», болховские и яренские горожане считали справедливым поднять штраф до 50 руб., а горожане Мценска — до 100 руб. Самую высокую шкалу штрафов предлагали установить жители Тобольска, Воронежа и Вязьмы, а именно: для купцов первой гильдии — 200 руб., второй — 100 руб., третьей — 20—30 руб.²⁶ Жители Вязьмы и Рыльска наивно предлагали исключить купечество из подушного оклада «и первой гильдии торгующим к портам в знак отличности носить шпаги и перед всяким унтер-офицером, кроме дворяней, и канцелярскими служащими, не имеющими рангов, иметь преимущество». Освобождение от подушной подати должно было иметь всего-навсего символическое значение. Это отнюдь не означало фактического освобождения от подати, а лишь изменение ее наименования «вместо подушных денег платеж с купечества именовать гражданской податью»²⁷.

Белевских купцов не удовлетворяло требование исключения из подушного оклада. Они претендовали на то, чтобы купцы после дворян «пред прочими разночинцами» пользовались преимуществами, чтобы солдат не мог безнаказанно сказать купцу: «Ты де мужик сорокаалтынник, а я солдат или солдатская жена

²³ Там же, т. 134, стр. 98.

²⁴ Там же, т. 144, стр. 394; т. 8, стр. 176.

²⁵ М. Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч., т. 4. М., 1951, стр. 416.

²⁶ Сб. РИО, т. 123, стр. 380; т. 134, стр. 98, 312; т. 144, стр. 182, 329, 474.

²⁷ Там же, т. 134, стр. 98—99; т. 144, стр. 397.

и тем де тебя честнее». Архангелогородские жители претендовали на освобождение купцов первой и второй гильдии от телесных наказаний, а купцам, торгующим с иностранными государствами, предлагали разрешить носить шпаги²⁸.

Верхом купеческих притязаний является наказ жителей Рязска, которые предложили, чтобы всех «как заводчиков, так и фабрикантов полезными привилегиями и жалованными грамотами снабдить и лучших заводчиков и знатных фабрикантов потомственное им и детям их шляхетство пожаловать и деревнями награждать и уволить от всяких податей и подушных денег, также от солдатских и офицерских постоев и прочих земских и полицейских служб. Таким же образом награждать тех, кои вступят в иностранную и оптовую коммерцию»²⁹. Требования рязских жителей не были удовлетворены законодательным актом, но независимо от этого «лучшие заводчики» и «знатные фабриканты» сами приобрели и «шляхетство» и связанные с ним привилегии.

Процесс одворянивания верхушки русской буржуазии весьма показателен для характеристики расстановки социальных сил в России XVIII в. Программа буржуазии свидетельствует о том, что мы находимся у самых истоков формирования нового класса, идеология которого была опутана сетью феодальных предрасудков. Накопление капиталов промышленники осуществляли с помощью абсолютизма. Этот же абсолютизм предоставлял им разнообразные привилегии и, наконец, открывал доступ в ряды привилегированного сословия.

Отсюда раболепие буржуазии перед абсолютизмом и явная враждебность ее народным массам в период острых проявлений социальных противоречий.

²⁸ Сб. РИО, т. 144, стр. 427; т. 123, стр. 469.

²⁹ Там же, т. 144, стр. 241.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем краткие итоги всему исследованию. Его предметом было изучение истории формирования частных промышленных хозяйств и складывание отряда русской буржуазии, подвизавшейся на протяжении XVIII в. в металлургии.

Темпы роста частной металлургии не совпадают с темпами строительства казенных заводов. Хорошо известно, что в первой четверти XVIII в. металлургическая промышленность России совершила гигантский скачок, сопровождавшийся превращением потребителя иностранного металла, какой была Россия в XVII в., в экспортера железа. Этот скачок, обеспечивший пятикратное с лишком увеличение выплавки чугуна, был достигнут не только за счет строительства частных, но и казенных заводов. За первую четверть XVIII в. было построено 30 вододействующих заводов, причем на долю казны падало 16 предприятий, т. е. несколько более половины.

В последующие десятилетия развитие частной промышленности протекало значительно быстрее, чем казенной, а со второй половины XVIII в., когда постройка казенных заводов была почти полностью прекращена, а имевшиеся в распоряжении правительства предприятия были переданы частным лицам, вся металлургия превратилась в одну из отраслей частной промышленности.

Частная металлургия развивалась на протяжении всего столетия, но это развитие протекало далеко не с одинаковой быстротой: по количеству построенных предприятий выделяются три десятилетия (1741—1770 гг.), когда частная промышленность страны пополнилась 125 предприятиями из 227, введенных в строй за все столетие.

Высший подъем в развитии частной промышленности падает на 1750-е годы, когда было построено наибольшее количество заводов и в металлургию влилось наибольшее число заводоладельцев. Начиная с 70-х годов рост числа заводов из десятилетия в десятилетие сокращался. Любопытная деталь: в конце XVIII в. было построено столько же заводов, сколько и в начале столетия, когда частная металлургия только начинала развиваться. В 1701—1710 гг. частная промышленность пополнилась тремя действующими заводами; на такое же число увеличился список заводов в 1791—1800 гг. Во втором десятилетии XVIII в. число действующих заводов увеличилось на 8, а в предпоследнем — на 10. Замедленные темпы развития металлургии в последней трети

XVIII в. объясняются влиянием разнообразных причин: начавшимся разложением феодально-крепостнической системы, сокращением спроса внешнего рынка на русское железо, исчерпанием природных ресурсов, изменением промышленной политики правительства. Основанием для изменения курса промышленной политики послужил рост дворянского предпринимательства.

Историкам известны факты участия дворян в промышленной и торговой деятельности в течение первой половины XVIII в. и даже в XVII столетии. Но тогда предпринимательство дворян носило спорадический характер, и его удельный вес в промышленном производстве был невелик. Во второй половине XVIII в. в связи с начавшимся разложением феодально-крепостнической системы дворянство перестает довольствоваться традиционными формами ведения хозяйства. Вотчины многих дворян, особенно крупных сановников, обрастают промышленными предприятиями — металлургическими заводами, полотняными, суконными, стекольными и прочими мануфактурами и винокурнями.

Самой распространенной отраслью дворянского предпринимательства в области промышленности было винокурение. Объяснялось это как доступностью сырья и несложностью технологии производства, так и монопольным положением дворянского винокурения. Более скромными были успехи дворянского предпринимательства в легкой промышленности, хотя и здесь дворяне проявили способность конкурировать с купцами, владевшими суконными, полотняными и прочими мануфактурами. Что касается металлургии, то большинство дворян, построивших заводы на свои средства, либо получивших их на льготных условиях от казны, потерпело неудачу. Одни из них пытались организовать промышленное хозяйство в стороне от вотчин, другие поспешили организовать производство на непригодной сырьевой базе, у третьих предпринимательство граничило с авантюризмом и являлось сомнительным средством поправить пришедшие в упадок вотчинные дела. Опыт дворян в металлургии свидетельствует о том, что оно, находясь в основном в равных условиях с купеческим, но лишенное таких привилегий, какими располагали, например, предприниматели-винокуры, не выдерживало конкуренции с купеческим предпринимательством.

Винокурение, винные откупа и подряды являлись одним из основных источников накопления капиталов, вложенных потом в металлургию. Об этом свидетельствует тот факт, что большинство купцов, ставших впоследствии заводовладельцами, наряду с занятием внутренней торговлей, подвизались в винокурении. Особенно доходными считались подряды и откупа, приносявшие иным купцам колоссальные барыши. Это говорит об огромной роли абсолютизма в накоплении капиталов купцами. Абсолютизм подкармливал буржуазию у самих истоков ее формирования. Это обстоятельство, как и предоставление разнообразных привиле-

гий промышленникам, оказало огромное влияние на формирование идеологии русской буржуазии, представители которой в XVIII в. хотя и находили недостатки в феодально-крепостнической системе, но раболепно мирились с ними. Более того, верхушка буржуазии в лице владельцев металлургических заводов стремилась проникнуть в ряды дворянства, чтобы пользоваться привилегиями, предоставленными абсолютизмом дворянскому сословию. Деньги пробивали брешь в сословной замкнутости дворянства, и купцы получали дворянские дипломы.

Два внешне противоположных процесса — одворянивание верхушки нарождавшейся буржуазии, как и элементы обуржуазивания верхушки дворянства — отражали явления переходной эпохи, когда в недрах феодальной формации вызревали капиталистические отношения. В этих явлениях сказывались взаимные влияния крепостничества и капиталистических отношений на социально-экономическую структуру общества.

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ ПРИ УКАЗАНИЯХ НА ИСТОЧНИКИ

ВУА — Военно-ученый архив (хранится в Центральном государственном военно-историческом архиве)

ГАВО — Государственный архив Владимирской области

ГАКО — Государственный архив Калужской области

ГАПО — Государственный архив Пермской области

ГАСО — Государственный архив Свердловской области

ГАТО — Государственный архив Тульской области

ГИАМО — Государственный исторический архив Московской области

ЖМВД — «Журнал Министерства внутренних дел»

ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории АН СССР

ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи, собрание первое

РОБИЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина

Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества

ЧОИДР — «Чтение в Обществе истории и древностей российских»

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов

ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде

УКАЗАТЕЛИ¹

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

акад.— академик	з-д, з-ды — завод, заводы	пос.— поселок
бар.— барон, баронесса, бароны	кн.— князь, княгиня, князья	пров.— провинция
вол.— волость	креп.— крепость	р.— река, речка
г.— город	наместн.— наместничество	род.— родился
ген.— генерал	нач.— начальник	с.— село
губ.— губерния	оз.— озеро	сел.— селение
дер.— деревня	ок.— около	у.— уезд
	полк.— полковник	ум.— умер

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аббас I (1557—1628), шах иранский 505
- Абрамов В., заводовладелец 47
- Абрамов В., чиновник Берг-коллегии 195
- Авдеев П., геодезист 224, 234, 235
- Аврамов С. А., заводовладелец 168
- Акема (ум. 1676), промышленник 327
- Аксаков И., флота лейтенант 365
- Албычев, купец 415
- Александров П., крепостной, доверенный кн. А. М. Черкасского 411
- Алексеев С., заводовладелец 201, 213
- Амбургер Э., немецкий историк 29
- Андреев М., помещик 455
- Андреева М., помещица 456
- Андрущенко А. И., историк 3, 500
- Анна Ивановна (1693—1740), императрица 8, 23, 56, 494
- Аполлова Н. Г., историк 422
- Апраксин Ф. М. (1661—1728), президент Адмиралтейской коллегии 7
- Апраксин С. Ф. (1702—1758), ген.-фельдмаршал 444
- Апраксина, статс-дама 444
- Арбузов, чиновник 61, 175
- Арехов (Орехов) Ф. В., заводовладелец 156—161, 365
- Аристова А. А., заводовладелица 512
- Арсеньев П. Е., стольник 97
- Ашушков В. Н., историк 490
- Бабурин Д. С., историк 185, 187, 188, 259, 455
- Бабушкин Д., промышленник 42
- Бажова А. П., историк 3
- Бакланов Н. Б., историк 9, 16
- Балагуров Я. А., историк 30, 40, 41, 50
- Балк Ф. П., камергер 532
- Бабушкин А., откупщик 489
- Баралл П., заводовладелец 210—213, 491
- Бармин И. С., заводовладелец 204—209, 213, 215, 481, 490, 503
- Барышников, купец 517
- Барятинский И. С., кн., ген. 450
- Баташов Авр. 507
- Баташов Александр Ив. (1741—1807), заводовладелец 99, 118, 119, 187, 190, 507
- Баташов Андрей Род., заводовладелец 121, 122, 124, 126, 127, 374, 375, 504—508, 510, 532
- Баташов Г. И., заводовладелец 186
- Баташов И. А. «родоначальник» дворян Баташовых 506
- Баташов И. К., заводовладелец 184—187
- Баташов И. Р. (ум. 1807), заводовладелец 121, 126, 127, 499, 502—504, 506—508, 510, 514, 532
- Баташов И. Т., заводовладелец 71, 72, 99, 116—118, 153, 480, 490, 506
- Баташов М., 507
- Баташов Петр Ив., заводовладелец 185—187

¹ Составлены И. В. Будовниц

Баташов Петр Ильич 192—195
 Баташов Прок. Ильич 192—195, 493, 507, 522
 Баташов П. П., заводовладелец 195
 Баташов Р. И., заводовладелец 118—121, 331, 332, 466—468
 Баташова А. С., заводовладелица 255—257
 Баташovy, заводовладельцы 40, 116, 120—127, 133, 157, 161, 162, 331, 332, 431—433, 463, 464, 467, 481, 491, 493, 494, 511, 516, 517
 Бахрушин С. В. (1882—1950), историк 491
 Бек Л., немецкий историк 28, 29
 Бекетов Л., гитенфорвалтер 285
 Бекетов П. А., полк., зять И. С. Мясникова 241, 501
 Бекетова И. И., заводовладелица 226, 241, 242
 Белов Б., заводовладелец 168, 170, 171, 175
 Белов В., историк 26, 27
 Белов Г., заводовладелец 170—172
 Белов И., унтер-шхтмейстер 358
 Белоносков А., шхтмейстер 208
 Беспалов Е., приказчик 125
 Бибииков Г. И., зять Я. Б. Твердышева 241
 Бибииков И., ген. 507
 Бибиикова, заводовладелица 241
 Бирон Э.-И. (1690—1772), временщик 77, 78, 221
 Бланк Я., надзиратель Кончезерского з-да 201
 Блнер И., горный инженер, автор проекта об организации горного дела в России 23
 Блинов М., историк 298
 Бобровский Я., мануфактурист 42
 Богдан Афанасьев, служилый человек 506
 Богданов И. Ф., заводовладелец 196, 197
 Богданов Ф. Ф., купец 197, 198
 Богданова Ф. В., заводовладелица 197, 198
 Боленс И. И., заводовладелец 172
 Боленс, вдова предыдущего, заводовладелица 172
 Борисов Д., чиновник 134
 Бортников И., шхтмейстер 294
 Бродовиков И., доменный мастер 135
 Булыгин А. П., чиновник 183
 Булыгин И. А., историк 453
 Бураков Н., управляющий Саралинским з-дом 276
 Бутенев А. П. (1787—1866), дипломат 514

Бутримов, мануфактурист 116
 Бутурлин А., помещик 101
 Бутурлин А. Б. (1694—1767), граф, ген.-фельдмаршал 59, 393
 Бутурлин Н., прокурор Берг-коллегии 111, 311
 Бухина В. А., историк 188
 Бушнев, воевода Верхотурья 488
 Вагина П. А., историк 30, 104, 477
 Вагнер, историк 24
 Ваксель Л. С., заводовладелец 245
 Валуев М., офицер 512
 Валуева П. П., заводовладелица 512
 Васильев В., заводовладелец 201, 203, 213
 Васильевская О. И., историк 40, 50, 201—203, 205, 206, 208
 Веймарн И. И. (1722—1792), ген. 9, 33
 Вердеревский А., помещик 532
 Витевский В. Н., историк 230
 Власевский Алексей, заводовладелец 242, 243, 316, 317, 320, 322, 324, 487
 Власевский Андрей, заводовладелец 318
 Волков А. С., заводовладелец 210, 213
 Волков М. Я., историк 218
 Воронин И., комиссар 150
 Воронцов Г., капрал 378
 Воронцов И. И. (1719—1786), граф, ген., заводовладелец 351
 Воронцов М. И. (1714—1767), граф, канцлер, заводовладелец 349, 350, 381, 383, 384, 472, 473
 Воронцов Р. И. (1707—1783), граф, сенатор, заводовладелец 90, 137, 138, 251—253, 346—352, 373, 381, 383—385, 402, 416, 473, 474
 Воронцова А. К., графиня, заводовладелица 350—352
 Всеволожский Всеволод Алексеевич (1752—1796), сенатор, заводовладелец 246, 247, 400, 404—406, 409, 410, 516
 Всеволожский Всеволод Андреевич, ротмистр, заводовладелец 406, 407
 Всеволожские, заводовладельцы 387, 402, 408, 434
 Выродов В. А., мануфактурист 456
 Вяземская, вдова Г. М. Вяземского, заводовладелица 282
 Вяземский А. А. (1727—1793), ген.-прокурор 13—15, 21, 23, 33, 111, 112, 248, 321
 Вяземский Г. М., заводовладелец 275, 281, 282, 284, 239, 324

Вяземский К. Г., заводовладелец 275, 281, 284

Гаврилов Ф., подпрапорный 379

Гагарин С. С., иж., камергер 450, 452

Гамель И. Х. (1788—1861), акад. 24, 47, 490

Гаскойн К. К. (ум. 1807), шотландец, горный инженер 29, 41

Гендриков И. С. (1719—1778), граф, ген. 179, 456, 457

Геннин В. И. (1676—1750), нач. горных з-дов в Олонецкой губ. и на Урале 6—9, 13, 16, 21, 29, 31, 32, 48, 50, 103, 266, 287

Георги И. И. (И.-Г. 1729—1802), акад., естествоиспытатель и путешественник 50, 66, 67, 69, 70

Герман И. Ф. (1755—1815), акад., горный инженер и статистик 20—23, 33, 50, 65, 520

Гессельгреем, амстердамский банкир 312

Гессен Ю. И., историк 16, 29—31, 479

Гиль И., английский купец 208

Глаголева А. П., историк 41, 45

Глазов А. А., заводовладелец 512, 516

Глазов А. Г., заводовладелец 306, 512

Глазов В. И., комйссар Пензенских казенных винокуренных з-дов 301, 302

Глазов Г. И., заводовладелец 301—305, 324, 336—338, 490, 492, 512

Глазов И. А., заводовладелец 512

Глазов И. Е., священник 301

Глазов М., депутат Уложенной комиссии 510

Глазов П. А., заводовладелец 512

Глазовы, заводовладельцы 301

Глебов А. И. (1722—1790), обер-прокурор Сената, заводовладелец 90, 250, 251, 283, 289, 369, 370, 411, 413—417, 419, 433, 435, 444, 457, 493

Глебовский, чиновник 254, 397

Глинков Р., депутат Уложенной комиссии 530

Гмелин И.-Г. (1709—1755), акад., естествоиспытатель и путешественник 50, 64, 65, 73, 219

Голиков И. И. (1735—1801), купец и историк царствования Петра I 4, 23, 33, 293

Голицын А. Д. (1697—1768), кн., сенатор 443

Голицын Д. М. (1721—1793), кн., ген. 445

Голицын М. М., кн., заводовладелец 402—404, 409

Голицина А. А., кн. 472

Голицына Е. Д., статс-дама 444

Голицыны, кн., заводовладельцы 69, 387, 393, 402, 411, 433, 434, 516

Головачев П., историк 444

Головин А. И., вице-адмирал 443, 493

Головина, вдова предыдущего 493

Головкин Г. И., граф, гофмаршал 445

Головщиков К., историк 25, 26, 88

Голубин И. Н., заводовладелец 378—380

Голубцов Ф. А. (1758—1829), сенатор 17

Гончаров А. А., заводовладелец 101, 130, 188, 189, 490, 501, 502, 516, 531

Гончаров А. Н., заводовладелец 502, 514

Гончаров И. А., заводовладелец 190

Гончаров Н. А., 515

Гончаровы, заводовладельцы 190

Гординовский И. С., рудоискатель 340, 342

Горловский М. А., историк 30

Гофман Г., шихтмейстер 123, 197, 381

Граве, помещик 454

Грамматчиков, горный советник 64

Грановский М., подпрапорный 379

Грау К., немецкий историк 29

Грачев, мануфактурист 116

Грибанов А. М., заводовладелец 245, 295

Грибанов Г. М., заводовладелец 245, 295

Григорьев И., г. Царицына секретарь 177, 178

Губин М. П., заводовладелец 55, 113, 115, 147, 148, 265, 271, 272, 464, 513, 514

Губины, заводовладельцы 513

Губкин купец 183

Гурьев А. Г. заводовладелец 250, 254, 362, 363, 381, 383, 384, 473, 474

Гурьев А. И., помещик 448

Гусятников А. З., купец 311

Гусятников А. П., откупщик 311, 517

Гусятников М. П., заводовладелец 311, 312

Гусятников П. М., заводовладелец 241, 312, 313, 324

Гусятников П. П., откупщик 311

Гусятников П. С., откупщик 311

Гусятников С. З., купец 311

- Данилов И., заводовладелец 98, 161, 467, 490
- Данилова А. Г., заводовладелица 96—99, 124, 468
- Дедюшин А., приказчик 413
- Демидов Акинфий Никит. (1678—1745), заводовладелец 56, 59, 65, 68, 69, 75—89, 92—98, 102—105, 115—117, 161, 223, 231, 238, 248, 252, 277, 384, 466, 467, 490, 494, 495, 521
- Демидов Александр Григ., заводовладелец 90—94
- Демидов Алексей Никит., заводовладелец 106—109, 467
- Демидов Аммос Евдоким., заводовладелец 111
- Демидов Вас. Евдоким., заводовладелец 111, 113, 265
- Демидов Григ. Акинф. (1715—1761), заводовладелец 86, 87, 89, 90, 94, 495
- Демидов Григ. Евдоким., заводовладелец 111
- Демидов Григ. Никит., заводовладелец 94—99
- Демидов Евдоким Никит. (ум. 1789), заводовладелец 61, 100, 106, 109—112, 148, 476—478
- Демидов Ив. Григ., заводовладелец 96, 97, 495
- Демидов Ив. Евдоким., заводовладелец 111, 113
- Демидов Ив. Никит. (ум. 1807), заводовладелец 106, 113, 115, 265
- Демидов Максим, откупщик 488, 489
- Демидов Никита Акинф. (1724—1789), заводовладелец 86, 88, 92, 93, 252, 253, 478
- Демидов Никита Демидович (Антуфьев) (1656—1725), заводовладелец 5, 25, 28, 36, 37, 71—75, 86, 94, 117, 153, 161, 162, 248, 384, 469, 480, 481, 490, 496, 521
- Демидов Никита Никитич, заводовладелец 71, 90, 94—97, 99—106, 115, 116, 149, 150, 161, 219, 220, 275, 287, 370, 372
- Демидов Никита Никитич (1724—1789), заводовладелец 106, 113—115, 307, 466, 476, 477
- Демидов Пав. Григ. (1738—1821), заводовладелец 90, 91
- Демидов Петр. Григ. (1740—1826), заводовладелец, 90, 94
- Демидов Петр Евдоким., заводовладелец 111—113, 433
- Демидов Прок. Акинф. (1710—1788), заводовладелец 86—90, 92—94, 199, 251, 252, 255, 261, 494, 515, 521
- Демидов Степ. Евдоким., заводовладелец 111
- Демидова Н. Ф., историк 50
- Демидова Х., заводовладелица 98
- Демидовы, заводовладельцы 9, 12, 25, 36, 37, 55, 59, 71—73, 79, 88, 94, 113, 116, 117, 127, 157, 161, 248, 389, 463, 464, 467, 490, 491, 494, 498, 499, 516, 517
- Демиховский К. К., историк 30, 40, 121, 505, 532
- Денисов И., заводовладелец 296
- Державин Г. Р. (1743—1816), поэт 17, 449, 515, 516
- Дерябин, историк 22, 23
- Дивов, ген. 443
- Дмитриев И. И. (1760—1837), поэт 515, 516
- Долгорукий Л. И., кн., помещик 446
- Долгоруков В., кн. 509
- Долгоруков В. М. (1722—1782), ген. 242
- Долгоруков И. М., кн., пензенский вице-губернатор 454
- Долгоруков Ю. В., кн., заводовладелец 112, 200, 433, 452, 455, 516
- Долгоруков, кн., помещик 121, 122
- Долгорукова Е. М., кн. 493
- Дроздов М. С., заводовладелец 168
- Дружинин А., приказчик 367
- Дружинин Н. М., акад., историк 3
- Дряхлов В. И., заводовладелец 283, 324
- Дурасов А., бригадир, зять И. С. Мясникова 241, 501
- Дурасова А. И., заводовладелица 241, 242
- Дьяконов Г., приказчик 398
- Евдокимов А., кузнец 206
- Евдокимов Ф., рудоискатель 218
- Евсеев Д. А., купец 198
- Евсеева Н. И., заводовладелица 197, 198
- Егоров С., приказчик 76, 77, 80
- Екатерина II (1729—1796) императрица 9, 23, 111, 160, 166, 241, 242, 248, 257, 263, 332—334, 346, 352, 361, 376, 385, 412, 457, 479, 499, 507, 515, 520, 524, 531
- Елизавета Петровна (1709—1761), императрица 25, 56, 77, 78, 132, 328, 332, 345, 355, 412, 464, 472, 499
- Елисеев С., купец 365
- Емельянов Ф., заводовладелец 276
- Ентальцов П. П., рудоискатель и заводовладелец 246

- Ерастов И. А., купец 302
 Еремеев К., приказчик 239
 Ермаков, плотинный подмастерье 398
 Ермолаев Г. С. 444
 Ермолаев И. С., обер-секретарь Сената 444
 Ершов И. И., капитан Гофинтендантской канторы 193
- Железников Д., заводовладелец 121, 122, 136
 Железов Д., откупщик 488
 Жеребцов А. Г. (1711—1777), сенатор 326, 493
 Жуков А. С., ген. 160
 Журавлев Ф. И., мануфактурист и откупщик 237, 319, 339
- Зайцев, капитан 207
 Замошиков Т., заводовладелец 47
 Замятина А. Д. (в замужестве Осокина, во втором браке Крапивина), заводовладелица 513
 Заозерская Е. И., историк 34, 35, 45, 50
 Засекина С. Л., помещица 376
 Засыпкин Ф. А., заводовладелец 199, 200, 433
 Затрапезный (Затрапезнов) И. М. (1695—1741), основатель Большой Ярославской мануфактуры 250, 517
 Звягинцев Е. А., историк 311
 Зеленцов В. Д., историк 30, 344
 Зиновьев А. С., помещик 376
 Зиновьев, вятский губернатор 19
 Злотников М. Ф., историк 45
 Золотарев И. Е., заводовладелец 187, 466, 467
 Золотарев П. И., заводовладелец 187, 466, 467
 Золотаревы, заводовладельцы 188
 Зотов Б., заводовладелец 277, 278
 Зубков, купец 517
 Зыков П., заводовладелец 158, 365
- Иван IV Грозный (1530—1584), царь 21
 Иванова Т. С., архивист 3
 Ивантин А., прапорщик 182
 Ивашкин А., чиновник 413
 Игачевская Е., заводовладелица 205
 Игачевский И. И., заводовладелец 204, 205, 213, 215
 Иевлев И. Н., помещик 426
 Извеков С., помещик 455
 Иконников, откупщик 489
 Имеретинская Д. А., царица 439
- Иноземцев И. С., заводовладелец 285—287
 Иноземцев П. Е., заводовладелец 239, 284—286, 324
 Иноземцев С. Е., заводовладелец 284—286
 Иноземцев С. И., заводовладелец 287
 Иноземцева А. И., заводовладелица 285, 286
 Иоханнсен О., немецкий историк 29
 Ирман, полк. 16
- Кадмин И., рудонскатель 218
 Калинин Н., заводовладелец 198, 516
 Калугин В., заводовладелец 276
 Кандалаев А. 326
 Кантемир Д. К. (1674—1723), кн., молдавский господарь 444
 Кантемир М. Д., кн. 444
 Кантемир С. Д., 444
 Карасев С. Г., заводовладелец 179—182, 215, 466, 467
 Карасев Ф. Г., заводовладелец 179—182, 215, 466, 467
 Каркин П., заводовладелец 47, 266, 279—281, 287, 324, 326, 492
 Карнович Е. П. (1824—1885), писатель 228, 243, 444
 Кафенгауз Б. Б., историк 3, 12, 36, 40, 45, 47, 50, 59, 73, 88, 92
 Кашинцев Д. А., историк 16, 33, 34, 50, 475
 Кашталинский М. Ф., обер-церемониймейстер, заводовладелец 172
 Квашнин-Самарин П. Ф., сенатор 449
 Келарев П. А., заводовладелец 225, 291, 292, 324
 Кепонов И. А., заводовладелец 200, 433, 452, 516
 Килдишев Г. П., кн., заводовладелец 430, 521
 Килдишева М. С., кн., заводовладелица 168, 512
 Кильбургер И.-Ф. (умер 1721), авт. труда «Краткие известия о торговле в России» 23
 Киреев Я., купец 292
 Кириллов И. К. (1689—1737), географ и картограф, нач. Оренбургской экспедиции 4—6, 20, 23, 62, 231
 Кичигин, шихтмейстер 104, 398
 Кишкин, откупщик 517
 Клепинин В., шихтмейстер 415
 Клокман Ю. Р., историк 250
 Ключарев В. унтер-шихтмейстер 159
 Кнауф А. А., заводовладелец 49, 227, 264, 360

- Княгинкин И., гитенфорвалтер 193, 364, 391
- Кобелев А. И., заводовладелец 306
- Кобелев И. И., заводовладелец 306
- Кобелев И. П., заводовладелец 306, 307, 324
- Кобелевы, заводовладельцы 301
- Кожин И. И., депутат Уложенной Комиссии от кашинских дворян 157—160, 518
- Козицкая Е. И., заводовладелица 226, 241, 242
- Козицкий Г. В., статс-секретарь, зять И. С. Мясникова 241, 501
- Козлов А. Г., историк 7
- Козловский Р. А., кн., помещик 455
- Коковинский Н. Ф., чиновник 444
- Колесов А. Ф., заводовладелец 295—297
- Колесов М. Ф., заводовладелец 295, 297
- Колесов Ф. М., заводовладелец 295—297, 324, 492
- Колесова, заводовладелица 297
- Колокольцов А., помещик 450
- Колошин, прокурор Юстиц-коллегии 89
- Кольцов П. Ф., полк. 177—179
- Комлехин И., купец 190
- Комынин М., помещик 450
- Кондалаков А., чиновник 493
- Кононов И. Я., заводовладелец 203
- Кононов М. Я., заводовладелец 203, 213
- Кононов Я., заводовладелец 201—204, 213
- Коробков Я. Р., заводовладелец 104, 370—372
- Коробов И. Н., заводовладелец 107—109
- Королева Р. Г., архивист 3
- Корф Н. А., ген.-полицмейстер 444
- Костромин, шихтмейстер 114
- Костыгин И., берггешворен 422
- Крамаренков В. И., сенатский секретарь 12—16, 21, 23, 29, 31—33
- Крапивенцев К. Г., купец 196, 197
- Крапивин А. Ф., чиновник 309, 513
- Красильников Г. С., заводовладелец 154
- Красильников Е. 279
- Красильников Л. М., заводовладелец 153, 276
- Красильников Н. П., заводовладелец 156, 313, 314, 495, 511
- Красильников П. Г., заводовладелец 511, 516
- Красильников П. Л., заводовладелец 154—156, 278, 279, 502—504
- Красильников С. Е., заводовладелец 285
- Красильников С. М., заводовладелец 67, 153, 156
- Красильников С. Т., заводовладелец 313, 314, 511
- Красильниковы, заводовладельцы 153—155, 276, 494, 516
- Крашенинников Д., заводовладелец 241, 312
- Кречетников М. Н. (ок. 1729—1793), тульский ген.-губернатор 108
- Кривоногов В. Я., историк 46—50, 279—281
- Криворотов Н., заводовладелец 158, 365
- Круз, лейб-медик, заводовладелец 213
- Крылосов Е., плотинный мастер 281
- Кубышкин А. М., купец 277, 278
- Кудрявцев Н., вице-губернатор 443
- Кузнецов А., приказчик 398
- Кузнецов Е., унтер-шихтмейстер 92
- Кузнецов Ф., приказчик 398
- Кузнецов, казак, командир отряда пугачевцев 262
- Куракин А. Б. (1752—1818), кн., камергер 451, 454
- Куракин С. Б., кн. 406, 407
- Куракины, кн. 15
- Кураксин А., заводовладелец 365
- Курочкин И., заводовладелец 226, 282, 283
- Курочкин Я. П., заводовладелец 281, 282, 293
- Кутлу-Мухаммед-Мурза см. Тевкелев А. И.
- Кухнов Ф., заводовладелец 206, 208, 213, 503
- Кухнова, заводовладелица 208
- Кушева Е. Н., историк 3, 191
- Лавров, управляющий Иковскими рудниками 284
- Лазарев И. Л. (1734—1801), заводовладелец 26, 69, 387, 393, 396, 397, 400, 407—411, 506, 516
- Лазарев Л., заводовладелец 505, 506
- Лазаревы, заводовладельцы 387, 402, 434
- Ланин Ф., заводовладелец 314, 315, 321, 324, 492
- Лебедев, майор 309
- Лебедева Е. И., заводовладелица 309, 513

- Левандинов А., ген. 508, 509
 Лекин К., рудоискатель 218, 219
 Ленин В. И. 37, 39, 46, 47, 49, 51, 53
 Лепехин И. И. (1740—1802), акад., путешественник и естествоиспытатель 17, 50, 66—68, 85, 104, 105, 222, 230, 233, 236, 239, 261, 269, 273, 282, 413, 419, 422
 Ливенцов В. А. Большой, заводовладелец 299
 Ливенцов В. А. Меньшой, заводовладелец 244, 245, 297—301, 324, 490, 522
 Ливенцов И. А. Меньшой, купец 299
 Литвинов А., заводовладелец 277, 278
 Литвинова М. И., заводовладелица 277, 279
 Логинов И. В., заводовладелец 205, 206, 213
 Логинов Л. С., заводовладелец 169, 170
 Логинов Ф. Л., заводовладелец 169
 Логинов, купец 517
 Лодыгин В. М., автор проекта об организации горного дела в России 16, 23
 Лонгинов М. Н. (1823—1875), историк 242, 512, 515
 Лоранский А. М., историк 27
 Лугинин И. К., заводовладелец 150, 259, 260
 Лугинин И. М., заводовладелец 264
 Лугинин Л. И., заводовладелец 34, 89, 94, 140, 142, 259—264, 271, 272, 310, 396, 474, 477, 479, 490, 491
 Лугинин Л. М., заводовладелец 512
 Лугинин М. Л., заводовладелец 260
 Лугинин Н. М., заводовладелец 264, 265, 512
 Лугинин П. К., заводовладелец 260
 Лугинин Ф. К., заводовладелец 260
 Лугинины, заводовладельцы 264, 516
 Лужина Е. В., помещица 454
 Кукин, купец 517
 Лукьянов П. М., историк 229
 Лунегов Е., посадский человек 83
 Лукин М. К. (1711—1776), президент Вотчинной коллегии 445, 446
 Лукин М. С. (1787—1845), декабрист 450
 Лукин П. М., ген. 450
 Лукин С., помещик 450
 Луппов К., историк 30
 Любомиров П. Г. (1885—1935), историк 16, 32, 33, 35, 50
 Ляпин А. И., заводовладелец 292, 324
 Ляпин Д. И., заводовладелец 292, 324
 Ляпин И. Ф., заводовладелец 225, 291
 Макашев И., унтер-шихтмейстер 124, 133, 135, 151, 199, 328, 380
 Малгин 269
 Маленков А. А., заводовладелец 305
 Маленков А. И., заводовладелец 229, 303—305, 324
 Маленков И. А., заводовладелец 305
 Малинин Д. И., историк 188
 Мальцев А., промышленник 505, 506, 510
 Мальцев Ф., промышленник 505, 506, 510
 Мамин-Сибиряк Д. Н. (1852—1912), писатель 481
 Мануйлов П., приказчик 79, 223
 Марков Е., купец 164
 Маркс К. 53
 Марселис П., банкир и промышленник 291, 327
 Мартин И., плотинный мастер 366
 Мартынов М. Н., историк 30, 35, 36, 50, 387
 Мартьянов И. И., заводовладелец 206, 207, 213, 215
 Мартьянов М., заводовладелец 503
 Мартьянов С. И., заводовладелец 206, 208
 Маскин Е., откупщик 488, 489
 Маслов Н. И., заводовладелец 376, 377, 381, 383
 Матвеев К., откупщик и заводовладелец 341, 342, 491, 517
 Мазф И. Я., заводовладелец 170—172
 Медовщиков, откупщик 249
 Мездряков К., заводовладелец 121
 Мездряков Н., заводовладелец 121
 Мездряков Ф., заводовладелец 121
 Меллер В. П., заводовладелец 329, 333
 Меллер Е. Т., заводовладелец 332, 333
 Меллер П., заводовладелец 329
 Меллеры, заводовладельцы 56, 72, 129, 131, 163—165, 329—335, 379
 Мельников, геодезист 93
 Мельников-Печерский П. И. (1819—1883), писатель 121, 481
 Меншиков А., кн., офицер 439
 Меншиков А. Д. (1673—1729), сподвижник Петра I 76, 88
 Метлин С., капитан 93
 Мешанинов, купец 517.
 Мещерский Г. С., кн., помещик 446
 Мещерский Ф. В., кн., рижский комендант 439
 Мещерский Ю. Ф., кн., помещик 532
 Микунув И. И., городничий г. Мензелинска 313, 314

Миллер Г.-Ф. (1705—1783), акад., историк 23, 64, 65
Милованов Д. А., купец 176
Милославский И. Д., боярин 387
Милуков П. Н. (1859—1943), историк 35
Миляков А. И., заводовладелец 174
Миляков Алексей Тарас., заводовладелец 173
Миляков Андрей Тарас., заводовладелец 173, 174, 192, 193
Миляков И. В., заводовладелец 172—174, 486
Миляков Т. В., заводовладелец 173, 174
Миляковы, заводовладельцы 172—174, 283, 482
Митрофанов Д. И., заводовладелец 184, 185
Митрофанов М. И., заводовладелец 184
Митрофанов, чиновник 150
Михайлов Г., шихтмейстер 336
Молодой Ф., заводовладелец 48
Молоствов М. Д., промышленник 302
Морозов А. И., заводовладелец 178
Морозов Б. И. (1590—1662), боярин 387
Морозов И. И., заводовладелец 177—179, 216
Морозова, вдова предыдущего 178, 179
Мосолов Александр Фед., заводовладелец 149, 152
Мосолов Алексей Андр., статский советник 509, 510
Мосолов Алексей Перф., заводовладелец 128, 133, 136, 149
Мосолов Андрей Ив., губернский секретарь 509
Мосолов Андрей Ив., секунд-майор 509
Мосолов Андрей Фед., заводовладелец 149, 150
Мосолов Антип Максим., заводовладелец 138—141, 152, 503, 508
Мосолов В. М., заводовладелец 137, 139, 140, 260, 503
Мосолов Г., тульский купец 510
Мосолов Г. А., заводовладелец 134, 136, 141—143
Мосолов Д. Я., дворянин 509
Мосолов Ив. Алексеевич, заводовладелец 134—136, 141—144, 197, 476, 477, 479, 503
Мосолов Ив. Антип., заводовладелец 138, 140, 141, 152, 197, 503
Мосолов Ив. Ив., заводовладелец 146

Мосолов Ив. Лукьян., поручик 509
Мосолов Ив. Перф. Большой, заводовладелец 128, 136, 147—149, 152, 290, 310, 416
Мосолов Ив. Перф. Меньшой, заводовладелец 120, 128, 130, 133, 134, 136, 137, 144—147, 149, 152, 189, 265, 284, 503
Мосолов Ив. Филип., заводовладелец 152
Мосолов М. П., заводовладелец 120, 128, 129, 133, 134, 136—139, 142, 149, 150, 189, 372, 466, 490, 502—504
Мосолов П., тульский оружейник 153
Мосолов П. И., секунд-майор 509
Мосолов С. И., заводовладелец 146
Мосолов Т. Ф., сын боярский 508—510
Мосолов Ф. К., заводовладелец 149—152
Мосолов Ф. С., сын боярский 508
Мосолов Ф. Ф., заводовладелец 149, 152, 466
Мосолова Д., заводовладелица 144
Мосолова М., заводовладелица 144
Мосолова П. Р., заводовладелица 134
Мосоловы, заводовладельцы 34, 56, 59, 71, 101, 120, 122, 127—138, 140—142, 144, 147—149, 152, 157, 161, 162, 189, 222, 265, 330, 331, 334, 335, 340, 395, 397, 463, 464, 466, 467, 476, 480, 492, 494, 508, 510, 511, 516, 517
Мошковцев Я., купец 292
Мурашев К., заводовладелец 201, 202, 213
Мурашева С., заводовладелица 201—203
Мурашкинцов И., купец 229
Мясников И. М., заводовладелец 290, 291, 430
Мясников И. С., заводовладелец 34, 55, 56, 60, 62, 68, 217, 222, 226, 227, 229, 230, 233—242, 248, 271, 290, 291, 303, 339, 340, 382, 476—479, 481, 489, 491, 494, 499—502, 511, 515
Мясников М. С., заводовладелец 148, 235, 289, 290, 310, 324, 326, 418, 493
Набатов Р. Ф., приказчик 219, 496
Наддачин Г., купец 316
Надир (1688—1747), шах иранский 505
Нарышкин А. А. (1726—1795), сенатор, заводовладелец 328, 365
Нарышкин А. Л. (1694—1745) сенатор, заводовладелец 327, 328, 442, 466, 467
Нарышкин В. В., бригадир 122

- Нарышкин Л. А. (1733—1799), заводовладелец 328
- Нарышкин Л. К. (1668—1705), боярин, заводовладелец 5, 72, 327, 381, 383
- Нарышкин П. К., камергер 472
- Нарышкин С. Г., (ум. 1747), ген., помещик 180
- Наумов, приказчик 391, 392, 403
- Небогатов И. Е., заводовладелец 153, 154, 275—277, 285, 324, 326
- Небогатов И. И., заводовладелец 277
- Небогатов К. И., заводовладелец 277—279, 321
- Небогатова М., заводовладелица 277
- Невейкин С., маркшейдерский ученик 234, 235
- Нейхарт Л., полк., управляющий Саралинским з-дом 276
- Немцов Ф. Г., иркутский губернатор 321
- Неплюев И. И., оренбургский губернатор 56, 228, 230, 231, 238
- Неручев Михаил, купец 183
- Неручев Моисей, купец 183
- Неручев С. М., заводовладелец 182, 183, 486
- Нестеров, унтер-шихтмейстер 404
- Неустроев, купец 183
- Никитин Г. Р., гость 491
- Никитина Л. 285, 286
- Никонов А. А., заводовладелец 190, 512, 516
- Никонов А. М., заводовладелец 190, 191, 511
- Никонов В. А., заводовладелец 190, 192, 492
- Никонов С. А., заводовладелец 192, 511, 512, 516
- Никонов, фабрикант 43
- Никулин А. А., заводовладелец 183, 184
- Никулин А. К., заводовладелец 183
- Никулин Г. А., заводовладелец 183
- Никулин И. А., заводовладелец 183, 184
- Никулин П. А., заводовладелец 183, 184
- Никулина А. З., помещица 445
- Никулины, заводовладельцы 183, 184
- Новиков Н. И. (1744—1818), писатель-просветитель 63, 242
- Новокрещенных Н. Н., историк 25, 26, 393, 400, 401, 408, 410
- Новосельский А. А., историк 2
- Норман, унтер-шихтмейер 151
- Оботин, геодезист 398
- Одоевский И. В. (1710—1758), кн., сенатор 443
- Озерецковский Н. Я. (1750—1827), акад., естествоиспытатель и путешественник 63, 208, 209
- Озеров В., заводовладелец 378
- Ольхин В. Е., заводовладелец 209, 210, 213, 490
- Ольхин Л. Е., заводовладелец 209, 213
- Орехов см. Арехов
- Орлов Г. Г. (1734—1783), кн., ген. 467
- Осипов И., приказчик 301
- Осокин В. И., заводовладелец 218, 308, 309, 324, 491, 513
- Осокин Г. П., заводовладелец 72, 78, 217—219, 221—224, 498
- Осокин И. Г., заводовладелец 222, 224, 497
- Осокин И. П., заводовладелец 67, 68, 223—227, 272, 293, 497, 498, 515, 516
- Осокин И. Т., заводовладелец 218
- Осокин Ив. Ф., заводовладелец 308, 309
- Осокин Игн. Ф., заводовладелец 309
- Осокин М. П., заводовладелец 497
- Осокин Н. Ф., заводовладелец 309
- Осокин Петр Ив., заводовладелец 217
- Осокин Петр Игн., заводовладелец 56, 69, 72, 78, 84, 131, 142, 144, 148, 217—223, 225, 231, 238, 354, 497, 498
- Осокин Ф. Ф., заводовладелец 308, 309, 491
- Осокина А., заводовладелица 309
- Осокина Т. Н., заводовладелица 309
- Осокины, заводовладельцы 65, 72, 78, 79, 217—222, 225—227, 272, 382, 464, 489, 496, 501, 517
- Остерман Ф. А. (1723—1804), граф, сенатор 449
- Павлов И., заводовладелец 358, 359
- Пажитнов К. А., историк-экономист 29, 30
- Паллас П.-С. (1741—1811), акад., путешественник и естествоиспытатель 17, 66—69, 83, 92, 251, 269, 453
- Панин Н. П., граф., сенатор 498
- Панин П. И. (1721—1789), граф, сенатор 498
- Панов А. В., заводовладелец 245, 293—295, 324
- Парамонов П., заводовладелец 202, 203, 213
- Пашков А. И., офицер, зять И. С. Мясникова 241, 501

- Пашкова Д. И., заводовладелица 241, 242
- Переверзев Н., помещик 455
- Перфильев, чиновник 254, 397
- Петр I (1672—1725), император 4, 6, 17, 25, 27, 29, 34—38, 228, 327, 387, 430, 481, 518, 529, 530
- Петр III (1728—1762), император 412
- Петров И., дворовый В. Меллера 329, 333
- Петров Ф. В., заводовладелец 82
- Петров Я. С., заводовладелец 148, 290, 291, 310, 311, 324, 418
- Пирогов Д., купец 197, 198
- Плотников А. А., заводовладелец 245, 293—295, 324, 481
- Погодин М. П. (1800—1875), историк 5
- Подьячев А. М. Меньшой, заводовладелец 156, 313, 314, 324, 495
- Полулекин Г., крестьянин 153
- Полянский Ф. Я., экономист-историк 41—46, 50
- Попов А. В., купец 196, 481
- Попов В., заводовладелец 199
- Попов И. И., заводовладелец 198, 199
- Попов К., заводовладелец 203, 213
- Попов М. Я., заводовладелец 157
- Попов П., заводовладелец 305
- Попов С., заводовладелец 201—203, 213
- Попов Я., заводовладелец 156
- Попов, депутат Уложенной комиссии 530
- Попов, маркшейдер 61, 338
- Попова А. М., заводовладелица 305
- Порецкий, чиновник 61
- Порталь Р., французский историк 29
- Посников Г. Н., заводовладелец 243, 246
- Потемкин Г. А. (1739—1791), кн., гос. деятель 457
- Потемкин М., ген. 455
- Похвиснев, депутат Уложенной комиссии 518
- Походяшин Г. М., заводовладелец 243, 301, 512
- Походяшин М. М. (ум. 1790), заводовладелец 34, 44, 68, 69, 217, 238, 242—248, 271, 295, 297—301, 316, 317, 406, 463, 482, 487—489, 491, 494, 512, 515
- Походяшин Н. М., заводовладелец 243, 512
- Походяшины, заводовладельцы 271
- Преображенский А. А., историк 48
- Прозоров А. Ф., заводовладелец 130, 283, 284, 324
- Прозоров В., заводовладелец 283
- Прозоров Г., заводовладелец 283
- Прозоров П., заводовладелец 283
- Порозорова С., заводовладелица 283
- Порозоровы, заводовладельцы 148, 283
- Протасов С., прокурор, помещик 186
- Протодяконов, купец 294
- Пруссак А. В., историк 30
- Пугачев Е. И. (ок. 1742—1775), предводитель крестьянской войны 30, 34, 37, 51, 110, 116, 155, 226, 240, 253, 262, 305, 308, 474, 499, 500
- Пушкин, воронежский губернатор 379
- Раздеришин В., шихтмейстер 179, 396
- Разумовский К. Г. (1728—1803), граф, гетман Украины 447, 450
- Разумовский Л. К. (1757—1817), ген. 448
- Ратцов А. И., помещик 451
- Резанцев А., рудоискатель 218, 219
- Резанцев С. А., заводовладелец 219
- Рейнер, исследователь Кавказа 17
- Репнин П. И. (ум. 1778), кн., заводовладелец 126, 346, 363—375, 381, 383, 384, 432, 456, 457, 493
- Репнин С. И., кн., заводовладелец 367
- Римский-Корсаков А. Я., заводовладелец 381
- Римский-Корсаков Я. В., заводовладелец 378—381, 383, 468, 493
- Рогачев И. С., ген. 450
- Роговиков С., откупщик 312, 517
- Рожков В. И., горный инженер, историк 25
- Розмыслов И., геодезист 151
- Рознатовский Е. В., сенатский секретарь 124—126, 431—433, 505, 507
- Роланд, член Академии художеств 316
- Ростовщиков А. В., солепромышленник 265, 269
- Ртищева П., заводовладелица 147, 513
- Рубинштейн Н. Л., историк 62, 453
- Рукавишников И., чиновник 17
- Рукавишников Т., посадский человек 284
- Румянцев П. А. (1725—1796), граф, полководец 457
- Рыбников И., депутат Уложенной комиссии 533
- Рычков В. П., заводовладелец 419
- Рычков Н. П., капитан, путешественник, заводовладелец 66, 67
- Рычков П. И. (1712—1777), ученый, первый член-корр. Академии наук,

- заводовладелец 62, 224, 227—231, 239, 419—422, 433, 434
 Рюмин Г. Ф., заводовладелец 169—171, 175, 482
 Рюмин И. К., заводовладелец 165, 166, 168
 Рюмин И. П., заводовладелец 168, 169, 521
 Рюмин К. Н., заводовладелец 165, 167
 Рюмин Н. Г., заводовладелец 169—171
 Рюмин Н. П., заводовладелец 166, 430
 Рюмин П. К. 165—168, 175
 Рюмин Я. К., заводовладелец 165—167, 486
 Рюмины, заводовладельцы 165—172, 190, 191, 214, 283, 492
 Сабинин Е., заводовладелец 321
 Савельев И. Г., заводовладелец 319—325, 512
 Савельев И. И., заводовладелец 319, 323, 512
 Салтыков Н. И. (1736—1816), ген.-фельдмаршал 455
 Салтыков П. С. (1698—1772), граф, ген. 443
 Салтыков С. А. (1672—1742), граф, ген. 489, 507
 Салтыков-Щедрин М. А. (1826—1889), писатель 533
 Самарин И., помещик 456
 Самойлов Н. Б., сенатор 447
 Санников, берггешворен 352, 353
 Сатин А. И., заводовладелец 427
 Сатин И. М., заводовладелец 426, 427, 433, 434, 494, 516
 Сегюр Л.-Ф. (1753—1830), граф, французский посол в России 457
 Седов И., поверенный бар. А. Н. Строганова 401
 Семевский В. И. (1848—1916), историк 524
 Семенов А., откупщик 488
 Серебряков М., приказчик 336
 Сибилов В. С., помещик 445
 Сиверс К. Е. (1710—1774), граф, заводовладелец 11, 45, 290, 341, 342, 411, 413, 417—419, 435, 493
 Сивков К. В., историк 63
 Сигов С. П., историк 31, 272, 479
 Симонов А., купец 184
 Собакин С.—см. Яковлев С. Я.
 Саймонов И., прокурор Берг-коллегии 199
 Соковнин Г., рудопромышленник 48
 Соколов В., шихтмейстер 365, 380
 Соловцов И. И., заводовладелец 428, 429, 434, 493, 494
 Сосновская М. Б., помещица 454
 Софонов М. И., ген. 493
 Спасский Г. И., историк 25, 26
 Стадучин О., берггешворен 414
 Старков М. П., купец 320
 Стенцель Б., заводовладелец 43
 Степанов А., шихтмейстер 101
 Степанов Г., приказчик 137
 Степанов И., заводовладелец 378
 Столыпин, помещик 455
 Столыпина, 455
 Строганов А. Г. (1698—1754), бар., заводовладелец 187, 188, 268, 388—391, 393, 403
 Строганов А. Н., бар., заводовладелец 399—401, 407
 Строганов А. С. (1733—1811), граф, заводовладелец 69, 90, 142, 252, 261, 268, 395—397, 403, 405, 407, 409, 410, 432, 472
 Строганов Г. Н., бар., заводовладелец 399, 400, 407—409
 Строганов Н. Г. (1700—1758), бар., заводовладелец 93, 390, 391, 397—399, 406, 409, 472
 Строганов С. Г., бар., заводовладелец 268, 390, 391, 393—395, 397
 Строганов С. Н. (1738—1777), бар., заводовладелец 399, 400
 Строганова А. А., бар., заводовладелица 392, 393, 402, 403, 409
 Строганова В. А., бар., заводовладелица 392, 393, 404, 405, 409
 Строганова М. А., бар., заводовладелица 92, 391—393, 408, 472
 Строгановы, бар., заводовладельцы 9, 59, 69, 77, 78, 265, 387—395, 398, 400, 402, 407—409, 411, 434, 493, 494, 516
 Стромиллов П., депутат Уложенной комиссии 518
 Струговщиков П., купец 278
 Струмилин С. Г. (род. 1777), акад., экономист 3, 37—39, 46, 49—51, 169, 411, 460
 Ступишин А., сенатор 507
 Суворов В., прокурор Берг-коллегии 390
 Суворов, ген. 16
 Суворова А. В., помещица 122
 Суровищikov А. В., заводовладелец 490, 491
 Сухотин Г., чиновник 134
 Сысоев Т. Д., помещик 180

- Таптыков И. Л., помещик 376
 Тараканов, ген. 443
 Тасимов И., доверенный рудопр-
 мышленников 353.
 Татищев А., помещик 167
 Татищев В. Н. (1686—1750), историк
 4, 8, 16, 25, 36, 47, 77, 220, 221, 231,
 280, 284, 494, 497, 519, 520, 525
 Твердышев Б., бурмистр Симбирской
 ратуши 228
 Твердышев И. Б. (ум. 1773), заводо-
 владелец 34, 55, 56, 60, 62, 68, 217,
 222, 226—242, 248, 249, 271, 303, 339,
 340, 382, 475, 477—479, 481, 489,
 491, 494, 495, 499—502, 511, 515,
 521—528
 Твердышев Я. Б. (ум. 1783), заводо-
 владелец 227, 228, 239, 241, 242, 501
 Тевкелев А. И., ген., заводовладелец
 422—424, 434, 494, 516
 Тевкелев О. А., заводовладелец 424,
 425
 Тевкелев П. О., заводовладелец 425
 Тевкелева, заводовладелица 425, 426
 Теймураз (ум. 1762), царь грузинский
 505
 Терентьев В., приказчик 76
 Терпугов, заводовладелец 158
 Тетюшев С., чиновник 493
 Тиссен Я. И., купец 205
 Титов В., маркшейдер 115
 Толстой Ф. М., ген. 455
 Томилин Д., винный подрядчик 482
 Томилин С., винный подрядчик, вла-
 делец красочного завода 102, 167,
 482
 Томилов А. Ф., президент Берг-колле-
 гии 59, 87, 389, 390
 Топорков А., священник, краевед 26,
 307
 Тредиаковский В. К. (1703—1769),
 писатель 515
 Трубецкой И. Ю., кн., сенатор 442
 Тряпицын Д. И., заводовладелец 274,
 275, 326
 Тряпицын Н., заводовладелец 48, 105,
 274, 275, 324
 Тутан-Барановский М. И. (1865—
 1919), экономист 35
 Тулинов В., заводовладелец 378, 379
 Турчанинов А. А., заводовладелец
 270, 500
 Турчанинов А. Ф., заводовладелец
 230, 238, 266—271, 471—473, 499,
 500, 502, 514
 Турчанинов И., заводовладелец 167
 Турчанинов М. Ф., заводовладелец,
 48, 157, 265, 266, 491, 492
 Турчанинов П. А., заводовладелец
 270
 Турчанинов С. Я., заводовладелец
 190—192, 492
 Турчанинов, владелец мануфактуры
 43
 Турчанинова Е. А., заводовладелица
 270
 Турчанинова Ф. М., заводовладелица
 266
 Турчанинова Ф. С., заводовладелица
 270
 Турчанинова (урожд. княжна Грузин-
 ская) 500
 Турчаниновы, заводовладельцы 270,
 516
 Тутолмин, олонекский ген.-губернатор
 212
 Уразметов Н., рудоискатель 230
 Устюгов Н. В., историк 3, 28
 Фалеев И., заводовладелец 187
 Фалеев М., заводовладелец 187
 Фалеевы, заводовладельцы 188
 Фальк И.-П. (1727—1774), акад.,
 естествоиспытатель и путешествен-
 ник 66, 67
 Федуркин И. Е., заводовладелец 428,
 429
 Филатов, фабрикант 188
 Филатьев, купец 86
 Фитонов С. Д., заводовладелец 424—
 426
 Фонвизин И., поручик 151
 Ханыков В. А., помещик 129, 130
 Хвасливый Л., винный подрядчик 482
 Хвостов В. С. (1756—1832), сенатор,
 писатель 514, 515
 Хилковский Д., шихтмейстер 125, 126,
 432
 Хлебников Н. П., заводовладелец 311,
 430, 431, 517
 Хлебников П. К., ген., заводовладелец
 291, 310, 311, 430, 516
 Хлебникова И. Я., заводовладелица
 Хрущов А., бригадир 509
 Хрущова, помещица 122
 Цивилин Г., приказчик 393, 395
 Чеканщикова А., заводовладелица
 174
 Черкасов И. А. (1692—1758), бар., ка-
 бинетский секретарь, 76, 77, 79, 87,
 303

- Черкасский А. М., кн., заводовладелец 411, 412
 Черкасская М. Ю., кн., заводовладелица 412
 Чернышев Г. Г., граф, помещик 119
 Чернышев Г. П. (1672—1745), ген.-фельдмаршал 118
 Чернышев З., граф 368, 369, 415
 Чернышев И. Г. (1726—1797), граф, сенатор, заводовладелец 223, 352—355, 381, 383—385, 444, 445, 451, 471—474
 Чернышев П. Г. (род. 1747), граф, русский посол в Англии 443, 447
 Чернышев, шихтмейстер 398
 Чернышева, жена П. Г. Чернышева 447
 Чирьев А. Г. Большой, заводовладелец 174—176, 512, 513
 Чирьев А. Г. Меньшой, секунд-майор, управляющий заводом 175
 Чирьев В. Г., управляющий заводом 175
 Чичерин Д. И. (1720—1785), сибирский губернатор 515
 Чогин М. А., заводовладелец 204, 205, 213
 Чулков М. Д. (ок. 1743—1792), писатель и историк 20, 22, 482
 Чупин Н. К. (1824—1882), историк-краевед 24, 25, 33, 243, 246, 269, 275, 348
 Чурашов В. П., мануфактурист 305
 Шавкунов О., заводовладелец 289
 Шавкунов Т., заводовладелец 48, 287—289, 324, 415, 481
 Шаноний Д., французский предприниматель 210—213, 491
 Шапкин А. А., заводовладелец 174, 295—297, 324, 492
 Шапкин И. А., заводовладелец 295
 Шапкин Ф. А., заводовладелец 295
 Шаргаев М. Я., заводовладелец 206—208, 213, 503
 Шаргаева, заводовладелица 208
 Шаров В., заводовладелец 47
 Шафиров И. П., бар. 443, 482
 Шафиров П. П. (1670—1739), сенатор 4
 Шаховской Б. Г., кн., заводовладелец 403—405
 Шаховской М. И. (род. 1707), кн., президент Камер-коллегии 443
 Шаховской Я. П., кн. 393
 Шаховские кн., заводовладельцы 69, 387, 393, 402, 411, 434, 516
 Шебалов А. В., историк 16
 Шевич В. С., краевед 228
 Шемберг, заводовладелец 29, 65, 78, 221, 342
 Шемякин, откупщик 249, 491
 Шергина А. М., заводовладелица 297
 Шереметев Н. П. (1751—1809), граф, сенатор 449
 Шереметев П. Б. (1713—1788), граф, сенатор, заводовладелец 411—413, 434, 493
 Шереметева В. А., графиня 412
 Шестов, откупщик 249
 Ширяев А. И., заводовладелец 307
 Ширяев А. С., заводовладелец 511
 Ширяев Е. А., заводовладелец 26, 115, 307, 309, 511
 Ширяев Е. Е., заводовладелец 511, 516
 Ширяев С. А., заводовладелец 115, 307, 308
 Ширяева М. Ф., заводовладелица 309
 Ширяевы, заводовладельцы 301, 324
 Шишкин Е., купец 288
 Шишонко В. Н., историк-краевед 27, 266, 394
 Шмелев, заводовладелец 274
 Шредер, исследователь Кавказа 17
 Штифт, бергмейстер 165
 Штранге М. М., историк 3
 Шувалов А. И. (1710—1771), граф, ген.-фельдмаршал, заводовладелец 56, 107, 131—133, 148, 149, 165, 237, 304, 328—340, 379, 381, 383, 384, 467, 468, 492
 Шувалов А. М., секунд-майор 175, 512, 513
 Шувалов А. П. (1744—1789), директор Ассигнационного банка 345, 346, 443—445, 452
 Шувалов И., обер-камергер 508
 Шувалов П. И. (1710—1762), граф, ген.-фельдмаршал, заводовладелец 339—346, 381, 383—385, 394, 423, 442, 443, 457, 469, 473, 492, 493
 Шувалова М. А., заводовладелица 175, 176, 512, 513
 Шувалова, графиня, вдова А. И. Шувалова, заводовладелица 335, 336
 Шуваловы, графы 373
 Шулепов А. И., заводовладелец 198
 Щепетов К. Н., историк 412
 Щепотев А. Н., помещик 448
 Щербатов М. М. (1733—1790), кн., историк 4, 227, 228, 238, 482, 487, 489, 517, 518, 529, 530
 Щербинин Е. А., сенатор 447

- Юдин Ф., купец 293
 Юрасов, помещик 183
 Юринский А., заводовладелец 226, 282, 293
- Ягужинский С. П. (1740—1806), граф, ген., заводовладелец 251, 268, 355—362, 373, 381, 384, 457, 472—474
 Якобий, иркутский и колыванский ген.-губернатор 321
 Яковлев Г. С., заводовладелец 255, 257
 Яковлев И., обер-гитенфорвалтер 224
 Яковлев И. М., заводовладелец 258
 Яковлев И. С., заводовладелец 255, 257
 Яковлев М., шихтмейстер 315
 Яковлев Мих. Саввич, заводовладелец 255, 256, 396
 Яковлев Мих. Серг., заводовладелец 256, 257
 Яковлев Н. М., заводовладелец 257
 Яковлев Н. С., заводовладелец 256
 Яковлев П. М., заводовладелец 257, 258
- Яковлев П. С., заводовладелец 255—257
 Яковлев С. М., заводовладелец 258
 Яковлев С. С., заводовладелец 255—257
 Яковлев С. Я. (1712—1784), заводовладелец 14, 63, 69, 88, 94, 217, 248—259, 271, 272, 310—312, 352, 362, 363, 385, 416, 476, 487, 489—491, 495, 496
 Яковлева, заводовладелица 256, 257
 Яковлевы, заводовладельцы 55, 127, 256, 259, 271, 463, 516, 517
 Яковцевский В. Н., экономист 3, 487
 Янкович Г., купец 168
 Яровой А. П., историк 241
 Ярцов А. С. (1737—1819), горный инженер, авт. «Российской горной истории» 16—19, 23, 33, 68, 92, 147, 152, 153, 211, 212, 254, 265, 268, 270, 311, 325, 339, 351—353, 373, 374, 383, 415, 426, 514
 Ярцов Н. А. 17, 18
 Ярцов Н. С., управляющий заводом 351
 Яцунский В. К., историк 3, 30, 39

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Азгара, р. 174
 Авзян (Авзянка), р. 233, 234, 340, 341
 Авнерть, р. 235
 Абдуй, р. 349
 Азяш, р. 114
 Ай, р. 137, 232
 Айлинская вол. Уфимский пров. 395
 Акан, р. 420
 Аксын (Аксына, Аксуна), р. 233
 Алапаевка (Алапанха), р. 272
 Алатерский у. 443, 446
 Алексин, гр. 124, 152
 Алексинский у. 96, 99, 149, 260
 Амстердам, г. в Голландии 204
 Анга, р. 314, 315
 Англия 28, 272
 Аносово, с. Шацкого у. 374
 Аргунский острог 444
 Ардатовский у. 127
 Арзамас, г. 528
 Арзамасский у. 86, 123, 439
 Армения 506
 Архангелогородская губ. 164, 165, 296, 438, 440, 442
 Архангельск, г. 283, 293, 295, 299
 Архангельское, с. Симбирского у. 302
 Арша, р.— см. Аша
 Астраханская губ. 218
 Астрахань, г. 67, 165, 303
 Аша (Арша), р. 235
 Ашапа (Большой Ашап), р. 84

 Бабка, р. 222, 353, 354
 Бадья, дер. Казанского у. 306
 Байкал, оз. 18, 69, 314
 Байряш, р. 284, 285
 Балахна, г. 496, 497
 Барда, р. 217
 Бардакова, дер. Рязанской пров. 175
 Барминская вол. Нижегородского у. 81
 Барнаул (Барнаулка), р. 83
 Башкирия 50, 67, 104, 105, 114, 115, 135, 138, 142, 154, 222, 224, 233, 235, 236, 238, 284, 285, 338, 353, 359, 372, 414, 416, 419—421, 475, 500, 528
 Безна (Бездна), р. 428

 Белая, р. 83, 232—236, 289
 Белгород 451
 Белгородская губ. 438, 440, 451, 532
 Белев, г. 529
 Белое море 67
 Белоколодезь, р. 367
 Белоколодский у. 367
 Бемыш, р. 309
 Березов, г. 444
 Березовка, р. 287
 Берсуда (Берсута), р. 303
 Билимбанха, р. 388, 389, 393
 Бисерть, р. 89, 90
 Благодать, гора 25, 220, 344
 Богдано-Петровка, дер. Калужско-го у. 452
 Бордо, г. во Франции 204
 Боровицкое, с. Казанского у. 276
 Боровский у. 120, 129, 164, 330, 466
 Бритовская вол. Хлыновского у. 283
 Брыня (Брынь), р. 96
 Брянск, г. 189
 Брянский у. 101, 129, 136, 144, 145, 188
 Бугульма, г. 420
 Бугульминская округа 419
 Бугуруслан, г. 449
 Бузулук, г. 449
 Буй, р. 138, 139
 Буланка, р. 235
 Бунаково, с. Калужского у. 452
 Бым, р. 83, 84, 103
 Бынга, р. 73
 Бытоша (Бытошевка), р. 130
 Бытоши, дер. Брянского у. 130

 Вагран, р. 243
 Важский у. 296
 Валдайские горы 353
 Варзя (Варза), р. 422
 Васильевское (Маслово), с. Тульско-го у. 376
 Велетьма, р. 123
 Верейский у. 444, 448
 Веркуцы, дер. Владимирского у. 122
 Версеговская, дер. Хлыновского у. 283
 Верхний Узьян, р. 111, 340, 341

Верхостоево, дер. Бугульминской ок-
руги 419
Верхотурский у. 244, 297
Верхотурье, г. 242, 249, 260, 488, 515
Ветма (Ветьма), р. 129, 130
Визгень Малая, р. 294
Виндрия Большая, р. 192, 193
Вичка, р. 209
Вишера, р. 244
Владимирская губ. 62, 511
Владимирский у. 122, 124, 125, 431,
432, 456
Вознесенское, с. Шацкого у. 374
Волга, р. 228, 515
Волконка, р.— см. Волхонка
Вологда, г. 528
Вологодская губ. 448
Волхонка (Волконка), р. 150
Волчья гора 80, 104
Воронеж, г. 533
Воронежская губ. 43, 192, 438, 440,
442, 451
Воронежский у. 156
Вотка, р. 345
Выборгская губ. 368
Выкса, с. Арзамасского у. 124
Выксун (Выкса), р. 123, 126
Вырка (Выровка), р. 99
Вытегра, р. 213
Вышегородская вол. 165, 329, 330, 333,
336, 339
Вышний Волочок, г. 17
Вья, р. 74, 95, 102
Вяземский у. 182, 466
Вязьма, г. 136, 533
Вятка, р. 136, 226, 284, 306, 309
Вятская губ. 66, 448
Вятская пров. 226, 284, 292, 415
Вятский край 281
Вятское наместн. 63

Галицкий у. 81, 86
Гамбург, г. в Германии 295
Германия 28
Гжатск (Гжатская пристань), г. 120,
187, 465, 466
Гиреево, с. Медынского у. 129
Глухов, г. 136
Голландия 205, 295
Городищенский у. 454
Гремяча р. 353
Гривская вол. Яренского у. 294
Грузия 18
Грязненка, р. 117
Гурьев, г. 67
Гусевская вол. Владимирского у. 122
Гусь, р. 122
Гуськово, с. Касимовского у. 532

Давыдовка, р. 105, 274
Даля, р. 47
Дединово, с. Переяславского (Рязан-
ского) у. 172
Денисово, сел. Владимирского у. 124,
431
Державино, с. см. Смоленское
Джульфа (Жулфа), г. 505
Дмитровский у. 43, 444, 456
Добрынино, дер. Устюжского у. 293
Домрянка, р. 393
Дон, р. 163
Дубищи дер. Мещовского у. 102
Дубна, р. 149, 150
Дубовское, с. Воронежского у. 156
Дугна, р. 96, 112
Дымовская слобода в Устюжском у.
293

Европа 68, 88, 514, 521
Екатеринбург, г. 8, 22, 25, 28, 30, 65,
249, 305, 339, 347, 372, 423, 471, 514,
519, см. также Свердловск
Елец, г. 157
Елецкий у. 156
Енисей, р. 317
Енисейск, г. 444
Енисейская округа 323
Еремеево, дер. Балахонского у. 496
Еремша, р. 367
Еркул, р. 413
Ермолино, с. Касимовского у. 121
Ефремовский у. 452

Железница, р. 126
Жиздра, р. 100
Жиздринская округа 109
Жортка, р. 179
Жулфа, г.— см. Джульфа

Зай, р. 420
Залипязье, с. Рязанского у. 166, 167,
175
Зарайский у. 312
Засосенский стан Елецкого у. 156
Зубцов, г. 182, 183
Зубцовский у. 179, 181, 182, 215, 466
Зюзелька, р. 371

Иберда, р. 196, 197
Ива, р. 350
Иж, р. 345
Изверя, р. 119, 165, 331
Ик Большой, р. 336, 337
Ик Малый, р. 336, 337
Илдиан (Илдинка), р. 154
Илев, р. 125, 126, 432
Ильманстрандский у. 368

- Ильмень, оз. 63, 180
 Ингерманландия 249
 Инсар, г. 191
 Инсара, р. 191
 Инсарский у. 190
 Иран 260, 407, 505
 Ирбит, р. 254
 Ирбитск, г. 254
 Иргизла, р. 417
 Иргина, р. 218
 Иркутск, г. 18, 42, 260, 266, 319, 321, 323, 444
 Иркутская губ. 312, 322
 Ирлян, р. 420
 Исетская пров. 66, 104, 144, 370, 371
 Исетское, оз. 8
 Исеть, р. 8
 Истья, р. 164, 167, 169, 175, 182, 191
 Ицкое, с. Казанского у. 87
 Ишим, г. 319
 Иштерьяковка, р. 285

 Кабарда 178
 Кавказ 17
 Кага, р. 110, 341
 Кадомский у. 125, 432
 Кажим, р. 282
 Казанская губ. 66, 136, 140, 218, 276, 302, 345, 440—442, 447, 453, 479
 Казанский у. 105, 153, 228, 274, 275, 285, 291, 303, 419, 443, 483
 Казанское наместн. 448
 Казань, г. 86, 87, 217, 227, 242, 275, 286, 303, 447
 Кайгородская вол. Яранского у. 282
 Кайская округа 282
 Калач, г. 379, 381
 Калуга, г. 3, 120, 187, 218
 Калужка, р. 187
 Калужская губ. 112, 448, 450, 509, 510
 Калужская пров. 102
 Калужский у. 112, 187, 452
 Калужское наместн. 62, 108, 109, 186, 190
 Кама, р. 87, 91, 138, 244, 247, 345, 350, 388, 389, 392, 398, 399, 410
 Камбарка, р. 91, 251
 Кана, р. 340
 Карагай, оз. 371
 Карачарово, с. Муромского у. 411, 412
 Карачев, г. 529
 Карачевский у. 206
 Карелия 40, 202
 Карпов, г. 451
 Касимов, г. 529
 Касимовский у. 121, 122, 125, 127, 432, 532
 Катав, р. 234
 Кашинский у. 157
 Каширский у. 446
 Кенигсберг, г. 184, 204
 Кеолим, р. 115
 Керенский у. 446, 451
 Кивач, р. 202
 Кидаш, р. 222, 224
 Киевка, р. 187
 Киевское наместн. 450
 Кирица, р. 170
 Кирсановский у. 450
 Китай 299, 491
 Клепиково, с. Рязанского у. 167
 Климковка, р. 415
 Клишино, с. Зарайского у. 312
 Ключик, местность в Исетской пров. 371
 Ковда, р. 296
 Козельский у. 186
 Козловский у. 378, 446
 Койва, р. 391
 Колонга, р. 243, 244
 Колтея, р. 154
 Кольберг, г. 204
 Кольванская губ. 243
 Корепанова, дер. Хлыновского у. 283
 Коринка, р. 153
 Косва, р. 298, 410
 Кострома, г. 265
 Костромская пров. 531
 Крапивенка (Крапивная), р. 183
 Крапивенский у. 185, 426
 Краснослободск, г. 249
 Краснослободский у. 172, 174, 316, 317
 Красноярск, г. 243, 295, 317, 444
 Кронштадт, г. 249, 533
 Крутецкая, дер. Хлыновского у. 283
 Крым 18
 Куваканская вол. Уфимской пров. 395
 Куваша, (Кугуш), р. 137, 232
 Кузнецкий у. 83
 Куктур, р. см. Кухтур
 Кунгур, г. 48, 83, 84, 91
 Кунгур, р. 73
 Кунгурская пров. 402
 Кунгурский у. 48, 73, 78, 79, 83, 85, 87, 103, 217, 218, 222, 223, 287, 288, 308, 399
 Курган, р. 358
 Курск, г. 529
 Курская губ. 437, 448, 449, 453
 Курак (Кураклы), р. 236
 Куса (Кусья), р. 136, 142, 261, 391, 403
 Кутмес, р. 345
 Кухтур (Кутур, Куктур), р. 110, 111
 Кызел, р. 408, 409
 Кыштым, р. 104

Кюменогорская вол. (Финляндия)
368, 370

Кяхта, г. 250, 260, 295, 299, 444

Ладожский канал 165, 249

Ладожское оз. 63, 204, 209

Лапландия 25

Ледовитый океан 67

Лена, р. 18

Ленва, р. 280

Ленина, дер. Тарусского у. 128

Ленинград 3, 70, см. также Петербург

Лихвинский у. 184, 198—200, 456

Ломпадь, р. 101, 112

Лужа, р. 129, 131, 136, 330

Лысва, р. 392, 405

Лытва, р. 399, 409

Любимский у. 531

Любохонка, р. 189

Людиново (Людиновка), дер. Брянского у. 101

Люлиха, р. 307

Лябельская вол. Устюжского у. 294

Ляга, р. 254

Ляля, р. 298

Магнитная гора 104

Малиновая засека в Тарусском у. 128

Малоярославецкий у. 99, 163, 456, 518

Мангазея, г. 295, 444

Мегра, р. 212

Медведица, р. 177

Медвежий острова 25

Медынский у. 99, 117, 119, 120, 165,

331, 332, 444

Мелекес, с. Казанского у. 419

Меленка, р. 411

Мензелинск, г. 155, 275, 313

Мергалово, с. Верейского у. 448

Меселя, р. 194

Меча, р. 48

Мещовский у. 96, 102, 106

Мигутин стан Медынского у. 117

Минашевская, дер. Хлыновского у. 283

Миниара (Минияра, Миньярка),
р. 235, 289

Миняус, р. 239

Митина, дер. Перемышльского у. 185

Мияс, р. 261, 371

Можайский у. 120, 136, 144, 448, 466

Мокша, р. 126

Молебная (Малебка), р. 92

Молотково, с. Брянского у. 145

Морозовская вол. Медынского у. 165

Москва, г. 3, 7, 17, 42, 67, 70, 74, 86,
100, 102, 103, 116, 120, 132, 136, 151,

152, 163, 166, 169, 172, 182, 183,

188—191, 218, 241, 249, 250, 266, 307,
311, 312, 315, 331, 332, 424, 426—429,
444, 447, 451, 456, 457, 464—466, 480,
486—488, 506, 514

Московская губ. 333, 437, 438, 440,
447, 448, 453

Московский у. 456, 457, 464

Мостья Большая, р. 197

Мотовилиха, р. 350

Мурзинка, р. 298

Муром, г. 121

Муромский у. 136, 411

Мценск, г. 533

Мышега, р. 128, 136

Назя (Нозья), р. 222

Нарым, г. 295

Нева, р. 218

Нейва, р. 73, 251, 252, 272

Неплюжа, р. 129

Нерчинск (Нерчинский острог), г. 390
444

Нечайка, р. 164

Нижегородская губ. 89, 439, 440, 447
479, 510

Нижегородский у. 81, 86, 412, 439

Нижегородское наместн. 437, 438, 448

Нижний Новгород 81, 165, 394, 447,
528

Новгородская губ. 438—440

Новгородский у. 444, 446

Новгород-Северская губ. 448, 453

Новороссийский край (Новороссия)
498

Норская слобода 457

Нытва, р. 392, 402

Нювчинка, р. 294

Нючпас, р. 282

Нясма, р. 298

Оболенский у. 164

Обоянский у. 444

Обоянь, г. 455

Обь, р. 17, 83

Одоев, г. 452

Одоевская округа 433

Одоевский у. 200

Ока, р. 100, 126

Оленово, дер. Соликамского у. 399

Олонечкая губ. 7

Олонечский край (Олонец), 18, 163,
214, 215, 460, 461, 491

Олонечский у. 7

Олонечское наместн. 63, 204, 208, 210,
212

Омутная, р. 226

Онежское оз. 63, 209, 212

Орел, г. 451, 455

Оренбург, г. 166, 228, 229, 231, 260

Оренбургская губ. 62, 66, 136, 154,
228, 258, 302, 340, 348, 358, 417, 419,
438, 440, 442, 479, 500, 502
Оренбургская пров. 66
Оренбургский край 230, 419
Орловская пров. 444
Осинский у. 81, 103
Осташков, г. 496
Острожная, дер. Медынского у. 117,
118
Охотск, г. 444
Охра, р. 212
Очера, р. 394

Павда, р. 244, 298
Павлово, с. Нижегородского у. 412
Панфилово, пос. Муромского у. 411
Пахомовская, дер. Хлыновского у. 283
Пашия, р. 381, 403
Пелым, г. 243, 319, 487
Пензенская губ. 445, 448, 450—453
Пензенская пров. 453
Пензенский у. 191, 307, 442—444, 456,
483
Пергубский залив Онежского оз. 209
Перевлес, с. Рязанского у. 166, 182
Перемышльский у. 184—186
Переяславль Рязанский, г. 165, 169,
215
Переяславская (Рязанская) пров. 169,
430
Переяславский (Рязанский) у. 129,
172, 446
Пермогорская вол. Устюжского у. 294
Пермская губ. 24, 27, 66, 227, 243, 269,
275, 348
Пермская пров. 400
Пермское наместн. 69, 264, 448
Пермь, г. 3, 410
Песковка, р. 282
Песоченка, р. 185—187
Петербург, г. 65, 67, 87, 88, 91, 165,
166, 168, 173, 177, 180—182, 187, 190,
191, 202, 203, 206, 208, 209, 211, 212,
215, 218, 249, 250, 259, 260, 265, 283,
295, 299, 301, 302, 311, 323, 342, 344,
358, 367, 370, 394, 443, 444, 465, 486,
487, 505. См. также Ленинград
Петербургская губ. 257
Петропавловская креп. 250
Пиллау, г. 204
Поволжье 67, 229, 441, 444
Подберезье, с. Зубцовского у. 179
Подгорная, р. 380
Подгородный стан Брянского у. 188
Пожва, р. 398
Познянка, р. 47
Покровское, с. Пермской пров. 252, 253

Полазнинское (Полазны); с. Соли-
камского у. 391, 410
Полевая, р. 74
Полотняный Завод, с. Малояросла-
вецкого у. 514
Полоцкая губ. 385
Польша 18, 472
Поморье 293, 444
Прибалтика 450
Пронский у. 169, 174
Протасово, с. Алексинского у. 149
Пруссия 82, 203
Псков, г. 136
Псковская пров. 249
Пудема, р. 292
Пустозерский у. 164
Пыжма, р. 306
Пышма, р. 74, 253
Пядинская вол. Яренского у. 294
Пятницкое, сел. Устюжского у. 293

Радица, р. 189
Ревда, р. 74, 75, 80, 103
Режа, р. 253
Репица, р. 156
Рефта Большая, р. 253, 349
Рига, г. 187, 203, 299
Ромодановская вол. Калужской губ.
50, 99
Росольня, р. 391, 403
Россия 3—6, 9, 10, 12—15, 18, 19, 21,
23, 24, 26—35, 37, 38, 41, 42, 45, 47,
49—52, 54, 62, 66—69, 78, 81—83, 85,
95, 96, 102, 105, 106, 109, 110, 116,
121, 127, 128, 131, 132, 139, 144, 149,
153, 163, 172, 191, 194, 200, 214, 215,
226—229, 233, 237, 244, 246—248,
258, 259, 266, 272, 279, 298, 302, 329,
336, 356, 357, 368, 369, 402, 407, 410,
412, 419, 422, 423, 426, 430, 434, 438,
439, 441, 443, 447, 450, 453, 456,
458—460, 462—464, 466, 469, 487,
490, 491, 495, 496, 498, 500, 502, 506,
516, 517, 519, 521, 522, 524, 527, 528,
530—532, 534, 535
Русаново с. Калужского у. 112
Рыбная слобода 457
Рыльск, г. 533
Рыльский у. 451
Рысня (Рысна), р. 99
Рябка (Ряпка), р. 172, 173
Ряжск, г. 529, 534
Ряжский у. 196, 451
Рязанская губ. 448—451, 453, 510
Рязанский у. 167
Рязанское наместн. 62, 129
Салда, р. 93, 136, 220, 221
Самара, г. 228, 302

- Сараль, с. Казанского у. 153
 Сарана, р. 223
 Саранский у. 483
 Саратов, г. 445, 528
 Саратовская губ. 448, 451, 453
 Сарма, р. 125
 Сатка, р. 137, 395
 Свердловск, г. 3, см. также Екатеринбург
 Свияжский у. 308, 446
 Севская пров. 444, 455
 Севский у. 444
 Сеитма, р. 191
 Селецкая слободка Рязанского у. 172, 173
 Сементина (Сементиновка), р. 99
 Сементиновка, дер. Алексинского у. 99
 Сентец, р. 102
 Сентя, дер. Калужской пров. 102
 Серена, р. 186
 Серпейск, г. 529
 Серпейский у. 187, 188
 Серпухов, г. 152
 Сибирская губ. 103, 218, 245
 Сибирь 7, 16, 18, 25, 28, 29, 42, 43, 46, 47, 64, 65, 83, 85, 219, 243, 274, 283, 293, 314, 316, 319, 321—325, 390, 442, 444, 459, 460, 491
 Сивина, р. 174
 Сим, р. 235, 236, 289, 290
 Симбирск, г. 302, 303, 515
 Симбирская губ. 241, 515
 Симбирский у. 228, 229, 301, 302, 303, 310, 483
 Синячиха, р. 252
 Скопин, г. 380, 529
 Скопинский у. 196
 Слободской у. 226, 292, 415
 Смоленская губ. 438—440, 447, 448
 Смоленское наместн. 437
 Смоленское (Державино), с. Уфимской губ. 449
 Славда (Сноведь), р. 127
 Сок, р. 420
 Сокольск, г. 116, 506
 Соликамск, г. 7, 27, 48, 67, 86, 267, 447, 550
 Соликамский у. 244, 388
 Солова, р. 426
 Сосновка, дер. Устюжского у. 293
 Сосновка, р. 419
 Спасское, с. Оренбургской губ. 419—421
 Средняя Азия 260
 Старицкий у. 444
 Старое Павшино, с. Алексинского у. 99
 Старый Оскол, г. 455
 Сува, р. 164
 Суканаш, р. 234, 235
 Сукремка, р. 112
 Сулемка, р. 92
 Сура, р. 428
 Сургут, г. 295
 Суховяз (Суховязка), р. 145, 146
 Сызрань, г. 302, 483
 Сытва, р. 92, 391
 Сылвинские урочища в Уфимском у. 402
 Сынтула, р. 127
 Сыпу, р. 413
 Сысола, р. 294
 Сюрень, р. 336
 Табаль, р. 196
 Табынск, г. 231
 Тагил, р. 80, 272
 Таишевка, р. 285
 Таманка, р. 387
 Тамбовский у. 173
 Тамбовское наместн. 62, 448, 450, 452
 Тара, г. 319
 Тарка, р. 412
 Тарусский у. 120, 128
 Тверь, г. 313
 Темниковский у. 127, 445
 Теренгулка, р. 302
 Терменга, р. 296
 Терса, р. 177
 Тесовая, р. 391, 403
 Тивдия, р. 206
 Тирлян, р. 233—236
 Тис, р. 91
 Тобольск, г. 67, 372, 533
 Тобольская губ. 243
 Толычева, р. 378, 380
 Томск, г. 17, 18, 316, 487
 Томский у. 83
 Топоречка, р. 202
 Тор, р. 232, 234, 235
 Тотьма, г. 528, 532
 Троицкая вол. Шацкой пров. 192
 Трубчевский у. 182, 444
 Туба, р. 209, 318
 Тубозеро 209
 Тузима (Тузимка), р. 398
 Тула, г. 3, 46, 71, 72, 79, 96, 100, 124, 136, 160, 161, 185, 186, 275, 276, 300, 370, 384, 452, 467, 468, 490, 506
 Тула, р. 413
 Тулица, р. 72, 117
 Тулома, р. 204
 Тульская губ. 433, 510, 512
 Тульский у. 185, 376
 Тульское наместн. 109, 448, 450, 452

Тура, р. 103, 276
Турунск, г. 243, 249, 316, 317, 319
Турыш, р. 218
Турья, р. 244, 246, 298
Тюмень, г. 183, 242, 249, 316, 317
Тюша, дер. Кунгурского у. 287

Угодка, р. 163, 336
Угра, р. 100
Узян, р. см. Верхний Узян
Украина 450
Улус, р. 166, 244
Унжа, р. 121
Унженский у. 456
Урал 5—9, 15, 16, 18, 20, 24, 25, 27—
31, 33, 35, 37—39, 41, 44, 46—50, 56,
65, 67—69, 71—74, 77, 78, 85, 87—
89, 95, 96, 102—106, 109, 110, 113,
116, 121, 127, 130, 131, 138, 143, 144,
149, 156, 172, 186, 192, 194, 198, 200,
215, 217, 220, 228, 232, 242, 243, 247,
253, 258, 265, 271, 273, 274, 280, 287,
288, 297, 306, 310, 324, 325, 336, 340,
342, 368, 370—372, 377, 382, 387, 389,
409, 413, 415, 419, 428, 431, 434, 444,
459—461, 469, 477, 479, 496, 519, 523,
525, 527

Уржумский у. 136, 138, 140, 144, 284
Урман Елаир, р. 232
Усень, р. 224
Усолка, р. 231, 232
Устюг Великий, г. 293
Устюжский у. 293, 294
Утка, р. 80, 93
Уткино, с. Елецкого у. 156
Уфа, р. 114
Уфалей, р. 144, 146, 358
Уфимская губ. 66, 419, 448, 449, 510,
511
Уфимская пров. 66, 222, 289, 345, 348,
395, 413
Уфимский у. 154, 194, 274, 284, 289,
304, 336, 340, 416, 417
Уфимское наместн. 63, 64, 237
Уя, р. 83, 288

Финляндия 18, 372, 415
Фокино, с. Нижегородского у. 81
Фошанская вол. Брянского у. 129
Франция 166
Фридрихсгамский у. 368

Халтурино, дер. Владимирского у. 122
Хлынов, г. 447
Хлыновский у. 283
Холмогоры, г. 67
Холуница Большая, р. 415
Хотмыжск, г. 451, 455
Хохловка, р. 391, 392

Царевосанчурск, г. 183
Царевосанчурский у. 86
Царицын, г. 177, 178
Цывозерская вол. Устюжского у. 294

Чанса, р. 422
Частая, р. 345
Чебоксары, г. 428, 429
Челнинка, р. 285
Челябинская креп. 371
Чердынский у. 244, 287
Чердынь, г. 447
Черепеть, р. 199, 452
Чермасан, р. 224
Чермос, р. 399
Чернигов, г. 506
Черниговское наместн. 450
Черный Исток, р. 80
Читинский острог 444
Чугунка, р. 81
Чукайрская вол. Яренского у. 294
Чулыма, р. 318
Чусовая, р. 80, 92, 345, 389, 391, 399,
405

Шайтанка, р. 80—82, 104, 114
Шаква, р. 84, 85
Шаня, р. 128, 129, 136
Шаран, р. 154
Шацк, г. 447
Шацкая пров. 173, 192
Шацкий у. 446
Швеция 368
Шемаха, р. 115
Шемогоцкая вол. Устюжского у. 293
Шермейка, р. 413
Шилва, р. 277, 283
Шиншенера, р. 136, 144
Шульк, р. 423
Шурма (Шурманка), р. 141
Шурминские горы 284
Шуртун, р. 218

Юг, р. 219, 388, 389
Юрюзань, р. 234, 235

Яблоков, г. 455
Язагаш, р. 243, 317
Яик, р. 338
Яйвинские урочища Уфимского у. 402
Ялуторовск, г. 249, 319
Ялуторовский у. 316, 317
Янбаево, дер. Казанского у. 291
Яранск, г. 183
Яранский у. 282
Ярославль, г. 86, 165
Ярославская губ. 448, 453
Ярославская пров. 249
Ярославский у. 86
Ясма, р. 244

УКАЗАТЕЛЬ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИХ ЗАВОДОВ

- Авгарский доменный и молотовый 174
 Авзяно-Петровский Верхний доменный и молотовый 30, 110—113, 116, 265, 341, 342, 384
 Авзяно-Петровский Нижний молотовый 30, 110, 112, 113, 116, 265, 341, 342, 384, 492
 Азяш-Уфимский доменный и молотовый 114, 116, 478
 Алапаевский (Нижне-Алапаевский) доменный 250, 253, 255, 257, 346, 362, 382—384, 473
 Ангинский доменный и молотовый 315, 316, 321, 324, 325
 Аннинский медеплавильный 223, 353—355, 384, 473, 474
 Анцубский медеплавильный 284, 285
 Артинский молотовый 264, 271
 Архангело-Пашийский доменный и молотовый 403, 404
 Архангельский медеплавильный на р. Аксын в Уфимском у. 233, 238, 242
 Архангельский медеплавильный на р. Шаран в Уфимском у. 154—156
 Архангельский молотовый на р. Лужа в Боровском у. 129, 131—133, 148, 330, 331, 334, 335, 383, 467, 492
 Атигский молотовый 265
 Ашапский медеплавильный 84, 85, 87, 90, 91
 Баранчинский доменный и молотовый 342, 345, 383, 473
 Барнаульский медеплавильный 83, 85, 94
 Белевский доменный 183
 Белорецкий доменный и молотовый 236, 240, 242
 Бемышевский медеплавильный 30, 309, 491, 513
 Берсудский медеплавильный 303—305, 512
 Бизярский медеплавильный 84, 221, 223, 225—227, 354
 Билимбаевский доменный и молотовый 69, 388—390, 393, 394, 396, 397, 402, 407
 Бисерский доменный и молотовый 405
 Бисертский молотовый 89, 90, 94
 Благовещенский медеплавильный 233, 289, 290, 310, 430, 431, 493
 Богданов-Петровский доменный и молотовый 112, 200, 433, 452
 Богословский доменный, молотовый и медеплавильный на р. Турья 243, 246, 271, 298
 Богословский медеплавильный на р. Кучуй 304, 306, 512
 Богоявленский медеплавильный 232, 238, 240, 242
 Боренский (Романовский) доменный и молотовый 363, 364, 366, 383
 Брынский молотовый 96, 100, 106—109, 116
 Буйский молотовый (позднее и доменный) 139—141, 148, 152
 Бымовский медеплавильный 79, 84, 85, 87, 90, 91
 Быновский молотовый 73, 82, 85, 87, 89, 94, 251, 257, 258
 Бытошанский (Бытошевский) доменный и молотовый 130, 135, 136, 144, 145, 148, 189
 Варзино-Алексеевский медеплавильный 422, 424—426
 Васильевско-Шайтанский, см. Шайтанский
 Ведминский молотовый 136, 144, 327, 328, 383
 Велетминский молотовый 123, 124, 126, 127
 Вепрейский доменный 327, 328, 383
 Верх-Исетский доменный и молотовый 25, 251, 257, 346—350, 352, 382—385, 471—474
 Верх-Нейвинский доменный и молотовый 88, 251—253, 255, 258
 Верхне-Алапаевский молотовый 254, 255, 257
 Верхне-Железницкий молотовый 127
 Верхне-Кыштымский доменный и молотовый 105, 106, 113—115
 Верхне-Лайский молотовый 82, 85, 88, 93
 Верхне-Салдинский доменный и молотовый 49, 93, 94
 Верхне-Сергинский доменный и молотовый 104, 106, 116, 265

Верхне-Симский, см. Симский
Верхне-Синячихинский доменный и
молотовый 252, 253, 255, 257
Верхне-Тагильский доменный 74, 85—
87, 89, 94, 251, 255, 258
Верхне-Троицкий см. Троицкий
Верхне-Узянский доменный и молото-
вый 111, 113, 479
Верхне-Унженский доменный 127
Верхне-Чугунский молотовый 81, 85,
87, 89, 94
Верхний Липецкий, см. Липецкие з-ды
Верхний Подбережский 180—182, 214,
216
Верхний Сусанский, см. Сусанские
з-ды
Верхний Шайтанский молотовый 26,
65, 70, 90, 96, 114, 115, 307, 308, 511
Верхоторский медеплавильный 235,
242, 477
Верхотулецкий доменный и молотовый
96—99, 124, 127, 467, 468
Виндреевский доменный и молотовый
192—196
Висимо-Уткинский молотовый 93, 94
Висимо-Шайтанский молотовый 81,
85, 88, 93, 94
Висимский медеплавильный 349, 383,
394, 398, 472, 473
Вичковский (Вичко-Алексеевский) до-
менный и молотовый 209, 210, 213
Вогульский молотовый (Вогульская
плотина Верхне-Тагильского з-да)
254, 255, 258
Вознесенский медеплавильный 24, 45,
290, 304, 342, 417—419, 493
Вознесенский молотовый 127
Воскресенский медеплавильный на
р. Тор 232, 234, 238, 239, 242, 340,
477
Воскресенский медеплавильный на
р. Усолка 231, 232, 238, 303
Воткинский молотовый 19, 30, 344,
345, 384, 473
Вохтозерский молотовый 43, 202—204,
213
Выйский медеплавильный 74, 75, 77,
82, 85, 88, 93
Выксунский доменный и молотовый
123, 124, 126, 127
Выровский молотовый 99—101, 106—
108, 116, 466, 467
Вытегорский доменный 213
Гиревский см. Нижне-Шанский
Гороблагодатские доменные и молото-
вые 65, 220, 342—346, 469. См. так-
же Баранчинский, Верхне-Турин-

ский, Кушвинский, Серебрянский и
Туринский з-ды
Грязненский, см. Медынский
Гусевский доменный и молотовый
122—124, 126, 127, 514, 532
Давыдовский медеплавильный 48, 105,
274, 275, 281
Домрянский молотовый и медепла-
вильный (с 1773 г. только молото-
вый) 393, 394, 396, 397, 402, 407
Дубенский доменный и молотовый
149—152, 466
Дугненский доменный и молотовый
61, 95, 96, 100—102, 106, 109, 112,
113, 149, 466
Екатеринбургский доменный и моло-
товый 46, 65, 349, 471
Екатерино-Сюзвинский доменный 401,
402
Елабужский железодельный 153,
276
Елизавето-Нердвинский молотовый
401, 402
Елизавето-Пожвенский молотовый 406
Елкинский молотовый 327, 328, 383
Еремшинский доменный 126, 127, 367,
373—375, 384, 432
Есенковский молотовый 102, 106—109,
116
Железницкий доменный 126, 127
Залазнинский доменный и молотовый
140, 141, 148
Залипязский (Истинский-Залипяз-
ский) доменный и молотовый 167,
168, 175, 310, 430, 521
Златоустовский доменный и молото-
вый (с 1764 г. и медеплавильный)
136—140, 142, 148, 149, 259, 261—
264, 271, 474
Ибердецкий доменный и молотовый
196—198
Ижевский молотовый 19, 30, 344,
345, 384, 423, 473
Изверский молотовый (построен ок.
1741 г. Меллерами) 330—332, 334,
383
Изверский молотовый (построен в
1750 г. Р. И. Баташовым) 120, 121,
127, 331, 467
Илдианский доменный и молотовый
155
Илевский доменный и молотовый 126,
127, 432, 433
Инсарский доменный и молотовый 191,
192, 492, 511

- Ирбинский доменный и молотовый 318, 320—322, 512
- Ирбитский доменный и молотовый 254, 258
- Иргинский доменный, молотовый и медеплавильный (с 1769 г. только молотовый) 25, 65, 68, 217, 219—221, 223, 225, 227, 496
- Ирлянский медеплавильный 420—422
- Истецкие (Истинские) доменные и молотовые 163, 329, 330, 339, 383
- Истинские, см. Истецкие
- Истинский доменный и молотовый на р. Истья в Белевском у. 182—184
- Истинский молотовый на р. Истья в Пензенском у. 191, 192
- Истинский (Истинский-Бардаковский) доменный и молотовый 174—176, 512
- Истинский-Гулынский доменный и молотовый 164, 169—171, 175, 491
- Истинский-Залиптяжский, см. Залиптяжский
- Иштеряковский медеплавильный 239, 285—287
- Кагинский молотовый 110, 112, 113, 477
- Кажимский молотовый 282
- Камбарский молотовый 90, 91, 94
- Каменский доменный и молотовый 65, 74, 347, 348
- Кано-Никольский медеплавильный 131, 133, 135, 136, 141—144, 340, 476, 477
- Карачаровский молотовый 411
- Карачаровский см. Колпинский (Муромский, Карачаровский)
- Каслинский молотовый 104, 106, 113, 115, 370
- Катав-Ивановский доменный и молотовый (с 1767 г. и медеплавильный) 234—237, 240, 242
- Киворецкий доменный 202, 203, 213
- Киевский доменный 188, 466, 467
- Кирицкий доменный и молотовый 170—172, 491
- Кирсинский доменный и молотовый 226, 281, 282
- Климковский доменный и молотовый 63, 250, 254, 256, 257, 415
- Ключе-Воскресенский медеплавильный 319, 321, 322, 324, 325
- Колпинский (Муромский, Карачаровский) доменный (с 1732 г. и молотовый) 411—413
- Колывано-Воскресенский медеплавильный 83, 85, 94
- Кончезерский молотовый 201
- Корельский молотовый 81, 85, 87, 89, 94, 261, 262, 271
- Коринский (Ново-Коринский) медеплавильный 154, 156, 285, 313
- Крапивенский молотовый 183, 184
- Кузминский (Сокольский) молотовый 366
- Курашинский медеплавильный 221, 224—227
- Курганский медеплавильный 358—360, 384
- Кусинский доменный и молотовый 264, 271
- Кузье-Александровский доменный и молотовый 143, 391—393, 402—405
- Кухтурский доменный 110, 111, 116, 478
- Кушвинский доменный и молотовый 342, 383, 473
- Кызловский доменный и молотовый 25, 408, 410
- Кыновский доменный 69, 399—402
- Кыштымские см. Верхне-Кыштымский и Нижне-Кыштымский
- Липецкие (Верхний и Нижний) доменные 17, 363—366, 373—375, 383
- Лобовенский медеплавильный 47
- Лудянский молотовый 292, 293
- Лысенский доменный и молотовый 405
- Любохонский доменный и молотовый 189
- Люденовский молотовый 101, 106, 109, 112
- Лялинский медеплавильный 25, 377, 383
- Мазуевский 48
- Мегро-Михайловский доменный и молотовый 212, 213
- Медынский (Грязненский) доменный и молотовый 118—121, 127, 331, 332, 466, 467
- Мезгея-Маловлянский доменный и молотовый 200, 433
- Меншовский доменный и молотовый 164, 165, 330, 334, 383
- Мердушевский доменный и молотовый 127
- Мешинский медеплавильный 225, 291—293
- Митинский, см. Песоченский (Митинский)
- Миясский (Мясковский) медеплавильный 264, 271, 372
- Молебский доменный и молотовый 91, 94

Мотовилихинский медеплавильный 346, 347, 349, 350, 383, 403, 472, 473
Муромский см. Колпинский (Муромский, Карачаровский)
Мышерский доменный и молотовый 120, 128, 129, 132, 135, 136, 139, 141, 148, 466

Назе-Петровский доменный и молотовый 131, 133, 135, 144, 148, 149, 222, 271, 290, 310, 311, 416, 430, 431

Невьянский доменный и молотовый 5, 49, 65, 72, 73, 75, 85, 87, 89, 93, 94, 226, 249, 251, 253, 257, 258

Неплюжский доменный и молотовый 129, 135, 136, 141, 144, 147, 148

Нижне-Алапаевский, см. Алапаевский

Нижне-Дугненский доменный 113

Нижне-Кыштымский молотовый 113—115, 477

Нижне-Лайский молотовый и металлообрабатывающий 74, 82, 88, 93

Нижне-Салдинский молотовый 93, 94

Нижне-Сергинский доменный и молотовый 104, 106, 116, 265

Нижне-Симский, филиал Симского (см.) 241, 242

Нижне-Синячихинский, см. Синячихинский

Нижне-Тагильский доменный и молотовый (с 1733 г. и медеплавильный) 74, 76, 79, 80, 85, 86, 88, 92, 93, 226

Нижне-Троицкий медеплавильный (в сущности подсобные цехи Троицкого з-да) 224—226

Нижне-Чугунский молотовый 81, 85, 87, 89, 94, 261, 262, 271

Нижне-Шанский (Гиреевский) молотовый 129, 132, 133, 143, 334, 335, 383, 467

Нижний Верх-Нейвинский молотовый 258

Нижний Липецкий, см. Липецкие з-ды
Нижний Подберезжский молотовый 180—182, 214, 216, 466, 467

Нижний Сусанский, см. Сусанские з-ды

Нижний Торговый, см. Угодские з-ды

Нижний Угодский, см. Угодские з-ды

Нижний Шайтанский доменный и молотовый 26, 65, 70, 106, 113—115, 307, 308, 511

Николае-Павдинский доменный, молотовый и медеплавильный 245, 271, 298—301, 522

Ницынский (первый в России) чугунолитейный 22

Ново-Коринский, см. Коринский
Ново-Петровский молотовый 367, 373, 384

Новотроицко-Холунитский см. Холунитский

Нытвенский медеплавильный и молотовый (с 1768 г. и доменный) 392, 393, 402—404

Нювчинский доменный и молотовый 68, 245, 271, 295

Нючпасский доменный 282, 283

Омутнинский доменный и молотовый 226

Очерский молотовый 394, 396, 397, 402, 407

Павловский молотовый 412, 413

Песковский доменный и молотовый 282

Песоченский молотовый 189

Песоченский (Митинский) доменный и молотовый (с 1769 г. только доменный) 184—186

Песоченский (Серпейский) доменный и молотовый 187—189, 435, 466

Петровские доменные и молотовые 40, 201—203, 206, 209—211, 214, 215

Петропавловский доменный, молотовый и медеплавильный (с конца 1760-х гг. только медеплавильный) на р. Колонга 69, 243—245, 248, 271
Петропавловский медеплавильный на р. Ленва 47, 281

Подберезжские см. Верхний Подберезжский и Нижний Подберезжский

Пожвенский (Пожевский) доменный, молотовый и медеплавильный 246, 399, 400, 402, 405, 406

Пожевский, см. Пожвенский

Покровский медеплавильный 237, 240, 271, 337—339, 384, 478

Полазнинский молотовый 410

Полеский медеплавильный 65, 249, 268, 269, 473, 499

Преображенский медеплавильный 230, 232, 238, 241, 271, 312, 313, 324

Пудёмский доменный и молотовый 225, 226, 292, 293

Пыжманский медеплавильный 306

Пыскорский медеплавильный 349, 350, 383, 398, 472, 473

Радицкий доменный и молотовый 189
Ревдинский доменный 49, 76, 80, 81, 85—87, 90, 91, 103, 104

Режевский доменный и молотовый 252, 253, 257

Репицкий доменный и молотовый 157—161

Рождественский молотовый 85, 87, 90, 91

Романовский, см. Боренский

Рябкинский (Ряпкинский) доменный и молотовый 173, 174, 193

Саралинский медеплавильный 67, 153, 154, 276

Саранский молотовый 223, 225, 227

Саргинский молотовый 258

Саткинский, см. Троице-Саткинский
Северский (Северский Полевский) медеплавильный 249, 268, 472, 499

Сейтменский молотовый 191

Сементиновский молотовый 98, 99, 124, 127, 467, 468

Сенетско-Ивановский доменный 152, 153

Серебрянский молотовый 344, 473

Серенский молотовый 186, 187

Серпейский см. Песоченский (Серпейский)

Сивинский молотовый 174

Симский (Верхне-Симский) молотовый (впоследствии и доменный) 236, 240—242

Синячихинский (Нижне-Синячихинский) молотовый 250, 257, 346, 362, 382—384, 473

Сноведский доменный и молотовый 127

Сокольский, см. Кузминский

Соловский доменный и молотовый 427, 428, 434

Соломыковский молотовый 327, 328, 383

Спаский медеплавильный 420, 421

Средний Угодский, см. Угодские зды

Сукременский молотовый (с 1799 г. и доменный) 112, 113

Суксунский медеплавильный 68, 83—85, 87, 90, 91

Сусанские (Верхний и Нижний) молотовые 250, 258, 346, 362, 382—384, 473

Суховязский молотовый 145—148, 265

Сылвинский молотовый 251, 258, 347, 355, 356, 360—362, 383, 384, 472, 473

Сынтульский доменный 127

Сысертский медеплавильный 249, 268, 269, 347, 472, 499, 500

Таишевский медеплавильный 239, 285—287

Таманский медеплавильный 388—390, 398, 400—402

Терменский доменный и молотовый 295—297

Терсинский доменный и молотовый 178, 179, 216

Тивдийский стальной и молотовый 206—209, 213, 503

Тисовский молотовый 91, 94

Толычевский доменный и молотовый 378—381, 383, 493

Томский доменный и железодельный 323

Топорецкий молотовый (с 1770 г. и доменный) 202, 203, 213

Троице-Саткинский доменный, молотовый и медеплавильный 30, 259, 261—264, 271, 395, 396, 402, 435, 474

Троицкий медеплавильный в Иркутской губ. 320—322

Троицкий медеплавильный в Соликамском у. 48, 266—269, 271, 491, 499

Троицкий (с 1760 г. Верхне-Троицкий) медеплавильный в Уфимском у. 67, 222, 224—226

Троицко-Безинский доменный и молотовый 429, 434

Троицко-Петрокаменский доменный и молотовый 258

Туборецкий молотовый 209, 210, 213

Тулецкий, см. Верхотулецкий

Туломозерский доменный и молотовый 204, 205, 213, 215

Тульский доменный и молотовый (построен в 1717 г. И. Т. Баташовым) 117—120

Тульский на р. Тулица под Тулой 87, 90, 94, 466

Туринский доменный и молотовый 342, 344, 345, 383, 473

Угодские (Нижний и Средний) доменный и молотовые 132, 163, 164, 329, 330, 335, 336, 339, 383

Уинский медеплавильный 48, 250, 253, 254, 256, 258, 288, 289, 415

Уктусский доменный и молотовый (с 1718 г. медеплавильный) 8, 46

Улусский доменный 167, 168

Унженский доменный и молотовый 122, 123, 126, 127

Усень-Ивановский медеплавильный 224—226

Усть-Катавский молотовый 237

Уткинский доменный (построен в 1749 г. казной) 251, 258, 355, 360—362, 383, 384, 472, 473

Уткинский доменный и молотовый (построен в 1729 г. А. Н. Демидовым) 49, 80, 85—87, 89, 91, 104
Уфалеевский доменный и молотовый 136, 144—149, 265

Федьковский, см. Невьянский

Холунитский (Холунницкий) доменный и молотовый 250, 254, 256, 257, 415
Хохловский молотовый 393, 402, 408, 410

Ченцовский доменный 327, 328, 383
Черепецкий доменный и молотовый 198, 199

Чермозский медеплавильный (с 1767 г. доменный и молотовый) 26, 393, 399, 400, 402, 407—410

Черноисточенский молотовый 80, 85, 86, 88, 93, 104

Шайтанские, см. Верхний Шайтанский и Нижний Шайтанский

Шайтанский молотовый 80, 85, 87, 89, 104, 251, 258, 307

Шаквинский медеплавильный 85, 87, 94

Шанский доменный и молотовый 120, 129, 132, 133, 148, 331, 466, 467

Шермяитский медеплавильный 250, 253, 254, 256, 258, 413—417

Шилвинский медеплавильный 154—156, 276—279, 285, 313, 495

Шуралинский молотовый 6, 73, 74, 85, 87, 89, 94, 251, 258

Шурма-Никольский доменный и молотовый 141, 148, 152

Шурминский медеплавильный (с 1760-х гг. доменный и молотовый) 130, 131, 136, 138—141, 148, 284, 397
Шурминский молотовый 141, 152

Юговский медеплавильный (построен в 1733 г. Осокиными) 79, 84, 219, 221, 223, 225, 227

Юговские медеплавильные (построены в 1735 г. казной) 287, 352, 355, 383, 384, 473

Юго-Камский доменный и молотовый 388—390, 393, 402, 404, 405

Юрюзань-Ивановский медеплавильный 235, 237, 242

Ягошихинский медеплавильный 25, 279, 281, 287, 349, 383, 388, 389, 402, 403, 472, 473

Язагажский (Язагашский) доменный и молотовый (с 1760 г. и медеплавильный) 317—319, 322, 324, 325

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	3
Введение	4
1. Дореволюционная и советская историография о металлургии России XVIII столетия. Задачи исследования	4
2. Источники	54
<i>Глава I.</i> Мануфактуристы, вышедшие из тульских оружейников	71
<i>Глава II.</i> Купеческие мануфактуры Европейской России	163
<i>Глава III.</i> Крупные купеческие хозяйства Урала	217
<i>Глава IV.</i> Мелкие мануфактуры Урала и Сибири	274
<i>Глава V.</i> Казенные заводы в руках дворян	327
<i>Глава VI.</i> Заводы, основанные дворянами	387
<i>Глава VII.</i> Предпринимательство дворян в прочих отраслях промышленности	436
<i>Глава VIII.</i> Итоги развития металлургии в XVIII в. Формирование буржуазии	458
1. Темпы развития металлургической промышленности за столетие	458
2. Происхождение капиталов, вложенных в металлургию	480
3. Одворянивание буржуазии	495
4. Некоторые вопросы идеологии буржуазии	519
Заключение	535
Сокращения, принятые при указаниях на источники	538
Именной указатель	539
Географический указатель	553
Указатель металлургических заводов	560

Николай Иванович Павленко
История металлургии в России XVIII века
(Заводы и заводовладельцы)

*Утверждено к печати Институтом Истории
Академии наук СССР*

Редактор Издательства *И. У. Будовниц*
Художник *М. И. Эльцифен*
Технический редактор *О. М. Гуськова*

РИСО АН СССР 54-83В. Сдано в набор 27/III 1962 г.
Подписано к печати 20/VII-1962 г. Формат 60×90^{1/16}.
Печ. л. 35^{1/2}. Уч.-изд. л. 36,4 Тираж 2000 экз.
Т-09311 Изд. № 427. Тип. зак. 5125

Цена 2 руб. 33 коп.

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства АН СССР:
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
127	16 сн.	Еремшинский	Изверский
130	22 св.	иной	оной
134	14 сн.	его	его раздел
149	11 св.	два	три
161	11 св.	29	28
161	16 св.	50	49
232	21 сн.	«изыская	«изыскал
239	1 св.	с себестоимости	о себестоимости
250	4 сн.	Ю. Я. Клокман	Ю. Р. Клокман
274	5 сн.	с десятины	десятины
316	10 сн.	Уховским	Уковским
381	20 сн.	мастеров	мастеровых
434	9 св.	22	23
437	8 св.	не были	в нее были
448	Табл. 6, гр. 7	120.000	12.000
450	15 св.	19	17
462	14 сн.	169.629	164.334
463	10 сн.	94	93
464	табл. 11, гр. 4	25	26
		37	38
	» 11, гр. 5	29	28
		94	93
492	10 сн.	ссуду, а также	ссуду
517	8 св.	29	28
529	18 св.	в противность	в противоположность